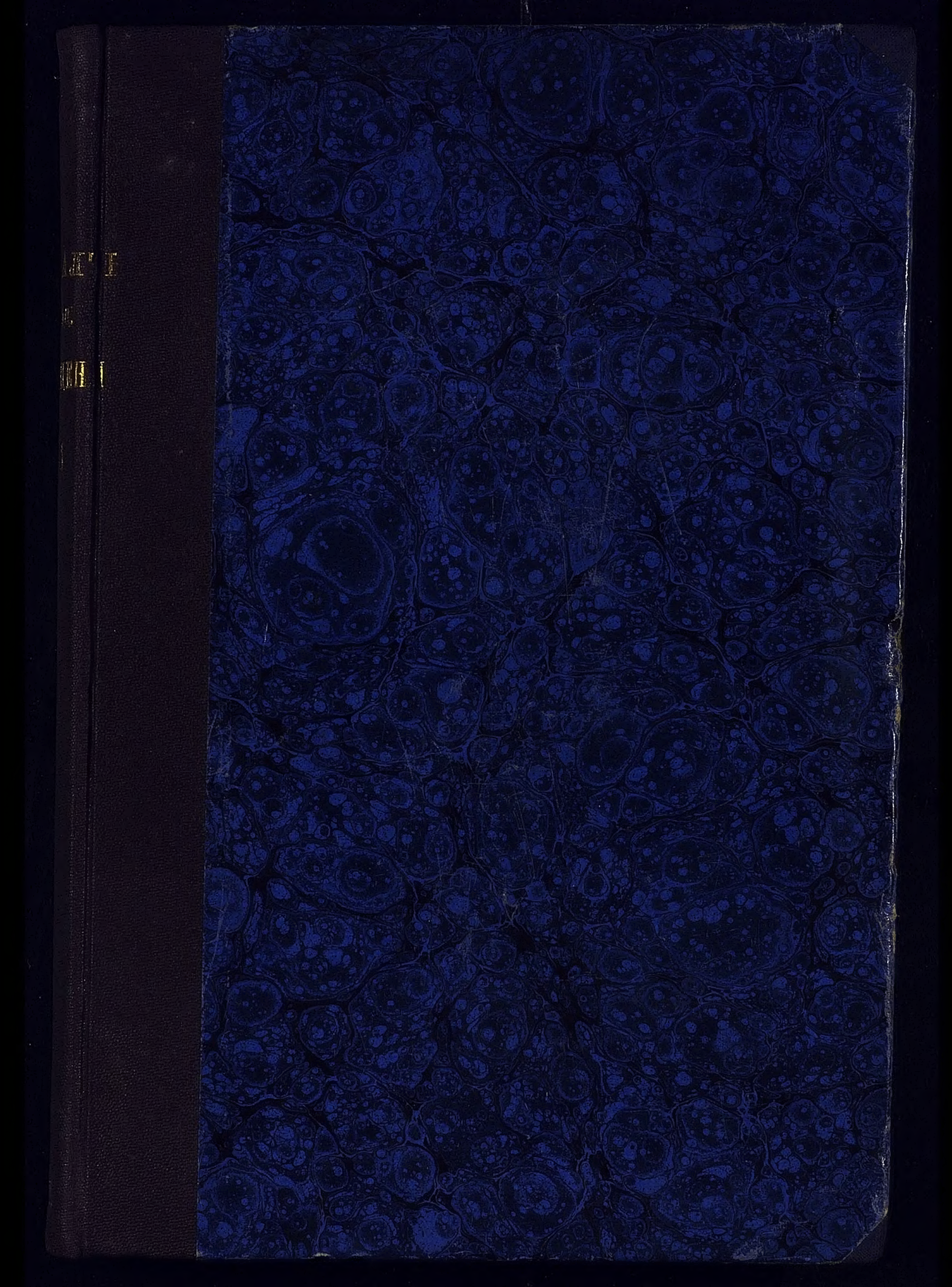
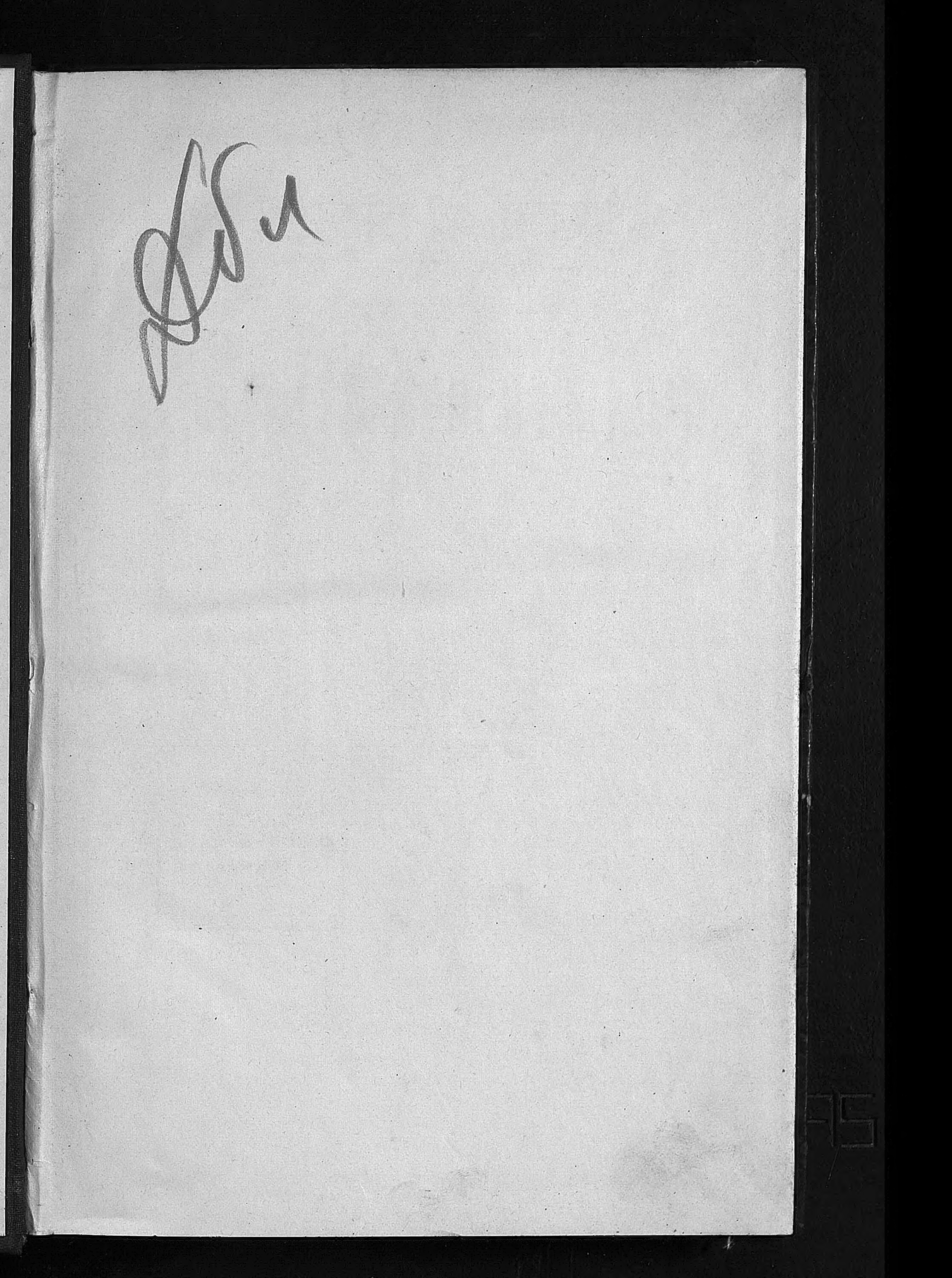
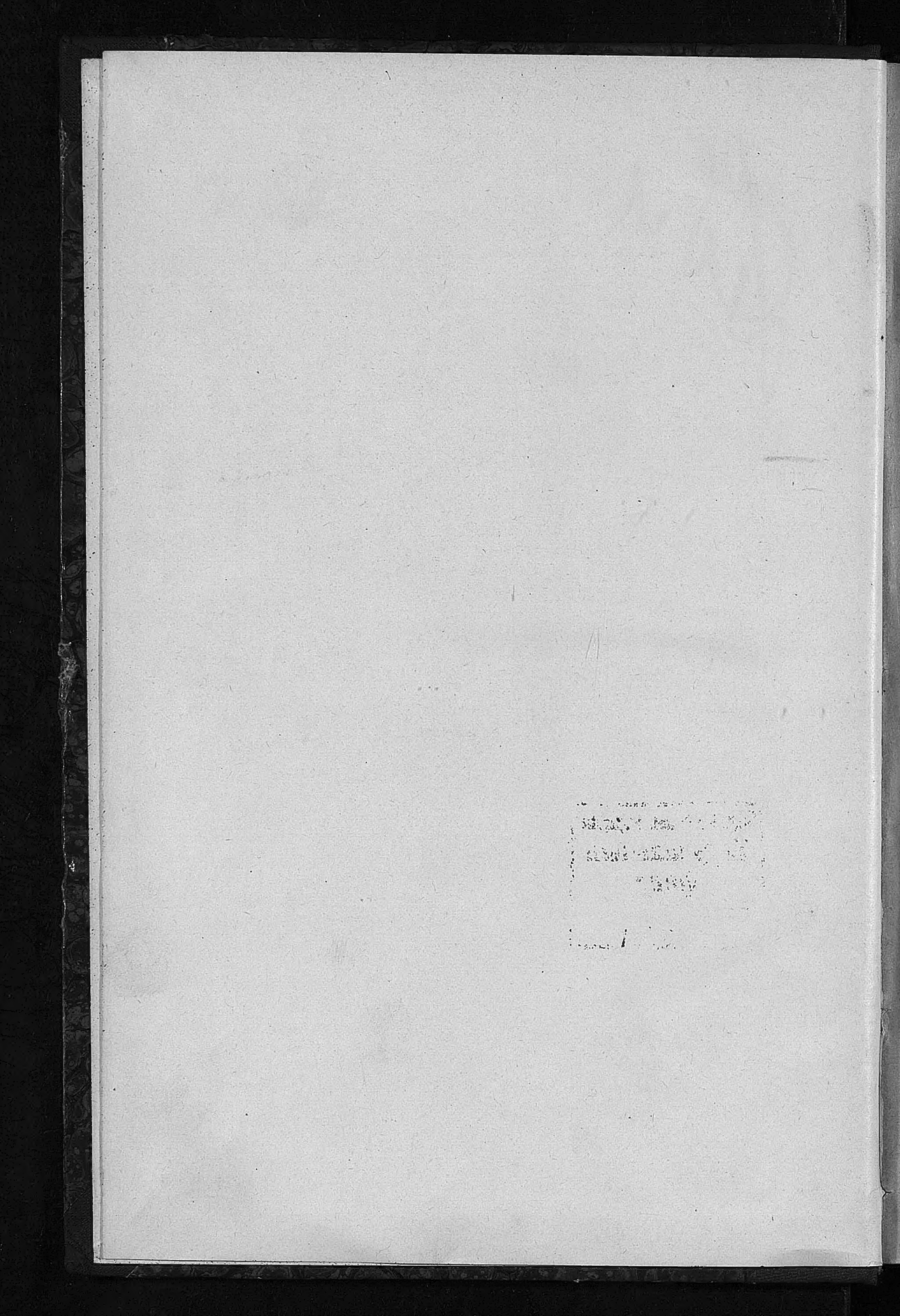

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXVI.

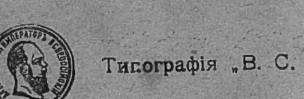
1901.

АВГУСТЪ.

8

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. БАЛАШЕВЪ и К°", Наб. Фонтанки, д. 95.

1901

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Наша учебная литература.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXVI.

1901.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(9-го іюля 1901 года, № 48). *Назначаются:* директоръ Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственно-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, кандитатъ сельскаго хозяйства *Рыковъ*—директоромъ Вятскаго средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища; хранитель кабинета уголовнаго права и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ уголовнаго права, коллежскій секретарь *Жижиленко*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ уголовнаго права.

Утверждается: исправляющій должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ ботаники *Залѣсскій*—въ исправляемой имъ должности.

Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: *изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники:* по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Костромской губерніи *Микифоровъ*—съ 20-го ноября 1900 г.; учители: Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, *Сессоровъ*—съ 5-го ноября 1900 г., гимназій: Владимірской, *Кравцовъ*—съ 1-го февраля 1901 г., Московской 4-й, *Грюнталь*—съ 17-го декабря 1900 г., Егорьевской прогимназіи, *Маликовъ*—съ 1-го октября 1900 г., Тульскаго реальнаго училища, *Боннэ*—съ 20-го января 1901 г., реальнаго училища при реформатской церкви, въ Москвѣ, *Рѣпинъ*—съ 4-го октября 1900 г.; старшій надзиратель Комисаровскаго техническаго училища *Огаревъ*—

съ 20-го октября 1900 г.; сверхштатный наставникъ Новинской учительской семинаріи *Масловъ*—съ 15-го декабря 1900 г.; *изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 2-го (сверхштатный), *Маттей*—съ 1-го ноября 1900 г., и Выборгскаго, *Васильевъ*—съ 9-го января 1901 г.; по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи *Бакиновскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, *Кельинъ*—съ 13-го октября 1900 г.; учители: Нижегородской гимназіи, *Мурашевъ*—съ 1-го декабря 1900 г., реальнаго училища при реформатской церкви, въ Москвѣ, (сверхштатный) *Алексѣевъ*—съ 22-го октября 1900 г., частной женской гимназіи Е. Е. Констанъ, въ Москвѣ, *Жарковъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; *изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподавали: гимназій: С.-Петербургской 2-й, *Завадскій-Краснопольскій*—съ 1-го іюля 1900 г., С.-Петербургской 10-й: *Вейертъ*—съ 21-го ноября 1899 г., *Пирожковъ*—съ 1-го сентября 1899 г. и *Мартенъ*—съ 13-го мая 1899 г., Олонецкой, *Кириковъ*—съ 1-го сентября 1899 г., С.-Петербургской частной Гедда, *Трофименко*—съ 22-го сентября 1899 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *фонъ-Кизерицкій*—съ 1-го сентября 1900 г., С.-Петербургской шестиклассной прогимназіи, (сверхштатный) *Стасенковъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; помощникъ библіотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета *фонъ-Антоніусъ*—съ 26-го февраля 1901 г.; учители-инспекторы трехклассныхъ городскихъ училищъ: Вольскаго, *Гордѣевъ*—съ 1-го іюля 1898 г. и Кадниковскаго, *Котоминъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; по Московскому учебному округу: исправляющій должность директора промышленныхъ училищъ имени Ѳ. В. Чижова, Костромской губерніи, *Поповъ*—съ 30-го сентября 1899 г.; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Оссовецкій*—съ 2-го января 1901 г.; учители: Рыбинской гимназіи, *де-Оево*—съ 3-го іюня 1900 г., Московскаго промышленнаго училища, *Казинцевъ*—съ 20-го августа 1900 г., завѣдывающій мастерскими Рыбинскаго механико-техническаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Комарова, *Бунинъ*—съ 1-го октября 1899 г.; учитель-инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ Товарищества Прохоровской мануфактуры, въ Москвѣ, *Терентьевъ*—съ 15-го марта 1899 г.; почетный смотритель Арбатскаго городскаго четырехкласснаго училища *Шере-*

метевскій—съ 15-го февраля 1901 г.; *изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель Кронштадтской гимназіи *Зеленецкій*—съ 19-го іюня 1895 г.; хранитель анатомо-гистологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Сентъ-Илеръ*—съ 1-го декабря 1900 г.; помощникъ бухгалтера (онъ же коммисаръ при механическихъ мастерскихъ) технологическаго института Императора Николая I *Петровъ*—со 2-го марта 1901 г.; учитель Выборгскаго четырехкласснаго городскаго училища въ С.-Петербургѣ *Сихвоненъ*—съ 1-го августа 1900 г.; по Московскому учебному округу: инспекторъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лицея *Половцовъ*—съ 17-го февраля 1898 г.; исправляющій должность доцента въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Хахановъ*—съ 3-го декабря 1900 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Смирновъ*—съ 10-го апрѣля 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Егорьевской прогимназіи *Альбицкій*—съ 10-го февраля 1899 г.; учители городскихъ училищъ: Волоколамскаго (завѣдующій) *Толмазовъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Московскаго 2-го, *Цыпленковъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Арбатскаго: *Стрицкій* и *Заборскій*, оба—съ 24-го августа 1899 г., Рогожскаго, *Богдановичъ*—съ 16-го декабря 1900 г., Бѣльскаго, *Александровъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Вышневолоцкаго (сверхштатный), *Бажановъ*—съ 1-го іюля 1898 г., приготовительнаго класса упраздненной Бѣлевской прогимназіи, (бывшій) *Бурдаковъ*—съ 23-го августа 1887 г.; *изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: почетный смотритель Порховскаго трехкласснаго городскаго училища *Кулаковъ*—съ 17-го декабря 1900 г.; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Погоржельскій*—съ 1-го января 1901 г. и хранители кабинетовъ сего университета: уголовнаго права, приватъ-доцентъ означеннаго университета, *Жижиленко*—съ 1-го января 1901 г. и геологическаго, *Ламанскій*—съ 27-го января 1901 г.; учитель Выборгскаго четырехкласснаго городскаго училища въ С.-Петербургѣ *Кашинъ*—съ 11-го октября 1898 г.; по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Поповъ*—съ 27-го ноября 1900 г.; почетный смотритель Медынскаго городскаго трехкласснаго училища *Гончаровъ*—съ 23-го января 1901 г.; учитель Вязниковскаго низшаго техническаго училища, имени Базанова, *Соколовъ*—съ 1-го октября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Владимірской, *Ширскій*—

съ 18-го февраля 1899 г. и Нижегородской, *Цареградскій*—съ 7-го марта 1898 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Орловской гимназіи *Глаголевъ*—со 2-го февраля 1900 г.; учители городскихъ училищъ: Костромскаго, *Толстовъ*—съ 7-го ноября 1898 г., Рыбинскаго (сверхштатный), *Докукинъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Писцовскаго (завѣдывающій), *Гребенщиковъ*—съ 21-го сентября 1899 г.; *изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари:* по С.-Петербургскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *Заблоцкій*—съ 1-го сентября 1899 г. по Московскому учебному округу: бухгалтеръ и казначей Демидовскаго юридическаго лицея *Меньшовъ*—съ 24-го января 1901 г.; Комисаровскаго техническаго училища: преподаватель *Кротковъ*—съ 9-го сентября 1895 г. и младшій надзиратель, *Макушинъ*—съ 1-го сентября 1890 г.; письмоводитель Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища *Ильинскій*—съ 7-го ноября 1900 г.; дѣлопроизводитель при дирекціи народныхъ училищъ Калужской губерніи *Рождественскій*—съ 1-го января 1901 г.; *изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари:* по С.-Петербургскому учебному округу: бывшій канцелярскій чиновникъ департамента земледѣлія, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища Богинскаго, *Тропинъ*—съ 20-го ноября 1900 г.; учитель Вологодскаго приходскаго, имени Колесникова, училища *Якубовъ*—съ 22-го сентября 1900 г.; по Московскому учебному округу: помощникъ учителя Чухломскаго городскаго училища *Корольковъ*—съ 27-го мая 1899 г.; второй учитель Галичскаго приходскаго училища *Новгородскій*—съ 1-го января 1901 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Бѣльскаго, *Ивановъ*—съ 5-го октября 1897 г., Порѣчскаго, *Бугаевъ*—съ 13-го октября 1898 г. и учитель Рославльскаго городскаго училища *Лосевъ*—съ 1-го марта 1897 г.; *въ коллежскіе регистраторы:* по Московскому учебному округу: учители приходскихъ училищъ: Пучежскаго двухкласснаго (завѣдывающій) *Магнитскій*—съ 1-го января 1898 г., Избылецкаго, *Новиковъ*—съ 20-го сентября 1900 г.; исправляющій должность дѣлопроизводителя дирекціи народныхъ училищъ, Тверской губерніи *Синевъ*—съ 10-го октября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ *коллежскаго совѣтника*; по С.-Петербургскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, *Прозоровъ*—съ 30-го октября 1900 г.; *надворнаго совѣтника*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель технологическаго ин-

ститута Императора Николая I *Евангуловъ*—съ 22-го января 1901 г.; по Московскому учебному округу: преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Лахтинъ*—съ 4-го января 1901 г., *Болотовъ*—съ 1 октября 1900 г., *Угримовъ*—съ 11-го декабря 1900 г., *Новицкій*—съ 12-го января 1901 г. и *Шварцманъ*—съ 1-го января 1901 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ларондъ* — съ 23-го марта 1900 г.; преподавалели гимназій: С.-Петербургской 10-й, *Эшшольцъ*—съ 1-го іюля 1894 г. и частной женской Стеблинъ-Каменской, въ С.-Петербургѣ, *Березовскій*—съ 3-го марта 1897 г., женскаго училища Ея Императорскаго Высочества принцессы Ольденбургской, *Масленниковъ* — съ 1-го августа 1896 г.; по Московскому учебному округу: лаборантъ по каѳедрѣ технологіи волокнистыхъ веществъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Карповъ* — съ 1-го января 1901 г.; Учители: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, *Бурмистровъ*—съ 1-го января 1897 г., гимназій: Елецкой, *Назаревскій* — съ 19-го ноября 1896 г., Коломенской, *Оппоковъ* — съ 3-го декабря 1896 г., Московской 7-й, въ память Императора Александра III, *Покровскій* (Николай) — съ 1-го октября 1896 г., прогимназій: Карачевской, *Грузиновъ* — съ 23-го октября 1896 г., Московской, *Покровскій* (Алексѣй) — съ 6-го ноября 1896 г., и реальныхъ училищъ: Зарайскаго, *Фингеръ* — съ 21-го Декабря 1896 г., частнаго К. К. Мазинга, въ Москвѣ, *Чистяковъ* — съ 3-го декабря 1896 г.; руководитель практическихъ работъ въ механическихъ мастерскихъ Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Флоровъ* — съ 16-го августа 1896 г.; надзиратели: Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственно-техническаго училища имени Ѳ. В. Чихова *Клюге*—съ 1-го сентября 1894 г. и Костромскаго низшаго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Толмачевъ* — съ 17-го сентября 1896 г.; управлявшій Ирбитской низшей сельско-хозяйственной школой 1-го разряда, нынѣ инспекторъ Чухломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Кирсановъ*—12-го сентября 1896 г.; учители: женскихъ гимназій: Орловской Николаевской, *Еловскій* — съ 9-го августа 1896 г. и Ярославской Маріинской, *Первухинъ*—съ 23-го октября 1896 г., Усачевско-Чернявскаго женскаго училища, *Лазурскій* — съ 12-го октября 1896 г., частной женской гимназіи С. С. Купчинской, въ Москвѣ, *Ушаковъ*—съ 6-го ноября 1896 г.; *титулярнаго совѣтника* по С.-Петербург-

скому учебному округу: сверхштатный лаборантъ химической лабораторіи технологическаго института Императора Николая I *Шапошниковъ*—съ 1-го января 1901 г.; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: учители городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Никольскаго четырехклассслаго, *Казимирчикъ* — съ 20-го февраля 1895 г. и Устьсысольскаго трехклассслаго, *Макарьинъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Московскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Рязанской гимназіи *Павловъ*—съ 2-го декабря 1896 г.; учители: городскихъ училищъ: Малоярославецкаго трехклассснаго, *Халкинъ*—съ 31-го августа 1896 г., Тарусскаго трехклассснаго, *Лавровъ*—съ 9-го сентября 1896 г., Калужскаго трехклассснаго, *Бѣловъ* — съ 1-го іюля 1895 г., Рогожскаго, *Купчеровъ* — съ 1-го августа 1895 г., Богородскаго, *Богдановъ* — съ 15-го августа 1896 г., Александровскаго евангелическаго, въ Москвѣ, *Щегловъ* — съ 12-го сентября 1896 г., Московскаго 1-го, *Корневъ*—съ 1-го марта 1896 г., Балахнинскаго трехклассснаго, *Селезневъ* — съ 29-го октября 1896 г., Арзамасскаго четырехклассснаго, *Полѣновъ* — съ 1-го іюля 1895 г., Старицкаго, *Голубевъ*—съ15-го августа 1896 г. и Ярославскаго четырехклассснаго, *Хрѣновъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашній учитель *Ивановъ*—съ 24-го февраля 1901 г.; по Московскому учебному округу: домашній учитель *Герасимовъ* — съ 8-го апрѣля 1898 г.; учитель искусствъ Московскаго Солодовниковскаго городскаго училища *Захаровъ* — съ 15-го августа 1896 г.; учитель рисованія, черченія и чистописанія Басманнаго городскаго училища *Ачуевъ* — съ 30-го ноября 1896 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Троице-Сергіевскаго, *Богоявленскій* — съ 1-го сентября 1896 г., Весьегонскаго, *Горшечниковъ* — съ 8-го августа 1895 г. и Калязинскаго, *Гусевъ* — съ 1-го октября 1896 г.

Переименовывается въ коллежскіе ассессоры смотритель зданій и экономъ Комисаровскаго техническаго училища, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ *Ванифантьевъ*.

(14-го іюня 1901 года, № 49). *Назначаются*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета и хранитель отдѣленія изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, докторъ римской словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цвѣтаевъ*—директоромъ означенныхъ музеевъ, съ оставленіемъ его въ упомянутой должности профессора; директоръ народныхъ училищъ Нижегородской

губерніи, механикъ-строитель, статскій совѣтникъ *Брызгаловъ* — директоромъ Брянскаго средняго семиклассного техническаго училища; титулярный совѣтникъ *Романовъ* и отставной поручикъ арміи графъ *Тышкевичъ*—вновь, почетными попечителями, на три года: первый—С.-Петербургской седьмой гимназіи, а второй — Полангенской прогимназіи.

Увольняется отъ службы директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никольскій*, съ 20-го мая, за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

(20-го іюня 1901 года, № 50). *Назначается* попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, докторъ чистой математики, тайный совѣтникъ *Сонинъ* — членомъ совѣта министра и предсѣдателемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его ординарнымъ академикомъ.

(21-го іюня 1901 года, № 51). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ политической экономіи, коллежскій ассесоръ *Залѣскій*—ординарнымъ профессоромъ означеннаго университета, по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права; приватъ-доцентъ и штатный ассистентъ при офталмологической клиникѣ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Незнамовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрѣ офталмологіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Егоровъ*, съ 1-го іюня.

(2-го іюля 1901 года, № 54). *Опредѣляется* на службу окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-ой степени *Климентовъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, по каѳедрѣ финансоваго права, съ 1-го іюля.

Назначаются: экстраординарные профессоры: историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, магистръ римской словесности, коллежскій совѣтникъ *Брокъ* и Императорскаго Харьковскаго университета, магистръ фармаціи, статскій совѣтникъ *Чириковъ*: первый—ординарнымъ профессоромъ того же института, по римской словесности, а второй—исправляющимъ должность ординарнаго про-

фессора означеннаго университета, по каѳедрѣ фармаціи и фармакогнозіи; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея, магистръ римскаго права, надворный совѣтникъ *Юшкевичъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, кандидатъ юридическихъ наукъ, коллежскій секретарь *Мокринскій*—исправляющими должность профессоровъ Императорскаго Томскаго университета первый—ординарнаго, по каѳедрѣ торговаго права, а второй—экстраординарнаго, по каѳедрѣ уголовнаго судопроизводства, оба съ 1-го іюля, и приватъ-доцентъ того же университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Тимашевъ*—экстраординарнымъ профессоромъ означеннаго университета, по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней; директоры прогимназій: Харьковской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Максимовичъ*, Стародубской, статскій совѣтникъ *Мезерницкій*, Серпуховской Александровской, статскій совѣтникъ *Буслаевъ*—директорами гимназій: Максимовичъ—четвертой Харьковской, Мезерницкій-Стародубской и Буслаевъ—Серпуховской Александровской, инспекторъ Семипалатинской мужской четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Ремезовъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Московской седьмой гимназіи, въ память Императора Александра III, статскій совѣтникъ *Радецкій*—директорами: первый—Семипалатинской мужской шестиклассной прогимназіи, а второй—Тульской гимназіи, всѣ пять съ 1-го іюля; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Дьяковъ* — дѣлопроизводителемъ VI класса того же департамента.

Переводится на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія преподаватель Александровскаго военнаго училища, докторъ химіи, надворный совѣтникъ *Кижнеръ*—ординарнымъ профессоромъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по химіи, съ 1-го іюля.

Утверждается директоръ Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Львовъ*—директоромъ Казанскаго реальнаго училища, согласно избранію.

Увольняется отъ службы исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ *Саковъ*, согласно прошенію, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: *изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники*: ординарные профессоры Император-

скихъ университетовъ: Московскаго, докторъ всеобщей исторіи *Випперъ*—съ 22-го сентября 1898 г. и Варшавскаго, докторъ медицины *Колосовъ*—съ 13-го мая 1900 г.; директоръ Преславской учительской семинаріи *Ждановъ*—съ 12-го ноября 1899 г., экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго: магистръ политической экономіи *Миклашевскій*—съ 17-го апрѣля 1900 г. и магистръ всеобщей исторіи *Ясинскій*—съ 1-го октября 1900 г. и Новороссійскаго. (исправляющій должность) *Щепкинъ*—съ 6-го января 1898 г.; адъюнктъ-профессоры Рижскаго политехническаго института: *Доссъ* и магистръ прикладной математики *Боль*, оба съ 1 іюля 1900 г.; инспекторы народныхъ училищъ, губерній: Кіевской, *Шпаковъ*—съ 3-го октября 1899 г. и Волынской, *Василенко*—съ 4-го января 1900 г.; причисленный къ министерству, академикъ-архитектуры *Красовскій*—съ 14-го ноября 1900 г. *изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники*: директоръ Плоцкой мужской гимназіи *Игнатенко*—съ 14-го іюня 1899 г.; директоръ Сосновицкаго реальнаго училища *Пфейферъ*—съ 29-го октября 1900 г.; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ *Іозефовичъ*—съ 24-го октября 1900 г.; причисленные къ министерству: *Малиновскій*—съ 16-го ноября 1900 г. и (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) магистръ всеобщей исторіи *Пироговъ*—съ 18-го января 1883 г.; *изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники*: дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: *Сѣрковъ*—съ 11-го апрѣля 1901 г. и *Смирновъ*—съ 24-го апрѣля 1901 г. и бухгалтеръ того же департамента *Янковскій*—съ 24-го марта 1901 г.; директоръ Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища *Сиволобовъ*—съ 28-го мая 1899 г.; дѣлопроизводитель VI класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, для завѣдыванія промышленными училищами *Миксинъ*—съ 5-го февраля 1901 г., экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, магистръ финансоваго права *Горбъ-Ромашкевичъ*—съ 21-го февраля 1893 г. и Новороссійскаго, (исправляющій должность) магистръ философіи *Казанскій*—съ 16-го мая 1892 г.; преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Малеинъ*—съ 1-го октября 1900 г.; причисленный къ министерству, докторъ медицины *Дмитріевскій*—съ 30-го марта 1899 г.; *изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры* ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Мухинъ*—съ 15-го апрѣля 1891 г. *изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники* дѣлопроизводитель VII класса

особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, для завѣдыванія промышленными училищами *Удовиченко*—съ 1-го мая 1901 г.; *изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари* помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Сысоевъ*—съ 14-го мая 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, докторъ химіи, коллежскій совѣтникъ *Танатаръ*—съ 13-го декабря 1899 г.; Харьковскаго, докторъ чистой математики *Граве*—съ 1-го іюля 1899 г. и Московскаго, докторъ гражданскаго права *Кассо*—съ 25-го ноября 1899 г.; *колежскаго совѣтника:* экстраординарные профессоры: Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, докторъ химіи, титулярный совѣтникъ *Петренко-Критченко*—съ 12-го іюля 1900 г., Московскаго: докторъ римской словесности *Покровскій*—съ 13 августа 1899 г. и (сверхштатный) докторъ химіи *Лугининъ*—съ 11-го іюня 1899 г. и Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, магистръ римской словесности, надворный совѣтникъ *Гельвихъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; адъюнктъ-профессоры: Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ, надворный совѣтникъ *Астровъ*—съ 3-го сентября 1900 г. и Рижскаго политехническаго института, инженеръ-технологъ, надворный совѣтникъ *Берловъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; *коллежскаго секретаря* дѣлопроизводитель VIII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, для завѣдыванія промышленными училищами *Быковъ*—съ 1-го марта 1901 г., по званію инженеръ-технолога.

II. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(26-го іюня 1901 года. № 7). Отправляясь, съ Высочайшаго соизволенія, на нѣкоторое время изъ С.-Петербурга и передавъ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, на время моего отсутствія, товарищу министра, сенатору, тайному совѣтнику Мѣщанинову, объявляю о семъ по вѣдомству.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (31-го мая 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Императора Николая I-го при Курмышскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1901 года при Курмышскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждается стипендія Имени Императора Николая I, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти* рублей, собраннаго съ этою цѣлью членами педагогическаго совѣта училища въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почившаго Императора и въ память открытія училища въ 1-ый годъ Его царствованія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, провославнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Курмышскаго городского училища.

§ 6. Педагогическій совѣтъ Курмышскаго городского училища можетъ лишить ученика стипендіи въ случаѣ неудовлетворительнаго его поведенія или малоуспѣшности.

§ 7. Остатки отъ процентовъ (§ 3) употребляются на покупку для стипендіата книгъ, учебныхъ пособій и т. п. или присоединяются къ основному капиталу стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Курмышскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего заведенія, для выдачи стипендіи согласно симъ правиламъ.

§ 10. Въ случаѣ закрытія названнаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію г. министра народнаго просвѣщенія.

9. (5-го іюня 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени купца Іосифа Аполлоновича Виллера при Изюмскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, на проценты съ капитала въ *три тысячи* рублей, пожертвованнаго наслѣдниками купца Іосифа Аполлоновича Виллера, учреждается стипендія его имени при Изюмскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ билетахъ гисударственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Изюмскаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ вышеуказаннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года выдается по опредѣленію педагогическаго совѣта Изюмскаго городского училища, стипендія, въ размѣрѣ ста руб. въ годъ окончившему курсъ въ названномъ училищѣ ученику и поступившему въ учебное заведеніе, не выше средняго (штейгерское, земледѣльческое, кондукторское, гимназія и другія). Преимущество имѣетъ уроженецъ города Изюма. Въ случаѣ уменьшенія впослѣдствіи размѣра процентовъ, приносимыхъ государственной рентою, размѣръ стипендіи соотвѣтственно уменьшается.

§ 4. Въ случаѣ отсутствія лица, имѣющаго права на стипендію, остающаяся такимъ образомъ свободная сумма присоединяется къ основному капиталу стипендіи.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала могутъ быть, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта Изюмскаго городского училища, употреблены на выдачу единовременнаго пособія тому же стипендіату или другому лицу, удовлетворяющему условіямъ полученія стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Изюмскаго городского училища въ другое учебное заведеніе, стипендія передается послѣднему на тѣхъ

же основаніяхъ; въ случаѣ же совершеннаго упраздненія училища стипендія переходитъ въ одно изъ низшихъ училищъ города Изюма для выдачи лицу, стремящемуся къ продолженію своего образованія.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (5-го іюня 1901 года) *Положеніе о стипендіи имени генералъ-маіора Владислава Францевича Прессеръ при Кролевецкой женской прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 г. при Кролевецкой женской прогимназіи учреждается стипендія имени генералъ-маіора Владислава Францевича Прессеръ на проценты съ капитала въ *пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго для этой цѣли дочерью его Маріею Владиславовною Прессеръ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Кролевецкомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Кролевецкой женской прогимназіи, составляя неотъемлемую ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіаткѣ по полугодно.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи.

§ 5. Стипендіатка избирается изъ числа учениць означенной прогимназіи, отличающихся хорошими успѣхами въ наукахъ и отличнымъ поведеніемъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій.

6. Если стипендіатка будетъ оставлена на второй годъ въ томъ же классѣ, то, въ особо уважительныхъ случаяхъ, стипендія, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть за нею сохранена.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для его увеличенія.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Nuovi scavi di Pompei. Casa dei Vettii. Appendice ai Dipinti murali. Proprietá Artistica — Letteraria Com-re Pasquale d'Amelio, Napoli, Premiato da X Governi di Europa. Цѣна 125 франковъ" — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Les classiques russes. Texte russe, traduction française et notes par le Dr. Jules *Alquier*. I. Poltava, poème en trois chants. Par *Pouchkine*. Suivi d'un dictionnaire des mots rangés par racines. Paris. Librairie Ch. Delagrave. 1897. Стр. 134. Цѣна не обозначена"—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*К. М. Станюковичъ*. Вокругъ свѣта на „Коршунѣ". Сцены изъ морской жизни. Въ двухъ частяхъ. Съ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. М. 1901. Стр. V+556. Цѣна 2 р."—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возрастовъ, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а равно для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Изданіе: „Международный птицеводный журналъ. Органъ Императорскаго Русскаго Общества Птицеводства. Выходитъ подъ редакціей *А. И. Осипова*. (Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ сброшюрованными тетрадями. Подписная цѣна: для школъ и сельскаго духовенства 2 р., для всѣхъ остальныхъ 3 р. въ годъ)" — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ и допустить въ ученическія библіотеки тѣхъ же заведеній.

— Книги: „За Царевича. Историческая трилогія *В. П. Авенаріуса*. I. Три вѣнца. Историческая повѣсть изъ временъ перваго самозванца. (Переработана для юношества изъ романа того же названія). Съ 12 отдѣльными рисунками. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1901. Стр. 366. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.—II. Сынъ атамана. По-

вѣсть для юношества изъ быта запорожцевъ. Съ 8 отдѣльными рисунками. С.-Пб. 1901. Стр. 198. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к."—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Первая часть—Цѣлыя числа. Составилъ *В. А. Евтушевскій.* 71-е изданіе. Въ этой книгѣ помѣщено 1380 задачъ и 1021 численныхъ примѣровъ. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Стр. 99 + 44 + 39. Цѣна съ отвѣтами 35 к." —одобрить, какъ учебное пособіе, для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу: „Таблицы пятизначныхъ логариѳмовъ. Составилъ *Я. Блюмбергъ,* преподаватель Митавской гимназіи. Митава. 1901. Стр. XX+134. Цѣна 65 к."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Ф. Диллей.* Самоучитель фотографіи. Теорія и практика фотографическаго искусства. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями *В. Буринскаго.* Съ 35 рисунками. С.-Пб. 1894. („Полезная библіотека". Изданіе П. П. Сойкина). Стр. 242 + 11. Цѣна 50 к." — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы книга при слѣдующемъ изданіи была исправлена согласно съ замѣчаніями ученаго комитета.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Т. Павлючукъ.* Вильна. 1901. Стр. 134 + 1. Цѣна 25 к." —допустить, какъ учебное пособіе при прохожденіи ариѳметики, въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ изложеніемъ всѣхъ главныхъ опредѣленій и правилъ и съ объясненіемъ образцовыхъ способовъ рѣшенія задачъ. Часть первая. Цѣлыя, отвлеченныя и именованныя числа. Составили *Н. А. Шапошниковъ* и *Н. К. Вальцовъ.* Шестое изданіе, перепечатанное безъ измѣненій съ перваго. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою „Наслѣд-

ники братьевъ Салаевыхъ". М. 1901. Стр. 111+150. Цѣна 50 к.— Часть вторая. Теорія дробей и общія правила. Пятое изданіе, перепечатанное безъ измѣненій съ перваго. М. 1900. Стр. IV + 204. Цѣна 60 к." — одобрить, какъ весьма полезное учебное пособіе при преподаваніи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) „Дополнительныя статьи алгебры (курсъ 7-го класса реальныхъ училищъ). Составилъ *А. Киселевъ*. Четвертое изданіе. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ". М. 1901. Стр. IV+104. Цѣна 50 к."— 2) „*А. Киселевъ*. Краткая алгебра для женскихъ гимназій и духовныхъ семинарій. Со многими примѣрами и упражненіями. Четвертое изданіе. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ". М. 1901. Стр. VII+182. Цѣна 80 к." — одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ, первую для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, а вторую для женскихъ гимназій.

— Книгу: „Богатыри. Романъ въ трехъ частяхъ изъ Суворовскаго времени. 1799 — 1800. *Н. Чаева*. М. 1900. Стр. 475. Цѣна 1 р. 50 к." — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. *Сюэль*. Черный красавецъ. Автобіографія лошади. Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго *С. Гулишамбаровой*. Съ 13 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1901. Стр. 224. Цѣна 1 р." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Осы. Комедія *Аристофана*. Стихотворный переводъ *Н. И. Корнилова*. Съ примѣчаніями. Подъ ред. и съ предисловіемъ *Ѳ. Г. Мищенка*. Казань. 1900. Стр. X+95. Цѣна не обозначена" — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Элементарная русская орѳографія. Сборникъ грамматическихъ правилъ съ примѣрами и указатель наиболѣе затруднительныхъ для орѳографіи словъ. Составилъ (по Гроту) учитель Одесскаго Императора Николая I Института *А. Мальцевъ*. Одесса. 1900. Стр. V + 54. Цѣна 30 к." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Андрей Осиповъ*. Бобыль. Историческая повѣсть. (XVI вѣкъ). Иллюстраціи А. Эйснера. С.-Пб. Изданіе Е. В. Лавро-

вой и Н. А. Попова. 1901. Стр. 234. Цѣна 75 к." — одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Труды *Я. К. Грота*. III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848 — 1893). Біографіи, характеристики и критико-библіографическія замѣтки. Изданы подъ редакц. проф. *К. Я. Грота*. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+510+329+1. Цѣна 3 р." — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Г. К. Дорофеевъ*. О литературныхъ бесѣдахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отд. отт. изъ отчета о состояніи Тифлисской 1-ой гимназіи за 1897, 1898 и 1899 гг. Тифлисъ. 1901. Стр. II+53. Цѣна 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Методика начальнаго обученія отечественному языку, для учительскихъ семинарій и институтовъ, педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. *К. Ельницкаго*. 13-е изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1899. Стр. 202+VI. Цѣна 75 коп."—допустить въ качествѣ руководства для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается методика начальнаго обученія русскому языку.

— Книгу: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Составилъ учитель *И. К. Ганъ*. Изданіе 7-е, безъ перемѣнъ. Вильна. 1901. Стр. 82. Цѣна 30 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Cours pratique de langue française par *Ph. Trilling*, maître de langue française à l'Institut des Langues Orientales et à l'Ecole de la paroisse réformée. 1-re année: „L'enfant à l'école et à la maison". Практическій учебникъ французскаго языка *Ф. Триллинга*, преподавателя французскаго языка въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ и въ реальномъ училищѣ при Реформатской церкви. 1-й годъ: „Въ школѣ и дома". М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмой „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". 1901. Стр. XVI+92. Цѣна 45 коп."—допустить къ употребленію въ приготовительномъ классѣ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ таковой классъ имѣется, а также и въ первомъ классѣ женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Птицы Европы. Практическая орнитологія съ атласомъ

европейскихъ птицъ. Составили: профессоръ *Н. А. Холодковскій*, преподаватель зоологіи, и ассистентъ *А. А. Силантьевъ*, преподаватель охотовѣдѣнія въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ Институтѣ. Съ 60 таблицами въ краскахъ изображеній птицъ, ихъ яицъ, способовъ препаровки птичьихъ шкурокъ и набивки чучелъ, съ 237 политипажами въ текстѣ, 4-мя картами и опредѣлителемъ птицъ. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1901. Стр. XIV+CLVII+59+636+60 табл. Цѣна 18 р., въ переплетѣ 21 р."—одобрить для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Изданіе: „Русская музыкальная газета. Еженедѣльное изданіе (съ иллюстраціями). Редакторъ-издатель *Ник. Финдейзенъ*. Подписная цѣна 3 р. въ годъ, съ пересылкой 3 р. 50 к."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Biblische Geschichte, Bilder aus der Kirchengeschichte und Bibelkunde (nebst Geographie von Palästina), bearbeitet von *C. Otto Schäfer*, Rektor und vormals evangel. Prediger zu Frankfurt am Main. Sechszehnte verbesserte Auflage. Ausgabe B. (Mit Anhängen). Nebst einer Karte von Palästina. Frankfurt am Main. Moritz Diesterweg. 1899. Стр. VIII+254. Цѣна не означена"—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи Закона Божія ев.-лютеранскаго исповѣданія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Deutsche Grammatik mit vielen Uebungsaufgaben und einem Anhang: Die neue deutsche Orthographie. Vom praktischen Gesichtspunkte aus zusammengestellt von *E. Gahlnbäck*, Lehrer am Katharinen-und Marien - Gymnasium in St.-Petersburg. 2 Auflage. St. Pbg. Depot in der Buchhandlung von K. Ricker. 1901. IV+108 S. Preis 65 Kop."—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ были устранены всѣ указанные ученымъ комитетомъ недосмотры и погрѣшности.

— Книгу: „Книжки «Хозяина» № 10. Сахарная промышленность всего свѣта. Производство, потребленіе, цѣны. *А. А. Радцигъ*. С.-Пб. 1899. Стр. IV+176. Цѣна 60 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Сочиненіе: „Изданіе О. Н. Поповой. Естественно-историческій атласъ. Зоологія. Анатомія человѣка. Ботаника. Минералогія. Пособіе для изучающихъ естественную исторію. Текстъ и 288 таблицъ съ 1256 рисунками. Составили *П. Шмидтъ* и *И. Палибинъ*. С.-Пб. 1901. Цѣна 8 р., въ переплетѣ 10 р."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книги: 1) „Систематическое собраніе сочиненій *В. Г. Бѣлинскаго*. Основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы. Изданіе второе Николая Зинченко. С.-Пб. 1901. Выпускъ I. Стр. VII+144. Цѣна 35 коп.—Выпускъ II. Стр. 176. Цѣна 35 коп.—Выпускъ III. Стр. 88. Цѣна 35 коп."—2) „*В. Г. Бѣлинскій*. Литература, поэзія, театръ. Изданіе Н. Зинченко. С.-Пб. 1899. Стр. 47. Цѣна 10 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Первое собраніе писемъ *В. Г. Бѣлинскаго*. Изданіе Николая Зинченко. Изданіе 2. (Выпускъ IV). С.-Пб. 1901. Стр. 186. Цѣна 45 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ: „Мѣтки и узоры для вышиванія крестомъ, гладью"—допустить въ женскія учебныя заведенія, гдѣ преподается вышиваніе.

— Книгу: „Русская хрестоматія. Памятники древней русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Ѳедоръ Буслаевъ*. Изданіе восьмое, безъ исправленія. М. 1901. Стр. IV+480. Цѣна 1 р. 75 к."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книги: 1) Les écrivains célèbres de la France ou Histoire de la littérature française depuis l'origine de la langue française jusqu'au XIX-e siècle. A l'usage des établissements d'instruction publique par *D. Bonnefon*. Huitième édition. Paris. Librairie Fischbacher. 571 pages. Prix 4 francs."—2) „Les écrivains modernes de la France ou Biographie des principaux écrivains français depuis le premier empire jusqu'à nos jours. Avec une analyse, une appréciation et des citations

de leurs chefs-d'œuvre. Ouvrage destiné à faire suite aux „Ecrivains célèbres". A l'usage des établissements d'instruction publique par *D. Bonnefon*. Sixième édition, revue, corrigée et accompagnée de résumés synoptiques. Paris. Librairie Fischbacher. III + 584 pages. Prix 4 francs"—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Französisches Lesebuch. Mittel- und Oberstufe. Von *Carl Kühn*. Mit fünfunddreissig Illustrationen, einem Plan und einer Ansicht von Paris, sowie einem Kärtchen der Umgebung von Paris. Dritte Auflage. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen & Klasing. 1898. XXIV+344 S. Цѣна не означена". 2) „Wörterbuch zum französischen Lesebuch. Mittel- und Oberstufe. Von *Carl Kühn*. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen & Klasing. 1898. 68 S. Preis geb. 80 Pf." — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Manuel de correspondance commerciale des langues française et allemande. Par M. M. *J. Schantz*, *Fr. Courvoisier*, *P. H. Skelton*, *D. Kaltbrunner* & *C. F. Dénervaud*. Deux volumes. Dix-neuvième édition, entièrement revue et augmentée et précédée de quelques conseils aux jeunes gens, concernant l'usage de ce Manuel. Par le Docteur *Chr. Vogel*, Directeur d'une institution commerciale à Genève. Vol. I: Français-Allemand. Taschenbuch der Handelskorrespondenz in deutscher und französischer Sprache. In zwei Teilen. Ursprünglich herausgegeben von *J. Schantz*, *Fr. Courvoisier*, *P. H. Skelton*, *D. Kaltbrunner* und *C. F. Dénervaud*. Versehen mit einer Anleitung zur leichteren Erlernung des kaufmännischen Briefstils. 19 Auflage, erweitert und verbessert von Direktor Dr. *Chr. Vogel* in Genf. I Teil. Französisch-deutsch. Leipzig. Verlag von G. A. Gloeckner. 1899 VIII+243 S. Preis geb. 2 Mk."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: La petite française ou Application de la méthode américaine à l'usage des commençants par M-elle *Jeanne Waubke*, maîtresse de français à l'école St. Pierre. Première partie. Quatrième édition. St. Pbg. 1901. Стр. 163. Цѣна 60 коп., въ переплетѣ 70 коп.— Deuxième partie. St. Pbg. 1898. Стр. 179. Цѣна 60 коп., въ перепл. 70 коп.—Troisième partie. St. Pbg. 1900 Стр. 236. Цѣна 80 коп., въ переплетѣ 90 коп." — допустить къ употребленію въ тѣхъ

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, въ коихъ найдутся преподаватели иля преподавательницы, умѣющіе и способные вести преподаваніе по такъ называемому американскому или натуральному методу.

— Книгу: „*К. М. Станюковичъ.* Исторія одного матроса. Подлинная исторія изъ далекаго прошлаго. Повѣсть для юношества съ иллюстраціями. Посвящается Толѣ Фокину. М. 1901. Стр. 480. Цѣна 1 р. 75 к."—рекомендовать для ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Методика женскихъ рукодѣлій. Руководство для преподаванія рукодѣлій въ профессіональныхъ школахъ, гимназіяхъ, городскихъ и сельскихъ школахъ. *М. А. Поспѣловой,* начальницы профессіональнаго учебнаго заведенія, члена правленія общества поощренія женскаго профессіональнаго образованія. Спб. 1898. Стр. 341+1. Цѣна 2 р. 50 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ женскихъ заведеній министерства.

— Книгу: „Краткая физическая географія. Курсъ VI класса реальныхъ училищъ. (Третье переработанное изданіе). Составилъ примѣнительно къ планамъ и программѣ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ 1895 году, *И. Словцовъ,* директоръ Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища и дѣйствительный членъ Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. М. 1901. Стр. VI+105. Цѣна 95 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Разоренное гнѣздо. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Изданіе 5-е. М. 1901. Стр. 138. Ц. 90 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя

народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „Справочная книга по молочному хозяйству (съ 117 рисунками). *Ав. А. Калантаръ*. Спб. 1897. (Книжки «Хозяина» № 5). Стр. 213. Ц. 60 коп.“— одобрить для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Брошюру: „Стекло. Составилъ *Александръ Альмединіенъ*. Съ 28 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Техническое Образованіе“. (Общедоступныя чтенія по техническимъ знаніямъ. Чтеніе 1-е). Спб. 1901. Стр. 40. Ц. 30 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: 1) „Русское слово еврейскимъ дѣтямъ. Первая школьная книга для чтенія, бесѣдъ, письменныхъ и грамматическихъ упражненій. Часть I. 2-ой годъ обученія. Составилъ *Л. М. Шахрай*. Одесса. 1900. Стр. 98. Цѣна 30 коп.“—2) „То же. Вторая школьная книга для чтенія, бесѣдъ и письменныхъ упражненій. Часть II. 3-ій и 4-ый годъ обученія. Изд. 3-е, значительно измѣненное и дополненное. Одесса. 1900. Стр. 232. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для употребленія въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „*К. Θ. Ярошевскій*. Краткій курсъ минералогіи съ необходимыми свѣдѣніями изъ химіи. Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Съ 142-мя рисунками. М. 1900. Стр. 111+108. Цѣна 45 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*П. Л. Фишманъ* и *М. Либерманъ*. Софо Хаіо (живая рѣчь). 2-я часть. Первая послѣ азбуки книжка. Рига. 1899. Изданіе Эрнста Платеса. Стр. 98+1. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Уроки по Закону Божію для младшаго возраста. Первый годъ. Примѣнительно къ примѣрной программѣ 1897 г. вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ свящ. *М. Смирновъ*. Изданіе К. Тихомирова. М. 1900. Стр. 70+1. Цѣна 15 коп.“—одобрить для классного употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: Избранныя педагогическія сочиненія *Генриха Песталоцци*. Лингардъ и Гертруда. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Смирнова*. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Изданіе 2-е. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1899. Томъ I, часть I и II.

Стр. LX+443. Томъ II, части III и IV. Стр. IV+557. Цѣна каждаго тома 2 руб."—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Эпизодическій курсъ отечественной исторіи. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Составилъ *Г. Преображенскій*. М. 1898. Стр. II+152. Цѣна 65 коп."—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ, въ коихъ русская исторія проходится эпизодически.

— Книгу: „Учебникъ географіи (для среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *А. Я. Гердъ*. I. Общій обзоръ земного шара. Съ 50 рисунками въ текстѣ. Изданіе 6-е, исправленное. Спб. 1900. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Стр. IV+90. Цѣна 50 коп."—допустить къ употребленію въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ.

— Книгу: „Народная школа. Главнѣйшія педагогическія дидактическія и методическія основанія школьнаго дѣла. Руководство для учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Составилъ *А. Ф. Комаровъ*, директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи. Изданіе 3-е. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1899. Стр. IV+192. Цѣна 60 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ Русской Гражданской Исторіи по программѣ Епархіальныхъ женскихъ училищъ. Составилъ *Г. Преображенскій*. М. 1899. Стр. 248+III. Цѣна 1 р. 30 коп."—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а также въ ученическія библіотеки прочихъ низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета.

— Книжки: 1) „О праздникахъ и постахъ православной церкви съ присоединеніемъ тропарей на каждый праздникъ. Составилъ Протоіерей *Николай Думитрашко*. Изданіе 6-е. Полтава. 1898. Стр. 80. Цѣна 15 коп."—2) „Переводъ повседневныхъ молитвъ на русскій языкъ. Пособіе къ разумной и сознательной молитвѣ. Составилъ *Николай Думитрашко*. Изданіе 18-е. Полтава. 1900. Стр. 45. Цѣна 10 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета.

— Книгу: „*Викторъ Бартеневъ*. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Спб. 1896. Стр. 154. Цѣна 80 коп."—

допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Швейцарія. Швейцарскія горы; швейцарскіе города и деревни; жизнь швейцарскаго народа. Составила *В. М. Величкина*. № 308. М. 1898. Цѣна 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Газету: „Русское Чтеніе. Общедоступная газета съ рисунками и картинами. Спб. Издатели: С. Н. Колачевскій и Д. Н. Дубенскій. Редакторъ Дм. Дубенскій. Выходитъ 2 раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ. Подписная цѣна съ перес. за годъ 2 р. 50 к., за полгода 1 р. 50 к."—внести въ списокъ періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ къ выпискѣ безплатными народными читальнями и библіотеками.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *В. Н. Варгина*, подъ заглавіемъ: „О сѣменахъ и посѣвѣ". С.-Петербургъ, 1900 годъ, изд. *А. Ф. Девріена*, съ 115 рисунками въ текстѣ, 195 страницъ, цѣна 70 коп. —одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для среднихъ и низшихъ сельскохозяйственно-техническихъ училищъ.

— Книгу, составленную учительницами воскресныхъ школъ при ближайшемъ участіи *Х. Д. Алчевской*, подъ заглавіемъ: „Книга взрослыхъ", въ 3-хъ томахъ: I годъ обученія—Москва 1901 г. (2-е изданіе), VII+160 стр. съ 56 рисун., цѣна 25 коп.; II годъ обученія — Москва 1900 г., XI + 571 стр. съ 216 рисун. цѣна 80 коп.; III годъ обученія—Москва 1900 г., XIV + 681 стр. съ 134 рисун., цѣна 1 руб.—рекомендовать для воскресныхъ и вечернихъ классовъ

для взрослыхъ рабочихъ и одобрить для библіотекъ низшихъ техническихъ и всѣхъ типовъ ремесленныхъ училищъ.

— Книга *Э. Вели* „Курсъ кройки платьевъ и бѣлья по американской математической методѣ для преподаванія и самообученія“ и „Альбомъ объяснительныхъ чертежей“—одобрены въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ женскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Оренбургскаго учебнаго округа разрѣшено открыть, съ начала 1901—1902 учебнаго года, V классъ при Камышловской женской прогимназіи.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

Въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра имѣется вакансія *лектора англійскаго языка.*

Для замѣщенія этой должности историко-филологическій факультетъ университета назначаетъ съ 1-го іюля конкурсъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, приглашаются подать о томъ заявленія декану историко-филологическаго факультета не позже 1-го октября 1901 года.

2) При заявленіи должны быть представлены: а) аттестатъ или свидѣтельство объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія или гимназіи въ Россіи или за границей или же дипломъ на степень бакалавра; б) рукописное или печатное сочиненіе по англійскому языку или по литературѣ его, которые ищущій должности лектора намѣренъ преподавать.

3) Лица, явившіяся кандидатами на должность лектора, должны въ присутствіи членовъ историко-филологическаго факультета а) защитить представленныя ими сочиненія и извлеченные изъ нихъ тезисы и б) прочитать двѣ пробныя лекціи, одну по языку, другую по исторіи литературы.

4) Конкурсное испытаніе будетъ произведено въ октябрѣ 1901 года.

Примѣчаніе: Лекторы иностранныхъ языковъ въ Императорскихъ университетахъ получаютъ содержанія 1000 рублей въ годъ, числятся въ должности VIII класса и въ отношеніи къ пенсіи пользуются правами учебной службы.

ЗАБЫТЫЕ МЕМУАРЫ П. З. ХОМЯКОВА.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, дневники, записки, воспоминанія, которыми такъ богаты нѣкоторыя западныя литературы, которыми не бѣдна и русская, всегда служили и будутъ служить незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи извѣстной эпохи, уже помимо характеристики лица, оставившаго такія замѣтки о своемъ времени, о дѣятеляхъ его, и событіяхъ, волновавшихъ массы.

Конечно, чѣмъ выше былъ постъ, занимаемый авторомъ мемуаровъ, чѣмъ вліятельнѣе было его положеніе въ обществѣ, тѣмъ—предполагается—и шире былъ кругозоръ его наблюденій, тѣмъ обширнѣе была среда, въ которой вращался писатель—былъ ли то государственный дѣятель, прославленный полководецъ или геніальный писатель. Ихъ сообщенія, какъ бы субъективны, даже своекорыстны ни были, освѣщаютъ своими и положительными, и отрицательными сторонами многое, о чемъ приходилось бы только безплодно гадать при изученіи извѣстной эпохи.

Безъ нихъ, безъ этихъ часто мелкихъ и ничтожныхъ на взглядъ записокъ, не появилось бы и первоначальной лѣтописи и, стало быть, не возникло бы и попытокъ писать исторію какой либо мѣстности, не только государства или государствъ. Такъ было всегда и вездѣ. Исторія литературы отмѣтила генеалогію такихъ историческихъ произведеній и достойно оцѣнила ихъ авторовъ. Даже при полнѣйшей тенденціозности воспоминаній и замѣтокъ частнаго человѣка—и наблюдательный современникъ и — еще лучше — опытный потомокъ съумѣютъ отличить и личныя симпатіи и антипатіи автора, въ состояніи будутъ замѣтить и намѣренную ложь, и дурно скрываемую истину.

Разумѣется, не одна преднамѣренность вредитъ интересу записокъ

и воспоминаній о видѣнномъ и перечувствованномъ. Талантъ автора и здѣсь, какъ и всюду, играетъ значительную роль, помимо среды, въ которой вращался писатель, помимо кругозора, разстилавшагося предъ нимъ. Но и при отсутствіи таланта, или, вѣрнѣе, литературнаго таланта, воспоминанія дороги для потомства обиліемъ фактовъ, тѣхъ мелочныхъ ничтожныхъ замѣтокъ, оброненныхъ нечаянно, которыя могутъ вполнѣ освѣтить какую-нибудь литературную или историческую загадку. Для сохраненія въ памяти фактовъ крупныхъ, или таковыми въ свое время считавшихся, всегда можно встрѣтить въ богатыхъ литературахъ нѣсколько указаній; для характеристики прославленныхъ дѣятелей эпохи всегда найдутся обильныя данныя; но мелочи или аксессуары—столь дорогіе въ исторической картинѣ—напрасно будутъ отыскиваться въ болѣе обработанныхъ широковѣщательныхъ сказаніяхъ, нерѣдко сбивающихъ съ толку и самихъ современниковъ лица или событія. Правда, довѣрчивые современники неохотно всматривались въ тихую неслышную поступь жизненныхъ явленій, и только громы побѣдъ и трескъ пораженій, только внѣшняя исторія народа, въ которой этотъ послѣдній нерѣдко игралъ, повидимому, пассивную роль, — останавливали на себѣ вниманіе сверстниковъ событій. „Рече—и быша!"—говорили довѣрчивые современники при видѣ успѣховъ прославленныхъ дѣятелей, не чувствуя всей безсмыслицы такой вѣры въ излюбленнаго героя, не соображая, что, по русской пословицѣ, одинъ въ полѣ—не воинъ, что безъ активныхъ или пассивныхъ участниковъ какого угодно дѣла, не свершиться бы этому дѣлу.

И не только крупные, по мѣстоположенію, дѣятели писали о крупныхъ событіяхъ: и мелкіе исполнители чужихъ велѣній тоже выступали порою съ своими мелочными наблюденіями и воспоминаніями, въ которыхъ встрѣчается не мало любопытныхъ замѣтокъ, если не о цѣломъ строѣ эпохи, не объ идеѣ извѣстнаго событія, то, по крайней мѣрѣ, замѣтокъ частныхъ, уясняющихъ подчасъ ходъ обширныхъ предпріятій или мѣтко характеризующихъ извѣстныхъ дѣятелей эпохи.

На Руси мемуары тоже не могутъ считаться рѣдкими явленіями въ литературѣ. Даже неполный списокъ мемуаровъ русскихъ людей, сообщенный извѣстнымъ библіографомъ Геннади [1]), подтверждаетъ это

[1]) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей. 1861 г. кн. IV, смѣсь, стр. 51—76.

положеніе, несмотря на укоренившіяся жалобы на бѣдность мемуаровъ въ русской литературѣ. Еще въ XVI вѣкѣ находились люди, которые писали о томъ, *яже слышаху у достовѣрныхъ мужей и яже видѣху очима своима*. XVII, а еще болѣе XVIII вѣкъ пошелъ еще дальше по этому направленію, но мемуары той поры не могли сдѣлаться достояніемъ обширной публики по разнымъ причинамъ, даже и „по причинамъ независящимъ“ отъ авторовъ и ихъ потомковъ, владѣвшихъ рукописями своихъ предковъ, а если и появлялись въ печати, то проходили нерѣдко незамѣченными. Одна газета, считавшаяся передовою, встрѣтила бранью появленіе въ печати записокъ самого Державина: она не нашла въ нихъ того, чего искала, а потому и подвергла карательному суду полныя иного интереса—мысли и сообщенія такого крупнаго для своей поры дѣятеля, какимъ былъ Державинъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться богатымъ жизненнымъ матеріаломъ, предлагаемымъ не поэтомъ, а дѣятелемъ государственнымъ, вмѣсто того, чтобы обсудить значеніе этого матеріала въ исторіи русской культуры—газета вздумала въ этихъ воспоминаніяхъ искать какихъ-то мнѣній, сужденій и сообщеній о литературѣ и литераторахъ, современныхъ Державину!... Конечно, Державинъ, можетъ быть, безпристрастно, можетъ быть, тенденціозно, въ состояніи былъ сообщить многое изъ жизни современной ему литературной среды, но онъ вовсе не намѣревался писать о литературныхъ дрязгахъ; онъ, говорившій, что „пусть его гложетъ сатирикъ за слова и чтитъ за дѣла“, и хотѣлъ только писать о „дѣлахъ“, благодаря чему и оставилъ дорогой вкладъ въ исторію русской жизни второй половины XVIII и начала XIX вѣка.

Лучшая участь ожидала полное изданіе записокъ Болотова, обнародованныхъ лѣтъ десять спустя. Извѣстныя ранѣе въ отрывкахъ, онѣ тоже сначала прошли почти незамѣченными въ русской литературѣ; но въ семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія русскіе читатели уже были болѣе подготовлены къ изученію историческаго матеріала, знакомившаго съ прошлымъ нашего отечества. Уже три изданія полнаго текста записокъ Болотова ясно говорятъ о пробудившемся интересѣ къ изученію русской старины, будетъ ли то разсказъ современника о Кунерсдорфской битвѣ или о скромной жизни у домашняго очага въ Тульскомъ намѣстничествѣ.

Если правдивые разсказы Державина, современника „блестящей эпохи“ Екатерины II-й и Болотова, участника и свидѣтеля крупныхъ событій и болѣе ранней и позднѣйшей поры—на нашихъ глазахъ не вдругъ удостоивались вниманія даже литературныхъ центровъ, то въ

правѣ ли мы будемъ строго относиться къ читателямъ прошлаго вѣка, которыхъ угощали менѣе занимательными подробностями менѣе даровитые свидѣтели прошедшаго?

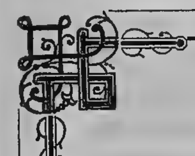
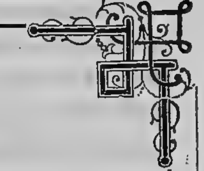
А между тѣмъ почти одновременно съ Болотовымъ началъ службу въ Семилѣтнюю войну человѣкъ, описавшій впослѣдствіи свои не видныя и незавидныя похожденія, не замѣченный современниками и совершенно забытый потомствомъ. Можетъ быть, виною такого забвенія послужило отчасти и то обстоятельство, что скромный авторъ воспоминаній даже не подписалъ подъ ними своего имени, если не считать подписью двѣ, не для всѣхъ ясныя, *цифры*, обозначавшія инициалы имени и фамиліи автора. Къ тому же авторъ назвалъ свои воспоминанія „истинною повѣстью", которая для его современниковъ не представляла ничего „романическаго", что требовалось отъ „повѣсти", а потомковъ могла отталкивать отъ себя извѣстнаго рода сходствомъ въ названіи съ какими-нибудь вздорными книжками, въ родѣ романовъ: „Несчастный Никаноръ или приключеніе жизни россійскаго дворянина Н***", или „Странныя приключенія Димитрія Магушкина, россійскаго дворянина", вышедшихъ въ свѣтъ между 1775 и 1796 годами и удостоившихся занять нѣсколько страницъ даже въ „Исторіи русской словесности" Галахова [1]).

„Истинная повѣсть", о которой здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ, напротивъ, полное право на такой титулъ, какъ дѣйствительные мемуары, и въ ряду ихъ занимаетъ особое мѣсто между прочимъ и по нижеслѣдующему.

Извѣстно, что въ числѣ мемуаровъ, писанныхъ и изданныхъ русскими людьми въ прошедшемъ столѣтіи, мы не встрѣчаемъ напечатанныхъ при жизни ихъ авторовъ. Всѣ дошедшіе до насъ мемуары или не предназначались къ печати, или—предназначаемые—выходили въ свѣтъ по смерти ихъ составителей—и, конечно, не въ той полнотѣ или не въ томъ видѣ, въ какомъ появлялись оригиналы. И единственнымъ исключеніемъ изъ этого можетъ считаться—не обратившая на себя вниманія современниковъ и едва ли многимъ извѣстная теперь книжка, вышедшая въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, *изданная самимъ авторомъ*, подъ слѣдующимъ незатѣйливымъ, хотя и длиннымъ титуломъ:

---

[1]) Галаховъ, т. II, стр. 165 и слѣд. въ изд. 1875 г., во второмъ изданіи—т. I, отд. 2-е, стр. 247 и слѣд.

ПОХОЖДЕНІЕ
НѢКОТОРАГО
РОССІЯНИНА,
ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ
ИМЪ
САМИМЪ ПИСАННАЯ.

Содержащая въ себѣ исторію
его службы и походовъ съ
приключеніями и слышан-
ными имъ повѣстями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ [1]).

Съ указнаго дозволенія

ВЪ МОСКВѢ,
печатано въ вольной типографіи
А. Рѣшетникова 1790 года.

---

[1]) Въ книжкѣ двѣ части: въ первой 8+181 стр., во второй—2+272 стр. (in 12°).

Вслѣдъ за титульнымъ листкомъ помѣщается посвященіе: „всѣмъ читателямъ вообще, а особливо любителямъ долговременныхъ путешествій, книга сія приносится отъ Россіянина въ путешествіяхъ находившагося“. Въ нескладномъ посвященіи говорится, что подобные труды посвящались ad captandam benevolentiam „мужамъ отличившимся благоразуміемъ и добродѣтелью“, но что авторъ этой истинной повѣсти „заблагоразсудилъ оказать сію честь“ всѣмъ читателямъ. „Съ самыхъ тѣхъ поръ—продолжаетъ авторъ—какъ я началъ чувствовать, велъ журналъ своимъ похожденіямъ, а особенно тому, что по моему мнѣнію хотя мало достойно быть казалось примѣчанія“. Поэтому, „собравъ всѣ свои записки вмѣстѣ“, авторъ рѣшился издать ихъ для своихъ соотечественниковъ, сознаваясь, что „по причинѣ неупражненія въ свободныхъ наукахъ могъ писать только простымъ слогомъ, а не витіеватымъ и пышнымъ“. Это посвященіе подписано двумя цифрами:

80 . 600.

Цифры эти, конечно, должны обозначать извѣстныя буквы. Но слѣдуетъ еще замѣтить, что въ изложеніи автора-офицера даже большинство географическихъ пунктовъ и безъ исключенія всѣ лица, упоминаемыя въ разсказѣ, всѣ полки, о которыхъ приходится говорить ему—обозначаются одними иниціалами.

Если цифровыя данныя—80 и 600, соотвѣтствующія очевидно буквамъ П и Х, т. е. иниціаламъ имени и фамиліи автора, и немудрено было разобрать, то, во всякомъ случаѣ, эти буквы еще ничего не разъясняли. Нужно было въ текстѣ „повѣсти“ искать новыхъ данныхъ для опредѣленія искомой личности. И дѣйствительно, въ концѣ книги [1]) находимъ еще знакъ, долженствовавшій обозначать *отчество* писателя. Одно изъ дѣйствующихъ въ разсказѣ лицъ обращается къ автору съ вопросомъ:

— Вы П... З...?

Такимъ образомъ у насъ получились иниціалы имени, отчества и фамиліи:

П. З. Х.

Конечно, и эти иниціалы ничего не разъясняли: искомая личность могла опредѣлиться только средой, въ которой она вращалась, а этой средой былъ пѣхотный полкъ, тоже всюду обозначаемый въ ме-

---

[1]) Похожденіе, часть II, стр. 260.

муарахъ одною буквою К. Но изъ разсказа автора объ его „путешествіяхъ", а вѣрнѣе — о походахъ съ полкомъ, о переходахъ полка, уже легко было узнать—какой именно полкъ скрывается подъ иниціалкою К. Полкъ этотъ, очевидно, былъ *Куринскій*; и при увѣренности въ разгадкѣ названія полка, при данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ о своемъ опредѣленіи на службу и увольненіи, сопровождаемыхъ хронологическими указаніями, уже нетрудно было отыскать загадочную личность автора мемуаровъ въ актахъ подлежащаго вѣдомства, а съ тѣмъ вмѣстѣ можно было почерпнуть указаніе и на службу отца автора, бывшаго тоже офицеромъ Куринскаго полка и упоминаемаго неоднократно въ мемуарахъ. О самомъ авторѣ мемуаровъ вопросъ разрѣшился послужнымъ спискомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ своими показаніями даннымъ мемуаровъ; документовъ же о службѣ отца не нашлось, за исключеніемъ „смотрового списка" Куринскаго пѣхотнаго полка за 1752 годъ, въ этомъ спискѣ упоминается лицо, вполнѣ соотвѣтствующее искомому. Разумѣется, этотъ документъ могъ бы быть и оспариваемъ въ своей пригодности по настоящему вопросу, такъ какъ совпаденіе имени и фамиліи лица съ искомымъ еще не можетъ служить достаточной гарантіей того, что подразумѣвается именно искомое лицо, но тѣмъ не менѣе этотъ, повидимому, незначительный документъ долженъ считаться несомнѣнно относящимся къ искомому лицу, такъ какъ незначительныя по объему данныя, заключающіяся въ немъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ загадочному тексту книги, значительно уясняя текстъ, и—въ свою очередь—оправдываются текстомъ. Дѣло въ томъ, что авторъ мемуаровъ, говоря о возвращеніи своемъ изъ походовъ на родину, которую онъ не видалъ двадцать четыре года, упоминаетъ о находящемся въ 70 верстахъ отъ М...(вѣроятно—Москвы) селѣ К..., В... уѣзда, гдѣ жила его мать, а въ „смотровомъ спискѣ" *о рядовомъ Захарѣ Хомяковѣ*, считаемомъ нами отцомъ автора мемуаровъ, прямо говорится, что онъ „происходитъ изъ крестьянъ Боровскаго уѣзда Пафнутьева монастыря села Крюкова (=К...)..., въ службу вступилъ 732 года, октября 2-го". Послѣднее указаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ показанію автора мемуаровъ, что отецъ его, умершій въ 1771 году, состоялъ на службѣ „около сорока лѣтъ".

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: почему Крюково въ документѣ названо селомъ Боровскаго уѣзда, а въ мемуарахъ село К... приписано В... (думаемъ — Верейскому) уѣзду? Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ" въ Боровскомъ уѣздѣ не указывается Крюково, а въ „Историческомъ описаніи Боровскаго Пафнутіева монастыря" въ „перечнѣ

вотчинныхъ владѣній монастырскихъ" не встрѣчается села Крюкова въ числѣ селъ Верейскаго уѣзда, принадлежавшихъ нѣкогда Пафнутіеву монастырю. Правда, указывается тамъ село Крюково [1]), но оно числилось въ Звенигородскомъ уѣздѣ, какъ и „пустошь Крюково", упоминаемая въ „перечнѣ владѣній". Въ подробнѣйшемъ образцовомъ „топографическомъ описаніи Калужскаго намѣстничества" [2]) въ Боровскомъ уѣздѣ тоже не значится села Крюкова. Остается допустить, что слова документа: „Боровскаго уѣзда" обозначали только мѣстность Пафнутіевскаго монастыря, а не село Крюково, которое дѣйствительно имѣется въ Верейскомъ уѣздѣ [3]) на с.-в. отъ уѣзднаго города и верстахъ въ семидесяти отъ Москвы.

Такимъ образомъ изъ сопоставленія показаній автора мемуаровъ, смотрового списка Куринскаго полка и перечня имуществъ Пафнутіева монастыря явствуетъ, что *кто-то* ошибся въ показаніяхъ, но трудно допустить, что ошибается авторъ „Похожденія", который не могъ не знать, въ какомъ уѣздѣ было мѣстопребываніе его матери.

Итакъ „Петръ Захаріевъ сынъ Хомяковъ", по словамъ послужного списка, вполнѣ оправдываемаго мемуарами, происходившій „изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей", вступившій въ службу „756 года, августа 6-го", велъ свои мемуары до 1790 года, т. е. до обнародованія ихъ, и похожденія свои назвалъ „истинною повѣстью".

Въ началѣ ея онъ сообщаетъ, что „не тщетное какое-либо честолюбіе побудило автора издать въ свѣтъ описаніе своей жизни и случившихся перемѣнъ въ оной съ самаго рожденія и даже до сего времени, но любовь къ своимъ соотечественникамъ" и желаніе „показать, что сколь онъ ни обязанъ должностію, но остающееся свободное время проводитъ не въ праздности и не въ занятіяхъ какими либо тщетностями, противными благонравію".

По словамъ автора, онъ происходилъ „не изъ знатной, но добродѣтельной и честной фамиліи, которая за главный предметъ всегда поставляла себѣ исполнять въ точности безъ нарушенія законы, предписанные природою для всякаго смертнаго". Отецъ автора—„природный россіянинъ службу свою началъ... [4]) въ К. (уринскомъ) полку и продолжалъ оную около сорока лѣтъ". Чрезъ пятнадцать лѣтъ

---

[1]) Описаніе Боровскаго Пафнутіева монастыря, стр. 145.

[2]) Изд. въ Спб. 1783 г.

[3]) Списокъ населенныхъ мѣстъ. Московская губернія, стр. 61, № 1405.

[4]) Точки у автора, который, вѣроятно, точно не зналъ или забылъ, что отецъ его началъ службу въ 1732 г., какъ значится въ „смотровомъ спискѣ".

послѣ бракосочетанія Захара Хомякова, 21-го декабря 1744 года, родился у него сынъ, авторъ разбираемыхъ здѣсь мемуаровъ, „въ городѣ М...“. Съ такими же обозначеніями одною буквою, какъ наименованіе мѣста рожденія, полка и многихъ географическихъ мѣстностей, читатель встрѣчается почти всюду въ мемуарахъ и только сличеніе сообщаемыхъ фактовъ съ данными, отмѣченными исторіей и официальными документами о службѣ автора [1]), разъясняетъ читателю и личность автора и большинство историческихъ и географическихъ именъ, которыми испещрена его „истинная повѣсть“. У отца автора были дѣти и кромѣ сына Петра, „но мужескаго полу дѣтей — говоритъ авторъ—кромѣ меня болѣе въ живыхъ не осталось“. Поэтому, будто бы, „родители прилагали всевозможнѣйшее попеченіе, не щадили ничего для воспитанія (сына), стараясь сдѣлать его полезнымъ членомъ общества“. „Дни отрочества (автора) протекали по большей части въ путешествіяхъ, по той причинѣ, что тогда было время военное“. Вспомнимъ, что къ этому времени относятся Семилѣтняя и первая турецкая войны, въ которыхъ автору привелось принимать участіе, какъ увидимъ изъ послѣдующаго.

Въ военную службу онъ былъ записанъ 6-го августа 1756 года [2]), когда ему не было еще двѣнадцати лѣтъ, и подготовительное образованіе было, по винѣ обстоятельствъ, совершенно ничтожно. Отецъ его, не имѣвшій по всѣмъ соображеніямъ средствъ, просилъ священника города С..., гдѣ стоялъ К.(уринскій) полкъ, обучать своего семилѣтняго сына (стало быть, въ 1751 году) „россійской грамотѣ и закону“; но походъ или переводъ К.(уринскаго) полка въ другой городъ „прервалъ начатое ученіе“, въ которомъ авторъ воспоминаній „охотно упражнялся“, по его словамъ. Затѣмъ К.(уринскій) полкъ былъ переведенъ въ М... и авторъ для продолженія образованія „былъ отданъ къ одной благоразумной женщинѣ, которая была нравомъ тиха и снисходительна“. Но благодаря именно такой снисходительности, „малолѣтній“ ученикъ „по лѣтамъ ребячества и рѣзвости мало прилагалъ старанія о ученіи“. Снисходительная наставница отказалась продолжать обученіе и „посовѣтовала отдать мальчика къ учителю гораздо строжайшему, чтобы онъ могъ удержать его своевольство“. И отецъ, „не теряя времени, отдалъ сына служащему съ нимъ въ одной ротѣ писарю“. „Уважая просьбу своего командира, писарь прилагалъ осо-

---

[1]) За доставленіе ихъ приношу глубочайшую благодарность П. Н. Тиханову.

[2]) Похожденіе, стр. 12, и Послужной списокъ.

бенное стараніе" при обученіи мальчика, и своевольство послѣдняго „начало уже прекращаться", но обученіе продолжалось только „около полугода", такъ какъ полученъ былъ приказъ, чтобы К.(уринскій) полкъ въ самомъ непродолжительномъ времени „на почтовыхъ" выступилъ въ походъ въ городъ К.(азань). „Сіе было въ 1755 году въ октябрѣ мѣсяцѣ". Отецъ будущаго автора мемуаровъ двинулся съ полкомъ, взявъ съ собою сына, чтобы „несравненная нѣжность матери" (оставшейся въ М...) „не возобновила (въ мальчикѣ) опять прежняго своевольства". Чувствительна была разлука матери съ сыномъ, такъ какъ, по выраженію автора, „любовь ея, кажется, что превосходила всѣ мѣры природы". Полкъ двинулся черезъ Владиміръ и Муромъ. Здѣсь, при переправѣ на паромахъ, въ глубокую осень „льдяныя икры [1]) грозили опасною гибелью", но полкъ продолжалъ свой путь черезъ Курмышъ и Свіяжскъ.

Волга уже была покрыта „отъ жестокихъ морозовъ" льдомъ, и только съ большими трудами по прорубленному льду чрезъ два дня полкъ прибылъ въ февралѣ 1756 года въ К.(азань). И здѣсь Хомяковъ „старался сыскать сыну хорошаго учителя", но вслѣдствіе незнакомства съ новымъ мѣстопребываніемъ и по совѣту „нѣкоторыхъ изъ своихъ благопріятелей", вознамѣрился записать его въ семинарію. Со вступленіемъ въ „оное училище", куда, замѣтимъ кстати, поступали изрѣдка не одни дѣти духовенства, „вдругъ исчезли—говоритъ авторъ—всѣ мои дѣтскія забавы и увеселенія; потому что не имѣлъ свободныхъ часовъ, кромѣ опредѣленныхъ на отдохновеніе". Мальчикъ началъ прилежно учиться, чтобы доказать родителю, что „соотвѣтствуетъ его нѣжной любви, и, въ знакъ своей благодарности, старался его увеселять порядочнымъ поведеніемъ и прилежностью". Въ семинаріи онъ сблизился съ однимъ товарищемъ, сыномъ капитана, „въ оной же обучающимся". По субботамъ, предназначавшимся на отдохновеніе, онъ съ товарищемъ ходилъ „въ домъ его родителей", довольныхъ дружбою своего сына съ новоприбывшимъ новичкомъ. Въ воскресенье ученики возвращались въ семинарію. Такъ прошла вся зима, и авторъ мемуаровъ заявляетъ, что онъ „скоро выучился совершенно россійской грамотѣ и писать; также начальнымъ основаніямъ (чего?) и ариѳметикѣ". Очевидно мальчикъ былъ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи или *фарѣ*, гдѣ русскому и славянскому языкамъ обучали еще по извѣстному букварю Ѳеофана Прокоповича—„Первое

---

[1]) Плавучая льдина; на сѣверо-востокѣ называется икра.

ученіе отрокамъ, въ немже букви и слоги. Тоже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господни, символа вѣры, и девяти блаженствъ“, изданной впервые въ 1720 году [1]). Отецъ былъ очень доволенъ занятіями сына; „напослѣдокъ же—говоритъ авторъ—примѣтя, что уже мнѣ не для чего было болѣе оставаться въ семинаріи, принялъ намѣреніе записать меня въ военную службу“.

Тогда К.(уринскимъ) полкомъ командовалъ Г. Ф. М., благоволившій къ отцу автора, „и его благотвореніями — пишетъ онъ — я записанъ былъ въ тотъ же полкъ августа 6-го дня, 1756 года“. Лѣтомъ полкъ былъ въ лагерѣ, а затѣмъ на винтеръ-квартирахъ, когда и „было получено повелѣніе отъ командовавшаго генерала Г... С... изъ сего полку выбрать лучшихъ и видныхъ людей въ ново-формирующійся обсерваціонный корпусъ“, что и было исполнено, и избранные отправлены въ М... Оставшимся въ полку „велѣно выступить въ скорости за ними же“, и Куринскій полкъ двинулся „чрезъ Волгу на Свіяжскъ и чрезъ селенія Татарскія, Чувашскія и Черемискія на городъ Ядримъ (т. е. Ядринъ, Каз. г.), Касимовъ и Арзамасъ“. Назначеннаго пункта полкъ достигъ въ январѣ 1757 года и тамъ долженъ былъ проводить остатокъ зимы. Лѣтомъ полкъ снова былъ въ лагеряхъ, но скоро былъ полученъ приказъ двинуться въ Ригу, чрезъ Можайскъ, Вязьму и т. д. Подъ самымъ Дорогобужемъ велѣно было расположиться лагеремъ. Сообщая объ этихъ передвиженіяхъ, авторъ высказываетъ опасеніе, что „причинитъ въ благосклонномъ читателѣ нѣкоторое неудовольствіе и скуку частыми повтореніями о лагеряхъ; но сего—замѣчаетъ онъ—никакъ умолчать не можно, потому что сіе происходило въ самой сущности. И когда я пишу не выдуманное какое-либо повѣствованіе, то и за нужное почитаю съ моей стороны подробно писать о всемъ томъ, что ни происходило“. Конечно, современный автору читатель, воспитывавшійся на „ужасныхъ“ романахъ XVIII вѣка, и находилъ скучными сообщенія автора „истинной повѣсти“, и не замѣтилъ его безхитростнаго разсказа, но для современнаго намъ читателя, чрезъ сотню слишкомъ лѣтъ послѣ обнародованія воспоминаній, правдивыя, хотя и некрасиво изложенныя и небогатыя фактами сообщенія Хомякова во всякомъ разѣ интереснѣе и англійскихъ „Удольфскихъ таинствъ“, и „Россійскихъ Памелъ“, пользовавшихся такимъ почетомъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

---

[1]) *Благовѣщенскій,* Исторія Казанской духовной семинаріи. Казань, 1881, стр. 27. Въ архивѣ Казанской духовной семинаріи не сохранилось документа о пребываніи въ ней Хомякова.

На зиму полкъ получилъ приказъ возвратиться въ М..., тамъ перезимовалъ, весной выступилъ въ лагерь, и вновь получилъ приказъ „итти къ Брянску чрезъ Калугу и Бѣлевъ". Въ августѣ „изъ лагеря вступили на квартиры", а затѣмъ чрезъ Рославль, Дорогобужъ, Духовщину (у автора — Глуховщину), Великіе Луки, Псковъ и Печеры — отправились въ Лифляндію. Тамъ полкъ продолжалъ путь чрезъ Валкъ (у автора—Валки) и Волмаръ (у автора—Вольнеры), и въ Лемзалѣ (у автора—Лемзель) былъ разставленъ по зимнимъ квартирамъ. Съ наступленіемъ лѣта полкъ расположился лагеремъ подъ Ригою. Но едва сдѣланы были для этого кое-какія подготовленія, какъ „вдругъ получено повелѣніе полкамъ итти денно и ночно скорымъ маршемъ на Прусскія границы къ городу Мемелю". Близъ него уже настигъ ихъ „отправляющійся въ армію г. С.(ибильскій)[1]), и не велѣлъ изнурять войско скорымъ маршемъ, такъ какъ торопиться было не зачѣмъ, говоря, что онъ немедленно дастъ повелѣніе стоящимъ въ Кенигсбергѣ и Мемелѣ полкамъ выступить, а самъ заступитъ ихъ мѣсто". Вслѣдствіе этого и К.(уринскій) полкъ былъ раздѣленъ на два баталіона: изъ нихъ одинъ отправился въ Кенигсбергъ, а другой, въ которомъ числился и авторъ мемуаровъ, оставленъ былъ въ Мемелѣ. Военно-служащіе разставлены были по квартирамъ.

П. З. Хомякову привелось „квартировать у богатаго купца, который содержалъ знатную полотняную фабрику" и „имѣлъ трехъ дочерей", изъ которыхъ меньшая называлась Элизою. „Сіи обожанія достойныя дѣвицы столь были прекрасны, что казалось будто бы природа истощила все свое искусство къ дополненію ихъ красоты; но какъ бы то ни было, Элиза предъ своими сестрами имѣла отличныя дарованія, которыя могли тронуть и самое нечувствительное сердце. Признаюсь предъ цѣлымъ свѣтомъ—продолжалъ авторъ—что въ то время былъ я не тотъ твердый адамантъ, который противится всякому металлу, но мягкій самый воскъ, изъ коего все то сдѣлать можно, что только за благо разсудитъ рука художника... Элиза часто кидала на меня свои пріятные взоры, и оными изъявляла ко мнѣ чувствительность и нѣжность своего сердца". Далѣе авторъ въ разсказѣ, напоминающемъ отчасти манеру Болотова, говоритъ и о первомъ препятствіи къ сближенію двухъ юныхъ сердецъ, состоявшемъ въ незнаніи русскаго языка со стороны Элизы и нѣмецкаго—у влюбленнаго юноши. „Но любовь чего сдѣлать не можетъ!"—восклицаетъ

[1]) Записки Болотова, письмо 42-е.

авторъ. Скоро влюбленные начали понимать другъ друга, какъ вдругъ возникло новое препятствіе къ ихъ сближенію въ особѣ сержанта той роты, въ которой былъ Хомяковъ. Сержантъ, которому приглянулась Элиза съ перваго взгляда, отправился къ ротному командиру съ заявленіемъ, что отведенная ему квартира „весьма неспособна для исполненія его должности", почему и просилъ его помѣстить въ домѣ фабриканта, а Хомякова перемѣстить на квартиру сержанта. Ротный командиръ приказалъ Хомякову помѣняться квартирами съ сержантомъ. Послѣдній началъ ухаживать за Элизой; „но сія достойная обожанія особа, храня искреннюю вѣрность и клятву", презирала всѣ искательства сержанта. Элиза пожаловалась отцу, который сообщилъ о происходившемъ ротному командиру, а этотъ послѣдній тотчасъ же приказалъ сержанту и Хомякову снова перебраться на прежнія квартиры. Хомяковъ сообщаетъ между прочимъ и письмо, посланное Элизѣ во время этой недолгой разлуки. Письмо было послано въ нѣмецкомъ переводѣ, сдѣланномъ какимъ-то студентомъ, но Хомяковъ помѣстилъ въ своихъ мемуарахъ русскій оригиналъ своего посланія. Вотъ онъ: „Дражайшій предмѣтъ жизни моей. Нѣтъ на свѣтѣ жесточаѣ той муки, какъ быть разлучену съ тѣмъ, кого кто истинно обожаетъ. Я стараюсь ненарушимо сохранить данную мною къ вамъ клятву, и надѣюсь, что и вы предо мною въ оной не измѣните... Обожаемая мною Элиза! ты единая разгоняла мрачность моихъ мыслей; но я теперь не видя васъ сокрушаюсь, рвусь безпрестанно, не чувствуя ни малѣйшей отрады въ моемъ мученіи. Прошу васъ какъ возможно назначить время для свиданія, чтобы нѣсколько умѣрить чрезмѣрную въ душѣ моей грусть; будь увѣрена дражайшая моя, что къ тебѣ любовь моя до гроба не прекратится. Прощай".

Въ отвѣтъ на это нѣжное посланіе Элиза писала: „Любезный другъ! Я уже совсѣмъ было отчаялась въ вѣрности твоей ко мнѣ, если бы въ семъ не увѣрило меня присланное ваше письмо, которое я отъ великой радости читала болѣе тысячи разъ. Напоминаете вы мнѣ о сохраненіи данной мною вамъ клятвы, то я съ моей стороны увѣряю васъ и клянусь всѣмъ тѣмъ, что есть свято, что скорѣе вы можете сдѣлаться невѣрнымъ нежели я... Я беспрестанно помышляю о томъ, чтобы изыскать удобный случай для нашего свиданія. Цѣлуя васъ заочно, и повергнувъ себя въ ваши объятія, остаюсь навсегда вамъ вѣрная Элиза". Элиза какъ будто предчувствовала непрочность этой любви: съ наступленіемъ зимы второму баталіону К.(уринскаго) полка, въ которомъ былъ Хомяковъ, „приказано было немедленно

соединиться съ первымъ; и на другой же день по полученіи приказа баталіонъ изъ Мемеля двинулся въ Кенигсбергъ". По словамъ автора, разлука его съ Элизою была тягостна: разставанье длилось „болѣе пяти часовъ"; разлученные обѣщали переписываться. Въ 1760 году баталіонъ прибылъ въ Кенигсбергъ и „всѣ раскомандированы были по квартирамъ" [1]). Въ это время Хомяковъ „былъ отряженъ для исправленіи письменныхъ дѣлъ къ г.(енералъ) м.(аіору) ф.(онъ) П.(альменбаху), командовавшему К.(уринскимъ) и Н.(ашебургскимъ) полками и шестнадцатью ротами разныхъ полковъ [2]). Письмоводство было весьма обширно, и хоть нашъ авторъ и „прилагалъ раченіе, чтобы заслужить себѣ похвалу и награжденіе", но „таковой непрерывный трудъ обременялъ его около осьми мѣсяцевъ, что по молодости своей онъ и почиталъ великимъ для себя несчастіемъ", тѣмъ не менѣе онъ „такъ привыкъ къ своей должности, что согласился бы лучше отправлять оную, нежели оставить Кенигсбергъ"; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ полученъ былъ приказъ перебраться въ Маріенвердеръ [3]) (у автора — Маріенъ-Вердеръ). Полкъ расположился лагеремъ при рѣчкѣ Инферъ. Сообщаемъ разсказъ самого автора.

„К.(уринскій) полкъ съ прочими полками и формирующимися вновь баталіонами былъ расположенъ лагеремъ при рѣчкѣ Инферъ на прекрасной зеленѣющейся долинѣ, распещренной разновидными цвѣтами и окруженной селеніями, составленными изъ каменныхъ господскихъ хорошей архитектуры домовъ, около коихъ находились сады съ аллеями, фонтанами, и въ нѣкоторыхъ были пруды съ выкладенными изъ дикаго камня берегами, т. е. бассейны. Въ нѣкоторыхъ же разставлены были различныхъ видовъ удивительной работы статуи, кои я увидѣлъ еще въ первой разъ отъ начала моей жизни. Сіи неодушевленные толикое привлекали къ себѣ мое вниманіе, что я изъ любопытства часто заходилъ столь далеко, что иногда терялъ совсѣмъ изъ виду лагерь". Въ то же время армія, бывшая за Вислою, одерживала побѣды. Съ наступленіемъ осени полученъ былъ приказъ выступить К.(уринскому) полку на зимнія квартиры въ Либъ-Вальдъ. К.(уринскій) полкъ былъ переведенъ въ первую дивизію подъ команду

---

[1]) Въ послужномъ спискѣ читаемъ: „въ походахъ былъ въ Пруссіи 759 г., въ Мемелѣ 760 г., въ Кенигсбергѣ 761 г., въ Слезіи, Помераніи и Бранденбургіи за рѣкою Одрою 762 г., до Колберга 764 г.".

[2]) *Масловскій*, Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Вып. III, стр. 429.

[3] У поляковъ—Kwidzyn, при впаденіи Ливны въ Ногату.

генерала г. Ф.(ермора)[1]) въ часть генерала к.(нязя) Д.(олгорукова)[2]), въ бригаду к.(нязя) Х.(ованскаго). Либъ-Вальдъ былъ близъ Маріенбурга[3]), гдѣ была главная квартира главнокомандующаго арміею Б.(утурлина). Наивный авторъ мемуаровъ съ большими похвалами говоритъ о радушіи жителей, особенно о квартированіи совмѣстно съ четверыми товарищами „у гражданина достаточнаго". „Я же—замѣчаетъ онъ—въ разсужденіи молодыхъ моихъ лѣтъ и небольшого (т. е. нѣкотораго) знанія ихъ языка пользовался отъ всего семейства отличными (—ою) предъ моими товарищами благосклонностію и старался равномѣрно съ моей стороны оказывать оному услуги"... Суть дѣла заключалась въ томъ, что „хозяинъ имѣлъ у себя дочь равныхъ (автору) лѣтъ и весьма похожую на дражайшую... Элизу. Элеонора—продолжаетъ авторъ — такъ называлась сія дѣвица, вскорѣ овладѣла моимъ сердцемъ, и я уже въ сіе время мало по малу началъ изъ памяти моей выпускать Элизу, которая прежде была мнѣ милѣе всего на свѣтѣ". Весной 1761 года всѣмъ полкамъ велѣно было собираться „на генеральную рандеву"[4]) за Вислу; послѣ чего войска отправились къ Бреславлю. На пути „отъ маршей, отъ перемѣнныхъ климатовъ и излишняго... предъ товарищами въ письменныхъ дѣлахъ упражненія" авторъ „получилъ жестокую горячку... и отправленъ былъ въ тяжелый обозъ". Онъ „отчаявался о возвращеніи здоровья и не могъ знать и помнить, по какимъ мѣстамъ маршъ продолжала тогда армія, и что въ ней происходило". Только съ наступленіемъ глубокой осени авторъ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, но все-таки еще не могъ вступить въ должность. Въ это время „было небольшое сраженіе при мѣстечкѣ Голнау"[5]), взятомъ штурмомъ. Войска должны были размѣститься по зимнимъ квартирамъ. К.(уринскому) полку назначено было стоять въ Познани. Не доходя четырехъ миль отъ нея, К.(уринскій) полкъ былъ расквартированъ по разнымъ селамъ и стоялъ тамъ четыре мѣсяца; послѣ чего вышелъ приказъ

---

[1]) Записки Болотова, письмо 88-е.

[2]) Ibid. Ѳедоръ Сергѣевичъ Долгорукій † 1761.

[3]) Близъ Маріенбурга намъ извѣстны Liebenthal и Lindenwald. Либъ-Вальдъ, вѣроятно, неточная передача имени втораго изъ этихъ двухъ мѣстечекъ.

[4]) Хомяковъ такъ поясняетъ это выраженіе: „Рандеву, мѣсто, назначенное для собраній всякаго рода". I, 44. Болотовъ пишетъ: „Въ Познани было обыкновенное рандеву или сборище всей арміи"... Письмо 88-е.

[5]) Въ журналѣ о военныхъ дѣйствіяхъ, etc., часть III, стр. 173, стычка подъ Голнау отнесена къ 1 числу октября 1761 года, а въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго (часть III, стр. 421, изд. 1847 г.) ко 2-му октября 1761 года.

Куринскому „полку слѣдовать чрезъ г. Торунь (у автора—Торунъ)" къ Маріенвердеру, а затѣмъ съ наступленіемъ весны къ Колбергу. Не доходя до Колберга, „походъ былъ уничтоженъ" (въ іюнѣ 1762 г.) и всѣмъ велѣно возвратиться въ Маріенвердеръ, гдѣ полкъ и „пробылъ до самой весны", когда полученъ былъ приказъ идти къ русской границѣ чрезъ Тильзитъ [1]) и Мемель. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Хомяковъ „посѣтилъ прежняго своего хозяина", отъ котораго и узналъ, „что дочери его всѣ выданы въ замужество". „Желая нетерпѣливо—продолжаетъ онъ—увидѣться съ дражайшею моею Элизою, ни мало не медля разстался я съ своимъ хозяиномъ и полетѣлъ какъ на крыльяхъ въ ея домъ. Я успѣлъ въ своемъ намѣреніи, увидѣлся съ обладательницею моего сердца въ присутствіи ея супруга. Довольно времени побывъ въ ея домѣ, съ прискорбностью разстался съ нею. Сія разлука хотя несносна была и для нея самой, однако уже менѣе извлекала слезъ изъ ея прелестныхъ очей; и она просила меня продолжать къ ней свое дружество, а не любовь, потому что уже имѣла обладателемъ своего сердца законнаго мужа. Послѣ сего свиданія часто я посѣщалъ ихъ домъ, и во ономъ меня принимали какъ истиннаго своего пріятеля". Такимъ образомъ „выпускаемая изъ памяти" въ Либъ-Вальдѣ Элиза какъ бы снова вступала въ свои права надъ сердцемъ нѣжнаго автора воспоминаній: теперь уже Элеонора была „выпущена", а вскорѣ и оба эти „предмета" должны были уступить свои права новой „плѣнительницѣ", уязвившей нѣжное сердце автора на новомъ постоѣ. Полкъ направился чрезъ Митаву до Риги, гдѣ „перезимовавъ, выступили въ кампаментъ [2]) подъ Юнгферъ—мызу въ 1763 году и тамъ простояли все лѣто". Потомъ всѣмъ полкамъ велѣно было „выступить на квартиры", а К.(уринскому) полку слѣдовать въ Митаву. Шесть мѣсяцевъ стояли войска подъ Митавой, а въ апрѣлѣ 1764 года К.(уринскому) полку и частямъ другихъ полковъ, прибывшихъ въ Митаву, приказано было идти въ Варшаву „для соблюденія спокойствія и тишины", при вступленіи на престолъ Станислава Августа Понятовскаго. Изъ полка выбранъ былъ „нарочный баталіонъ" и отправленъ въ Краковъ „для усмиренія бывшихъ тамъ нѣкоторыхъ возмутителей". Хомяковъ попалъ въ число этихъ избранныхъ. Баталіонъ еще съ дороги былъ возвращенъ въ

---

[1]) Авторъ прибавляетъ: „стоящій надъ рѣкою Д...", вѣроятно онъ Западную Двину смѣшалъ съ Нѣманомъ.

[2]) Сборъ войскъ для ученья и маневровъ, говоря вообще; въ частности—кавалерійскіе и артиллерійскіе биваки.

Варшаву; а въ іюнѣ назначенъ былъ полку вновь „походъ за вторымъ возмутителемъ кн. Радзивиломъ“. Войско, шедшее форсированнымъ маршемъ, настигло непріятеля при деревнѣ Гавриловкѣ, близъ Николаева [1]), непріятельская пѣхота была взята въ плѣнъ и обезоружена, а затѣмъ распущена съ подпиской „не поднимать оружія на россійскія войска и не вступать въ службу кн. Радзивилла“. Послѣ этого большую часть лѣта полкъ простоялъ подъ Николаевымъ, а затѣмъ направился къ Варшавѣ и расположился въ деревнѣ Заборовкѣ (Zaborow) близъ Варшавы. Наступила зима и скука. Командовавшій Куринскимъ полкомъ полковникъ С.(ухотинъ) [2]) вздумалъ устроить спектакль, для чего и выбралъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ; въ числѣ избранныхъ былъ и нашъ Хомяковъ. Для перваго представленія избранъ былъ, очевидно, мольеровскій L'Avare, въ которомъ роль Маріанны (fille d'Anselme) игралъ авторъ воспоминаній. Передаемъ разсказъ объ этомъ спектаклѣ словами самого Хомякова: „а какъ все надлежащее къ тому было приготовлено, то велѣно намъ выучить камедію подъ названіемъ *Скупой Гарпагонъ*. И какъ каждый изъ насъ выучилъ свою роль, то собраны были мы въ помянутый театръ для репетиціи. Полковникъ С.(ухотинъ), видя, что мы въ произношеніи словъ, тѣлодвиженіяхъ и самыхъ дѣйствіяхъ не уступали настоящимъ польскимъ актерамъ, приказалъ намъ одѣваться каждому по своей роли въ приличное платье и начинать совершенное дѣйствіе. Итакъ Гарпагона представлялъ А...; Клеанта, сына его и любовника Маріанны, Н...; Элизу, дочь его,—любовницу Валерову, П...; Валера—Ж...; Маріанну, любовницу Клеантову, въ которую былъ влюбленъ и самъ Гарпагонъ—Я; Ансельма, богатаго дворянина—Ку...; Фрозину, сваху (т. е. femme d'intrigue)—Ко...; Симона маклера (maître Simon, courtier), Якова Гарпагонова повара и кучера, (?) Стрѣляя (La flèche) Клеантова слугу — Кар...; Клоду, служанку Гарпагонову — Г...“. Актеры были расхвалены и награждены. Представленіе удалось и

[1]) Николаевъ, въ б. воеводствѣ подольскомъ (Mikolajów nad Bożkiem). Въ формулярѣ Хомякова читаемъ: „въ польское интереніе (т. е. interregnum) всю войну до самаго истребленія войскъ гетмана Бараницкаго (т. е. Браницкаго) и князя Радзивила и при взятьѣ въ деревни Гавриловкѣ всѣй пѣхоты въ полонъ съ 765 по 768 всѣ три года съ полкомъ Куринскимъ въ Польшѣ въ рефорсированныхъ маршахъ для смиренія возмутителей и сохраненія въ ней покоя“.

[2]) Алексѣй Сухотинъ, съ апрѣля 1765 г. См. Воинскій Календарь на 1765 г., стр. 38 и *Лебедева* — Русская армія въ началѣ царствованія Екатерины II, въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи 1899 г., кн. вторая. стр. 40.

было повторено предъ „многими знатными обоего полу особами", которые, сверхъ похвалы, подарили актерамъ, „болѣе двадцати голландскихъ червонцевъ". По желанію полковника С.(ухотина), „представляли и другія піэсы... зимою въ квартирахъ, а лѣтомъ—въ лагерѣ". Мы знаемъ, что и ранѣе (въ 1759 г.) у русскихъ офицеровъ въ Семилѣтнюю войну были попытки къ устройству „благороднаго театра", о чемъ сообщаетъ и современникъ Хомякова—Болотовъ, но знаемъ также, что „пышная и великолѣпная затѣя — поставить на сцену ломоносовскаго Демофонта—какъ мыльный пузырь лопнула" [1]).

Чрезъ нѣсколько времени Куринскому полку приказано было „слѣдовать чрезъ Торунь въ Хелмно (въ 1765 г.) [2]), гдѣ полкъ провелъ зиму на квартирахъ, а весну и лѣто въ лагерѣ; съ наступленіемъ зимы—опять на квартирахъ, а затѣмъ былъ полученъ приказъ двинуться въ Литву до Минска (въ книгѣ—до Линска), въ которомъ авторъ воспоминаній находитъ достойнымъ примѣчанія „монастырь православно-каѳолической церкви во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла". Въ Минскѣ „стояли всю зиму (въ 1766 г., въ январѣ мѣсяцѣ), по истеченіи которой выведены въ лагерь, гдѣ при обыкновенномъ ученіи происходило однократное примѣрное взятіе города, построеннаго артиллерійскими офицерами"- Въ增 срединѣ лѣта К.(уринскій) полкъ, подъ командой г. г.(енералъ) м.(аіора) С.(тупишина) выступилъ изъ Минска въ мѣстечко Миръ [3])—(у автора—Миръ Городъ) и расположился лагеремъ, а по возвращеніи на квартиры полкъ получилъ приказъ двинуться къ Варшавѣ, подъ которой (въ двухъ миляхъ отъ Варшавы) полкъ и остановился въ мѣстечкѣ Песочномъ [4]), а затѣмъ въ мартѣ 1767 года двинулся въ Торунь.

Здѣсь у автора начинаются лирическія изліянія въ разсказѣ, вслѣдствіе того, что въ Торунѣ „обитала назначенная (ему) небесами супруга". Хомякову пришлось квартировать „у богатаго купца Рейша, который имѣлъ въ своемъ домѣ племянницу дѣвицу А... Красота ея была столь плѣнительна, что при первомъ моемъ—говоритъ онъ—на нее взглядѣ великую сдѣлала перемѣну въ моей душѣ". Итакъ первый взглядъ на новую (уже третью въ хронологическомъ порядкѣ) красавицу рѣшилъ судьбу Хомякова. Черезъ камердинера

[1]) Записки *Болотова*. Письмо 73-е.

[2]) *У Хомякова*: „чрезъ Торунъ Холмъ" т. е. чрезъ Thorn въ Kulm (Chelmno).

[3]) Mir, называвшійся въ старину Myrch, между Минскомъ и Новогрудкомъ (въ Минской губ.).

[4]) Т. е. Пясечно (Piasieczno) въ Варшавской губерніи и уѣздѣ.

онъ узналъ о родствѣ дѣвицы А..., равно и о впечатлѣніи, произведенномъ постояльцемъ на молодую дѣвушку. Вотъ подслушанный и переданный ему отзывъ дѣвицы А... о новомъ постояльцѣ, когда довѣренная особа дѣвицы А... спросила ее: „Какъ вы, сударыня, замѣчаете о нашемъ постояльцѣ? Онъ, по моему мнѣнію, лицомъ красивъ, учтивъ, добронравенъ, основателенъ, и притомъ человѣкъ самыхъ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ можно побѣждать сердца“!

Дѣвица А... отвѣчала:

— „Ты правду говоришь... Образъ его при вступленіи въ нашъ домъ впечатлѣнъ въ моемъ сердцѣ и я имѣю къ нему чувствительность, но чтобы не подать повода къ подозрѣнію, отвѣчала я на его взоры, изъявляющіе ко мнѣ любовь, притворнымъ презрѣніемъ, а въ самомъ дѣлѣ я нетерпѣливо желаю съ нимъ поговорить“.

Камердинеръ устроилъ для Хомякова свиданіе съ предметомъ его страсти въ саду вечеромъ. Вотъ какъ разсказываетъ авторъ объ ожиданіи блаженной минуты встрѣчи:

„Весь остатокъ того дня проводилъ я въ вытерживаніи рѣчей, каковыми мнѣ надлежало объясняться предъ А... По наступленіи ночной тишины, поспѣшно побѣжалъ я къ сказанному мнѣ гроту; приближась къ оному, осматривался нѣсколько, не примѣчаетъ ли кто за мною: но разсудя, что некому было это сдѣлать, безъ всякаго труда и опасенія нашедъ проломъ, вошелъ въ гротъ, а изъ онаго въ садъ. Всякая минута до свиданія моего съ А... казалась мнѣ часомъ, и малѣйшій шумъ древесныхъ листьевъ, отъ тихаго зефира происходящій, приводилъ меня въ страхъ и отчаяніе. Но какъ комната дѣвицы А... находилась окнами въ садъ и сдѣлана была небольшая галлерея, то я беспрестанно стоя подъ онымъ, дожидался прихода ея съ нетерпѣливостью. Между тѣмъ показалась А... и ея первый взоръ съ жаромъ на меня брошенный плѣнилъ вторично мое сердце: и отъ великаго своего восхищенія такъ началъ я ей говорить: „Небо, лишенное солнечнаго свѣтила, ожидаетъ скораго выхожденія луны; такъ подобно и я, дражайшая А..., упоенный къ вамъ любовію, ожидалъ васъ сюда. Взоръ вашъ при первомъ свиданіи столь сильно умѣлъ меня поразить, что я лишась всей вольности съ тѣхъ поръ сдѣлался вашимъ плѣнникомъ. Откройтесь мнѣ, обладательница души моей, хотите ли вы мнѣ даровать свободу, или повелѣваете до самаго гроба носить тяжкія сіи оковы“?

— Вы сими словами—отвѣчала она—чувствительно тронули мое сердце. Учтивство, всегда мнѣ вами оказываемое, склоняло меня часъ

отъ часу болѣе на вашу сторону, и я уже принужденною нашла себя, чтобы съ вами увидѣться. Для того приказала я вамъ придти сюда, чтобы согласовать наши мысли, не имѣютъ ли они какого разврата? Мои состоятъ въ томъ, что до тѣхъ поръ, какъ не испрошу позволенія отъ моихъ родителей сочетаться съ вами брачными узами, сохранить къ вамъ невинную любовь: теперь откройтесь вы мнѣ, будете ли вы на сіе согласны?

— Чувствованія мои — отвѣчалъ я ей — совершенно сходствуютъ съ вашими, и естьли бы вы не предускорили меня своимъ отвѣтомъ, то бы услышали тѣжъ самыя слова; теперь остается намъ увѣрить другъ друга клятвами въ соблюденіи взаимной вѣрности, хотя желаніе наше и не скоро можетъ совершиться"...

Она замѣтила на это, что ей получить позволеніе отъ родныхъ на бракъ съ чужеземцемъ очень трудно, и предложила обвѣнчаться „тайнымъ образомъ"; онъ сказалъ, что для него это еще труднѣе, такъ какъ онъ долженъ сначала заявить о своемъ намѣреніи своему „родителю и господину полковнику".

И прежнія нѣжныя письма автора къ предмету первой его страсти, и приведенный сейчасъ разговоръ вполнѣ переносятъ насъ въ описываемую эпоху страшно-нѣжныхъ и нѣжно-страшныхъ романовъ, чтеніе которыхъ ярко отразилось на разсказѣ автора мемуаровъ. Если въ то время, какъ начали проявляться его сердечныя увлеченія, онъ еще и незнакомъ былъ съ повѣствовательною литературою XVIII вѣка, то позднѣйшее ознакомленіе съ ней едва ли не наложило рѣзкій отпечатокъ на разсказъ, писанный, очевидно, въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка. Буквально повторить все говоренное въ юномъ чаду чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ едва ли возможно, и Хомяковъ, хоть и добросовѣстно сообщавшій о своихъ похожденіяхъ, быть можетъ невольно увлекся литературными примѣрами и образцами своего времени.

На другое же утро послѣ вечерняго свиданія Хомяковъ рѣшился, было, сообщить о своихъ матримоніальныхъ намѣреніяхъ отцу — но въ то же утро узналъ, что К.(уринскій) полкъ долженъ двинуться къ Варшавѣ. Хомяковъ сообщилъ объ этомъ своей возлюбленной, „которая (при послѣдовавшемъ вскорѣ затѣмъ выступленіи полка), тайнымъ образомъ удалясь изъ дому Рейшова, провожала своего возлюбленнаго издали за самый городъ".

Вскорѣ К.(уринскій) полкъ прибылъ въ Варшаву; изъ бывшихъ тамъ полковъ образовалось два корпуса—*наступательный* и *оборони-*

тельный; „въ присутствіи самого короля польскаго происходило сраженіе“ — вѣроятно, маневры. Вскорѣ опять Куринскій полкъ былъ посланъ въ Торунь и Хомякову снова довелось квартировать у Рейша. Рейшъ принялъ его съ радушіемъ, какъ и прежде, и въ первый же вечеръ пребыванія у Рейша Хомяковъ (не безъ посредства камердинера) имѣлъ свиданіе съ дѣвицею А..... въ саду.

Вотъ ихъ бесѣда:

— Что ты медлишь, любезный другъ, сдѣлать меня счастливою? спросила она.

— Дражайшая А..... (отвѣчалъ Хомяковъ). Я и прежде объявлялъ вамъ, что мнѣ безъ позволенія родителя и полкового командира приступить къ браку невозможно; исходатайствовать же оное еще не было времени. Хотя я уже и готовился начать сіе предпріятіе, однакожъ походъ мнѣ въ томъ воспрепятствовалъ...

— Постарайся—прервала она — поскорѣй удовлетворить общему нашему желанію, поелику къ тому съ моей стороны теперь есть удобный случай.

— Съ великою охотою—отвѣчалъ онъ—вашему повелѣнію повиноваться желаю, и завтра же начну производить въ дѣйство оное. Но будетъ ли то съ успѣхомъ или съ худымъ слѣдствіемъ, въ томъ уже я васъ увѣрить не могу. И когда угодно будетъ судьбѣ отложить нашъ брачный союзъ еще на нѣсколько времени, или навѣки оный уничтожить, то прошу въ семъ меня не обвинять и не роптать.

— Что ты, любезный другъ! вскричала она. Неужли меня не хочешь имѣть своею супругою? Будь увѣренъ, что ежели получу я отъ тебя завтрашній день противный моему намѣренію отвѣтъ, то въ тужъ минуту лишу себя жизни собственною рукою.

Бесѣда продолжалась въ томъ же духѣ, лойяльный авторъ выгораживалъ себя, ссылаясь на зависимость отъ другихъ и въ то же время продолжалъ увѣрять въ своей любви. Вслѣдъ за приведенною выше бесѣдою авторъ мемуаровъ вводитъ эпизодъ о женитьбѣ за границею одного русскаго *канонера*, старика, на молодой „иностранной“ дѣвушкѣ, при чемъ при обрядѣ вѣнчанія совершенъ былъ обманъ, а затѣмъ уже переходитъ къ разсказу о своемъ дѣлѣ.

Отецъ Хомякова на заявленіе сына о желаніи вступить въ бракъ, разспросивъ „о количествѣ приданаго“, хотя и нашелъ такой бракъ „выгоднымъ“, но сказалъ, что разрѣшеніе зависитъ отъ полкового командира. Молодой Хомяковъ отправился къ сему послѣднему и командиръ „приказалъ съ родителемъ притти къ себѣ вечеромъ“.

Вечеромъ и отецъ и сынъ съ своей возлюбленной А..... явились къ командиру, который сказалъ, что рѣшеніе зависитъ отъ отца; отецъ говорилъ, что „просьба сына можетъ быть разрѣшена только особою командира"; командиръ снова передавалъ свое согласіе на благоусмотрѣніе отца... съ чѣмъ они и оставили квартиру командира. Отецъ, замѣтивъ, что сынъ безпокойно провелъ слѣдующую ночь, утромъ же отправился къ командиру С.(ухотину), давшему „письменное приказаніе полковому священнику" на бракосочетаніе.

Забавно разсказываетъ авторъ, какъ онъ, послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ часовъ, вслѣдствіе сомнѣній въ согласіи отца заснулъ... „Я же обремененъ будучи печалію погруженъ былъ въ крѣпкій сонъ, до самаго (?) половины дня; и можетъ быть и весь бы день проводилъ въ ономъ, ежели бы присланный отъ моего родителя не прервалъ у меня оный". Отецъ далъ совѣтъ сыну отложить женитьбу... до возвращенія въ отечество. Сынъ плакалъ и просилъ согласія на бракъ; и отецъ, „чтобы его не укоряли въ жестокости, позволилъ вступить въ супружество". Днемъ брака было назначено 28-е января 1768 г.

Свадьба была весело отпразднована; на другой день молодые сдѣлали визиты по начальству и послѣ „обѣденнаго стола" молодой супругъ напугалъ всѣхъ присутствовавшихъ сильнымъ обморокомъ, но все обошлось благополучно. Чрезъ два мѣсяца, весело проведенныхъ молодыми, К.(уринскій) полкъ долженъ былъ отправиться въ Россію, что не совсѣмъ-то нравилось молодой супругѣ Хомякова, неохотно разстававшейся съ родиной и родными. Тѣмъ не менѣе, распродавъ за полцѣны все излишнее изъ полученнаго въ приданое, молодые въ началѣ апрѣля двинулись въ путь. „Въ непродолжительномъ времени достигли Бѣлостока (у автора—Бѣлаго стога), гдѣ былъ великолѣпный замокъ знатнаго польскаго гетмана Б.(раницкаго)" [1]. Авторъ восхищается замкомъ и паркомъ и сообщаетъ, что „г. С.(ухотинъ), управляющій полкомъ съ прочими штабъ и оберъ-офицерами, отправился для засвидѣтельствованія своего почтенія гетману, а на другой день полкъ двинулся далѣе". Чрезъ два дня, не доходя до г. Гродно (у автора—Гродни) въ Соколкѣ (у автора — Соколкахъ) отъ чрезвычайнаго посланника кн.(язя) Р.(еппина) [2]) изъ Варшавы былъ полученъ

---

[1]) Современники Яна Клеменса Браницкаго († 1771 г.) называли Białystok—Wersalem podlaskim. См. Balińskiego—Starożytna Polska. Томъ II, стр. 1317.

[2]) Т. е. „полномочный посолъ" въ Польшѣ, по смерти Кейзерлинга, Н. В. Репнинъ.

приказъ К.(уринскому) полку „остаться въ Соколкѣ впредь до повелѣнія". Чрезъ двѣ недѣли велѣно было двинуться къ Варшавѣ „для прекращенія неустройства". Въ десяти миляхъ отъ Варшавы полкъ былъ раздѣленъ на пять деташементовъ, „чтобы окружить Варшаву для доставленія оной безопасности". Хомякову привелось съ двумя ротами квартировать въ мѣстечкѣ Вышегродъ, подъ командою капитана Г..... Въ мѣстечкѣ находился заброшенный „замокъ старинной удивительной архитектуры" [1]). Отрядъ находился тамъ цѣлый мѣсяцъ. „Въ семъ уединенномъ жилищѣ (можетъ быть тутъ подразумѣвается этотъ „никѣмъ не населенный замокъ")... мы услаждали наши чувства пѣніемъ различныхъ птицъ" — говоритъ Хомяковъ; а вслѣдъ затѣмъ „командиръ деташемента былъ увѣдомленъ, что за пятнадцать миль отъ Вышегрода собралась конфедерація и что при оной для доставленія спокойствія и тишины непремѣнно должно быть россійскимъ войскамъ"; а для укомплектованія деташемента главнокомандующій прислалъ гусарскій эскадронъ подъ командою М.(аіора) В.(уича), который подъ самымъ Бѣлградомъ [2]) соединился съ деташементомъ. Конфедераты ретировались къ Бѣлграду, разсчитывая занять замокъ, но В.(уичъ) рѣшился предупредить ихъ и переправился чрезъ неширокую рѣку Л.(ейщницу), „глубина которой была почти неизмѣрима и на которой находился только одинъ паромъ". Множество конфедератовъ пало и не мало взято въ плѣнъ, чего не избѣгъ и ихъ предводитель, „маршалъ Баховскій" [3]). О такой „совершенной побѣдѣ" тотчасъ же было послано донесеніе въ Варшаву главнокомандующему С.(алтыкову); курьеромъ съ этимъ донесеніемъ былъ отправленъ Хомяковъ въ сопровожденіи шпіона-еврея, разслѣдовавшаго по дорогѣ отъ своихъ единовѣрцевъ о конфедератахъ, и бѣдный Хомяковъ „одѣвался въ подобное ему платье, а волосы подвертывалъ подъ камилавочку". „Чтожъ касается до того — говоритъ довѣрчивый Хомяковъ, — что я не зналъ нарѣчія евреевъ, то въ такомъ

---

[1]) Wyszogród (Visogrodia, Vysegradia, Vyssegrod alias Hoghemburg) противъ устья Бзуры на Вислѣ, въ б. воеводствѣ Мазовецкомъ.

[2]) Померанскій городокъ Belgard или Belgardt въ Кёслинскомъ округѣ.

[3]) Въ формулярномъ спискѣ находимъ: „768 въ такихъ же маршахъ въ разныхъ деташементахъ, а напослѣдокъ подъ командою гусарскаго маіора Вуича при разбитіи подъ Бѣлгородомъ конфедерацкаго маршалка Баходскаго съ тремя стами конницы и изъ онаго мѣстечка посыланъ былъ съ корпусомъ въ Варшаву къ чрезвычайному и полномочному послу съ нужнѣйшими депешами да и въ другіе нужные мѣста для разслѣдыванія о непріятелѣ... употребляемъ былъ".

случаѣ, чтобы не подвергнуть себя явной опасности, притворялся нѣмымъ, въ чемъ совершенно имѣлъ я успѣхъ, и не довольно конфедераты, но и самые евреи не могли меня примѣтить, что я былъ не тотъ, каковымъ по убору моему казался".

Послѣ этого Хомяковъ „благополучно прибылъ въ деташементъ, гдѣ нашелъ любезную свою супругу во всякомъ благополучіи". Затѣмъ деташементъ возвратился изъ Бѣлграда въ Вышегродъ, а оттуда немедленно двинулся къ Безоравѣ [1]) подъ командою капитана Г....., гдѣ и соединился съ деташементомъ, бывшимъ подъ командою подполковника Д.(умашева) [2]), а потомъ двинулся внизъ по Вислѣ. „Тяжелый обозъ оставили (подъ командой капитана Ф.....) съ одной при немъ ротой, коему велѣно для безопасности слѣдовать въ Торунь", и тамъ быть до новаго распоряженія. Въ Торунь отправилась и жена Хомякова вмѣстѣ „съ прочими находящимися въ обозѣ женщинами". Оба соединенные деташемента и день и ночь продолжали путь, „а куда и сами того никакъ знать не могли". При какой-то переправѣ чрезъ Вислу, направляясь къ предѣламъ Австріи (къ цесарскимъ границамъ), узнали, что на пути собралось множество конфедератовъ. При мѣстечкѣ П..... была сильная стычка съ конфедератами, отодвинутыми до мѣстечка Б....., гдѣ деташементы, вмѣстѣ съ гусарскимъ эскадрономъ, одержали верхъ и „получили довольную добычу, состоящую изъ лошадей, рогатаго скота и съѣстныхъ припасовъ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ отъ командующаго войскомъ генерала Д..... [4]) полученъ былъ деташементамъ приказъ изъ Варшавы—воротиться туда же „на прежнія мѣста въ дистанціи". Такимъ образомъ Хомяковъ добрался до Торуня, гдѣ и „нашелъ свою любезную супругу въ желаемомъ (для него) состояніи", но „на другой же день деташементамъ велѣно было выступить въ походъ, а обозамъ остаться на прежнемъ мѣстѣ". Деташементы продолжали маршъ вверхъ по Вислѣ и чрезъ Безораву (см. выше) прибыли въ Вышегродъ. Туда чрезъ три недѣли вмѣстѣ съ обозомъ, бывшимъ въ Торунѣ, прибыла и жена Хомякова. Затѣмъ деташементъ получилъ приказъ слѣдовать

---

[1]) Вѣроятно съ лѣвой стороны впадающая въ Вислу р. Бзура (Bzura), справа принимающая въ себя р. Равку (Rawka).

[2]) Алексѣй Думашевъ. См. Воинскій календарь на 1765 годъ, стр. 41.

[3]) Иниціалы—*П* и *Б*, вѣроятно, обозначаютъ — Подганчи и Баръ, мѣстечки Подольской губерніи.

[4]) Вѣроятно—кн. Долгорукаго.

въ Старую Раву [1]). Близъ этого мѣстечка встрѣтили другой деташементъ, и Хомяковъ имѣлъ „не малое удовольствіе" встрѣтиться съ отцомъ своимъ, котораго не видалъ уже болѣе пяти мѣсяцевъ. Отецъ разсказалъ ему „о различныхъ обстоятельствахъ, случившихся съ нимъ подъ столичнымъ городомъ Краковымъ и мѣстечкомъ Кузмиромъ" [2]); но свиданіе ихъ было непродолжительно: деташементъ долженъ былъ идти въ мѣстечко Лайцицы [3]). Въ окрестностяхъ этого пункта деташементъ имѣлъ стычки съ конфедератами, „противу которыхъ одна партія получила довольный успѣхъ. Она одержала знаменитую побѣду надъ многимъ числомъ непріятелей, довольно взяла въ плѣнъ, а имѣніе ихъ служило ей добычею". „По возстановленіи во всей странѣ спокойствія", отъ генерала Д..... полученъ былъ приказъ, чтобы деташементъ придвинулся къ Варшавѣ. Онъ прибылъ въ окрестности Варшавы въ первыхъ числахъ октября и расположился тамъ на квартирахъ. Тамъ-то 28-го ноября Хомяковъ былъ *осчастливленъ* рожденіемъ дочери. „Въ то самое благополучное для меня время—говоритъ онъ—произносилъ я столько восхитительныхъ словъ, что теперь и упомнить ихъ не могу; и такъ не упрекая себя въ слабой памяти, предаю я оныя забвенію потому что кажется они и для читателя не очень надобны". Затѣмъ, вѣроятно, считая очень надобнымъ для читателя, Хомяковъ сообщаетъ, что новорожденная крещена въ Варшавѣ и названа Еленой. Чрезъ нѣсколько недѣль деташементу въ третій разъ велѣно было возвратиться въ Вышегродъ, обозъ же съ ранеными подъ Краковомъ и Казимиромъ (у автора—Кузмиромъ), а равно и всѣхъ женщинъ подъ прикрытіемъ велѣно отправить въ Ригу, вслѣдствіе чего Хомякову и пришлось разстаться съ женой и дочерью. Такъ какъ изъ Вышегрода нужно было

---

[1]) На сѣверъ отъ Равы, въ $1^1/_2$ миляхъ—Stara Rawa, деревушка, въ нынѣшней Петроковской губерніи.

[2]) Вѣроятно — Казимиромъ, лежащимъ на Вислѣ въ Новоалександрійскомъ уѣздѣ нынѣшней Люблинской губерніи, т. е. въ бывшемъ воеводствѣ Любельскомъ, и называвшемся для отличія отъ нѣсколькихъ другихъ Казимировъ въ польскихъ земляхъ—*Kazimierz dolny* (inferior). Неправильная, невнимательная, небрежная передача географическихъ или собственныхъ именъ у Хомякова не должна возмущать читателя нашего времени, если онъ вспомнитъ, что и газетчики той поры часто перевирали названія, и географическія и собственныя, совсѣмъ такъ, какъ и сейчасъ бываетъ въ газетахъ, особенно съ именами славянскими.

[3]) Вѣроятно—Ленчица на Бзурѣ. (Łęczyca) въ н. Калишской губ., прежде—въ воеводствѣ Ленчицкомъ.

посылать донесенія въ Варшаву, то Хомяковъ и просилъ передать ему это порученіе. Просьба его была исполнена и онъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ отправился въ Варшаву. Онъ разсчитывалъ догнать на пути обозъ, при которомъ находилась и его жена, и дѣйствительно, по прибытіи въ Варшаву, узналъ, что обозъ стоитъ невдалекѣ отъ Варшавы, близъ замка князя (у автора — принца) Любомирскаго.

Свиданіе Хомякова съ семействомъ было неожиданно и „восхитительно", но непродолжительно. По утру Хомяковъ былъ у посланника, генерала и полковника для врученія депешъ, а на другой день онъ снова отправился въ Вышегродъ; но такъ какъ деташементъ дня за два предъ тѣмъ выступилъ въ походъ, то Хомяковъ уже на пути „настигъ" его и, передавъ г. Ч..... „конверты" изъ Варшавы, „вступилъ въ должность, и слѣдовалъ съ деташементомъ по предписаннымъ путямъ. „Обойдя окружно, пришли на трактъ ведущей изъ Риги въ Варшаву", и съ трудомъ переправившись чрезъ Вислу у Праги (это было въ декабрѣ), вступилъ на Краковскій трактъ и расположился по квартирамъ въ селахъ за милю отъ Варшавы. Въ этомъ мѣстѣ собрался весь К.(уринскій) полкъ, и Хомяковъ „къ счастью своему увидѣлся паки съ своею супругою". Но свиданіе было непродолжительно, такъ какъ полку велѣно было маршировать къ турецкой границѣ. Полкъ двигался чрезъ Пулавы, Люблинъ и Дубно. На пути полученъ былъ манифестъ о войнѣ съ Турціей. Въ Дубнѣ полкъ застали уже войска, пришедшія изъ Россіи подъ командою генералъ-аншефа О.(лица) [1]. Въ Дубнѣ Хомяковъ получилъ отъ жены письмо, извѣщающее, что она приближается къ Ригѣ. Вскорѣ затѣмъ второму батальону К.(уринскаго) полка, въ которомъ числился Хомяковъ, велѣно было расположиться въ г. Заславлѣ [2]. По прибытіи туда, Хомяковъ скучалъ въ разлукѣ съ семействомъ и, вѣроятно, зная, какъ утѣшали себя въ такихъ случаяхъ великіе міра сего, напримѣръ, фельдмаршалъ Апраксинъ, слушавшій „нелѣпый вздоръ гранодера при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ" [3]), и Хомяковъ для развлеченія „вздумалъ въ числѣ рядовыхъ сыскать та-

---

[1]) *Петрова*: Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами. Т. I, стр. 126.

[2]) На востокъ отъ Дубна, на Горыни у. г. нынѣшней Волынской губерніи.

[3]) „Изволилъ слушать сказки отъ сидящаго въ головахъ у него за столикомъ гранодера и болтавшаго нелѣпой вздоръ во все горло". Записки Болотова, письмо 52.

кого, которой бы могъ въ вечернее время разсѣевать его печальныя мысли". Таковой солдатикъ „желаемаго свойства" нашелся и развлекалъ сказками своего неприхотливаго слушателя. Ниже Хомяковъ помѣщаетъ семь сказокъ, слѣдующими словами оканчивая первую часть своихъ воспоминаній: „прошу читателя сихъ сказокъ и окончанія моей повѣсти поискать во второй части; а здѣсь въ разсужденіи пера, которое довольно притупилось, ничего больше не будетъ"...

Вторая часть „истинной повѣсти" Хомякова начинается рекомендаціею автора читателю только въ томъ случаѣ читать сообщаемыя сказки, если онъ (читатель) „желаетъ знать повѣствованіе разскащика или слогъ русскихъ сказокъ"; но, думается, что хоть народная сказка или такъ называемый анекдотъ и искажается въ устахъ *образованнаго* человѣка, какимъ несомнѣнно считаетъ себя солдатъ сравнительно съ крестьяниномъ, тѣмъ не менѣе и на долю нашего автора приводится отнести витіеватое подчасъ изложеніе далеко не народныхъ солдатскихъ разсказовъ.

„Просторѣчивыя, или лучше сказать низскаго народа слова" авторъ намѣревался „означать запятыми", подъ которыми у него подразумѣвались вносные знаки. Но, несмотря на это обѣщанное „просторѣчіе", кромѣ присказки, несомнѣнно носящей народный характеръ по содержанію [1]), всѣ остальные разсказы отзываются чѣмъ-то въ родѣ западно-славянскихъ фацецій съ quasi-литературною обработкою. Уже помимо манеры и содержанія разсказовъ, самыя имена дѣйствующихъ лицъ ясно указываютъ на полнѣйшее отсутствіе народности въ семи сообщенныхъ сказкахъ: тамъ встрѣчается и *Легкомыслъ* (1-я сказка), и *Милолика*, и *Алисаръ* (4-я сказка), и *Панъ* — въ смыслѣ „господинъ", и классическій *богъ Панъ* (2-я сказка), съ которымъ, очевидно, не могъ быть знакомъ не только разсказчикъ, но и его слушатель, безтолково подрисовавшій разсказы служиваго.

Кромѣ присказки въ книгѣ Хомякова приведено, какъ выше замѣчено, семь сказокъ:

1. О мертвецѣ и разбойникахъ.

---

[1]) „Разскащики—говоритъ авторъ—дабы не могъ никто объявленіемъ ошибокъ прерывать ихъ сказки, имѣютъ изрядное средство приводить слушателей въ молчаніе", послѣ чего и сообщаетъ присказку солдата, совершенно напоминающую и по формѣ, и по содержанію дѣйствительно народную русскую сказку о томъ, „какъ мужъ отъучилъ жену отъ сказокъ", помѣщенную въ изд. Аѳанасьева, вып. III, № 27, по изд. 1860 г., или Томъ II, № 243, по изданію 1897 года.

2. О голобокомъ волкѣ.
3. О путешествующемъ солдатѣ.
4. О ворѣ и мошенникѣ.
5. О двѣнадцати бутылкахъ.
6. О вѣдьмѣ.
7. О прохожемъ мальчикѣ [1]).

Закончивъ разсказъ „о прохожемъ мальчикѣ", такъ какъ „сія сказка была послѣдняя въ разсужденіи отлучки разскащика", Хомяковъ возвращается къ своимъ воспоминаніямъ.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Заславлѣ, полкъ чрезъ мѣстечко Николаевъ [2]) прибылъ въ Каменецъ-Подольскъ (у автора—Камень-Подольскъ), соединился съ полками, стоявшими тамъ, и былъ прикомандированъ къ бригадѣ генералъ-маіора К.(аменскаго). Окончивъ приготовленія къ походу, войска двинулись къ турецкой границѣ, перешли Днѣстръ и направились къ Хотину „подъ командою управляющаго всею арміею князя Г.(олицына)". Въ великую субботу войска подошли въ Хотину, и „въ непродолжительномъ времени съ великимъ успѣхомъ оной обомбардировали апрѣля 18-го дня 1769 года". Далѣе Хомяковъ разсказываетъ объ удачномъ для русскихъ войскъ сраженіи на передовыхъ постахъ подъ форштадтомъ и смертельной ранѣ командующаго передовымъ отрядомъ кн.(язя) Д.(олгорукова) [3]). Войска простояли тамъ до 21-го апрѣля, когда обозначился недостатокъ фуража, вслѣдствіе чего на военномъ совѣтѣ рѣшено было: „отступя отъ Хотина и оставя до времяни осаду онаго, итти прежнимъ трактомъ къ польскимъ границамъ". Хомяковъ разсказываетъ о положеніи дѣла при этомъ отступленіи, сообщаетъ, какъ непріятель бросился въ погоню за отступавшими и принужденъ былъ возвратиться къ Хотину, — какъ наши войска ниже Каменца-Подольскаго

---

[1]) Нельзя при этомъ не вспомнить указаніе Смирдинской „Росписи" (Приб. I, № 10682) на загадочное изданіе, весьма напоминающее своимъ заглавіемъ перечисленныя сейчасъ сказки. У Смирдина читаемъ: „Сказки о двѣнадцати бутылкахъ, о прохожемъ мальчикѣ, о вѣдьмѣ, о купцѣ и о прохожемъ солдатѣ" (in 8°). Годъ и мѣсто изданія не указаны, а потому и трудно сказать, не имѣя подъ руками вышеуказаннаго изданія, Хомяковъ ли внесъ чужой текстъ въ свою книгу или неизвѣстный издатель сказокъ воспользовался книгою Хомякова?

[2]) Mikołajów nad Bożkiem въ б. воеводствѣ Подольскомъ, въ Латычевскомъ повѣтѣ.

[3]) Кн. Петръ Сергѣевичъ Долгоруковъ командовалъ гренадерскими баталіонами. Умеръ въ лагерѣ отъ раны 29-го апрѣля 1769 г. См. „Журналъ военныхъ дѣйствій"... 1769 г. 29 апрѣля.

перешли обратно Днѣстръ и расположились лагеремъ при Деражнѣ [1]), и какъ, запасшись провiантомъ, чрезъ мѣсяцъ нѣсколькими колоннами „предприняли вторичной походъ разными трактами къ турецкимъ границамъ", и какъ снова перешли Днѣстръ, „но не дошедъ до Хотина перехода за два, прошедъ дефилею при деревнѣ Доржокъ [2]) iюня мѣсяца въ 29-й день учинили съ непрiятелемъ нѣкоторое сраженiе, на коемъ выиграли побѣду у непрiятеля 2-го iюля" [3]). Затѣмъ онъ подробно разсказываетъ, какъ послѣ военнаго совѣта наши войска опять перешли Днѣстръ, какъ непрiятель сдѣлалъ нападенiе на арьергардъ, но безуспѣшно. Единственною причиною отступленiя отъ Хотина Хомяковъ вторично считаетъ недостатокъ провiанта, который поджидался изъ Польши. Затѣмъ, армiя снова пошла къ окрестностямъ Хотина, и „чрезъ три перехода опять приближилась къ оному версты за двѣ". Такъ какъ Хомякову приходилось говорить теперь и о себѣ, то онъ подробно разсказываетъ о расположенiи армiи у мѣстечка Жванца (у автора—Жганца) и Рашковскаго лѣса. Последнiй пунктъ былъ постепенно занимаемъ войсками, которыя устраивали засѣки [4]), вызывались волонтеры и съ деташементами посылались въ ночныя экспедицiи противъ непрiятеля. „Предпрiятiе сiе — говоритъ Хомяковъ— принесло россiйскому воинству величайшiй успѣхъ; ибо герои наши дошли, наконецъ, до того, что ни во что уже для себя вмѣняли одерживаемыя побѣды, и ни мало не прельщались достающимися въ ихъ руки добычами. Стоявшiе въ Рашковскомъ лѣсу на аванпостѣ полки, съ праваго фланга К.(уринскiй), въ срединѣ С.П.(етербургскiй), а съ лѣваго 4. Г.(четвертый гренадерскiй) 21-го августа одержали побѣду надъ непрiятелемъ [5]). Они были ключемъ атаки

---

[1]) Въ б. Подольскомъ воеводствѣ, Латычовскаго повѣта, на р. Горыни.

[2]) Въ формулярномъ спискѣ читаемъ: „769 г. въ Турецiи подъ Хотинымъ апрѣля съ 18-го по 21-е число при бонбандированiи онаго iюня 29-го прошедъ дефилею при деревни Должокъ". Въ „Журналѣ военныхъ дѣйствiй" подъ 28-е iюня упоминается о „деревнѣ Долшкѣ". Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ": „С. Довжокъ" указано въ Хотинскомъ уѣздѣ (Бессарабiя).

[3]) Дѣло при Пашкивцахъ. *Петровъ*: Война Россiи съ Турцiей etc. I, 203—206.

[4]) „Къ томужъ—прибавляетъ Хомяковъ—при входѣ въ лѣсъ и выходѣ изъ онаго сдѣланы были главныя батареи засѣки прикрывающiя, изъ коихъ одна называлась *Бишефъ*, и къ сей примыкалъ правой флангъ, стоявшей у первой засѣки". Это—редутъ подпоручика Бишофа—„Журналъ военныхъ дѣйствiй" etc. 1769 г." (14-го августа).

[5]) Если это указанiе дня битвы не опечатка, то, во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ сомнительно. Въ „Журналѣ военныхъ дѣйствiй" (см. предыдущую цитату)

непріятельской болѣе шести часовъ продолжающейся. Непріятель сколь ни напрягалъ своихъ силъ къ одержанію надъ россійскимъ войскомъ побѣды, однакожъ, наконецъ, принужденъ былъ нетолько уступить намъ оную, но еще и понесть большій уронъ отъ руки нашей. Здѣсь, благосклонный читаталь, почитаю я за необходимый долгъ объявить тебѣ о томъ, что для меня и поднесь кажется не маловажнымъ. Во время упомянутаго сраженія происходившаго около шести часовъ съ непріятелемъ, раненъ я былъ въ лѣвую руку пулею, которая, однакожъ, въ тожъ время вырѣзана, а теперь только видно то мѣсто, въ которомъ она остановилась. Въ прочемъ, смѣю тебѣ сказать, что на семъ сраженіи взято въ плѣнъ россійскою арміею изъ турецкаго войска всякаго чина и званія около десяти тысячъ человѣкъ, которые находились при аттакѣ". Цифра потерь непріятеля въ этомъ дѣлѣ 29-го (а не 21-го или 24-го) августа у Хомякова, буквально пользовавшагося въ разсказѣ и своимъ формулярнымъ спискомъ, конечно, приведена гадательно, такъ какъ и офиціальный „Журналъ" ясно говоритъ, что „въ точности того урона означить не можно, потому что непріятель и при семъ случаѣ сохранилъ свое обыкновеніе убитыхъ большею частію съ собою увезти... а въ плѣнъ невозможно было получить знатнаго числа, потому что сражавшіеся полки, будучи въ великой запальчивости, не дѣлали пощады непріятелю" [1]).

Въ „ночныхъ экспедиціяхъ" — продолжаетъ Хомяковъ — русскія войска тоже имѣли успѣхъ. Удачнѣе другихъ такая схватка была девятаго сентября, когда „при помощи Божіей непріятель совершенно

дѣло показано подъ 22-мъ августа. Въ „Формулярномъ спискѣ" читаемъ: „и при прогнаніи непріятеля въ городъ августа 24-го на аванпостѣ въ Рашковомъ лѣсу, который былъ пунктомъ атаки непріятельской продолжающейся болѣе шести часовъ, какъ непріятель не усиливался, но изъ онаго выгнанъ и ушелъ съ бывшимъ (конечно—„большимъ") урономъ, гдѣ и раненъ лѣвой руки повыше щиколотки пулею". Очевидно, стычка 22-го и битва 29-го августа (см. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Голицына, отъ 30-го августа 1769 г.) слились въ памяти Хомякова; но странно, что „Формулярный списокъ" упоминаетъ о 24-мъ августа, о чемъ не упоминяется въ „Журналѣ военныхъ дѣйствій", изъ чего можно заключить, что въ книгу Хомякова вкралась опечатка, а въ „Формулярный списокъ"— описка.

[1]) „Журналъ военныхъ дѣйствій"... 1769 года, подъ 29-мъ августа. „Нами поднято до 3.000 тѣлъ", у *Петрова*, въ „Войнѣ Россіи съ Турціей"... I, 246. У *Кераліо* въ „Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie" (S.P.B. 1773 г.) читаемъ: „Il y eut peut de prisoniés: la furie des Russes ne pardonnoit pas", стр. 149—150.

былъ побѣжденъ и нарочитое множество въ рѣкѣ потоплено,—мостъ же сдѣланной имъ для безопаснаго перехода и совсѣмъ сожженъ". И эта дата сраженія у Хомякова не вполнѣ согласна съ нѣкоторыми указаніями. Сраженіе происходило 6-го сентября, какъ свидѣтельствуется офиціальными источниками, а до 10-го сентября были только отдѣльныя незначительныя схватки; болѣе же тяжкая для непріятеля схватка была 8-го сентября. Десятаго сентября Хотинъ „былъ взятъ почти безъ малѣйшаго возпрепятствованія со стороны непріятельской". Не знаемъ, что обозначало у Хомякова употребленное имъ словечко „почти", такъ какъ 10-го сентября главнокомандующій [1]) торжественно въѣхалъ въ Хотинъ, оставленный турками. „Остатки же непріятельскаго войска, видя себя совсѣмъ обманутыми въ своей тщетной надеждѣ, и въ пучинѣ бѣдствій утопающими, ретировались къ Яссамъ (у автора: къ Ясамъ), за коими въ погоню посланы были легко-конные войска, а въ подкрѣпленіе симъ еще и пѣхота подъ командою генералъ порутчика Ф.(онъ) Ш.(тофельна)".

Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ въ Хотинѣ оставленъ былъ гарнизонъ, арміи же велѣно отступить назадъ миль на двѣнадцать въ Польшу на кантониръ-квартиры, а съ нихъ на зимнія квартиры въ Польные Алексинцы („отъ г. Камень-Подольска за осьмнадцать миль"). Въ это время Хомяковъ „разлучился съ . . . родителемъ, который за сорокалѣтнюю службу, съ ревностію и усердіемъ имъ продолжаемую, отставленъ отъ полевой службы въ Кіевскіе баталіоны, съ награжденіемъ оберъ-офицерскаго чина" [2]).

Въ маѣ слѣдующаго (1770) года армія была снова направлена къ Хотину [3]). Хомяковъ въ пути былъ отправленъ курьеромъ съ депешами въ Варшаву къ чрезвычайному послу и въ Ригу къ генералъ-губернатору. Въ Ригѣ Хомяковъ узналъ, что дочь его умерла, а жена уѣхала въ Кіевъ къ отцу Хомякова. Изъ Риги Хомяковъ отправился къ арміи чрезъ Лифляндію, Псковъ, Великіе Луки, Духовщину (у автора—Глуховщину), Смоленскъ и Рославль, и по Малороссіи чрезъ Стародубъ, Нѣжинъ, Козельскъ. Прибывъ въ Кіевъ въ октябрѣ и чувствуя „отъ сего большаго путешествія чрезмѣрную слабость",

---

[1]) Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ. Есть указанія, что русскіе заняли Хотинъ 9-го сентября.

[2]) Уже изъ „смотрового списка" мы видѣли, что онъ вступилъ въ службу 2-го октября 1732 года.

[3]) „Журналъ военныхъ дѣйствій" 1770 г. мѣсяцъ май: „предписанъ маршъ изъ зимнихъ квартиръ на рандеву къ Хотину".

явился къ генералу Ф... С... [1]), который, „отобравъ депеши, отправилъ ихъ въ армію“, а Хомякова „для излѣченія въ Кіевскій госпиталь“. Два мѣсяца пробылъ Хомяковъ въ госпиталѣ и тамъ узналъ, что отецъ его „отправленъ по Днѣпровской линіи въ Александровскую крѣпость [2]) для укомплектованія тамъ гарнизона“. О женѣ Хомяковъ не могъ получить никакихъ извѣстій. По выздоровленіи онъ возвратился въ армію, откуда и былъ командированъ въ окрестности Кіева (въ деревню Левахи—въ 30 верстахъ отъ Кіева) [3]) „къ находящемуся для пріема рекрутъ капитану“, заниматься тамъ „обученіемъ рекрутъ ружьемъ“, и былъ „надзирателемъ при штатѣ мундировъ, пріемѣ и раздачѣ провіанта“. Пріемъ провіанта вынуждалъ его бывать въ Кіевѣ, и въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ узналъ отъ одного изъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ, что супруга, съ которою онъ такъ давно не видался, „уже около десяти мѣсяцевъ живетъ на Подолѣ“. Оказалось, что она живетъ „въ старомъ Кіевѣ, у священника церкви Андрея Первозваннаго“. У Хомякова „недоставало силъ описать той радости, какую онъ возчувствовалъ въ своемъ сердцѣ при свиданіи съ дражайшею супругою“; супруга „не знала въ то время, что начать, и не мало находилась въ лабиринтѣ радостнаго заблужденія“. Она просила мужа „не предавать болѣе жизнь ея на жертву мученіямъ, но позволить всюду слѣдовать ей за нимъ“; мужъ „далъ ей обѣщаніе—имѣть ее спутницею и участницею во всякихъ случиться могущихъ бѣдствіяхъ и опасностяхъ“.

Въ Левахахъ стояли до апрѣля, когда и двинулись въ Польшу. Изъ попутныхъ городовъ Хомяковъ отмѣчаетъ только Бердичевъ (у автора—Бердышевъ), далѣе Хомяковъ сообщаетъ, что войска приблизились къ турецкой границѣ у Хотина, и, оставивъ его въ лѣвой сторонѣ, направились къ Яссамъ. Тамъ уже стоялъ К.(уринскій) полкъ, и Хомяковъ, сдавъ рекрутъ въ роты, явился къ своей долж-

---

[1]) Можетъ быть, фонъ-Сиверсу, подъ командою котораго были двуротныя команды разныхъ полковъ, въ томъ числѣ и Куринскаго. См. *Петровъ*: „Война Россіи съ Турціей“, I, вѣд. № 9.

[2]) По лѣвую сторону Днѣпра, при впаденіи въ него рѣчки Московки, недалеко отъ пороговъ въ б. Новороссійской губерніи. Теперь называется Александровскъ, Екатеринославской губерніи.

[3]) Вѣроятно *село* Глеваха, въ Кіевскомъ уѣздѣ. См. *Похилевича*: Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи, стр. 30. Въ „Архивѣ Ю.-З. Россіи“, часть 7-я, томъ 2-й, стр. 1, читаемъ „Глевака“.

ности въ первыхъ числахъ мая 1773 года [1]). Затѣмъ полкъ съ главной арміей „маршировалъ молдавской степью до . . . . Рябой могилы [2]) (у автора—до Рябыхъ могилъ). Прошедъ сіе мѣсто достигли устья рѣки Коверлуй [3]) называемой, гдѣ все лѣто стояли лагеремъ". Здѣсь Хомяковъ былъ „помѣщенъ въ адъютантскую должность" и „получилъ еще другую вящшую для себя радость, произшедшую отъ того, что любезная супруга разрѣшилась отъ бремени сыномъ" (12-го сентября). Въ октябрѣ войска съ устья „Коверлуя прошли обратнымъ путемъ въ Яссы, куда прибыли уже въ ноябрѣ". Въ началѣ же 772 года *счастливый* Хомяковъ „заступилъ настоящую должность адъютанта". Въ апрѣлѣ, оставя Яссы, мимо Рябой могилы прошли до деревни Уанче [4]), гдѣ „пробыли все лѣто". Осенью снова возвратились въ Яссы. Затѣмъ „при наступленіи прекрасной весны армія изъ Яссъ двигалась чрезъ Васлуй, Бырладъ (у автора—Барлатъ) и Фокшаны". Хомяковъ съ командою изъ 80-ти человѣкъ и большою пушкою „со всѣми принадлежащими къ ней служителями" былъ посланъ „въ караулъ на гауптъ-вахту въ Фокшаны". Между тѣмъ, армія подвигалась къ Браилову, и Хомяковъ, догнавшій ее съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, явился сперва къ Е... В... [5]), а затѣмъ и въ полкъ. „Во время сего путешествія встрѣтились мы—говоритъ онъ—съ немалымъ нашимъ благополучіемъ. Сіе означаетъ то, что отъ главнокомандовавшаго арміею получено произвожденіе, чрезъ которое и я, по неизрѣченной милости Всевышняго Творца, награжденъ принадлежащимъ мнѣ чиномъ, но сверхъ того еще получилъ не маловремянное старшинство" [6]). Оставивъ Браиловъ въ сторонѣ, войска стремились вверхъ къ рѣкѣ Яловицѣ [7]). „Въ одинъ день — продолжаетъ

[1]) Вѣроятно, опечатка или недосмотръ, такъ какъ ниже говорится о „началѣ 772 года".

[2]) По правую сторону Прута близъ городка Гушъ (Husch или Huss) въ Молдавіи.

[3]) Въ формулярѣ читаемъ: (былъ) „при взятье Хотина 771 съ главною арміею въ походѣ до устья р. Коверлуй 772, до деревни Уанче 773 съ главною-жъ арміею до Браилова и Дунайскихъ береговъ, откуда за слабостью здоровія отправленъ въ Польшу"... Р. Каверлуй, упоминаемая въ такой формѣ и въ официіальныхъ актахъ того времени, конечно *Kohurlui*, притокъ Прута съ правой стороны.

[4]) Вѣроятно мѣстечко Оанче или Янча на правомъ берегу Прута противъ Кагула.

[5]) Вѣроятно это значитъ: „къ Его Высокопревосходительству".

[6]) Въ „Формулярѣ" значится, что 772 г. января 1-го Хомяковъ получилъ чинъ прапорщика, а ровно чрезъ годъ—чинъ подпоручика.

[7]) Рѣка Яломница или Яломица, впадающая слѣва въ Дунай.

Хомяковъ—полученъ въ полкъ отъ Г... Г... [1]) при ордерѣ паспортъ, въ первомъ предписано было повелѣніе до меня и до прапорщика С... относящееся, чтобы намъ обѣимъ ѣхать въ Польшу въ оставшіеся подъ Бѣлою Церковью роты и тамъ явиться у господина г.(енерала) Ш.(иркова), а послѣдній (т. е. паспортъ) служилъ для свободнаго вездѣ пропуска въ нашемъ пути".

Послужной списокъ, разъясняя сейчасъ указанные инициалы, прибавляетъ, что Хомяковъ, бывшій „съ арміею въ походѣ до Браилова и Дунайскихъ береговъ... за слабостію здоровья отправленъ въ Польшу... въ оной будучи 773 въ іюлѣ... по ордеру г. генералъ (маіора?) и кавалера Ширкова посыланъ съ малороссійскими сорока казаками Бреславскаго (т.-е. Брацлавскаго) воеводства въ Тулчинскую губернію для защищенія въ Каморгородской (т.-е. Комаргородской) и Ямбурской (т.-е. Ямпольской) протопопіи благочестивыхъ [2]) священниковъ отъ своевольныхъ польскихъ воинскихъ командъ, шляхтичей и уніатскихъ ксензовъ". Слѣдя за изложеніемъ „похожденія" Хомякова, разсказъ о послѣднихъ событіяхъ, упоминаемыхъ въ формулярѣ, передадимъ на своемъ мѣстѣ, а пока продолжимъ обозрѣніе мемуаровъ въ томъ порядкѣ, котораго держался самъ авторъ.

Не успѣлъ еще онъ съ своимъ спутникомъ запастись всѣмъ нужнымъ, „какъ вдругъ вся армія, снявъ палатки, помаршировала по назначенному ей тракту". Путешествіе Хомякова было благополучно. Остановившись отдохнуть на полѣ подъ Браиловомъ, Хомяковъ увидалъ землянки, въ которыхъ, къ его крайнему удивленію, размѣщенъ былъ Браиловскій генеральный гошпиталь, а при гошпиталѣ его бывшій однополчанинъ *поручикъ К......*, у котораго и ночевалъ нашъ путникъ. Отъ своего знакомца онъ узналъ, „гдѣ ближе проѣхать къ Яссамъ". Знакомецъ Хомякова представилъ его и его спутника (*прапорщика К.....*) главному смотрителю (вѣроятно—госпиталя) маіору С.... съ хорошей рекомендаціей, съ увѣреніемъ „о недостаточномъ состояніи" обоихъ, и просилъ дать имъ проводниковъ. Маіоръ, „будучи человѣкъ чувствительный и сострадательный, возымѣлъ о нихъ великое сожалѣніе, и ни мало не медля далъ имъ для провожанія двухъ казаковъ". Читатель можетъ удивиться, узнавъ, что *знакомый* „поручикъ, считая одолженіе свое еще малымъ и незаслуживающимъ

[1]) Вѣроятно—„отъ господина главнокомандующаго".

[2]) Ниже будетъ указано значеніе термина „благочестивый", обойденное всѣми словарями русскаго языка, не исключая и академическихъ.

благодарности, подарилъ (Хомякову) изъ числа своей псовой охоты трехъ псовъ"; а съ другой стороны и нечему дивиться, что одинъ имѣетъ и даритъ собакъ, а другой беретъ съ благодарностью такой подарокъ сомнительной—для скитальца въ родѣ Хомякова—цѣнности. Если великіе міра сего въ родѣ фельдмаршала П. С. Салтыкова имѣли при себѣ во время похода въ Семилѣтнюю войну своры собакъ [1]), то почему же и мелкой сошкѣ, при первой возможности, не воспользоваться благимъ примѣромъ старшихъ? Поручикъ совѣтовалъ Хомякову „наблюдать въ пути всевозможную осторожность, чтобы пистолеты и ружья имѣть всегда заряженными". „Осторожность сія—говорилъ онъ—можетъ избавить васъ отъ несчастія, кое бы вы отъ своевольныхъ арнаутовъ могли претерпѣть, ибо сіи злодѣи всѣхъ мимо ихъ обиталища проѣзжающихъ и проходящихъ нещадно грабятъ и оставляютъ безъ ничего" [2]). Жена Хомякова, конечно, была напугана такими предостереженіями и, послѣ походной жизни, „пылала нетер-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1872 г. № 1, стр. 127 (Воспоминанія Лубяновскаго). Впрочемъ, что дозволялось великимъ людямъ той поры, то запрещалось маленькимъ, какъ видится изъ ламентацій Болотова (Письмо 36-е) по поводу приказа не таскать въ обозѣ „ненужныхъ вещей".

[2]) Наименованіе „арнауты", сдѣлавшееся изъ этнографическаго нарицательнымъ, отсутствующее во всѣхъ словаряхъ русскаго языка, долго держалось на теперешнемъ югѣ Россіи и въ краяхъ румынскихъ за нѣкоторыми колонистами. Во всѣхъ географическихъ трудахъ конца XVIII и начала XIX столѣтія и у Зябловскаго и у Щекатова (Словарь, I, 206) опредѣленно говорится, что „арнауты народъ поселенный по разнымъ мѣстамъ Новороссійской губерніи". Насколько неясно было понятіе о народности арнаутовъ — можетъ служить указаніе Плещеева въ его „Обозрѣніи Россійскія Имперіи" (изд. 1790 года), вышедшемъ въ свѣтъ одновременно съ книгою Хомякова: „въ разныхъ мѣстахъ (Екатеринославскаго Намѣстничества)—говоритъ онъ—поселены Сербы, Болгары, Молдавцы, Волохи, Греки, Албанцы, Арнауты и Армяне" (стр. 161). Въ книгѣ Кераліо, указанной ранѣе, ясно говорится, что подразумѣвалось подъ этнографическимъ терминомъ „Арнауты": „ce sont des Chrétiens Grecs sujets du Sultan, mêlés d'Albaniens, de Valaques, de Moldaves et de Bulgars. Ils haïssent les Musulmans et passent fréquement au service de l'Impératrice. Le Prince de Gallitzin en avoit formé un escadron qu'il joignit á ses Troupes légeres avec la paie de Houssards" (стр. 85-86). Охранная стража у турокъ и румынъ, состоявшая изъ славянъ, тоже носила названіе арнаутовъ. Е. П. Ковалевскій, въ статьѣ „Арнаутъ" (Библ. для чтенія, т. LXII) сообщаетъ, что *арнауты* составляли охранную стражу румынскихъ господарей и состояли изъ всякаго сброду людей; тутъ были и албанцы, и греки, и сербы, и болгары. Такимъ образомъ становится понятнымъ странное на взглядъ выраженіе высокообразованнаго Вельтмана въ его повѣсти „Радой": „не забуду, отвѣчалъ я, и пустился въ дорогу, сопровождаемый двумя арнаутами изъ сербовъ". (Повѣсти, стр. 198).

пѣливымъ желаніемъ видѣть Польшу". Она съ ребенкомъ ѣхала въ коляскѣ, а мужъ, прапорщикъ К.... и двое казаковъ—верхами. На пути они почувствовали недостатокъ въ водѣ. Увидавъ съ возвышеннаго пункта какой-то поселокъ, прапорщикъ съ казаками, взявъ всѣхъ лошадей, отправился искать водопой, а Хомяковъ остался въ коляскѣ въ ожиданіи возвращенія спутниковъ. Четыре часа прошло, а спутники не возвращались, и Хомяковы были въ отчаяніи. Только къ полночи возвратился прапорщикъ со своими провожатыми. Оказалось, что на обратномъ пути отъ поселка, по совѣту жителей, провожатые отправились другою длиннѣйшею дорогою къ оставленной коляскѣ, и, благодаря туману, не нашли бы ея и совсѣмъ, если бы залаявшія собаки, бывшія при Хомяковѣ, не указали провожатымъ потеряннаго направленія. Затѣмъ путники благополучно продолжали свое странствованіе къ Яссамъ. Вблизи монастыря Адамова „подлѣ селенія" путники добыли прекраснаго винограднаго вина, которое употребляли съ водою „вмѣсто уксуса". Послѣднее указываетъ на старинный обычай брать съ собой въ дорогу уксусъ, который обыкновенно примѣшивался къ водѣ для питья. Семейство Хомяковыхъ двинулось въ путь, а прапорщикъ съ однимъ изъ казаковъ такъ угостился у гостепріимнаго молдавана, что не хотѣлъ даже послѣ извѣщенія объ отъѣздѣ Хомяковыхъ двинуться съ мѣста. Позднѣе уже прапорщикъ навеселѣ съ казакомъ догнали Хомякова, отставшаго для встрѣчи прапорщика. Съ забавнымъ паѳосомъ далѣе разсказываетъ Хомяковъ, какъ лошади, испуганныя свалившимся съ дерева сучкомъ, шарахнулись, а деньщикъ, соскочившій съ козелъ, не съумѣлъ удержать ихъ, и коляска очутилась на боку. Вотъ самый разсказъ автора:

„Но ахъ! какое несчастное зрѣлище взоръ мой поразило! Я увидѣлъ коляску свою на правой бокъ повалившуюся, и лошадей тожъ въ мучительномъ состояніи, ибо съ лѣвой стороны пристяжная перевернувшись чрезъ двухъ лошадей, лежала на правой сторонѣ, и случившимся тутъ большаго дерева сукомъ лѣвой себѣ бокъ пропорола. Что мнѣ тогда дѣлать надлежало? Несчастье, печаль и состраданіе о супругѣ и сынѣ находились вкупѣ въ моихъ глазахъ и сдѣлали меня на нѣсколько минутъ неподвижнымъ. Увы! сколь человѣкъ бываетъ иногда простомысленъ, и неимѣющій воображенія о томъ, что таковый злополучный случай не терпитъ медленности, но требуетъ скораго вспомоществованія. Я занявшись мнѣніями, что сіе приключеніе сдѣлаетъ меня на вѣки несчастнымъ, стоялъ близъ коляски; но наконецъ, какъ будто бы отъ сна пробудившись, старался подать руку

помощи супругѣ моей и сыну, коихъ вытащилъ изъ коляски, ничѣмъ въ здравіи невредимыми, а только платье на нихъ облито было висѣвшимъ съ боку для мазанія колесъ дегтемъ, которой весь на нихъ вытекъ". „Но не успѣлъ (Хомяковъ) одной бѣды освободиться, какъ попалъ было въ другую, которая заставила бы его лишиться послѣдняго имѣнія и экипажа и итти пѣшкомъ, если бы судьба не умилосердилась надъ нимъ". Вблизи Васлуя [1]), на ночевкѣ у лѣса, лошади, пасшіяся на травѣ, испугавшись чего-то, бросились въ сторону, и Хомяковъ съ своими спутниками „съ великимъ трудомъ ихъ найдти могли". Не доѣзжая 17 верстъ до Яссъ, Хомяковъ едва не получилъ „новаго огорченія". Бѣдный „деньщикъ, предчувствуя, что за сіе нанесенное его оплошностію... бѣдствіе достоинъ справедливаго наказанія (т.-е. за неумѣнье или невозможность сдержать лошадей!) выдумалъ средство притвориться больнымъ, чтобы удобнѣе ему было получить позволеніе слѣзть съ козелъ", но Хомяковъ не позволилъ этого, „потому что лошади безъ кучера быть не могутъ". Деньщикъ просилъ казака сѣсть на козлы и дать ему лошадь; казакъ согласился только на первое и деньщикъ „принужденъ былъ идти пѣшкомъ". Бѣдный деньщикъ, пройдя версты четыре, началъ отставать и признался казаку „въ своемъ намѣреніи" удалиться отъ гнѣва своего начальника, что ни въ какомъ случаѣ не рекомендуетъ послѣдняго съ хорошей стороны.

— Сей господинъ весьма вспыльчивъ, почему и не оставитъ меня, пріѣхавъ въ городъ за причиненный мною ему убытокъ [2]) безъ наказанія"—говорилъ деньщикъ казаку, который впрочемъ уговорилъ его снова сѣсть на козлы, передавъ впослѣдствіи Хомякову интимную бесѣду съ запуганнымъ деньщикомъ. Такимъ образомъ дѣло уладилось, путники продолжали путь свой и рѣшили ночевать на лугу въ двухъ верстахъ отъ Яссъ, чтобы накормить лошадей. Хомякову почему-то не спалось; только на зарѣ упросили его спутники лечь спать, а когда въ четыре часа онъ проснулся, то узналъ, что „деньщикъ удалился". Долго, но безуспѣшно искали деньщика и рѣшили безъ бѣглеца прибыть въ Яссы. Въ Яссахъ „рапортомъ въ дежурство" Хомяковъ просилъ себѣ новаго деньщика, но, очевидно, не сказалъ всей

---

[1]) Городокъ въ б. Молдавіи на Васлуѣ и Бырладѣ, въ 64 верстахъ къ югу отъ Яссъ.

[2]) Убытокъ, вѣроятно, состоялъ въ томъ, что послѣ крушенія „коляски" въ погребцѣ оказалась „часть чайныхъ чашекъ, полуштофиковъ и рюмокъ перебитою".

правды о происшедшемъ, такъ какъ г.(енералъ) Р.(имскій) К.(орсаковъ) [1]) не удовлетворилъ его просьбы, „не зная для какихъ причинъ" она была сдѣлана. Казаки были обратно отпущены въ Браиловскій госпиталь съ письмомъ къ поручику К...., гдѣ Хомяковъ забавно выражается о своихъ путевыхъ неудачахъ: „дважды — писалъ онъ — терялъ лошадей, едва не уморилъ подаренныхъ тобою мнѣ собакъ, а наконецъ лишился деньщика, и теперь отправляю самъ должность сего бездѣльника". Неудачи въ родѣ бывшихъ, а на языкѣ Хомякова — даже несчастія, сопровождали его и по выѣздѣ изъ Яссъ: гончую онъ подарилъ какому-то капитану въ Яссахъ, дворняшка, бывшая съ нимъ, убѣжала въ Яссы, а борзую сманили попавшіеся путникамъ „арнауты". На станціи казакъ напугалъ автора разсказомъ объ арнаутахъ, ограбившихъ незадолго предъ тѣмъ проѣзжающаго офицера. Впрочемъ, послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, „положась на власть Творца" и „будучи такимъ образомъ вооруженъ смѣлостью", Хомяковъ благополучно добрался до другой станціи, при чемъ продалъ казаку „за сходную цѣну" лошадь, „которая подъ Адамовымъ монастыремъ бокъ пропорола". Чрезъ четыре дня путники добрались до Хотина, „гдѣ переѣхали черезъ Днѣстръ на польскую границу". Хомяковъ былъ весьма доволенъ „благосклонностью польскаго народа", оказывавшаго ему услуги во все продолженіе пути до Бѣлой Церкви. „Не доѣзжая до Бѣлоцерковщины миль за 25", Хомяковъ въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ спросилъ о ближайшей дорогѣ къ Бѣлой Церкви, на что одинъ указывалъ на одну, другой — на другую дорогу, и „напослѣдокъ окончилось тѣмъ, что всѣ были несогласны въ своихъ показаніяхъ". Не слушая никого, Хомяковъ „вознамѣрился слѣдовать собственному своему разсужденію" и поѣхалъ большой дорогой на Бердичевъ.

Спутникъ Хомяковыхъ, прапорщикъ К...., указывалъ путь къ Бѣлой Церкви чрезъ Яновъ [2]) и отправился этимъ путемъ. Это разногласіе „произвело неудовольствіе" между разставшимися. Когда Хомяковы добрались до пункта, гдѣ дорога раздѣлялась, проводникъ, правившій лошадьми, спросилъ: по какой дорогѣ намѣрены ѣхать — по Бердичевской или по Яновской? Комиченъ разсказъ Хомякова, поступившаго въ этомъ дѣлѣ *по собственному своему разсужденію*: „та-

---

[1]) *Петрова*: Война Россіи съ Турціей. Т. V., стр. 126.

[2]) Мѣстечко Ianów при впаденіи Сниводы въ Бугъ, въ прежнемъ Браславскомъ воеводствѣ (Подольской губерніи).

ковой неожидаемый вопросъ (проводника) не могъ я рѣшить самъ собою, почему въ такомъ случаѣ не почелъ себѣ за стыдъ посовѣтоваться о семъ съ своею супругою, которая объявила мнѣ свое намѣреніе, что она желаетъ ѣхать по той дорогѣ, которую избралъ прапорщикъ. Вскорѣ послѣ сего и я свои мысли согласовать съ ея не отрицался, почтя ея предложеніе полезнѣйшимъ и справедливымъ: вслѣдствіе чего и поѣхали мы къ Янову". Когда они прибыли ночью въ какую-то деревню, проводникъ, данный Хомякову на пути въ одномъ изъ селеній, просился домой; но упрямый (по отношенію къ низшимъ) Хомяковъ только тогда согласился на это, когда проводникъ, по приказанію Хомякова, взялся сходить къ эконому (въ селеніи) и выпросить вмѣсто себя другого проводника; но „не истребовавъ на свое мѣсто проводника, возвратился тайнымъ образомъ въ селеніе". Тогда была рабочая пора и розыски самого Хомякова не помогли дѣлу. Такимъ образомъ путники двинулись безъ проводника—и снова очутились на распутіи: „достигнули двухъ дорогъ, изъ коихъ одна была грязна, а другая суха" и—„къ неописанному своему злоключенію"—Хомяковъ выбралъ послѣднюю. Впрочемъ, это „неописанное злоключеніе" состояло единственно въ томъ, что Хомяковъ заѣхалъ въ болото, завязилъ тамъ свою коляску, обремененную его семействомъ и пожитками, расплакался вмѣстѣ съ женой, поскакалъ въ мѣстечко, чтобы тамъ „истребовать у эконома четырехъ рабочихъ человѣкъ" и казака, имѣющаго сторожить этихъ *рабочихъ*, и, вытащивъ и направивъ кибитку (ранѣе извѣстную читателю въ чинѣ коляски) „на грязную дорогу" продолжалъ путь свой. Наконецъ, путники достигли Бѣлой Церкви, гдѣ Хомяковъ, явившись по начальству, узналъ, что деташементъ, составленный изъ пяти ротъ разныхъ полковъ, состоитъ подъ командою генерала Ш.(иркова), имѣющаго пребываніе въ Дубнѣ, (у автора—въ Дубнахъ), что роты расквартированы въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлой Церкви въ деревнѣ, куда Хомяковъ и долженъ былъ явиться. Предъ выѣздомъ Хомяковъ встрѣтилъ — подъ присмотромъ казака—прапорщика К...., конечно, прибывшаго въ Бѣлую Церковь ранѣе Хомякова, самостоятельно избиравшаго невѣдомыя ему дороги. Дѣло заключалось въ томъ, что о Хомяковѣ и прапорщикѣ К.... не было сообщено въ роты и тамъ возникло сомнѣніе—дѣйствительно ли прапорщикъ К.... то лицо, за каковое выдавалъ себя. Хомяковъ отправился къ начальству, засвидѣтельствовалъ личность заподозрѣннаго прапорщика, которому, послѣ начальнической головомойки „за самовольную съ дороги отлучку" возвращена была шпага. „Составя

таковое сему офицеру благодѣяніе", — говоритъ самодовольно Хомяковъ — онъ прибылъ въ указанную деревню и „избралъ себѣ квартиру у шляхтича, человѣка исполненнаго всѣхъ изящныхъ качествъ и притомъ гостепріимнаго". Это было въ іюнѣ 1773 года.

Хотя изъ всего доселѣ сообщеннаго читатель и могъ уже представить себѣ воззрѣнія нашего автора воспоминаній и на службу и на общественныя отношенія, могъ хотя приблизительно нарисовать портретъ этого служаки прежнихъ временъ, плачущаго отъ „злоключеній" въ родѣ того, что его кибитка засѣла въ болотѣ, страшнаго своимъ гнѣвомъ для деньщика, не умѣвшаго справиться съ лошадьми, и „благодѣтельнаго" для своенравнаго однополчанина, лично избравшаго дорогу въ путешествіи, тѣмъ не менѣе, для пущей изобразительности, приводимъ еще философскія соображенія его, по минованіи „несчастныхъ" до сего времени приключеній.

„О время! время! колико ты коловратно!" — восклицаетъ авторъ, помѣстившійся, какъ мы видѣли, у гостепріимнаго шляхтича. „Кто бы изъ числа моихъ читателей подумалъ, чтобы я, преданный на жертву несчастію (пока *всѣ несчастія* автора намъ извѣстны) могъ безпрепятственно достигнуть того средоточія, въ которомъ находясь, удобно можно вкушать всякое удовольствіе, услаждающее оскорбленныя чувства смертныхъ. Вотъ образецъ тому, чтобы нося на себѣ нѣсколько времени бремя злополучія, не подвергаться совсѣмъ въ отчаяніе, которое приводитъ всякаго изъ смертныхъ въ сильное духа изнеможеніе и разслабленіе. Находясь я въ сей деревнѣ, забылъ всѣ свои прежнія бѣдствія, въ пути со мною случившіяся. Сіе происходило отъ того, что благосклонность жителей, которые удостоили меня своимъ дружествомъ, ни о чемъ болѣе, какъ о удовольствіяхъ и пріятностяхъ думать не позволяли. Супруга жъ моя съ своей стороны также во всѣхъ моихъ веселостяхъ соучаствовала, и была любима и почитаема всѣми моими благопріятелями".

Но эта идиллическая жизнь въ деревнѣ, столь понравившаяся Хомяковымъ, была непродолжительна. Хомяковъ получилъ отъ начальства, находящагося въ Бѣлой Церкви, приказъ явиться немедленно. Разумѣется, нѣжныя сердца супруговъ мгновенно преисполнились и „великими сомнѣніями", и „наичувствительнѣйшею печалью". Полковникъ Т..., къ которому явился Хомяковъ въ Бѣлой Церкви, вручилъ ему „уже изготовленное повелѣніе", взявъ съ собой одиннадцать казаковъ-малороссовъ, ѣхать на почтовыхъ „въ Бреславльское—

по выраженію Хомякова, а собственно говоря въ Брацлавское [1]) — воеводство въ Тульчинскую губернію, въ село Куниче, для поданія помощи благочестивымъ священникамъ отъ своевольныхъ наглостей, причиняемыхъ имъ шляхтичами польскихъ воинскихъ командъ, которыя до такого уже высокаго достигли степени безпорядка и насилія, что большая изъ нихъ часть для сохраненія своей жизни, оставя свои домы, скрываются въ лѣсахъ и въ разныхъ разселинахъ" [2]). Въ случаѣ надобности Хомяковъ могъ потребовать помощи у деташементнаго капитана М..., находящагося въ этомъ селѣ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ объ этой экспедиціи, въ которой Хомяковъ игралъ незавидную роль, встрѣчаемся съ любопытными чертами эпохи и народности, представляющими живую иллюстрацію къ документальнымъ свѣдѣніямъ о дѣлахъ того времени. Приводимъ въ оригиналѣ разсказъ Хомякова.

„По прибытіи моемъ въ Тульчинъ, былъ я у губернатора [3]), ко-

---

[1]) Брацлавъ—теперь уѣздный городъ Подольской губерніи. Впрочемъ, и ранѣе, и позднѣе въ русскихъ документахъ онъ назывался и Браславлемъ и даже Бреславлемъ.

[2]) Въ 1772 году отъ исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ воеводствахъ подано было прошеніе св. Синоду, въ которомъ приносились жалобы „на уніатскихъ духовныхъ властей въ чинимыхъ ими съ помощію военныхъ польскихъ командъ православному священству и простому народу разореніяхъ, и о насильственныхъ побужденіяхъ отвлечь ихъ отъ благочестивыя вѣры". При этомъ прошеніи о защитѣ православія былъ приложенъ и списокъ церквей православныхъ или желающихъ быть православными. Въ Брацлавскомъ воеводствѣ указаны, между прочими, *протопопіи*: Кульницкая, Ямпольская (у Хомякова — Ямбурская), Комаргородская (у Хомякова—Каморгородская). С. Куниче, упоминаемое Хомяковымъ, лежитъ къ ю.-в. по линіи, проведенной отъ Комаръ-города, чрезъ Кирнасовку до упоминаемой имъ ниже Соколовки, между этими двумя послѣдними пунктами (См. Карта Россіи Стрѣльбицкаго, № 18).

[3]) По просту: управляющій или экономъ. У Хомякова это мѣстное наименованіе, дававшееся польскими магнатами своимъ управляющимъ помѣстьями, удержано едва ли не для красоты стиля, вслѣдствіе чего и являются ниже *губернаторы* Кальвовскій и Хриневичъ. „Тульчинская губернія"—въ томъ же стилѣ, вмѣсто понятія „волость". Въ актахъ той поры, писанныхъ обывателями юго-западной Руси, постоянно удерживалась эта терминологія. Въ челобитной извѣстнаго въ ту пору игумна Мельхиседека встрѣчаемъ: „Мошенскій губернаторъ Подгородецкій" (т. е. управляющій мѣстечка Мошни); между тѣмъ польское письмо „губернатора мѣстечка Мошенъ Юрія Подгородецкаго къ ксендзу Гронжкевичу" оканчивается подписью, въ которой удерживается дѣйствительное зва-

торой съ притворностью на вопросъ мой чинилъ мнѣ несправедливые отвѣты. Онъ говорилъ, что ничего не слышитъ о безпокойствіи, шляхтичами и прочими людьми чинимыхъ, и потомъ убѣждалъ меня прозьбою, чтобъ я у него ночевалъ, и отъ пятидневной по почтѣ ѣзды изнуренныя мои силы привелъ въ прежней порядокъ. Я сію его прозьбу исполнить учтивыми выраженіями отказался, представляя ему данное мнѣ повелѣніе, и просилъ его о подводахъ, которыя чрезъ полчаса на его дворѣ и были изготовлены. Я увидѣвъ оныя откланялся губернатору, и взявъ отъ живущихъ въ семъ городѣ жидовъ одного амманата, поѣхалъ своимъ путемъ къ назначенному мѣсту.

Спустя нѣсколько времени начиналъ я приближаться къ тѣмъ селеніямъ, гдѣ притѣсняются невинныя духовныя семейства, и достигнувъ села Кирсановки [1]) называемаго, встрѣченъ былъ съ радостнымъ восторгомъ протоіереемъ Буцель Наливанко [2]), которой какъ будто бы издавна имѣетъ со мною знакомство, ввелъ меня въ свой домъ съ неописанною привѣтливостью и благосклонностію, назначилъ для меня особливой покой, угостилъ подобно своему родственнику и далъ мнѣ время успокоиться.

Между тѣмъ Буцель Наливанко повелѣлъ написать ордера въ Комаргородское [3]) (у автора — Каморгородское) и Ямпольское [4]) (у автора—Ямбургское) благочестивое [5]) правленіе, чтобы всѣ подчинен-

---

ніе писавшаго: „W. m. m. pana dobrodzieja naynižszym sługą I. Podhorodeckj ekonom Moszenski" (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. 1, томъ 3, стр. 14 и 843). Кстати замѣтимъ, что не только чиновная русская мелкота, но и крупные русскіе дѣятели, напримѣръ Румянцевъ-Задунайскій, удерживали мѣстную терминологію польскихъ *управляющихъ* или *экономовъ* (см. Чтенія Общ. Исторіи и Др. за 1865 г. часть 1, отд. 2, стр. 11).

[1]) Въ VII части т. 2-й Архива Юго-Западной Россіи (стр. 402 и 554) находимъ въ Брацлавскомъ воеводствѣ и Кирнасовку и Кѣрносовку, на картѣ Россіи Стрѣльбицкаго—Кирнасовку.

[2]) Вѣрнѣе: *Буценъ Наливайко*, подпись котораго встрѣчается на одномъ изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ Синода, за № 327, сдѣлавшемся мнѣ извѣстнымъ благодаря содѣйствію профессора И. С. Бердникова. Въ числѣ подписей подъ документомъ читаемъ: „Комаргородскій православный протопопъ Василій Буценъ Наливайко".

[3]) Комаргродъ—Комаргородъ, на р. Русавѣ, изъ вотчинъ Святополковъ-Четвертинскихъ, въ бывшемъ Брацлавскомъ воеводствѣ (Подольской губерніи).

[4]) Ямполь—при впаденіи Русавы въ Днѣстръ, въ томъ же воеводствѣ.

[5]) „Благочестивый" употреблялось въ тѣхъ краяхъ въ смыслѣ „православный". Такъ, напримѣръ, читаемъ: „повидаютъ уніаты, а мы отъ благочестивыхъ того никогда не чулы"... „Жители съ латинскимъ ксендзомъ, бывшимъ приход-

ные ему священники, оставя всѣ свои дѣла, въ самоскорѣйшемъ времени явились въ Кирсановку. Приказаніе сіе тѣми священниками съ крайнею скоростію и съ должнымъ послушаніемъ было исполнено; ибо нѣкоторые тогожъ дня къ вечеру пріѣхали, а другіе по причинѣ чрезмѣрной отдаленности, часовъ чрезъ двадцать.

По наступленіи обыкновеннаго времяни всѣ священники, коихъ было до тридцати, пошли къ литургіи, по совершеніи которой отправленъ былъ благодарственной молебенъ, и потомъ вышеписанной протоіерей сказалъ проповѣдь, точнаго которой содержанія я не могу упомнить, для чего и прошу у читателя въ томъ себѣ извиненія.

Послѣ сего всѣ возвратились въ домъ Буцель Наливанко, въ коемъ и я приглашенъ былъ къ обѣденному столу, за которымъ персонъ около двадцати шести сидѣло; въ числѣ оныхъ были тамошней губернаторъ, экономъ и нѣкоторые польскіе шляхтичи, дружество съ протопопомъ имѣющіе. Буцель Наливанко хотя былъ и вдовъ, но домостроительство его было весьма порядочное. По окончаніи стола угощалъ онъ насъ разными напитками и фруктами. По наступленіи жъ того времяни, въ которое долженствовало пресѣчься балу, всѣ разошлись по назначеннымъ имъ мѣстамъ, а я съ своей стороны въ опредѣленную мнѣ протопопомъ комнату.

На другой день по утру лишь только я вступилъ въ залу, то всѣ священники по прочтеніи обыкновенныхъ утреннихъ молитвъ, подали каждой отъ себя въ своихъ обидахъ и притѣсненіяхъ на мое имя писанныя объясненія, въ коихъ убѣждали меня, чтобы я по данному мнѣ отъ высшей команды повелѣнію, удовлетворилъ дѣйствительно ихъ прошеніямъ; при томъ увѣдомили и о находящемся неподалеку отъ сего селенія деташементѣ и капитанѣ М...., къ коему я тотчасъ послалъ нарочныхъ двухъ казаковъ съ сообщеніемъ, чтобы онъ по повелѣнію г.(осподина) Г.(енерала) Ш.(иркова) прислалъ мнѣ для устрашенія поляковъ нѣсколько пѣхоты и пушку. Капитанъ М.... по полученіи сего сообщенія, тотчасъ удовлетворилъ моему требованію. Онъ снабдилъ меня пушкою съ офицеромъ и потребными къ ней людьми, также двадцатью пятью человѣками пѣхоты.

И такимъ образомъ я по полученіи сей потребной для меня помощи, и разсмотрѣвъ врученныя мнѣ пятью священниками объясне-

скимъ ихъ уніатскимъ попомъ Нарушевичемъ, того села церковь благочестивую обратили на унію"... См. Кояловича: „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ", стр. 261, 394, а также въ изданныхъ Кояловичемъ „Документахъ, объясняющихъ исторію западно-русскаго края" (1865 г.).

нія, почелъ за нужное оставить въ Кирсановкѣ половину своей команды, а съ оставшею отправиться въ мѣстечко Марковки [1]), для прекращенія наглостей чинимыхъ поляками симъ особамъ. Намѣреніе сіе безъ малѣйшаго мыслей колебанія я произвелъ въ дѣйство, и прибывъ въ Марковки взялъ уніатскаго попа Іосифа Лаханскаго подъ стражу, а съ губернатора Антонія Калвовскаго подписку, въ коей изобразилъ онъ свое обѣщаніе, чтобы благочестивымъ священникамъ никакихъ обидъ и притѣсненій не чинить, равно и съ прочихъ вельможей, коихъ имяна описывать почитаю за излишнее, получилъ таковыя жъ. А тѣхъ, кои были началомъ всѣхъ сихъ озорничествъ и притѣсненій, т. е. двухъ князей, родныхъ между собою братьевъ, Антонія и Каитана Четверетинскихъ, не могъ я сыскать потому, что они по увѣдомленію своихъ экономовъ и губернаторовъ уѣхали въ Польшу, а о мѣстѣ, гдѣ польская команда тогда находилась, никто не былъ извѣстенъ. Таковой мой разъѣздъ съ конною и пѣшею командою совершилъ дѣйствіе повелѣнія; ибо всѣ жители не взирая на кроткое и благосконное мое съ ними обращеніе, толь сильно объяты были страхомъ, что находились почти внѣ себя. Но я между прочимъ употреблялъ всевозможные способы, чтобы изкоренить изъ ихъ сердецъ таковой тщетной страхъ; въ чемъ однако довольно могъ успѣть.

Напослѣдокъ же будучи я съ своей стороны совершенно увѣренъ, что и въ семъ мѣстѣ находятся Россійскіе деташементы; за долгъ себѣ почелъ обнадеживать протопопа и всѣхъ благочестивыхъ священниковъ, что они величайшее и особенное для себя въ Бродахъ найти могутъ покровительство Г.(енерала) П.(иркова), кои положась въ семъ на меня искренно, обязывались за сіе ко мнѣ чувствительнѣйшею благодарностію. Таковые мои поступки глубокое въ сердцахъ ихъ ко мнѣ впечатлѣли почтеніе, и будучи они о мнѣ лучшаго мнѣнія, нежели какъ прежде по своему невѣденію, ни мало не сомнѣвались о моемъ къ нимъ доброжелательствѣ, которое относилось къ собственной ихъ пользѣ.

Между тѣмъ, спустя нѣсколько времени прапорщика К.... съ командою отправилъ я обратно къ капитану М.... а самъ предпріялъ намѣреніе ѣхать къ Бѣлой церквѣ, куда прибылъ благополучно безъ всякихъ встрѣтившихся со мною приключеній, достойныхъ примѣчанія (іюля въ послѣднихъ числахъ); по должности своей ни мало не

[1]) На одномъ изъ притоковъ Днѣстра на ю. отъ Комаргорода.

теряя времени увѣдомилъ полковника Т.... о всѣхъ мною видѣнныхъ въ Бреславльскомъ (т. е. Брацлавскомъ) воеводствѣ произшествій, и чинимыхъ наглостяхъ Поляками, а равно и взятаго подъ стражу Уніятскаго священника Лаханскаго представилъ предъ него, которой въ тожъ время отослалъ его за крѣпчайшимъ присмотромъ въ городъ Бердычевъ, для донесенія о его вредныхъ и наглыхъ поступкахъ главной командѣ.

По приведеніи ко окончанію таковой наложенной на меня должности, не долгое время наслаждался я отдыхновеніемъ; но вскорѣ потомъ приказано было мнѣ исправить нѣкотораго рода комиссію, которую я окончилъ съ соразмѣрнымъ силамъ моимъ успѣхомъ: и потомъ (ноября 5-го дня) въ самоскорѣйшемъ времени посланъ былъ съ казакомъ на почтовыхъ лошадяхъ Уманскаго ключа въ село Помойники [1]), для достовѣрной выправки отъ жителей о томъ, что шляхтичь Краевскій подлинно ли причинилъ величайшую обиду тогожъ села священнику Трепачинскому? Какъ скоро прибылъ я въ назначенное мнѣ командою селеніе, то безъ всякаго замедленія и упущенія своей должности произвелъ слѣдствіе, по которому онаго Краевскаго уличивъ въ его дерзостномъ инагломъ таковомъ поступкѣ, принудилъ его въ нанесенной имъ обидѣ просить извиненія у священника Трепачинскаго, которой помощію моихъ совѣтовъ его простилъ; а я сверхъ всего того обязалъ его подпискою, чтобы онъ впредь не осмѣливался ни чемъ нарушать его спокойствіе. По приведеніи сего въ совершенный порядокъ и истинну, возвратился я къ Бѣлой Церквѣ, гдѣ надѣялся получить хотя малое отдохновеніе разстроеннымъ и изнуреннымъ своимъ силамъ; но не успѣло еще пройти дней десяти, какъ опять наряженъ былъ въ посылку также съ казакомъ въ мѣстечко Кални-болото [2]) для разбирательства тамошняго губернатора и помощниковъ его, по какой причинѣ они отважились бить села Соколовской слободы православнаго священника Кондратія Левицкаго [3]): и при всемъ такомъ дерзостномъ поступкѣ отняли у

---

[1]) *Ключа*, т. е. округа, въ смыслѣ *волости*, состоящей изъ нѣсколькихъ поселковъ съ мѣстечкомъ. Село Помойникъ — въ Уманьскомъ уѣздѣ. См. Похилевича: „Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи“, стр. 350.

[2]) У поляковъ Kalnebłota въ бывшемъ Звьиногродскомъ староствѣ, при впаденіи Кальноблотки въ р. Тыкичь въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи; переименовано въ 1795 г. въ Екатеринополь. *Соколовская слобода*, кажется, одна изъ деревень, лежавшихъ по близости (Sokołowa wieś. Balińskiego, t. II, 1388).

[3]) Можетъ быть—Кондратъ Левицкій, прежде бывшій священникомъ с. Ба-

него деньги? Не долгое время медлилъ я въ пути, и чрезъ три дня благополучно прибылъ въ Кални-болото. По пріѣздѣ же моемъ въ сіе мѣстечко, прямо я пошелъ къ губернатору Хриневичу, которому по должности своей предложилъ вопросные пункты, о причиненной обидѣ помянутому священнику, на кои онъ отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: показывалъ я по самой чистой совѣсти и долгу присяги, что ни малаго не имѣю соучастія въ чинимыхъ побояхъ и нанесенной обидѣ показанному священнику; ниже въ семъ случаѣ дѣйствовать могло мое приказаніе; виновникомъ же таковаго зловреднаго и наглаго поступка есть ясновельможнаго стольника Литовскаго товарищъ Антоній Вербицкій съ многими сего города жолнерами (солдатами); и признаюсь отъ искренности моего сердца, что уже послѣ побоевъ сей священникъ приведенъ былъ ко мнѣ въ замокъ имѣя поврежденную руку. Да и при моемъ присутствіи одинъ изъ жолнеровъ ударилъ ѐго по лицу; отъ каковаго сильнаго удара поверженъ былъ оной на землю. Въ доказательство же своей невинности губернаторъ Хриневичь далъ мнѣ о семъ своеручной письменной отвѣтъ.

Лишь только успѣлъ я отъ него принять сію бумагу, какъ вошелъ къ намъ въ покой человѣкъ не подло одѣтый. Хриневичь взглянувъ на него сказалъ мнѣ: вотъ тотъ самый Вербицкій, котораго команда чинила злодѣйскіе поступки съ Антоніемъ Левицкимъ. Я съ своей стороны не упуская сего случая, подошелъ къ нему, и объявивъ ему о всѣхъ наглостяхъ чинимыхъ его командою невинному священнику, предлагалъ ему, чтобы онъ команду свою за то достойно наказалъ и удовлетворилъ бы священника. Но онъ на сіи слова отвѣтствовалъ мнѣ съ такою грубостію, которой я совершенно и описать не могу. Не довольно того, сказалъ онъ мнѣ, что претерпѣлъ достойное наказаніе священникъ за свои неучтивства, но хотя бы и ты поступилъ со мною такъ, какъ онъ, то увѣряю тебя, что бы не избѣжалъ равной ему участи. Таковое гордое и дерзское его отвѣтствованіе на мои слова принудило и меня столь же грубо обходиться съ Вербицкимъ; что онъ услыша усугубилъ свое безстыдство, и болѣе обнаружилъ свою наглость слѣдующими словами: Прошу тебя, господинъ офицеръ, не раздражать меня болѣе, напоминая о семъ произведенномъ мною справедливомъ поступкѣ; потому что ежели ты не

лакліи, дважды переходившій въ унію и обращавшійся потомъ *на благочестіе; прихожане крайне не желали имѣть его приходскимъ священникомъ*. См. „Архивъ", часть I, томъ 3-й, стр. 379—385. Ниже Хомяковъ называетъ его уже Антоніемъ Левицкимъ. Въ которомъ случаѣ память измѣнила автору—трудно рѣшить.

прекратишь своихъ словъ, то немедля покажу тебѣ дорогу изъ сего замка, и не надѣюсь, чтобы ты могъ благополучно достигнуть Бѣлой Церкви. Сіи слова привели меня въ толь великое изступленіе разума, что я недоумѣвалъ самъ съ собою, что мнѣ въ такомъ случаѣ надлежало дѣлать; соотвѣтствовать же наглости Вербицкаго весьма я опасался, потому что имѣлъ при себѣ не столько команды, сколько находилось со мною въ Тулчинской губерніи; и по сей-то самой причинѣ избѣгая бѣдствія, могущаго явно со мною приключиться, принужденнымъ нашелся съ благосклонностію и учтивствомъ у губернатора просить для себя подводы; но къ сильнѣйшему души моей оскорбленію таковая моя прозьба не получила желаемаго своего успѣха. Любезные читатели, войдите мысленно въ тогдашнее мое состояніе и посудите, не долженствовало ли мнѣ приносить жалобы на толь злосчастный и немилосердо меня гонящій рокъ? Видя себя доведеннаго до той крайней опасности, не имѣя никакой надежды, за лучшее почиталъ удалиться благополучно изъ сего мѣста, не раздражая болѣе Вербицкаго и не изводя жалобъ на суровой рокъ, приведя себѣ на память наставленіе нѣкотораго языческаго писателя:

Когда насъ бѣдствіе незапно окружаетъ,
То мужественный духъ всю силу вдругъ теряетъ.
Въ семъ случаѣ о томъ лишь должно помышлять,
Чтобъ жизнь свою спасти, а прочее оставлять.
Немедленіе здѣсь не только безполезно;
Но пагубно оно, опасно, съ лишкомъ вредно.

Почему оставляю я пространнѣе разсуждать о тѣсныхъ со мною встрѣтившихся обстоятельствахъ, а устремлюся къ тому, что послѣдовало далѣе. Я видя себя лишеннымъ всей надежды получить отъ губернатора лошадей, сверхъ своего желанія принужденъ былъ итти пѣшкомъ до перваго селенія, которое отъ Кални-болота отстояло за полторы мили. Но весьма справедлива простонародная пословица, что *бѣда бѣду родитъ;* подобнымъ образомъ и я не успѣлъ еще совершенно избавиться одного бѣдствія, какъ вдругъ подвергнулъ было себя другому. Лишь только достигнулъ селенія и взявъ я подводы поѣхалъ къ Соколовской слободѣ, къ которой приближаясь надѣялся имѣть въ ней благополучный и способный ночлегъ; то оглянувшись назадъ, увидѣлъ я настигающую меня опасность. Два польскіе солдата гнались за мною верхами. По моему счастію догнавши уже въ слободѣ, требовали у меня взятую мною у губернатора Хриневича подписку, угрожая при томъ мнѣ, ежели я въ семъ имъ буду прекосло-

вить, то въ такомъ случаѣ приказано имъ поступить со мною насильственнымъ образомъ. Я слыша сіи слова почувствовалъ въ себѣ болѣе прежняго страхъ, и рѣшился, чтобы не подвергнуть себя вящшему несчастію, прибѣгнуть къ слѣдующему средству, которое весьма споспѣшествовало. Необузданное свирѣпство сихъ жестокосердыхъ наглецовъ услаждая ласковыми и благосклонными словами, вошелъ я съ ними въ покой священника. Между тѣмъ не теряя удобнаго сего случая, употребилъ оный въ свою пользу. Выпросивъ у хозяина довольное количество для двоихъ человѣкъ вина, поднесъ имъ съ учтивостію по хорошей рюмкѣ онаго, которое въ разсужденіи теплоты со стужи, въ скоромъ времени разгорячило ихъ чувство, и столь сильное возъимѣло дѣйствіе, что они будучи безчувственны попадали со стульевъ на землю. Сей успѣхъ нѣсколько успокоилъ мое смущенное и колеблющееся отъ страха сердце. Я въ ту жъ минуту приказалъ старостѣ изготовить для меня подводы, а сихъ солдатъ лежащихъ безъ чувствъ арестовалъ. Сабли и пистолеты взялъ я къ себѣ, ихъ самихъ приказалъ сковать и вести за собою къ Бѣлой церквѣ, куда прибывъ благополучно, увѣдомилъ обо всемъ полковника Т. и отдалъ ему взятую (!) мною съ Губернатора Кални-Болотскаго отвѣтъ; равно представилъ ему и двоихъ польскихъ мною захваченныхъ солдатъ.

Благодарилъ я прещедрымъ небесамъ, что удачно могъ сохранить свою жизнь отъ толикой наглости Вербицкаго, напослѣдокъ двухъ польскихъ солдатъ гонящихся за мною, которымъ судьба опредѣлила быть моими плѣнниками, чтобы оные достойно и праведно воспріяли наказаніе за свои коварные и злоумышленные поступки. Извѣстно всякому, что порочное дѣйствіе рано или поздно получаетъ свое наказаніе; а добродѣтель напротивъ колико бы ни была притѣсняема, преодолѣвъ всѣ бѣдствія, возсіяетъ какъ солнце, а свѣтозарные его лучи никакъ порокъ затмить или блеска оныхъ умалить не въ силахъ. Почему прилично здѣсь предложить мнѣніе хотя языческаго, но здраво о семъ разсуждающаго писателя [1]), который говоритъ: хотя порочныя повидимому наслаждаются всякимъ благополучіемъ, а добродѣтель жестоко страждетъ, однако со временемъ первые неизбѣжно подвергаются наказанію, а послѣдніе получаютъ справедливую свою награду и увѣнчеваются побѣдоноснымъ лавромъ. Да простятъ мнѣ благосклонные читатели, что я не будучи въ училищахъ вступилъ въ нѣкоторое раз-

---

[1]) Сенека.

сужденіе; причиною сему не иное что, какъ восхищеніе моего духа, торжествующаго надъ коварными поляками" [1]).

Этотъ безхитростный разсказъ Хомякова приводится здѣсь цѣликомъ, потому что отчасти рисуетъ положеніе дѣлъ на русскомъ югѣ въ спорѣ вѣроисповѣданій, который русская власть хотѣла рѣшать при содѣйствіи такихъ органовъ, какъ неумѣлый поручикъ Хомяковъ или генералы—П. Н. Кречетниковъ и Ширковъ; а изъ этихъ послѣднихъ первый, какъ увѣряютъ, „былъ расположенъ къ полякамъ", а второй, „былъ даже несомнѣнно жалкимъ орудіемъ поляковъ" [2]).

Послѣ воспѣтаго авторомъ „торжества (его) надъ коварными поляками", онъ, вмѣстѣ съ двоими подчиненными ему офицерами, посланъ „въ Полонское [3]) дежурство", гдѣ имъ привелось дѣйствовать „въ щетной коммиссіи". Почти полтора года Хомяковъ былъ при этой комиссіи „для ревизованія книгъ", и, по его словамъ, „прилагалъ особенное попеченіе и неусыпный трудъ", еженедѣльно донося рапортами по начальству о своихъ занятіяхъ, а послѣ того отправленъ былъ въ кампаментъ подъ крѣпостью св. Елисаветы [4]). Чрезъ Яновъ и Миргородъ (гдѣ была русская застава и карантинъ) Хомяковъ прибылъ 25-го мая подъ крѣпость св. Елисаветы и „послѣ сего чрезъ два дни командированъ былъ на ординарцы къ г.(енералу) Т.(екели), у коего и находился болѣе недѣли, но какъ таковая должность заключаетъ въ себѣ великое беспокойство и требуетъ довольно немалаго труда, то (Хомяковъ) по сей причинѣ принужденъ былъ убѣдить (генерала) покорнѣйшею просьбою... перемѣнить сію должность на другую. Онъ (Текели) сперва хотя и отказывался удовлетворить прошенію; однако будучи мужъ человѣколюбивой, кроткой и желающій споспѣшествовать для каждаго, чрезъ нѣсколько времени уволилъ (Хомякова) отъ сей должности. Но таковая его благосклонность учиненная со мною,—продолжаетъ авторъ,—ни мало не послужила въ мою пользу, потому что всѣ полки прибывшіе подъ Елисаветъ выступили изъ подъ онаго и пошли разными колоннами въ Запорожскую Сѣчь, гдѣ ихъ кошевой имѣлъ пребываніе. Почему и мнѣ непремѣнно туда же слѣ-

---

[1]) „Похожденіе" etc., стр. 184—205.

[2]) *Кояловича*, „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ", стр. 94 и слѣд., 153 и слѣд.

[3]) Połonne—Полонное, въ бывшемъ воеводствѣ Волынскомъ, въ повѣтѣ Кременецкомъ, теперь мѣстечкѣ Волынской губерніи, извѣстное своей древностью.

[4]) Основана на Ингулѣ въ 1754 г.—теперешній Елисаветградъ.

довать надлежало [1])". Часть войска,—въ томъ числѣ К.(уринскій) и Н.(изовскій) полки [2]) подъ командою г.(осподина) г.(енерала) Л.(опухина),—направлена была на устье р. Ингула, противъ Очакова, куда и прибыла въ первыхъ числахъ іюня. Съ Н.(изовскимъ) полкомъ и одинъ баталіонъ К.(уринскаго) полка отправленъ былъ на Днѣпровскій лиманъ и остановился въ виду Колпакова [3]), Кинбурна (у автора—Кинбурга) и Очакова. Въ половинѣ іюня „по ордеру г.(осподина) г.(енерала) Л.(опухина), посланному г.(осподину) г.(енералу) Т.(екели) повелѣно было откомандировать довольное число козаковъ Донскаго войска подъ командою одного офицера въ Запорожье"—и для исполненія этого повелѣнія Хомяковъ посланъ былъ съ 17-ю донскими казаками „по ту сторону Ингула во всѣ запорожскіе зимовники и рыбалки [4]), для забиранія всѣхъ живущихъ тамъ запорожцевъ—приказано оставлять тамъ только по одному человѣку"; велѣно было всѣхъ ихъ обезоружить, и только старшинамъ оставить сабли. Порученіе это „съ довольнымъ успѣхомъ было выполнено въ двои сутки". Затѣмъ Хомяковъ вторично былъ посланъ „съ довольно превосходнымъ числомъ козачьей команды по ту же сторону Ингула противъ Сагандакъ [5]) для сдѣланія новой реформы"—для отобранія оружія (ружья, пистолеты, сабли и ладунки съ порохомъ и пулями). Этихъ вещей набралось до пяти возовъ и Хомяковъ по описи на третій же день представилъ всѣ вещи по начальству, за что и получилъ „довольное награжденіе", упоминать о которомъ счелъ „за излишнее, потому что всякому уже извѣстно, что всякой трудъ, а особенно въ таковыхъ случаяхъ, безъ исключенія получаетъ награду, какъ для поощренія къ вящшему, такъ наипаче для отличенія ревностнаго къ своей должности отъ нерадящаго оной [6])".

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій* въ біографіи П. А. Текеллія (Tököly) въ III части Словаря (изд. 1847 г.) говоритъ, что онъ, командуя войсками, расположенными въ Новороссійскомъ краѣ, двинулся изъ Елисаветграда въ походъ для занятія Запорожской Сѣчи 25-го мая 1775 г., т. е. въ день прибытія Хомякова подъ крѣпость, что на взглядъ противорѣчитъ сообщенію нашего автора, но Текели, думаемъ, лично могъ выступить и позднѣе маршировавшихъ войскъ.

[2]) *Скальковскій*, „Исторія Новой Сѣчи". Изд. 2-е, ч. III, стр. 184.

[3]) Колпаковка, на Днѣпровскомъ лиманѣ.

[4]) Мѣста, гдѣ ловятъ рыбу (провинц.).

[5]) Вѣроятно притокъ Ингула съ лѣвой стороны—Сагайдакъ.

[6]) Въ „Формулярѣ" читаемъ: „775 въ Сѣчи Запорожской для сохраненія въ ней покоя и по ордеру господина генерала и ковалера Лопухина посыланъ былъ съ донскими двадцатью казаками для забранія запорожцевъ, объявленія имъ

Вскорѣ затѣмъ, 24-го сентября 1775 года, Хомяковъ былъ командированъ въ Елисаветъ (градъ) съ однимъ оберъ-офицеромъ и 105 солдатами для пріема на полкъ провіанта за полмѣсяца, который „какъ можно наискорѣе долженъ былъ быть перепеченъ въ хлѣбы и пересушенъ въ сухари“. Едва Хомяковъ успѣлъ выполнить это, какъ вторично получилъ приказаніе принять провіантъ на цѣлый мѣсяцъ и поступить по прежнему. Все это происходило въ исходѣ сентября. Въ первыхъ числахъ октября, полкъ, пройдя мимо крѣпости св. Елизаветы, направился къ Кременчугу, при чемъ Хомякову „поручено было всѣ полковыя провіантскія фуры заготовивъ полученнымъ имъ провіантомъ“, немедленно слѣдовать за полкомъ. Почти подъ Кременчугомъ Хомяковъ „настигъ полкъ и доставилъ во всѣ роты *печеный провіантъ*, „а за ревностное и тщательное отправленіе своей должности отъ маіора управляющаго полкомъ, въ присутствіи всѣхъ оберъ-офицеровъ заслужилъ великую похвалу и благодарность“. Вскорѣ послѣ этого войска, переправясь чрезъ Днѣпръ у Кременчуга, вступили „внутрь Малороссіи, изыскивая прямѣйшій и удобнѣйшій трактъ въ Лифляндію“. Когда войска вступили въ Бѣлоруссію (у автора— Бѣлороссію), то почувствовался такой „недостатокъ въ фуражѣ, что за каждый пудъ сѣна платить принуждены были отъ 20 до 40 коп.“. Такимъ образомъ, пройдя „многія мѣста и селенія, во всякихъ припасахъ недостатокъ имѣющія, хотя съ крайнею нуждою и величайшимъ изнуреніемъ своихъ силъ, однако, наконецъ благополучно прибывъ въ Лифляндію (въ январѣ 1776 года) расположились по зимнимъ квартирамъ“, преимущественно въ Венденскомъ уѣздѣ, а Хомякову съ четвертою ротою привелось квартировать на мызѣ Инненгофъ, „которая не очень въ дальнемъ разстояніи находилась отъ упомянутаго уѣзда“ [1]). Отсюда на двѣ недѣли „для содержанія караульнаго поста“, Хомяковъ „обще съ прочими оберъ-офицерами хаживалъ съ отрядомъ въ Ригу по самый 1777 годъ; а съ этого времени онъ былъ избранъ „по одобренію штабъ и оберъ-офицеровъ къ особой полковой кампаніи“ (какой именно—не указано) и „за особенное свое стараніе

Высочайшаго соизволенія объ уничтоженіи сей Сѣчи Запорожской; въ другой разъ съ превосходною уже казачьею жъ командою объ отобраніи имѣющагося у нихъ оружія и о перепискѣ, куда они пожелаютъ“.

[1]) Можетъ быть отъ „уѣзднаго города“? На сѣверъ отъ Вендена дѣйствительно есть „Johannenhof“. Если авторъ воспоминаній неточно передавалъ славяно-русскія географическія названія, то въ нѣмецкихъ еще труднѣе ожидать отъ него точности.

и раченіе къ оной" награжденъ былъ „высшимъ чиномъ въ Н... полкъ". Здѣсь, судя по указанію формуляра, долженъ подразумѣваться Невскій полкъ, при которомъ Хомяковъ числился въ 778 году, а *высшій чинъ*, вѣроятно, былъ поручичій, въ который, какъ видно изъ формуляра, Хомяковъ былъ произведенъ 25-го декабря 776 года [1]).

Полковому командиру, бригадиру Б..., не хотѣлось отпускать Хомякова „изъ своего полку", почему и сдѣлано было представленіе оставить его въ Куринскомъ полку, но резолюція долго не получалась, и Г.(енералъ) А.(ншефъ) Б... [2]) потребовалъ его, по дежурству первой дивизіи, для исправленія письменныхъ дѣлъ на мызу Голствергъ-гофъ [3]), и Хомяковъ, оставивъ семейство на мызѣ Инненгофъ, отправился немедленно къ новой должности 15-го марта 1777 года. У г.(енерала) Б... Хомяковъ „управлялъ письменными дѣлами съ крайнимъ раченіемъ мѣсяца три", а затѣмъ возвратился въ роту и вскорѣ получилъ жестокую горячку. Между тѣмъ отъ генерала Б... приказано было ему явиться по прежнему въ К.(уринскій) полкъ, такъ какъ представленіе „высшей командѣ" о переводѣ было сдѣлано и еще невполнѣ оправившійся отъ болѣзни Хомяковъ долженъ былъ отправиться туда. Тамъ онъ былъ „потребованъ къ Г.(енералу) К... для отправленія письменныхъ дѣлъ". Въ половинѣ іюня отъ дивизіоннаго генерала Б... прислано было къ бригадному командиру генералу К... повелѣніе, чтобы онъ съ бригадою изъ Риги двинулся къ Валку (у автора—къ Валкамъ) на маневры. Генералъ К... прибылъ туда въ первыхъ числахъ августа. И Хомяковъ, опускающій въ своемъ разсказѣ многое, о чемъ могъ бы упомянуть въ своихъ мемуарахъ, помѣщаетъ журналъ маневровъ съ 3-го августа, „для подробнѣйшаго свѣдѣнія читателей". Онъ разсказываетъ о расположеніи полковъ и о движеніи „непріятеля" 4-го августа, окончившемся его ретированіемъ, говоритъ о стычкѣ 6-го августа, завершившейся обращеніемъ непріятеля въ бѣгство и о преслѣдованіи его „до того самаго мѣста, гдѣ онъ имѣлъ свой лагерь", сообщаетъ о „перепалкѣ начатой непріятелемъ передовыми своими постами, а затѣмъ и всѣми своими силами" 7-го августа, и о томъ, какъ „нашъ корпусъ... началъ во всевозможномъ порядкѣ отступать, и дошедъ до самаго того

[1]) Въ чинъ капитана произведенъ 778 г. декабря 13.

[2]) Броунъ, бывшій тогда намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ или Бергъ, числившійся при Лифляндской дивизіи.

[3]) Можетъ быть Хорстенгофъ, на В. отъ Вендена.

мѣста, откуда вчерашняго дня повелъ на непріятеля атаку, остановился; непріятель увидѣлъ, что городомъ овладѣть не можетъ, прервалъ дѣйствія со стороны своей, а симъ и всѣ производимые маневры конецъ свой воспріяли".

Бригадные командиры получили отъ дивизіоннаго генерала Б... приказъ слѣдовать съ войсками на прежнія мѣста, почему Хомяковъ и возвратился въ Ригу, а съ наступленіемъ осени войска выступили на зимнія квартиры. Спустя нѣсколько времени, въ ноябрѣ 1777 года, съ отъѣздомъ генерала К... въ украинскую дивизію, Хомякову приказано было снова явиться въ К.(уринскій) полкъ, хотя резолюціи о переводѣ Хомякова въ этотъ полкъ еще не было получено; а К.(уринскому) полку велѣно было двинуться изъ Лифляндіи въ Малороссію и далѣе, при чемъ офицеры, находившіеся при немъ „приватно", но числившіеся въ другихъ полкахъ, отправлены были къ своимъ полкамъ, а потому и Хомякову велѣно было отправиться къ Н.(евскому) полку. По прибытіи Хомякова въ Ригу, полковникъ Т..., узнавъ, что Хомяковъ женатъ, и что жена его находится на мызѣ Инненгофъ, далъ ему отпускъ на три недѣли, чтобы онъ могъ привезти жену въ Ригу. Довольный Хомяковъ за недѣлю до срока возвратился назадъ, чѣмъ „и заслужилъ довѣренность полковника, который, положась на его доброе и хорошее поведеніе", далъ ему „въ команду 50 человѣкъ рядовыхъ, 20 извощиковъ съ лошадьми, двухъ унтеръ-офицеровъ и трехъ капраловъ, и командировалъ въ рощи тамошнихъ помѣщиковъ для рубки дровъ, снабдивъ притомъ изтребованнымъ отъ Рижской генералъ-экономической конторы наставленіемъ, въ коемъ прописано, чтобы помѣщики по требованію (Хомякова) удовлетворяли команду провіантомъ, а лошадей—фуражемъ". Хомякову помѣщики „оказывали великую благосклонность". Дрова были заготовлены, но нужно было выждать вскрытія рѣкъ; и только тогда Хомяковъ къ Ригѣ пригналъ дрова по Двинѣ. Полковникъ публично благодарилъ Хомякова за ревность къ службѣ, „немедлительный въ должности успѣхъ", и повторилъ эту благодарность „и въ письменномъ полковомъ приказѣ". Вскорѣ по выступленіи всѣхъ полковъ въ лагерь, полковникъ Т... „осматривалъ роты своего полка, желая узнать, сколь твердо наблюдается ими военная экзерциція. Оказалось, что 35 рекрутовъ, бывшіе подъ начальствомъ Хомякова, оказали довольный успѣхъ". Это усугубило „хорошее мнѣніе" полковника о Хомяковѣ, что и выразилось въ назначеніи послѣдняго командиромъ четвертой роты, вмѣсто капитана, чѣмъ-то „воспалившаго гнѣвъ"

полковника Т... Такое назначеніе „причинило не малое (на Хомякова) многихъ оберъ-офицеровъ роптаніе". Для прекращенія его догадливый Хомяковъ объ этомъ „увѣдомилъ самъ" подполковника М..., преміеръ-маіора Ф... и секундъ-маіора В... съ просьбою о „защищеніи отъ такой обиды". „Сіи добродѣтельные особы приняли въ уваженіе справедливую просьбу (Хомякова) и на другой же день при разводѣ... они говорили, что тѣ, кои негодуютъ, весьма ошибаются, потому что за усердіе и ревность, которую Хомяковъ имѣлъ въ службѣ и своей должности, онъ достоинъ той чести, каковою его почтилъ полковникъ. При сихъ словахъ всѣ завистники признались, что поступили несправедливо".

Такъ просто рѣшались подобныя *недоразумѣнія* за сто лѣтъ тому назадъ! Послѣ этого наивнаго разсказа о возникшей было размолвкѣ, Хомяковъ сообщаетъ, что командовалъ двумя ротами до самаго выступленія полка въ походъ, назначенный въ концѣ сентября.

Выступивъ изъ Риги, полкъ двинулся вверхъ по Двинѣ „къ Бѣлорусской губерніи" [1]). Перехода за два отъ Малороссіи Хомякову съ четвертою ротою велѣно было идти чрезъ слободу Добрянку [2]) къ Чернигову, чтобы тамъ заготовить паромы для переправы и ждать полка. Не доходя пятнадцати верстъ до Чернигова, Хомяковъ получилъ приказъ возвратиться съ ротою къ Добрянкѣ для соединенія съ полкомъ. Шесть переходовъ безъ отдыха шла рота; солдаты были изнурены, и Хомяковъ, „будучи тронутъ сожалѣніемъ надъ ними", рѣшился передневать. Онъ доносилъ объ этомъ полковнику и спрашивалъ о маршрутѣ, по которому слѣдовалъ полкъ. Въ полученномъ отвѣтѣ значилось, что полкъ пошелъ къ Польшѣ, къ мѣстечку Чернобылю [3]) (у автора—городъ Чернобо́ль), при чемъ „повелѣно было не изнуряться маршемъ, а слѣдовать умѣренными шагами". Рота соединилась съ полкомъ 6-го декабря. Перейдя польскую границу, полкъ двинулся къ Острогу [4]), и былъ расквартированъ по уѣзду. Хомякову

---

[1]) Въ „Бѣлорусскую" губернію въ концѣ XVIII вѣка входили Полоцкое и Могилевское намѣстничества, т. е. нынѣшнія Могилевская и Витебская губерніи.

[2]) На границѣ Черниговской и Могилевской губерній, въ 73 верстахъ отъ Чернигова—изъ числа извѣстныхъ Стародубскихъ слободъ.

[3]) При впаденіи Уши въ Припеть, въ Кіевской губерніи.

[4]) Въ формулярѣ читаемъ: „въ 778 году съ полкомъ Невскимъ подъ командою генералъ-маіора и разныхъ орденовъ кавалера Потемкина въ Польшѣ до г. Острога". Здѣсь подразумѣвается Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

пришлось квартировать подъ Дубномъ (у автора—Дубнами) въ селѣ Долбицы, „владѣнія госпожи Я...“.

Въ бытность свою въ Долбицахъ обласканный помѣщицею Хомяковъ „подкрѣпилъ изнуренныя свои силы и возобновилъ прежніе безвинныя удовольствій (?) во многихъ мѣстахъ со мною встрѣчавшіяся“—туманно заявляетъ авторъ. „Госпожа сего селенія была какъ ко мнѣ такъ и супругѣ моей столь благосклонна, что не можно и по днесь забыть всѣ ея къ намъ бывшія одолженій (?). Но счастіе позавидовало моему благоденствію и не позволило мнѣ долѣе пользоваться милостями и благодѣяніями госпожи Я... ибо марта въ первыхъ числахъ (1779 года) по желанію моему, на поданное отъ меня прошеніе, вышла мнѣ съ награжденіемъ чина отставка, которую хотя г.(осподинъ) г.(енералъ) П.(отемкинъ) и совѣтовалъ мнѣ отложить на нѣсколько времяни, однакожъ узнавъ, что я уже служу двадцать четыре года безъ всякаго порока добропорядочно и что съ самаго вступленія въ Пруссію, ни одного раза не видѣлъ своего отечества (?). Сіи самыя причины побудили его безъ всякаго удержанія отпустить меня, притомъ и въ семъ случаѣ не опустилъ онъ оказать съ своей стороны знака своего ко мнѣ доброжелательства, наградивъ меня подорожною безъ прогоновъ“.

Въ этомъ сообщеніи можетъ отчасти удивить читателя только то, что словоохотливый авторъ ранѣе ничего не говорилъ о своемъ желаніи оставить службу. Впрочемъ, Хомякову, вѣроятно наскучила не служба вообще, а безпрерывные переходы и переѣзды изъ края въ край, вдали отъ родины. Возвратясь на родину, Хомяковъ—какъ увидимъ ниже—искалъ вновь мѣстечка и въ военной и въ гражданской службѣ, и не безъ благопріятнаго результата. Итакъ, не предупреждая разсказа Хомякова, послѣдуемъ за ходомъ его „истинной повѣсти“.

Сдавъ роту и распродавъ „излишній экипажъ“, Хомяковъ благополучно выбрался изъ Долбицъ и направился домой чрезъ Кіевъ („прямо къ Кіеву“), гдѣ по просьбѣ и получилъ отъ управляющаго губерніею и пограничными дѣлами Е.(льчанинова) [1]) подорожную на четыре лошади за указные прогоны и одного сержанта изъ тамошнихъ баталіоновъ, съ самаго малолѣтства ему извѣстнаго. Безъ „препятствій и безпокойствъ“ Хомяковы добрались до Сѣвска, по минованіи котораго авторъ воспоминаній „столь сильнымъ пораженъ былъ ударомъ,

[1]) Ельчаниновъ, Яковъ Васильевичъ, генералъ-поручикъ, былъ въ то время Кіевскимъ оберъ-комендантомъ; см. *Закревскаго*—Описаніе Кіева, стр. 895.

что едва было обще и съ супругою своею не лишился жизни". Дѣло было очень просто: ямщикъ „взъѣхалъ на косогоръ", коляска „разломалась въ мелкія части", сундуки, находившіеся въ коляскѣ, „столь сильно сидящихъ придавили, что они едва было совсѣмъ не лишились жизни"; въ тоже время испуганныя лошади тащили коляску „шаговъ болѣе десяти", но „по счастью шкворень... переломился и лошади, „оставя коляску", поскакали впередъ. Ямщикъ едва догналъ ихъ на третьей верстѣ. Сержантъ, провожавшій отъ Кіева, вмѣстѣ съ деньщикомъ вытащили несчастныхъ путниковъ изъ подъ коляски. Хомякову „раздавило грудь", „у любезнѣйшей супруги... выломило правую руку въ самой кистѣ". Но да успокоится — прибавимъ отъ себя — читатель! Часто фантазирующій въ извѣстномъ направленіи авторъ и на этотъ разъ пересолилъ въ разсказѣ о своемъ несчастіи; у супруги его былъ простой ушибъ руки; сынъ же остался здравъ и невредимъ, такъ какъ, „будто бы чувствуя будущее сіе несчастіе", испросилъ предъ тѣмъ позволеніе сѣсть въ кибитку „для слушанія нѣкоторыхъ разсказовъ отъ сержанта, къ которому онъ имѣлъ большую привязанность". На недальнемъ пути отъ Сѣвска до Орла „болѣзнь супруги умножилась" и въ Орлѣ ужъ Хомяковъ отыскалъ какую-то старуху, „которой искусство въ семъ случаѣ многіе восхваляли" ему. Лѣкарка, напугавъ сначала мнѣніемъ, что „рука никогда прежняго дѣйствія получить не можетъ", при видѣ общаго отчаянія сказала, что „еще остается нѣкоторая надежда къ излѣченію". Старуха сначала „правила руку", а потомъ лѣчила сѣнными припарками и больная „уже приходила въ первое своего здоровья состояніе". На это лѣченіе было потрачено двѣ недѣли въ Орлѣ. Затѣмъ, прибывъ въ Т.(улу), Хомяковъ обратился къ врачу, который, осмотрѣвъ руку жены Хомякова, сказалъ, что „рука не вывихнута, а жестоко ушибена, и обѣщалъ прислать канфарнаго спирта для мазанія руки". И лѣкарь — говоритъ Хомяковъ — „принесъ ко мнѣ два штофа спирту, способствующаго боли моей супруги, и банку зеленой мази", и не принялъ „благодарности" отъ Хомякова, ссылаясь на то, что самъ бывалъ въ походахъ и знаетъ, какъ нужны деньги дорожному человѣку. На другой день Хомяковъ выѣхалъ изъ Т.(улы) по С.(ерпуховской) дорогѣ, а отъ С.(ерпухова) по М.(осковской); „но не доѣзжая М.(осквы) верстъ за пятьдесятъ, поворотилъ въ лѣвую сторону на Б.(оровскую) дорогу; потомъ вскорѣ и сію послѣднюю оставилъ; а проѣзжалъ проселочными въ В.(ерейскій) уѣздъ. гдѣ родительница (Хомякова) жительство имѣла въ селѣ К.(рюковѣ)". Всѣ эти геогра-

фическіе пункты, встрѣчающіеся въ концѣ книги Хомякова, разумѣется, возстановлены изъ ихъ иниціаловъ — по догадкѣ. Село Крюково, на основаніи „смотрового списка“, и нашихъ соображеній, нѣсколько разъясняющихъ его показаніе, былъ тотъ пунктъ, въ которомъ родился или числился отецъ нашего автора „истинной повѣсти“, — пунктъ, находившійся въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Тамъ, какъ видно изъ книги Хомякова, жила еще и его „родительница“. Не сдѣлавъ версты полторы до К.(рюкова), Хомяковы „снова едва не подверглись неожидаемому бѣдствію“: они опять „заѣхали въ болото“. Ужъ только благодаря встрѣтившемуся у дороги священнику они попали на настоящій путь и благополучно уже прибыли въ К.(рюково).

„Первою встрѣчею“ былъ священникъ этого села, „упражнявшійся въ земледѣліи“. Хомяковъ „съ почтеніемъ“ спросилъ его: „жива ли М.... Ф...?“ Подъ этими иниціалами скрывается имя матери Хомякова.

Священникъ, приведенный такимъ вопросомъ „въ нѣкое недоумѣніе и сомнѣніе“, спросилъ въ свою очередь, какую надобность имѣетъ онъ (Хомяковъ) „до М... Ф..? и не дожидаясь отвѣта съ восторгомъ сказалъ:

— Не вы ли П.(етръ) З.(ахаровичъ), сынъ М... Ф...“?

И когда Хомяковъ подтвердилъ предположеніе священника, онъ невольно выразилъ удивленіе:

— Возможно ли, вскричалъ онъ, чтобъ вы были еще живы? Мы уже считали васъ оставившимъ сей свѣтъ, потому что толь долгое время никакого не имѣли объ васъ извѣстія!

Священникъ тотчасъ далъ знать всему селу, чтобы Хомякова встрѣтили съ пристойною ласковостью“.

„Слабое и уже притупившееся перо“ Хомякова „не могло подробно описать того восхищенія и восторга, каковымъ объяты были всѣ жители сего села и всѣ изпускали радостныя слезы“. Хомяковъ подъѣхалъ къ дому сестры и тамъ уже встрѣтилъ мать, узнавшую объ его пріѣздѣ. Разумѣется, разсказъ объ этой встрѣчѣ переданъ авторомъ не безъ реторическихъ восклицаній. Мать спросила сына объ отцѣ, но сынъ „въ семъ случаѣ не хотѣлъ открыться предъ нею въ самой справедливости“, и уже послѣ, спустя нѣсколько времени, на вторичный спросъ матери, сообщилъ ей всю правду [1]).

---

[1]) Отецъ Хомякова еще въ 1771 году „преселился въ царство мертвыхъ“, по выраженію автора.

„Послѣ сего дражайшая моя родительница и всѣ родственники ввели меня съ супругою и сыномъ въ маленькій свой домикъ... село учинилось обиталищемъ радости".

Въ К.(рюковѣ) Хомяковъ прожилъ двѣ недѣли, „но по необходимости — по его выраженію — принужденъ былъ съ родительницею своею разстаться и ѣхать въ М.(оскву), разстояніемъ отъ сего мѣста за 70 верстъ".

Въ М.(осквѣ) [1]) Хомякову опять желательно было „вступить въ должность", и, по прибытіи туда, онъ явился къ г.(осподину) г.(енералу) Р... [2]), который и „опредѣлилъ ему должность командовать ротою". Хомяковъ „вознамѣрился купить собственный свой домъ, въ который немедленно и переѣхали" [3]). Супруга доставила ему новую радость:

— „Я ласкаюсь—сказала она мужу—что вы меня любите нелицемѣрно, и будучи въ сей надеждѣ рѣшилась и я непритворную свою любовь оказать вамъ воспріятіемъ православно-кафолическаго закона, исповѣдуемаго святою соборною и апостольскою церковью въ Россіи"..., что и воспослѣдовало.

Хомяковъ провелъ годъ на службѣ подъ командою г.(осподина) г.(енерала) Р..., послѣ чего онъ „опредѣленъ былъ къ новой должности, которую исправлялъ съ особеннымъ раченіемъ и ревностью..., за что и получилъ отъ г.(осподина) г.(енерала) Ф... похвальный аттестатъ".

„Наконецъ—завершаетъ Хомяковъ свой разсказъ—желая перемѣнить родъ службы, испросилъ я себѣ съ награжденіемъ чина отставку, и вступилъ въ другую службу, которую и понынѣ продолжаю. Итакъ въ заключеніе всего моего похожденія скажу вамъ, любезные читатели, что всей моей службы состоитъ 33 года; и въ такое довольное теченіе времени случились со мною многіе трудности и препятствія, кои здѣсь описаны. Напослѣдокъ преодолѣвъ оныя своимъ муже-

[1]) Туда Хомяковъ прибылъ „въ изходѣ маія 1779 года".

[2]) Можетъ быть—М. П. Ржевскій, который завѣдовалъ тогда Военной конторой.

[3]) Въ „Указателѣ Москвы, показывающемъ по азбучному порядку имена владѣльцевъ всѣхъ домовъ сей столицы" (М. 1793 г.) на стр. 389 второй части находимъ: домъ „Хомяковой Анны Петровны секундъ-маіорши, въ приходѣ Рождества Богородицы на большой улицѣ на Бутыркахъ, 4 кварт. №№ 340 и 341". Изъ книги Хомякова видимъ, что имя жены его начиналось съ буквы А..., но отецъ ея назывался М... В... (Похожденіе... и проч., часть I, стр. 78). Хомяковъ былъ „уволенъ отъ службы съ награжденіемъ секундъ-маіорскаго чина" 10-го февраля 1783 г. (изъ формуляра).

ствомъ и твердостью духа, теперь наслаждаюсь обще съ супругою спокойною и отчасти уединенною жизнію; имѣя главнымъ утѣшеніемъ одного сына, который находясь въ службѣ съ нижнихъ чиновъ, по благоволенію высочайшія власти достигъ уже оберъ-офицерскаго чина и продолжаетъ службу съ такою ревностію, раченіемъ и усердіемъ, какъ приличествуетъ доброму гражданину, вѣрноподданному и истинному сыну своего отечества. Вотъ окончаніе моего похожденія".

Въ документахъ о службѣ П. З. Хомякова имѣется указаніе, что онъ, по опредѣленію Военной Коллегіи 10-го февраля 1783 года „уволенъ отъ службы съ награжденіемъ секундъ-маіорскаго чина", а „1792 году, находясь въ Московской Управѣ Благочинія, просилъ его опредѣлить въ Московскій 2-й баталіонъ формировавшійся, на что и состоялось опредѣленіе Военной коллегіи 26-го апрѣля 1792 года, но почему-то зачисленнымъ его въ означенный баталіонъ съ 1793 по 1796 годъ не оказалось". Въ „Мѣсяцесловахъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ" за вышеуказанные годы тоже не упоминается имя Хомякова въ составѣ чиновниковъ Московской Управы Благочинія.

Изъ всего до сихъ поръ сообщеннаго явствуетъ, что воспоминанія Хомякова касаются времени Семилѣтней войны, борьбы съ польскими конфедератами и первой турецкой войны при Екатеринѣ II. Объ историческомъ значеніи этого длиннаго періода времени въ русской исторіи нѣтъ и намека въ воспоминаніяхъ Хомякова.

Безхитростный, хотя и нерѣдко витіеватый разсказъ автора „истинной повѣсти" вполнѣ рисуетъ предъ нами скромнаго мелкочиновнаго служаку прошлаго столѣтія, который любитъ порисоваться своими немногосложными похожденіями, а вѣрнѣе—походами съ полкомъ, не чуждъ тщетныхъ поползновеній къ литературной формѣ разсказа, не прочь возвести въ перлъ созданія какое-нибудь „несчастіе" на своемъ жизненномъ пути, въ родѣ поломки дорожной кибитки, и подобными ламентаціями невольно приводитъ на память слова великаго шотландца: „предъ нами провинціалъ..., лучшее качество котораго состояло въ добродушіи, и этотъ человѣкъ былъ недоволенъ своимъ жребіемъ, ворчалъ на другихъ за мелочи, которыя, въ сравненіи съ истинными несчастьями, легче пылинки на вѣсахъ жизни"...

По своей служебной дѣятельности Хомяковъ представляетъ образецъ сотни тысячъ подобныхъ тружениковъ, ходившихъ взадъ и впе-

редъ по широкому полю русской земли и за границами русскаго государства, не задавая себѣ тревожнаго вопроса—зачѣмъ все сіе вершится, „ища себѣ чти, а князю славы". Многія тысячи такихъ людей жили такъ же, но не имѣли поползновеній увѣковѣчивать въ памяти потомства свои труды, каковы бы они ни были, а все-таки игнорировать такія скромныя „похожденія" едва ли позволительно! Вѣдь это значило бы набивать цѣну единственно на регламентацію, и вовсе не цѣнить тѣхъ скромныхъ, но „вѣрныхъ присягѣ" исполнителей, безъ которыхъ немыслимо осуществленіе никакого дѣла, задуманнаго даже геніальнымъ человѣкомъ. Разсказъ Хомякова отчасти знакомитъ насъ съ закулисными сторонами походной жизни и порядками военной службы прошлаго, вноситъ кое-что въ исторію полка и представляетъ рѣдкій образчикъ литературнаго произведенія XVIII вѣка, занимающаго средину между дневникомъ и повѣстью. Не будь въ разсказѣ Хомякова извѣстной неумѣлой реторичности, быть можетъ, не въ мѣру разукрасившей и его матримоніальныя затѣи, онъ почти во всѣхъ своихъ чертахъ напомнилъ бы намъ фигуру нашего общаго знакомаго—Ивана Ѳедоровича Шпоньки, похожденій котораго не заблагоразсудилъ закончить его геніальный творецъ. И разсказъ Хомякова тоже не завершается его гражданскими подвигами, въ которыхъ не могло не быть любопытныхъ подробностей.

Но авторъ — или военную службу ставилъ выше гражданской и не видѣлъ на своемъ пути въ послѣдней такихъ болотъ, въ какихъ ему не разъ приходилось вязнуть со своей коляской, или — что еще вѣроятнѣе—даже не могъ, страха ради, говорить о своемъ настоящемъ, въ которомъ, какъ небезызвѣстно, было никакъ не менѣе, если не болѣе тины, засасывавшей даже и не такихъ тихихъ людей, какъ П. З. Хомяковъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ рѣшимость передать потомству, забывшему его, о той невидной, но тяжелой дѣятельности, которую выносили на своихъ могучихъ раменахъ русскіе вояки за сто лѣтъ назадъ, и *первый изъ пишущихъ на Руси людей, при жизни своей, сдѣлалъ ее достояніемъ публики*, не способной еще въ его время цѣнить тихое плаваніе по житейскому морю.

М. П—ій.

ИЗЪ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА.

Построеніе теоріи драмы во французской критикѣ.

„Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ"—въ такихъ выраженіяхъ великій англійскій геній, устами меланхолическаго датскаго принца, призывалъ соотечественниковъ къ естественности и правдивости въ драматическомъ искусствѣ. Но этотъ справедливый призывъ былъ забытъ послѣдующими поколѣніями... Классицизмъ сдавилъ проявленіе и развитіе поэтическихъ дарованій; въ царствѣ условности было не по себѣ изобразителю реальной борьбы, выхваченной изъ дѣйствительной жизни... Около двухъ столѣтій тяготѣетъ гнетъ надъ литературой, и, повидимому, нѣтъ изъ него выхода. Однако исторія подтверждаетъ справедливость словъ Шекспира: въ моментъ расцвѣта классицизма въ немъ таился уже зародышъ разложенія... Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, во Франціи, въ твореніяхъ лучшихъ представителей самаго строжайшаго, безпримѣснаго классицизма замѣтно сомнѣніе въ возможности выполненія всѣхъ правилъ піитики Буало; представители драматургіи восемнадцатаго вѣка, въ лицѣ Дидро и отчасти Вольтера, укрѣпили это сомнѣніе: появляется новый типъ „мѣщанской" драмы; въ литературныя сферы проникаетъ имя Шекспира, пока еще, правда, осыпаемаго разными непристойными кличками...

Въ воздухѣ чуется приближеніе какого то кризиса, литературной революціи, которая и не замедлила проявиться въ сшибкѣ новыхъ романтическихъ теорій съ застарѣлой піитикой и новыхъ дра-

матическихъ образцовъ съ отживавшей послѣднее время классической трагедіей.

Не анализъ вновь возникшей драмы, а историческій очеркъ новыхъ драматическихъ воззрѣній, высказанныхъ романтической критикой—предметъ нашей статьи.

Память Шекспира, воскрешенная на его отчизнѣ прекрасной игрой Гаррика, была оживлена въ Германіи переводами Виланда и сценическимъ талантомъ Шредера; съ появленіемъ критики Лессинга опускаются въ могилу останки классицизма. Художественное творчество Германіи достигаетъ высокой степени совершенства въ драмахъ Шиллера и Гете, изъ произведеній котораго „Гецъ фонъ Берлихингенъ" тѣсно связанъ съ главными моментами международнаго общенія и взаимодѣйствія въ литературной области: чадо періода „бури и натиска", „Гецъ фонъ Берлихигенъ" не только вліялъ на романы Вальтеръ-Скотта, но и сыгралъ видную роль въ борьбѣ за водвореніе новой исторической драмы [1]). На рубежѣ, отдѣляющемъ восемнадцатый вѣкъ отъ девятнадцатаго, вліяніе Германіи начинаетъ сильно сказываться во французской поэзіи, подрывая постепенно ослабѣвавшее значеніе старыхъ литературныхъ преданій...

Слабые проблески освободительнаго движенія въ литературѣ, проскальзывавшіе, помимо Дидро и Вольтера, въ сочиненіяхъ Ламотта, Бомарше и Себастьяна Мерсье [2]) или въ такихъ предпрія-

---

[1]) По собственному признанію Гете, онъ былъ „твердый шекспировецъ", что и отразилось на „полнотѣ и жизненности поэтическихъ образовъ", „правдѣ характеровъ" „Геца". Но въ этой же драмѣ композиція не драматична, попрано единство дѣйствія. Значеніе драмы въ общемъ громадное. „Во всемъ чуялось, что насталъ новый день нѣмецкой поэзіи", пишетъ *Геттнеръ* („Исторія всеоб. лит. XVIII вѣка", томъ III, книга III, 133). Объ отношеніи „Геца" къ романамъ Вальтеръ-Скотта см. статью *Карлейля* объ англійскомъ романистѣ и „Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankeich" von Th. Züpfle, т. II, ч. I, стр. 126.

[2]) О Себастьянѣ Мерсье, выпустившемъ въ 1773 году свой извѣстный трудъ: „Essai sur l'art dramatique", считаютъ долгомъ упомянуть всѣ солидные изслѣдователи романтическаго движенія. Онъ — „предшественникъ романтическихъ теорій", „создавшій изъ Шекспира божество"; онъ — „болѣе романтикъ, чѣмъ романтики временъ реставраціи", „жестоко нападалъ на всѣ правила классиковъ вѣка Людовика XIV и воспользовался теоріями Дидро"; „его книга весьма любопытна, но была, кажется, неизвѣстна въ свое время". Ср. *P. Nebout*, „Le drame romantique", p. 11; *Th. Ziesing*, „Le Globe, considéré dans ses rapports

тіяхъ, какъ переводы Шекспира, изданные Делапласомъ (1746) и Летурнеромъ (1776), получаютъ возможность концентрироваться и превращаться въ потокъ ровнаго и яркаго свѣта. Интересующіеся нѣмецкой литературой ощущаютъ подъ ногами довольно твердую почву; а такихъ лицъ было не мало... Обстоятельное новѣйшее изслѣдованіе о вліяніи нѣмецкой культуры на Францію выяснило, что это вліяніе не ограничивалось предѣлами эпохи романтизма, а началось задолго до нея.

Такъ, самый ранній переводъ на французскій языкъ „Геца фонъ Берлихингена" выпущенъ въ 1785 г.; къ восемнадцатому вѣку относятся переводы и другихъ драмъ Гете: „Клавиго", „Стелла" и др. Въ это время возбуждаютъ любопытство какъ въ чтеніи, такъ и на подмосткахъ театра „Разбойники" Шиллера; наряду съ ними переводятъ „Коварство и любовь" и „Донъ Карлоса" [1]).

Въ эпоху же романтизма начала прошлаго столѣтія указанный интересъ къ обоимъ нѣмецкимъ писателямъ принимаетъ болѣе осмысленный характеръ: на французскомъ языкѣ встрѣчаются собранія сочиненій Гете и Шиллера [2]), а не отдѣльныя вещи, печатаются болѣе или менѣе удачныя и талантливыя критическія статьи въ родѣ сочувствующихъ новому направленію французскихъ журналахъ, въ „Le Globe", „Revue encyclopédique", „Revue française" и „Le Catholique", — а обстоятельное знакомство съ нѣмецкой драмой и ея теоріей способствуетъ лучшему пониманію „бога трагедіи"—Шекспира [3]). Новое направленіе французскаго театра — премущественно историческое. Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ и нѣмцы водворяютъ именно этотъ типъ драмы: влеченіе къ минувшимъ эпохамъ французской

---

avec l'école romantique", p. 13—15; *M. Souriau*, „De la convention dans la tragédie classique et dans drame romantique", p. 68, и цитованное изслѣдованіе *Зюпфле* стр. 11, 85, 99, 112.

[1]) См. цитованное изслѣд. Зюпфле, т. II, ч. I, гл. 4 и 5.

[2]) „Oeuvres dramatiques de Goethe, traduites de l'allemand par. M. M. *Stapfer, Cavagnac et Marguerė*; Paris 1821—1825, IV vol.", „Chefs-d'oeuvre des théâtres étrangers... traduits en français par uue société de gens de lettres; *Paris, Ladvocat*, 1820—1825"; „Oeuvres dramatiques de Fr. Schiller... précédées d'une notice biographique et littéraire... Paris, 1821, *Ladvocat*"; „Oeuvres dramatiques de Schiller, traduction nouvelle *de M. Horace Meyer*... Paris, 1834".

[3]) См. Зюпфле, т. II, ч. I, 118—119: „Ueberhaupt war *der echte Shakespeare* erst durch deutsche Vermittelung, namentlich durch A. W. Schlegel, jenseit des Rheines bekannt geworden"...

исторіи, воспроизведеніе мѣстныхъ легендъ съ мѣстнымъ колоритомъ—могучій элементъ новой драмы и новаго романа [1]).

Два чужеземныхъ писателя особенно привлекали вниманіе французовъ при разработкѣ теоретическихъ вопросовъ относительно драмы: одинъ — нѣмецъ А. В. Шлегель, другой — итальянецъ А. Манцони. На нихъ мы останавливаемся прежде, чѣмъ перейдемъ къ обзору исключительно французскихъ теорій. Въ другой нашей статьѣ, написанной по другому поводу, мы пытались сдѣлать оцѣнку классическаго изслѣдованія Шлегеля, посвященнаго драматической литературѣ; здѣсь мы повторяемъ наши выводы [2]).

Въ этомъ трудѣ впервые сдѣланъ былъ критическій обзоръ классическаго и новѣйшаго театра разныхъ временъ и національностей; отдѣльныя главы, посвященныя тому или другому предмету, представляютъ прекрасные отдѣльные этюды, въ которыхъ эрудиція ученаго соединена съ чуткостью художника. Особенное мѣсто удѣлено псевдоклассикамъ и Шекспиру, наиболѣе плѣнившему нѣмецкаго критика. По словамъ А. Шлегеля, узаконенныя единства времени и мѣста не только не приносятъ пользы, но прямо вредны, въ виду невозможности, при соблюденіи ихъ, ни указать постепенный ростъ желаній человѣка, ни дѣйствіе на него времени, ни прибѣгнуть къ театральнымъ эффектамъ, иногда плохо вяжущимся съ единствомъ мѣста. Неудобство это возникаетъ отъ точнаго соблюденія правилъ, извлеченныхъ изъ греческихъ пьесъ, безъ обращенія вниманія на совершенно измѣнившіяся историческія условія. Поэтъ долженъ переноситься въ античный міръ и понять его; а французы, наоборотъ, надѣлили классическихъ героевъ всѣми утонченностями ихъ этикета; въ французской обработкѣ историческихъ сюжетовъ сказалась та же ошибка: старинные обычаи и повѣрья замѣнили позднѣйшими и свойственными другой національности, что, конечно, лишило истины и

---

[1]) *Maigron, L.*, „Le roman historique à l'époque romantique", livre IV, „Le roman historique et l'histoire au XIX siècle": Шатобріанъ, а затѣмъ Вальтеръ-Скоттъ положили основаніе серьезному пониманію исторіи. Шотландскій романистъ былъ образцомъ для Баранта, автора „Герцоговъ Бургундскихъ", и былъ признанъ величайшимъ учителемъ, какой когда-либо былъ, въ дѣлѣ исторической проницательности чистосердечными словами Огюстена Тьерри. Исторія была новымъ источникомъ вдохновенія, обновила поэзію, способствовала развитію историческаго метода Вильмена и Сентъ-Бева. Ср. слова Цизинга: „Partout dans le romantisme français nous sentons l'influence des études historiques" (стр. 48).

[2]) См. нашу статью: „Взглядъ Пушкина на драму". С.-Пб. 1900.

оригинальности изображенія минувшихъ вѣковъ и народовъ. Александрійскій стихъ также неудобенъ, какъ и единства: онъ болѣе годенъ для произнесенія поучительныхъ тирадъ, чѣмъ для выраженія движеній страсти, и его размѣренный шагъ не подходитъ къ быстрому, нервному полету мысли, возбужденной живой скорбью. Къ числу несовершенствъ классической системы надо отнести созданіе типа наперсника и экспозицію, ибо, вмѣсто драматическаго дѣйствія, являются длинные разсказы. Заключеніе, къ которому пришелъ критикъ въ оцѣнкѣ французскаго театра таково: „Французы полагаютъ, что создали свою трагедію, руководствуясь строгой идеей, но эта идея была вполнѣ отвлеченна. Они хотѣли соединить, безъ всякихъ сторонних прибавокъ, съ высшей утонченностью вкуса, достоинство, величіе, поразительныя положенія, развитіе страстей и патетическій элементъ, которые приличны трагедіи; но на дѣлѣ они лишили ее всѣхъ этихъ свойствъ, уничтожили правдивость, глубину, жизненность—ея самыя характерныя черты".

Совершенно иначе относится Шлегель къ англійской драмѣ и ея великому родоначальнику. Англійская литература, по его мнѣнію, развилась, подобно испанской, самобытно, безъ чужеземныхъ воздѣйствій, и отличается романтизмомъ, отразившимся и на драматическихъ пьесахъ. Романтическая сторона проявилась и въ освобожденіи отъ единствъ, и въ смѣшеніи комическаго съ трагическимъ. Шекспиръ—слава своей націи; по однимъ его твореніямъ можно судить о культурномъ состояніи его эпохи. Драмы его строго обдуманы: онъ много размышлялъ о выводимыхъ характерахъ, о развитіи страсти, ходѣ событій и связи ихъ между собою, объ общественныхъ отношеніяхъ, тайнахъ природы и неумолимости рока. Человѣческая личность выдвигается имъ впередъ и обусловливаетъ собой всѣ свои поступки. И эта личность—не воплощеніе отвлеченной идеи, а одарена жизнью, одухотворена. Англійскій трагикъ—мастеръ рисовать страсти, онъ раскрываетъ передъ зрителемъ исторію души и однимъ словомъ заставляетъ догадаться о прошломъ ея. Онъ отличается замѣчательной силой творческаго воображенія и проницательностью ума и часто любитъ пародировать серьезныя стороны драмы. Смѣсь комизма съ трагизмомъ, встрѣчаясь въ жизни, находитъ себѣ оправданіе и въ драмѣ Шекспира. Историческія пьесы его таковы, что мы на основаніи ихъ изучаемъ исторію безъ боязни когда-либо утратить разъ воспринятыя живыя впечатлѣнія. Жгучія страсти героевъ создали языкъ, образный, полный метафоръ.

Стихъ Шекспира—ямбъ, безъ риѳмы, въ 10—11 слоговъ, перемѣшанный съ риѳмованными стихами и прозой. Этотъ размѣръ наиболѣе удобенъ и для высокаго тона, и для простой, безыскусственной рѣчи; употребленіе прозы или стиховъ имѣетъ у Шекспира свои основанія какъ въ расположеніи души, такъ и въ характерѣ, и сословіи говорящаго.

Расхваливъ Шекспира и оцѣнивъ по достоинству его драмы, Шлегель пытается опредѣлить задачи нѣмецкихъ драматурговъ. Въ старинной національной поэзіи и преданіяхъ родной земли чуется ему непочатый обильный источникъ для драмы. „Именно здѣсь,—пишетъ онъ:—поэты могли бы найти новые творческіе источники для блестящихъ, дивныхъ пьесъ; а изъ самой исторіи они должны извлекать возвышенные сюжеты романтической трагедіи". Шлегель указываетъ на богатства, таящіяся въ исторіи Германіи, и восклицаетъ: „Какое широкое поприще для поэта, который, подобно Шекспиру, обладаетъ даромъ схватывать поэтическую сторону истинныхъ событій и умѣетъ соединить живость красокъ и твердость и точность кисти, наблюдая опредѣленный предметъ, съ всеобъемлющими мыслями и великодушнымъ энтузіазмомъ, пробужденнымъ возвышенными интересами человѣчества" [1]).

Авторъ лучшаго итальянскаго романа въ историческомъ жанрѣ Александръ Манцони можетъ быть названъ однимъ изъ преобразователей итальянской драмы. Хотя онъ и не былъ въ состояніи вполнѣ отрѣшиться отъ псевдоклассическихъ предразсудковъ, однако въ предисловіи къ своей трагедіи „Графъ Карманьола" и въ „Письмѣ о трехъ

---

[1]) *Зюпфле*, т. II, ч. I, 107. Фр. Шлегель въ своей „Исторіи древней и новой литературы" слѣдующимъ образомъ высказывается противъ классицизма. Форма греческой трагедіи—стѣснительна; законъ единствъ времени и мѣста основанъ на недоразумѣніи и противорѣчитъ сущности поэзіи—все это, по мнѣнію критика, споръ обветшалый и оконченный со временъ Лессинга. Выпускъ лирической части изъ древней трагедіи заставилъ французовъ восполнить недостатокъ дѣйствія риторикою страстей, столь согласной съ основнымъ характеромъ этого народа. Безусловно не можетъ быть общей формы для драмы всѣхъ націй, столь отличныхъ одна отъ другой по взглядамъ и образу чувствованій. Каждая нація, не имѣя возможности предписывать законы другимъ и подчиняться сама чуждымъ правиламъ, должна изобрѣсти собственную форму, находящуюся въ тѣсной связи съ ея внутреннею жизнью. Въ виду этого даже такіе великіе писатели, какъ Кальдеронъ и Шекспиръ, не могутъ вполнѣ служить образцами. Шекспиру, впрочемъ, отдается преимущество передъ Кальдерономъ, который слишкомъ скоро приводитъ къ развязкѣ и не характеризуетъ загадку жизни съ Шекспировскою глубиною.

единствахъ" поражалъ въ самое сердце послѣдователей псевдоклассическихъ традицій. Нѣкто Шове (Chauvet)—одинъ изъ французскихъ критиковъ, классикъ по основнымъ убѣжденіямъ, помѣщавшій свои статьи въ „Revue encyclopédique" и другихъ журналахъ [1]), подалъ поводъ къ появленію разсужденія Манцони о единствахъ. Какъ ни тверды были убѣжденія Шове, они не выдержали суровой критики итальянскаго драматурга: такъ проницательно и безпощадно мѣтко было разоблаченіе несостоятельности условныхъ правилъ прежней теоріи драматическаго искусства [2]).

Правила о единствахъ—нецѣлесообразны и неправильны, пишетъ Манцони. Единство времени и мѣста защищаются, какъ необходимыя по отношенію къ зрителю, который, не мѣняя самъ ни мѣста, ни времени, долженъ находить ихъ правдоподобными. Но личность зрителя—не составная часть сценическаго дѣйствія, а умъ, смотрящій и соображающій *извнѣ;* правдоподобіе же заключается не въ отношеніи дѣйствія къ образу существованія зрителя, но въ отношеніи отдѣльныхъ частей дѣйствія между собою. Упомянутыя единства не согласуются съ другими принципами, принятыми ихъ защитниками, ибо нельзя допускать интимные переговоры въ присутствіи зрителя; тогда какъ несоблюденіе единствъ вполнѣ возможно и оправдывается многими фактами... Во-первыхъ, *народъ* „иллюзируетъ" вполнѣ достаточно во время представленія пьесъ, гдѣ эти правила не соблюдены, несмотря на то, что иллюзія народа уничтожается скорѣе, чѣмъ иллюзія ума гибкаго и образованнаго. Во-вторыхъ, англичане, испанцы, нѣмцы съ успѣхомъ не придерживаются этихъ правилъ, а признающіе ихъ не соблюдаютъ ихъ точно въ практикѣ и полагаютъ, что подчиненіе правиламъ уничтожаетъ часть красотъ. Манцони хотѣлъ бы видѣть правила основанными *на природѣ,* неизмѣнными, независящими отъ воли критиковъ, открытыми въ дѣйствительности, но не созданными искусственно. На ряду съ этими трезвыми мыслями встрѣчается у Манцони мысль, обнаруживающая его собственную слабость: онъ допускаетъ въ трагедіи хоръ. Греческіе хоры, думается ему, несовмѣ-

---

[1]) Шове неодобрительно отзывался о произведеніяхъ В. Гюго; одна статья его, посвященная этому предмету, была переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Сужденія классика о романахъ В. Гюго" и помѣщена въ № 22 „Московскаго Телеграфа" за 1831 годъ.

[2]) Шове призналъ, что безумно облекать современные сюжеты въ античныя формы и что новая драма не требуетъ строжайшаго и непремѣннаго соблюденія двухъ единствъ: мѣста и времени. *Т. Цизингъ,* стр. 103.

стимы съ системой новѣйшей трагедіи, но можно достигнуть той же цѣли, для которой они созданы, помѣщая въ пьесѣ здѣсь или тамъ лирическія мѣста, написанныя въ духѣ хора. Не будучи связаны съ дѣйствіемъ и не нарушая его, они даютъ возможность поэту высказываться отъ своего имени, почему ему не будетъ надобности вмѣшиваться въ дѣйствіе и надѣлять дѣйствующихъ лицъ собственными чувствами [1]).

Но еще прежде, чѣмъ Шлегель и увлеченный имъ Манцони [2]), оказали воздѣйствіе на французскую литературу, въ 1809 году Бенжаменъ Констанъ выпускаетъ свои „Размышленія" о Шиллеровомъ „Валленштейнѣ" и о нѣмецкомъ театрѣ. Подобно Манцони, еще проникнутый живыми впечатлѣніями ложноклассицизма, Бенжаменъ Констанъ скорѣе передѣлываетъ, чѣмъ переводитъ, драму Шиллера, подгоняя ее подъ рамки прежнихъ трагедій. За то онъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ нѣмцамъ... Они заслуживаютъ его вниманія, такъ какъ они знакомы даже съ чужеземной исторіей и изображаютъ не одно событіе и одну страсть, а цѣлую жизнь и полный характеръ, который надѣляютъ подвижностью, измѣнчивостью и свойственными ему слабостями... Французы же, наоборотъ, выдѣляютъ изъ характера все, чтобы выставить на первый планъ страсть, и уничтожаютъ то, что не соприкасается съ опредѣленнымъ фактомъ. Изолируя опредѣленный фактъ и страсть, они переносятъ весь интересъ зрителя на единственный предметъ; благодаря этому, ослабѣваетъ реальный характеръ: искусство не можетъ замѣнить истины, и зритель видитъ неестественнаго героя, плодъ поэтической изобрѣтательности автора. Изображеніе одной страсти, вмѣсто цѣлаго характера, вызываетъ дѣйствіе болѣе трагическое, ибо отдѣльные характеры, всегда смѣшанные и сложные, вредятъ единству впечатлѣнія. Но правдивость проигрываетъ: герои, безъ движущей ими страсти, не имѣютъ правъ на реальное существованіе... Вотъ почему Бенжаменъ Констанъ рѣшилъ, по примѣру Шиллера, возсоздать Валленштейна такимъ, каковъ онъ былъ.

Хоръ, изображающій народъ и откинутый нѣмцами, замѣненъ выводимыми на сцену въ значительномъ количествѣ *второстепенными* лицами, которыя, отличаясь чисто случайнымъ характеромъ, иногда способствуютъ болѣе глубокому развитію главнаго дѣйствующаго

---

[1]) A. Manzoni, théâtre et poésie, „Préface de Carmagnola" (P. 1846).

[2]) M. Сypio, стр. 74.

героя. Бенжаменъ Констанъ противъ вставокъ подобныхъ лицъ, онъ считаетъ ихъ опасными для французской сцены: вслѣдствіе угожденія публикѣ, внѣшніе рессурсы (музыка, случайныя смерти, множество актеровъ, перемѣна мѣста) могутъ сдѣлаться главными ради эффекта; поэтому лучше развивать характеры, представлять борьбу страстей.

Передѣлка въ эпическій разсказъ того, что можетъ быть представлено въ дѣйствіи, кажется опасной, хотя переводчикъ „Валленштейна" и допускаетъ ее въ своемъ трудѣ.

Три единства, на взглядъ Бенжамена Констана, имѣютъ свои неудобства; они полагаютъ чрезвычайно узкія рамки въ особенности для историческихъ драмъ, побуждаютъ пренебрегать истинной послѣдовательностью и тонкостью оттѣнковъ, но, несмотря на стѣсненія и происходящія отсюда ошибки, они—разумный законъ. Перемѣна мѣста, какъ бы ни была удачна, заставляетъ зрителя задуматься надъ перемѣщеніемъ сцены и отвлекаетъ часть вниманія отъ главнаго интереса: ему необходимо при новой декораціи возстановлять старую иллюзію. Нельзя ранѣе оповѣщать объ истекшемъ времени, такъ какъ въ подобномъ случаѣ поэтъ является впереди дѣйствующихъ лицъ, вставляетъ отъ себя прологъ и вредитъ единству впечатлѣнія. Въ виду этого, Бенжаменъ Констанъ сохраняетъ три единства (въ своемъ переводѣ), трагическій стиль, а въ остальномъ хочетъ быть вѣренъ новой системѣ [1]).

Извѣстная книга „О Германіи" (1813), написанная талантливымъ перомъ г-жи Сталь, болѣе твердо и увѣренно развивала новые взгляды на драму; но и въ этомъ произведеніи замѣтна нерѣшительность и робость при произнесеніи окончательныхъ приговоровъ. Отраженіе мыслей А. В. Шлегеля сквозитъ во многихъ сужденіяхъ Сталь. Въ пятнадцатой главѣ второй части помянутой книги идетъ рѣчь объ интересующемъ насъ вопросѣ. Предписаніе одной системы для всѣхъ національностей,—говорится здѣсь,—нелѣпо; требуются значительныя видоизмѣненія. Оживленіе греческаго театра, надѣленнаго многими чертами французскихъ обычаевъ и нравовъ, представляетъ непристойность и лишаетъ подобный театръ общеевропейскаго вниманія. Не смѣсь новѣйшаго съ античнымъ, а національно-историческая пьеса желательна г-жѣ Сталь: въ данномъ случаѣ невозможно сообразоваться ни съ тремя единствами, ни съ высокопарностью французской трагедіи. А изъ трехъ единствъ необходимо *одно* — единство дѣйствія.

---

[1]) Quelques réflexions sur la tragédie de Wallenstein et sur le théâtre allemand.

Измѣнившіяся, осложнившіяся историческія условія дѣлаютъ немыслимымъ совершеніе какого-либо событія въ 24 часа и въ одномъ мѣстѣ. Театральная же иллюзія зависитъ, какъ справедливо думаютъ иностранцы, не отъ единствъ, а отъ обрисовки характера, правдивости языка, отъ точнаго соблюденія нравовъ вѣка и страны. Умершіе нѣсколько столѣтій назадъ герои не могутъ иначе, чѣмъ условно и по соглашенію, заставить вѣрить въ ихъ существованіе; правдивость трагедіи зависитъ отъ возбужденія, которое она вызываетъ, возбужденія, для котораго перемѣна мѣста и удлиненіе положеннаго срока времени весьма полезны. Историческіе сюжеты менѣе, чѣмъ другіе, годятся для трехъ единствъ. Сталь согласна съ мнѣніемъ Бенжамена Констана, что нѣмцы рисуютъ характеры, а французы—страсти. Для избѣжанія недостатка французовъ слѣдуетъ удалиться отъ исключительно величаваго тона при многостороннемъ изображеніи человѣка; слѣдуетъ избѣгать и единства времени, ибо въ подобный срокъ возможно представить не характеръ, а одну лишь развязку.

Александрійскій стихъ—громадное препятствіе для многихъ чувствъ и сценическихъ эффектовъ; комическія сцены, способныя оттѣнить трагическое положеніе,—у французовъ немыслимы. Параллельно съ этими идеями, встрѣчаются у Сталь и противорѣчія, вѣрно подмѣченныя французскими критиками: утвержденіе, что заурядное часто соединяется съ возвышеннымъ, недопущеніе низкихъ характеровъ на сцену, признаніе драмы болѣе низкой сравнительно съ трагедіей [1])...

Въ то же время нельзя забывать, что Сталь впервые познакомила французовъ надлежащимъ образомъ съ нѣмецкой литературой, что она тонкимъ чутьемъ угадала достоинства Шекспира и написала слѣдующія строки: „Должно желать выхода изъ ограды, которую полустишія и риѳмы обвели вокругъ искусства, должно позволить себѣ болѣе смѣлости, требовать бо́льшаго знанія исторіи, ибо, если держатся исключительно блѣдныхъ копій однихъ и тѣхъ же образцовыхъ твореній, то кончаютъ тѣмъ, что видятъ въ театрѣ только героическихъ куколъ, жертвующихъ любовью для долга и предпочитающихъ смерть рабству, вдохновленныхъ по противоположности въ ихъ дѣйствіяхъ и словахъ, безъ всякаго отношенія къ тому удивительному существу съ ужасной увлекающей и преслѣдующей его судьбой, котораго зовутъ человѣкомъ“ [2]).

---

[1]) М. Суріо, стр. 72—74.

[2]) Не надо забывать, что кромѣ книги „О Германіи“ Сталь еще въ 1800 году

Знакомя съ чужеземнымъ театромъ, Сталь не отдавала предпочтенія тѣмъ или инымъ принципамъ, она только справедливо надѣялась, что мысли чужеземцевъ могутъ пробудить развитіе мыслей французскихъ. Въ этомъ ея заслуга, хотя она и неясно понимала, какова должна быть истинная драма [1]).

Въ двадцатыхъ годахъ появляются во Франціи переводы произведеній Манцони и Байрона, Гете и Шиллера, а среди нихъ и новый переводъ драмъ Шекспира (1821). Знаменитый Гизо предпослалъ своему изданію прекрасный этюдъ, посвященный англійскому драматургу, гдѣ высказано не мало мѣткихъ замѣчаній о драмѣ вообще [2]). Недовольный псевдоклассиками, Гизо указываетъ на новое литературное движеніе, во главѣ котораго онъ ставитъ Шекспира. Онъ неудовлетворенъ и новымъ направленіемъ, если оно, разрушивъ старыя правила, не создаетъ взамѣнъ ихъ своихъ и будетъ развиваться безъ системы. „Театральное искусство", пишетъ Гизо: „имѣетъ свои относительныя правила, зависящія отъ мѣняющагося состоянія общества". Безъ этого основанія нѣтъ ни истинной художественности, ни долговременности успѣха пьесы. Изученіе Шекспира должно направить, по его мнѣнію, современные ему таланты на настоящую дорогу: „Шекспирова система можетъ представить планы, на основаніи которыхъ талантъ долженъ нынче работать". Причисляя національность къ непремѣннымъ свойствамъ драмы, Гизо выше всего цѣнитъ единство впечатлѣнія. „Единство впечатлѣнія, первая тайна драматическаго искусства, была душою великихъ созданій Шекспира". Указанное единство тѣсно и неразрывно сливается съ единствомъ дѣйствія, какъ своей причиной, и возможно тогда, когда всѣ изображаемыя событія имѣютъ своимъ центромъ одно главное дѣйствующее лицо, которое и возбуждаетъ наибольшій интересъ зрителя. „Ника-

---

окончила трудъ „О литературѣ, разсматриваемой въ отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ". Здѣсь—высокая оцѣнка Шекспира, родоначальника новой литературы, драмы котораго отличаются первоклассными красотами, хотя также отмѣчаются длинноты его пьесъ, встрѣчающіяся якобы въ нихъ безполезныя повторенія, несвязныя сцены и отсутствіе простоты. Въ послѣднемъ случаѣ Сталь платила дань старому классическому вкусу. Гетевскій „Гецъ фонъ-Берлихингенъ" и драмы Шиллера заслужили одобреніе Сталь: первый—за занимательное для воображенія рыцарское преданіе, вторыя—за проявленіе въ нихъ мощной прекрасной души автора...

[1]) De l'Allemagne, partie II, chapitre XV.

[2]) См. нашу статью: „Взглядъ Пушкина на драму", помѣщенную въ Пушкинскомъ сборникѣ С.-Петербургскаго университета, 1900 г.

кой фактъ не является изолированнымъ, непричастнымъ самой сути драмы; никакое связующее звено не является неосновательнымъ или случайнымъ. Событія, будучи сгруппированы вокругъ главнаго дѣйствующаго лица, пріобрѣтаютъ благодаря этому извѣстное значеніе отъ того общаго впечатлѣнія, которое главное дѣйствующее лицо получаетъ, въ свою очередь, отъ нихъ; всѣ событія имѣютъ отношеніе къ этому лицу и исходятъ отъ него, оно — начало и конецъ, орудіе и цѣль предначертаній Божества, которому угодно, чтобы все совершалось руками человѣка, но противъ его желаній". Главное дѣйствующее лицо должно быть выдержано и нигдѣ не измѣнять своимъ характернымъ и отличительнымъ чертамъ. „Благодаря выдержанности характера, мнѣній и намѣреній, создается то внутреннее единство, которое, пренебрегая пространствомъ и временемъ, заключаетъ всѣ составныя части извѣстнаго событія въ единомъ сжатомъ дѣйствіи, въ которомъ нельзя замѣтить пробѣловъ единства чисто внѣшняго". Гизо допускаетъ смѣшеніе трагическаго съ комическимъ, что иногда даже способствуетъ общему трагическому впечатлѣнію, и признаетъ неумѣстнымъ введеніе въ драму эпическаго элемента, вѣстниковъ и наперсниковъ [1]).

Книгу Генриха Бейля „Расинъ и Шекспиръ", выпущенную въ 1823 году, нельзя считать цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для теоретиковъ романтизма. Взгляды Бейля, правда, являются предвѣстіемъ литературной реформы; но они — не чужды сбивчивости, не имѣли особеннаго вліянія на развитіе романтическихъ теорій и далеко не всегда отличались оригинальностью: Бейль заимствовалъ многое у Шлегеля, Манцони и другихъ. Собственныя же теоріи, лично ему принадлежащія, весьма спорны. Таково, напримѣръ, его опредѣленіе романтизма, которое было бы неблагоразумно принимать серьезно [2]). Двѣ лучшія идеи Бейля слѣдующія. Одна: каждый народъ долженъ имѣть свою особенную литературу, сообразованную съ его характеромъ, какъ каждое платье сообразовано съ ростомъ носящаго. Другая: короткіе моменты совершенной иллюзіи чаще встрѣчаются въ трагедіяхъ Шекспира, чѣмъ у Расина, и должно стараться на будущее время умножить число этихъ мгновеній. Но и самъ Шекспиръ мо-

---

[1]) Shakspeare et son temps, P. 1852.

[2]) Романтизмъ есть искусство создавать литературныя произведенія, способныя доставлять наиболѣе удовольствія современному обществу; классицизмъ — прадѣдамъ.

жетъ служить только примѣромъ, и никакъ не долженъ быть буквальнымъ образцомъ, моделью. Смѣсь трагическаго съ комическимъ, свойственная романтической драмѣ, и тирада — необходимая принадлежность классической трагедіи — то и другое равно невозможны и осуждаются Бейлемъ. Александрійскій же стихъ, съ его точки зрѣнія, служитъ часто прикрытіемъ ошибокъ; вмѣсто усовершенствованія его и смягченія, какъ предлагалъ это сдѣлать Ламартинъ, его лучше упразднить.

Нѣкоторые взгляды Бейля отразились на „Предисловіи къ Кромвелю" Виктора Гюго, но въ общемъ, книга „Расинъ и Шекспиръ" не имѣетъ большого историческаго значенія [1]).

Вопросы, поднятые перечисленными французскими писателями, были подхвачены журналистикой: такіе органы печати, какъ: *Le Globe*, *Revue française*, *Le Catholique* и др., развивали тѣ же темы, интересовались тѣмъ же предметомъ... Интересы первыхъ двухъ изданій сходились: по справедливому выраженію Гатена, у нихъ были одни принципы, одна точка отправленія, одна конечная цѣль, однѣ идеи, часто одни сотрудники... Но въ борьбѣ старыхъ воззрѣній съ новыми *Le Globe*, какъ наиболѣе ярому защитнику нарождающихся убѣжденій, принадлежитъ безспорно первое мѣсто. *Le Globe* служилъ для *Revue française* тѣмъ, чѣмъ „служитъ авангардъ для центра войска"... [2]).

Прекрасное, но, къ сожалѣнію, неоконченное изслѣдованіе Т. Цизинга достаточно хорошо выяснило важную историческую роль, сыгранную *Le Globe*, и его отношенія къ романтической школѣ.

Сотрудниками *Le Globe* впервые смѣло провозглашенъ былъ въ литературѣ принципъ *свободы*, наравнѣ съ требованіями естественности (nature) и правдивости (vérité); имена Шекспира, В. Скотта, Байрона, Борнса, Мура, „лэкистовъ" и Гете упоминались часто на страницахъ журнала, способствуя расширенію бреши, пробитой въ непоколебимой до того времени стѣнѣ классицизма... Отъ общаго на-

---

[1]) О немъ см.: *М. Сyріо*, 76—78; *Г. Брандесъ*, „Литература XIX-го вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ", 198, 240 (пер. 1895 г.); *Г. Лансонъ*, „Исторія французской литературы 19-го вѣка", 85 (пер. 1897 г.); *Ж. Пелисье*, „Литературное движеніе въ 19-мъ столѣтіи", 263—6 (пер. 1895 г.).

[2]) Нѣкоторыя изъ приводимыхъ ниже статей *Le Globe*, *Revue française* и *Le Catholique* предлагаются въ переводѣ сотрудниковъ русскаго журнала *Московскій Телеграфъ*, (1825—1834).

правленія *Le Globe* зависѣли и проводимыя имъ мнѣнія о драматическомъ искусствѣ.

Основные принципы театральныхъ критиковъ *Le Globe* сводились, главнымъ образомъ, къ соблюденію въ драмѣ (исторической, по преимуществу) исторической точности, или правдивости, и умѣнью отыскать поэтическую идею въ извѣстномъ историческомъ моментѣ, выбранномъ, какъ сюжетъ драмы; при этомъ пояснялось, что театръ—не курсъ исторіи и археологіи и развитіе страстей—необходимо, почему и надо *воображеніемъ* возсоздать *внутреннюю* жизнь, страсти и вѣрованія предковъ, а не одну внѣшность. Въ основѣ творческой работы полагалась оригинальность, а не подражаніе даже такому генію, какимъ является Шекспиръ. Въ частности: отмѣнялись единства, кромѣ единства дѣйствія; утверждалась смѣсь комическаго съ трагическимъ, за ихъ неестественность браковались тирады, отмѣчались недостатки александрійскаго стиха, нуждающагося въ преобразованіяхъ [1]...

Въ театральныхъ рецензіяхъ разбирались драматическія пьесы классическаго, полуромантическаго и, наконецъ, романтическаго направленій. Классическій театръ бракуется даже и тогда, когда сторонники Буало, слѣдуя модѣ, хотятъ быть національными и берутъ изъ исторіи плохо извѣстные факты, чтобы предаться разгулу фантазіи и сохранить старыя традиціи въ трагедіи... Получающаяся, такимъ образомъ, классическая трагедія съ національнымъ сюжетомъ страдаетъ ненавистными „maximes triviales" и уклоненіемъ отъ исторической точности, скрывающей въ себѣ поэзію.

Полуромантическій театръ—тоже осужденъ, ибо его приверженцы калѣчатъ прекрасныя произведенія Гете, Шиллера, Шекспира, подгоняя ихъ къ французской сценѣ и не будучи въ состояніи скинуть иго старыхъ правилъ. Возможно что нибудь одно: или бросить весь грузный багажъ условныхъ правилъ, или, отказавшись отъ воспроизведенія средневѣковыхъ сюжетовъ, держаться сюжетовъ греческихъ, для которыхъ однихъ пригодны классическія рамки.

Романтическій театръ во времена „Le Globe" едва зарождался въ твореніяхъ Мериме, Вите, Виктора Гюго и Александра Дюма.

---

[1]) Вопросъ о прозѣ или стихахъ въ драмѣ, несмотря на то, что за прозу стояли Мериме, Виньи, Вите, не былъ рѣшенъ окончательно, а возбуждалъ споры. Такъ, напримѣръ, Ремюза высказался въ общемъ за стихотворную форму, но когда Гюго сталъ защищать александрійскій стихъ, то *Le Globe* былъ противъ знаменитаго поэта.

Театръ Клары Газуль, выпущенный Мериме, встрѣченъ очень одобрительно, какъ подтвержденіе на дѣлѣ романтическихъ теорій, хотя при этомъ дѣлается упрекъ въ поспѣшности и незаконченности.

Мериме, по словамъ „Le Globe", руководствовался и исканіемъ истины, и полетомъ воображенія. Въ „Жакеріи", впрочемъ, недостаетъ черты истинной драмы: порядка и развитія, но есть связь историческая. Здѣсь же Ремюза высказываетъ мысль, что въ искусствѣ нѣтъ болѣе преувеличеній и что цѣль современнаго драматурга — найти прелесть и благородство во всей неприглядности внѣшняго бытія. „Etas de Blois" Вите могутъ быть названы драмой, а не сценами, ибо въ нихъ есть единство дѣйствія и историческая правдивость. Вите позволительно упрекнуть лишь въ излишней щепетильности въ передачѣ историческихъ фактовъ, которая тормозитъ развитіе человѣческихъ чувствъ.

Привѣтствуется и „Кромвель" Гюго: въ немъ и практическое, и теоретическое торжество новой школы. Признается, что въ „Кромвелѣ" не все оригинально, но „théorie de grotesque" принадлежитъ Гюго, хотя она и не вполнѣ вѣрна: авторъ слишкомъ быстро обобщаетъ частности. Пьесы Дюма хороши по новизнѣ сюжетовъ, театральнымъ эффектамъ, но онѣ часто отступаютъ отъ исторической правды. Таковы общія заключенія „Le Globe" о представителяхъ драматической поэзіи во Франціи; на двухъ-трехъ примѣрахъ, приведенныхъ ниже, отмѣтимъ характеръ подобныхъ рецензій.

Передъ нами три рецензіи: одна на Леона Галеви, автора „Царя Дмитрія", двѣ другія на пьесы Арно-отца и Арно-сына.

Теорія не можетъ быть причиною великихъ твореній — говорится въ первой рецензіи; но современная критика доставила свободу литературную и довершила упадокъ старыхъ преданій о драматическомъ искусствѣ; кромѣ того, увеличила „музей поэтическихъ красокъ". Должна быть забракована *система* въ образованіи поэта; должны быть забракованы всякіе отвлеченные планы, стѣсняющіе его волю: каждый пишетъ съ натуры, какъ угодно. Галеви хочетъ создать драму, какъ „исторію дѣйствительности", и нарисовать „картину страсти" — анализъ сердца соединить съ исторической точностью: соблюсти характеръ страны и вѣка для поляковъ и русскихъ и двигать пьесу силою главнаго дѣйствующаго лица, созданнаго произвольно, по вдохновенію. Но онъ не достигъ цѣли. Въ дѣйствующихъ лицахъ нѣтъ слѣдовъ вѣка и страны, то-есть Россіи XVI вѣка,

ибо они сентиментальны и элегичны; а нельзя современныя чувства и понятія передвигать туда, гдѣ ихъ быть не должно. Между тѣмъ свобода, доставляемая отдаленностью и темнотою времени (что любилъ Расинъ), была полная, и Димитрій могъ подъ перомъ автора принять любыя формы. Главная ошибка Галеви въ томъ, что въ первой сценѣ преимуществуетъ Василій Шуйскій, заслоняя собой Димитрія; автору же надобно было выказать душу Димитрія въ минуту разрушенія всего счастья, всѣхъ цѣлей его (когда онъ узнаетъ о своемъ происхожденіи). Затѣмъ, сцена не допускаетъ вольностей романа; нескончаемыхъ сценъ внѣ настоящаго дѣйствія и лиризма; она должна дать движеніе и дѣйствія драматическія. Что касается характеровъ, то въ нихъ нехороши очерки, общеупотребительные у современныхъ писателей, такъ какъ благодаря этому дѣйствующія лица лишаются тѣла и получаются созданія въ родѣ „мимолетящихъ паровъ". Таковы очерки характеровъ Димитрія и Маѳы, и трудно понять измѣненія, происходящія въ натурѣ послѣдней. Слогъ Галеви надутъ, а критикъ требуетъ простоты [1]).

Въ разборѣ пьесы Арно-отца „Пертинаксъ или преторіане" дѣлается попутно оцѣнка драмы Александра Дюма „Генрихъ Третій".

Обѣ пьесы имѣютъ общее: въ обѣихъ одинаковая проницательность историческая, одинаковая истина поэтическая и изобрѣтенія. Здѣсь и тамъ — сцены съ любимцами, пажами, посланниками любви, тирады о римскихъ добродѣтеляхъ, героическіе заговоры, тираны. Однако, „Генрихъ III" привлекаетъ публику, а „Пертинаксъ" — нѣтъ. Причина ясна. „Древніе (классическіе) предметы наскучили, а новые возбуждаютъ любопытство; старая героическая декламація надоѣла, и нуженъ разговоръ, сколько нибудь человѣческій. Хотятъ воспоминаній, декорацій, костюмовъ, сходныхъ съ нашимъ ежедневнымъ чтеніемъ. Когда господствовала исторія и литература древняя, тогда и сочувствовали древности; нынѣ книги и картины наши говорятъ намъ объ одной Европѣ и о насъ; какъ же хотѣть, чтобы мы видѣли въ театрѣ что нибудь другое? Еще болѣе: не знаю, по какой прихоти, насъ занимаютъ только одною эпохою новой исторіи: окончаніемъ шестнадцатаго вѣка. Лига со своими развратными нравами, со своими убійствами и грубымъ великолѣпіемъ, со своими накрахмаленными брыжжами и штанами à l'espagnole, бородами и клобуками монаховъ, четками и ружьями—вотъ что единственно привлекаетъ и очаровы-

[1]) „Le Globe" 1829, № 62 (p. 490).

ваетъ наши взоры. Намъ нравятся однѣ сцены сатурналій королевскихъ и народныхъ, да странное смѣшеніе прекраснаго, дурного и звѣрскаго, гдѣ безъ труда сближаются черты, заставляющія плакать отъ удивленія и содрогаться отъ ужаса".

Слабое и истощенное искусство берется за то, „что стоитъ ему только списать, дабы расшевелить душу". „Не понимая истинно и не изучая природы человѣческой; не зная глубины чувства и поэзіи, не вѣдая единства сочиненія и развитія его, искусство рисуетъ намъ нѣсколько силуэтовъ тѣхъ странныхъ фигуръ, которыя занимаютъ насъ и высказываютъ нѣсколько мертвыхъ, но могущественныхъ словъ воспоминанія".

„Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ опытахъ, извлекающихъ у насъ рукоплесканія, мало нужды до того, какъ авторъ рѣшилъ такую то или другую задачу драматическую, и соблюлъ ли онъ или нарушилъ единство времени и мѣста, смѣшалъ ли комическое съ трагическимъ, или строго сохранилъ законъ различія родовъ. Движеніе, декораціи, костюмы составляютъ все. Тутъ торжествуетъ *діарама*. Зато, посмотрите, какъ послѣ перваго пыла, послѣ перваго разсчитаннаго рукоплесканія, дани новости и поощренью, люди со вкусомъ остаются холодны. Равнодушіе публики указываетъ на упадокъ искусства. Критикъ „позволяетъ себѣ упрекать, и довольно рѣзко, драматурговъ въ недостаткѣ изобрѣтенія, истины, и особенно въ безсиліи извлечь изъ исторіи поэзію, скрывающуюся въ ней". „Въ самомъ дѣлѣ, наши драматическіе поэты столь не высоки въ этомъ отношеніи, что самая легкая ученость открываетъ въ древнихъ и новыхъ событіяхъ, избранныхъ ими, сокровища оригинальности, тамъ, гдѣ они сыскали одну бѣдность и общія мѣста; оттого, что эта ученость, руководствуясь здравымъ смысломъ, одушевляясь мнѣніемъ и духомъ своего времени, разсматриваетъ все съ любопытствомъ откровеннымъ и безпристрастнымъ. Она вездѣ ищетъ человѣчество подъ различными нарядами, и глядитъ на него глазами грековъ и римлянъ, созерцающихъ себя, не глазами англичанъ времени королевы Елисаветы или французовъ вѣка Людовика XIV; она соображается не съ мнѣніями Расина, нѣмцевъ, Гете, Шиллера, а со вкусомъ, съ понятіями, съ философіею Франціи 1829 года, съ стремленіемъ вѣка, признающаго во всѣхъ предшествовавшихъ ему то, что было въ нихъ хорошаго, и то, что было въ нихъ дурного. Это состояніе духа, по наружности совершенно критическое, удивительно близко къ поэзіи, ибо при немъ искусство не стѣснено никакою условностью, не заключено ни въ

какой кругъ времени или народа. Строгій, неснисходительный разборъ прошедшаго не только не ведетъ къ равнодушію, но предвѣщаетъ близкую эпоху труда, страстнаго въ созданіи. Чѣмъ болѣе общество проникнуто глубокимъ и разнообразнымъ знаніемъ подробностей исторіи, тѣмъ болѣе со дня на день возвышаются единство и идеальная гармонія, связующія всѣ раздѣленныя части событія или эпохи. Чѣмъ болѣе укрѣпляется сими тайными воззрѣніями воображеніе, тѣмъ легче становится оно въ принятію и къ возрожденію вдохновеній искусства".

Одно намѣреніе Дюма взять эпоху, интересующую публику, освободиться отъ героизма и показать людей XVI вѣка, какъ ихъ теперь понимаемъ, заслужило успѣхъ; но Дюма не достигъ своей цѣли: у него неестественны характеры. Въ „Пертинаксѣ" же не нравится не только древность, но и непониманіе древности съ современной точки зрѣнія. Самый сюжетъ не представляетъ предмета для трагедіи. Люсьенъ Арно—не ремесленникъ, но не имѣетъ никакого понятія о новомъ родѣ литературномъ, хотя въ духѣ его создалъ „Катерину Медичи", въ которой видно вліяніе Вите, но неудачное. Творить въ области исторической поэзіи значитъ вызывать поэзію изъ самихъ событій, ибо въ основаніи событій и характеровъ истинныхъ скрывается въ тысячу разъ болѣе поэзіи, чѣмъ въ созданномъ при помощи памяти. „Вымыселъ поэтическій состоитъ не въ томъ, чтобы лоскутомъ чужой поэзіи прикрыть человѣка или эпоху, но чтобы извлечь, вывести, вынуть изъ избраннаго характера, избранной эпохи все, что скрывается въ ней собственно, оригинально поэтическаго. Какъ поступаетъ Шекспиръ въ своихъ историческихъ и даже романическихъ пьесахъ, въ „Отелло", въ „Ромео", въ „Королѣ Лирѣ"? Онъ беретъ балладу, сказку и слѣдуетъ ей, почти ничего не измѣняя ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ. Но какое сокровище поэзіи извлекаетъ онъ изъ нея! Какъ глубоко разрабатываетъ онъ пріискъ! Какъ истощаетъ онъ малѣйшія его отрасли! Какъ выводитъ онъ на свѣтъ все, что только можно. Конечно, не такъ дѣйствовалъ онъ въ „Гамлетѣ", въ „Бурѣ"; но мы говоримъ только о родѣ историческомъ, о пьесахъ, взятыхъ изъ лѣтописей и похожихъ на „Les Etats des Blois". Арно думалъ быть поэтомъ и творцомъ; однако создалъ неудачное твореніе, предпочтя фантастическія истертыя формы новой самобытной поэзіи [1]).

---

[1]) „Le Globe", 1829, № 71.

Приблизительно въ такомъ духѣ и такой формѣ писались всѣ театральныя рецензіи въ „Le Globe“; въ каждой критической статьѣ можно было встрѣтить повтореніе однѣхъ и тѣхъ же излюбленныхъ идей.

Въ „*Revue française*“, среди многихъ и разнообразныхъ очерковъ, посвященныхъ анализу литературныхъ явленій, рѣзко выдѣляются два этюда о драмахъ Гюго и Виньи. Въ первомъ говорится исключительно объ „Эрнани“: второй, вызванный переводомъ „Отелло“ Шекспира, носитъ болѣе широкое оглавленіе: „Нынѣшнее состояніе драматическаго искусства во Франціи“.

Отзывъ о произведеніи Гюго далеко не благопріятенъ и отличается суровымъ безпристрастіемъ. Драма грѣшитъ и въ историческомъ, и въ общечеловѣческомъ отношеніяхъ. Гюго возымѣлъ желаніе сдѣлать иначе, чѣмъ прежде — и ничего болѣе; онъ попралъ единства, смѣшалъ всѣ типы, разбилъ форму Расиновскаго стиха—и грѣшилъ въ самомъ основаніи своихъ драмъ. Шекспиръ—образецъ для современныхъ писателей—придаетъ единство своимъ твореніямъ, развивая основную идею; въ „Эрнани“ отдѣльныя части плохо склеены между собой, нѣтъ идеи, а слѣдовательно и единства. Въ драмѣ Гюго возсозданіе испанскаго общества отсутствуетъ; она—отступленіе отъ дѣйствительности, анахронизмъ. И хотя событія историческія должны отражаться иными красками въ воображеніи поэта, чѣмъ въ обыкновенномъ умѣ; хотя они получаютъ отпечатокъ идеальный, но не убиваютъ самой истины, что видимъ у Гюго, который въ „Эрнани“ развивалъ себя, а не дѣйствующихъ лицъ, вносилъ субъективизмъ классическій. Характеры, выведенные Шекспиромъ, никогда не представляютъ воплощенія одной страсти, его человѣчество развивается въ полнотѣ мысли и дѣйствія: нѣтъ быстрыхъ переворотовъ, дѣлающихъ изъ героя чудовище и наоборотъ. На челѣ этого героя уже означена его будущая жизнь. У Гюго, напротивъ, случайность образуетъ характеръ дѣйствующаго лица; отличительная черта характера—неясна; нельзя сказать, чѣмъ можетъ онъ быть, если перемѣнится одушевляющее его чувство. Герои Гюго напоминаютъ героевъ Расина. Но Расинъ стоитъ въ этомъ отношеніи выше Гюго: онъ не заставляетъ своихъ лицъ наудачу бродить, не вдругъ развиваетъ страсть; у Гюго дѣйствующія лица преданы случаю, страсть сразу достигаетъ апогея развитія; характеры лишены послѣдовательности и самобытности: Карлъ V, занятый въ одно время и любовью, и честолюбіемъ, *сразу* избавляется отъ любви; донна Соль изъ пылкой испанки превра-

щается сразу въ нѣмецкую сильфиду; Эрнани при одномъ словѣ императора забываетъ мщеніе—основу своего бытія.

А разъ дѣйствующія лица ложны, не можетъ быть рѣчи о жизни въ драмѣ, объ истинныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ; декламаторство, попадающееся здѣсь и тамъ, довершаетъ недостатки „Эрнани". Слогъ Гюго преувеличенъ; но все-таки ему можно часто удивляться; другое достоинство—испанскія краски во множествѣ мѣстъ. Свою статью критикъ заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: нельзя автору выражать своихъ чувствъ въ драматическомъ произведеніи; надо или ввести хоръ или выставить дѣйствующихъ лицъ такими, какими они были въ дѣйствительности.

Статья, написанная по поводу перевода „Отелло" Шекспира, дѣлаетъ оцѣнку старой трагедіи и новой драмы; кромѣ того, она указываетъ на достоинства и недостатки шекспировыхъ драмъ. Старая трагедія, сохранившаяся со временъ Людовика XIV, не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ Де-Брольи, автора рецензіи. Подражаніе древнимъ, поставленное цѣлью, ограничивалось одной внѣшней стороной, однимъ внѣшнимъ сходствомъ. Мало кто понималъ античный міръ; и характеры, идеи, колоритъ оставались парижскими. Царили условныя правила и въ обществѣ, и въ литературѣ; старый образецъ—шаблонный, какъ и александрійскій стихъ. Новая драма—явленіе діаметрально противоположное. Стремленіе къ развитію ума, къ положительной истинѣ, къ изслѣдованіямъ національныхъ древностей породило историческую школу, гдѣ часто въ сочетаніи являются и обширная эрудиція, не упускающая мелочи, и сила воображенія, наполовину творческая, которая воскрешаетъ минувшія времена и умершихъ людей, выставляя ихъ вполнѣ жизненными и истинными. Уже Вольтеръ далъ опытъ трагедіи *безъ любви* и взывалъ къ національному чувству: нужны герои реальные, похожіе на тѣхъ, которыхъ видѣли въ жизни.

Во Франціи нѣтъ великаго драматическаго поэта, но нельзя въ этомъ упрекать новѣйшую критику, какъ это дѣлаютъ классики: природа одна создаетъ великихъ поэтовъ. Критика не научаетъ создавать прекрасныя творенія, но дѣлаетъ послѣднія понятными и доступными для ума всякаго; она не можетъ создать изъ посредственности великій талантъ, не проторяетъ новые пути для грядущихъ поэтовъ: она подготовляетъ публику къ пониманію и оцѣнкѣ великихъ созданій искусства, если таковыя будутъ.

Лагарпъ, представитель старой критической школы, думалъ воз-

дать особенную честь Расину и Вольтеру, топча въ грязь Шекспира и привязывая его къ побѣдоносной колесницѣ; онъ не замѣчаетъ крупныхъ недостатковъ и съ трепетомъ указываетъ небольшія несовершенства въ предметахъ обожанія. Вильгельмъ Шлегель, слава и гордость новѣйшихъ критиковъ, выдающійся по широтѣ и разнообразію своихъ взглядовъ, по живому чувству изящнаго и по замѣчательной проницательности, оказавшей вліяніе на идеи современниковъ, восторгается Шекспиромъ, Кальдерономъ и испанскимъ театромъ; взамѣнъ того онъ судитъ очень строго французскій театръ. Его поклоненіе Шекспиру доходитъ до того, что онъ признаетъ достоинства за его анахронизмами, ошибками географическими и въ обрисовкѣ нравовъ. То же преувеличенное обожаніе замѣтно въ оцѣнкѣ испанскаго театра.

Французскіе критики разумно не рѣшаются заходить такъ далеко, какъ Шлегель; они чувствуютъ утрировку — и сохраняя удивленіе къ Расину, удивляются Шекспиру и въ его твореніяхъ принимаютъ въ расчетъ время его жизни и удивительное дарованіе. Но къ сожалѣнію, это благоразуміе не отличалось ни общимъ характеромъ, ни продолжительностію. Корифеи современной школы говорятъ объ англичанахъ и нѣмцахъ, о Шекспирѣ, Шиллерѣ и Гетѣ такъ, какъ Лагарпъ—о Расинѣ и Вольтерѣ: критикуя мелочи, они не касаются крупныхъ недочетовъ. Де-Брольи полагаетъ, что лучше перевести хорошую вещь, чѣмъ создать свою посредственную; съ этой точки зрѣнія Виньи правъ, переведя „Отелло".

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ Шекспировой драмы является смѣшеніе трагическаго съ комическимъ. Это смѣшеніе, замѣтное въ „Отелло", допустимо только при отсутствіи произвола, то-есть когда изъ сближенія этихъ двухъ элементовъ вытекаетъ извѣстный родъ прекраснаго. Контрастъ имѣетъ мѣсто тогда, когда имѣетъ цѣлью не уничтожить, но развить господствующее впечатлѣчатлѣніе; не заставить его исчезнуть, но сдѣлать болѣе продолжительнымъ и глубокимъ.

Шекспиръ далъ много хорошихъ примѣровъ, но допустилъ произвольный комическій элементъ въ „Отелло". Вообще же онъ—удивительный живописецъ природы человѣка; онъ можетъ быть достойнымъ учителемъ трагическихъ поэтовъ, лишь бы они сумѣли воспользоваться его уроками. „Отелло"—не лучшая пьеса Шекспира: достоинъ осужденія типъ Яго, невыдержанъ характеръ Дездемоны. Но много въ пьесѣ и прекраснаго: Отелло во время свиданія съ Брабантіо произ-

поситъ только 15 стиховъ, Дездемона передъ сенатомъ не болѣе 20—и оба они стоятъ живые передъ нами, обнаруживая свои характеры во всей прелести, со всѣми особенностями, отличительными чертами... Намъ извѣстно напередъ, что они могутъ сказать или сдѣлать. Сколько сложности контрастовъ, тонкости и оттѣнковъ въ этихъ характерахъ.

Заключительныя мысли рецензіи не чужды оригинальности. Романтическій родъ не можетъ утвердиться благодаря плохимъ подражаніямъ и поддѣлкамъ, классическій родъ преуспѣваетъ только въ соперничествѣ съ романтическимъ: онъ умеръ отъ передѣлокъ и копировокъ. Классическій родъ возродится при помощи романтическаго, освободившись отъ оковъ, преобразившись,—и проложитъ новую дорогу. Управляемые законами своей природы, независимо другъ отъ друга, и соперничая другъ съ другомъ, оба рода могутъ развиваться и создавать свойственное каждому изъ нихъ прекрасное. Классическій родъ—не заблужденіе, а истинно литературный родъ; романтическій имѣетъ свои законы, не состоитъ въ отсутствіи ихъ, но правила классическаго рода ему не годятся.

Третьимъ органомъ французской прессы, который съ большимъ рвеніемъ поддерживалъ реформаціонныя мысли „Le Globe" и „Revue française", былъ „*Le Catholique*", журналъ, издававшійся періодически съ 1826 по 1830 годъ и касавшійся всѣхъ отраслей знанія. Его издатель, баронъ Фердинандъ Экштейнъ, послѣдователь теорій Бональда и Де-Местра, сообщилъ католическій отпечатокъ своему изданію, что отразилось и на заглавіи послѣдняго. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы имѣли случай указать, что баронъ былъ не самостоятельный работникъ, а скорѣе хорошій популятизаторъ, что свой идеалъ онъ видѣлъ, по всей вѣроятности, въ братьяхъ Шлегеляхъ: подобно имъ занимался драмой и интересовался Востокомъ. Въ статьяхъ Экштейна [2]), касающихся драмы, замѣтна попытка съ исторической точки зрѣнія подойти къ рѣшенію вопроса о законахъ и свойствахъ новѣйшей романтической драмы.

[1]) См. нашу статью: „Московскій Телеграфъ: иностранная журналистика и литература", стр. 17 (С.-Пб. 1900).

[2]) Сочиненія Экштейна могутъ быть тѣмъ любопытнѣе, что французской литературной критикой они оставлены, если не ошибаемся, безъ вниманія, а между тѣмъ оказывали вліяніе не только на французовъ, но и на иноземные народы. Журналъ „Le Catholique" не былъ нами найденъ въ столичныхъ библіотекахъ, почему большимъ подспорьемъ для насъ служили переводы статей Экштейна, помѣщенные въ „Московскомъ Телеграфѣ".

Въ древнѣйшій періодъ существованія драматической поэзіи обнаруживается смѣшеніе двухъ элементовъ: трагическаго и комическаго, пишетъ Экштейнъ въ статьяхъ: „О драматической литературѣ новыхъ народовъ“. Впослѣдствіи оба элемента, обособившись, производятъ у грековъ два рода: трагедію и комедію. Христіанство въ своихъ празднествахъ и церемоніяхъ перемѣшало торжественность съ весельемъ и сатирою: комическую роль игралъ дьяволъ, затѣмъ народъ. У Шекспира *дуракъ* и вызываетъ смѣхъ, и трогаетъ зрителя, соединяя оба элемента. Въ драмахъ англійскаго трагика—„печальная существенность“ и забавная пародія.

Источники романтической драмы—фабльо и новеллы; рыцарство и христіанство — характерная черта новыхъ сюжетовъ. Лучшее опредѣленіе классицизма и романтизма находятся у Шлегелей. Идеалъ классицизма—форма; драматическая поэзія грековъ, происходя отъ поэзіи мистерій, прославляетъ боговъ и героевъ, едва скользитъ по землѣ, а съ внѣшней стороны имѣетъ двоякое основаніе: лирическое (религіозное) и этическое (менѣе отдѣляющееся отъ человѣчества). Идеалъ романтической поэзіи—душа, неудовлетвореніе конечнымъ, тяготѣніе къ безконечности, невыразимому, что происходитъ и отъ различія религій, и отъ различнаго взгляда на искусство въ отношеніи національности. Важнѣйшее дѣло въ искусствѣ грековъ—тѣлесная идеализированная красота; у насъ начало красоты въ небесахъ—Іисусъ Христосъ.

Въ драматической поэзіи два элемента: народный и болѣе идеальный, придворный; смѣшеніе ихъ находится въ національныхъ твореніяхъ Шекспира и Кальдерона. Во Франціи два рода драматической поэзіи: классическій, происшедшій отъ подражанія Сенекѣ, и романтическій—результатъ подражанія испанцамъ, хотя романтики давали предметамъ формы и размѣры аристотелевскіе. Корнель, мѣшая трагическое съ комическимъ, называетъ трагедіи героическими комедіями.

Новая историческая трагедія — эпическая, безъ миѳологіи, чѣмъ она отличается отъ религіозной греческой трагедіи, авторы которой не знали системы истины, заимствуемой изъ исторіи, такъ какъ мистеріи замѣняли существенныя событія.

Различіе между классицизмомъ и романтизмомъ состоитъ не во внѣшнихъ только формахъ, но и во внутреннемъ духѣ; отсюда вытекаютъ особенности классической и романтической драмы.

Основа ложноклассическихъ теорій и условныхъ правилъ піитика

Аристотеля, который анализируетъ явленія въ новомъ духѣ, чуждомъ древнимъ временамъ, не возвышается отъ анализа до синтеза, не даетъ представленія о греческомъ народѣ въ его простомъ выраженіи. „Идея искусства ему чужда, ибо она требуетъ простой и первородной данной, а не тонкостей діалектики". Великій философъ „не могъ понять первобытнаго характера и основанія искусства своего народа": Эсхилъ, Софоклъ и идеальный смыслъ ихъ твореній ускользнули отъ него; также не привлекъ его Аристофанъ.

Аристотель „смотритъ только на внѣшнія явленія страстей, на риторическую и нравственную часть, на патетическое въ положеніи, довольствуется внѣшнимъ единствомъ, не изслѣдуя, точно ли оно находится въ пьесѣ и основывается ли на природѣ предмета ея". „Высокое и чистое, благородное и возвышенное не поражаетъ его столько, какъ то, что занимаетъ и трогаетъ его силою положеній". Аристотель всѣмъ драматургамъ предпочелъ Эврипида [1]).

Эврипидъ—поэтъ для эффекта, существенно романическій; басня у него необыкновенно сложна, „театральное единство дѣйствія, рѣдко основанное на природѣ предмета, есть слѣдствіе условій и приличій"; онъ не принуждаетъ къ простотѣ „дѣйствія и мысли", представляетъ образецъ страстнаго, патетическаго, первообразъ ораторской декламаціи съ примѣсью риторики. Эврипидъ показался новымъ подражателямъ самымъ пріятнымъ образцомъ; положась на Аристотеля, стали удаляться отъ древней простоты и единства причинъ. Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ отцами трагедіи быть эпическими и лирическими, становились романическими; послѣдователи увеличили несовершенство, переняли у испанцевъ путаницу ихъ пьесъ и все это „вздумали подчинить игу отвлеченныхъ правилъ, начертанныхъ Аристотелемъ по основаніямъ совсѣмъ другого, въ сравненіи съ новѣйшимъ, театра". Излишество разсказа, пустота дѣйствія, холодные наперсники, замѣняющіе хоръ древнихъ, обезобразили трагедію. Двѣ главныя причины способствовали возникновенію ложно-классицизма: невѣрно понятая римская поэзія и довѣріе къ правиламъ Аристотеля.

Римская поэзія—„списокъ", а не оригиналъ; тѣмъ болѣе драматическая, которую изучали какъ образецъ. Въ свою очередь и правила Аристотелевы худо истолкованы; а древняя народная поэзія сочтена варварствомъ. Великіе поэты ставили схоластическія правила

---

[1]) Избравъ его своимъ образцомъ—читаемъ въ другой статьѣ Экштейна—Астиротель забылъ идею, истину, идеальность характера дѣйствующаго лица.

выше возвышенныхъ мыслей. Во время Людовика XIV изучали древнихъ, но не понимали ихъ: равно цѣнили Гомера и Виргилія, Софокла и Эврипида (Корнель обращалъ вниманіе на внѣшнія формы; Расинъ болѣе чувствовалъ древность, но не понималъ ея). Между тѣмъ, всего легче присвоить внѣшнюю форму, ибо тогда *оболочка* мысли—уже образецъ красоты, для которой нѣтъ необходимости согласоваться съ духомъ: тогда легко можно творить въ классическомъ и романтическомъ родѣ.

Одно направленіе характера дѣйствующаго лица въ греческомъ театрѣ зависитъ отъ лирическаго и духовнаго элементовъ; простота дѣйствія — отъ показанія лишь важнѣйшаго момента проявленія власти боговъ надъ судьбами людей.

Подобная ограниченная сцена немыслима для историческихъ лицъ, дѣйствующихъ подъ давленіемъ разнообразныхъ побужденій.

Недостатокъ французской сцены: „завязка слишкомъ сложна, а выраженіе страстей однообразно и расположено риторически, такъ что страсти эти несообразны ни съ изложеніемъ, ни съ запутанною мыслію французской драмы. Древнія формы лишены всего, что дѣлало ихъ существенными. Отсюда условное и ложное: 1) дѣйствіе разсѣкается для превращенія его въ разсказы, 2) хоры замѣнены наперсниками, 3) пьесы коротки въ отношеніи къ совершаемому въ нихъ событію, отчего становятся очевидными недостатки *единства времени*, 4) мѣсто (дѣйствія) сцены выбирается противъ природы и признается его неизмѣнность, 5) единство дѣйствія стѣснено единствомъ времени и мѣста, несходящимися съ завязкою пьесы.

Единство дѣйствія, по мнѣнію Экштейна, можетъ быть принято лишь въ идейномъ смыслѣ, а не матеріальномъ; два другія единства суть преимущества, такъ какъ они увеличиваютъ простоту созданія трагическаго; но они должны быть *естественны* и въ идейномъ смыслѣ.

Ни одинъ предметъ историческій не согласуется съ единствами миѳологической сцены, кромѣ единства дѣйствія: событія объемлются только въ общности своей. Всякій историческій предметъ—сложенъ; миѳологическій—наоборотъ, ибо основанъ на *идеѣ*, а дѣйствіе—внѣшняя сторона. Даже „Ифигенія" Гете—кабинетная, а не театральная пьеса. Съ единствами древнихъ согласуются только трагедіи съ сюжетами изъ Св. Писанія, въ родѣ „Аталіи" Расина; онѣ носятъ лирическій отпечатокъ.

Корнель — геній, но стремился осуществить чуждыя ему формы

клялся Аристотелемъ, не понимая древнихъ; склоненъ къ антитезамъ въ общемъ устроеніи пьесъ, къ симметріи; но въ его твореніяхъ нѣтъ истинной природы искусства, тьма противорѣчій и невѣроятностей. Корнель плохо сдѣлалъ, избравъ Сенеку образцомъ. Расинъ также ошибся, предпочтя Эврипида, любимаго Аристотелемъ, но выказалъ болѣе вкуса, чѣмъ Корнель. Характеры у французовъ—олицетвореніе страсти (Расинъ), почему относятся къ риторическому роду.

Эта—не характеры дѣйствительные: имъ не достаетъ символическаго значенія—удѣла ихъ на греческой сценѣ; недостаетъ и Шекспировской истины, высокой и полной.

Что касается Вольтера, то онъ соединилъ въ своихъ драмахъ всѣ недостатки Эврипида, увеличивъ ихъ софистическимъ духомъ.

Въ другихъ статьяхъ Экштейнъ говоритъ объ англійской драмѣ; въ частности, о предшественникахъ Шекспира и о немъ самомъ.

Есть—пишетъ онъ—поэзія философическая и историческая: первая отличается доступностью для всѣхъ, появилась ранѣе и едва ли не глубже по своему характеру; вторая—прежде всего національна, носитъ отпечатокъ мѣстности и явилась позднѣе, вслѣдствіе упадка высокой поэзіи.

Испанія, съ водвореніемъ христіанства и новой поэзіи, удержала философическій оттѣнокъ въ театрѣ, перенеся на сцену христіанскія таинства; Англія прославилась національной драмой.

Въ твореніяхъ Шекспира встрѣчается и то, и другое: онъ націоналенъ, какъ идолъ англичанъ (сохраненіе народной формы; юморъ — народная веселость, испорченная въ сплинъ); онъ въ основаніи поэтическихъ идей—глубокій философъ, не разрѣшающій, впрочемъ, тайнъ бытія и души человѣка, чуждый символики, обнимающій мыслію не только англичанина, какъ его современники, но и человѣка: онъ принадлежитъ міру. Въ его твореніяхъ замѣтны воображеніе нѣжное и философія мрачная.

По формѣ народной, національной Шекспиръ похожъ на поэтовъ-современниковъ, низшихъ, чѣмъ онъ, и получилъ кое-что отъ предшественниковъ. Эти предшественники менѣе глубоки и болѣе національны: у нихъ находимъ внѣшнюю форму Шекспира, его иронію, но зато и много недостатковъ.

Національныя идеи Испаніи черезъ Р. Грина зажгли геній англійскихъ драматурговъ. Въ „Векфильдскомъ сельскомъ стражѣ“ отмѣчаются простонародность, забавность, вѣрная картина англійскихъ общинъ XIII вѣка; у Грина есть общее съ нѣкоторыми мѣстами изъ

драмъ Шекспира. Марло не подвергается критикѣ Экштейна, ибо послѣднiй не имѣлъ подъ руками его сочиненiй; вмѣстѣ съ тѣмъ, признается сильное влiянiе Марло на Шекспира. „Не смотря на безмѣрное превосходство генiя, чувства и идеи Шекспира не исключительно ему принадлежали“.

Шекспиръ-философъ и глубокiй моралистъ „въ возвышенномъ смыслѣ государственнаго человѣка и великаго политика“; онъ скорбитъ о бѣдствiяхъ человѣчества. Шекспиръ—даже болѣе философъ, чѣмъ поэтъ и въ основныхъ мысляхъ, и въ живописи характеровъ, и великъ даже въ своемъ цинизмѣ. Но онъ „не далъ намъ религiознаго разрѣшенiя феноменовъ жизни“.

Великiй англiйскiй поэтъ говоритъ съ презрѣнiемъ о толпѣ и „гдѣ заставляетъ ее дѣйствовать, тамъ видна въ немъ карательная иронiя“. Впрочемъ, несмотря на народный характеръ и выставленiе простыхъ обычаевъ, его творенiя „изобилуютъ картинами двора и лучшаго общества“; въ нихъ встрѣчаемъ и идиллическiя сцены любви. Вообще, „нѣтъ ни одной пьесы Шекспира, которая не заключала бы въ себѣ глубокаго внутренняго смысла, почерпнутаго изъ *главнаго положенiя,* изъ его исполненiя и изъ принадлежностей, необходимыхъ для связи частей“. Каждая пьеса обнаруживаетъ столько вкуса, какъ и у совершеннѣйшихъ изъ писателей. Въ „Корiоланѣ“, „Юлiи Цезарѣ“ и „Маркѣ Антонiи“ Шекспиръ „представляетъ намъ все зданiе римской имперiи“, ея величiе и постепенный упадокъ: „нѣтъ ничего столь римскаго, какъ сiи три сочиненiя“. Устарѣлый языкъ Шекспира—оригиналенъ и самороденъ.

Сопоставляя „Отелло“ Шекспира съ „Отелло“ Дюсиса, Экштейнъ хочетъ показать превосходство перваго и слабость второго. Достоинства Шекспира многочисленны: рѣзко проявляются сильный умъ, изящность и нѣжность могучаго чувства; мѣстныя формы трагедiи употреблены сознательно; „никогда Шекспиръ не утомляетъ вниманiя, не преувеличиваетъ *даннаго* характера“; весь интересъ въ характерахъ, „пьеса утверждена на дѣйствующихъ лицахъ и на страстяхъ ихъ, нѣтъ интриги въ простонародномъ смыслѣ сего слова, а событiя развиваются сами собою во всей ихъ простотѣ“. Воображенiе генiя покорно великой мысли. Шекспиръ, вообще, не по плечу ложно-классикамъ и всѣмъ „щеголеватымъ аристархамъ“.

Недостатки Дюсиса настолько очевидны, какъ и достоинства Шекпира: обрисовка Дездемоны слаба, Отелло выставленъ у него поло-

умнымъ, неудовлетворительна и нелпаѣ баснь, выдуманная имъ для интриги.

Изъ другихъ произведеній драматурговъ, кромѣ Шекспира, Экштейнъ останавливается на „Гецѣ фонъ-Берлихингенѣ“ Гете и, хотя признаетъ его скорѣе очеркомъ. чѣмъ отдѣланной картиной, но хвалитъ за сохраненіе *мѣстнаго* колорита. Гете прекрасно рисуетъ народныя сцены изъ жизни германцевъ конца XIV вѣка, презираетъ обольщенія и эффекты сцены, живописуетъ увлекательно страсти, но немного слабъ въ драматизмѣ своихъ пьесъ, болѣе годныхъ для чтенія, чѣмъ для театра. У Гете нѣтъ достаточной силы дѣйствія, онъ уступаетъ Шиллеру.

„Цѣль исторической драмы“, говоритъ въ заключеніе Экштейнъ: „живопись нравовъ, обычаевъ, повѣрьевъ какой-либо эпохи въ томъ видѣ, какъ они раскрываются намъ среди великаго волненія, котораго душа и первый двигатель есть трагическій герой“.

Хотя были недочеты въ мнѣніяхъ Экштейна, часто подсказанныхъ Шлегелемъ, онъ, безспорно, былъ талантливымъ популяризаторомъ новыхъ литературныхъ вѣяній, и своей исторической критикой ложныхъ убѣжденій, предразсудковъ и указаніемъ красотъ Шекспира сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ современную ему литературу и много способствовалъ развитію неустановившагося во Франціи драматическаго вкуса. Экштейнъ былъ несправедливо забытъ потомствомъ, что и вызвало желаніе воскресить въ памяти его дѣятельность, опредѣлить его мѣсто на страницахъ исторіи.

Толки и споры о коренныхъ свойствахъ новой исторической драмы дали въ результатѣ первый опытъ практическаго примѣненія теоріи въ „Драматическихъ сценахъ“ Луи Вите. „Баррикады“—одинъ изъ драматическихъ очерковъ, выпущенный раньше другихъ (1826), былъ снабженъ предисловіемъ автора, гдѣ изложены его литературныя возрѣнія, тѣмъ болѣе любопытныя, что въ Вите мыслитель—ученый бралъ перевѣсъ надъ художникомъ. Содержаніе предисловія—слѣдующее. „Баррикады“—не театральная пьеса, но историческіе факты, представленные въ драматической формѣ, безъ намѣренія создать драму. Вите покорился необходимости возбуждать меньшій интересъ, чтобы списывать съ большею точностью; онъ не думалъ преимущественно о ходѣ дѣйствія, не жертвовалъ, ради живости, даже деталями дѣйствительности, не выставлялъ на первый планъ нѣкоторыхъ лицъ, оставивъ въ отдаленіи другихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, созданныя имъ сцены не разрознены, составляютъ *цѣлое*: въ нихъ есть

дѣйствіе, по мѣрѣ развитія котораго онѣ соединяются, которое ихъ порождаетъ и служитъ связью.

И до Вите, по его признанію, были такія же литературныя попытки, честь открытія которыхъ онъ приписалъ было себѣ. Президентъ Гено (Hénault), болѣе ста лѣтъ назадъ, задумалъ написать хронику въ діалогической формѣ, гдѣ слѣдовалъ исторіи шагъ за шагомъ. Его произведеніе „François II“ не удалось, вышло холодно, но предисловіе интересно. Недостатокъ исторіи — полагалъ Гено—заключается въ томъ, что она представляетъ одно голое повѣствованіе; холодно разсказывая о событіяхъ, исторія даетъ о нихъ легко исчезающія представленія; историческія же трагедіи Шекспира (въ родѣ „Генриха VI“) запечатлѣваютъ въ головѣ чтеца тѣ факты, которые онъ сто разъ слышалъ и сто разъ забывалъ, и выхватываютъ вмѣсто длиннаго ряда точныхъ событій одно главное дѣйствіе... Потому-то Гено и задумалъ соединить исторію съ трагедіей.

По теоріи Вите, искусство—не подражатель, но соперникъ природы. Надо, чтобы оно избрало дѣйствительность въ руководители, чтобы не заблудиться въ химерахъ. Но если искусство воспроизведетъ дѣйствительность во всѣхъ чертахъ, оно дастъ только холодное изображеніе: его задача—передѣлать, возсоздать дѣйствительность такъ, чтобы она нравилась и производила сильнѣйшее возбужденіе. Искусству позволительно обработать, обработать немного характеры и предметы, чтобы придать имъ видъ еще болѣе историческій; ему предоставляется составить планъ, создать цѣлое, заткать канву на томъ условіи, что будетъ снисходительно вставлена тысяча мелкихъ аксессуаровъ и что прежде всего оно найдетъ случай рельефно выставить характеры дѣйствующихъ лицъ и нравы эпохи. Однимъ словомъ, искусство, способствуя построенію зданія, не выдвигается впередъ: одна исторія владычествуетъ и блеститъ, и ей все принесено въ жертву. По этой причинѣ Вите вѣритъ, что былъ постоянно вѣренъ истинѣ, но въ то же время въ его „сценахъ“ есть факты, не подтверждаемые научнымъ авторитетомъ. „Истина, къ которой онъ стремится, собственно говоря, есть только правдоподобіе, смѣсь вѣроятностей и достовѣрностей, вытекающая изъ общаго понятія объ эпохѣ“ [1]).

По почину Вите, французская литература стала понемногу обогащаться драматическими пьесами новаго жанра; авторы ихъ, пыта-

---

[1]) *L. Vitet*, „La Ligue“, „Les Barricades“, introduction.

ясь уяснить себѣ цѣль новаго направленія, иногда пускались въ разсужденія... Такъ создавались извѣстныя предисловія къ драмамъ Гюго и Виньи; такъ разбрасывалъ свои замѣтки Дюма...

„Предисловіе къ Кромвелю"—священная книга романтиковъ, какъ піитика Буало — классиковъ; въ ней, казалось, были собраны всѣ откровенія, котораго удостаивались представители реформаціоннаго движенія въ литературѣ... Морисъ Суріо прекрасно комментировалъ это предисловіе, вполнѣ выяснивъ его генезисъ и отдѣливъ оригинальное отъ заимствованнаго [1]); не повторяя его объясненій, излагаемъ вкратцѣ основные тезисы Гюго, насколько они касаются избранной нами темы.

Объ очень многомъ писалъ Гюго въ своемъ трактатѣ. Онъ начиналъ издалека, съ эпохи языческаго матеріализма, слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ литературныхъ видовъ: сначала оды, поэмы, затѣмъ трагедіи, которая представлялась ему не иначе, какъ соединеніемъ хора съ эпопеей; наконецъ, переходилъ къ христіанской эпохѣ, когда съ проповѣдью евангельскихъ истинъ наступила новая эра, человѣкъ сталъ обращать вниманіе на различіе тѣла и духа, сталъ задумываться при видѣ постигавшихъ его бѣдствій... Меланхолія сдѣлалась основной чертой его характера и его поэзіи. Другимъ характернымъ признакомъ этой поэзіи, стремящейся къ *истинѣ*, является *смѣшное* и новая форма—*комедія*... Комедія была, согласно теоріи Гюго, слабо развита у древнихъ; *смѣшное* развивается параллельно съ *безобразнымъ* съ среднихъ вѣковъ... Соединеніе смѣшного съ возвышеннымъ—черта новой поэзіи; въ прекрасномъ чуется *одинъ типъ*, въ безобразномъ и смѣшномъ — *много*; новая поэзія сложнѣе односторонней древней; комедія и трагедія слились въ драмѣ Шекспира. Эта драма—плодъ третьей эпохи въ литературномъ развитіи; она рисуетъ жизнь, цѣль ея—правдивость; драма—истинно совершенная поэзія, выше эпопеи и оды. Характеръ ея—реальное, дѣйствительное, которое состоитъ изъ перекрещивающихся въ жизни *возвышеннаго* и *смѣшного*. Истинная поэзія—примиреніе жизненныхъ крайностей; если же эти два элемента разъединить, получатся отвлеченія порока и добродѣтели, но не будетъ реальнаго, „человѣка"—и драмы, ибо будетъ создана комедія либо трагедія.

Единства не признаются Гюго, за исключеніемъ одного единства дѣйствія. Остальныя единства: мѣста и времена основываются

---

[1]) *M. Souriau*, „Préface de Cromwell" (P. 1897).

на правдоподобіи, но реальность уничтожаетъ это правдоподобіе. Къ сожалѣнію, дѣйствія не видно въ французскомъ театрѣ: вмѣсто сценъ—повѣствованіе, вмѣсто картинъ—описаніе. Величавыя лица, какъ античный хоръ, вступаютъ въ драму и разсказываютъ намъ о томъ, что происходитъ въ храмѣ или во дворцѣ.

Точная мѣстность—первый элементъ дѣйствительности; не одни дѣйствующія лица оставляютъ вѣрный отпечатокъ реальныхъ фактовъ въ умѣ зрителя; мѣсто катастрофы—неотдѣлимый ужасный свидѣтель, и отсутствіе его (весьма вѣроятное при невозможности перемѣнить мѣста) ослабило бы самыя великія историческія сцены въ драмѣ.

Единство времени не болѣе основательно: дѣйствіе, силой заключенное въ предѣлы 24-хъ часовъ, не менѣе смѣшно, чѣмъ происходящее въ сѣняхъ. Всякое дѣйствіе имѣетъ свое мѣсто и совершается въ извѣстный *свой* промежутокъ времени; приложить одну мѣру времени ко всѣмъ событіямъ значитъ исказить людей и вещи и заставить „кривляться“ исторію.

Насколько безполезны первыя два единства, настолько важно единство дѣйствія. Это единство не отрицаетъ существованія второстепенныхъ дѣйствій, на которыя должно опираться главное. Надо только, чтобы части эти, умѣло подчиненныя цѣлому, тяготѣли къ центральному дѣйствію и группировались около него.

Подражаніе не имѣетъ цѣны; нѣтъ ни образцовъ, ни правилъ; есть только общіе законы природы, которые касаются искусства, и спеціальные законы для каждаго творенія, которые слѣдуютъ изъ условій существованія, свойственныхъ каждому сюжету. Поэтъ долженъ совѣтоваться или сообразоваться только съ природой, истиной и вдохновеніемъ, чуждаясь всевозможныхъ руководителей.

Природа и искусство не могутъ существовать раздѣльно. Драма есть зеркало, въ которомъ отражается природа; не обыкновенное зеркало съ ровной и гладкой поверхностью, отражающее вѣрно, но тускло, нерельефно обезцвѣченное изображеніе, а зеркало съ концентраціей, которое собираетъ и сгущаетъ цвѣтные лучи, создавая изъ мерцанія—свѣтъ, изъ свѣта—пламя; только такая драма — созданіе искусства. Театръ—оптическій фокусъ, гдѣ отражается все существующее въ исторіи, жизни, самомъ человѣкѣ отъ прикосновенія волшебнаго жезла искусства.

Искусство справляется съ историческими хрониками, воспроизводитъ реальные факты, особливо нравы и характеры, возстановляетъ извращенное лѣтописцами, соглашаетъ факты, угадываетъ опущенное...

Поэтъ долженъ выбирать не прекрасное, но характерное. Мѣстный колоритъ не заключается въ нѣсколькихъ крикливыхъ штрихахъ, набросанныхъ въ произведеніи ложномъ и условномъ; мѣстный колоритъ—не снаружи, но внутри творенія, откуда онъ распространяется наружу и вообще по всей драмѣ, какъ сокъ, который разливается отъ корня до самаго послѣдняго листа дерева.

Изображеніе исторической личности не должно быть односторонне. В. Гюго нашелъ характеристики Кромвеля неполными, что побудило его перелиствать хроники и мемуары, и изъ жизни Кромвеля онъ выбралъ для всесторонняго освѣщенія наиболѣе подходящій моментъ, когда этотъ странный характеръ проявляется со всѣхъ сторонъ. Онъ изобразилъ въ своей драмѣ и *эпоху* со всѣмъ фанатизмомъ, суевѣріемъ и религіозными смутами, и если сохранилъ три единства, то согласовался съ исторіей, а не съ правилами ложноклассической піитики Аристотеля [1]).

Такія мысли проводилъ въ своемъ „введеніи" Гюго, защищая новое литературное направленіе и пытаясь создать новый сборникъ поэтическихъ узаконеній.

Дѣло было въ 1827-мъ году,—и около двухъ лѣтъ спустя другой богато одаренный и умомъ и поэтическимъ чутьемъ писатель перевелъ „Венеціанскаго мавра" Шекспира и предпослалъ своему труду разсужденіе „О драматической системѣ". Этотъ писатель—Альфредъ де Виньи; полное заглавіе его разсужденія: „Lettre à Lord*** Earl of*** sur la soirée du 25 octobre 1829, et sur un système dramatique".

Истина—принципъ новой школы; два единства отвергаются, такъ какъ соблюденіе ихъ вызываетъ улыбку сожалѣнія, и признается одно единство интереса, заключающееся въ единствѣ дѣйствія.

Старая драма вымираетъ; она представляетъ собой катастрофу и развязку дѣйствія, уже назрѣвшаго къ поднятію занавѣса, которому оставалось только опуститься. Главный ея недостатокъ—скудость сценъ и развитія, ложныя задержки и затѣмъ поспѣшность окончить

---

1) Préface de Cromwell. Должно замѣтить, что совѣтуя быть реальнымъ и изучать эпоху, Гюго предпочитаетъ эпохи смутныя, въ которыхъ, благодаря отсутствію документовъ, ихъ освѣщающихъ, „свободы поэту болѣе, и драма выигрываетъ отъ простора, предоставленнаго ей исторіею".

„Поэтъ для обрисовки эпохи можетъ пользоваться указаніями исторіи,—но онъ можетъ, чтобы придать болѣе движенія дѣйствующимъ лицамъ, употреблять то, что допускаетъ легенда".

дѣйствія, перемѣшанная съ явно ощущаемой боязнью въ недостаткѣ матеріала, чтобы наполнить пять актовъ; для прикрытія этой ничтожности требовалось много хитростей. Въ старой драмѣ есть и несуществующіе въ дѣйствительности люди, сохраняющіе постоянно одно чувство; они заняты постоянно однимъ дѣломъ—начинать и замедлять развязку, не переставая говорить объ этомъ. Въ „сѣняхъ“ нужны были личности, мало говорящія, съ идеями неопредѣленными и неясными рѣчами, едва возбужденныя чувствомъ и кончающія граціозной смертью или фальшивымъ вздохомъ. Это—тѣни, а не люди. Только учтивость, свойственная французамъ, удерживала ихъ въ мірѣ условности; она одна была способна изгнать истинные характеры, какъ грубые,—простую рѣчь, какъ плоскую, философскій идеализмъ и страсти, какъ сумасбродство, а поэзію, какъ причуду.

При воспроизведеніи современныхъ сюжетовъ употреблялась классиками рѣчь, фальшиво скопированная съ античной рѣчи — откуда стиль, въ которомъ каждое слово—анахронизмъ. Не такова новая драма. Она—широкая картина жизни съ выведенными въ ней характерами; въ ней сцены мирныя перемѣшаны съ трагическими и комическими, а стиль безыскусственный: трагическій, комическій, а иногда эпическій. Но истинный драматическій поэтъ выступитъ только въ будущемъ. Онъ возьметъ большой промежутокъ времени, онъ приведетъ въ движеніе цѣлыя жизни; онъ создастъ человѣка, не какъ видъ, а какъ отдѣльную личность; онъ предоставитъ своимъ созданіямъ жить ихъ собственною жизнью и только броситъ въ ихъ сердца зародышъ страстей, благодаря которымъ подготовляются великія событія; затѣмъ, когда наступитъ часъ, и только тогда, онъ покажетъ судьбу запутывающую свои жертвы въ безысходные путы.

Искусство будетъ вполнѣ похоже на жизнь, а въ жизни *главное* дѣйствіе увлекаетъ за собой цѣлый водоворотъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ и безчисленныхъ фактовъ. Тогда творецъ найдетъ возможность надѣлить своими мыслями и чувствами своихъ дѣйствующихъ лицъ—и всюду будетъ ощущаема его душа, приводящая въ движеніе массу. Чтобы выполнить развязку, надо замѣнить роли характерами, отвлеченныя воплощенія страстей людьми. Человѣкъ—экзальтированъ или простъ; иначе онъ—вымышленъ. Поэтъ въ будущемъ покажетъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не героемъ. Этотъ человѣкъ будетъ дѣйствовать согласно со своимъ сердцемъ. Разговорная рѣчь у каждаго человѣка должна отливаться въ особыя излюбленныя формы, ея привычныя слова сообразно вос-

питанію, профессіи, вкусамъ, темпераменту; невозможно, чтобы каждое лицо пользовалось тѣми же словами и образами, какіе употребляютъ всѣ другіе.

Но главное—то, что отнынѣ поэтъ сможетъ свободно слѣдовать своему вдохновенію... Подражаніе—излишне, ибо даже подражатели Шекспира были бы теперь ложны, какъ подражатели Расина. Хотя Шекспиръ и достигъ высшей степени, какой можетъ достигнуть новѣйшая трагедія, онъ достигъ ея сообразно со своимъ временемъ. Въ поэзіи и наблюденіи у Шекспира много прекраснаго, какого не бывало, ибо вдохновеніе не прогрессируетъ и природа отдѣльныхъ личностей не мѣняется; но философія, божественная или человѣческая, должна отвѣчать потребностямъ общества, въ которомъ живетъ поэтъ; а общества преуспѣваютъ.

Поэзію и наблюдательность Шекспира надо соединить съ послѣдними результатами философіи и науки современнаго общества. Драматическое искусство во Франціи будетъ очень затруднительнымъ въ будущемъ, ибо оно освобождено отъ тяжелыхъ правилъ; трагедіи нужно будетъ имѣть тѣмъ болѣе естественныхъ красотъ, чѣмъ менѣе у нея условныхъ прелестей. Свобода умножаетъ затрудненія при выборѣ и отнимаетъ точку опоры; потому-то въ Англіи со временъ Шекспира такъ мало трагедій и нѣтъ театра, достойнаго системы этого великаго человѣка, а у французовъ множество второразрядныхъ писателей создали театръ, очень сносную коллекцію пьесъ по системѣ Расина.

Но и новая школа — не вѣчна; она пройдетъ съ нами или при насъ и будетъ замѣнена лучшей. Чѣмъ болѣе подвигается впередъ цивилизація, тѣмъ болѣе должно примиряться съ тѣмъ, что посѣянныя идеи, какъ плодовитое зерно, растутъ, зрѣютъ, желтѣютъ и падаютъ. Подобное философское безпристрастіе было чуждо предшествовавшимъ поколѣніямъ [1]).

Послѣдній членъ драматическаго тріумвирата французскихъ пи-

---

[1]) Что касается историческихъ сюжетовъ, Виньи допускаетъ нѣкоторый произволъ при изученіи источниковъ, ибо „умъ человѣческій заботится объ истинѣ только въ общемъ характерѣ эпохи". См. Сурio, 197, 238, 242 и нашу статью: „Клятва при гробѣ господнемъ" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900, № 3. Сочувственный отзывъ о переводѣ „Отелло" помѣщенъ въ № 86 журнала „Le Globe" за 1829 г., гдѣ эта пьеса Шекспира считается первой, точно переданной на французскомъ языкѣ, за что честь и слава Виньи (Grâces soient rendues à M. Alfred de Vigny).

сателей — Дюма не оставилъ въ наслѣдіе потомкамъ болѣе или менѣе систематичной теоріи... Признавая себя ученикомъ Виктора Гюго, Дюма не допускалъ системъ въ литературѣ, отрицалъ, что онъ принадлежитъ къ какой-либо школѣ и поднимаетъ то или другое знамя. Онъ предоставлялъ каждому по своему выбрать сюжетъ, отдѣлать его согласно со своей фантазіей; завѣщалъ всѣмъ полную свободу, начиная съ 24 часовъ Буало до 30 лѣтъ Шекспира. „Я не буду провозглашать себя основателемъ новаго рода, потому что на самомъ дѣлѣ я ничего не основалъ“, писалъ Дюма: „Гюго, Мериме и другіе основали его до меня и лучше меня; я имъ благодаренъ: они сдѣлали изъ меня то, что я есмь“ [1]).

Нѣтъ поэтому нужды останавливаться на случайно высказанныхъ Дюма сужденіяхъ о драмѣ, на слабости историческаго элемента въ его пьесахъ и на первенствующей роли въ нихъ любовной интриги,— гораздо умѣстнѣе помянуть здѣсь одного драматическаго критика, который оставилъ послѣ себя нѣсколько томиковъ „Исторіи драматической литературы“. Нѣтъ спора, что Жюль Жаненъ не отличался глубиною и оригинальностію своихъ взглядовъ, равно какъ и проницательностію критическихъ дарованій, но въ свою пору, сотрудничая въ „Journal des débats“ (съ 1829 года), онъ относился сочувственно къ возникавшей новой школѣ, за что и пользовался большой популярностью. Его хлесткія, живыя, но не особенно серьезныя статьи касались жгучихъ современныхъ вопросовъ въ области литературы: въ нихъ онъ привѣтствовалъ Гюго, Дюма, — въ нихъ высказывалъ попутно свои мнѣнія о свойствахъ новѣйшей драмы [2]).

Изъ псевдоклассиковъ Корнель наиболѣе нравится Жанену. Этотъ талантливый трагикъ силой своего генія, вѣрнѣе Вольтера и Дюси, прочувствовалъ страсти Испаніи; онъ пренебрегалъ бутафорскими принадлежностями: ему было мало дѣла до доспѣховъ Сида и кресла Химены, ему важно было изобразить страсти, движеніе, охарактеризовать сердце Сида и правдиво передать настроеніе Химены. Онъ— новаторъ, ибо замѣнилъ *романъ исторіей*, а *хронику истиной*. А до Корнеля французская трагедія, если только она была, представляла длинный и нелѣпый романъ, хронику надутую и героическую; Корнель сдѣлалъ изъ нея жизненную исторію. Воркующіе и вздыхающіе

---

[1]) Cypio, X—XI; 229—230, 237, 243.

[2]) *Jules Janin*, Critique dramatique, tome III, 15 — 20; 44 — 52; 80 — 100; 114 — 126.

трагическіе герои съ ихъ условнымъ языкомъ, всѣ учтивые и франтоватые Бруты были превращены въ дѣйствительныхъ людей съ огненной головой, съ кровью въ сердцѣ, съ жгучими страстями. Наконецъ, Корнель первый указалъ на Аристотелево сужденіе, что героемъ не можетъ быть ни совсѣмъ дурной, ни совсѣмъ добродѣтельный человѣкъ, и что единство мѣста — не безапелляціонный литературный законъ. Исторія сдѣлала Корнеля новаторомъ; правдивость—революціонеромъ.

Изъ всѣхъ драматурговъ вообще Жаненъ отдаетъ пальму первенства Шекспиру за то, что онъ выдвинулъ впередъ народъ въ своихъ трагедіяхъ, не льстилъ героямъ, представляя ихъ совершенными, а рисовалъ ихъ согласно съ дѣйствительностію, за то, что истина была его девизомъ, и не существовало для него людей безъ слабостей, женщинъ безъ капризовъ. Жаненъ одобряетъ молодыхъ поэтовъ, которые оживили Шекспира на французской сценѣ, и останавливается преимущественно на Дюма и Гюго... Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ критикъ видитъ и достоинства, и недостатки, рѣзко разграничивая ихъ другъ отъ друга... „Генрихъ III" страдаетъ отсутствіемъ дѣйствія, аксессуарами, въ видѣ безчисленнаго числа дѣйствующихъ лицъ и происшествій; но въ общемъ твореніе замѣчаельно для юнаго автора, изобличаетъ вдохновеніе, удачное изображеніе страстей, бойкій и смѣлый умъ... Въ „Маріонъ Делормъ" мало драматическаго элемента, тѣсно связаннаго съ ходомъ пьесы: эта драма—и ода, диѳирамбъ, и трагедія, и комедія, такъ что можно забыть, что это драматическое дѣйствіе; но въ то же время нѣкоторыя сцены заключаютъ въ себѣ всю эпоху Людовика XIII, въ пяти актахъ — все: смѣхъ, слезы, ужасъ, состраданіе, удивленіе... Усиленное обращеніе къ внѣшней обстановкѣ, возбужденіе ужаса почти безъ состраданія, слишкомъ исключительное преобладаніе преступленій—пробѣлы „Лукреціи Боргіи"; но та же трагедія преисполнена новыхъ красотъ, захватывающихъ положеній: не всегда пробуждая сердечное волненіе, она всегда возбуждаетъ любопытство [1])...

---

[1]) Другой, болѣе даровитый критикъ, Сентъ-Бевъ указывалъ на недостатки псевдоклассиковъ, подрывая ихъ значеніе. Въ статьѣ о Корнелѣ, помѣщенной въ „Critiques et portraits contemporains" Сентъ-Бевъ говоритъ неблагосклонно объ его герояхъ.

„Дѣйствующія лица Корнеля — величавы, великодушны, доблестны, съ возвышеннымъ образомъ мыслей и благороднымъ сердцемъ. Получивъ строгое воспитаніе, они имѣютъ на устахъ извѣстныя правила, согласно которымъ устраи-

Таковы, въ общихъ чертахъ, воззрѣнія Жанена, изложеніемъ которыхъ мы заканчиваемъ очеркъ развитія драматическаго вкуса во Франціи. Попытаемся свести въ одно цѣлое приведенныя нами мнѣнія.

Французскіе взгляды на драматическое искусство начали развиваться подъ чужеземнымъ вліяніемъ Шлегеля и Манцони. Бенжаменъ Констанъ и Сталь были первыми застрѣльщиками въ великой битвѣ романтиковъ съ классиками; по этой причинѣ, въ ихъ мнѣніяхъ видна неустойчивость и замѣтно колебаніе между новыми вѣяніями и старыми классическими предразсудками. Анри Бейль скорѣе примыкаетъ къ нимъ, чѣмъ къ послѣдующимъ теоретикамъ: въ его книгѣ чувствуется та же неустойчивость и, сверхъ того, нѣкоторая парадоксальность. Гизо — первый въ своемъ предисловіи къ переводу Шекспировыхъ драмъ рѣзко и опредѣленно высказался въ пользу англійской драмы, указавъ ея неоспоримыя, выдающіяся преимущества передъ классической трагедіей. Въ періодическихъ изданіяхъ: „Le Globe“, „Revue française“ и „Le Catholique“ пышно расцвѣла романтическая теорія со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами; въ это время Вите, вѣроятно, увлеченный современными спорами, даетъ первый опытъ практическаго примѣненія отвлеченныхъ воззрѣній. Наконецъ, является Гюго, съ его знаменитымъ „Préface de Cromwell“; въ немъ и его книгѣ романтики горячо и бурно привѣтствовали новаго Буало и новую „l'art poétique“. Но сужденія Гюго, не смотря на частую ихъ справедливость, не отличались той несокрушимой ясностью, какую проявилъ незабвенный законодатель французскаго вкуса эпохи Людовика XIV. Альфредъ де Виньи знакомитъ французовъ съ „Отелло“ Шекспира и пытается охарактеризовать основныя черты новой драмы сравнительно со старой трагедіей... Дюма, Жаненъ, Сентъ-Бевъ въ своихъ статьяхъ разсыпаютъ здѣсь и тамъ свѣжія мысли, подкрѣпляющія новое направленіе... Отодвигаются въ прошедшее старыя мнѣнія, мѣсто которыхъ заступаютъ новыя, тѣсно связанныя съ новой драмой.

Прежде всего отрицается подражаніе какимъ бы то ни было образцамъ, вредящее проявленію оригинальности. Даже Шекспиръ, этотъ чудесный примѣръ высшаго драматическаго дарованія, по мнѣнію

ваютъ жизнь и отъ которыхъ не уклоняются. Потому ихъ понять не трудно, что совершенно противорѣчитъ дѣйствующимъ лицамъ Шекспира и человѣческимъ характерамъ въ обыденной жизни. Нравственность ихъ безупречна. А Корнелевы тираны, какъ и герои, всѣ на одинъ ладъ: злобны отъ начала до конца“.

иныхъ критиковъ, имѣетъ недостатки, свойственные его эпохѣ, и нуждается въ дополненіи послѣдними результатами философіи и науки.

Тремъ прежнимъ единствамъ противопоставляется одно единство дѣйствія, которое обусловливается: личностью героя, уже своимъ настоящимъ опредѣляющаго свое будущее, и единствомъ идеи и главнаго положенія, необходимыхъ для связности сценъ и плана драмы. Олицетворенія тѣхъ или другихъ страстей замѣнены характерами многосторонними, выдержанными и рѣзко очерченными, а исключительно трагическія положенія—смѣсью трагическаго съ комическимъ. Лирическій и эпическій элементы исчезаютъ безъ всякой замѣны, отвергается соединеніе французскаго съ античнымъ и предъявляется требованіе національности. Вмѣсто трагедіи, писанной александрійскимъ стихомъ, думаютъ создать прозаическую драму, но еще не рѣшаютъ этого вопроса окончательно. Новымъ литературнымъ видомъ считается новая историческая драма, въ которой сочетаются обширная эрудиція съ силой творческаго воображенія и для созданія которой необходимы слѣдующія условія:

a) точное воспроизведеніе исторической дѣйствительности: историческія лица должны быть изображены такими, какими они были, также какъ и нравы, обычаи извѣстнаго вѣка;

b) умѣніе отыскивать поэзію въ исторіи и извлечь ее изъ событій самыхъ неприглядныхъ;

c) значительная доля творческаго воображенія, нѣсколько видоизмѣняющая понятіе исторической точности: цѣль драмы—*не буквальная копировка фактовъ* и *не химеры*, а возсозданіе дѣйствительности съ тѣмъ, чтобы она болѣе нравилась и была еще болѣе историческою, чтобы извращенное лѣтописцами было возстановлено и угадано опущенное.

Много яркихъ, много цѣнныхъ мыслей въ этихъ основныхъ положеніяхъ романтиковъ, положеніяхъ, изъ которыхъ большая часть, доставшаяся цѣною страшнаго умственнаго напряженія и испорченной крови, сдѣлалась ходячей, избитой формулой современной драматической теоріи.

По справедливымъ словамъ де-Виньи, свобода умножаетъ, а не уменьшаетъ затрудненія: романтики не создали строгой системы новыхъ правилъ взамѣнъ разрушенныхъ, какъ хотѣлъ Гизо; они не дали и образцовыхъ драматическихъ твореній, сообразныхъ съ ихъ теоріей, какъ требовали отъ нихъ псевдоклассики.

Это подало поводъ новѣйшимъ изслѣдователямъ сурово отнестись

къ романтикамъ-драматургамъ и ставить иногда классическую трагедію выше романтической драмы [1]).

Каковы бы, однако, ни были увлеченія романтиковъ, какъ бы ни были иногда спутаны ихъ понятія и ни повторялись у нихъ однѣ и тѣ же мысли, среди броженія бурныхъ, неустановившихся умовъ мелькаютъ блестящія идеи, сохранившія за собой жизнь въ потомствѣ, и, наконецъ, одной изъ безспорно важныхъ услугъ, оказанныхъ романтической критикой, является подрывъ нѣкоторыхъ, повидимому, безповоротно утвердившихся литературныхъ предразсудковъ и расчищеніе пути для позднѣйшихъ писателей. Французская литература переживала „смутное время" своего существованія; но отъ нея вѣяло живымъ и бодрымъ духомъ, который

„въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь".

Н. Козминъ.

---

[1]) Строгій перечень недостатковъ романтической драмы находимъ у Мориса Сурiо въ его книгѣ: „De la convention etc.", стр. 300—301; а П. Небу (P. Nebout) прямо пишетъ: „Quelle place aura-t-il (le drame romantique) dans l'estime de la postérité? Inférieure ou supérieure à celle qu'y occupera la tragédie classique? Inférieure certes. Malgré ses défauts, que nous avons fait ressortir en leur lieu, la tragédie classique est bien plus que le drame romantique, l'expression du génie français etc... Mais le théâtre romantique n'a point trouvé un Shakspeare; et il a trop de défauts pour lutter avec la tragédie classique" („Le drame romantique", p. 330).

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ [1]).

С. Взглядъ Милля на процессъ убѣжденія въ истинахъ самоочевидныхъ.

Въ предшествующей главѣ мы разсматривали отношеніе Милля къ ученію Спенсера о немыслимости какъ основаніи нашего убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія, и мы нашли, что Милль не имѣлъ права полемизировать противъ взгляда Спенсера по двумъ причинамъ, во первыхъ, потому, что признаваемый имъ самимъ взглядъ на законный способъ убѣждаться въ аксіомахъ послѣдовательно долженъ вести и къ признанію законности того способа, на который указывалъ Спенсеръ, во вторыхъ, потому, что онъ самъ, хотя и не замѣчая того, въ отношеніи къ важнѣйшему пункту спора, къ математическому знанію, въ прямое противорѣчіе своей полемикѣ со Спенсеромъ, утверждаетъ прямо то же, что утверждалъ Спенсеръ.

Теперь мы должны обратиться къ критическому анализу ученія самого Милля объ основаніяхъ нашего убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія.

Послѣдовательное развитіе критической точки зрѣнія Милль видитъ въ томъ, чтобы отрицать всякое свидѣтельство о дѣйствительности кромѣ непосредственнаго свидѣтельства о ней ея же самой. Онъ хочетъ принимать за научно доказанное только то, что въ концѣ концовъ основывается на фактахъ воспріятія. Отсюда методомъ, которымъ должны доказываться послѣднія посылки знанія, по его ученію, мо-

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за май 1901 г.

жетъ быть только индукція простѣйшей формы какъ заключеніе отъ того или другого числа частныхъ случаевъ при отсутствіи случаевъ, имъ противорѣчащихъ, къ цѣлому классу подобныхъ случаевъ, слѣдовательно какъ обобщеніе частныхъ наблюденій. Этотъ выводъ онъ признаетъ достовѣрнымъ, какъ скоро выводное сужденіе таково, что частные случаи, подтверждающіе его, встрѣчаются въ обиліи во всякое время, въ каждомъ мѣстѣ, при всякихъ обстоятельствахъ.

I.

Не трудно замѣтить, что въ простѣйшей индукціи между посылками и выводнымъ сужденіемъ, какъ бы многочисленны и повсемѣстны ни были факты, на которые ссылаются посылки, нѣтъ такой непосредственно очевидной для нашей мысли связи, которую мы находимъ, напримѣръ, въ выводахъ силлогистическихъ. Въ то время какъ въ послѣднихъ, утверждая посылки, мы ясно видимъ, что при предположеніи ихъ истинности было бы совершенно невозможно, что бы не было истиннымъ выводное сужденіе, при индуктивныхъ выводахъ простѣйшей формы дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Правда, и здѣсь мы чувствуемъ, что частные факты, представляемые въ посылкахъ, способны возбуждать въ насъ вѣру въ общее сужденіе, которое изъ нихъ выводится, и чѣмъ обильнѣе эти факты, тѣмъ болѣе живую вѣру они возбуждаютъ. Но мы никакъ не видимъ, почему при всей безспорности этихъ частныхъ фактовъ, выводное сужденіе, которое обнимаетъ не ихъ только, но и неисчислимое множество другихъ фактовъ того же рода, которые уже намъ даны не были, не могло бы оказаться ошибочнымъ. Выведенная мысль не слѣдуетъ для насъ съ полною очевидностію изъ посылокъ. Поэтому традиціонная логика признавала индуктивные выводы простѣйшей формы только вѣроятными, а не достовѣрными, по большей части впрочемъ не пытаясь даже объяснить, что́ же именно разумѣется подъ этою вѣроятностію съ логической, а не просто съ психологической точки зрѣнія.

Милль при общемъ опредѣленіи индукціи стоитъ на той же традиціонной точкѣ зрѣнія. Для него индукція, по самому своему понятію, есть процессъ обобщенія. Неудивительно поэтому, что и онъ сознаетъ недостатокъ очевидности связи между посылками и заключеніемъ въ этомъ выводѣ. И такъ какъ этотъ выводъ тѣмъ не менѣе долженъ лежать у него въ основаніи всего знанія, то онъ старается восполнить этотъ недостатокъ.

Пріемъ, съ помощію котораго Милль, частію подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ современныхъ ему писателей по логикѣ, тверже державшихся традиціонныхъ принциповъ, хочетъ достигнуть этой цѣли, состоитъ въ томъ, что онъ дополняетъ формулу индуктивнаго вывода вставкой такого положенія, которое, будучи принято въ качествѣ особой большей посылки, превращаетъ индукцію въ силлогизмъ первой фигуры и такимъ образомъ придаетъ индуктивному выводу ту же очевидность, какая отличаетъ выводы силлогистическіе. Основываясь на самомъ понятіи объ индукціи вообще какъ обобщеніи, какъ заключеніи отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ, онъ утверждаетъ, что ею неизбѣжно подразумѣвается общее положеніе объ единообразіи порядка природы въ качествѣ общаго принципа или аксіомы каждой индукціи,—подразумѣвается въ томъ смыслѣ, что каждая индукція можетъ быть превращена въ силлогизмъ и въ такомъ случаѣ это положеніе должно сдѣлаться самой высшей большей посылкой каждой индукціи [1]). Такъ какъ выводы всѣхъ послѣднихъ посылокъ знанія суть по Миллю также индукціи, слѣдовательно также обобщенія, заключенія отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ, то изъ этого нужно, конечно, выводить, что и при такихъ индукціяхъ растолкованное въ извѣстномъ смыслѣ общее положеніе объ единообразіи природы должно считаться также принципомъ или аксіомой, должно приниматься за большую посылку силлогизма, въ которую каждая изъ этихъ индукцій можетъ быть превращена.

Но такое разъясненіе очевидности индуктивныхъ выводовъ, когда оно предлагается философомъ, который смотритъ на индукцію какъ на методъ, къ которому должно возводиться доказательство всѣхъ общихъ сужденій, только запутываетъ дѣло, нисколько его не разъясняя.

Съ точки зрѣнія такого философа это положеніе объ единообразіи природы само, конечно, не можетъ доказываться иначе какъ съ помощію индукціи же простѣйшей формы, какъ Милль это и признаетъ. Если же это такъ и если съ другой стороны индукція по самому своему понятію требуетъ предположенія объ однообразіи порядка природы, которое при всегда возможномъ превращеніи ея въ силлогизмъ должно занять мѣсто большей посылки, то отсюда должно слѣдовать, что самое положеніе объ однообразіи природы можетъ доказываться только съ помощію такого вывода, въ которомъ оно само же должно зани-

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 341—345; р. п. 1.336—339.

мать мѣсто большей посылки, т. е. можетъ доказываться только подъ предположеніемъ уже своей же собственной истинности. Какъ же это возможно? [1]).

У Милля есть свой особый взглядъ на значеніе большей посылки, устраняющій, повидимому, трудность отвѣта на этотъ вопросъ, которая для всякаго другого философа могла бы показаться неодолимой. Отрицать обычный взглядъ на значеніе большей посылки и искать новаго взгляда заставляетъ его убѣжденіе въ томъ, что во всякой большей посылкѣ силлогизма непремѣнно уже подразумѣвается, заключается выводное сужденіе. При такомъ убѣжденіи, очевидно, уже не только этотъ случай, гдѣ большей посылкой служило бы само выводное сужденіе, но и какой угодно случай примѣненія большей посылки въ какомъ угодно силлогизмѣ долженъ разсматриваться какъ petitio principii, если на большую посылку смотрѣть какъ на доказательство заключенія. Особая теорія значенія большей посылки должна устранять этотъ предполагаемый Миллемъ недостатокъ обычной силлогистической теоріи. Милль принимаетъ, что значеніе большей посылки состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы ею доказывалось выводное сужденіе; послѣднее выводится изъ частныхъ фактовъ, изъ которыхъ только могла быть выведена и сама большая посылка, а поэтому большая посылка ровно ничего не можетъ прибавлять къ доказательству выводного сужденія [2]). Значеніе большей посылки, по его мнѣнію, опредѣляется слѣдующими соображеніями. Съ одной стороны несомнѣнно, что наведеніе, которое признается достаточнымъ для вывода изъ него частнаго факта, оправдывающимъ одно частное предсказаніе, не можетъ не быть признано достаточнымъ доказательствомъ неопредѣленнаго множества сходныхъ фактовъ или общей теоремы. Съ другой стороны для насъ чрезвычайно важно поставить передъ своимъ

---

[1]) Ставя этотъ вопросъ, я имѣю въ виду затрудненіе для этой теоріи никакъ не историко-психологическое, а строго гносеологическое. Я спрашиваю не о томъ, какъ фактически могъ прійти человѣкъ къ положенію объ однообразіи порядка природы, когда для этого онъ долженъ былъ уже вѣрить въ это однообразіе. Съ этимъ недоумѣніемъ Милль справляется легко. Первоначальная вѣра въ единообразіе могла возникать и безъ посылокъ, которыя могли бы достаточно оправдать ее. Я спрашиваю о томъ, какъ можетъ эта вѣра оправдываться логически, оправдываться для точной науки, которая требуетъ достовѣрнаго, логически оправданнаго знанія, когда для логическаго оправданія ея оказывается нужнымъ въ качествѣ посылки вывода то самое положеніе, которое впервые должно быть оправдано черезъ этотъ выводъ.

[2]) *Mill.* Syst. of Log. I. 203—205, 207, 214; р. п. I. 208—210, 212, 218.

сознаніемъ эту общую теорему и формулировать такимъ образомъ въ полномъ объемѣ все то, что должна доказывать индукція, если мы въ правѣ вывести изъ нея извѣстное частное положеніе. Это важно во первыхъ потому, что общее положеніе представляетъ для нашей мысли болѣе значительный предметъ и поэтому заставляетъ насъ обратить на процессъ вывода больше вниманія, тщательнѣе взвѣсить, достаточны ли для него собранные нами факты; во вторыхъ, потому, что когда дѣло идетъ о выводѣ къ цѣлому классу, слишкомъ поспѣшное заключеніе легко можетъ быть предупреждено припоминаніемъ какого-нибудь извѣстнаго намъ, противорѣчащаго заключенію, случая, тогда какъ при непосредственномъ выводѣ изъ частныхъ фактовъ прямо частнаго заключенія неполнота знакомства съ частнымъ предметомъ и непосредственная заинтересованность имъ могутъ вызывать неосторожную поспѣшность въ выводѣ [1]). Можно думать, что этотъ взглядъ Милля на значеніе большей посылки въ силлогизмѣ и оправдывалъ въ его собственныхъ глазахъ его рѣшимость провозгласить принципомъ каждой индукціи, ея послѣднею большею посылкою такое положеніе, которое, по его же мнѣнію, само могло доказываться только индуктивнымъ методомъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ примѣняетъ эту теорію большей посылки къ своему принципу индукціи. Сказавъ, что, при возможномъ превращеніи всякой индукціи въ силлогизмъ, аксіома индукціи должна оказаться конечною большею посылкой всѣхъ индукцій, онъ въ поясненіе прибавляетъ, что она будетъ стоять ко всѣмъ индукціямъ въ томъ отношеніи, въ которомъ, какъ было уже достаточно показано, большая посылка силлогизма всегда стоитъ къ заключенію, нисколько не содѣйствуя доказательству, но составляя его необходимое условіе, такъ какъ нельзя признать доказаннымъ ни одно заключеніе, къ которому нельзя прибрать истинной большей посылки [2]).

Но если предположить, что Милль въ этомъ именно смыслѣ устранялъ выше высказанное затрудненіе, то это показываетъ только, что Милль не взялъ во вниманіе, что, лишая большую посылку значенія необходимой составной части доказательства, онъ лишалъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно всякаго значенія при индуктивномъ выводѣ простѣйшей формы, устранялъ совершенно всякую нужду въ ея существованіи въ этомъ выводѣ. Въ самомъ дѣлѣ то значеніе, которое остается

---

[1]) *Mill*. Syst. of. Log. I. 218—219; р. п. I. 222—223.

[2]) *Mill*. Syst. of Log. I. 343; р. п. I. 337—338.

у Милля за этой посылкой, послѣ того какъ онъ лишилъ ее значенія доказательства, очевидно, примѣнимо исключительно къ тѣмъ случаямъ вывода, когда изъ собранныхъ фактовъ мы должны вывести сужденіе, по своему объему болѣе частное, чѣмъ то сужденіе, которое могло бы быть изъ нихъ выведено, и которое, какъ предполагается, должно изъ нихъ непремѣнно слѣдовать, если изъ нихъ съ правомъ можетъ быть выведено нужное намъ болѣе частное сужденіе. Вѣдь только этотъ болѣе общій характеръ большей посылки и можетъ по Миллю возвышать вниманіе наше при ея предварительномъ выводѣ; только подъ условіемъ этого болѣе общаго сравнительно съ выводнымъ сужденіемъ характера ея особая установка ея становится отвѣтомъ на вопросъ, какой наиболѣе широкій выводъ долженъ считаться нами обязательнымъ, если мы признаемъ себя въ правѣ сдѣлать опредѣленный частный выводъ. Слѣдовательно, по Миллевой теоріи большей посылки, установка этой посылки исключительно примѣнима къ тѣмъ процессамъ, которые въ собственномъ смыслѣ называются силлогистическими, гдѣ частное сужденіе по обыкновенному взгляду непосредственно выводится изъ общаго сужденія, а по взгляду Милля, непосредственно выводится изъ тѣхъ частныхъ фактовъ, изъ которыхъ индуктивнымъ путемъ выводится и сама эта общая посылка. Но предположимъ, что изъ опредѣленныхъ частныхъ фактовъ мы хотимъ сдѣлать не частный выводъ, а именно тотъ общій выводъ, которымъ сполна исчерпывались бы полномочія, даваемыя намъ этими частными фактами; т. е. предположимъ, что мы дѣлаемъ въ собственномъ смыслѣ индуктивный выводъ (индукцію чрезъ простое перечисленіе). Тогда ни о какомъ предварительномъ выводѣ болѣе общаго сужденія изъ тѣхъ же частныхъ фактовъ, который способенъ бы былъ возбудить болѣе вниманія мысли или болѣе исчерпывалъ бы полномочія, даваемыя фактами, чѣмъ выводъ, который мы хотимъ сдѣлать, не можетъ быть, очевидно, никакой рѣчи. А поэтому въ большей посылкѣ никакой такой нужды или такого смысла, какіе единственно оставляетъ за нею Милль, не оказывается. При индукціи большая посылка съ тѣмъ значеніемъ, какое даетъ ей Милль, могла бы оказаться возможной только тогда, когда мы, сверхъ тѣхъ фактовъ, всѣ полномочія которыхъ исчерпываются возможнымъ выводомъ извѣстнаго общаго сужденія, захотѣли бы для подтвержденія этого же самаго общаго сужденія сослаться на рядъ еще такихъ частныхъ случаевъ, которые доказываютъ еще болѣе широкое или болѣе общее положеніе. т. е. если мы—выражаясь терминологіей обыч-

ной—хотимъ доказать общее сужденіе сверхъ индукціи еще силлогизмомъ; въ такомъ случаѣ это послѣднее болѣе общее положеніе могло бы Миллемъ быть названо большей посылкой и играть ту двусмысленную роль, которую Милль приписываетъ большей посылкѣ. Но если дѣло идетъ не объ этихъ случаяхъ, а исключительно объ индуктивномъ доказательствѣ простѣйшей формы, гдѣ все ограничивается выводомъ изъ фактовъ общаго положенія столь широкаго, какое только можетъ быть изъ нихъ выведено, то ни о какой большей посылкѣ въ Миллевомъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть, очевидно, и рѣчи. Съ другой стороны не менѣе очевидно, что индукція, съ помощію которой доказывалось бы положеніе объ единообразіи порядка природы, которое какъ большая посылка всѣхъ индукцій должно считаться самымъ общимъ положеніемъ, только и можетъ допускать эту чистую индукцію, не соединенную уже ни съ какой дедукціей.—И поэтому, если Милль съ самымъ понятіемъ объ индукціи хочетъ связать понятіе объ общемъ принципѣ, который былъ бы общей большей посылкой каждой индукціи, и въ то же время хочетъ, чтобы этотъ принципъ самъ доказывался индуктивно, то это, конечно, должно остаться явнымъ противорѣчіемъ, даже если принять его особую теорію большей посылки силлогизма [1]).

Есть и другое неудобство въ этомъ признаніи положенія объ единообразіи порядка природы за принципъ и возможную большую посылку каждой индукціи. Такой общей истины, которая говорила бы объ единообразіи порядка природы и которая способна бы была стать посылкой каждой индукціи, совсѣмъ не существуетъ. Поэтому если бы даже мы, оставивъ въ сторонѣ совсѣмъ неразрѣшимый для эмпиризма вопросъ о доказательствѣ самой этой большей посылки, попытались бы взглянуть на нее просто какъ на всеобщее сужденіе, которое, сдѣлавшись такъ или иначе само достовѣрной истиной, можетъ играть роль посылки при всѣхъ другихъ индукціяхъ, то это, и даже по самому Миллю, оказалось бы невозможнымъ.

Милль находитъ, что положеніе объ однообразіи порядка природы скорѣе отличается краткостію, чѣмъ опредѣленностію и можетъ возбуждать недоразумѣнія. „Дѣйствительно, говоритъ онъ [2]), порядокъ природы не только единообразенъ, но и до безконечности различенъ. Нѣкоторыя явленія всегда повторяются въ тѣхъ же самыхъ комбина-

---

[1]) Разборъ самой этой теоріи см. мою Классификацію выводовъ 49—62.
[2]) *Mill.* Syst. of Log. I, 346; р. п. I, 341.

ціяхъ, въ которыхъ мы встрѣтили ихъ впервые. Другія кажутся совсѣмъ своенравными; иныя же, которыя мы привыкли считать связанными исключительно съ особеннымъ рядомъ комбинацій, неожиданно встрѣчаемъ отдѣленными отъ нѣкоторыхъ изъ элементовъ, съ которыми до сихъ поръ мы находили ихъ соединенными, и въ связи съ иными совершенно противнаго рода". Это побуждаетъ Милля точнѣе опредѣлить тотъ смыслъ, какой должно получить положеніе объ единообразіи порядка природы для того, чтобы оно оказалось вѣрной истиной, способной стать надежнымъ принципомъ индукціи. Милль указываетъ на проникающее всю природу однообразіе порядка въ томъ отношеніи, что всякое возникающее явленіе всегда имѣетъ въ числѣ явленій, непосредственно ему предшествующихъ, такія, за которыми оно неизмѣнно слѣдуетъ. Онъ разъясняетъ, что теченіе природы, хотя оно за различные моменты и представляетъ, повидимому, самое прихотливое разнообразіе, однако вслѣдствіе подчиненности этому закону оказывается тканью, сплошь составленною изъ мелкихъ сочетаній, изъ которыхъ каждое постоянно, т. е. выражаетъ собою законъ природы [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Милль ставитъ на видъ, что отчетливо разобраться въ плетеніи этой ткани можно также только съ помощію истины о законосообразности природы, понятой въ этомъ же смыслѣ. При своемъ описаніи сложныхъ индуктивныхъ методовъ доказательства причинной связи явленій, онъ проводитъ ту мысль, что основаніемъ всѣхъ этихъ логическихъ процессовъ служитъ это же однообразіе т. е. общій законъ связи причины съ дѣйствіемъ [2]). Такъ, законъ причинности оказывается имѣющимъ принципіальное значеніе для индуктивной установки отдѣльныхъ законовъ причинной связи явленій. И Милль называетъ понятіе о причинѣ корнемъ всей теоріи наведенія [3]), убѣжденіе въ законѣ связи причины съ дѣйствіемъ главною опорою индуктивной науки и источникомъ, изъ котораго почерпаютъ свою силу правила индуктивной логики [4]) и отъ котораго зависитъ сила всѣхъ индуктивныхъ методовъ; о самомъ индуктивномъ процессѣ Милль говоритъ, что существенно онъ есть изслѣдованіе случаевъ причинной связи явленій [5]). И не указывая никакого болѣе широкаго закона, который можно было бы отожествить

---

[1]) *Mill.* Syst. of. Log. I. 354; р. п. I. 348.
[2]) Ibid., II. 95; р. п. II. 88.
[3]) Ibid., I. 363; р. п. I. 356.
[4]) Ibid., I. 364—365; р. п. 351—358.
[5]) Ibid., I. 413; р. п. I. 407.

съ предполагаемымъ принципомъ индукціи, Милль всѣмъ своимъ изложеніемъ индуктивныхъ процессовъ внушаетъ читателю своей логики мысль, что общій законъ причинности представляетъ собою этотъ принципъ. На ту главу своей логики, въ которой разъясняется индуктивная достовѣрность закона причинности, онъ указываетъ какъ на такую главу, въ которой должна разъясняться индуктивная достовѣрность принципа индукціи [1]), и, наоборотъ, приступая въ этой главѣ къ развитію той мысли, что законъ причинности доказывается индуктивно, онъ отожествляетъ эту мысль съ ранѣе высказанною мыслію, что принципъ индукціи доказывается индуктивно [2]).

Но отожествить законъ причинности съ принципомъ индукціи Милль могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы онъ не былъ представителемъ новаго эмпиризма, а повторялъ по вопросу о правѣ тѣхъ или другихъ положеній считаться за умозрительныя истины и по постановкѣ задачъ опытнаго знанія тѣ взгляды, которыхъ представителемъ былъ Юмъ. Оставляя, подобно Юму, за математикой значеніе умозрительнаго знанія и сводя, подобно ему же, все знаніе фактовъ на знаніе законовъ причинной связи явленій, Милль получилъ бы, конечно, право, опираясь на вышеизложенныя разъясненія, смотрѣть на общій законъ причинности какъ на такую истину, которая можетъ занять мѣсто посылки въ индуктивныхъ доказательствахъ всѣхъ другихъ опытныхъ истинъ, Но Милль смотритъ на математику какъ на опытную науку, и аксіомы, служащія послѣдними посылками математическаго знанія, разсматриваются у него какъ индуктивныя истины. А между тѣмъ онъ самъ не выражаетъ ни малѣйшаго стремленія поставить индуктивное доказательство аксіомъ въ зависимость отъ общаго закона причинности. Онъ признаетъ ихъ совершенно независимыми отъ какой бы то ни было истины по своему доказательству и уравниваетъ ихъ и по достовѣрности и по способу доказательства не съ истинами, которыя выводятся при посредствѣ общаго закона причинности, а съ самымъ закономъ причинности [3]).

Съ другой стороны и задачи нематематическаго знанія у Милля нѣсколько измѣняются сравнительно съ Юмомъ. Кромѣ положеній, говорящихъ о послѣдовательности явленій, въ отношеніи къ которымъ общій законъ причинности имѣетъ исключительное значеніе, съ по-

---

[1]) *Mill.* Syst of. Log. I. 345 прим.; р. п. I. 340 прим.

[2]) Ibid., II. 100; р. п. II. 93.

[3]) Ibid., II. 143—144, 145, 168. р. п. II. 131—132, 133, 157.

мощію индукціи же доказываются, выражаясь терминологіей Милля, и положенія, говорящія о сосуществованіи явленій. Это, конечно, несомнѣнно, что многія изъ сосуществующихъ явленій сосуществуютъ частію потому, что сосуществовали или сосуществуютъ ихъ причины, частію потому, что происходятъ отъ одной той и же причины [1]), а поэтому установка и объясненіе такого рода сосуществованій можетъ происходить чрезъ изслѣдованіе причинной связи. Но Милль самъ принимаетъ—и совершенно справедливо,—что могутъ быть сосуществованія (свойствъ) независимыя отъ законовъ причинной связи, и что даже и такія сосуществованія, которыя зависятъ отъ причинныхъ связей явленій, не могутъ, пока эти связи остаются не разъясненными, устанавливаться съ помощію тѣхъ методовъ, которые предполагаютъ убѣжденіе въ господствѣ общаго закона причинности. Въ всѣхъ этихъ случаяхъ пріобрѣтаемое нами знаніе о сосуществованіи явленій должно, конечно, достигаться съ помощію индукціи, которая должна быть независима отъ убѣжденія въ общемъ законѣ причинности. Правда, Милль не придаетъ высшей достовѣрности этого рода положеніямъ о сосуществованіи [2]) и думаетъ, что индукціей можно установить такія положенія только въ качествѣ (не законовъ природы, а) эмпирическихъ законовъ, которымъ можно приписать истинность лишь въ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ происходили наблюденія, или въ случаяхъ въ строгомъ смыслѣ смежныхъ. Но всеже насколько такого рода индукціи признаются законными и имѣющими, пусть и въ опредѣленныхъ границахъ, доказательную силу, онѣ не должны стоять въ независимости отъ принципа всякой индукціи, который долженъ оказаться послѣдней большей посылкой всякой индукціи при превращеніи ея въ силлогизмъ, которое признается возможнымъ для каждой индукціи.

Такимъ образомъ все значеніе общаго закона причинности для индукціи, какъ оно ни велико и какъ ни старается Милль связать его съ своимъ ученіемъ о принципѣ индукціи, на дѣлѣ, по его же собственнымъ взглядамъ, должно ограничиться одной, правда, очень важной и очень широко развившейся въ наукѣ группой индуктивныхъ выводовъ, нисколько не затрогивая другія. И какой либо общей истины, говорящей объ однообразіи порядка природы, которая могла бы быть привлечена въ качествѣ посылки въ индуктивныя доказательства

[1]) Ibid., II. 110; р. п. II. 101.
[2]) Ibid. II. 120; р. п. II. 110.

всѣхъ безъ исключенія другихъ истинъ, доказываемыхъ индуктивнымъ путемъ, совсѣмъ не оказывается.

У Милля по частнымъ поводамъ встрѣчаются такія мысли, которыя можно, повидимому, принять за указаніе на тотъ путь, которымъ внимательный читатель его логики можетъ выбраться изъ всѣхъ этихъ противорѣчій, соединенныхъ съ провозглашеніемъ положенія объ единообразіи порядка природы принципомъ и высшей посылкой всякаго наведенія.

Въ интересахъ разъясненія частію самаго существованія, частію законности тѣхъ индукцій, которыя должны предварять вѣру въ общую аксіому индукціи и давать матеріалъ для индуктивнаго доказательства самой этой аксіомы, Милль не одинъ разъ [1]) настаиваетъ на той мысли, что для основательности индукціи нѣтъ необходимости въ убѣжденіи, что однообразіе порядка проникаетъ всю природу; для этой цѣли достаточно, чтобы существовало убѣжденіе въ однообразіи порядка того класса явленій, котораго касается практически совершаемая индукція. Индукція, доказывающая, что огонь жжетъ, не требуетъ предположенія объ однообразныхъ законахъ, дѣйствующихъ во всей вселенной; для нея достаточно убѣжденія въ однообразіи порядка тѣхъ явленій, которыхъ она касается, въ однообразіи дѣйствія огня на внѣшнія чувства и на горючія вещества. Ничто не препятствуетъ, думаетъ Милль, даже и тому, чтобы подобное убѣжденіе о частномъ единообразіи природы пріобрѣталось само изъ тѣхъ самыхъ фактовъ, на основаніи которыхъ съ помощію этого убѣжденія устанавливается опредѣленная истина.

Отчего бы, повидимому, нельзя было примѣнить эти разсужденія не къ индукціямъ только, предваряющимъ науку, но и къ индукціямъ, которыя и при существующей уже вѣрѣ въ законъ причинности не могутъ опираться на эту вѣру и должны совершаться независимо отъ нея? Приведенный мною изъ Милля примѣръ убѣжденія въ дѣйствіяхъ огня есть примѣръ индукціи простѣйшей формы. Но эта простѣйшая форма индукціи и есть, по Миллю, та форма индукціи, которою должны доказываться всѣ положенія, убѣжденіе въ которыхъ оказывается независимымъ отъ убѣжденія въ общемъ законѣ причинной связи явленій и къ которымъ относятся: самъ законъ причинности, математическія аксіомы и всѣ тѣ сужденія о сосуществованіи явленій, которыя оказывается невозможнымъ по

---

[1]) Ibid., I. 345. II. 101; р. п. I 339—340 прим. II. 94 прим.

тѣмъ или другимъ причинамъ возвести къ причинной связи явленій. И если выводу положенія „огонь жжетъ“ изъ частныхъ фактовъ должна придавать основательность приставка въ качествѣ большей посылки сужденія объ однообразіи въ дѣйствіяхъ огня на внѣшнія чувства и на горючія вещества, то почему мы не должны думать, что, по мнѣнію Милля, и при неизбѣжныхъ въ наукѣ новаго времени индукціяхъ простѣйшей формы подразумѣваются подобныя же положенія объ единообразіи природы, ограничивающіяся лишь опредѣленной сферою отношеній между явленіями и, конечно, достовѣрныя настолько, насколько широко распространены въ бытіи эти отношенія? И если у Милля общій законъ причинности выступаетъ на первый планъ, дѣлается представителемъ общаго принципа индукціи, то не должно ли это объясняться тѣмъ, что этотъ законъ говоритъ о такой сторонѣ единообразія порядка природы, которая оказалась очень плодотворной для опытной науки и развила обиліе сложныхъ индуктивныхъ методовъ, тогда какъ другія стороны единообразія могутъ лечь въ основаніи лишь отдѣльныхъ индукцій? Милль ничего подобнаго прямо и опредѣленно не говоритъ. Но пусть онъ думаетъ именно такъ; исчезли ли бы тѣ затрудненія, которыя соединены съ его ученіемъ о принципѣ индукцій?

При этомъ взглядѣ точно также какъ и безъ него нельзя толковать положеніе объ однообразіи порядка природы въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы оно было единымъ принципомъ наведенія, нельзя говорить, что при всегда возможномъ превращеніи каждой индукціи въ силлогизмъ, одно положеніе окажется послѣдней большей посылкой во всѣхъ ихъ. У индукціи окажется тогда принциповъ и большихъ посылокъ никакъ не менѣе, чѣмъ сколько тѣхъ дѣйствительныхъ послѣднихъ посылокъ знанія, которыя доказываются по Миллю простѣйшей индукціей, опирающейся на факты, встрѣчающіеся всегда, вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Каждая такая индукція будетъ имѣть въ качествѣ своего принципа такое положеніе объ единообразіи порядка природы, которое по своему содержанію совершенно столько же будетъ различаться отъ принципа всякой другой подобной же индукціи, сколько различаются тѣ дѣйствительныя послѣднія посылки, которыя должны будутъ выводиться индуктивно съ помощію этихъ принциповъ. Каждый принципъ, правда, будетъ говорить объ единообразіи природы, но объ единообразіи совсѣмъ въ другомъ отношеніи, а не въ томъ, о которомъ говоритъ другой принципъ. А обобщить всѣ эти принципы въ одну всеобщую истину, которая была бы способна за-

мѣнить ихъ въ индукціяхъ, получившихъ въ нихъ свои принципы, или съ помощію которой они сами могли бы выводиться, было бы совершенно такъ же невозможно, какъ невозможно всѣ дѣйствительныя послѣднія посылки знанія обобщить въ одномъ сужденіи, съ помощію котораго всѣ они могли бы выводиться. Такимъ образомъ и съ помощію этого толкованія миллевой мысли о принципѣ индукціи не получается такого положенія, которое, будучи тѣмъ и другимъ способомъ доказано, могло бы имѣть притязаніе стать посылкой индуктивныхъ доказательствъ всѣхъ другихъ положеній. Послѣднія посылки знанія уступаютъ здѣсь только это свое значеніе равному количеству другихъ положеній, которыя становятся посылками при выводѣ ихъ самихъ.

Но что же представляли бы изъ себя эти новыя посылки? Объ этомъ мы можемъ судить по приведенному выше изъ Милля примѣру подобной посылки, устанавливающей частичное единообразіе въ порядкѣ природы. Выведенное индуктивно сужденіе „огонь жжетъ" и предполагаемая посылка этого индуктивнаго вывода объ единообразіи въ дѣйствіяхъ огня на наше тѣло и на другія горючія вещества, выведенная изъ тѣхъ же фактовъ, несомнѣнно одинаковы по своему объему, обнимаютъ одни и тѣ же явленія. Они, правда, нѣсколько различаются по своему содержанію. Но чѣмъ же различаются? Когда мы утверждаемъ, что огонь жжетъ, и соединяемъ съ этимъ предложеніемъ дѣйствительно вѣрную мысль, то мы, конечно, говоримъ не о дѣйствіяхъ огня на что угодно, а о его дѣйствіи на наше тѣло и на горючія вещества. Когда характеризуемъ это дѣйствіе какъ жженіе, то тѣмъ самымъ устанавливаемъ одинаковую черту въ дѣйствіи огня на поименованные предметы. Если все это имѣть въ виду, то будетъ ясно, что положеніе, выставляемое въ качествѣ посылки, различается отъ положенія выводного исключительно недостаточною опредѣленностію своего содержанія; оно говоритъ такъ же, какъ и послѣднее, объ одинаковомъ дѣйствіи огня на наше тѣло и на другія сгораемыя вещества, и различается отъ него только тѣмъ, что точно не опредѣляетъ этого дѣйствія, не характеризуетъ его какъ жженіе. Прибавимъ къ этому слѣдующія соображенія: 1) оба эти положенія, какъ предполагается, должны получиться изъ однихъ и тѣхъ же частныхъ фактовъ, и 2) изъ частныхъ фактовъ нельзя получить представленія о „нѣкоторомъ дѣйствіи огня", не получивъ представленія о „жженіи", а слѣдовательно первое представленіе есть простое отвлеченіе отъ болѣе конкретнаго послѣдняго, т. е. мнимая посылка можетъ быть

только результатомъ отвлеченія отъ выводного сужденія. Отсюда ясна вся безцѣльность этой прибавки посылки ради „основательности“ вывода. Само собою понятно, что то же самое выйдетъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы къ индукціямъ, доказывающимъ послѣднія посылки знанія, подыщемъ соотвѣтствующіе принципы, утверждающіе единообразіе порядка природы относительно той связи явленій, о которой говоритъ доказываемая послѣдняя посылка.

Едва ли нужно пояснять, что все, что выше было сказано о невозможности доказывать индуктивно положеніе, которое должно считаться принципомъ индукціи, остается вполнѣ приложимымъ и къ этимъ многочисленнымъ принципамъ. За отсутствіемъ общаго положенія, которое обнимало бы ихъ всѣ и способно было бы стать посылкой при выводѣ ихъ самихъ, требованіе отъ каждой индукціи принципа, способнаго превратиться въ большую посылку, необходимо поведетъ къ тому, что при выводѣ самыхъ этихъ принциповъ изъ фактовъ роль принципа и большей посылки пришлось бы играть имъ же самимъ.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на Миллево ученіе о принципѣ индукціи и какое бы толкованіе ему ни придали, всегда должны прійти къ мысли, что достигнуть своей цѣли, т. е. придать очевидность съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія индуктивному доказательству простѣйшей формы оно не можетъ и можетъ вести за собою только противорѣчія и несообразности. Устанавливая общій принципъ индукціи, Милль введенъ былъ въ заблужденіе сложными индуктивными процессами, при которыхъ дѣйствительно съ его точки зрѣнія предполагались общія посылки, предварительно доказанныя индуктивно, Но эти процессы на самомъ дѣлѣ дедуктивны [1]), и съ Миллевой точки зрѣнія при болѣе послѣдовательномъ ея развитіи также должны считаться не индуктивными, а дедуктивными, такъ какъ предполагаютъ уже установленную истину о всеобщей причинной связи событій. Что же касается до индукціи въ собственномъ смыслѣ, т. е. индукціи чрезъ простое перечисленіе, которою, по его мнѣнію, доказываются всѣ послѣднія посылки знанія, то всѣ общія положенія о бытіи съ точки зрѣнія эмпиризма могутъ быть никакъ не принципомъ, а только выводными сужденіями изъ этой индукціи. И это нужно сказать и о положеніи или о положеніяхъ объ единообразіи природы, ровно столько же, какъ и о всѣхъ другихъ

---

[1]) Это я доказывалъ, между прочимъ, въ своей Классификаціи выводовъ, 6—13.

общихъ положеніяхъ, такъ какъ всякое общее сужденіе, выводимое изъ индукціи, и есть именно утвержденіе однообразія порядка природы относительно соединенія извѣстныхъ явленій, выраженное только вполнѣ опредѣленно, а не въ неопредѣленной формѣ. Неопредѣленную форму конечно, ничто не препятствуетъ придать ему, но лишь тогда, когда оно уже выведено и когда послѣ этого вывода оказалась бы какая либо нужда въ подобномъ неопредѣленномъ сужденіи.

II.

Какъ индукція черезъ простое перечисленіе вообще, такъ и тотъ ея случай, которому Милль приписываетъ достовѣрность и которымъ должны доказываться, по его мнѣнію, послѣднія посылки знанія, дѣйствительно подразумѣваютъ принципъ, но никакъ не въ смыслѣ какого-либо естественно-научнаго закона, общаго положенія о всѣхъ явленіяхъ природы, а въ смыслѣ логической формулы самаго вывода, въ смыслѣ положенія, въ которомъ утверждается связь между посылками и выводнымъ сужденіемъ. Признать достовѣрнымъ тотъ случай индуктивнаго вывода, которымъ, по Миллю, должны доказываться послѣднія посылки знанія, это значитъ признать вѣрнымъ положеніе, что какъ скоро даны единичные факты соединенія другъ съ другомъ опредѣленныхъ явленій, и притомъ такіе факты, которые такъ распространены въ природѣ, что нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни обстоятельствъ, среди которыхъ они не встрѣчались бы, то не можетъ не быть достовѣрнымъ общее сужденіе о связи между этими явленіями. И, наоборотъ, какъ скоро признано вѣрнымъ это положеніе, представляющее формулу вывода, то, конечно, не окажется нужды ни въ какомъ другомъ принципѣ, ни въ какомъ общемъ положеніи объ явленіяхъ природы для того, чтобы изъ фактовъ, соотвѣтствующихъ этой формулѣ, выводить общее заключеніе. А поэтому если задача состояла въ томъ, чтобы съ обще-научной точки зрѣнія представить выводы, которыми у Милля должны оправдываться послѣднія посылки знанія, способными не только возбуждать вѣру, а также очевидными для мысли, какъ очевидны для нея другіе выводы, не возбуждающіе сомнѣнія въ своей состоятельности, то для разрѣшенія этой задачи нужно было разъяснить эту формулу такъ, чтобы была вполнѣ понятна необходимая связь между ея подлежащимъ, которое состоитъ въ предположеніи истинности фактовъ, служащимъ посылками вывода, и ея сказуемымъ, въ которомъ утверждается истинность выводного сужденія.

Милль подходитъ ближе къ этому существенному для него вопросу, когда говоритъ не объ индукціи вообще, которая у него (а вслѣдъ за нимъ и во многихъ системахъ логики даже и не эмпиристическаго направленія) совмѣщаетъ не индуктивные только, но и дедуктивные процессы и поэтому уже въ себѣ самой носитъ зародыши противорѣчій и запутанности, а старается разъяснить логическую состоятельность непосредственно того вывода, которымъ должны у него доказываться послѣднія посылки знанія.

Когда Милль преслѣдуетъ эту послѣднюю цѣль, онъ разсуждаетъ по существу слѣдующимъ образомъ. Подъ индукціей черезъ простое перечисленіе разумѣются такіе выводы, когда мы, зная примѣры совпаденія одного явленія съ другимъ и не зная ни одного противорѣчащаго случая, выводимъ отсюда общее положеніе о связи этихъ явленій. Однако чтобы имѣть право заключать о всеобщей истинности чего-либо на томъ основаніи, что мы не имѣли противорѣчащаго примѣра въ наблюденіи, мы должны имѣть основаніе быть увѣренными, что если бы были въ природѣ подобные примѣры, то мы о нихъ знали бы. И эта именно увѣренность прогрессируетъ, по его мнѣнію, съ широтою объема сужденія, съ распространенностію примѣровъ его въ опытѣ. Чѣмъ болѣе общъ законъ, тѣмъ изъ большей суммы опытовъ онъ выведенъ и тѣмъ болѣе возвышается вѣроятность, что если бы исключенія существовали, то какія-нибудь изъ нихъ встрѣтились бы намъ при нашихъ наблюденіяхъ. Отсюда получается общее положеніе: ненадежность метода простого перечисленія обратно пропорціональна широтѣ обобщенія. Процессъ этотъ, учитъ Милль, призраченъ и недостаточенъ въ той мѣрѣ, въ какой наблюдаемый предметъ спеціаленъ и ограниченъ въ объемѣ. Съ расширеніемъ этого объема этотъ методъ все менѣе и менѣе подверженъ ошибкѣ; и самыя всеобщія истины должны оказаться и самыми достовѣрными [1]. Въ общихъ разсужденіяхъ своихъ объ этомъ предметѣ Милль не идетъ далѣе подобныхъ соображеній. Однако, одни эти соображенія недостаточны по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, по этому разъясненію достовѣрность того вывода, которымъ должны доказываться послѣднія посылки, представляется высшею, предѣльною степенью той вѣроятности, которая предполагается принадлежащей вообще индуктивному выводу per enumera-

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 347—348, 355—356. II. 101—102; р. п. I. 342. 349. II. 94—95.

tionem simplicem и которая должна расти съ расширеніемъ объема доказываемаго сужденія. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, должно быть предположено, что простое знаніе частныхъ случаевъ совпаденія опредѣленныхъ явленій при отсутствіи въ воспріятіи примѣровъ противорѣчащихъ, даетъ уже законное право съ нѣкоторою вѣроятностію обобщать эти случаи, выводить изъ нихъ общее заключеніе. Если въ самомъ этомъ выводѣ нѣтъ вѣроятности, то и достовѣрности, которая разъясняется только какъ высшая степень этой вѣроятности, возникнуть будетъ не изъ чего. Милль сознаетъ обязательность для него признать вѣроятность выводовъ простой индукціи. Онъ называетъ вообще индукцію чрезъ простое перечисленіе выводомъ хотя и погрѣшительнымъ, но законнымъ [1]. Но если это такъ, если законность связи въ той модификаціи простѣйшей индукціи, выводъ изъ которой признается достовѣрнымъ, предполагаетъ уже законность связи между посылками и выводнымъ сужденіемъ въ простѣйшей индукціи вообще, то и разъясненіе достовѣрности этой особой модификаціи вывода требуетъ прежде всего разъясненія вѣроятности простѣйшаго индуктивнаго вывода вообще, изъ которой выростаетъ эта достовѣрность.

Можно подумать, что Милль имѣлъ право предположить безъ дальнѣйшаго разъясненія вѣроятность простѣйшаго индуктивнаго вывода вообще, такъ какъ она приписывалась этому выводу традиціонной логикой и слѣдовательно считалась понятной для обще-научнаго сознанія. Однако это не совсѣмъ такъ. Правда, традиціонная логика, отрицая достовѣрность выводовъ простой индукціи, говорила объ ихъ вѣроятности. Но въ болѣе раннее время, не придавая этимъ выводамъ особой важности, она не задавалась и вопросами точнѣе опредѣлить понятіе объ этой вѣроятности и логически оправдать ее. Въ позднѣйшее время эти вопросы стали настоятельнѣе, такъ какъ все болѣе и болѣе дѣлалось явнымъ значеніе опыта и индукціи для науки. Но въ то же время чаще и чаще пришлось убѣждаться, какъ ошибочны и шатки общія положенія, которыя опираются просто на существованіе въ наблюденіи примѣровъ, согласныхъ съ положеніемъ, и на отсутствіе въ немъ примѣровъ, ему противорѣчащихъ. Уже Бэконъ рѣшительно возсталъ противъ всякаго значенія этого рода выводовъ, и его полемика ни въ какомъ случаѣ не прошла безслѣдно. Самъ Милль, вообще не мало потрудившійся надъ переработкой отсталыхъ логическихъ взглядовъ, въ только что цитованныхъ мѣстахъ называетъ эти

---

[1] Ibid. II. 101; p. n. II. 94.

выводы призрачными и недостаточными, а тотчасъ затѣмъ еще рѣшительнѣе говоритъ [1]), что когда мы заключаемъ по этому методу, то обыкновенно грубо ошибаемся. О какой же вѣроятности вывода можно говорить, когда онъ прямо признается призрачнымъ и обыкновенно ведущимъ къ грубымъ ошибкамъ? Да и кто же въ самомъ дѣлѣ въ новое время сталъ бы утверждать, что просто изъ того, что есть примѣры совпаденія извѣстныхъ явленій и мы не знаемъ случаевъ противорѣчащихъ, наука имѣетъ право съ какою нибудь вѣроятностію заключать, что изъ сужденія, въ которомъ было бы выражено это совпаденіе, совсѣмъ нѣтъ исключенія, что оно законъ природы, всеобщая истина? Ясно, что вѣроятность, которая можетъ быть присуща выводамъ простѣйшей индукціи и которая въ извѣстныхъ случаяхъ, по ученію Милля, должна переходить въ достовѣрность, не можетъ не быть обусловленной какими нибудь усложненіями или ограниченіями вывода. А поэтому, какъ скоро достовѣрность того вывода, которымъ доказываются по Миллю послѣднія посылки знанія, разсматривается прямо какъ высшая степень вѣроятности, принадлежащей выводамъ по простѣйшей индукціи вообще, то эта достовѣрность не можетъ считаться разъясненною, пока не будутъ указаны тѣ усложненія или ограниченія индуктивныхъ выводовъ вообще, при которыхъ уже о нихъ нельзя будетъ сказать, что они выводы призрачные и обыкновенно ведутъ къ грубымъ ошибкамъ.

Другой недостатокъ изложенныхъ общихъ разсужденій Милля состоитъ въ томъ, что самое ученіе его о прямой пропорціональности между широтой выведеннаго индуктивно сужденія и его достовѣрностью на дѣлѣ вовсе не такъ очевидно, какъ это можетъ представляться съ перваго взгляда. Собственно возможное большее увеличеніе частныхъ случаевъ представляемыхъ индукціей, даже если взять его въ связи съ нѣкоторыми другими условіями, никакъ не можетъ возвысить индукцію, разсматриваемую какъ процессъ обобщенія, отъ степени вѣроятнаго вывода до степени вывода достовѣрнаго, а есть лишь необходимое условіе простой его вѣроятности. Но во всякомъ случаѣ, когда говорятъ объ увеличеніи числа наблюдаемыхъ случаевъ, какъ фактѣ, значеніе котораго не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія, то обыкновенно предполагаютъ, что всѣ остальные условія вывода остаются одинаковыми, т. е. что дѣло идетъ, напримѣръ, объ установкѣ одного и того же закона, только съ помощью большей, чѣмъ это дѣлалось

---

[1]) Ibid. II. 102; р. п. II. 95.

ранѣе, суммы наблюдаемыхъ частныхъ случаевъ. Еслибы дѣло шло объ установленіи одного и того же закона и притомъ весь вопросъ, какъ это должно выходить по Миллю, сводился къ тому, могли-ли исключенія изъ закона остаться незамѣченными, какъ скоро они бы существовали, то значеніе сравнительнаго обилія бывшихъ въ наблюденіи случаевъ было бы ясно уже изъ того, что при этомъ сравнительномъ обиліи примѣровъ въ той же степени выгодно измѣняется пропорціональное отношеніе между бывшими въ наблюденіи случаями, по которымъ приходится заключать къ случаямъ, оставшимся безъ наблюденія, и этими послѣдними, среди которыхъ можно предполагать отрицательныя инстанціи. Но у Милля сравниваются выводы законовъ различныхъ, болѣе узкаго по объему съ болѣе широкимъ, такого, примѣры котораго не слишкомъ часто встрѣчаются въ бытіи, съ такимъ, примѣры котораго болѣе распространены въ бытіи; и обиліе бывшихъ въ наблюденіи примѣровъ ставится въ зависимость не отъ тщательнаго ихъ отыскиванія по разнообразнымъ мѣстамъ и при всевозможныхъ условіяхъ, а исключительно отъ самой распространенности въ мірѣ явленій, подлежащихъ такому закону. А при такихъ условіяхъ пропорція между изслѣдованными экземплярами, изъ которыхъ дѣлается выводъ, и цѣлымъ классомъ явленій, а слѣдовательно и экземплярами, которые остаются не изслѣдованными и среди которыхъ можно ожидать исключенія, предполагается одинаковой; а поэтому отъ обилія примѣровъ съ этой, по крайней мѣрѣ, стороны никакой выгоды, очевидно, ожидать нельзя. Если бы, зная, что извѣстныхъ предметовъ сотня, мы, предположимъ, сочли бы возможнымъ заключать о нихъ по двадцати экземплярамъ, взятымъ на удачу, то слѣдуетъ-ли отсюда, что мы съ тою же вѣроятностью могли бы заключать по двадцати же экземплярамъ, если бы предметовъ была тысяча? Слѣдуетъ-ли, что всякое увеличеніе въ послѣднемъ случаѣ наблюдаемыхъ экземпляровъ сверхъ двадцати сдѣлало бы наше заключеніе къ тысячѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ заключеніе по двадцати экземплярамъ къ сотнѣ? Если, поэтому, выведенное индуктивно болѣе широкое по объему сужденіе въ самомъ дѣлѣ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ болѣе узкое сужденіе, то логически оправдать эту сравнительную вѣроятность нельзя простой ссылкой на обиліе примѣровъ, которые мы имѣемъ въ этомъ случаѣ, а нужно или искать другого оправданія этому факту или во всякомъ случаѣ точнѣе разъяснить, вслѣдствіе какихъ причинъ на это обиліе можно смотрѣть не какъ на фактическое только условіе большей вѣры, а

какъ на такое условіе, которое и логически законно возвышаетъ эту вѣру.

У Милля есть объясненіе, изъ котораго можно извлечь отвѣтъ на эти недоумѣнія. Оно прямо примыкаетъ у него къ высказаннымъ общимъ его соображеніямъ и даже прямо ставится съ цѣлью дать болѣе очевидности этимъ общимъ соображеніямъ, хотя Милль ограничиваетъ его значеніе лишь одною, правда, очень важною, сферою единообразій въ совпаденіяхъ явленій, именно совпаденіями, зависящими отъ общаго закона причинной связи явленій.

Въ этомъ объясненіи, открыто признавъ, что выводы всеобщаго сужденія при помощи простой индукціи обыкновенно бываютъ грубыми ошибками, онъ говоритъ [1]: „но мы въ полномъ правѣ утверждать“ выводное сужденіе „какъ законъ эмпирическій, истинный въ предѣлахъ мѣста, времени и обстоятельствъ, лишь бы число совпаденій было больше, чѣмъ какое можно съ нѣкоторою вѣроятностью приписать случайности“. Подъ эмпирическимъ закономъ Милль разумѣетъ [2]) производныя единообразія, представляющія или совпаденіе дѣйствій одной и той же причины или соединеніе причины съ отдаленнымъ ея слѣдствіемъ или результатъ соединеннаго дѣйствія нѣсколькихъ законовъ природы, особенно когда оно условлено распредѣленіемъ дѣятелей. Ограничивается значеніе этихъ эмпирическихъ законовъ предѣлами мѣста, времени и обстоятельствъ наблюденія потому, что предполагается, что съ перемѣной мѣста, времени, обстоятельствъ могутъ встрѣтиться препятствія къ возникновенію дѣйствій, не непосредственно связанныхъ съ причиной или къ соединенію результатовъ нѣсколькихъ законовъ и можетъ оказаться иное распредѣленіе дѣятелей. Такъ получаетъ болѣе точное опредѣленіе законный выводъ изъ индукціи. А вмѣстѣ съ тѣмъ съ признаніемъ возможности индуктивно устанавливать эмпирическій законъ получаетъ болѣе опредѣленности и то значеніе, которое приписывается широтѣ индуктивно выведеннаго сужденія. Чѣмъ шире выводимое изъ фактовъ обобщеніе, чѣмъ болѣе распространены въ бытіи случаи, къ нему относящіеся, тѣмъ, конечно, разнообразнѣе условія, съ которыми они встрѣчаются, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, исключается предположеніе о возможности условій способныхъ парализовать примѣненіе установленнаго эмпирическаго закона. Чѣмъ болѣе распространены

---

1) *Mill.* Syst. of Log. II. 102—103. р. п. 95—96.

2) Ibid. II. 38—42, 47—48, 78—80, р. п. II. 36—40, 45—46, 72—74.

въ бытіи случаи, относящіеся къ эмпирическому закону, тѣмъ болѣе также они сталкиваются со всевозможными распредѣленіями дѣятелей, а слѣдовательно исключается возможность зависимости фактическихъ совпаденій явленій отъ того или другого опредѣленнаго распредѣленія этихъ дѣятелей. Такъ исключаются, по мнѣнію Милля, всѣ предположенія о не прямой или сложной зависимости совпаденій отъ законовъ и очищается путь для установленія прямой непосредственной зависимости одного изъ совпадающихъ явленій отъ другого, т. е. къ установкѣ закона природы. Эмпирическій законъ, случаи примѣненія котораго встрѣчаются во всякомъ мѣстѣ, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, самъ собою возвышается на степень закона природы, имѣющаго значеніе для всякаго мѣста, для всякаго времени и для всякихъ обстоятельствъ.

Этимъ объясненіемъ несомнѣнно, по моему мнѣнію, существенный для эмпиризма вопросъ о переходѣ отъ частныхъ фактовъ къ установкѣ законовъ становится на болѣе твердую почву, но несомнѣнно также, что это совершается не безъ пожертвованія нѣкоторыми общими взглядами на логическіе процессы, ревниво проводимыми въ логикѣ Милля.

Эмпиризмъ въ основаніи знанія долженъ полагать исключительно частные факты. Эмпиристъ, желающій отстаивать логическую законность знанія, долженъ прежде всего объяснить логическую состоятельность вывода закона изъ частныхъ фактовъ. Для Милля единственный основной процессъ этого вывода есть простая индукція. О всякомъ усложненіи этого процесса предполагается, что оно уже подразумѣваетъ установку съ помощью простѣйшей индукціи высшихъ посылокъ знанія. Самая же простѣйшая индукція понимается какъ обобщеніе, какъ процессъ, который по существу состоитъ въ томъ, что мы, зная примѣры, согласные съ общимъ сужденіемъ, и не имѣя примѣровъ, противорѣчащихъ ему, устанавливаемъ общее сужденіе, достовѣрность котораго измѣряется массой встрѣчающихся въ опытѣ случаевъ, согласныхъ съ нимъ. Съ сейчасъ изложеннымъ объясненіемъ, которое оказалось нужнымъ, чтобы придать очевидность мысли о законности этого процесса, эта теорія получаетъ нѣсколько другой видъ. Если мы, отрѣшившись отъ частностей, возьмемъ общую мысль этого объясненія, то прежде всего увидимъ, что въ первомъ моментѣ характеризованнаго здѣсь логическаго процесса дѣйствительно приписывается логическая значимость процессу вывода изъ частныхъ фактовъ, согласныхъ съ извѣстнымъ общимъ сужденіемъ и изъ отсутствія въ нашемъ

наблюденіи фактовъ, ему противорѣчащихъ. Но приписывается въ этомъ случаѣ логическая значимость этому выводу, ни въ какомъ случаѣ не какъ выводу общаго сужденія: такой выводъ общаго сужденія, наоборотъ, здѣсь же открыто объявляется выводомъ, обыкновенно ведущимъ къ грубому заблужденію. Законнымъ признается болѣе скромный выводъ къ эмпирическому закону, къ признанію только принудительности совпаденія, его условности, которая можетъ быть и прямой, простой непосредственной и не терпящей исключеній, если бы совпаденіе оказалось закономъ природы, но можетъ быть и не прямой, посредственной и сложной, а слѣдовательно могущей оказаться и измѣнчивой при перемѣнѣ обстоятельствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристическая черта процесса измѣняется. Отъ совокупности частныхъ фактовъ, которые лежатъ у него въ основаніи, требуется совсѣмъ не то, чтобы она вселяла убѣжденіе въ невѣроятности съ нашей стороны просмотра исключеній изъ общаго сужденія. еслибы подобныя исключенія существовали дѣйствительно, какъ это неизбѣжно требуется отъ индукціи, выводное сужденіе которой разсматривается какъ обобщеніе. Требованіе отъ совокупности частныхъ фактовъ совпаденія явленій здѣсь болѣе скромное и состоитъ въ томъ, чтобы она дѣлала для насъ невѣроятной случайность совпаденія. И если мы спрашиваемъ у Милля, что онъ называетъ случайностью совпаденія, то онъ очень опредѣленно отвѣчаетъ намъ [1]), что подъ явленіями, случайно совпадающими по времени, должны подразумѣваться явленія, которыя отнюдь не приведены въ соотношеніе связью причины съ дѣйствіемъ, не суть ни дѣйствія одной и той же причины, ни дѣйствія причинъ, между которыми есть какой-нибудь законъ сосуществованія, ни даже дѣйствія одного и того же распредѣленія первоначальныхъ дѣятелей. Въ понятіи случайнаго совпаденія явленій мы, очевидно, имѣемъ простое отрицательное соотносительное понятіе съ выше указаннымъ понятіемъ эмпирическаго закона. Вызванное постояннымъ совпаденіемъ явленій убѣжденіе въ неслучайности этого совпаденія точно равняется, слѣдовательно, убѣжденію въ существованіи эмпирическаго закона. А въ понятіи эмпирическаго закона, очевидно, перечисляются предположенія, которыя мы можемъ сдѣлать объ условіяхъ совпаденія, которое вслѣдствіе частыхъ случаевъ появленія своего въ воспріятіи признано никакъ не случайнымъ, а принудительнымъ, зависящимъ отъ какихъ-нибудь условій. И хотя Милль указываетъ здѣсь лишь

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. II. 50—51; р. п. II. 48.

на одно только усложненіе индуктивнаго процесса, на требованіе значительной массы примѣровъ, все-таки выводной процессъ дѣлается гораздо понятнѣе съ общенаучной точки зрѣнія,—понятнѣе уже потому, что задача его скромнѣе. Слишкомъ частыя совпаденія явленій и при болѣе точной наукѣ всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователя и побуждаютъ его доискиваться ихъ условій, конечно потому, что онъ считаетъ совершенно не вѣроятнымъ приписать имъ совершенную случайность. И едва-ли можно отрицать, что такой взглядъ никакъ не вредитъ, а несомнѣнно содѣйствуетъ росту знанія; и во всякомъ случаѣ здѣсь мы не встрѣтимся съ такими отрицательными индукціями, которыя заставляли бы признать, что этого рода выводъ обыкновенно ведетъ къ грубымъ ошибкамъ.

Если мы обратимся теперь ко второму моменту процесса, о которомъ говоритъ вышеприведенное объясненіе Милля, то хотя весь этотъ процессъ для Милля долженъ быть простѣйшей формой индукціи, не терпящей никакихъ усложненій, пока не установлены общія истины, однако здѣсь мы видимъ очевидное усложненіе. Дѣло идетъ, очевидно, о процессѣ исключенія различныхъ предположеній, которыя могли бы объяснять установленную неслучайность совпаденія косвенными причинами и которыя, по мнѣнію Милля, должны устраняться разнообразіемъ условій и распредѣленій, съ которыми должны встрѣчаться частные случаи совпаденій, какъ скоро они широко распространены въ мірѣ. И если мы опять возьмемъ этотъ процессъ исключенія по его общему характеру, не придавая никакого особаго значенія способу, въ зависимости отъ котораго ставится оно у Милля, то, по моему мнѣнію, придемъ къ той же мысли, что общенаучное сознаніе не можетъ имѣть никакихъ причинъ отрицать возможную законность такихъ процессовъ. Отчего бы относительно опредѣленнаго факта совпаденія, которое признано не случайнымъ, мы лишены были права ставить гипотезы о возможныхъ его условіяхъ и затѣмъ устранять тѣ или другія изъ сдѣланныхъ предположеній на основаніи подмѣчаемаго противорѣчія ихъ съ фактами или даже путемъ основанной на фактахъ же сравнительной оцѣнки ихъ вѣроятности и такимъ образомъ общей неопредѣленной мысли объ условленности совпаденія постепенно давать большую и большую опредѣленность? Здѣсь мы имѣли бы лишь признаваемый логически законнымъ усложненный гипотетическій процессъ. Конечно, выводъ, полученный такимъ путемъ, не можетъ претендовать на какую-нибудь безусловную достовѣрность уже потому, что гипотетическій процессъ, чтобы прійти къ опредѣленному резуль-

тату, при данныхъ условіяхъ предполагаетъ, что мы можемъ исчерпать всѣ предположенія относительно обусловленности совпаденія; а составляя эти предположенія по указаніямъ опыта, мы можемъ утверждать только, что исчерпали предположенія, которыя можно составить на основаніи ранѣе пріобрѣтеннаго знакомства съ бытіемъ. Поэтому при бѣдности опыта болѣе или менѣе очевидная неслучайность совпаденія двухъ явленій обыкновенно сразу же отожествляется съ прямою причинною зависимостью ихъ одного отъ другого. И если обогащеніе опытомъ и развитіе подъ его вліяніемъ изслѣдующей мысли ведутъ къ признанію, что такое отожествленіе есть лишь слишкомъ поспѣшная гипотеза; если опытъ научаетъ, что опредѣленное совпаденіе явленій, никакъ не переставая быть не случайнымъ, можетъ всеже и не представлять собою прямой законъ причинной связи между этими явленіями, а можетъ быть результатомъ связи посредственной, непрямой и сложной, то все же и при самомъ широкомъ опытѣ, съ безусловною достовѣрностью вполнѣ нельзя поручиться, что сдѣланныя предположенія объ этихъ косвенныхъ связяхъ исчерпываютъ сполна всѣ возможности. Но и самъ Милль, говоря о достовѣрности того вывода, съ помощью котораго должны устанавливаться у него послѣднія посылки знанія, прежде всего говоритъ [1]) о достовѣрности относительной, т. е. большей, чѣмъ достовѣрность другихъ выводовъ, и если и приписываетъ ей безусловность [2]), то только въ смыслѣ безусловной достаточности ея для всѣхъ практическихъ цѣлей.

Такъ мы приходимъ къ мысли, что обсуждаемое теперь миллево разъясненіе значенія основного индуктивнаго процесса, хотя и не совсѣмъ согласно съ общей тенденціей его логики, но по своей общей мысли способно всеже поставить существенный для эмпиризма вопросъ съ точки зрѣнія общаго научнаго сознанія на болѣе твердую почву. Однако, если взять его прямо въ томъ видѣ, какой имѣетъ оно у Милля, то нельзя не признать, что имъ совсѣмъ не достигаются тѣ результаты, которые могли бы быть достигнуты при болѣе послѣдовательномъ и болѣе широкомъ развитіи положенной въ его основу общей мысли. Оставляя въ сторонѣ менѣе существенные недочеты и непослѣдовательности, мы не можемъ не остановиться на двухъ главнѣйшихъ недостаткахъ этого объясненія.

Во-первыхъ, какъ сказано было выше, Милль очень опредѣленно

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. II. 103; р. п. II. 96.

[2]) Ibid. II. 105; р. п. II, 98.

примѣняетъ взглядъ, развитый въ этомъ объясненіи, лишь къ однообразіямъ, зависящимъ отъ закона связи причины со слѣдствіемъ. Можно подумать, что это ограниченіе не есть на самомъ дѣлѣ ограниченіе и Милль указалъ на примѣненіе объясненія къ этимъ единообразіямъ только потому, что въ цѣломъ рядѣ предшествующихъ главъ его логики обсуждались исключительно процессы, имѣющіе дѣло съ этими единообразіями (о чемъ Милль здѣсь же и упоминаетъ), а процессы, имѣющіе дѣло съ другими единообразіями, кратко разсматриваются уже далѣе и потому примѣнять этотъ же взглядъ и къ нимъ казалось преждевременнымъ. Однако и послѣ разъясненія вопроса о сосуществованіяхъ, независимыхъ отъ связи причины съ дѣйствіемъ, Милль [1]) повторяетъ послѣднюю половину объясненія опять исключительно въ примѣненіи къ единообразіямъ, зависящимъ отъ общаго закона причинной связи; а относительно широты обобщенія независимыхъ отъ него единообразій сосуществованія тутъ же замѣчаетъ только: чѣмъ болѣе общъ законъ, тѣмъ изъ большей суммы случаевъ онъ выведенъ и тѣмъ больше, слѣдовательно, вѣроятность, что если бы исключенія существовали, то нѣкоторыя уже представились бы. Но если согласиться съ такимъ ограниченіемъ, то какая же польза отъ объясненія, которое оказывается приложимымъ только къ однообразіямъ, зависящимъ отъ закона причинности? Мы имѣемъ послѣднія посылки знанія, которыя представляютъ собою законы сосуществованія: обѣ важнѣйшія геометрическія аксіомы, аксіома о невозможности двумъ прямымъ замкнуть пространство и аксіома параллелей суть положенія, въ которыхъ рѣшается вопросъ о возможности сосуществованія въ предметѣ однихъ опредѣленныхъ свойствъ съ опредѣленными другими. Къ индуктивному доказательству этихъ истинъ, слѣдовательно, по мнѣнію самого Милля, разсматриваемое объясненіе, которое впервые даетъ возможность понять состоятельность подобныхъ доказательствъ съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія и которое, по словамъ самого Милля, дѣлаетъ очевиднымъ логическое значеніе широты выводнаго сужденія, оказывается совсѣмъ неприложимымъ [2]).

---

[1]) Ibid. II. 120–121; р. п. II. 111.

[2]) Если Милль на этой сторонѣ дѣла не сосредоточилъ всего своего вниманія; если онъ аксіомы математики, которымъ самъ приписываетъ особую достовѣрность и очевидность, оставилъ со стороны объясненія убѣдительности ихъ доказательства въ положеніи наименѣе выгодномъ, то это, конечно, могло случиться только благодаря разобранному уже мною ученію его о возможности доказывать эти

Для насъ самый существенный вопросъ состоитъ, конечно, въ томъ, должны ли мы смотрѣть на это ограниченіе наиболѣе серьезнаго объясненія состоятельности выводовъ, которыми должны доказываться въ эмпиризмѣ послѣднія посылки знанія, какъ на роковую необходимость для эмпиризма или только какъ на ошибку Милля.

Самъ онъ не говоритъ опредѣленно, почему считаетъ нужнымъ это ограниченіе. Во всякомъ случаѣ самый важный пунктъ въ объясненіи, признаніе права за простѣйшей индукціей устанавливать эмпирическіе законы, несомнѣнно, по мнѣнію самого Милля, можетъ относиться не къ совпаденіямъ только, зависящимъ отъ законовъ причинной связи, но и ко всякаго рода совпаденіямъ. Свойства предметовъ Милль[1]) дѣлитъ на зависящія отъ причинъ и не зависящія и соотвѣтственно этому дѣлитъ и подмѣчаемое нашимъ наблюденіемъ сосуществованіе свойствъ также на два вида. Совершенно понятно, что къ единообразіямъ сосуществованія свойствъ перваго вида должны были прилагаться имъ сполна всѣ процессы, которые онъ считаетъ примѣнимыми къ единообразіямъ, зависящимъ отъ общаго закона причинной связи явленій. Но и говоря о сосуществованіи свойствъ, независимыхъ отъ этого закона, онъ[2]), правда, изъ этой независимости дѣлаетъ выводъ, что болѣе строгіе методы наведенія, какъ предполагающіе вѣру въ законъ причинной связи, здѣсь неприложимы; однако онъ отсюда же никакъ не выводитъ, что въ отношеніи къ этимъ единообразіямъ невозможна и установка эмпирическаго закона; наоборотъ, въ своихъ разсужденіяхъ объ этихъ единообразіяхъ онъ всюду предполагаетъ, такъ сказать, въ качествѣ безспорной истины, что и относительно ихъ, какъ и относительно всякаго рода индуктивно устанавливаемыхъ единообразій совпаденія явленій, съ помощью простой индукціи можетъ быть устанавливаемъ эмпирическій законъ. Такимъ образомъ, если онъ ограничиваетъ разбираемое нами свое объясненіе исключительно единообразіями, зависящими отъ общаго закона причинности, то основаніе этого можетъ заключаться исключительно только во второмъ моментѣ описываемаго въ этомъ объясненіи процесса, въ исключеніи всѣхъ возможныхъ предположеній объ условіи совпаденія опредѣленныхъ явленій кромѣ предположенія о прямой и

аксіомы на представленіяхъ. Это придавало имъ, по мнѣнію Милля, свою особую очевидность, на которую онъ и ссылается, говоря объ ихъ индуктивномъ доказательствѣ. *Mill.* Syst. of Log. II. 145—146, 154. р. п. II. 133—134, 142—143.

[1]) Ibid. II. 113—115; р. п. II. 104—105.

[2]) Ibid. II. 115—116. 120; р. п. 105—107, 110.

непосредственной связи между самыми этими явленіями. Но на чемъ же могла бы основываться такая мысль?

Конечно, не невозможно предположить, что этотъ моментъ исключенія, по мнѣнію Милля, предполагаетъ уже вѣру въ общую аксіому всѣхъ единообразій, къ которымъ примѣняется объясненіе, т. е. въ законъ причинной связи; а такъ какъ сосуществованія, независящія отъ этого закона, не имѣютъ и своего особаго общаго закона, который могъ бы служить посылкой при процессѣ исключенія, то въ отношеніи къ нимъ этотъ процессъ Миллемъ и считается невозможнымъ. Въ пользу такого толкованія Миллева взгляда можно даже сослаться и на тотъ фактъ, что самъ Милль [1]) указываетъ на это именно различіе между единообразіями, зависящими отъ общаго закона причинной связи и единообразіями, независящими отъ него, какъ на условіе возможности совершать процессы исключенія въ отношеніи къ первымъ и невозможности совершать ихъ въ отношеніи ко вторымъ. Однако, это доказательство мнѣ не представляется рѣшительнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ у Милля дѣло идетъ о процессѣ исключенія, совершающемся путемъ сложныхъ индуктивныхъ методовъ, а не вслѣдствіе простой широты выводного сужденія, получаемаго чрезъ индукцію per enumerationem simplicem; и притомъ, хотя то значеніе, какое онъ въ разбираемомъ объясненіи придаетъ этой широтѣ, явно состоитъ въ исключеніи различныхъ предположеній относительно условій извѣстнаго единообразія опредѣленныхъ совпаденій, однако самъ Милль нигдѣ не называетъ этотъ моментъ процесса исключеніемъ и послѣдовательно смотритъ на весь процессъ какъ на простое индуктивное обобщеніе.

Но важнѣйшее затрудненіе придать такое толкованіе взгляду Милля состоитъ въ томъ, что если бы мнѣніе Милля было дѣйствительно таково, то объясненіе его, о которомъ идетъ рѣчь, потеряло бы всякій смыслъ, такъ какъ, будучи неприложимо, по мнѣнію Милля, къ математическимъ аксіомамъ, оказалось бы въ то же время совершенно неприложимымъ и къ положенію, которое, по Миллю, лежитъ въ основаніи естествознанія, т. е. къ общему закону причинной связи явленій. И въ такомъ случаѣ намъ оставалось бы только удивляться тому, какъ Миллю могло прійти на мысль сослаться на это объясненіе, когда у него рѣчь идетъ о значеніи широты выводного сужденія для его достовѣрности при индуктивныхъ выводахъ

[1]) Ibid. II. 115; р. п. II. 105—106.

per enumerationem simplicem и притомъ въ интересахъ обезпеченія достовѣрности доказательства закона причинной связи явленій. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ индукціи, которыя предполагаютъ убѣжденіе въ законъ причинности, по ученію самого Милля, должны имѣть достовѣрность независимую отъ широты выводного сужденія, а зависящую отъ широты и достовѣрности самаго закона причинной связи явленій, что именно и даетъ по его взгляду особое значеніе сложнымъ индуктивнымъ методамъ. Съ другой стороны, какъ можно при разъясненіи убѣдительности доказательства общаго закона причинной связи явленій ссылаться на такое значеніе индуктивныхъ выводовъ, которое можно приписать имъ, лишь предполагая уже достовѣрность этого закона? Оставимъ на минуту Милля и попытаемся точнѣе вникнуть въ сущность дѣла.

Какъ скоро право устанавливать невѣроятность случайнаго совпаденія явленій признано одинаково въ отношеніи къ единообразіямъ совпаденій, какъ зависящимъ отъ общаго закона причинной связи, такъ и не зависящимъ отъ него, тотчасъ, конечно, понятіе о случайномъ совпаденіи явленій должно нѣсколько измѣниться. Подъ случайными совпаденіями должны разумѣться совпаденія, не только не зависящія посредственно или непосредственно отъ законовъ причинной связи между явленіями, но и не служащія выраженіемъ какого-либо самостоятельнаго закона сосуществованія. Понятно, что соотвѣтственно съ этимъ измѣнится и соотносительное съ понятіемъ случайнаго совпаденія понятіе эмпирическаго закона. Въ него войдетъ въ качествѣ особаго возможнаго предположенія предположеніе, что совпаденіе есть выраженіе самостоятельнаго закона сосуществованія. По ученію Милля, всѣ единообразія послѣдовательности должны объясняться изъ законовъ причинной связи. Что же касается единообразій сосуществованія, то они могутъ быть или самостоятельными законами сосуществованія или производными единообразіями вслѣдствіе усложненія отношеній между явленіями по ихъ причинной зависимости. Поэтому когда мы устанавливаемъ неслучайность единообразія сосуществованія, то эмпирическій законъ выражаетъ собственно дилемму: это единообразіе или должно выражать собою самостоятельный законъ сосуществованія или быть результатомъ какого-нибудь усложненія причинныхъ отношеній этихъ явленій. Послѣдній членъ этой дилеммы, конечно, можетъ самъ распадаться на нѣсколько болѣе частныхъ предположеній; и между ними необходимо займетъ мѣсто и такое предположеніе, что единообразно сосуществующія явленія, можетъ

быть, суть дѣйствія различныхъ причинъ, сосуществующихъ дѣятелей. И если по ученію Милля объ единообразіяхъ, зависящихъ отъ закона связи причины съ дѣйствіемъ, мы должны признать, что чѣмъ шире распредѣлены въ бытіи примѣры такого единообразія, тѣмъ болѣе исключается мысль о зависимости его отъ особыхъ распредѣленій дѣятелей, то, конечно, и при предполагаемомъ вопросѣ о производности или непроизводности извѣстнаго единообразія сосуществованія, чѣмъ шире въ бытіи распространены случаи этого единообразія, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ должно дѣлаться предположеніе о зависимости его отъ распредѣленія дѣятелей. Этимъ проблемматическимъ примѣромъ я хочу показать, что кто широту распространенія въ бытіи проявленій извѣстнаго единообразія считаетъ важнымъ факторомъ при исключеніи различныхъ предположеній относительно условности однообразій, зависящихъ отъ общаго закона причинной связи, тотъ только вслѣдствіе непослѣдовательности могъ бы думать, что эта широта распространенія единообразія не можетъ имѣть совершенно никакого значенія при опредѣленіи, путемъ исключенія, самостоятельныхъ единообразій сосуществованія; онъ не можетъ такъ думать, потому что какъ многія изъ предположеній, подлежащихъ исключенію, такъ и основанія исключенія должны часто оказываться одинаковыми въ обоихъ случаяхъ.

Если это такъ, то этимъ, повидимому, указывается и единственный по моему мнѣнію, путь, объяснить взглядъ на этотъ предметъ Милля. Милль, какъ было уже замѣчено, вовсе не обращаетъ вниманія на то, что въ объясняемомъ имъ процессѣ существенную роль играетъ исключеніе возможныхъ предположеній. Все его вниманіе исключительно сосредоточено на конечномъ желательномъ результатѣ процесса, на установкѣ съ его помощію закона природы, будетъ ли то опредѣленнаго закона причинной связи или опредѣленнаго закона сосуществованія. Онъ находитъ, что съ широтой распространенности въ мірѣ проявленій однообразія все болѣе и болѣе теряютъ значеніе предположенія о зависимости единообразія отъ случайнаго отсутствія вліяній, противодѣйствующихъ сложнымъ условіямъ, его производящимъ, и о зависимости его отъ фактическаго распредѣленія дѣятелей. И такъ какъ съ другой стороны онъ думаетъ, что при единообразіяхъ, зависящихъ отъ общаго закона причинной связи, съ устраненіемъ этихъ предположеній устраняются и всѣ предположенія о косвенной и сложной условности единообразія, а слѣдовательно получается право твердо установить законъ природы,

то онъ и указываетъ на эти процессы какъ на разъясненіе этой установки. Но съ помощью подобныхъ исключеній, по его мнѣнію, нельзя притти къ столь же опредѣленному и рѣшительному выводу, когда дѣло касается твердой установки самостоятельнаго закона сосуществованія; а поэтому эти процессы исключенія, хотя бы они и здѣсь были вполнѣ возможны и помогали ограниченію сферы возможныхъ предположеній, лишаются въ его глазахъ всякаго значенія, такъ какъ съ помощью ихъ твердо не устанавливается тотъ результатъ, который исключительно его занимаетъ.

Во всякомъ случаѣ изъ всего предшествующаго можно, мнѣ кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что если даже процессы установки эмпирическаго закона и исключенія различныхъ входящихъ въ понятіе о немъ предположеній принимать прямо въ той формѣ, какъ представляются они въ Миллевомъ объясненіи значенія широты индуктивно выведенныхъ сужденій, то все же нѣтъ никакого права думать, что они примѣнимы, когда дѣло идетъ объ единообразіяхъ одного рода, и совсѣмъ не примѣнимы, когда дѣло идетъ объ единообразіяхъ другого рода.

Еще болѣе важенъ другой недостатокъ въ развитіи у Милля общей мысли, лежащей въ основаніи разбираемаго нами его объясненія,— недостатокъ, который неблагопріятно отражается на всей постановкѣ ученія его о достовѣрности знанія.

Такъ какъ эмпиризмъ въ противоположность другимъ направленіямъ могъ указать исключительно только на частные факты какъ на послѣднее основаніе знанія, то можно бы было думать, что существенный для него вопросъ о логическомъ правѣ перехода отъ частныхъ фактовъ къ законамъ побудитъ его внимательнѣе анализировать самые эти частные факты, точнѣе уяснить себѣ, дѣйствительно ли всѣ они имѣютъ въ этомъ отношеніи совершенно одинаковое значеніе, не ошибочно ли сглаживаетъ всякое различіе между ними индукція, давая всѣмъ имъ одинаковое значеніе единичныхъ и совершенно равноцѣнныхъ примѣровъ опредѣленнаго соединенія явленій.

Прежнія работы по логикѣ указывали довольно опредѣленно пунктъ, на который эмпиризмъ съ надеждой на успѣхъ могъ сосредоточить свое вниманіе. Наука уже давно оцѣнила громадную важность экспериментаціи для установки научныхъ истинъ. Изъ писателей новаго времени, можетъ быть, самъ Милль не менѣе, чѣмъ какой нибудь другой писатель по логикѣ, обнаруживаетъ вообще живое сознаніе этой важности. Но было особое обстоятельство, которое,

какъ нужно полагать, послужило для Милля помѣхой при уясненіи значенія экспериментаціи для разрѣшенія того существеннаго для эмпиризма вопроса, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Милль обратилъ особое вниманіе на разъясненіе той мысли, что сложные индуктивные выводы, въ которыхъ очень часто и очень крупную роль играютъ факты, полученные экспериментальнымъ путемъ, зависятъ отъ предварительно полученнаго убѣжденія въ общемъ законѣ причинной связи явленій. И самое напряженное стремленіе провести эту мысль во всей ея послѣдовательности совсѣмъ затушевало въ сознаніи Милля самостоятельное значеніе экспериментаціи, не зависимое отъ подкрѣпленія, которое могутъ находить выводы изъ фактовъ, полученныхъ съ ея помощію, отъ ранѣе установленнаго закона причинной связи явленій.

Милль въ своей логикѣ посвящаетъ цѣлую главу [1]) различенію наблюденія отъ опыта и разъясненію значенія того и другого. Но это дѣлается у него подъ предположеніемъ [2]), что дѣло идетъ объ описаніи и оцѣнкѣ этихъ способовъ знакомства съ фактами, когда уже заранѣе установлена истина, что каждому факту, начинающему существовать, есть причина и что эту причину слѣдуетъ искать между фактами, которые непосредственно предшествовали этому событію. И поэтому опытъ и наблюденіе здѣсь являются [3]) какъ способы установки опредѣленныхъ причинныхъ связей между явленіями уже подъ предположеніемъ, что должны существовать какія-либо причины наблюдаемыхъ и экспериментируемыхъ явленій. Правда, въ этой же главѣ онъ между прочимъ разъясняетъ [4]), что наблюденіемъ можно доказать неизмѣнное предшедствующее извѣстнаго явленія, но никакъ небезусловное его предшествующее, не его причину, и послѣднее доказывается только экспериментомъ. Но разъясняя такъ называемый методъ различія, къ которому и сводится это экспериментальное доказательство причинной связи между опредѣленными явленіями, онъ [5]) очень опредѣленно учитъ, что этимъ методомъ доказывается причинная связь явленій лишь подъ предположеніемъ, что перемѣна, происшедшая отъ введенія извѣстныхъ фактовъ въ совокупность извѣстныхъ обстоятельствъ, должна имѣть причину. Говоря объ индукціи per enumerationem simplicem какъ методѣ, которымъ поль-

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 414—424; р. п. I. 408—417.
[2]) Ibid. I. 414; р. п. 408.
[3]) Ibid. I. 416—418; р. п. 410—411.
[4]) Ibid. I. 422—423; р. п. I. 416.
[5]) Ibid. II. 95—96; р. п. II. 88.

зовались древніе, онъ [1]) видитъ недостатокъ его въ томъ, что наблюденіе у древнихъ предполагалось пассивное, такъ какъ понятіе объ отыскиваніи отрицательныхъ инстанцій, о произведеніи ради этого опытовъ, о допрашиваніи природы принадлежитъ позднѣйшему времени; и такимъ образомъ онъ хочетъ, повидимому, указать на особое значеніе экспериментаціи, возможное и при этомъ простѣйшемъ индуктивномъ методѣ. Но на дѣлѣ это не такъ; на дѣлѣ здѣсь же онъ говоритъ, что по этому методу мы имѣемъ право заключать, лишь когда убѣждены, что если бы исключенія существовали, то мы знали бы о нихъ, а это возможно лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, подъ которыми разумѣетъ единственно индукціи съ самымъ широкимъ выводнымъ сужденіемъ, т. е. индукціи, которыя имѣютъ дѣло съ частными случаями, повсюду въ изобиліи распространенными въ природѣ. Такимъ образомъ путь, который предполагаетъ произведеніе опытовъ, активное изслѣдованіе природы, онъ разсматриваетъ какъ результатъ такого усложненія, которое предполагаетъ уже установленными простѣйшей индукціей послѣднія посылки. Поэтому, когда Милль говоритъ о простѣйшей индукціи, которой доказываются послѣднія посылки знанія и тѣмъ впервые открывается по его мнѣнію путь для всякихъ возможныхъ усложненій доказательства, то онъ можетъ, правда, разумѣть подъ фактами, которые обнимаетъ эта индукція, не только факты чистаго наблюденія, но и факты, въ произведеніи которыхъ участвовалъ человѣческій произволъ, человѣческая самодѣятельность, слѣдовательно представляющіе различныя формы экспериментированія; по моему мнѣнію, онъ даже не можетъ не подразумѣвать подъ своей простѣйшей индукціей и эти послѣдніе факты, такъ какъ почему они были бы исключены, когда они существуютъ? Но говоря объ этой индукціи, онъ совсѣмъ не выдѣляетъ эти факты изъ всѣхъ остальныхъ, не останавливаетъ на нихъ особаго вниманія, не задается вопросомъ о какомъ-нибудь ихъ особомъ значеніи для вывода. И потому-то всю силу, все значеніе доказательства этой индукціи онъ исключительно видитъ въ широтѣ получаемаго обобщенія, въ повсемѣстности распространенія случаевъ, на которыхъ она опирается. Потому-то это индуктивное доказательство разъясняется у него въ такомъ смыслѣ, какъ будто всѣ факты, одинаково наблюденія и эксперименты, имѣли для него совершенно тоже значеніе, и индукція нисколько не проигрывала бы въ своей силѣ, еслибы все

[1]) Ibid. I. 347; р. п. I. 342.

дѣло ограничивалось простыми наблюденіями и нисколько не выигрывала бы, еслибы соединялась съ экспериментаціей.

Съ этимъ же полнымъ игнорированіемъ всякаго особаго значенія экспериментаціи въ выводахъ, при которыхъ не предполагается убѣжденія въ общемъ законѣ причинной связи явленій, стояло у Милля въ неизбѣжной связи и другое ограниченіе значенія экспериментаціи, ограниченіе значенія ея исключительно выводами, относящимися къ причинной связи явленій. При признаваемомъ Миллемъ сплошномъ дедуктивномъ характерѣ математическаго знанія, на долю индукціи остается у него исключительно установка послѣднихъ посылокъ этого знанія, аксіомъ. Но всѣ послѣднія посылки знанія должны, по его мнѣнію, устанавливаться съ помощію простѣйшей индукціи, въ которой, какъ мы видимъ, особое значеніе экспериментаціи исключено, а поэтому оно не можетъ подразумѣваться и при доказательствѣ математическихъ аксіомъ. Но и вообще при индуктивной установкѣ какихъ бы то нибыло истинъ, сверхъ законовъ причинной связи явленій, значеніе экспериментаціи оказывается устраненнымъ, такъ какъ логика Милля знаетъ сложную индукцію лишь въ качествѣ пріемовъ при изслѣдованіи и доказательствѣ законовъ причинной связи, а всѣ остальныя истины, въ родѣ напримѣръ единообразій сосуществованія явленій, когда предполагается ихъ независимость отъ общаго закона причинной связи, оказываются предоставленными простѣйшей формѣ индукціи, при которой какого-либо особаго значенія экспериментаціи не предполагается.

Однако ужели все это такъ и на самомъ дѣлѣ? Конечно, нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что убѣжденіе въ общей причинной связи явленій, какъ скоро оно существуетъ и принимается въ разсчетъ, можетъ очень разнообразно входить въ наши выводы частныхъ законовъ причинной связи явленій, можетъ входить и въ тѣ выводы, которые имѣютъ дѣло съ фактами, полученными экспериментальнымъ путемъ; и входя въ эти выводы, вѣра въ законъ причинности несомнѣнно содѣйствуетъ ихъ убѣдительности. Но съ другой стороны не менѣе несомнѣнно, что фактически мы можемъ пользоваться экспериментаціей и тогда, когда мы поставили бы въ вопросъ всеобщность закона связи причины съ дѣйствіемъ, равно также какъ и при доказательствѣ такихъ положеній, которыя не представляютъ собою частныхъ законовъ этой связи. И ужели мы должны думать, что экспериментація, которая какъ экспериментація не можетъ, конечно, не отличаться отъ простого наблюденія во всѣхъ

этихъ случаяхъ не внесетъ въ процессъ вывода ничего такого, чего бы не могло бы внести въ него простое наблюденіе?

Въ вопросѣ, который теперь насъ занимаетъ, это полное игнорированіе Миллемъ особаго значенія экспериментаціи ея внѣ зависимости отъ вѣры въ законъ причинности выразилось въ томъ, что Милль вѣрную общую мысль о значеніи установки эмпирическаго закона и процесса исключенія для разъясненія перехода отъ частныхъ фактовъ къ закону неразрывно связалъ съ пассивной индукціей, въ которой всѣ факты предполагаются имѣющими одинаковое значеніе просто наблюдаемыхъ фактовъ и тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности указать на процессы, которые гораздо рѣшительнѣе и вѣрнѣе могутъ достигать требуемыхъ результатовъ.

Обратимся прежде всего къ убѣжденію въ неслучайности совпаденія опредѣленныхъ явленій.

Какъ скоро я замѣчаю, что опредѣленное явленіе С тотчасъ послѣдовало, какъ скоро я по произвольному акту рѣшимости (А) совершилъ извѣстное дѣйствіе В, то я получаю возможность повторять этотъ опытъ въ какомъ угодно мѣстѣ, въ какой угодно моментъ времени и въ какомъ угодно количествѣ случаевъ. Если опыты продолжаютъ удаваться, то прежде всего получается возможность имѣть какое угодно количество совпаденій, опредѣленно комбинированныхъ условій съ опредѣленнымъ результатомъ и такимъ образомъ восполнять сколько угодно количественный недостатокъ фактовъ, если дѣло идетъ о совпаденіяхъ, которыя не встрѣчаются сами по себѣ въ природѣ въ слишкомъ большемъ обиліи. Само собою понятно, что это значеніе экспериментаціи не требуетъ никакихъ другихъ предположеній кромѣ тѣхъ, которыя подразумѣваются вообще при допускаемой Миллемъ установкѣ эмпирическаго закона.

Но пусть дѣло идетъ о совпаденіи, случаи котораго разсѣяны въ природѣ въ достаточномъ количествѣ. Самый произволъ (А) въ выборѣ мѣста и времени для совершенія дѣйствія В, за которымъ должно послѣдовать опредѣленное явленіе С, безмѣрно понижаетъ вѣроятность случайности въ появленіи В при повтореніи опытовъ сравнительно съ пониженіемъ ея при простомъ наблюденіи того же числа случаевъ. И для того, чтобы доказать это, вовсе не нужно даже обращаться къ индетерминистическому понятію о произволѣ, котораго всѣми мѣрами избѣгаетъ современная психологія; для этого достаточно понятія о немъ какъ о рѣшимости произвести опредѣленный фактъ, руководящейся внутренними мотивами. Въ самомъ дѣлѣ, когда нашимъ произ-

воломъ опредѣляется мѣсто и время опыта, то къ случайности совпаденія явленія С съ дѣйствіемъ В прибавляется еще случайность совпаденія того же самаго явленія С съ актомъ нашей произвольной рѣшимости А, который непосредственно опредѣлялъ мѣсто и время появленія В, а чрезъ него посредственно мѣсто и время появленія С. Такимъ образомъ въ то время какъ при наблюденіи идетъ вопросъ о невѣроятности извѣстнаго числа совпаденій двухъ опредѣленныхъ событій, при экспериментаціи идетъ вопросъ о вѣроятности того же числа совпаденій, трехъ событій. Опять и здѣсь мы видимъ такое значеніе экспериментаціи, для котораго ненужно никакихъ другихъ предположеній, кромѣ тѣхъ, которыя подразумѣваются Миллемъ, когда онъ для установленія эмпирическаго закона требуетъ отъ индукціи, чтобы число совпаденій на которыя она ссылается, было болѣе, чѣмъ какое съ вѣроятностію можно объяснить простою случайностію.

Элементъ активности, произвола, характеризующій экспериментацію, на столько важенъ при установкѣ неслучайности совпаденія, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неслучайность устанавливается, повидимому, на основаніи чисто пассивнаго наблюденія, при болѣе точномъ анализѣ оказывается необходимымъ участіе той же активности, того же произвола, проявляющагося только въ иной формѣ.

Ставя В чрезъ актъ произвольной рѣшимости А и наблюдая появленіе С, мы непосредственно ставимъ вопросъ о случайности совпаденія С не просто съ В, а съ В, слѣдующимъ за А. Это, правда, усложняетъ дальнѣйшій процессъ исключенія; для него является особая задача, излишняя при установкѣ случайности путемъ простого наблюденія совпаденій С съ В,—задача опредѣлить, не совпадаетъ ли С съ В только потому, что оба они самостоятельно связаны съ произвольнымъ актомъ А. Но эта задача рѣшается безъ труда, такъ какъ мы хорошо знаемъ, что всѣ А, не соединенные съ В, несопровождаются и С, т. е. что произвольная рѣшимость, направленная на иныя дѣйствія, а не на В, никогда не сопровождается измѣненіемъ С. А между тѣмъ самая постановка вопроса о не случайности совпаденія, какъ она непосредственно дѣлается при экспериментаціи, т. е. постановка его въ такой формѣ, случайно или не случайно С совпадаетъ (не просто съ В, а) съ А, сопровождающимся В, необыкновенно облегчаетъ его рѣшеніе. Кромѣ выше указанной причины, она облегчаетъ рѣшеніе вопроса еще и потому, что всѣ случаи соединенія А съ В неизбѣжно попадаютъ въ наше наблюденіе: акты произвольной рѣшимости (А) поставить В вмѣстѣ съ самой поста-

новкой В, какъ акты моего сознанія, всѣ сполна падаютъ въ мое наблюденіе. Поэтому совершивъ рядъ такихъ актовъ и находя, что при каждомъ случаѣ соединенія А съ В наблюдались появленія С, я имѣю полное право утверждать, что во всѣхъ доселѣ бывшихъ случаяхъ соединенія А съ В, появлялось измѣненіе С. А такъ какъ случайно совпадающими явленіями называются такія, у которыхъ не предполагается какихъ-либо условій, благопріятствующихъ взаимному совпаденію ихъ болѣе, чѣмъ совпаденію ихъ съ какими-либо другими явленіями, то совпаденіе С съ А, соединенномъ съ В, являющееся безъ исключенія каждый разъ, какъ только А соединяется съ В, при сколько нибудь значительномъ количествѣ опытовъ, естественно даетъ право отрицать вѣроятность случайности такого совпаденія. Совсѣмъ инымъ оказывается дѣло, когда вопросъ о случайности или неслучайности совпаденія долженъ быть рѣшенъ на основаніи пассивнаго наблюденія надъ событіемъ В, въ произведеніи котораго совсѣмъ не участвовалъ никакой нашъ произвольный актъ А. О случаяхъ В, не вызванныхъ нашею самодѣятельностію не только нельзя сказать, что ихъ существуетъ столько, сколько наблюдается, но, наоборотъ, какъ бы ни было значительно количество случаевъ В, падающихъ въ наблюденіе, оно обыкновенно ничтожно сравнительно съ безчисленными случаями того же рода, существующими даже только въ доступной вообще нашему наблюденію части вселенной; это есть неизбѣжное слѣдствіе разнообразной ограниченности нашего воспріятія за каждый моментъ времени. А потому, если бы всѣ В, падающія въ наше воспріятіе, оказались въ сопровожденіи С, то, оставаясь строго въ предѣлахъ факта, мы могли бы утверждать только, что нѣкоторая, незначительная часть всѣхъ В совпадала съ С. И если бы мы предположили, что на основаніи сдѣланныхъ наблюденій, мы имѣемъ право относительно событій В утверждать исключительно этотъ фактъ, то не трудно видѣть, что изъ него сколько нибудь твердаго вывода о неслучайности соединенія С съ В сдѣлать было бы совершенно не возможно. Міровой процессъ въ каждый моментъ обнимаетъ безконечное количество разнообразныхъ явленій и въ каждомъ мѣстѣ всегда оказывается масса сосуществующихъ фактовъ. А поэтому, если бы не было никакихъ условій, благопріятствующихъ сосуществованію С съ В болѣе, чѣмъ сосуществованію этихъ явленій съ другими явленіями, не было бы ничего невѣроятнаго въ томъ, что изъ безконечнаго количества случаевъ существованія явленій В незначительная часть ихъ, воспринятая нами, совпала съ явленіями С. Совершенно невѣроятной случайность

этого совпаденія оказалась бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы могли утверждать, что болѣе или менѣе значительная часть всѣхъ В сопровождалась явленіями С. И если мы, встрѣчая въ наблюденіи при извѣстныхъ условіяхъ постоянное безисключительное совпаденіе С съ В признаемъ за собою законное право твердо устанавливать не случайность этого совпаденія, когда знаемъ, что попадавшіе въ наше воспріятіе случаи В, составляютъ лишь ничтожную часть безчисленнаго количества этихъ случаевъ, не падающихъ въ наше наблюденіе, то это, конечно, только потому, что считаемъ себя въ правѣ на данные въ воспріятіи случаи существованія извѣстнаго явленія, сопровождаемаго другимъ явленіемъ, смотрѣть какъ на представителей болѣе или менѣе значительной массы случаевъ этого рода, существующей въ доступной вообще нашему наблюденію части вселенной. А если это такъ, то придется признать, что дѣлаемый изъ пассивныхъ наблюденій выводъ о неслучайности опредѣленныхъ совпаденій дѣлается никакъ не непосредственно изъ того или другого количества констатированныхъ въ наблюденіи фактовъ, а дѣлается уже изъ выведенной изъ этихъ фактовъ мысли по крайней мѣрѣ о значительномъ распространеніи въ доступной нашему наблюденію части бытія извѣстнаго рода совпаденій. Вотъ на этомъ то предварительномъ выводѣ, безъ котораго не имѣлъ бы законности и самый выводъ о неслучайности совпаденій, мы и должны теперь обратить свое вниманіе и спросить: на чемъ же онъ основывается, въ силу чего мы признаемъ его законность?

Предположимъ, что мы имѣли бы въ отношеніи къ какому-нибудь классу явленій право подозрѣвать, что наше воспріятіе, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ случаевъ этого класса за разрѣшеніемъ вопроса о сопровожденіи или несопровожденіи этого явленія какимъ-либо опредѣленнымъ другимъ явленіемъ, уже по самой природѣ своей подчинено роковой тенденціи обращаться въ каждый моментъ къ тому мѣсту, гдѣ какъ разъ оказывается искомое нами совпаденіе явленій и отсутствуютъ случаи противорѣчащіе. Понятно, что мы изъ наблюденія случаевъ совпаденія, какъ они ни были бы многочисленны, не сочли бы себя въ правѣ судить о случаяхъ невоспринятыхъ, а слѣдовательно не могли бы говорить о невѣроятности случайности такихъ совпаденій въ самомъ бытіи. Это значитъ, что если мы считаемъ законнымъ смотрѣть на встрѣчающіяся въ воспріятіи случаи совпаденія опредѣленнаго явленія съ опредѣленнымъ другимъ, какъ на представителей цѣлой массы такихъ случаевъ, не падавшихъ

въ наше воспріятіе, то это только потому, что мы увѣрены, что при опредѣленіи мѣста, времени, обстоятельствъ наблюденія мы способны поступать произвольно, т. е. опредѣляться мотивами, которые не стоятъ въ какой-нибудь необходимой связи съ существованіемъ или не существованіемъ опредѣленнаго совпаденія, и могли бы быть одними и тѣми же, встрѣтились ли бы мы съ совпаденіемъ или не совпаденіемъ опредѣленныхъ явленій. Эта сознаваемая нами способность совершенно произвольно опредѣлять мѣсто, время, обстоятельства воспріятія того или другого класса явленій, и даетъ намъ право, въ случаѣ достаточно частой встрѣчи съ явленіями этого класса въ сопровожденіи ихъ опредѣленными другими, смотрѣть на самую эту встрѣчу какъ не на случайную, а какъ на зависящую отъ какихъ то условій. Неслучайнымъ здѣсь оказывается совпаденіе двухъ фактовъ, произвольной рѣшимости нашей искать явленіе извѣстнаго класса при опредѣленныхъ условіяхъ мѣста и времени, и 2) встрѣчи этого явленія въ сопровожденіи опредѣленнаго другого. Такъ какъ всѣ случаи подобной нашей произвольной рѣшимости могутъ падать въ наше наблюденіе, то мы, постоянно встрѣчая опредѣленное явленіе не иначе какъ въ соединеніи съ другимъ и имѣя такихъ наблюденій значительное количество, получаемъ право утверждать невѣроятность случайности совпаденія нашей произвольной рѣшимости наблюдать при опредѣленныхъ условіяхъ времени и мѣста со встрѣчей этого явленія въ соединеніи съ опредѣленнымъ другимъ. Сознаніе произвольности собственныхъ воспріятій заставляетъ условіе этого совпаденія относить на объектъ и только такимъ образомъ при такъ называемомъ пассивномъ наблюденіи получается то, что Милль называетъ эмпирическимъ закономъ.

Милль, какъ мы видѣли, въ своемъ объясненіи законности всякой простой индукціи отступилъ отъ понятія о ней какъ, обобщеніи, не указавъ условій, при которыхъ изъ установки эмпирическаго закона она переходитъ въ обобщеніе. А онъ могъ это сдѣлать. Для этого только нужно было не ограничиваться требованіемъ лишь значительнаго количества случаевъ. Установивъ неслучайность встрѣчи воспріятія съ опредѣленнымъ совпаденіемъ и отнесши условія ея на объектъ, мы можемъ ставить предположенія относительно этихъ условій. И опять таже произвольность воспріятія даетъ намъ возможность отыскивать данныя для исключенія различныхъ предположеній относительно этой возможной обусловленности. Мы произвольно разнообразимъ мѣсто, время и обстоятельства наблюденія, даже намѣренно

направляемъ свое наблюденіе туда и при такихъ условіяхъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ мы почему-либо можемъ предполагать возможность встрѣтить случаи, противорѣчащіе совпаденію. И если при всѣхъ подобнаго рода видоизмѣненіяхъ условій встрѣчи съ явленіемъ опредѣленнаго класса мы всегда встрѣчаемъ его въ сопровожденіи опредѣленнаго другого, то этимъ исключаются различныя предположенія о зависимости признаннаго неслучайнымъ факта встрѣчи сознанія съ опредѣленнымъ соединеніемъ явленій, напримѣръ о возможной зависимости его отъ особаго распространенія этихъ соединеній въ обычномъ районѣ нашихъ наблюденій, или среди такихъ условій, съ которыми наблюденіе обыкновенно связано и пр. п. Устраняя подобныя предположенія путемъ модификаціи условій воспріятія, мы получаемъ право объяснить этотъ фактъ, именно, что воспріятіе при всей произвольности его актовъ встрѣчаетъ опредѣленныя явленія не иначе какъ въ сопровожденіи опредѣленными другими, повсемѣстнымъ преобладаніемъ такого рода соединеній въ доступной нашему воспріятію части вселенной. Это есть процессъ, который можно назвать индукціей въ собственномъ смыслѣ. Основное предположеніе его есть произвольность актовъ нашего воспріятія. Только въ силу этой произвольности постоянныя совпаденія опредѣленныхъ явленій въ воспріятіи заставляютъ насъ смотрѣть на встрѣчу воспріятія съ такими совпаденіями какъ на фактъ неслучайный. Только произвольность воспріятія можетъ такъ разнообразить его условіе, чтобы всѣ возбуждаемыя опытомъ предположенія объ условіяхъ этой встрѣчи, кромѣ предположенія о самомъ широкомъ распространеніи совпаденія въ бытіи, исключались съ помощію цѣлесообразнаго видоизмѣненія условій встрѣчи воспріятія съ изучаемыми явленіями. Однако въ результатѣ процесса все же рѣшительнаго сужденія о всеобщности совпаденія никогда получиться не можетъ; такое заключеніе остается лишь простою неопредѣленною вѣроятностію, дальше которой заключенія простой индукціи идти не могутъ. Но при благопріятныхъ условіяхъ для исключенія легко достигается твердое и законное убѣжденіе въ чрезвычайномъ преобладаніи въ бытіи этого совпаденія. А это преобладаніе нетолько доводитъ до высшей степени невѣроятность случайности самаго совпаденія въ бытіи; но и можетъ давать матеріалъ для точнаго опредѣленія той законосообразности, которой должно объясняться это совпаденіе.

Такимъ образомъ для установки неслучайности совпаденій экспериментація, гдѣ она возможна, ведетъ къ цѣли прямѣе и рѣшительнѣе,

чѣмъ наблюденіе, и процессы установки неслучайности совпаденія, которые основываются на индукціи, опирающейся на факты пассивнаго наблюденія, все же предполагаютъ активные и произвольные акты, подобные тѣмъ, какіе предполагаетъ экспериментація.

Что касается теперь второго момента въ Миллевомъ объясненіи установки законовъ чрезъ простѣйшую индукцію, момента исключенія возможныхъ другихъ предположеній принудительнаго совпаденія явленій сверхъ предположенія о прямой и непосредственной связи между ними, то очень легко убѣдиться, какого могущественнаго средства для объясненія этой стороны дѣла лишается Милль, предоставляя достиженіе этой цѣли исключительно широтѣ обобщенія и игнорируя всякое особое значеніе экспериментаціи. Для этого стоитъ только сличить то, что самъ же онъ говоритъ о преимуществахъ экспериментаціи передъ наблюденіемъ, съ тѣми задачами, рѣшеніе которыхъ онъ предоставляетъ широтѣ обобщенія. Эта широта обобщенія, это распространеніе случаевъ совпаденія на огромное количество предметовъ должно, по его разъясненіямъ, завѣрять въ независимости совпаденія опредѣленныхъ явленій отъ того или другого опредѣленнаго распредѣленія дѣятелей и объ отсутствіи въ бытіи условій способныхъ парализовать принудительность совпаденія. Но указывая на открывающуюся при экспериментаціи возможность видоизмѣнять обстоятельства, при которыхъ должно произойти явленіе, Милль самъ говоритъ [1]), что экспериментація „въ тысячи случаяхъ даетъ возможность производить именно тотъ рядъ измѣненій, въ которомъ мы нуждаемся для того, чтобы открыть законъ явленія. Природа же, построенная отнюдь не по тому плану, чтобы облегчить намъ изслѣдованія, а по совершенно иному, рѣдко оказываетъ намъ эту услугу... Всѣ знаютъ, что опытъ даетъ намъ возможность получать неисчислимыя комбинаціи обстоятельствъ, не встрѣчающіяся въ природѣ и такимъ образомъ добавлять къ опытамъ природы множество нашихъ собственныхъ опытовъ“.

Но указывая на это преимущество экспериментаціи, Милль игнорируетъ при этомъ еще то обстоятельство, что экспериментація по самому своему понятію, какъ самодѣятельное и произвольное введеніе въ извѣстную сумму обстоятельствъ того или другого факта или тѣхъ или другихъ фактовъ, сопровождающееся извѣстными перемѣнами, сама по себѣ уже есть измѣненіе обычныхъ природныхъ усло-

---

[1]) *Mill*. Syst. of Log. I. 417—418; р. п. I. 411—412.

вій и очень существенное, совершенно независимо отъ того, представляетъ ли соединеніе извѣстнаго факта съ извѣстными обстоятельствами, которое совершается экспериментаторомъ, необычное въ природѣ соединеніе или не представляетъ. Самое появленіе вводимаго произвольно факта въ извѣстную сумму обстоятельствъ есть при экспериментаціи результатъ произвольной человѣческой дѣятельности, которая руководится простыми представленіями о предметахъ и фактахъ и желаніемъ достигнуть поставленныхъ цѣлей. Здѣсь слѣдовательно мы несомнѣнно имѣемъ совершенно новый, никогда не могущій произойти, внѣ предѣловъ дѣятельнаго вліянія человѣческаго сознанія на природу, случай, при которомъ встрѣча опредѣленнаго факта съ опредѣленными обстоятельствами зависитъ отъ опредѣленныхъ психическихъ состояній, отъ фактовъ человѣческаго сознанія. Это не только перемѣна въ условіяхъ, при которыхъ обыкновенно происходятъ въ природѣ соединенія этого факта съ этими обстоятельствами, но и перемѣна очень важная уже потому, что наглядно свидѣтельствуетъ, что для наступленія событія, ожидаемаго нами и наблюдаемаго при произвольномъ соединеніи извѣстнаго факта съ извѣстными обстоятельствами, не имѣютъ никакого значенія тѣ матеріальные факты, можетъ быть намъ и совсѣмъ неизвѣстные или не вполнѣ извѣстные, которые при обыкновенномъ теченіи природы, безъ вторженія въ нее человѣческой самодѣятельности, служатъ условіями самаго этого соединенія опредѣленнаго факта съ опредѣленными обстоятельствами. Возможное вліяніе всѣхъ этихъ условій на ожидаемое измѣненіе сразу исключается, такъ какъ эти условія замѣняются теперь зависящими отъ нашихъ психическихъ состояній, извѣстными намъ движеніями органовъ нашего тѣла, которыя, будучи направлены на другіе предметы, какъ это намъ хорошо извѣстно, никакъ не сопровождаются перемѣнами, соотвѣтствующими наблюдаемой. Экспериментація, такимъ образомъ, сама собою исключаетъ цѣлую массу предположеній о разнообразныхъ посредственныхъ, косвенныхъ зависимостяхъ наблюдаемой перемѣны. Если мы обыкновенно живо не чувствуемъ, какую огромную услугу съ этой стороны доставляетъ намъ самодѣятельная установка условій событія при экспериментаціи, то это, какъ мнѣ кажется, происходитъ исключительно благодаря тому, что этого рода активность проявляется нами не при научной экспериментаціи только, а въ каждый моментъ нашей жизни, при всякаго рода неисчислимыхъ измѣненіяхъ, производимыхъ нами самодѣятельно въ окружающей насъ средѣ. Эти безчисленные факты

помогаютъ намъ составить огромный запасъ свѣдѣній о несущественныхъ, не имѣющихъ значенія обстоятельствахъ при всякаго рода перемѣнахъ. И этимъ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, которымъ мы обязаны именно нашей активности, произвольной самодѣятельности, мы, конечно, пользуемся и при нашихъ пассивныхъ наблюденіяхъ. А поэтому и при этихъ пассивныхъ наблюденіяхъ оказывается уже исключенной масса предположеній, которыя даже и не ставятся нами и не придутъ намъ на мысль, а если бы пришли на мысль, то показались бы намъ до очевидности нелѣпыми. Но они не ставятся потому, что уже заранѣе устранены; они представляются нелѣпыми, по крайней мѣрѣ преимущественно благодаря результатамъ той эксперементаціи, не задающейся научными цѣлями, которая охватываетъ сплошь всю нашу жизнь и поэтому безконечно богата своими результатами.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, во-первыхъ, то, что никакая широта обобщенія, даже по взгляду самого Милля, не можетъ дать такого наиболѣе желательнаго въ интересахъ процессовъ исключенія разнообразія случаевъ совпаденія, какое можетъ создавать экспериментація, конечно, тамъ и въ той степени, гдѣ и въ какой степени мы успѣваемъ подчинить явленія своему произволу. Во-вторыхъ, изъ сказаннаго же мы видимъ, что самая возможность достигать опредѣленныхъ результатовъ съ помощію процессовъ наблюденія въ значительной степени зависитъ отъ результатовъ, которые получаются отъ всей практической произвольной дѣятельности человѣка; а эта дѣятельность, правда, отличается своими цѣлями отъ экспериментаціи, но имѣетъ въ своемъ основаніи тѣ же начала, что и экспериментація, и можетъ достигать тѣхъ же результатовъ, когда эти результаты не требуютъ особыхъ тонкихъ и искусственныхъ приспособленій. Думать, что процессъ исключенія при помощи экспериментаціи нуждается въ такихъ предположеніяхъ, отъ которыхъ свободенъ процессъ исключенія, совершаемый на наблюденіяхъ, мнѣ представляется большой психологической ошибкой, такъ какъ при этомъ забывается, что многіе результаты, получаемые изъ наблюденія, мы имѣемъ лишь вслѣдствіе той опытности, какою владѣемъ мы, благодаря тому, что мы не только зрители, но и дѣятели въ мірѣ.

Съ другой стороны ограниченіе значенія экспериментаціи установкой законовъ послѣдовательности явленій, ограниченіе, которое стоитъ у Милля въ тѣсной связи съ мыслію о зависимости особаго значенія экспериментаціи отъ вѣры въ общій законъ причинной связи явленій,

по моему мнѣнію, есть чистое предубѣжденіе, ровно ни на чемъ не основанное. Если Милль хочетъ доказывать, что основаніемъ нашего убѣжденія въ математическихъ аксіомахъ исключительно служитъ индукція, то нельзя не признать, что онъ самъ лишилъ себя возможности развить этотъ взглядъ съ наибольшимъ правдоподобіемъ, когда оставляетъ за фактами этой индукціи лишь то значеніе, которое могутъ имѣть простые факты наблюденія. Ужели всѣ средства и усилія, которыя я могу употребить дѣлая попытки создать чертежъ, противорѣчащій той или другой аксіомѣ, имѣютъ совершенно то же значеніе для убѣжденія въ истинности аксіомы, какъ подобное же количество встрѣтившихся мнѣ въ опытѣ чертежей, соотвѣтствующихъ аксіомѣ? Выше по другому поводу я уже имѣлъ случай разъяснять, что съ точки зрѣнія эмпиризма для убѣжденія въ аксіомѣ не всѣ конструкціи могутъ имѣть одинаковую цѣну; и во всякомъ случаѣ при созданіи чертежа, подобно какъ и при всякой эмпериментаціи, я могу прямо руководиться цѣлію создать такіе чертежи, которые наиболѣе содѣйствовали бы исключенію возникающаго во мнѣ предположенія о зависимости связи явленій, о которомъ говоритъ аксіома, отъ того или другого условія, которое можетъ быть устранено при извѣстныхъ условіяхъ построенія. Пусть природа въ формахъ и очертаніяхъ безчисленныхъ предметовъ, входящихъ въ нее, исчерпываетъ всевозможныя геометрическія формы при всевозможныхъ условіяхъ ихъ конструкціи; но вѣдь мнѣ никогда не переглядѣть всѣхъ этихъ формъ и очертаній во всѣхъ безчисленныхъ предметахъ, и не всегда возможно найти какъ разъ тѣ образы и очертанія, которые представляются необходимыми для устраненія возникающаго во мнѣ предположенія. Все равно, есть или не есть въ природѣ конструкція, созданная при опредѣленныхъ условіяхъ, могу или не могу я найти ее,—фактъ остается фактомъ: я могу при помощи произвольныхъ построеній при произвольно выбранныхъ условіяхъ дѣлать какія мнѣ угодно попытки нарочито разорвать ту связь между опредѣленными свойствами, которая предполагается аксіомой и такимъ образомъ убѣждаться въ этой неразрывности. И на точкѣ зрѣнія Милля, признающаго опытный характеръ убѣжденія въ аксіомахъ, едва ли можно сдѣлать какое-либо серьезное возраженіе противъ мысли, что такимъ путемъ, чрезъ произвольное построеніе случаевъ, наиболѣе ведущихъ къ цѣли, наиболѣе нужныхъ мнѣ, на столько же скорѣе и вѣрнѣе я могу достигнуть этой цѣли, на сколько скорѣе и вѣрнѣе достигну подобной же цѣли при экспери-

ментаціи во всѣхъ другихъ случаяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что доказательство, построенное на такого рода экспериментированіи, не нашло бы для себя точной формулы среди тѣхъ сложныхъ формулъ индуктивнаго доказательства, которыя нашли подробное разъясненіе въ логикѣ Милля и которыя имѣютъ въ виду установку частныхъ законовъ причинной связи явленій. Но это доказываетъ только, что выводы, которые основывались бы на такого рода эмпериментахъ, требуютъ еще своего логическаго анализа, хотя фактическая возможность ихъ едва ли подлежитъ спору.

Итакъ Милль справедливо думаетъ, что съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія возможенъ переходъ отъ частныхъ фактовъ къ закону. Ошибка его при раскрытіи этой мысли прежде всего состоитъ въ томъ, что давая сбивчивое и невѣрное общее понятіе объ этомъ переходѣ, онъ болѣе правильное разъясненіе его пріурочиваетъ исключительно къ явленіямъ, зависящимъ отъ общаго закона причинной связи. Затѣмъ еще болѣе важная ошибка его при послѣдовательномъ проведеніи общей теоріи состоитъ въ игнорированіи огромной роли, какую играетъ въ выводахъ этого рода активность человѣческаго сознанія.

Но для оцѣнки взгляда Милля для насъ недостаточно знать, что обще-научное сознаніе допускаетъ переходъ отъ частныхъ фактовъ къ общимъ законамъ. Для насъ, сверхъ того, нужно по возможности точнѣе опредѣлить, какое толкованіе должна получить эта допускаемая съ точки зрѣнія обще-научнаго сознанія мысль при послѣдовательномъ развитіи доктринъ новаго эмпиризма.

М. Каринскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КОНЕЦЪ НЕОЛИТИЧЕСКАГО ВѢКА И ЕГО НАСЕЛЕНІЕ ВЪ ИТАЛІИ[1]).

Неолитическій вѣкъ въ Италіи и на островахъ ея не представлялъ собой одной культурной фазы, а имѣлъ постепенный ходъ развитія, какъ его имѣетъ и вся человѣческая жизнь на землѣ. Начало этого вѣка теряется въ той переходной эпохѣ, которая стоитъ между нимъ и палеолитическимъ вѣкомъ и существованіе которой, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи, какъ, напримѣръ, въ Лигурійскихъ пещерахъ (Balzi Rossi), въ Передовыхъ Веронскихъ Альпахъ и въ долинѣ Вибраты, въ одной изъ интереснѣйшихъ при-адріатическихъ мѣстностей, можетъ считаться несомнѣннымъ. Затѣмъ мы видимъ его развитіе въ сохранившихся по всей материковой и отчасти островной Италіи въ хижинахъ-ямахъ (fondi di capanne), въ природныхъ и искусственныхъ пещерахъ или гротахъ и даже въ нѣкоторыхъ озерныхъ палафиттахъ Западной Ломбардіи, о которыхъ мы будемъ говорить въ свое время.

Разсматривая эти мѣста, сохранившія намъ многочисленные слѣды неолитической культуры, мы видимъ, что культура эта имѣетъ фазы— *раннюю* и *позднюю*, съ которою связана эпоха перехода къ бронзовому періоду. Главными характеристическими признаками ранней эпохи служитъ то, что въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ орудій, каковы ясно

---

[1]) Статья эта представляетъ отрывокъ (III главу) большого сочиненія автора, подъ заглавіемъ „Введеніе въ римскую исторію" (Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи), первая часть котораго появится въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Сочиненіе будетъ снабжено многочисленными автотипическими таблицами, которыхъ мы здѣсь не прилагаемъ. *Примѣчаніе автора.*

опредѣленные, и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразныхъ формъ, наконечники стрѣлъ, большіе кремневые кинжалы, просверленные топоры и молоты, нѣтъ рѣдкихъ минераловъ,—предметовъ, находимыхъ уже въ верхнихъ неолитическихъ слояхъ жилищъ и погребеній, или появляющихся тамъ, гдѣ неолитическая эпоха является уже прямо въ своей новой фазѣ, каковы, напримѣръ, озерныя палафитты, и такія „основанія хижинъ" и могилы, которыя содержатъ въ себѣ уже предметы изъ *мѣди*. Присутствіе въ археологическихъ слояхъ этой послѣдней обозначаетъ уже конецъ неолитической эпохи и переходъ къ бронзовой. Понятно, что мѣстъ, гдѣ находятся единственно слѣды ранней фазы неолитическаго вѣка, гораздо меньше, чѣмъ мѣстъ съ археологическими слоями поздней фазы этого періода, такъ какъ, согласно съ вѣрнымъ замѣчаніемъ Колини [1]), необходимо допустить, что мѣста, наиболѣе пригодныя для обитанія человѣка, по своему положенію, по близости воды, по условіямъ защиты и пропитанія и т. п., не переставали быть обитаемы въ теченіе послѣдующихъ періодовъ.

Мѣста ранней неолитической фазы.

Къ мѣстамъ, представляющимъ собой исключительно раннюю неолитическую фазу, относятся, какъ это съ подобающимъ авторитетомъ указываетъ тотъ же Колини [2]), четыре группы неолитическихъ хижинъ-ямъ въ провинціи Реджо, въ Эмиліи: Альбинеа, Ривальтелла, Нижнее Кастельново и Калерна, хижины въ провинціяхъ Пьяченцы, Брешіи, Мантуи, Модены, къ которымъ присоединяется станція Буза дель-Адамо въ области Тренто. Затѣмъ такія мѣста неолитической культуры, которыя слѣдуетъ отнести къ древнѣйшей ея фазѣ, находятся въ хижинахъ долины Вибраты (въ провинціи Терамо), въ стоянкахъ, прилегающихъ къ Лезинскому озеру (въ Капитанатѣ), въ стоянкѣ на рѣкѣ Кераско въ провинціи Кунео и въ тѣхъ многочисленныхъ природныхъ пещерахъ, въ которыхъ не было найдено наконечниковъ стрѣлъ. Къ этимъ пещерамъ, куда прежде всего относятся наиболѣе древнія по археологическому содержанію Лигурійскія пещеры, каковы Balzi Rossi, затѣмъ пещера Дьявола на мысѣ Левка, которая дала массу каменныхъ, костяныхъ и глиняныхъ предметовъ, пещеры Соломона и св. Ангела въ долинѣ Вибраты, нѣкоторыя

[1]) *Bullettino di paletnologia Italiana*, 1899 (XXV), p. 147.

[2]) Ibid. p 248—250, гдѣ указывается и обильная спеціальная литература, относящаяся къ этому предмету.

изъ пещеръ Ближняго и Дальняго Абруццъ, пещера Чиккетти близъ Матеры (въ Базиликатѣ), пещера Капрайо въ горахъ Нарни (провинціи Терни) и нѣкоторыя другія, менѣе изслѣдованныя.

Мѣста позднѣйшей неолитической фазы.

Новая фаза неолитическаго вѣка является въ верхнихъ слояхъ многихъ природныхъ пещеръ, въ искусственныхъ погребальныхъ гротахъ, въ хижинахъ, построенныхъ на поверхности земли, въ могилахъ на открытомъ мѣстѣ, наконецъ въ палафиттахъ нѣкоторыхъ озеръ Верхней Италіи. Она всего болѣе характеризуется наконечниками стрѣлъ извѣстной треугольной формы, съ прямымъ или вогнутымъ основаніемъ, съ ножкой и безъ ножки, съ крылышками и безъ крылышекъ, и чѣмъ дальше къ концу неолитическаго вѣка, тѣмъ этого каменнаго оружія больше, и тѣмъ его отдѣлка чище и формы красивѣе. Надобно впрочемъ замѣтить, что наконечниковъ стрѣлъ гораздо меньше на островахъ (въ Сициліи совсѣмъ мало), чѣмъ на материкѣ Италіи, и притомъ на этомъ послѣднемъ обиліе ихъ въ разныхъ мѣстахъ неодинаково. Такъ, въ Лигурійскихъ пещерахъ, въ которыхъ археологическій слой доходитъ до историческихъ временъ, они очень рѣдки, какъ и въ Пьемонтѣ, но за то большое изобиліе въ стоянкахъ подъ восточными Альпами, въ долинѣ По, въ палафиттахъ (не раннихъ, какова Лагоцца) каменнаго и бронзоваго періодовъ, въ могильникахъ на открытомъ пространствѣ, каковъ могильникъ Ремеделло въ провинціи Брешіи; далѣе, особенно много ихъ въ Средней Италіи—въ Тосканѣ, Умбріи, Лаціумѣ и въ Южной—въ Кампаніи и Базиликатѣ. Главной ихъ порой былъ энеолитическій періодъ каменнаго вѣка, бывшій заключеніемъ послѣдняго.

Энеолитическій періодъ и важнѣйшія его мѣста.

На этомъ энеолитическомъ періодѣ намъ нужно нѣсколько остановиться.

Въ обозрѣніи слѣдовъ неолитическаго вѣка въ Италіи мы видѣли его заключительную фазу, энеолитическій періодъ, то-есть присутствіе мѣди въ чисто неолитической культурной обстановкѣ въ Лаціумѣ (Сгургола, Канталупо-Мандела), въ Тосканѣ (Кампиньяно, Монте Брадони) въ Умбріи (Поджо Аквилоне) и могли видѣть во многихъ другихъ мѣстахъ, но не имѣли пока въ томъ надобности. Для насъ было важно указать слѣды неолитической культуры въ Лаціумѣ, который

служитъ исходной точкой нашего изслѣдованія, и показать связь его въ культурномъ отношеніи этой эпохи съ ближайшими къ нему мѣстностями, каковы южная Тоскана и Умбрія. Но, собственно говоря, эта заключительная фаза каменнаго вѣка, какъ слѣдуетъ думать, распространена по всей Италіи; по крайней мѣрѣ, мы находимъ многочисленные слѣды ея и на сѣверѣ, и въ центрѣ, и на югѣ, именно начиная отъ подъ-альпійскихъ озеръ до Сициліи включительно. Самыми богатыми и въ то же время наиболѣе характеристическими представителями энеолитическаго періода являются намъ два пункта: одинъ на сѣверѣ Италіи, другой на югѣ. Первый есть могильникъ Ремеделло-Сотто въ провинціи Брешіи; другой выступаетъ предъ нами въ искусственныхъ гротахъ Сиракузской провинціи въ лицѣ такъ-называемаго *перваго* Сикульскаго періода, по терминологіи Орси, почти всѣми принятой по отношенію къ до-исторической эпохѣ этого богатѣйшаго археологическими остатками острова.

Могильникъ Ремеделло-Сотто.

Могильникъ Ремеделло-Сотто впервые былъ изслѣдованъ однимъ изъ основателей итальянской палео-этнологіи, Каэтано Кьеричи, сообщившимъ о результатахъ этого изслѣдованія въ 1884 году въ основанномъ имъ 1875 году вмѣстѣ съ Пигорини и Стробелемъ *Bullettino di Paletnologia Italiana* [1]). Такъ какъ важность такого некрополя была очевидна, то его раскопки, при участіи того же Кьеричи, продолжались и въ 1885 году, а по смерти Кьеричи въ 1886 году, съ большимъ успѣхомъ участникомъ въ предыдущихъ раскопкахъ дономъ Луиджи Рудзененти, опубликовавшемъ добытые имъ результаты въ мѣстномъ (брешіанскомъ) періодическомъ изданіи [2]). Раскопками этими было установлено, что тутъ находится обширный некрополь, содержащій въ себѣ многія сотни могилъ и притомъ разныхъ періодовъ. Важнѣйшій могильникъ въ этомъ некрополѣ принадлежитъ энеолитическому періоду, который тутъ занимаетъ совершенно опредѣленную площадь, не смѣшиваясь съ другими эпохами. Эти другія эпохи, оставившія тутъ свои могилы, принадлежатъ періодамъ: этрусскому, именно періоду при-болоньскихъ могильниковъ—Марцаботто и Чертозы, галльскому и галло-римскому. Кромѣ могилъ были найдены

---

[1]) См. *Bullettino* 1884 (X), p. 153 sq., гдѣ и появилось въ первый разъ въ Италіи названіе *энеолитическаго періода* (p. 151).

[2]) *Commentari dell' Ateneo di Brescia*, 1886.

и слѣды обиталищъ всѣхъ обозначенныхъ здѣсь періодовъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь населеніе, жившее съ конца неолитическаго вѣка до римскихъ временъ включительно, съ пустымъ промежуткомъ лишь для бронзоваго вѣка и для начала желѣзнаго.

Насъ занимаетъ въ данномъ случаѣ лишь энеолитическій періодъ, который по отношенію къ этому могильнику тщательно разработанъ, какъ мы не разъ упоминали, инспекторомъ до-историческаго музея въ Римѣ проф. Анджело Колини [1]), представляющимъ собой въ послѣдніе годы одного изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ Пигорини по изданію его вышеупомянутаго журнала по итальянской палео-этнологіи. Главное достоинство этого замѣчательнаго труда заключается въ томъ, что, располагая огромнымъ палео-этнологическимъ матеріаломъ, какой представляетъ въ настоящее время римскій до-историческій музей, и время отъ времени совершая поѣздки, для изученія музеевъ, въ разныя мѣста Италіи, Колини, обладающій при этомъ въ своей области еще большой эрудиціей дѣлаетъ обширныя сравненія матеріала, доставляемаго могильникомъ Ремеделло, съ неолитическимъ и энеолитическимъ матеріаломъ Италіи и сосѣднихъ съ нею странъ,— Испаніи съ Португаліей, Франціи, Швейцаріи, южной Германіи и Австріи. Словомъ, это одна изъ лучшихъ работъ, какія были сдѣланы въ послѣднее десятилѣтіе въ области палео-этнологіи въ Италіи.

Руководясь этой работой, исчерпывающей собранныя раньше данныя, мы можемъ сообщить объ энеолитической части некрополя Ремеделло-Сотто слѣдующее:

Энеолитическій могильникъ, какъ показываетъ у Колини планъ цѣлаго некрополя на таблицѣ I, былъ самымъ южнымъ на той площади, на которой расположенъ цѣлый некрополь. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ—южнаго и сѣвернаго, изъ которыхъ каждый имѣлъ форму паралеллограмма. Южный отдѣлъ простирается отъ востока къ западу на 90 метровъ, а отъ юга на сѣверъ на 60. Могилы, выкопанныя въ землѣ, какъ выкапываются и наши могилы, были расположены правильными и параллельными рядами, отстоявшими одинъ отъ другого на 2 метра въ направленіи отъ востока къ западу, а одна могила отъ другой въ каждомъ ряду отстояла на 6 метровъ. Но во главѣ ряда могилы образовывали *собой* группы въ двѣ или три

---

[1]) Въ *Bullettino di paletnol. Italiana*, 1898—1901 (XXIV—XXVII); отдѣльный оттискъ, подъ заглавіемъ: Il sepolcreto di Remedello-Sotto nel Bresciano e il periodo eneolitico in Italia. Parte prima, Parma 1899. Parte seconda, 1900.

могилы, заключая въ себѣ скелеты взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ. Наиболѣе важныя могилы, съ болѣе виднымъ могильнымъ убранствомъ, находились въ серединѣ и принадлежали только взрослымъ лицамъ, и чѣмъ ближе къ бокамъ, тѣмъ могилы были бѣднѣе и принадлежали нерѣдко лицамъ несовершеннолѣтнимъ и младенцамъ. Есть признаки, что по срединѣ могильника шла дорожка отъ сѣвера къ югу. Въ сѣверномъ отдѣлѣ могильника могилы были расположены группами, заключая въ каждой группѣ разныя градаціи по возрасту, по убранству, а иногда и соединяя въ группѣ оба пола. Но кромѣ этихъ, правильно расположенныхъ, отдѣленій могильника, находились и разсѣянныя тамъ и сямъ могилы того же энеолитическаго періода, съ очень скуднымъ убранствомъ или и вовсе безъ таковаго. Одинъ изъ участниковъ раскопокъ, Бандьери, дѣлаетъ не лишенное основательности предположеніе, что въ южномъ отдѣлѣ могильника погребались лица, болѣе важныя въ общинѣ, съ ихъ семействами; сѣверный былъ предоставленъ массѣ населенія, при чемъ мѣста были распредѣлены по семьямъ, а въ разсѣянныхъ могилахъ, внѣ могильника, погребались лица низшаго общественнаго положенія. Всѣхъ могилъ разрыто 117, а общее число ихъ должно быть не менѣе 300, такъ какъ въ самомъ могильникѣ разрыто лишь около половины могилъ, а внѣ его даже и менѣе десятой части ихъ. Глубина могилъ вообще не велика, отъ m. 0,60 до m. 1,10. Никакихъ видимыхъ знаковъ для обозначенія могилъ не было, или они не сохранились.

Мы входимъ во всѣ эти подробности потому, что здѣсь передъ нами въ первый разъ въ неолитическомъ вѣкѣ открывается, и притомъ уже достаточно изслѣдованный, могильникъ новаго типа, не пещерный, а открытый, и представляющій особенности, какихъ мы въ болѣе раннія стадіи этого вѣка не видѣли. Могилы здѣсь имѣютъ яйцевидную форму съ вогнутымъ дномъ и съ углубленіемъ въ боку для скорченныхъ ногъ. Трупы или, лучше, скелеты клались прямо въ землю безъ гробовъ. Каждая могила почти безъ исключенія содержала въ себѣ *одного* покойника. Положеніе его здѣсь уже не было, какъ въ болѣе раннее время, исключительно на лѣвомъ боку: нѣкоторые изъ скелетовъ, хотя рѣдкіе, лежали на правомъ боку, другіе, чаще, на спинѣ. Эти послѣдніе обыкновенно держали руки и ноги въ протянутомъ положеніи, особенно женщины. Нашелся одинъ скелетъ, который, лежа на спинѣ, подогнулъ ноги. Обыкновенно же скорченное положеніе принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которые лежатъ на лѣвомъ боку,—черта, общая всему неолитическому періоду. Въ нѣсколь-

кихъ случаяхъ скелетъ оказался неполнымъ, что̀ даетъ поводъ Колини видѣть фактъ,—повторяющійся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ,—погребенія трупа, уже раньше погребеннаго въ другомъ мѣстѣ и сюда принесеннаго для окончательнаго погребенія уже въ видѣ костяка послѣ произведенной декарнизаціи трупа [1]). Въ направленіи, въ какомъ лежали скелеты, соблюдалась извѣстная оріентировка: лежавшіе въ скорченномъ положеніи на лѣвомъ боку скелеты были обращены почти всегда головой къ сѣверо-западу или къ с.-с.-западу, лицо ихъ было обращено къ сѣверу или къ востоку; скелеты, лежавшіе распростертыми, были постоянно обращены головой къ югу и ногами къ сѣверу или къ сѣверо-востоку; лежавшіе на правомъ боку были обращены головой къ сѣверу-востоку и смотрѣли на юго-востокъ. Могильное убранство состояло всего чаще изъ кремневыхъ кинжаловъ и наконечниковъ стрѣлъ, не такъ часто изъ полированныхъ топоровъ. Вмѣсто каменныхъ кинжаловъ и топоровъ лежали иногда мѣдные. Глиняная посуда почти исключительно сопровождала костяки женщинъ. Оружіе въ могилахъ мужчинъ лежало въ извѣстномъ порядкѣ: кремневые кинжалы обыкновенно лежали впереди покойника, на высотѣ пояса, но такъ, что близъ ихъ основаній находилась кисть правой руки, а металлическіе—на груди остріемъ къ верху. Въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены остатки животной пищи, а въ землѣ, которою зарывались могилы, были иногда находимы остатки угля, что, повидимому, свидѣтельствуетъ о пиршествахъ надъ могилами.

Важность этого могильника.

Такой большой могильникъ, каковъ Ремеделло, и притомъ съ такими опредѣленными чертами извѣстной эпохи, естественно можетъ служить типомъ могильниковъ этой эпохи въ другихъ мѣстахъ страны. И дѣйствительно, онъ представляетъ удобную почву для сравненій со всѣми тѣми мѣстами, гдѣ проявилась культура конца неолитическаго періода, культура энеолитическая. На эту общность многихъ могилъ и могильниковъ другихъ мѣстъ съ энеолитическимъ могильникомъ Ремеделло во всемъ томъ, что̀ касается погребальнаго обряда и могильнаго убранства, указывалъ еще Кьеричи [2]), пользуясь, глав-

[1]) Эту декарнизацію мы потомъ встрѣтимъ въ огромныхъ размѣрахъ въ неолитическую эпоху въ Сициліи, но она была свойственна не одному неолитическому населенію Италіи и Сициліи.

[2]) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1884 (X). Статья Кьеричи носитъ заглавіе: I Sepolcri di Remedello nel Bresciano e i Pelasgi in Italia, p. 133—164.

нымъ образомъ, извѣстными уже тогда могилами въ Сгурголѣ и Канталупо-Манделѣ, въ Лаціумѣ, и могильникомъ въ Кумаролѣ, въ Моденской провинціи. Но съ тѣхъ поръ свѣдѣнія о могильникахъ этого рода сильно расширились, и поле для сравненія широко раздвинулось. Въ разныхъ мѣстахъ Эмиліи, въ Тосканѣ, въ Маркахъ, въ Абруццахъ, даже на островахъ—Сардиніи, Пьянозѣ и Сициліи, набралась масса матеріала, ставящаго могильникъ Ремеделло въ тѣсную связь съ близкими и отдаленными мѣстностями. Повсюду видна въ нихъ та же форма погребенія и скорченное положеніе на лѣвомъ боку съ господствующимъ обращеніемъ лица къ востоку или къ сѣверо-востоку, тѣ же трехугольные кинжалы, тѣ же трехугольные съ крылышками и съ ножкой кремневые наконечники стрѣлъ, тѣ же плоскіе топоры уже не только каменные, но, главнымъ образомъ, мѣдные, къ которымъ присоединяются еще, хотя не въ большомъ количествѣ, молотки съ отверстіемъ. Тутъ видно, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, съ одной стороны, наслѣдство чисто неолитическаго періода, какъ въ погребальномъ обрядѣ, такъ и въ части содержанія могильнаго убранства, съ другой—новыя вліянія, общія концу неолитическаго періода, краткая характеристика котораго дана нами выше. Колини съ большою тщательностью и подробностью провелъ сравненіе Ремеделльскаго могильника со всѣми болѣе или менѣе изслѣдованными мѣстами, соотвѣтствующими ему на материкѣ Италіи и на островахъ ея, принадлежатъ ли они къ искусственнымъ и природнымъ гротамъ, или къ могильникамъ на открытомъ пространствѣ, и для наглядности сравненія далъ около тридцати таблицъ съ изображеніями каменныхъ и мѣдныхъ орудій и керамики изъ могилъ Ломбардіи, Тосканы, Эмиліи, Марокъ, Абруццовъ, Кампаніи, Лаціума, Венеціанской области и острова Сардиніи. Но онъ только отчасти коснулся Сициліи, гдѣ энеолитическій вѣкъ получилъ особое развитіе.

Энеолитическія могилы на островѣ Сициліи.

Энеолитическій періодъ Сициліи разсмотрѣнъ нами, на основаніи раскопокъ Орси въ трудѣ „О происхожденіи сикуловъ“ [1]) и потому мы здѣсь коснемся его настолько, насколько того требуетъ сопоста-

[1]) См. въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, ноябрь. Въ отдѣльномъ оттискѣ (С.-Пб. 1898) энеолитическому періоду отведены страницы 31—45. Дополненіе къ этому труду составляетъ статья въ томъ-же журналѣ (май, 1899 г.) подъ заглавіемъ: „Еще о Сикулахъ“ и проч., стр. 113 слд.

вленіе его съ тѣмъ, чѣмъ этотъ періодъ выразился на материкѣ Италіи. Представителемъ его на островѣ служатъ, главнымъ образомъ, могилы близъ Мелилли и въ Кастеллуччо, въ провинціи Сиракузы. Могилы эти, очень многочисленныя, устроены въ скалахъ, имѣютъ круглое или эллиптическое очертаніе, состоятъ изъ камеръ, которымъ чаще всего предшествуетъ небольшое преддверіе съ отверстіемъ наружу, имѣющимъ видъ печного отверстія или окна, и потому называются у итальянскихъ археологовъ tombe a forno, иногда tombe a finestra. Могильная камера, въ древнѣйшихъ могилахъ малопомѣстительная (m. 1,50 въ діаметрѣ средней величины), съ очень низкимъ сводомъ (самая большая высота въ Мелилли 90 сант.), такъ что для входа въ нее надобно было ползти, отдѣляясь отъ преддверія въ формѣ корридора (δρόμος у грековъ), иногда же вырытаго въ формѣ колодца, имѣла отверстіе, которое закрывалось замѣнявшимъ дверь камнемъ или плитой. Въ каждой камерѣ лежало по нѣскольку скелетовъ (иногда больше двухъ десятковъ), принадлежавшихъ, конечно, отдѣльнымъ семействамъ. Уже самая скученность скелетовъ на тѣсномъ пространствѣ показываетъ, что клались сюда не цѣльные трупы, а лишенные мягкихъ частей скелеты, обыкновенное положеніе которыхъ было также скорченное, но они лежали не на боку, а скорѣе на спинѣ съ поджатыми ногами. Положеніе въ могилы не труповъ, а скелетовъ не есть исключительная принадлежность Сициліи, а свойственно многимъ странамъ въ неолитическую эпоху, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы, а равно и сѣверной Африкѣ (Тунису), какъ и самому материку Италіи [1]). Что же касается до скорченнаго положенія на лѣвомъ боку, то оно было распространено въ эту эпоху едва ли не по всему европейскому материку, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыхъ курганахъ южной Россіи, равно какъ въ Азіи и Африкѣ [2]) и потому такъ же, какъ и декарнизація труповъ, не представляетъ сикульской особенности, а распространенность обычая между разными народами, разсѣянными на огромномъ пространствѣ, и исключаетъ потребность связывать его съ особенностями какой-либо опредѣленной расы, какъ и обычай декарнизаціи труповъ, также очень распространенный въ древнемъ мірѣ. Не есть также сицилійская особенность

---

[1]) См. статьи Пигорини въ Atti академіи Линчеевъ 1884: Sul costume dell'età neolitica disappelire le ossa umane già scarnite, а также *Hostmann*, Das Skelettiren der Leichen. Schweig., 1890.

[2]) Подробнѣйшая библіографія и указанія по этому вопросу собраны у Колини въ *Bullett. di paletn. Ital.* 1898 (XXIV), p. 240—242.

извѣстное устройство въ стѣнахъ горъ погребальныхъ пещеръ или гротовъ, которое было въ употребленіи не только на материкѣ Италіи, но и на островахъ ея, именно на Сардиніи и Пьянозѣ, о чемъ у насъ была рѣчь раньше, и которое съ древнѣйшихъ временъ употреблялось на востокѣ (въ Египтѣ, на о. Критѣ, въ Финикіи и проч.) и перешло на западъ черезъ Пиринейскій полуостровъ во Францію, въ Ирландію, Шотландію, Голландію, Германію, Данію и Швецію [1]).

Особыя формы керамики въ Сициліи и раскраска сосудовъ.

Отличіе сицилійскихъ энеолитическихъ могилъ отъ могилъ континентальной Италіи и западныхъ острововъ ея и въ частности отъ могильника Ремеделло, представителя энеолитической культуры Италіи, заключается прежде всего въ могильной утвари, а въ ней больше всего обращаетъ на себя вниманіе керамика. Тутъ—другія формы, указывающія на связь съ Востокомъ, и другая система орнаментаціи, свойственная только Сициліи. Такъ, уже въ могильникѣ Бернардины (Мелилли), древнѣйшемъ изъ энеолитическихъ, мы встрѣчаемъ и кубки съ двумя высокими ручками, соотвѣтствующими ручкамъ δέπας ἀμφικύπελλον Гомера [2]), шарообразный сосудъ, напоминающій греческую пиксиду, и грушевидную вазочку,—все сосуды, ведущіе насъ за аналогіями въ Микены и Трою. Въ отбросахъ близъ могильника Кастеллуччо найдено цѣлое семейство чашъ съ трубчатой ножкой, которыя въ развитомъ видѣ напоминаютъ микенскія [3]). Другую особенность сицилійской посуды энеолитическаго періода составляетъ ея раскраска. Обыкновенно по фону красноватаго цвѣта идутъ полосы темнаго разныхъ степеней (черный, каштановый, кофейный), иногда бѣло-желтаго, розоваго и даже ярко-краснаго цвѣта, какъ это особенно замѣчается на сосудахъ, найденныхъ въ отбросахъ близъ могильниковъ Кастеллуччо, которые дали массу обломковъ посуды той же эпохи. Украшенія состоятъ изъ лентъ, фестоновъ, иногда завитковъ. Въ отбросахъ Кастеллуччо раскрашенные сосуды были иногда одного цвѣта, которымъ довольствовались для большихъ сосу-

---

[1]) См. формы этихъ могилъ какъ съ корридоромъ, такъ и съ колодцемъ въ видѣ преддверія у Монтеліуса въ Orient und Europa, p. 45 sq.

[2]) См. у Шлимана въ Mykenae, фиг. 339. О самомъ сосудѣ подробно трактуется у Гельбига въ Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert (Leipz. 1884), p. 260 sq.

[3]) См. у Шлимана въ Mykenae, фиг. 336; у Гельбига въ op. cit., p. 272.

довъ, каковы кадки для воды. Это стремленіе раскрашивать сосуды при дурной, въ общемъ, глиняной пастѣ ихъ и плохомъ обжигѣ, невольно поражаетъ насъ. Оно указываетъ на развитіе вкуса, не соотвѣтствующее общему уровню культуры, какой свидѣтельствуется, между прочимъ, и отсталостью обитателей погребальныхъ энеолитическихъ гротовъ Сициліи въ выдѣлкѣ каменныхъ орудій сравнительно съ каменными орудіями, представляемыми италійскимъ материкомъ въ тотъ же культурный періодъ. Впрочемъ, мы еще не кончили съ данными, касающимися сицилійской керамики разсматриваемаго времени. Данныя эти увеличились съ открытіемъ въ горѣ Табуто рудокопной мины для добыванія кремня, съ оставленными тамъ сосудами, служившими для питья и пищи рабочихъ, и новыхъ мѣстъ погребенія въ горѣ Монтерачелло. Обѣ эти горы находятся близъ Комизо, также въ Сиракузской провинціи. Формы сосудовъ тѣ же, какія намъ даютъ могильники Мелилли и Кастеллуччо съ отбросами послѣдняго. Но въ раскраскѣ есть новый элементъ: бѣлое по черному, какъ это именно замѣчено въ превосходно сохранившихся краскахъ на сосудахъ горы Табуто. Самый мотивъ рисунковъ, основу котораго Орси (ему слѣдуетъ и Колини) видитъ въ подражаніи плетенію корзинъ (la tecnica del intreccio),—что́, какъ кажется, напрасно оспариваетъ Петерсенъ [1]),—въ сосудахъ этой горы сказывается еще яснѣе. Въ могильныхъ сосудахъ Монтерачелло тѣ же формы и та же орнаментировка, что и въ Кастеллуччо и въ Мелилли, лишь съ прибавкой экземпляровъ, которые служатъ какъ бы переходомъ къ слѣдующему (бронзовому) періоду и какихъ мы раньше не встрѣчали. Таковы большія двуконическія вазы безъ окраски, которой не знаетъ керамика бронзоваго сикульскаго періода; такова чашка свинцоваго цвѣта съ свѣтлой глазурью на ея поверхности; бронзовый клинокъ кинжала, и др. Но наиболѣе характеристическая черта могилъ Монтерачелло та, что мы здѣсь имѣемъ обиліе *мѣдныхъ* предметовъ, каковы ножи, кинжалы, топоры плоской формы. Въ Мелилли и Кастеллуччо, гдѣ, правда, большая часть могилъ ограблена, мы находимъ присутствіе кое-какихъ бронзовыхъ предметовъ, явно привозныхъ, какова, напримѣръ, бронзовая спираль въ Мелилли, коромысло отъ вѣсовъ хорошей работы въ Кастеллуччо, гдѣ также найдены четыре тонкихъ пластинки искусной ковки, два ножа въ формѣ оливковаго листа, одинъ съ гвоздемъ въ основаніи

---

[1]) *Mittheilungen* Германскаго археологическаго института въ Римѣ, 1898, p. 177 sq.

для прицѣпленія ручки, другой съ бронзовой же ручкой, еще два клинка трехугольной формы.

Вліяніе восточной торговли.

Какъ попали эти бронзовые и мѣдные предметы къ населенію, сущность культуры котораго вся неолитическая, объ этомъ мы будемъ говорить ниже; но здѣсь, въ заключеніе, мы должны прибавить, что на очень раннюю связь Сициліи съ Востокомъ указываютъ еще найденныя въ одной изъ могилъ Кастеллуччо двѣ кости съ прекрасными рисунками изъ кружковъ, заключающихъ въ себѣ иногда разные узоры изъ звѣздочекъ, завитковъ и др., съ рѣшетчатой насѣчкой по сторонамъ, тѣ кости, подобную которымъ мы уже видѣли раньше въ гротѣ Ладзаро близъ Модики и которая встрѣтилась также въ одномъ изъ древнѣйшихъ слоевъ Гиссарлика, именно во 2-мъ городѣ Трои. Двѣ одинаковыхъ костяныхъ пластинки были еще раньше найдены въ той же мѣстности и хранились въ Сиракузскомъ музеѣ. Пятая была вырыта Орси среди отбросовъ Кастеллуччо, гдѣ находились въ большомъ количествѣ изношенные базальтовые топоры, обломки кремневыхъ ножей, нѣсколько скребковъ, двѣ стрѣлы въ формѣ равносторонняго трехугольника, базальтовый жерновой камень и масса осколковъ глиняной посуды, большей частью раскрашенной, какъ и въ могильникѣ. Что эти костяныя пластинки со столь изящной отдѣлкой служили предметомъ украшенія, это несомнѣнно, но и послѣ разъясненія Петерсена употребленіе этого украшенія остается неизвѣстнымъ. Одна изъ двухъ пластинокъ, найденныхъ Орси, лежала на днѣ могилы подъ черепомъ. Но изъ этого указанія нельзя сдѣлать никакого вывода. То, однако, что эта костяная привозная пластинка была найдена не только въ могилахъ, но и среди отбросовъ, показываетъ, какъ замѣчалъ и Орси, что она служила не для украшенія только могилъ, но и удовлетворяла какой-то потребности въ жизни.

Культура сикуловъ того періода, которымъ мы теперь занимаемся, была въ основѣ своей неолитическая, и потому орудія и оружіе ихъ были каменныя, состояли изъ кремня и базальта (обсидіанъ отсутствуетъ), рѣдко тонкой отдѣлки, а также изъ костей, изъ которыхъ, судя по отбросамъ близъ Кастеллуччо, сикулы дѣлали шила, бурава, иглы, лопатки, лощила, наконечники стрѣлъ и копій и даже видъ кинжала. Кости эти принадлежали большею частью домашнимъ животнымъ, которыя тутъ, по изслѣдованію пармскаго профессора

Стробеля [1]), были слѣдующія: собака, свинья, быкъ (большой и малой породы), овца, коза и лошадь. Изъ костей дикихъ животныхъ нашлись только: кости оленя и лани. Что касается до употребленія металловъ, то ни мѣдь, ни бронза не входили въ обычный обиходъ жизни: онѣ были рѣдкими явленіями, предметами роскоши и украшеній, прибывавшими на островъ путемъ торговли и находившимися въ рукахъ немногихъ. Изъ всего могильника Бернардины (Мелилли), правда, сильно расхищеннаго еще въ древности, бронзовые предметы дала только одна (двойная) могила. Нѣсколько больше ихъ далъ могильникъ Кастеллуччо, но въ отбросахъ этой мѣстности не нашлось ничего металлическаго. Понятно, что такой драгоцѣнный предметъ, какъ металлъ, съ которымъ только-что нѣкоторая часть населенія познакомилась, какъ съ рѣдкостью, и не могъ быть предметомъ отбросовъ. Найдено въ одной могилѣ Кастеллуччо нѣсколько зеренъ янтаря темнаго цвѣта. Но этотъ предметъ могъ быть и не привознымъ, такъ какъ янтарь существуетъ на островѣ, и даже недалеко отъ Кастеллуччо [2]).

Дольмены въ Сициліи.

Раньше мы видѣли начатки энеолитическаго періода въ природныхъ пещерахъ; затѣмъ въ спеціально этому періоду принадлежащихъ искусственныхъ гротахъ съ печеобразныхъ отверстіемъ, сдѣлавшихся съ этого времени обычнымъ мѣстомъ погребенія сицилійскаго населенія вплоть до полнаго подчиненія его культурѣ греческихъ колонистовъ. Посреди могильныхъ гротовъ Монтерачелло оказались могилы совершенно новаго для Сициліи типа, именно въ формѣ дольменовъ, которая была въ Западной Европѣ, начиная съ Португаліи, и чужда Италіи, за исключеніемъ той юго-восточной ея части, которая носитъ названіе Terra d'Otranto [3]). Это обстоятельство служитъ какъ бы подтвержденіемъ тому, что говорилъ въ присланномъ на международный стокгольмскій съѣздъ (1874) рефератѣ Мортиллье, доказывая, что дольмены не принадлежатъ какому либо особому на-

---

[1]) Въ *Bulletino di paletn. ital.*, 1893 (XIX), p. 33.

[2]) Орси, ibidem, p. 19 (прим. 22), указываетъ на мѣстности: Spaccaforno, Ragusa и Scicli, poste tutte a poche ore di distanza da Castelluccio.

[3]) Въ этомъ случаѣ мы можемъ сослаться на Пигорини, который въ *Rendiconti* Академіи Линчеевъ, 1899, p. 249, говоритъ: „Fin a qui la Terra d'Otranto è la sola regione dell' Italia continentale, nella quale s'incontrano i dolmen“.

роду, что они появляются во многихъ странахъ, какъ нѣчто инстинктивное скорѣе, чѣмъ подражательное, и что они суть только видоизмѣненіе погребальныхъ гротовъ [1]). Въ Сициліи дольмены явились какъ замѣна искусственныхъ гротовъ тамъ, гдѣ, по геологическимъ условіямъ, нельзя было устроить для погребенія искусственнаго грота. Такъ объясняетъ появленіе этой формы могилы въ Сициліи Орси [2]). Объясненіе это, конечно, до нѣкоторой степени ослабляетъ теорію Монтеліуса [3]), что дольмены пришли въ Европу черезъ Африку съ Востока, но, съ другой стороны, ничто не мѣшаетъ думать, что знакомство съ этой формой могилы было занесено въ Сицилію въ концѣ неолитической эпохи или въ энеолитическій періодъ точно такъ же, какъ нѣкоторые предметы изъ мѣди и бронзы, какъ вышеупомянутыя костяныя пластинки, или, что еще важнѣе, появленіе въ одной изъ могилъ Кастеллуччо на двухъ, закрывавшихъ могилу камняхъ, скульптурныхъ изображеній, явно своими спиралями воспроизводящихъ стелы микенскихъ гробницъ. Конечно, такая могила, гдѣ находились вмѣстѣ съ этими скульптурными плитами и обломки глиняныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ на гончарномъ кругу, должна принадлежать къ типу энеолитическаго періода, когда уже явно стало проникать въ Сицилію микенское вліяніе, которое произвело въ ней слѣдующій, бронзовый, періодъ, но важность заключается въ томъ, что иностранныя вліянія, какъ видно по ввозу мѣдныхъ предметовъ къ населенію, погребавшему покойниковъ въ Монтерачелло, начались очень рано; слѣдовательно, рано могла быть занесена и могильная форма дольмена. То, что на материкѣ Италіи дольмены существуютъ лишь въ мѣстности, прилегающей къ Іоническому морю, только подтверждаетъ занесеніе этой могильной формы извнѣ, но далеко раньше греческой колонизаціи, такъ какъ въ самой Греціи дольменовъ не было.

***

Причины, произведшія переворотъ въ неолитической культурѣ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ: какія обстоятельства сдѣлали возможнымъ въ Италіи каменнаго вѣка переходъ къ

---

[1]) См. отчетъ Николуччи объ этомъ съѣздѣ въ *Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia*, 1874, p. 309.

[2]) *Bullettino di paletn. ital.*, 1898 (XXIV) p. 192 и 202.

[3]) Der Orient und Europa. Stockholm, 1899, 1 Heft. p. 30 sq.

культурѣ иного рода, гдѣ начинаютъ играть роль металлы, къ культурѣ энеолитической, а затѣмъ и къ бронзовой?

Крупныя перемѣны въ культурѣ страны всегда происходили и будутъ происходить подъ вліяніемъ двухъ причинъ: 1) вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, приходящихъ въ страну, главнымъ образомъ, путемъ торговыхъ сношеній; 2) вслѣдствіе иммиграціи въ нее народа съ другой культурой, которая водворяется въ ней или путемъ мирной колонизаціи, или путемъ завоеванія. Какая же изъ этихъ двухъ причинъ играла роль въ измѣненіи италійской культуры, какъ она сложилась вѣками или даже тысячелѣтіями въ теченіе неолитическаго періода въ круглыхъ, полувкопанныхъ въ землю, хижинахъ, а равно и въ природныхъ пещерахъ, куда жившій звѣроловствомъ и рыболовствомъ человѣкъ укрывался во время непогоды, и гдѣ часто хоронилъ своихъ покойниковъ? Или тутъ дѣйствовала не одна причина, а обѣ вмѣстѣ?

Внѣшнія вліянія.

При разсмотрѣніи содержимаго въ природныхъ и искусственныхъ гротахъ Сициліи, какъ и могильника Ремеделло-Сотто, мы постоянно натыкались на предметы, которые выходили изъ ряда обыкновенныхъ, и замѣчали, что такіе предметы могли прійти только со стороны. Таковы въ сицилійскихъ гротахъ нѣкоторые сосуды, обличающіе гораздо болѣе совершенную технику, чѣмъ какую обличаютъ сосуды мѣстнаго производства; таковы нѣкоторыя бронзовыя и костяныя издѣлія, обнаруживающія зрѣлое искусство въ обработкѣ и вкусъ цивилизованнаго народа. Видѣли мы также и совершенно новыя формы сосудовъ, которыя были своими лишь у населенія восточной части Средиземнаго моря, новые орнаменты, которыхъ раньше не было и которые при сравненіи съ орнаментами древнѣйшей посуды Кикладскихъ острововъ, острова Кипра и мало-азійскихъ береговъ, являются съ ними сходными или даже тожественными. Съ другой стороны, мы знаемъ, что мѣди на островѣ Сициліи нѣтъ, и что, слѣдовательно, мѣдные топоры, ножи, кинжалы должны были быть привезены оттуда, гдѣ не только есть мѣдь, но и гдѣ происходила ея выдѣлка. Если же не было въ Сициліи мѣди, то не могло быть и выдѣлки бронзовыхъ предметовъ, которые до тѣхъ поръ, пока мѣстное населеніе, съ увеличеніемъ потребности въ бронзовыхъ орудіяхъ, не выучилось само вырабатывать ихъ изъ привозимой мѣди, должны были получаться

также изъ другихъ мѣстъ, гдѣ бронзовое производство процвѣтало. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что на островъ Сицилію въ ту отдаленную эпоху, когда населеніе его еще жило каменной культурой, стали пріѣзжать продавцы мѣдныхъ издѣлій, потомъ бронзовыхъ, привозя съ собой также нѣкоторыя произведенія болѣе совершенной керамики и нѣкоторыя украшенія изъ кости. Была-ли въ этотъ отдаленный, каменный и энеолитическій, періодъ какая-нибудь иммиграція, мы не знаемъ ничего положительнаго, но можемъ допустить, что нѣкоторые изъ заморскихъ обитателей, прибывая на островъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, оставались на немъ, что̀ въ извѣстной степени подтверждается антропологическими данными, выведенными проф. Серджи [1]) изъ череповъ, присланныхъ ему Орси изъ могильниковъ Кастеллуччо и Панталики. Въ томъ и другомъ могильникѣ оказывается нѣкоторая примѣсь череповъ другой расы, меньшая (два изъ двѣнадцати) въ первомъ могильникѣ (энеолитическомъ) и большая (пять изъ тринадцати) во второмъ (бронзоваго періода), череповъ, которые Серджи называетъ азіатскими кавказскаго типа (sphenoides obliquus и rotundus), противополагая этотъ типъ тому африканскому или эвро-африканскому, который, по его теоріи, составилъ первоначальное населеніе всей южной Европы [2]).

Древность морскихъ сношеній Востока съ Сициліей.

Но, собственно говоря, нѣтъ никакой нужды прибѣгать для объясненія иностранныхъ вліяній на Сицилію въ концѣ каменнаго ея періода, къ этой частичной иммиграціи, когда сама она была лишь однимъ изъ явленій, сопровождавшихъ торговлю. Положеніе Сициліи въ серединѣ Средиземнаго моря, древнѣйшаго воднаго пути международнаго значенія, ставившее ее въ ближайшую связь съ Африкой, берега которой видны въ ясную погоду съ ближайшей къ Тунису оконечности, и дававшее ей значеніе узла сношеній между востокомъ, западомъ и югомъ Средиземноморскаго бассейна, было удобно для возникновенія мореходныхъ сношеній съ нею со стороны культурнаго Востока въ очень раннюю пору. Если нельзя оспаривать за-

---

[1]) Crani preistorici della Sicilia въ *Atti della* Società Romana di Antropologia, 1899, vol. VI, fasc. 1. Отдѣльный оттискъ (Estratto).

[2]) См. въ моей статьѣ „О происхожденіе сикуловъ“, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія,* декабрь, 1897; отдѣльный оттискъ, стр. 73 *слд.*

явленія Монтеліуса [1]) о томъ, что красота формъ каменныхъ орудій сѣвера Европы зависитъ отъ восточныхъ вліяній, шедшихъ изъ восточныхъ областей Средиземнаго моря на сѣверъ двумя путями, западнымъ и южнымъ, еще въ каменную эпоху, то тѣмъ настоятельнѣе является необходимость обнаруженія этихъ вліяній въ Сициліи съ ея несравненно болѣе благопріятнымъ для нихъ географическимъ положеніемъ. И дѣйствительно, разныя основанія и, между прочимъ, не разъ упомянутыя нами костяныя пластинки съ кружками во всю ихъ длину, какія мы видѣли въ пещерахъ Виллафрати и Кастеллуччо и какія, съ другой стороны, были находимы во 2-мъ городѣ Трои, указываютъ на морскія сношенія съ Сициліей еще въ до-микенскій періодъ. Ясно, что былъ тогда мореходный народъ, который привозилъ свои или чужія издѣлія одинаково какъ въ Трою (далеко до-гомеровскую), такъ и на островъ Сицилію. Народъ этотъ, культуру котораго, благодаря дѣятельнымъ и необычайно плодотворнымъ раскопкамъ, произведеннымъ особенно въ послѣднее десятилѣтіе англійскими и нѣмецкими учеными, явилась возможность прослѣдить за четыре тысячи лѣтъ до Р. Хр., былъ кипріоты. Въ одной изъ кипрскихъ могилъ въ Никосіи, вмѣстѣ съ предметами изъ мѣди открытъ вавилонскій цилиндръ-печатка Нарамъ-Сина, сына Саргона I (иначе Shargina), завоевателя Кипра, съ клинообразною надписью, теперь хорошо прочтенною. Такъ какъ Саргонъ I жилъ около 3800 г. до Р. Хр. [2]), то, значитъ, употребленіе мѣдныхъ орудій на Кипрѣ слѣдуетъ допустить за четыре тысячелѣтія до христіанской эры, и это не должно смущать насъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ сосѣднемъ съ нимъ Египтѣ большой спросъ на мѣдь былъ уже при первой династіи [3]), существованіе которой относится во всякомъ случаѣ къ пятому тысячелѣтію до Р. Хр. [4]). Другія данныя, между прочимъ, оди-

---

[1]) Archiv für Anthropologie, 1899, p. 511; Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Norddeutschland und Scandinavien. Braunschweig, 1900, p. 91.

[2]) *Масперо*, Histoire ancienne des peuples de l'Orient, 4-е изд., Paris, 1886, p. 157. Цилиндръ Нарамъ-Сина относятъ къ тому же времени A. H. Say, Hilprecht и др. См. Отчетъ о кипрскихъ раскопкахъ Онефальшъ-Рихтера въ *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 1899, p. 39. Ср. *Naue*, Bronzezeit in Cypern въ отчетѣ über die allgem. Versammlung der Deutschen Anthropol. Gesellschaft zu Bonn, 1888, въ *Correspondenz-Blatt der deutschen Anthropol Gesellschaft*, 1888, p. 125—127.

[3]) См. *De-Morgan*, Recherches sur les origines de l'Egypte, Paris, 1896, p. 199.

[4]) *Maspero*, l. c., p. 41. *Flinders Petrie*, History of Egypt, I (2-е изд.) London, 1895, p. 80, относитъ перваго царя 4-й династіи Несру, приблизительно за

наковые черные сосуды съ пунктированнымъ орнаментомъ, находимые вмѣстѣ съ мѣстными издѣліями въ кипрскихъ могилахъ и въ мѣстахъ иностранныхъ поселеній въ Египтѣ, относящихся къ 12-й династіи, ведутъ насъ по крайней мѣрѣ къ половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. [1]).

Раннія сношенія Кипра съ Сициліей.

Еще не удостовѣрено окончательно, что Кипръ велъ уже тогда самостоятельную морскую торговлю съ Египтомъ, что́, однако, при его положеніи между Египтомъ и берегами Передней Азіи было очень естественно, тѣмъ болѣе, что вести торговлю, находясь между наибольшими культурными въ то время странами, каковы Вавилонъ и Египетъ, было выгодно. Знаменитый изслѣдователь египетскихъ древностей, Флиндерсъ Петри [2]), открылъ въ Египтѣ существованіе около 3000 лѣтъ до Р. Хр. ливійскаго народа, который стоялъ въ сношеніи съ Кипромъ, получалъ оттуда мѣдное и бронзовое оружіе и заимствовалъ у него разныя техническія особенности керамики. Но несомнѣнно прямыя сношенія Кипра съ Египтомъ Онефальшъ-Рихтеръ [3]) находитъ съ началомъ 4-го періода кипрской культуры, который, по его расчету, простирался приблизительно отъ 2500 до 1600 г. до Р. Хр. Онъ называетъ этотъ періодъ кипро-кикладскимъ, такъ какъ въ то время, къ которому относятся многія клинообразныя надписи на цилиндрахъ, на Кикладскихъ островахъ открывается родственная съ Кипромъ культура, которая и произвела слѣдующій за нею періодъ микенской культуры. Къ этому періоду относятся раскрашенные сосуды, найденные Фукэ на островѣ Санторинѣ (Ѳерѣ) подъ вулканическими изверженіями, какъ и полихромные сосуды, найденные Флиндерсомъ Петри въ Кагунѣ. Съ этой же эпохой совпадаетъ и полихромная керамика сицилійскаго энеолитическаго періода. Но сношенія Кипра какъ съ Сициліей, такъ и съ Троей, начались, конечно раньше этого періода. Дѣло въ томъ, что на Кипрѣ и Гиссарликѣ

4000 лѣтъ до Р. Хр. Съ этой хронологіей первыхъ трехъ египетскихъ династій заявляетъ полное согласіе и Монтеліусъ въ своей Die Chronologie der ältesten Bronzezeit etc., p. 144.

[1]) *Journal of Hellenic Studies,* XVII, p. 138. Монтеліусъ, Die Chronologie etc., p. 152.

[2]) Naqada und Ballas, Lond. 1896, p. 60.

[3]) См. въ вышеупомянутыхъ Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie etc. 1899, p. 311.

замѣтно большое культурное сходство уже начиная съ 2-го города послѣдняго, который Шлиманъ принималъ за гомеровскую Трою, между тѣмъ какъ таковою, по болѣе точнымъ изслѣдованіямъ, могъ быть только большой сожженный городъ, составляющій шестое поселеніе на Гиссарликѣ, которое дѣйствительно соотвѣтствуетъ микенской культурѣ [1]). Между тѣмъ, костяныя пластинки, какія намъ встрѣтились въ Сициліи, найдены лишь во 2-мъ городѣ Трои, основаніе котораго Дёрпфельдъ, дѣлая самыя умѣренныя вычисленія, полагаетъ около 2500 г. и если этотъ городъ просуществовалъ 500 лѣтъ,— больше класть нельзя, такъ какъ на три города, 3—5, предшествовавшихъ микенскому періоду, надо положить не менѣе 500 лѣтъ,—то привозъ туда, а слѣдовательно, и въ Сицилію подобныхъ пластинокъ слѣдуетъ отнести не позже какъ къ концу 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. Такимъ образомъ, на этомъ основаніи мы могли бы положить начало сношеніямъ Кипра съ Сициліей (прямымъ или косвеннымъ — все равно) *по крайней мѣрѣ за 2000 лѣтъ до Р. Хр.* Тотъ нарѣзной геометрическій орнаментъ, который мы видимъ въ керамикѣ Стентинелло и въ неолитическихъ гротахъ, орнаментъ, углубленія котораго заполнены бѣлой матеріей, орнаментъ, представляющійся удивительнымъ у населенія съ очень грубыми орудіями, прямо ведетъ насъ на о. Кипръ, гдѣ мы находимъ и этотъ древній нарѣзной геометрическій стиль, и этотъ пріемъ заполненія углубленій бѣлымъ веществомъ на сосудахъ краснаго или чернаго цвѣта. Эта система орнаментаціи сосудовъ, совпадающая по своему началу со 2-мъ городомъ Трои, держалась на Кипрѣ долго и оттуда распространялась по Европѣ еще въ теченіе неолитическаго періода и позже. Особенно много сосудовъ, напоминающихъ своими формами кипрскіе, съ геометрическими нарѣзными узорами (зигзагами, трехугольниками, четырехугольниками, зигзагными полосами), заполненными бѣлымъ веществомъ, встрѣчается въ свайныхъ постройкахъ австрійскихъ земель [3]). Равнымъ образомъ, подобные случаи и съ тѣмъ же орнаментомъ находятся въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи [4]), въ доль-

---

[1]) См. *Dörpfeld*, Troja 1893. Bericht über die im Jahre 1893 in Troja veranstalteten Ausgrabungen. Leipzig, 1894.

[2]) Ibidem, p. 61.

[3]) См. *Much*, Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur der Indo-Germanen. Iena, 1893 (2-е изд.), p. 136—138.

[4]) *Victor Gross*, Les Protohelvètes. Berl. 1883, табл. XXXIII.

менахъ Франціи [1]) и даже въ Скандинавскихъ странахъ [2]). Эти же сосуды и съ такой же орнаментаціей встрѣчаются и во 2-мъ городѣ Гиссарлика [3]), хотя и рѣдко, какъ встрѣчаются и на Кикладскихъ островахъ, культура которыхъ такъ родственна троянской раннихъ періодовъ, служа посредствующимъ звеномъ между этою послѣднею и микенскою [4]). Къ доказательствамъ ранняго вліянія Кипра на Сицилію слѣдуетъ отнести еще существованіе въ отбросахъ Стентинелло глиняныхъ фигурокъ, стремящихся изобразить животное или человѣка, подобныя которымъ мы видѣли раньше въ археологическомъ матеріалѣ пещеръ Arene Candide, гдѣ были найдены двѣ такихъ очень неопредѣленныхъ фигурки, но прототипъ которыхъ былъ найденъ еще въ 1-мъ городѣ Трои [5]) или, вѣрнѣе, въ кипрскихъ могилахъ 3-го періода (по терминологіи Онефальшъ-Рихтера), откуда онѣ распространились на Кикладскіе острова [6]), а также рано еще и въ Восточной Европѣ, именно черезъ Балканскій полуостровъ, въ нынѣшнихъ австрійскихъ земляхъ и, между прочимъ, находятся въ свайныхъ постройкахъ озеръ Люблянскаго (Лайбахскаго) и Мондзее [7]).

Кипръ—центръ распространенія мѣдной и бронзовой культуры.

Такимъ образомъ, не прибѣгая ни къ какому новому населенію, какъ къ причинѣ измѣненія культуры сикуловъ въ концѣ неолитическаго періода, мы находимъ Сицилію очень рано подверженною вліяніямъ высшей культуры, шедшимъ съ востока Средиземнаго моря, гдѣ господствующій тонъ, видимо, давалъ островъ Кипръ, культура котораго по своимъ раннимъ проявленіямъ уходитъ въ такую даль, что вся средиземноморская культура, начиная съ перваго поселенія на Гиссарликѣ, представляется сравнительно позднею. То, что такъ рано выдвинуло этотъ островъ на сцену исторіи, было богатство его мѣдныхъ копей, то богатство, которое и привлекло къ нему вниманіе Вавилона и завоеваніе его Саргономъ I и сыномъ его Нарамъ-Синомъ,

[1]) *G. de Mortillet*, Musée préhistorique, n. 541.

[2]) *Монтеліусъ*, Die Chronologie etc., p. 184.

[3]) *Шлиманъ*, Ilios, p. 266.

[4]) См. у Дюммлера въ его Mittheilungen von den Griechischen Inseln въ *Mittheilungen*, Германскаго института въ Аѳинахъ, 1886, p. 15 sq.

[5]) *Шлиманъ*, Ilios, p. 259.

[6]) *Дюммлеръ*, Op. cit. въ *Mittheilungen* Германскаго Археол. института въ Аѳинахъ, 1886, p. 15 sq.

[7]) *Much*, lib. cit., p. 137.

оставившими на немъ свои слѣды въ клинообразныхъ надписяхъ [1]. Мы не можемъ утверждать, что исходнымъ пунктомъ мѣдной и бронзовой культуры въ Старомъ Свѣтѣ былъ именно островъ Кипръ, какъ это кажется нѣкоторымъ ученымъ, считающимъ весьма вѣроятнымъ, что на Кипрѣ появились мѣдныя орудія раньше, чѣмъ въ Халдеѣ и Египтѣ [2], но во всякомъ случаѣ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря развитіе металлической культуры зависѣло отъ Кипра, самое имя котораго дало у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ названіе мѣди (лат. cuprum, нѣм. Kupfer). Оттуда и шелъ непосредственно или посредственно—въ данномъ случаѣ все равно—въ Сицилію токъ металлическихъ орудій, сначала мѣдныхъ, а потомъ бронзовыхъ, вмѣстѣ съ полихромными сосудами, распространившимися въ Египтѣ (найдены Флиндерсомъ Петри въ Кагунѣ) еще при 12-й династіи, раньше конца 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., и найденными на островѣ Санторинѣ подъ вулканическими изверженіями (Фукэ), равно какъ и на островѣ Милосѣ (Дюммлеромъ), съ тѣми полихромными сосудами, которые вмѣстѣ съ металлическими (мѣдными и бронзовыми) орудіями и украшеніями и составили въ Сициліи энеолитическій періодъ.

Хронологія энеолитическаго періода въ Сициліи.

Орси [3] относитъ этотъ періодъ Сицилійской культуры, совпадающій съ культурой второго города на Гиссарликѣ и родственной ему культурой Эгейскаго моря, который онъ называетъ 1-мъ сикульскимъ періодомъ, на первую половину 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Но, очевидно, начало этого періода нужно отодвинуть назадъ, болѣе согласуя его съ 4-мъ кипрскимъ періодомъ, который Онефальшъ-Рихтеръ [4] основательно полагаетъ на время приблизительно отъ 2500 до 1600 до Р. Хр., принимая во вниманіе данныя вавилонскихъ цилиндровъ съ клинообразными надписями и данныя египетской хронологіи. Къ этому насъ прямо обязываетъ находка въ Кастеллуччо

[1]) См. примѣчаніе.

[2]) *Much*, lib. cit., p. 73: „Es hat einen grossen Grund von Wahrscheinlichkeit an sich, dass man in kupferreichen Cypern früher in den Besitz des Kupfers gekommen ist, als in Babylonien und Aegypten“.

[3]) Въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1891 (XVIII), p. 116. См. также у меня въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, ноябрь, на стр. 384; въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 45.

[4]) Въ вышеуказанныхъ *Verhandlungen* Берл. общества антропологіи, этнологіи и древнѣйшей исторіи 1899, p. 29 sq.

уже не разъ упомянутыхъ нами костяныхъ пластинокъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ найденнымъ во 2-мъ населеніи Трои. Такъ какъ 2-й городъ Трои, по умѣренному расчету Дёрпфельда, приведенному нами раньше, относится ко второй половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., а костяныя пластинки Трои и Кастеллуччо видимо современны, то и энеолитическій періодъ Сициліи, находившійся подъ вліяніемъ кипрско-троянско-кикладскаго періода Средиземноморской культуры, долженъ въ общихъ чертахъ совпадать съ этимъ послѣднимъ. Поэтому и Монтеліусъ [1]), называющій неолитическій періодъ Сициліи древнѣйшимъ бронзовымъ ея періодомъ, прямо укладываетъ этотъ послѣдній во вторую половину 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., относя при этомъ собственно энеолитическій, по его мнѣнію, періодъ, который, какъ онъ думаетъ, совпадаетъ съ культурой Стентинелло, гдѣ будто бы лишь по случайности не найдено металлическихъ предметовъ — къ болѣе раннему времени. Такъ, колоколообразные кубки, которые мы видѣли въ неолитическихъ гротахъ Сициліи, онъ относитъ къ половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., прибавляя: „если только они не древнѣе“.

* * *

Происхожденіе энеолитическаго періода въ Сѣверной Италіи (Ремеделло).

Обозрѣвая мѣста, сохранившія въ Италіи слѣды неолитической эпохи, мы видѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ Средней Италіи послѣдній ея фазисъ, который мы называемъ, вслѣдъ за итальянскими палео-этнологами, энеолитическимъ періодомъ, т. е. временемъ, когда въ каменную культуру стали вторгаться мѣдь и бронза въ видѣ рѣдкихъ орудій и украшеній. Такъ, мы видѣли мѣдные предметы въ могилахъ Сгурголы и Канталупо-Манделы въ римской провинціи, въ гротѣ Монте Брадони близъ Волтерры, въ Поджо Аквилоне близъ Перуджіи. Какъ попали туда эти предметы, объ этомъ спрашивать безполезно. Очевидно, они могли попасть туда изъ одного изъ мѣстъ, куда эти предметы привозились, или гдѣ выдѣлывались, могли прійти съ юга, могли прійти съ сѣвера. Связи Сициліи съ энеолитическимъ періодомъ италійскаго материка мы не знаемъ. Намъ извѣстна до нѣкоторой степени лишь связь восточнаго берега Сициліи съ Южной

[1]) Die Chronologie etc., p. 188.

Италіей уже слѣдующаго, бронзоваго, періода, именно въ открытыхъ Патрони [1]) въ Базиликатѣ, близъ Матеры, могилахъ эллиптическихъ и четвероугольныхъ и также съ печеобразнымъ отверстіемъ, какое имѣютъ могилы и въ восточной Сициліи. Поэтому трудно думать, чтобы первые предметы изъ металла пришли въ Среднюю Италію (въ Лаціумъ, Тоскану, Умбрію) съ юга, гдѣ они появились прежде всего въ Сициліи. Наибольшее развитіе энеолитическаго періода мы видимъ на сѣверѣ: въ Кумаролѣ (провинція Модена), въ Фонтанеллѣ (провинція Мантуя) и, насколько это извѣстно по сдѣланнымъ раскопкамъ, всего болѣе въ провинціи Брешіи, гдѣ въ 1899 г. открыты новыя могилы этой эпохи въ Santa Cristina, которымъ соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Колини [2]), могила Ca'di Marco, найденная въ той же общинѣ (Fiesse), хотя тамъ и не нашлось мѣдныхъ предметовъ, и гдѣ расположенъ уже намъ ближе извѣстный большой некрополь Ремеделло-ди-Сотто.

Съ перваго взгляда понятно, что сѣверъ Италіи не могъ имѣть непосредственныхъ сношеній съ Кипромъ, какія могла имѣть Сицилія съ этимъ важнѣйшимъ источникомъ мѣди въ древнемъ мірѣ. Не могли подъ-альпійскія страны Италіи быть въ непосредственной связи и съ тѣми островами Эгейскаго моря или съ тѣми приморскими пунктами материка Греціи, торговля которыхъ могла въ очень раннюю пору достигать занимавшей такое центральное положеніе въ Средиземномъ морѣ Сициліи. Слѣдовательно, возникновеніе мѣстнаго или энеолитическаго періода въ Ломбардіи естественно имѣетъ не совсѣмъ одинаковое начало съ сицилійскимъ. Какое же?

Мы не можемъ остановиться ни на минуту на предположеніи, высказанномъ въ 1884 году Кьеричи [3]) въ статьѣ, въ другихъ отношеніяхъ очень важной и интересной, будто энеолитическую культуру принесли въ Италію пелазги, прибывшіе, по Діонисію Галикарнасскому [4]) въ Пиценъ изъ Эпира (!). Во-первыхъ мы о пелазгахъ въ

---

[1]) *Notizie degli scavi*; 1897 (мартъ, апрѣль, май) и статья въ *Monumenti antichi* Академіи Линчеевъ, VIII (1898): Un villaggio Siculo presso Matera nell' antica Apulia См. также въ моей статьѣ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899 г. (май) подъ заглавіемъ: Еще о Сикулахъ, Умбрахъ и Латинянахъ, стр. 125 слд.

[2]) *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 (XXIV), p. 224; 1899 (XXV), p. 196.

[3]) I Sepolcri di Remedello nel Bresciano e i Pelasgi in Italia въ томъ же *Bullettino*, 1884 (X), p. 133—164.

[4]) Въ A. R. I, 17, Діонисій говоритъ о прибытіи пелазговъ изъ Θессаліи, а не изъ Эпира.

Италіи не знаемъ и не можемъ сказать ничего положительнаго, а во-вторыхъ, утвержденіе Кьеричи есть голое предположеніе, ничѣмъ сколько-нибудь осязательнымъ не подтверждаемое. Мы должны искать проникновенія въ Верхнюю Италію металловъ и прежде всего мѣдныхъ орудій такимъ путемъ, который бы заключалъ въ себѣ естественное объясненіе этого явленія. Хотя въ Италіи и есть залежи мѣди, напримѣръ въ Тосканѣ [1]), а изъ островов — на Сардиніи, но нѣтъ никакихъ основаній думать, что здѣсь мѣдная культура возникла самостоятельно, какъ она не возникла самостоятельно и на Пиринейскомъ полуостровѣ, гдѣ залежи мѣди отличались особеннымъ богатствомъ, привлекая туда рано морскую торговлю и чужеземную ихъ эксплуатацію. Разработка мѣдныхъ рудниковъ въ той и другой странѣ Европы могла возникнуть, конечно, современемъ и самостоятельно, но что въ Италіи этого не случилось и что первые образцы мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ были привозные, на это указываетъ фактъ, что такіе же образцы топоровъ и кинжаловъ мы встрѣчаемъ не только за Альпами, но и въ восточныхъ областяхъ Средиземнаго моря, и на самомъ Кипрѣ. Эти плоскіе, простѣйшей формы, топоры, съ расширеннымъ и закругленнымъ слегка къ верху лезвіемъ, которые доставилъ могильникъ Ремеделло [2]), находятся въ значительномъ количествѣ въ Будапештскомъ музеѣ, [3]) и, идя изъ Венгріи къ юго-востоку, мы можемъ прослѣдить эту форму до Кипра [4]). Совершенно кипрскимъ по формѣ и длинѣ представляется также и плоскій топоръ съ закругленнымъ основаніемъ, найденный въ могилѣ Поджо-Аквилоне и недавно обнародованный Бриціо [5]). Кипрская форма — и топора изъ Сардиніи, обнародованнаго у Колини [6]), съ сильно расширеннымъ округленнымъ лезвіемъ и рѣзко выдающимися наружу по обѣимъ сторонамъ краями. Такую форму мы видимъ въ швейцарскихъ и верхне-австрійскихъ свайныхъ постройкахъ, на греческихъ остро-

---

[1]) Указывается Мухомъ въ Kupferzeit etc., p. 91.

[2]) См. у Колини въ *Bullettino di paletn. Ital.*, 1898, на таблицѣ VIII.

[3]) См. ихъ изображенія у Пульскаго въ его Kupferzeit in Ungarn. Budapest 1884, p. 41—44.

[4]) См. у Онефальшъ-Рихтера, op. cit., фиг. XXI, 9; ср. у Монтеліуса въ Die Chronologie etc., p. 153, фиг. 366 (по экземпляру, находящемуся въ Стокгольмскомъ музеѣ).

[5]) Въ *Notizie degli scavi* 1899, p. 287 Бриціо сравниваетъ (p. 288) съ кипрскимъ топоромъ и обнародованный Эвансомъ въ L'âge du bronze de la Grande-Bretagne, p. 43, фиг. 1.

[6]) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 (XXIV), табл. XVII, фиг. 6.

вахъ [1]) и нѣтъ сомнѣнія, что она проникла во всѣ эти мѣста изъ Кипра, древнѣйшаго источника мѣдной культуры въ Европѣ. Типы предметовъ мѣдной культуры не такъ разнообразны, какъ бронзовой, но всѣ они сводятся къ кипрскимъ. Францъ Пульскій, авторъ книги „Мѣдный вѣкъ въ Венгріи", т. е. въ странѣ, наиболѣе богатой мѣдною культурой среди странъ европейскихъ, еще тогда, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, заявлялъ, что мѣдное оружіе въ Венгріи имѣетъ формы тожественныя съ Кипромъ [2]). Это какъ нельзя болѣе подтверждается, кромѣ разныхъ формъ топоровъ, общихъ Кипру, Греціи, Малой Азіи, Венгріи, Швейцаріи, листообразными кинжалами, рукоятка которыхъ своеобразно загнута, и форма которыхъ встрѣчается не только въ Венгріи, но и въ Швейцаріи [3]). Въ Швейцаріи, въ свайныхъ постройкахъ, встрѣчаются громадные мѣдные топоры: и они также принадлежатъ своимъ происхожденіямъ Кипру [4]).

Путь, какимъ шли мѣдныя издѣлія изъ Кипра въ Среднюю Европу и въ Верхнюю Италію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что кипрскія мѣдныя издѣлія находили сбытъ въ Европу помимо воднаго пути, какимъ они приходили въ Сицилію, еще путемъ сухопутнымъ, вѣрнѣе всего черезъ Балканскій полуостровъ, гдѣ восточное вліяніе явно чувствуется (въ Босніи) еще въ каменную эпоху, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ раскопки въ Бутмирѣ, близъ Сараева, гдѣ найдены осколки посуды съ спиральнымъ орнаментомъ, нарѣзнымъ и рельефнымъ, изданные въ относящейся къ этимъ раскопкамъ книгѣ Радимскаго [5]). Мы здѣсь не поднимаемъ труднаго вопроса о томъ, какъ именно шла торговая

---

[1]) Онефальшъ-Рихтеръ, Op. cit., 314, 315. Одинъ изъ такихъ мѣдныхъ топоровъ, найденныхъ на островѣ Аморгосѣ, обнародованъ въ Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική 1898, табл. XII, фиг. 7. Швейцарскій экземпляръ см. у Гросса въ Les Protohelvètes, а верхне-австрійскій у Муха въ Die Kupferzeit etc.

[2]) Die Kupferzeit in Ungarn, 93.

[3]) У Монтеліуса, Die Chronologie etc., p. 101, приведены изображенія этихъ кинжаловъ изъ Кипра, Венгріи и Швейцаріи. См. также для Венгріи Пульскаго, lib. cit., p. 77.

[4]) См. у Онефальшъ-Рихтера, o. c., p. 316.

[5]) Die neolitische Station von Butmir bei Sarajewo in Bosnien. I Theil, Вѣна 1895. Воспроизведенъ орнаментъ у Монтеліуса въ Die Chronologie etc., p. 175.

дорога изъ восточныхъ областей Средиземнаго моря въ центральную Европу. Шла ли она черезъ Кавказъ и южную Россію и оттуда уже къ устьямъ Дуная, или она двигалась по Балканскому полуострову, начиная съ Босфора, или и тѣмъ и другимъ направленіемъ, мы не знаемъ; но существованіе этого восточнаго пути, называемаго у Монтеліуса,—который считаетъ возможнымъ прибавить къ нему еще адріатическое направленіе, едва ли для этой эпохи допустимое,—„южнымъ", для насъ уже несомнѣнно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ мѣдныхъ и затѣмъ бронзовыхъ типовъ, встрѣчаясь къ югу отъ Венгріи и къ сѣверу отъ нея, неизвѣстны въ Западной Европѣ [1]), которая вела независимыя отъ балканскаго или дунайскаго пути сношенія съ Востокомъ. Такимъ образомъ, Сѣверная Италія могла пріобрѣсти первоначальное знакомство съ металломъ изъ Средней Европы. Что Альпы не служили препятствіемъ для сношеній долины По съ центральной Европой еще въ неолитическую эпоху, это доказывается проникновеніемъ въ Испанію упомянутыхъ раньше молотовъ съ отверстіемъ, которые находятся во множествѣ въ палафиттахъ Средней Европы, представляя собой всѣ тѣ формы, какія имѣютъ немногочисленные экземпляры, найденные въ Италіи. Молоты эти найдены въ Сгурголѣ (два) въ Поджо-Аквилоне (провинціи Перуджіи), въ разныхъ мѣстахъ Эмиліи, Пицена, въ озерныхъ постройкахъ Арквы-Петрарки, Варезе, торбьеры Лавено (провинція Комо) и въ нѣкоторыхъ террамарахъ. Изъ представленныхъ у насъ на таблицѣ XIII, фиг. 1, молотъ съ отверстіемъ по серединѣ принадлежитъ Джези (провинція Анкона), а фиг. 2, съ отверстіемъ въ бокахъ, принадлежитъ террамарѣ Казарольдо ди Самбозето (провинція Парма). То, что эти орудія—не италійскаго происхожденія, доказывается ихъ рѣдкостью, и къ этому заключенію приходили всѣ изслѣдователи, ими занимавшіеся: Кьеричи, Беллуччи и въ особенности Колини, который и указалъ, какъ на центръ ихъ распространенія, палафитты Средней Европы [2]). Впрочемъ, это вѣрно только по отношенію къ Италіи, такъ какъ не изъ палафиттъ Средней Европы, конечно, эти молоты, какъ и топоры съ отверстіемъ, распространились въ неолитическую эпоху по Россіи, отъ Пермской губерніи и даже Сибири до

---

[1]) См. у Монтеліуса, ibid., p. 92 sq.

[2]) Въ *Bullettino di paletnol. Ital.* 1892 (XVIII), pp. 232—235, 1896 (XXII), 267, 1900 (XXVI), p. 95. Главная изъ этихъ статей, подъ заглавіемъ „Martelli o mazzuoli litici con foro, rinvenuti in Italia", напечатанная въ *Bullettino* 1896, вышла и отдѣльнымъ оттискомъ (Parma, 1896). При ней двѣ таблицы.

Финляндіи включительно и отъ Архангельской губерніи до Кавказа [1]). По той дорогѣ, по какой приходили въ Италію изъ-за Альпъ молоты съ отверстіемъ, могли прійти и первыя мѣдныя орудія и украшенія. На нашихъ таблицахъ, IX и частію X (фиг. 1—3), читатель найдетъ образчики мѣдныхъ топоровъ и кинжаловъ, какіе имѣются въ Италіи; топоры изъ станцій Santa Cristina (IX, фиг. 4), изъ Сгурголы (IX, 5), изъ Фалисской территоріи (IX, 2 и 6); кинжалы изъ Монте Брадони (X, 1, 2, 3) и изъ Santa Cristina (IX, 1); наконецъ, долото (IX, 3). По фактурѣ топоровъ видно, что они мѣстнаго производства; нѣкоторые изъ нихъ, какъ изображенный на табл. IX, фиг. 5, представляетъ прямое воспроизведеніе каменныхъ, но вообще формы ихъ таковы, что при нѣкоторыхъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, они находятъ себѣ соотвѣтствіе [2]) съ за-альпійскими и особенно съ венгерскими, которые, въ свою очередь, какъ было сказано, представляютъ воспроизведеніе кипрскихъ формъ и вмѣстѣ съ этимъ большее разнообразіе типовъ. Мѣдные кинжалы, представленные у насъ, имѣютъ формы очень древнія и это вѣроятно мѣстныя издѣлія. Но эти мѣстныя издѣлія были вызваны образцами, пришедшими со стороны, хотя нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ явное воспроизведеніе каменныхъ орудій этого рода.

Вліяніе Пиринейскаго полуострова.

Кромѣ вліяній со стороны Средней Европы, которыя, какъ мы видѣли, стояли въ связи съ торговлей, шедшей изъ восточныхъ областей Средиземнаго моря, въ тотъ же неолитическій періодъ Италія могла до извѣстной степени испытывать и потокъ чужеземныхъ вліяній, шедшихъ со стороны Пиринейскаго полуострова. Путь восточныхъ вліяній на Европу черезъ Африку и Пиринейскій полуостровъ Монтеліусъ не безъ основанія считаетъ болѣе древнимъ, чѣмъ путь черезъ Балканскій полуостровъ и Дунай. Это былъ (какъ мы видѣли), по его изслѣдованію, путь, которымъ изъ Азіи распространились по Западной Европѣ въ неолитическую эпоху дольмены и под-

---

[1]) Графъ *А. С. Уваровъ*, Археологія Россіи, Каменный періодъ. Москва, 1881. Приложеніе. См. таблицы 3, 6, 8, 10, 14, 21, 26, 27, 30, 34, 36—40, 45—49. Нужно при этомъ замѣтить, что форма орудій, называемая у Колини молотами, у гр. Уварова большею частью обозначаются топорами.

[2]) См. у Пульскаго, lib. cit., p. 41, 44, 47, 86.

земныя погребальныя камеры разнаго устройства [1]). Не смотря на то, что этотъ путь длиннѣе, шведскій ученый находитъ въ тѣ времена удобнѣе путь вдоль береговъ Европы, чѣмъ путь черезъ материкъ, и приводитъ въ примѣръ, какъ впослѣдствіи европейцы долгое время ѣздили по Африкѣ и Австраліи вдоль береговъ и затѣмъ уже, слѣдуя теченію рѣкъ, проникали внутрь этихъ странъ [2]). Не принимая этого утвержденія за безспорное, мы должны, однако, взять во вниманіе то, что Италія въ древнѣйшее время была болѣе открыта для западнаго пути, чѣмъ для восточнаго, и, находясь сравнительно въ сосѣдствѣ съ Испаніей, привлекавшей своими мѣдными и серебряными рудниками предпріимчивость восточныхъ мореплавателей съ давняго времени, могла до нѣкоторой степени естественно испытывать вліяніе тамошней металлургической промышленности. Само собою разумѣется, что вліяніе это прежде всего должны были чувствовать острова, лежавшіе на пути отъ востока къ западу, именно Сицилія и Сардинія. Что касается Сициліи, то Орси не разъ [3]) останавливался на естественности связи этого острова съ Пиринейскимъ полуостровомъ, на юго-востокѣ котораго Л. Сирэ [4]) открылъ столь родственную энеолитической Сициліи культуру и гдѣ производились ножевые и кинжальные клинки съ округленнымъ основаніемъ и безъ ножки, сходные почти до тожественности съ сицилійскими могильниковъ Панталики и горы Табуто. Связь эта, будучи первоначально этническою, естественно должна была сдѣлаться и коммерческою въ виду большихъ залежей металловъ (мѣди, серебра, золота), которыхъ въ Сициліи не было. Сходная съ троянскою утварь, особенно эти каменные идольчики [5]), копіи найденныхъ въ 1-мъ и во 2-мъ поселеніяхъ Гиссарлика, показываетъ, какъ рано велись у этой страны торговыя сношенія съ Востокомъ.

Не таково, конечно, было положеніе Сардиніи. Не стоя на прямой большой дорогѣ между востокомъ и западомъ Средиземнаго моря, она не могла получать въ древнѣйшую пору такихъ сильныхъ толчковъ съ Востока, какіе съ конца неолитической эпохи такъ замѣтны

---

[1]) Orient und Europa, p. 8, sq.

[2]) Die Chronologie der ältesten Bronzezeit etc., p. 88.

[3]) *Bullettino di paletn. Ital.* 1898, (XXIV) p. 199; Monumenti Antichi, IX (Pantalica), p. 77—98.

[4]) Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne. Anvers, 1887, фиг. 449 и 533.

[5]) См. у Сирэ, op. cit., табл. VI.

въ Сициліи, ни имѣть столь оживленныхъ сношеній съ Испаніей, которую связывала съ Сициліей международная торговля, направлявшаяся къ Пиринейскому полуострову съ Востока. Сколько-нибудь дѣятельныхъ сношеній Сардиніи съ Востокомъ въ до-финикійское время мы не знаемъ, хотя сношенія эти были еще въ неолитическую эпоху, какъ на это указываетъ и колоколообразный кубокъ, какой мы встрѣтили въ неолитическихъ гротахъ Сициліи, и трехножные сосуды въ формѣ троянскихъ (см. табл. XI, фиг. 3), и кипрскіе мѣдные топоры съ расширеннымъ округленнымъ лезвіемъ, нами упомянутые, но получались ли эти и подобные предметы черезъ Испанію, мы сказать не можемъ. Однако, если они получались и непосредственно отъ восточныхъ мореплавателей, то эти послѣдніе, заходя въ Тирренское море, могли быть посредниками въ торговлѣ Испаніи съ Сардиніей и привозить оттуда металлы, въ которыхъ нуждался этотъ островъ вмѣстѣ съ восточными издѣліями. Что же касается большого сходства въ погребальной утвари Сардиніи съ утварью Пиринейскаго полуострова въ неолитическую эпоху, сходства, которое простирается и на дольмены южной Франціи, и на Лигурійскія пещеры, то тому въ древнѣйшее время причины были особыя, гораздо болѣе сильныя, чѣмъ торговыя сношенія,—племенное родство населеній этихъ странъ, какъ мы увидимъ ниже. Но что въ началѣ эпохи металловъ между Испаніей и Сардиніей происходилъ торговый обмѣнъ, это отчетливо доказывается сходствомъ керамики этого періода въ Испаніи и на островѣ Сардиніи [1]).

Иммиграція изъ за-Альпъ.

Кромѣ вліяній торговыхъ сношеній знакомство съ металломъ могло быть принесено въ Италію иммиграціей новыхъ элементовъ населенія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ это знакомство уже началось. Что иммиграція эта въ концѣ неолитической эпохи изъ-за Альпъ въ сѣверную Италію происходила, это не только вѣроятно, но и несомнѣнно. Въ энеолитическихъ могильникахъ сѣверной Италіи, какъ мы это видѣли и въ Сициліи, къ долихокефальнымъ черепамъ, которые представляются господствующими, примѣшивается извѣстный процентъ череповъ брахикефальныхъ: на 10 череповъ въ Ремеделло Цампа [2]) насчитываетъ

[1]) См. интересную статью Л. Сирэ „L'Espagne préhistorique" въ *Revue des questions scientifiques* 1893 (Octobre). Bruxelles, p. 735.

[2]) *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia* 1890, 345—365.

6 долихокефальныхъ и 3 брахикефальныхъ (10-го нельзя было опредѣлить по его разрушенному состоянію). Ту-же пропорцію онъ нашелъ, разсматривая черепа и другихъ могилъ конца неолитическаго періода: Фонтанеллы, Кумаролы, Сгурголы, Канталупо-Манделы и Тальякоццо (эта послѣдняя—въ Абруццахъ).

Это насъ привело къ вопросу о расѣ, населявшей Италію въ неолитическій періодъ, и о томъ, какіе новые элементы начали входить въ нее въ концѣ этого періода, или, что — то же, къ началу эпохи металловъ.

***

Важность вопроса о до-историческомъ населеніи Италіи.

Вопросъ о населеніи доисторической Италіи, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадную важность для всякаго, приступающаго къ изученію римской исторіи. Ни что такъ сильно не опредѣляетъ будущаго характера исторіи народа, какъ его расовыя свойства, и многое въ его особенностяхъ, наклонностяхъ, обычаяхъ, культурѣ, какъ все это проявляется не только въ началѣ исторіи, но и въ цвѣтущую пору жизни народа, стоитъ въ ближайшей связи съ тѣми задатками, какіе даны были ему его племенной организаціей. Поэтому мы и обращаемъ на племенной вопросъ въ Италіи большое вниманіе, гораздо большее, чѣмъ это дѣлалъ до сихъ поръ какой бы то ни было историкъ Рима. Историки эти упоминаютъ о разныхъ народностяхъ, имена которыхъ сохранились у древнихъ писателей, какъ бы по обязанности, не видя въ этомъ ничего существеннаго для своей задачи, и обыкновенно умаляютъ до крайности роль элементовъ, не однородныхъ съ такъ называемыми „италиками“, т. е. умбро-сабелло-латинянами. Извѣстно напримѣръ, какъ презрительно смотритъ Моммзенъ на этрусковъ, имѣющихъ на самомъ дѣлѣ центральное значеніе въ началѣ историческихъ временъ Италіи, и отказываетъ имъ почти во всякомъ вліяніи на римскую культуру. Съ этимъ колоссальнымъ промахомъ „Римской Исторіи“ Моммзена, вообще, при своемъ блестящемъ изложеніи, не свободной отъ многихъ другихъ крупныхъ промаховъ во взглядахъ на народности, лица и событія, можно сопоставить то обстоятельство, что важнѣйшій послѣ Нибура представитель критической исторіи Рима, Швеглеръ, удѣлилъ такой важный народности, какъ лигуры, всего полторы строки, заявивъ только, что отъ ихъ языка, кромѣ нѣсколькихъ названій мѣстъ, мы ничего не-

знаемъ. И онъ считаетъ возможнымъ писать римскую исторію, не-сказавъ ни одного слова о народностяхъ, составившихъ населеніе Италіи. Около пяти страницъ, посвященныхъ у Низе обозрѣнію всѣхъ народностей, такъ или иначе соприкасавшихся съ Италіей, отличаются замѣчательною поверхностностью, тѣмъ болѣе непростительною, что онъ писалъ свою книгу, переведенную однако и на русскій языкъ, въ такое время, когда доисторическая археологія успѣла открыть не мало данныхъ, выясняющихъ главные составные элементы древне-италійскаго населенія. Всю важность вопроса о древнѣйшихъ народностяхъ Италіи понималъ великій историкъ, каковъ былъ Нибуръ, который со свойственною ему феноменальною ученостью и старался указать происхожденіе и мѣсто каждой народности, входившей въ составъ населенія Италіи; но онъ долженъ былъ ограничиться лишь тогдашними средствами изслѣдованія подобныхъ вопросовъ, — разборомъ сказаній и филологическими соображеніями. Отсюда въ его заключеніяхъ о происхожденіи и родствѣ этихъ народностей такъ много произвольнаго. Наши средства познанія въ подобныхъ вопросахъ другія. И при нихъ, конечно, для насъ остается много темнаго, но за то мы ничего не утверждаемъ, что не можетъ быть подкрѣплено фактическими данными. Но данныя эти приводятъ насъ къ заключеніямъ, о которыхъ историки, занимающіеся критикой миѳовъ и сказаній, совсѣмъ и не думали.

Древность поселеній въ Италіи.

Древнѣйшимъ населеніемъ Италіи было то, которое оставило намъ свои слѣды въ природныхъ пещерахъ, въ основаніяхъ хижинъ, въ искусственныхъ гротахъ и, наконецъ, въ могильникахъ на открытыхъ мѣстахъ. Но мы видѣли еще болѣе раннія слѣды въ грубо обитыхъ орудіяхъ палеолитическаго вѣка въ разныхъ мѣстахъ Италіи, отъ Альпъ до Гарганской горы и еще далѣе къ югу. Мы видѣли ихъ въ разныхъ мѣстахъ римской кампаньи въ рѣчныхъ отложеніяхъ четвертичной эпохи, видѣли большія орудія миндалевиднаго типа въ провинціи Имолѣ, дающія намъ наидревнѣйшій образчикъ человѣческихъ издѣлій шелльскаго типа, какія встрѣтили мы также въ четвертичныхъ отложеніяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ провинціи Перуджіи и въ мѣстностяхъ ближняго Абруцца; въ провинціи Кьети, видѣли менѣе древнія орудія палеолитической эпохи, именно типа Мустье, въ долинѣ Вибраты древняго Пицена, видѣли слѣды этой эпохи на

горѣ Гаргано и близъ нея, въ Базиликатѣ, и находимъ присутствіе палеолитическаго человѣка на сѣверномъ склонѣ Апеннинъ, въ провинціи Пармы, орудія этого типа въ передовыхъ Веронскихъ Альпахъ (Бреоніо) и въ Лигурійскихъ пещерахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ мѣстъ, каковы передовыя Веронскія Альпы, нѣкоторыя Лигурійскія пещеры, долина Вибраты въ Пиценѣ, существованіе человѣка продолжалось непрерывно съ палеолитической эпохи и въ болѣе поздніе періоды; въ другихъ этого постепеннаго перехода изъ одного періода въ другой мы не видимъ. Такъ, напримѣръ, въ римской провинціи мы находимъ тамъ и сямъ могилы, принадлежащія уже къ концу неолитической эпохи. Это, конечно, не значитъ, что человѣкъ въ первый періодъ неолитической эпохи тутъ не обиталъ, но значитъ лишь то, что мы тутъ болѣе раннихъ погребеній не нашли, какъ не нашли и бронзовой эпохи, по крайней мѣрѣ ея начала. Быть можетъ, та и другая еще найдутся въ болѣе широкомъ объемѣ.

Итакъ мы знаемъ, что Апеннинскій полуостровъ былъ обитаемъ еще въ эпоху пещернаго медвѣдя, пещерной гіены и другихъ исчезнувшихъ животныхъ, современниковъ четвертичной эпохи, и съ тѣхъ поръ прошелъ всѣ главные періоды, какіе человѣчество пережило въ другихъ странахъ. Въ теченіе этихъ періодовъ на него вторгались, производили на немъ завоеванія, селились на немъ разные народы, для которыхъ онъ служилъ по своему климату, плодородію и затѣмъ богатству хорошей приманкой. То, что́ мы видимъ во времена историческія, начиная съ поселеній въ южной Италіи и Сициліи древнихъ грековъ, происходило въ извѣстной мѣрѣ и во времена до-историческія, даже самыя отдаленныя.

Такой породы людей, которая бы принадлежала исключительно Италіи, ея автохтоновъ, мы не знаемъ. Напротивъ, насколько позволяютъ судить о своихъ антропологическихъ свойствахъ сохранившіеся на почвѣ Италіи древнѣйшіе скелеты и черепа, мы находимъ въ нихъ представителей породъ, существовавшихъ въ эту эпоху и въ другихъ мѣстахъ. То длинноголовое племя, которое мы видимъ распространеннымъ въ неолитическую эпоху во всей Италіи и на ея островахъ, мы видимъ также распространеннымъ и въ значительной части Европы: на Западѣ ея, въ центрѣ, на Востокѣ, даже на Сѣверѣ. Слѣдовательно, это—племя, которое жило въ Европѣ съ очень отдаленныхъ временъ, но тщательныя антропологическія изслѣдованія показываютъ, что племя это принадлежитъ не одной Европѣ, а также и Африкѣ, и что центръ его распространенія не лежитъ въ

какой-либо части Европы, а именно въ Восточной Африкѣ. Въ своей капитальной книгѣ: „Africa. Antropologia della stirpe camitica" (Torino 1897) профессоръ антропологіи въ римскомъ университетѣ, Джузеппе Серджи, въ доказательство этого послѣдняго тезиса представляетъ болѣе сотни изображеній головъ и череповъ съ ихъ подробнымъ описаніемъ, начиная съ древнѣйшихъ египетскихъ череповъ (муміи Сета 1-го, Рамзеса II и III) и кончая новѣйшими черепами Канарскихъ острововъ и даетъ при этомъ болѣе шестидесяти фотографическихъ портретовъ нынѣшнихъ типовъ, принадлежащихъ мароккинцамъ, сомаламъ, галласамъ, данакилямъ, по преимуществу женщинамъ. Не всѣ эти типы, но многіе изъ нихъ представляютъ несомнѣнное сходство съ южно-европейскими типами, другіе же видимо попорчены негритянскою кровью.

Средиземно-морская раса.

Въ своемъ рефератѣ, прочтенномъ въ 1892 г. въ Москвѣ, на съѣздѣ по до-исторической археологіи и антропологіи, „О первобытныхъ обитателяхъ (области) Средиземнаго моря", проф. Серджи сдѣлалъ заявленіе, которое у меня было уже приведено въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" [1]). Здѣсь необходимо привести существенныя черты его. „Я могу доказать", говорилъ проф. Серджи [2]), „что древніе египтяне представляютъ народъ, многіе изъ этническихъ элементовъ котораго имѣютъ общее происхожденіе съ этническими элементами Сициліи, Сардиніи и Южной Италіи, слѣдовательно съ иберами и лигурами. Это—не такіе аргументы, которые всегда представляются историками и археологами, но это—аргументы антропологическіе, вытекающіе изъ физической структуры древнихъ египетскихъ череповъ, которые, сохраняясь въ повязкахъ и бальзамѣ, являются теперь драгоцѣнными документами для антропологическаго анализа". Изслѣдовавъ 15 разновидностей этихъ древне-египетскихъ череповъ, онъ нашелъ, что 12 изъ нихъ находятся въ Южной Италіи и на островахъ Сициліи и Сардиніи. Продолжая заниматься этимъ вопросомъ, онъ объединилъ результаты своихъ работъ въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Origine e diffusione della stirpe mediterranea" (Roma, 1895). Для

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г., декабрь. Въ отд. оттискѣ, стр. 75.

[2]) Congrès international d'archéologie et d'antropologie préhistoriques. 11-ème session, Moscou. T. II, Moscou, 1893, p. 398.

него уже стало ясно, что въ числѣ племенъ, какія населили въ отдаленную эпоху земной шаръ, было средиземно-морское племя, къ которому такъ же точно принадлежатъ племена сѣверной Африки, какъ и обитатели полуострововъ и острововъ южной Европы. Интересное, относящееся сюда мѣсто его брошюры, гдѣ онъ указываетъ, какимъ научнымъ путемъ онъ пришелъ къ этому заключенію, приведено цѣликомъ въ моей статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ“ [1]) и потому мною здѣсь не приводится. Я лучше укажу на тѣ типическія формы череповъ, которыя, по изслѣдованіямъ Серджи, общи средиземно-морскому племени какъ въ Европѣ, такъ и въ Африкѣ. Формы эти слѣдующія: 1) *эллипсовидныя*, которыхъ онъ представляетъ 12 образцовъ, взятыхъ съ острова Сардиніи, изъ Новилары (близъ Пезаро), а также, изъ земли древнихъ самнитовъ, изъ Гаррара и Гинды въ Африкѣ, изъ южно-русскихъ кургановъ; 2) *яйцевидныя*, образцы которыхъ даютъ черепа древняго Рима, Сициліи, земли Галласовъ; 3) *пентагональныя*, взятыя среди череповъ древняго Рима и изъ Гинды, но представленныя также, между прочимъ, въ большомъ количествѣ въ Московскомъ антропологическомъ музеѣ (106 изъ 1500). Это главныя формы. Къ нимъ присоединяются второстепенныя: *ромбовидная* — форма, встрѣчающаяся рѣдко и представленная у Серджи черепами древне-египетскимъ, тунисскимъ и сардинскимъ; *платикефальная*, которая въ своемъ сдавленномъ и широкомъ видѣ не принадлежитъ собственно средиземно-морскому племени, но одна изъ разновидностей которой встрѣчается въ Сициліи, въ Египтѣ въ могильникѣ Новилары, въ Испаніи и въ русскихъ курганахъ и представлена у Серджи двумя сицилійскими черепами; *сфеновидная* или клинообразная, представленная сицилійскими черепами, и, наконецъ, *трапецовидная*, представленная черепами сардинскимъ и древне-херсонезскимъ [2]).

Дѣло антропологовъ повѣрять краніологическія данныя, приводимыя римскимъ профессоромъ въ основаніе и въ доказательство своей теоріи. Но если вѣрность этихъ данныхъ оспаривать нельзя, то не должны казаться слишкомъ смѣлыми и выводы (принятые уже не однимъ антропологомъ въ Европѣ), какіе авторъ теоріи средиземно-морскаго племени на нихъ основываетъ. Выводы эти ему самому

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г., декабрь; въ отдѣльномъ оттискѣ, стр. 76—77.

[2]) Origine e diffusione della stirpe mediterranea, p. 115—139.

показались въ извѣстной долѣ поразительными по своей неожиданности. Онъ говоритъ:

„Наиболѣе насъ поразилъ тотъ фактъ, что мы нашли въ Восточной Африкѣ типическія формы того племени, которое мы изслѣдуемъ: никому никогда не приходило въ голову, чтобы греки и римляне имѣли происхожденіе, общее съ египтянами и тѣмъ менѣе съ африканцами Эѳіопіи и Сомали. Немного времени назадъ, де-Катрфажъ писалъ, что о римлянахъ неизвѣстно почти ничего (т. е. въ племенномъ отношеніи); Николуччи (неаполитическій антропологъ) писалъ, что римскій типъ—единственный въ центрѣ Италіи и безъ всякаго отношенія къ остальнымъ частямъ полуострова; другіе считали грековъ и римлянъ за чистыхъ арійцевъ. Ничего такого мы не замѣтили: морфологическія изысканія при помощи раціональныхъ методовъ привели насъ шагъ за шагомъ къ открытію происхожденія народовъ столь знаменитыхъ въ исторіи человѣчества“... [1]) (Дальнѣйшее приведено мною въ указанной статьѣ).

Переселеніе изъ Африки въ Европу.

Это средиземно-морское племя, которое проф. Серджи выводитъ изъ восточной Африки, пришло въ Египетъ (доисторическій) и оттуда распространилось, съ одной стороны, по Сиріи и Малой Азіи, съ другой—по сѣверной Африкѣ вплоть до Атлантическаго океана, на которомъ заняло также Канарскіе острова. Съ сѣвернаго берега Африки оно двинулось въ разныя мѣстности Южной Европы, населило изъ Египта, еще въ до-египетскую эпоху, Грецію съ ея островами, проникло далѣе за Понтъ Эвксинскій въ южную Россію, гдѣ оставило свои слѣды въ курганахъ, и оттуда пошло и дальше къ сѣверу, такъ что элементы этого племени дошли до Ладожскаго озера. Тутъ Серджи, очевидно, имѣетъ въ виду находящійся въ геологическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго университета скелетъ, найденный проф. Иностранцевымъ въ Ладожскомъ озерѣ, хотя онъ никогда объ этомъ замѣчательномъ скелетѣ не упоминаетъ. Съ другой точки сѣверной Африки, изъ Туниса, оно проникло въ Сицилію и Южную Италію, на острова Сардинію и Корсику, въ Приморскія Альпы, Піэмонтъ и Швейцарію. А когда оно дошло по сѣверной Африкѣ до Гибралтара, то перешло на Пиринейскій полуостровъ, въ Южную

---

[1]) Ibid., p. 76—77.

Францію, откуда, двигаясь далѣе, дошло до Ламанша, перешло въ Англію и Ирландію [1]). Живыми доказательствами его распространенія служатъ черепа эллипсовидные, яйцевидные и пятиугольные, какъ долихо-кефальные, такъ и месо-кефальные. Лицевыя формы его также по преимуществу эллипсовидныя, яйцевидныя и пятиугольныя, а равно и трехугольныя. Это населеніе слѣдуетъ видѣть въ неолитическую эпоху не только въ Средней Европѣ, въ нѣмецкихъ Reihengräber, но и въ Скандинавіи, гдѣ оно сохранило формы тожественныя съ средиземноморскими. Объ этомъ римскій антропологъ заявляетъ въ новомъ своемъ трудѣ, носящемъ заглавіе: „Intorno ai primi abitanti di Europa" [2]). Въ Европѣ ему предшествовало племя неандертальскаго человѣка, племя, собственно европейское, еще не совершенно утратившееся [3]). Вторженіе же средиземно-морскаго племени въ Европу Серджи относитъ почему-то приблизительно къ Мадденской эпохѣ, представляющей, какъ извѣстно [4]), послѣдній фазисъ четвертичнаго геологическаго періода и палеолитическаго вѣка въ доисторической археологіи, или ко времени, нѣсколько этой эпохѣ предшествовавшему [5]).

Теорія Серджи о средиземноморской расѣ, впрочемъ, не всецѣло ему принадлежащая [6]), но имъ ранѣе задуманная, наиболѣе потомъ развитая и доведенная до своихъ послѣднихъ предѣловъ, обсуждалась уже нами въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" [7]) и, кажется, тутъ она въ первый разъ въ ученой литературѣ была примѣнена къ рѣшенію вопросовъ, касающихся древнѣйшей этнографіи Италіи.

---

[1]) Origine etc., p. 49—89.

[2]) Помѣщенъ въ Atti della società Romana di antropologia, vol, VI, fasci II, 1899; въ отд. оттискѣ, p. 15.

[3]) Въ этомъ пунктѣ Серджи ссылается на Шпенгеля, который (Schädel von Neanderthaltypus въ *Archiv für Anthropologie*, 1878) доказалъ существованіе его въ Фрисландіи, и самъ убѣдился въ томъ по нѣкоторымъ фрисландскимъ черепамъ, изучавшимся Зассе и Вирховымъ; но онъ склоненъ видѣть этотъ черепъ перемѣшаннымъ съ другими элементами и въ другихъ мѣстахъ Средней Европы, напр. въ Штиріи и Хорутаніи. См. его Intorno ai primi abitanti di Europa, въ отд. оттискѣ, p. 13.

[4]) Г. де-Мортилье, Le Préhistorique. Paris 1883, p. 131 и 478, которою оканчивается изложеніе о человѣкѣ четвертичной эпохи.

[5]) Intorno ai primi abitanti etc., p. 14 и 17 отд. оттиска.

[6]) См. *G. Schweinfurth* въ *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Ethnologie* etc. 1898, p. 264; Myres, Prehistoric man in the Eastern Mediterranean въ *Science Progress* 1898, p. 1 sq.

[7]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, декабрь 1897; отд. оттиска стр. 74 слд.

Тогда еще больше, чѣмъ теперь, несмотря на свою необыкновенную заманчивость, она казалась смѣлою, смѣлою потому, что она была новою, противорѣчившею всѣмъ представленіямъ объ этнографіи древняго міра, какія вошли въ сознаніе филологовъ, историковъ и лингвистовъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы приходимъ къ убѣжденію, что основа ея вѣрная, именно то, что Южная Европа въ первобытныя времена получила населеніе изъ Африки. Профессоръ Серджи сдѣлалъ бы хорошо, еслибъ онъ, двигая свою „эвро-африканскую" расу изъ Египта въ Грецію, изъ Туниса въ Италію, изъ Марокко въ Испанію и Португалію, постарался, насколько возможно, опредѣлить, при какихъ геологическихъ условіяхъ это переселеніе происходило, т. е. каковъ былъ тогда видъ Средиземнаго моря по отношенію къ полуостровамъ—Балканскому, Апеннинскому и Пиринейскому. Дѣло въ томъ, что не такъ легко было населенію четвертичной эпохи, хотя бы и маддленскаго періода, перебираться на Критъ и оттуда на греческій материкъ, какъ это теперь можно совершить на пароходахъ, да и то не безъ труда, когда подъѣзжаешь къ мысу Матапану. Необходимо, слѣдовательно, принять, что это переселеніе изъ Африки въ Элладу совершалось при другихъ, болѣе благопріятныхъ для него географическихъ условіяхъ нашей планеты. Легче было, если принять нынѣшнее географическое очертаніе береговъ Средиземнаго моря, перебраться изъ Туниса на Сицилію прямо или черезъ Пантелерію, и еще легче переплыть Гибралтарскій проливъ, чтобы перебраться на Пиринейскій полуостровъ. Онъ этого не сдѣлалъ, и мы, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, не беремся помочь ему въ работѣ, которая требуетъ другихъ спеціальныхъ знаній, чѣмъ тѣ, какими мы владѣемъ. Однако, по отношенію къ Италіи, мы, пользуясь результатами изслѣдованій Теобальда Фишера, указывали на то, что въ четвертичную эпоху, по крайней мѣрѣ въ значительную часть ея, Сицилія еще была соединена съ Африкой и хотя она нѣсколько раньше происшедшаго тутъ раздѣленія была разъединена Мессинскимъ проливомъ съ Италіей, но переправа черезъ этотъ проливъ, въ нѣсколько верстъ ширины (между мысомъ Фаро и Batteria di torre Cavallo проливъ имѣетъ всего 3.200 метровъ ширины, значитъ немного болѣе трехъ верстъ) не представляетъ и теперь, какъ и тогда, когда онъ могъ быть еще уже, никакого затрудненія. Но даже и въ томъ случаѣ, когда иммиграція изъ Африки на Апеннинскій полуостровъ была предпринята уже при отдѣленіи Сициліи отъ Африки, она не представляла большихъ затрудненій, коль скоро и теперь разстояніе между двумя мысами (Сар

Bon и Cap Boeo) не превышаетъ 120 километровъ, а тогда оно должно было быть гораздо меньше, какъ на это указываютъ острова, лежащіе между Сициліей и Африкой, и всего болѣе Пантелерія. Такимъ образомъ, никакой физической трудности для иммиграціи въ четвертичную эпоху изъ Африки въ Италію не было. Такъ какъ разрывъ Африки съ Сициліей, по предположенію вышеупомянутаго нѣмецкаго ученаго, произошелъ одновременно съ разрывомъ у Пиринейскаго полуострова или, лучше, вслѣдствіе этого послѣдняго, то и на Пиринейскій полуостровъ первая иммиграція могла послѣдовать еще по сухому пути. Но, разумѣется, не могъ остановить ее и проливъ, если онъ къ тому времени уже образовался. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что для первоначальнаго иноземнаго поселенія въ Южной Европѣ и спеціально въ Италіи, какъ и на Пиринейскомъ полуостровѣ, несравненно удобнѣе былъ путь изъ Африки, чѣмъ изъ Азіи и даже изъ Средней и Восточной Европы, такъ какъ горы, ограждающія Италію и Испанію отъ остальной Европы, представляютъ больше препятствій къ переселеніямъ, чѣмъ небольшія водныя пространства, при которыхъ человѣкъ ясно видитъ, что̀ происходитъ на другомъ берегу. А если взять во вниманіе еще то, что четвертичная эпоха совпадаетъ съ ледянымъ періодомъ въ Европѣ, при чемъ Апеннинскій полуостровъ былъ совсѣмъ отрѣзанъ отъ остальной Европы альпійскими ледниками, какъ почти и Пиринейскій льдами Пиринеевъ, то будетъ совершенно понятно, почему населеніе древнѣйшей каменной эпохи на томъ и на другомъ полуостровѣ должно было быть африканскаго происхожденія, какого была и древнѣйшая фауна на о. Сициліи [1]).

***

[1]) Вотъ что говоритъ Теобальдъ Фишеръ въ своихъ Beiträge zur physischen Geographie der Mittelmeerländer, besonders Siciliens (Leipzig, 1877) по поводу этой фауны, видя въ ней одно изъ доказательствъ соединенія въ четвертичную эпоху Сициліи съ Африкой: „Dass eine Landverbindung in nachtertiärer Zeit stattgefunden hat, muss namentlich aus der fossilen Fauna Siciliens geschlossen werden, da dasselbe unmöglich in seiner jetzigen Grösse auch bei weit günstigerem Klima so ungeheuere Menge von Dickhäuten zu ernähren im Stande gewesen wäre, wie sie nach den erstaunlichen Massen ihrer Knochen, die man in Höhlen und Knochenbreccien findet, hier existirt haben müssen. Gleichzeitig weist das Vorkommen von Elephas meridionalis, Elephas antiquus, Elephas Armeniacus, Elephas Africanus, Hippopotamus Pentlandi, Hyaena crocuta etc. und das Fehlen von Elephas primigenius, Hippopotamus major, Mastadon Borsoni, vielleicht auch Ursus spelaeus auf eine Verbindung mit Africa hin (p. 21—22).

Лигуры и иберы.

Мы не входимъ въ вопросъ, была ли обитаема Италія, или нѣкоторыя части ея, или тотъ или другой изъ примыкающихъ къ ней острововъ до прибытія въ нее того племени, культуру котораго мы видѣли въ природныхъ пещерахъ, въ fondi di capanne, въ искусственныхъ погребальныхъ гротахъ, въ немногихъ дольменахъ и, наконецъ, въ могильникахъ на открытыхъ мѣстахъ. Вопросъ этотъ для насъ безразличенъ, такъ какъ древнѣйшее населеніе Италіи, какое мы знаемъ, есть то, которое было извѣстно писателямъ подъ именемъ лигуровъ, къ которымъ на островахъ примѣшивались иберы.

Лигуры по свѣдѣніямъ древнихъ.

Какъ одно изъ древнѣйшихъ племенъ на земномъ шарѣ, лигуры (Ligures, Λίγυες) были извѣстны еще древнимъ писателямъ. О нихъ говоритъ еще Гезіодъ въ извѣстномъ стихѣ, сохранившемся у Страбона [1]), упоминая ихъ вмѣстѣ съ эѳіопами и скиѳами:

Αἰθίοπας τε Λίγυς τε ἰδὲ Σκύθας ἱππημολγούς.

Это тѣ три на разныхъ краяхъ земли (на югѣ, западѣ и сѣверѣ) народа, съ именами которыхъ связаны отдаленнѣйшія странствованія Геркулеса. Эпитетъ *древняго* народа даютъ лигурамъ и римскіе писатели [2]). Римскіе писатели имѣли предъ собой лигуровъ уже въ ихъ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ, какіе это племя, стѣсненное и отброшенное къ западу арійскимъ вторженіемъ на сѣверѣ Италіи, прогоняемое отовсюду, гдѣ новые пришельцы современемъ успѣли утвердиться, или покоряемое, завоевываемое впослѣдствіи этрусками, галлами и, наконецъ, римлянами, удержало за собой въ Италіи лишь территорію, имѣвшую границами съ запада Альпы и рѣку Варъ, съ сѣвера По, съ востока Арно и съ юга часть моря, называвшагося Лигурскимъ заливомъ (sinus Ligusticus), что̀ теперь обозначается именемъ Генуэзскаго залива. Греческіе географы и историки хорошо знали, что лигурамъ принадлежала юго-восточная Франція, Приморскія Альпы, Піемонтъ,

---

[1]) VII, 3, 7 (C. p. 300). Въ изданіи Didot Hesiod. Fragm., p. 62; у Кинкеля fragm. 46.

[2]) Liv. V, 35: prope *antiquam* gentem Laevos Ligures; Plin. N. H. III, 17, (21), 129: *antiqua* Ligurum stirpe.

Ломбардія и весь берегъ Генуэзскаго залива до Пизы. Именемъ этого народа называлось море къ югу отъ береговъ Галліи, Λιγυστικὸν πέλαγος, какъ это значится у греческихъ географовъ [1]), что повторяютъ и римскіе, говоря о Ligusticum mare [2]) и Ligurum aequor [3]). Эратосѳену [4]) и вся Западная Европа представлялась лигурійскою, какъ и Пиринейскій полуостровъ для него былъ Лигурійскимъ [5]). Поливій [6]) зналъ, что они жили къ западу до Роны, которая, по словамъ Авіена [7]), отдѣляла ихъ отъ иберовъ, а Скилакъ [8]) считаетъ населеніе отъ Роны до Пиринеевъ смѣсью иберовъ съ лигурами. Но есть указанія на то, что лигурамъ принадлежала когда-то и часть Иберійскаго полуострова [9]), откуда они выгнали будто бы сикановъ [10]), и часть Корсики [11]). Затѣмъ, и въ представленіи самихъ древнихъ писателей, лигуры въ древнѣйшее время не были ограничены сѣверо-западною Италіей и юго-восточною Франціей, а были распространены по всей Италіи. Такъ, они населяли Лаціумъ и были прогнаны съ римской территоріи (вмѣстѣ съ сикулами) пришедшими изъ области Реате сакранами [12]); жили и въ разныхъ другихъ мѣстахъ полуострова (οἰκοῦσι μεν καὶ τῆς Ἰταλίας πολλαχῇ) [13]) еще въ вѣкъ Августа. Но никто не зналъ, откуда пришелъ этотъ народъ въ Италію, гдѣ его родина [14]). Одни

---

[1]) Эратосѳенъ у Страбона II, 4 (С. 106); см. также II, 5 (С. 122), 5 (С. 128); Ptolem. III, 1; VIII, 8.

[2]) Colum. VIII, 2, Plin. N. H. II, 47 (46), 121; III, 5 (9), 61; 6 (10), 75.

[3]) Avien., Descr. orb., 113.

[4]) У Страбона I, 1 (С. 183).

[5]) У Страбона II, 1 (С. 183).

[6]) III, 41, 4; II, 16, 1.

[7]) *Ora marit.*, v. 612—614.

[8]) Perip., ed. Didot (Geographi graeci minores), I, p. 17: Ἀπὸ δε Ἰβήρων ἔχονται Λίγυες καὶ Ἴβηρες μιγάδες μέχρι ποταμοῦ Ῥοδανοῦ.

[9]) Авіенъ, *Ora marit.*, v. 284—285, говоритъ, что рѣка Тартессъ (Бэтисъ), нынѣ Гвадалквивиръ, вытекаетъ изъ Лигурійскаго озера; у Стефана Византійскаго указывается вблизи рѣки Тартесса и городъ Лигуровъ Λιγυστική πόλις, а жители его, говоритъ онъ, называются лигурами: Οἱ οἰκοῦντες Λίγυες καλοῦνται.

[10]) Thucid. II, 2; Dionys. Halic. I, 22; Diod. V, 6; Sil. Ital. XIV, 34 sq.

[11]) Senec., *Consol. ad Helviam*, 7; Sallust. *Histor.* Fragm. II, 8 (p. 33 ed. Dietsch); Isid. *Origines* XIV, 6, 41.

[12]) Fest., *Sacrani* (p. 321 M.); Serv. ad Virg. *Aeneid.* XI, 317: Ligures a Sacranis (pulsi sunt).

[13]) Dionys. I, 10.

[14]) Dionys. Ibidem: ὁποτέρα δ'αὐτοῖς ἐστι γῆ πατρὶς, ἄδηλον· οὐδὲ γὰρ ἔτι λέγεται περὶ αὐτῶν προσωτέρω σαφὲς οὐδέν.

производили ихъ изъ Греціи [1]); другіе [2]) говорили, будто они жили когда-то на сѣверѣ Галліи и были прогнаны оттуда кельтами на югъ этой страны. Древніе знали, однако, что они не кельты [3]) и отличали ихъ отъ иберовъ [4]). Древность этого народа была такъ велика, что его происхожденіе было дѣло темное, для проясненія котораго не было никакихъ подходящихъ преданій, σαφὲς οὐδέν, по выраженію Діонисія.

Новѣйшія изслѣдованія о лигурахъ. Методъ филологическо-лингвистическій.

Но то, что было не ясно для древнихъ, стало яснѣе лишь для современныхъ намъ изслѣдователей. Нибуръ [5]), при всей своей проницательности, ничего не разъяснилъ относительно происхожденія лигуровъ, а ограничился лишь заявленіемъ, что ихъ происхожденіе неизвѣстно, что́ было высказано, какъ мы видѣли, еще Діонисіемъ Галикарнасскимъ. Но, комбинируя указанія древнихъ и свои филологическія соображенія, онъ высказалъ для его времени смѣлое предположеніе относительно территоріальнаго распространенія этого народа: „Судя по этимъ слѣдамъ", говоритъ онъ, „мнѣ кажется въ высшей степени вѣроятнымъ, что этотъ народъ искони обиталъ отъ Пиринеевъ до Тибра, имѣя съ сѣвера границами Севенны и Гельветскія Альпы". Швеглеръ, прямой наслѣдникъ и продолжатель Нибуровскаго критическаго метода, оставилъ лигуровъ безъ всякаго вниманія. Что касается до Моммзена, то онъ въ своей Римской исторіи [6]) не посвятилъ лигурамъ, какъ одному изъ племенъ, населявшихъ Италію въ древнѣйшее время, и тѣхъ двухъ строкъ, какими почтилъ этотъ древнѣйшій народъ Италіи Швеглеръ. Серьезно принялись за изученіе лигуровъ лишь въ два послѣднихъ десятилѣтія, и принялись двумя путями: филологическимъ и археологическимъ.

Въ первомъ отношеніи особенно интересны два изслѣдованія: неоконченное—Мюлленгофа въ „Deutsche Alterthumskunde" („Германскія

---

[1]) Dionys. I, 11; Strab. IV, 2 (C. 202).
[2]) Avien. *Ora marit.*, 132 sq.
[3]) Strab. II, 28 (C. 128).
[4]) См. cyl., l. c.
[5]) Römische Geschichte I, 183; изд. въ одномъ томѣ, 93.
[6]) Römische Geschichte. Восемь изданій, начиная съ 1854 года.

древности") т. III, р. 173—125 (Berl. 1892), и очень пространное Д'Арбуа де-Жюбэнвиля въ его Les premiers habitants de l'Europe (Paris, 1889—1894, 2-е изд., vol. I, p. 308 sq. Vol. II, p. 46—215). Разбирая фонетику и производство словъ, признаваемыхъ имъ за лигурскія, хотя они дошли въ латинской или греческой формѣ, именно названія лицъ, городовъ, отдѣльныхъ народовъ, племенъ, Мюлленгофъ, который раньше, въ I-мъ томѣ (р. 86), причислялъ лигуровъ къ доарійскимъ племенамъ Европы, пришелъ потомъ, въ III томѣ, филолого-лингвистическимъ путемъ къ возможности допустить въ нихъ арійское происхожденіе (р. 179). Д'Арбуа де-Жюбэнвиль, идя тѣмъ же путемъ, уже прямо увидѣлъ въ лигурахъ индо-европейское племя, предупредившее другіе индо-европейскіе народы приходомъ въ Западную Европу (II, р. 215). При помощи тѣхъ же филологическо-лингвистическихъ комбинацій тотъ и другой ученый постарались и опредѣлить границы разселенія этого племени, значительно распространивъ ихъ сравнительно съ тѣми, какія приписывали лигурамъ древніе. Такъ, Мюлленгофъ отдаетъ лигурамъ, кромѣ итальянской Ривьеры и долины По по рѣку Пьяве, не только Севенны, что́ дѣлалъ и Нибуръ, но и всю долину Роны, идя вверхъ и затѣмъ къ востоку до устьевъ Рейна, острова Корсику и Эльбу, сѣверную Этрурію и нѣкоторыя части южной, видя къ тому побужденіе въ лигурскихъ названіяхъ: Сабатинское озеро, Циминское озеро, Циминская гора и лѣсъ. Д'Арбуа де-Жюбэнвиль находитъ такія границы для своихъ филологическо-лингвистическихъ операцій надъ неизвѣстнымъ намъ языкомъ лигуровъ слишкомъ узкими. Онъ, кромѣ Италіи сѣверной и средней, островов Сициліи и Корсики, отдаетъ имъ не только значительную часть Иберійскаго полуострова, не только южную Францію съ бассейномъ Роны и прилегающихъ къ нему небольшихъ бассейновъ на французскихъ берегахъ Средиземнаго моря, но и бассейны Гаронны, Луары, Сены, берега океана и Ламанша, заводитъ ихъ на Британскіе острова и ведетъ ихъ въ бассейны Мёзы, Рейна, Везера, Эльбы и Дуная. И всему этому указателемъ служитъ тотъ языкъ, который намъ извѣстенъ менѣе, чѣмъ какой-либо изъ языковъ населявшихъ Европу народовъ, за исключеніемъ, пожалуй, этрусскаго, отъ котораго, однако, мы все-таки имѣемъ нѣсколько тысячъ надписей.

Въ чемъ же заключается тотъ лингвистическій матеріалъ, на основаніи котораго Мюлленгофъ и Д'Арбуа де-Жюбэнвиль строятъ свои теоріи и выводятъ свои заключенія?

Языкъ лигуровъ по Мюлленгофу и Д'Арбуа де-Жюбэнвилю.

Мы здѣсь изложимъ этотъ матеріалъ вкратцѣ, чтобы не увеличивать чрезмѣрно статьи, оставляя подробное изложеніе для книги.

Въ одной изъ дошедшихъ до насъ латинскихъ надписей [1]) 117 г. до Р. Хр. (637 отъ основ. Рима), содержаніемъ которой служитъ судебное рѣшеніе въ территоріальномъ спорѣ между генуэзцами и лангатами, мы находимъ нѣсколько географическихъ названій съ окончаніемъ на—*asca* (рѣки Neviasca, Veraglasca; ручьи—Tutelasca, Vinelasca или Vinelesca). Этотъ суффиксъ—*asca*, переходящій еще въ древности въ *esca*, и имѣющій рѣже встрѣчающуюся параллель въ *usca*, распространенъ въ географическихъ названіяхъ на большомъ пространствѣ Европы, начиная съ нынѣшней Лигуріи. Такъ, его можно видѣть въ географическихъ названіяхъ на островѣ Корсикѣ, на сѣверѣ Испаніи и Португаліи, въ долинѣ Роны и сосѣдственныхъ съ нею департаментовъ Франціи, въ Швейцаріи, въ Баваріи. А такъ какъ онъ несвойственъ языкамъ кельтскому, греческому, латинскому, равно какъ и сѣверо-европейскимъ—литовскому, славянскому и германскому, то вполнѣ основательно видѣть въ немъ принадлежность языка лигуровъ, землѣ которыхъ онъ принадлежитъ и, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ указанная надпись, находится тамъ у себя на родинѣ. Руководясь прежде всего этимъ суффиксомъ съ его указанными древними видоизмѣненіями, къ которымъ впослѣдствіи (въ средніе вѣка) присоединились новыя: *asco*, *aschi*, *osco*, *osca*, лигурійское происхожденіе которыхъ свидѣтельствуется употребленными въ Tabula Alimentaria города Veleja названій Areliascus и Candalascus, Д'Арбуа де-Жюбэнвиль и отыскиваетъ лигуровъ по Италіи и по Европѣ. Такимъ образомъ, изъ Лигуріи онъ ведетъ ихъ въ Піемонтъ, изъ Піемонта въ Ломбардію, изъ Ломбардіи въ Венеціанскую область, оттуда въ Эмилію и тосканскую провинцію Масса-Каррара, вездѣ считая, сколько словъ: на *asca*, *asco*, *aschi*, *asche* въ той или другой области, обозначающихъ названія мѣстъ. Затѣмъ, слѣдуютъ тѣ же операціи съ другими суффиксами этого рода—usco, usca, osco, osca и путешествіе съ ними автора по Сѣверной Италіи, Швейцаріи, Эльзасу-Лотарингіи, Верхней Баваріи, Тиролю. То же дѣлаетъ въ меньшей степени и Мюлленгофъ.

---

[1]) C. I. L. I, 119; см. еще C. I. L. XI, 1147, C. I. L. V, 7963.

Но ни тотъ, ни другой не довольствуются этимъ характеристическимъ суффиксомъ *asca* съ его видоизмѣненіями. Мюлленгофъ, основываясь на именахъ упомянутой генуэзской надписи, каковы: Blastiemelus, Boplo, Claxelus, Lebriemelus, Plaucus, Prenicus, Procobera и др., равно какъ и на разныхъ другихъ особенныхъ формахъ именъ, встрѣчающихся на лигурійской почвѣ, находитъ возможнымъ приписать лигурамъ цѣлый рядъ названій въ Италіи и внѣ ея. Таковыми должны быть, между прочимъ, слова съ формами производства на—*ll*, *nn*, *rr*; далѣе, къ языку лигуровъ относятся группы гласныхъ — *oa ia ie*, пожалуй даже окончанія на — *eius*, встрѣчающіяся на таблицахъ ницсской и велейской. Навѣрное, по Мюлленгофу, сюда принадлежатъ суффиксы — *anio*, впослѣдствіи перешедшій въ—*anius*,—on, —oni, —uni, —in, —ini, —en, —eni, —aun и особенно часто встрѣчающійся —*el*, —*eli*, —*ell*, также —*ull*, —*enn*, —*unn*, —*ub*. Затѣмъ этническія названія, гдѣ знакомъ производства служитъ *t*, какъ суффиксы—*ates*, *ati*, *iti* и т. д. Такимъ же лигурійскимъ знакомъ словопроизводства въ названіяхъ служитъ *g*, чаще *c*, чаще въ формѣ— *ic*, *ec*, *ac*, *uc*, *inc*, *enc*.

Мюлленгофъ не кончилъ своего изслѣдованія объ языкѣ лигуровъ, какъ нами уже было замѣчено. За то онъ нашелъ плодовитаго дополнителя во французскомъ лингвистѣ, который къ языку лигуровъ относитъ корни: *bormo*, *rot*, *seq*; суффиксъ *ra*, при помощи котораго образуется множество рѣкъ, которыя Д'Арбуа де-Жюбэнвилль усердно и перечисляетъ, присоединяя къ рѣкамъ и горную цѣпь Юры —*Jura*. Далѣе, сюда относятся, по нему, суффиксы —*entia*, —*antia*, —*ŏna* и —*ōna*, —*mino*, —*mina*, —*meno*, —*mna*, —*mno*; вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ суффиксы —*ati*, —*elo*, —*ela*; корень *sab*. Въ заключеніе Д'Арбуа де-Жюбэнвилль приводитъ нѣсколько словъ, какъ принадлежащихъ лигурамъ. Одно изъ такихъ, указываемое Плиніемъ [1]), *asia*, рожь, которое французскій ученый передѣлываетъ въ *sasia*, ставя такую форму въ связь съ санкритск. sasyam и дѣлая его такимъ образомъ индо-европейскимъ, что̀, конечно, произвольно. Что же касается до словъ roudos, eburos, multos, которыя Д'Арбуа извлекаетъ изъ прилагательныхъ Roudelius, Eburelia или Eborelia и Multelius или Moltelius, передаваемыхъ надписями, то лигургійское происхожденіе этихъ словъ ничѣмъ не доказывается: менѣе подлежитъ сомнѣнію

[1]) N. H. XVIII, 15(37), 141: Secale Taurini sub Alpibus asiam vocant, deterrimum, sed tantum ad arcendam famem etc. Id. III, 17(21), 123.

лигурійское происхожденіе слова *lemos*, вязъ, имѣющаго связь съ горой Lem-uris и рѣкой Lem-ur-inus, находившихся, по надписи [1]), близъ Генуи; очень можетъ быть, что и Леманъ, lacus Lemannus, какъ называется Женевское озеро, также носитъ лигурійское названіе. Что же касается до слова *alisa*, означающаго „ольха", давшаго происхожденіе названіямъ многихъ мѣстъ во Франціи и Германіи, то его лигурійское будто бы происхожденіе можно оставить на ученой совѣсти члена Французскаго института Д'Арбуа де-Жюбэнвилля.

Мы уже замѣчали, что соображенія почтеннѣйшаго французскаго академика, какъ и его нѣмецкаго предшественника, основанныя на филологическо-лингвистическихъ комбинаціяхъ, не въ состояніи рѣшить вопроса о происхожденіи лигуровъ. Что ни тотъ, ни другой ученый въ своихъ выводахъ объ индо-европейскомъ происхожденіи лигуровъ не имѣютъ твердой почвы подъ ногами, это доказывается сильнымъ колебаніемъ Мюлленгофа, оставляющимъ насъ даже въ невѣдѣніи,—отстаиваетъ ли онъ индо-европейское происхожденіе этого народа, раньше имъ положительно отвергавшееся, какъ и сознаніемъ шаткости основаній самимъ Д'Арбуа де-Жюбэнвилемъ, который раньше, говоря объ иберахъ и заявляя, что лигуры были ихъ древнѣйшими врагами, самъ сознается, что индо-европейское происхожденіе послѣднихъ не можетъ быть установлено par les méthodes de la linguistique [2]). Впрочемъ, собранныя лингвистическимъ путемъ данныя того и другого ученаго не лишены значенія по вопросу о разселеніи лигурійскаго племени по Европѣ, такъ какъ выводы ихъ подтверждаются въ извѣстной мѣрѣ и другимъ путемъ. Данныя эти совсѣмъ не рѣшаютъ только вопроса о происхожденіи лигуровъ.

Методы археологическій и антропологическій.

Для насъ несомнѣнно, что для опредѣленія расовой принадлежности лигуровъ методъ филологическо-лингвистическій оказывается недостаточнымъ и оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ. Расовая принадлежность этого народа гораздо лучше открывается методомъ археологическимъ, особенно если на помощь идетъ антропологія. Одной антропологіи совершенно недостаточно, какъ недостаточно одного языка,

---

[1]) C. I. L. V, 7749.

[2]) Les premiers habitans etc. I.

чтобы установить родственную связь между народами. Языкъ, какъ это было хорошо извѣстно и раньше Серджи, бываетъ нерѣдко заимствованнымъ, и много было и есть до сихъ поръ на свѣтѣ народовъ, которые говорятъ языкомъ побѣдителей или колонизаторовъ, нисколько не принадлежа къ племени тѣхъ и другихъ. Черепа заимствовать нельзя, хотя многіе изъ антропологовъ и допускаютъ видоизмѣненіе черепного показателя подъ вліяніемъ племенной помѣси. Но относительно давно угасшихъ народовъ есть та опасность, что могутъ взять за типическіе такіе черепа, которые вовсе не принадлежатъ изучаемому народу. Такъ именно и случилось съ неаполитанскимъ антропологомъ Николуччи и съ англійскимъ ученымъ Исаакомъ Тайлоромъ. Тотъ [1]) и другой [2]) объявили лигуровъ туранцами, нашедши черепъ ихъ брахикефальнымъ. Съ Николуччи это произошло отъ того, что онъ, по заявленію Серджи [3]), принялъ за лигурійскіе черепа „новые моденскіе", очень похожіе на туринскій, имъ описанный и принадлежащій къ типу кельтскому. Объ ошибкѣ Николуччи заявляетъ и генуэзскій профессоръ Иссель [4]). Съ Тайлоромъ произошло это вслѣдствіе его малаго знакомства съ предметомъ вообще и съ антропологіей въ особенности. Онъ не изучалъ никакихъ лигурійскихъ череповъ, а смѣшивалъ ихъ съ брахикефальной расой Оверни и черепами фюрфоозской расы, давшей части Бельгіи и Франціи коротко-головое населеніе, и, принимая какъ фактъ, что лигурійскіе черепа брахикефальны, что лигуры были малорослой и смуглой расой, онъ и объявилъ ихъ лапландцами или туранцами. Впрочемъ, все его изложеніе этого вопроса такъ запутанно, что трудно выяснить себѣ тѣ основанія, на которыхъ онъ основываетъ свое заключеніе. Мы упоминаемъ о теоріи Исаака Тайлора лишь какъ о попыткѣ разрѣшить вопросъ о племени лигуровъ другимъ путемъ, чѣмъ какимъ рѣшаютъ подоб-

---

[1]) La stirpe ligure in Italia ne'tempi antichi e moderni; въ *Atti della R. Accademia delle scienze fisiche e matematiche di Napoli.* Vol. II. Napoli, 1863; также въ мемуарѣ Sopra la stirpe Japigia e sopra tre crani etc. Napoli, 1866, p. 9; гдѣ авторъ говоритъ объ un popolo turaniano, che ebbe in suo dominio in tempi remoatissimi tutto il suolo italico dalle Alpi al Capo di Leuca (отдѣльный оттискъ изъ *Atti* той-же академіи, 1866).

[2]) The origin of the Aryans. London, 1890; 2-е изд. Lond. 1892, гл. VII, p. 116sq. Русскій переводъ (очень плохой), Москва, 1897, стр. 109 слд.

[3]) Въ *Bullettino di paletnologia Ital.* 1891 (XVII) p. 171.

[4]) La Liguria geologica e preistorica. II, p. 70. Иссель говоритъ, что, очевидно, Николуччи измѣрялъ черепа riferibili ad altra schiatta.

ные вопросы филологи и историки. Но попытка эта была крайне неудачна и сдѣлана очень поверхностно.

Антропологическимъ методомъ по преимуществу рѣшаетъ вопросъ о лигурахъ нѣмецкій ученый, спеціальность котораго мнѣ неизвѣстна, докторъ С. Mehlis. Онъ посвятилъ этому вопросу двѣ статьи въ *Archiv für Anthropologie* 1899—1900 (Band XXVI), подъ заглавіемъ: „Die Ligurerfrage" (Вопросъ о лигурахъ) [1]). Исходнымъ пунктомъ для автора послужили раскопки неолитическихъ могильниковъ на среднемъ Рейнѣ, и именно раскопки, произведенныя въ 1896 году близъ Вормса, гдѣ д-ромъ Кёлемъ открытъ важнѣйшій изъ средне-рейнскихъ могильниковъ. Скелеты въ этихъ могильникахъ, за малыми исключеніями, принадлежатъ долихокефаламъ и лежатъ или распростертыми или съ поджатыми ногами (eine hockende Stellung). Расовый типъ во всѣхъ могильникахъ одинъ. Онъ имѣлъ средній ростъ (отъ 1,35 до 1,80 м.) и длинный черепъ при несоотвѣтственной высотѣ его. Большая часть могилъ снабжена сосудами, сдѣланными не на гончарномъ кругу, безъ ручекъ, а съ продыравленными приставками, съ линейными и точечными, наполненными бѣлой матеріи, орнаментами въ видѣ трехугольниковъ (волчьи зубы). Изъ орудій тутъ— топоры съ дырой, длинныя долота, небольшіе топорики. Украшенія изъ камня (оденвальдскій сіенитъ), особенно же изъ раковинъ, и изъ ископаемаго оленьяго рога и изъ синяго и сѣраго серпентина. Это долихокефальное племя Мелисъ признаетъ лигурійскимъ. Но, прежде чѣмъ прійти къ такому выводу, онъ говоритъ о лигурахъ въ Италіи и южной Франціи, начиная съ указанія мнѣній о нихъ въ древности и кончая новыми учеными—нѣмецкими, французскими и итальянскими, особенно при этомъ останавливаясь на филологическихъ доказательствахъ Д'Арбуа де-Жюбэнвиля въ пользу аріанизма лигуровъ, на археологическихъ и антропологическихъ соображеніяхъ Исселя и примыкая къ теоріи средиземно-морской расы Серджи. Это въ первой части. Во второй онъ разсматриваетъ распространеніе лигуровъ во Франціи, въ Швейцаріи, сѣверной Италіи, Германіи, приводя самыя разнообразныя мнѣнія ученыхъ, обращается къ антропологическимъ даннымъ изъ гротовъ и дольменовъ Франціи, разсматриваетъ данныя о неолитическихъ черепахъ Швейцаріи и при-рейнской Германіи и приходитъ къ выводу, что долихокефальность особенно велика на среднемъ

[1]) Мы пользовались двумя отдѣльными оттисками: „Die Ligurerfrage von D-r C. Mehlis. Erste Abtheilung. Braunschweig, 1899; Zweite Abtheilung. Braunschw. 1900.

Рейнѣ, меньше въ области нижней Роны и еще меньше въ западной Альпійской цѣпи горъ, обращается къ археологическимъ даннымъ, касающимся мѣстъ лигурійскихъ поселеній, и приходитъ снова къ теоріи средиземноморской расы Серджи, раздѣляемой въ Германіи, судя по его указанію, также Вислеромъ и Деникеромъ. По этой теоріи, какъ мы видѣли, лигуры и иберы — родственные народы, а не разныя племена, какъ думаютъ Мюлленгофъ, Д'Арбуа де-Жюбэнвиль, Декке и другіе ученые, главное оружіе которыхъ — филологическо-лингвистическія комбинаціи.

Но родства лигуровъ съ иберами д-ръ Мелисъ лишь коснулся, а между тѣмъ въ немъ и лежитъ корень рѣшенія этнологическаго вопроса о лигурахъ.

Родство лигуровъ съ иберами.

Еще въ своемъ трудѣ „О происхожденіи Сикуловъ" я высказалъ мысль, что черезъ Гибралтаръ [1]) шли изъ Африки не только иберы, составившіе коренное населеніе Пиринейскаго полуострова и оттуда распространившіеся по теоріи Серджи, черезъ западную Францію до Британіи и Ирландіи включительно, что подтверждаетъ и Тацитъ [2]), говоря о силурахъ, населявшихъ юго-западную Британію, но и лигуры, т. е. та часть ихъ, которая населила долину Роны, приморскія Альпы, собственную Лигурію и долину По, откуда двигалась по восточному склону Апеннинъ и берегу Адріатическаго моря, въ Среднюю и Нижнюю Италію. Пространство между Роной и Пиринеями еще въ позднее время древности, какъ мы видѣли, представлялось такимъ, гдѣ иберы и лигуры смѣшивались. Этимъ путемъ иммиграціи лигуровъ въ Италію естественнѣе объясняется географическая связь иберовъ съ лигурами, чѣмъ если бы мы предположили что лигуры южной Франціи, Лигуріи и сѣверной Италіи проникли туда черезъ Сицилію и южную Италію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудно было бы ожидать, чтобы центръ лигурійскаго племени былъ именно въ сѣверной Италіи и восточной половинѣ южной Франціи. Онъ былъ бы тогда въ Кампаніи, Апуліи и вообще въ южной Италіи, всегда манившей къ себѣ своимъ превосходнымъ климатомъ и плодородіемъ. Что въ Южную Италію, въ неолитическую эпоху,

---

[1]) Отд. оттиска стр. 80 и 93.

[2]) Agric., 11: Silurum colorati vultus, torti plerumque crines et posita contra Hispania *Iberos veteres* trajecisse easque sedes occupasse fidem faciunt.

населеніе проникало и съ юга, черезъ Сицилію, это было бы очень естественно при тогдашней геологической конфигураціи материковъ европейскаго и африканскаго, о чемъ у насъ была рѣчь раньше; но преданія говорятъ о другомъ, именно о томъ, что и сама Сицилія получила завладѣвшее ею населеніе съ сѣвера, съ материка полуострова. При идеѣ, что главная масса лигурійскаго населенія Италіи пришла туда чрезъ Пиринейскій полуостровъ, мы легко объясняемъ себѣ не только тѣсную географическую связь лигуровъ съ иберами, но и связь этническую. Можно и даже естественно думать, что въ эпоху отдаленной иммиграціи изъ Африки въ Европу *не было отличія* между иберами и лигурами, которое образовалось между ними въ теченіе тысячелѣтія на европейской почвѣ, какъ не было опредѣленнаго различія между литовцами, славянами и германцами, когда арійское племя стало занимать обширныя равнины восточной Европы, откуда потомъ стало проникать и далѣе на западъ. Шли впередъ лигуры, ихъ тѣснили иберы; но это были лигуры и иберы будущаго. Или было и такъ: часть пришельцевъ оставалась на мѣстахъ, которыя положила занять; слѣдовавшія за ними толпы, видя ближайшія мѣста занятыми, проходили дальше, пока не находили возможнымъ остановиться; слѣдовавшія за ними, если не оттѣсняли ихъ, то также проходили дальше. Такъ дошли до Пиринеевъ, но не остановились передъ ними, а двинулись дальше. Одни изъ иммигрантовъ повернули къ востоку, другіе шли дальше на сѣверъ. Но эти передвиженія не были постоянными: это было медленное разселеніе въ продолженіе столѣтій. Часть, которая двигалась по берегу моря къ востоку и заняла, наконецъ, Сѣверную Италію, составила тотъ слой населенія, который сталъ называться лигурами. Оставшіеся на Пиринейскомъ полуостровѣ стали называться иберами. Поднявшіеся къ сѣверу по западной Франціи и проникшіе на Британскіе острова общаго имени не имѣли и, подавленныя впослѣдствіи новой иммиграціей, исчезли изъ среды особыхъ народовъ, не оставивъ послѣ себя и именъ своихъ или передавъ ихъ своимъ покорителямъ. Впослѣдствіи часть лигуровъ является на Пиринейскомъ полуостровѣ. Это было, конечно, вторженіе съ сѣвера, такъ какъ границы лигурійскаго населенія съ иберійскимъ соприкасались, и борьба между ними была естественна. Впослѣдствіи произошло такимъ же путемъ вторженіе кельтовъ за Пиринеи, образовавшее тамъ, въ центральной части полуострова, смѣшанное населеніе кельтиберовъ. Такъ или иначе иберы составили основное населеніе Пиринейскаго полуострова, какъ это

было еще извѣстно Варрону [1]) и Страбону [2]), а лигуры—Апеннинскаго. Что же касается прилегающихъ къ Италіи острововъ, то въ Сициліи было, повидимому, и другое населеніе въ лицѣ сикуловъ—лигуровъ и сикановъ—иберовъ, о чемъ мы подробно толковали въ своемъ трудѣ „О происхожденіи сикуловъ" и особенно въ добавочной къ этому труду статьѣ подъ заглавіемъ: „Еще о Сикулахъ, Умбрахъ и Латинянахъ" [3]) и о чемъ будемъ говорить ниже. Островъ Сардинія еще у древнихъ [4]) считался этнографически иберійскимъ, какъ и нынѣшнее нарѣчіе горныхъ сардинцевъ считается болѣе близкимъ къ испанскому, чѣмъ къ итальянскому. Болѣе смѣшанное населеніе представляетъ Корсика, гдѣ, сосланный туда философъ Сенека, признавшій сардовъ по языку и обычаямъ за иберовъ, замѣтилъ здѣсь на тѣхъ же основаніяхъ, кромѣ греческаго элемента, еще элементы иберійскій и лигурійскій [5]). Островъ Пьяноза, также заселенный еще въ неолитическую эпоху, можетъ быть прямо отнесенъ къ лигурійскимъ мѣстностямъ, будучи тѣсно связанъ съ континентомъ Италіи не только культурно [6]), но и географически.

Родство лигуровъ съ иберами, не замѣчаемое филологами и лингвистами [7]), но признаваемое палео-этнологами [8]), видящими одну и ту же культуру на обоихъ полуостровахъ, занятыхъ этими племенами, какъ и на островахъ, лежащихъ между ними въ Средиземномъ

---

[1]) Plin. N. H. III, 2 (3), 8.

[2]) III, 5 (C. 158).

[3]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, май, стр. 114 слд. особенно стр. 137 слд.

[4]) Isid. *Origines* XIV, 6, 39: Sardus, Hercule procreatus, cum magna multitudine a Libya profectus Sardiniam occupavit et ex suo vocabulo insulae nomen dedit. Ср. Pausan. X, 17, 5; Sil. Ital. XII, 359—360.

[5]) *Consol. ad Helviam*, 7, Transierunt deinde Ligures in eam, transierunt et Hispani, quod ex similitudine ritus apparet. Eadem enim tegumenta capitum idemque genus calceamenti, quod Cantabris est, et verba quaedam; nam totus sermo conversatione Graecorum Ligurumque, a patrio descivit.

[6]) См. Кьеричи, Antichi monumenti della Pianosa. Reggio nell' Emilia, 1875, p. 6 sq.; также его статью въ *Bulletino di Paletn.* Ital. 1882 (VIII), гдѣ онъ указываетъ на сходство искусственныхъ гротовъ на Пьянозѣ съ формой fondi di capanne въ Эмиліи (табл. I).

[7]) Мюлленгофъ, D'Arbois de Jubainville и др.

[8]) Кьеричи и Пигорини въ *Bullettino di paletn.* Ital. 1882 (VIII), p. 1—21; 1881 (VII), p. 124 sq. Пигорини въ *Atti* Академіи Линчеевъ CCLXXIX, 1881—1882, Ser. 3; въ *Transunti* vol. VI, Roma, 1882, p. 156—157; въ *Rendiconti*, III, p. 296.

морѣ, подтверждается и антропологическиии данными. Профессоръ Иссель, изслѣдовавшій черепа скелетовъ въ лигурійскихъ пещерахъ, приходитъ къ заключенію, что всѣ эти черепа, какъ палеолитическіе (по нему, міолитическіе), такъ и неолитическіе и позднѣйшіе, которые онъ называетъ *protostorici*, принадлежатъ къ расѣ Кро-Маньонъ, которую онъ видитъ, судя по ея слѣдамъ, распространившеюся по Лигуріи, Эмиліи, Истріи, Лаціуму, Сициліи, Сардиніи, западной Франціи, Бельгіи, южной Испаніи, видитъ на Канарскихъ островахъ и предполагаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ [1]). Изслѣдовавшій черепа юго-восточной Испаніи, добытые замѣчательными раскопками братьевъ Анри и Луи Сирэ, и помѣстившій свое изслѣдованіе въ ихъ роскошномъ изданіи результатовъ этихъ раскопокъ докторъ Жакъ заявляетъ [2]), что важнѣйшій элементъ конституціи этихъ народовъ составляетъ раса Кро-Маньонъ, которая представлена здѣсь самымъ очевиднымъ образомъ, какъ и во всѣхъ до-историческихъ стоянкахъ полуострова. Вотъ что говоритъ объ этомъ антропологическомъ родствѣ лигуровъ съ иберами Серджи [3]): „Антропологическія данныя вполнѣ подтверждаютъ это родство между лигурами и иберами, которые должны быть разсматриваемы, какъ двѣ большихъ вѣтви одной семьи, имѣющія много второстепенныхъ разновидностей, болѣе или менѣе расходящихся, но съ общими морфологическими свойствами. Иберы и лигуро-сикулы, какъ вытекаетъ изъ моего изученія, имѣли вообще удлинненную голову, месодолихокефальную, и въ то время какъ мы, съ одной стороны, имѣемъ двѣ сикульскихъ разновидности, eucampylos и isobatys, общія иберійскому до-историческому населенію, съ другой—открывается, что лигуры пещеръ Arene Candide, Balzi Rossi и Ментоны имѣютъ голову того типа, называемаго Кро-Маньонъ, который находится также въ томъ же самомъ населеніи юго-восточной Испаніи въ началѣ этихъ металловъ. Это вытекаетъ изъ работы надъ черепами Аграра д-ра Жака, который предлагаетъ настоящій типъ Кро-Маньонъ на таб. 69. нум. 65 (р. 824[a]), мужской. Такимъ образомъ, три лигурійско-сикульскихъ разновидности, которыя находятся въ Италіи и на Сициліи, находятся и въ иберійскомъ населеніи до-историческихъ временъ“. Профессоръ Серджи справедливо жалуется при этомъ на Николуччи, который, принявъ за лигурій-

---

[1]) La Liguria geologica e preistorica, II, p. 356.

[2]) Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne. Anvers 1887, p. 370.

[3]) Въ *Bulletino di paletnol. Ital. 1891* (XVIII), p. 169—170.

скіе черепа совсѣмъ другіе, какъ мы на это уже указывали, призналъ лигуровъ короткоголовыми и объявилъ туранцами. Между тѣмъ, новыя изслѣдованія доказали, что лигуры такъ же долихокефальны, какъ и иберы, долихокефальность которыхъ доказалъ, кромѣ Брока, еще Феррасъ де Маседа, разсмотрѣвшій 1000 португальскихъ череповъ изъ всѣхъ провинцій и нашедшій между ними лишь 70 брахикефальныхъ. Что касается до долихокефальности лигуровъ, то кромѣ Исселя, и самого Серджи [1]), посвятившаго этому предмету цѣлый рядъ трудовъ, она доказывалась еще Цампой [2]) и Ливи [3]) на нынѣшнихъ итальянцахъ. Послѣдняго рода доказательства имѣютъ особую важность, такъ какъ подтверждаютъ, что не смотря на смѣшенія, происходившія въ теченіе тысячелѣтій, въ Лигуріи и въ остальной Италіи, за исключеніемъ Піемонта, Ломбардіи и Венеціанской области и Эмиліи, областей, куда кельтскій и другіе индо-европейскіе элементы внесли сильную брахикефалію, господствующій элементъ долихокефальный, и онъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше къ югу, равно какъ и на островахъ Сициліи и Сардиніи. Выводы Ливи основаны на 12.182 измѣреніяхъ, сдѣланныхъ надъ солдатами, при чемъ 200 измѣреній принадлежатъ самому Ливи. Но, къ сожалѣнію, пользоваться его данными я считаю для себя неудобнымъ, такъ какъ обозначенія долихокефальности и брахикефальности у него являются въ цифрахъ, не соотвѣтствующихъ общепринятымъ.

* * *

---

[1]) Вотъ списокъ прежнихъ трудовъ, сообщаемыхъ самимъ авторомъ, въ хронологическомъ порядкѣ: La stirpe ligure nel Bolognese. Bologna 1883; Liguri e Celti nella valle del Po. Firenze, 1883; Un cranio nelle necropoli di Villanova. Firenze, 1883; Antropologia storica nel Bolognese, Bologna, 1884. Къ нимъ мы должны прибавить: Crani Siculi neolitici въ *Bulletino di paletn. Ital.* 1891 (XVIII); Di alcune varietà umane della Sicilia въ *Atti* Академіи Линчеевъ 1892; Di alcune varietà umane della Sardegna въ *Bullettino dell' accademia medica di Roma* 1892; Studi di antropologia Laziale, ibid. 1895; Varietà umane della Russia e del Mediterraneo въ *Atti della Società Romana di antropologia.* Roma, 1894; Crani siculi neolitici, ibid. 1895; Crani antichi di Sicilia e di Creta, ibid., vol. VI 1895; Crani preistorici della Sicilia, ibid. Vol. 1899; Crani umani delle antiche tombe di Alfedena, ibid. Vol. VII, 1900.

[2]) Caratteri fisici di delinquenti etc. въ *Archivio* per l'Antropologia e la Etnologia, vol. XX, 1890.

[3]) L'indice cefalico degli Italiani въ *Archivio* per l'Antropologia etc. 1886; въ Revue d'Anthropologie 1887, p. 257—258.

Общность географическихъ названій на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ.

Кромѣ культурнаго сходства, выражающагося въ одинаковомъ устройствѣ могилъ, каковы погребальные гроты Италіи и Испаніи, острововъ Сициліи и Сардиніи, дольменовъ Португаліи и южной Франціи, затѣмъ въ погребальной утвари съ ея формами и орнаментами, кромѣ сходства краніологическаго въ населеніяхъ обоихъ полуострововъ и прилегающихъ къ Италіи острововъ, сходства, подтверждаемаго современными данными относительно черепного показателя на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ, общность расы иберовъ и лигуровъ подтверждается многочисленными географическими названіями на обоихъ полуостровахъ, на что было обращено вниманіе еще Вильгельмомъ Гумбольдтомъ [1]). Знаменитый филологъ и лингвистъ, изучая басскій языкъ, собралъ не мало общихъ тому и другому полуострову названій. Но такъ какъ они большей частью были приведены въ моей статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" [2]), то мы приводить ихъ здѣсь не будемъ. Скажемъ только, что эта поразительная общность мѣстныхъ названій привела Гумбольдта къ предположенію, что иберы въ древнѣйшее время населяли также и Италію вмѣстѣ съ островами Средиземнаго моря, къ ней прилегающими. Такое предположеніе дѣйствительно навязывалось само собою тогда, когда родство съ ними лигуровъ не было установлено ни палео-этнографическими, ни антропологическими данными. Теперь же оно лишь можетъ служить подтвержденіемъ общности племени, раздѣлившагося на югѣ Европы на двѣ большихъ вѣтви: иберовъ и лигуровъ.

Часть этой второй вѣтви составляли сикулы. Часть первой составляли, повидимому, сиканы, древнѣйшіе обитатели Сициліи. Такъ какъ вопросъ о сикулахъ во всей его подробности нами разсмотрѣнъ въ изслѣдованіи, напечатанномъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (ноябрь и декабрь 1897 г.), то намъ не приходится заниматься имъ въ настоящей статьѣ, но сдѣланный нами пересмотръ его войдетъ въ книгу, одна изъ главъ которой теперь предлагается читателю. По той же причинѣ опускаемъ здѣсь и вопросъ

---

[1]) Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens, vermittelst des vaskischen Sprache. Berl. 1824.

[2]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, декабрь, въ отд. оттискѣ стр. 66.

о сиканахъ, племенному отношенію которыхъ къ сикуламъ была нами посвящена значительная часть статьи, помѣщенной въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899 года (стр. 137—151).

Поэтому перейдемъ прямо къ важному вопросу о связи лигуровъ и иберовъ съ Африкой.

Связь лигуровъ и иберовъ съ Африкой. Пинтадеры.

Мы уже достаточно говорили о принадлежности какъ лигуровъ, такъ и иберовъ къ одному племени, которое вышло изъ Африки еще въ палеолитическую эпоху и населило западную половину бассейна Средиземнаго моря, именно два полуострова, южную Францію и острова, прилегающіе къ Италіи и Испаніи. Мы говоримъ о западной половинѣ Средиземнаго моря, не считая возможнымъ слѣдовать за проф. Серджи въ Абиссинію, къ сомаламъ, галласамъ и т. д., чтобъ оттуда вести хамитскія племена, съ одной стороны, въ Переднюю Азію, съ другой—черезъ Египетъ въ Грецію съ ея островами и далѣе къ Черному морю и даже за его предѣлы. Намъ была бы такая задача не по силамъ, и она выходила бы даже изъ предѣловъ темы, нами разрабатываемой. Для насъ ясно лишь то, что Италія и Пиринейскій полуостровъ связаны своимъ населеніемъ тѣснѣйшимъ образомъ съ Африкой, именно сѣверной и западной. Въ отдаленныя времена оба полуострова были связаны съ Африкой и геологически, такъ что Пиринейскій полуостровъ съ этой точки зрѣнія является какъ бы придаткомъ Африки, и даже высказывалось мнѣніе [1]), что Африка начинается отъ Пиринеевъ. Апеннинскій полуостровъ былъ уже оторванъ отъ связи съ Африкой Мессинскимъ проливомъ, но продолжала еще быть связанною съ нею Сицилія. Мы, разумѣется, не знаемъ точнаго момента, когда африканскій материкъ сталъ посылать первыхъ поселенцевъ въ Европу, но связь его съ нею сохранялась еще въ неолитическую эпоху. Однимъ изъ свидѣтельствъ такой связи служатъ такъ называемыя *пинтадеры*, эти глиняныя орудія, служившія для отпечатанія на тѣлѣ извѣстныхъ фигуръ. Мы видѣли одно изъ такихъ орудій въ эмилійскихъ fondi di capanne, другое мы встрѣтили среди лигурійскихъ пещеръ Arene Candide. Совершенно такія-же орудія

[1]) См. *Ниссенъ*, Italische Landeskunde, I. Berl. 1883, p. 215.

были найдены на Канарскихъ островахъ у гуанчей и, что замѣчательно, также въ Юкатанѣ, въ центральной Америкѣ [1]). Мы не станемъ пускаться въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ образовалась связь западной Африки съ Америкой, связь, по поводу которой обыкновенно заходитъ рѣчь объ Атлантидѣ и другихъ материковыхъ связяхъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Это вопросъ не разъясненный, но для разъясненія его требуются средства не филолога и археолога, а прежде всего геолога [2]).

Письменные знаки, какъ доказательство общности племени.

Нѣкоторые, и прежде всего, Баррили [3]), приводятъ въ числѣ доказательствъ единства племени лигуровъ и иберовъ съ населеніемъ западной Африки надписи на скалахъ въ Лигуріи (на озерахъ delle Maraviglie въ Val d'Inferno, въ приморскихъ Альпахъ), въ Андалузіи (Piedra escritta Сіера-Морены), въ Марокко (провинція Sies), на Канарскихъ островахъ (Litreros острова Ферро, въ долинѣ острова Ферро, въ гротѣ Бельмако-Пальмы), наконецъ, надписи новой Мексики, Соленаго озера, Никарагуа, Колумбіи, Венецуэлы, Гондураса и Stave-Creeck на Оріо. Сходство въ письменныхъ знакахъ оказывается между надписями Канарскихъ островов, андалузскими и американскими, но меньше съ лигурійскими [4]). Подобныя надписи были потомъ открыты на мегалитическихъ памятникахъ въ южной Франціи, о чемъ сообщалъ пармскому антропологическому обществу въ 1893 г.

---

[1]) Эти канарскіе и мексиканскіе пинтадеры сравниваетъ Renato Verneau въ Anales de la sociedad Espanola de historia natural, tom. XII. Привожу ссылку по брошюрѣ Баррили (Gli antichissimi Liguri, Genova, 1889). Оттиснуты лигурійскія, канарскія и мексиканскія пинтадеры въ сочиненіи De Albertis, Crociera del corsaro alle isole Madera e Canarie, Genova, 1884. Лигурійская издана Исселемъ въ *Atti* Академіи Линчеевъ, 1878.

[2]) О связи Стараго Свѣта съ Новымъ разсуждаютъ итальянскіе филологи: Скьяпарелли въ сочиненіи Le stirpi Ibero-Liguri nell' Occidente e nell' Italia Centrale. Torino, 1880, и Баррили, Gli antichissimi Liguri. Genova, 1889 (Estratto dell' Ateneo Ligure, Gennajo-Marzo 1889).

[3]) Ibid., p. 39.

[4]) Объ этихъ послѣднихъ писалъ извѣстный изслѣдователь до-исторической Лигуріи E. Rivière, подъ заглавіемъ: Gravures sur roches des lacs des Merveilles au Val d'Enfer (Italie). Paris, 1878; также Эмануэль Челезіа въ Escursioni Alpine, Roma, 1886.

Летурно [1]), и, сопоставляя эти письменные знаки съ испанскими, африканскими и Канарскихъ острововъ, приходилъ къ выводу, что мегалитическіе памятники Франціи принадлежатъ расѣ, пришедшей изъ Сѣверной Африки. Но затѣмъ сдѣланы были и другія открытія, которыя употребленіе подобныхъ письменныхъ знаковъ вывели изъ западной половины Средиземнаго моря, и ими воспользовался для подтвержденія своей теоріи проф. Серджи въ своей книгѣ „Arii e Italici" (Туринъ, 1898, p. 206 sq.). Прежде всего тутъ выступаетъ на сцену открытіе извѣстнымъ, но увлекающимся палео-этнологомъ Ed. Piette въ гротѣ Mas-d'Azil между палеолитическимъ и неолитическимъ слоями валуновъ, окрашенныхъ перекисью желѣза, со знаками, частью алфавитоподобными, какъ на мегалитическихъ памятникахъ и на скалахъ, частью пиктографическими. Знаки эти—полосы, кружки (диски), кресты, диски съ отверстіемъ по рединѣ и съ лучами, отъ него исходящими, знаки, обозначающіе змѣй, деревья, лѣстницы, гарпуны, воду и, наконецъ, представляющіе настоящія буквы, какъ онѣ извѣстны по микенскому, финикійскому и греческому алфавитамъ. Именно оказалось, что девять изъ этихъ графическихъ знаковъ—тѣ же самые, что силлабическіе знаки кипрскихъ надписей, а восемь принадлежатъ алфавиту Эгейскаго моря. Наконецъ, эти буквенные знаки Масъ-д'Азиля одинаковы со знаками надписей Малой Азіи, особенно съ троадскими. Высказавъ это сравненіе, Пьеттъ приходитъ къ заключенію, что или письмена эти въ отдаленнѣйшее время принесены на востокъ вторженіемъ туда съ запада, или эта письменность была въ до-историческія времена общимъ достояніемъ народовъ береговъ Средиземнаго моря и Архипелага [2]). Такимъ образомъ, открывается, если не всецѣло этническая, то культурная связь странъ всего бассейна Средиземнаго моря въ эпоху, которую такіе пылкіе палеоэтнологи, какъ Пьеттъ, относятъ къ тому времени, когда Европа только что вышла изъ палеолитическаго періода. Что на берегахъ Средиземнаго моря письменность существовала въ до-финикійскую эпоху, это теперь несомнѣнно, послѣ открытія Артуромъ Эвансомъ [3]) на островѣ Критѣ и островахъ Эгейскаго моря микенской письменности, что подтвердилось новыми открытіями (1900 г.) въ критскихъ

---

[1]) Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, 1893.

[2]) См. его Etudes d'Ethnographie préhistorique. III. Les galets coloriés du Mas-d'Azil въ *Anthropologie* 1896 (VII), p. 385—425.

[3]) Cretan Pictographs and prae-phoenician script London, 1895.

городахъ Кноссѣ [1]) и Фестѣ [2]). Фактъ существованія письменныхъ знаковъ, общихъ населеніямъ всего бассейна Средиземнаго моря, въ эпоху, древность которой восходитъ во всякомъ случаѣ не за одно тысячелѣтіе до Р. Хр., теперь можно считать упроченнымъ, хотя мы никакъ не осмѣлимся заходить съ нимъ за тѣ 16—20 тысячъ лѣтъ, какія назначаетъ Бордье [3]), приписывая знаки въ Масъ-д'Азилѣ мадделенской эпохѣ, по крайней мѣрѣ концу ея. Дѣлать употребленіе этихъ знаковъ достояніемъ одной расы или, лучше, связывать съ распространеніемъ ихъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ распространеніе во всѣхъ этихъ мѣстахъ одного племени, также довольно рискованно. Достаточно будетъ уже и того, если мы, принимая во вниманіе другія доказательства, увидимъ въ сходствѣ письменныхъ знаковъ юго-западной Европы съ знаками западной Африки и, пожалуй, центральной Америки доказательство сходства племени, способствовавшаго ихъ распространенію. Но, строго говоря, это—доказательство культурной, а не племенной общности, хотя въ тѣ отдаленныя времена, каковъ конецъ палеолитической и начало неолитической эпохи, культурная общность гораздо болѣе совпадала съ племенною, чѣмъ въ эпохи позднѣйшія, когда средства сообщенія, особенно морскія, стали сильнѣе и разнообразнѣе. Что касается до нахожденія болѣе или менѣе сходныхъ съ вышеуказанными (Масъ-д'Азиля) письменныхъ знаковъ Реберомъ [4]) на скалахъ въ Валлисскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи, то очень можетъ быть, что здѣсь они явились въ болѣе позднюю эпоху, тѣмъ болѣе, что подобные же знаки находилъ Келлеръ и въ швейцарскихъ палафиттахъ бронзовой эпохи, что́, какъ замѣтилъ Серджи [5]), является продолженіемъ ихъ употребленія. Въ такомъ случаѣ здѣсь мы имѣемъ прямое доказательство распространенія древнѣйшихъ письменныхъ знаковъ путемъ культурнаго вліянія. Впрочемъ, по нашему

---

[1]) См. объ этомъ статьи Эванса въ *Hellenic. Journal.* XIV, 349; между прочимъ, также въ *Mittheilungen* германскаго археологическаго института въ Римѣ, 1900; въ *Berl. Philol. Wochenschrift.* 1900, № 28, p. 894; въ *Prähistorische Blätter.* 1900, № 1, p. 34.

[2]) Въ Фестѣ открытіе сдѣлано итальянской археологической школой, но подробный отчетъ о немъ еще не обнародованъ. Пока имѣются только газетныя извѣстія.

[3]) Въ Origines préhistoriques de l'écriture (Bulletins de la société dauphinoise d'Enthographie et d'Anthropologie IV. Grenoble, 1897). См. у Серджи въ Arii e Italici, p. 207.

[4]) Vorhistorische Sculptur-Denkmäler in Canton Wallis въ *Archiv für Anthropologie*, XX, p. 375—377, XXI, p. 279—294, XXIV, p. 91—115.

[5]) Op. cit., p. 208.

мнѣнію, весь этотъ вопросъ о письменныхъ знакахъ на скалахъ и въ гротѣ Масъ-д'Азиля требуетъ тщательнаго пересмотра, прежде чѣмъ дѣлать изъ приводимыхъ фактовъ какія-либо положительныя заключенія, какъ этнологическія, такъ и хронологическія.

Общность языка.

Языкъ лигуровъ, какъ мы знаемъ, не сохранился ни въ живой рѣчи, хотя бы преобразованной множествомъ поколѣній, ни въ какихъ-либо письменныхъ памятникахъ [1]), кромѣ вышеозначенныхъ письменъ на скалахъ въ Val d'Inferno, въ Лигуріи, съ которыми мы не можемъ считаться; отъ языка иберовъ остались [2]) надписи, которыхъ также никто не понимаетъ, какъ и надписей на скалахъ въ Лигуріи, и баскій языкъ, который признается теперь, кажется, всѣми за остатокъ языка древнихъ иберовъ [3]). Такъ какъ баскій языкъ живой, то, значитъ, его можно изучить и, изучивши, сравнивать съ живыми же языками Сѣверной Африки, съ которыми непремѣнно должно быть найдено сходство, если только эти языки, потомки древнихъ языковъ этихъ мѣстъ, общаго съ нимъ происхожденія. Эту работу и взялъ на себя берлинскій ученый фонъ-деръ-Габеленцъ, прочитавшій 22-го іюня 1893 г. въ засѣданіи Берлинской академіи наукъ мемуаръ, подъ заглавіемъ „Baskisch und Berberisch“ [4]), въ которомъ, сравнивъ числительныя, флексіи въ склоненіяхъ, словарь и фонетику въ языкахъ басскомъ, кабильскомъ и туарегскомъ, пришелъ къ заключенію о несомнѣнномъ родствѣ этихъ языковъ. Очень можетъ быть, что въ

---

[1]) Извѣстный германскій этрускологъ Паули приписываетъ (См. его Völker der Apenninhalbinsel въ Weltgeschichte Гельмгольца, IV (Berl. 1900, p. 302) лигурамъ надписи, принадлежащія лепонтіямъ, родственнымъ (по Катону и Плинію) салассамъ, народу кельтскаго племени, о чемъ прежде заявлялъ и самъ Паули въ Die Inschriften des etruskischen Alphabets (p. 659; 70 sq., 90 sq.), какъ объ этомъ напоминаетъ ему римскій проф. Чечи въ своемъ сочиненіи: Per la storia della civiltà Italica. Римъ 1901, p. 51, прим. 10.

[2]) Надписи эти изданы берлинскимъ профессоромъ Гюбнеромъ, подъ заглавіемъ: Monumenta linguae Ibericae. Berlin, 1893.

[3]) Изъ прежнихъ изслѣдователей укажемъ на капитальный, хотя теперь и во многомъ устарѣвшій трудъ Вильгельма Гумбольдта: Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens, vermittelst der Vaskischen Sprache. Berlin, 1824, p. 79 sq., 177. Въ послѣднее время обращаетъ на себя вниманіе изслѣдованіе миланскаго ученаго Джакомино, помѣщенное въ *Supplementi periodici all'Archivio glottologico italiano*, 4-a dispensa, Torino, 1897.

[4]) См. въ Sitzungsberichte этой академіи XXXI (1893), p. 593—613.

своемъ трудѣ „О происхожденіи Сикуловъ" я придалъ этому изслѣдованію больше значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ: по крайней мѣрѣ, недавно проф. Чечи прямо заявилъ [1]), въ противоположность этому ученому, что басскій языкъ не поддается сравненію съ берберскимъ. Но попытка фонъ-деръ-Габеленца, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія, и новыя изслѣдованія на этой почвѣ особенно важны. Если проф. Джакомино [1]) удалось найти родство между языками басскимъ и египетскимъ, древнимъ и новымъ (коптскимъ), то было бы странно не найти его между ливійскими языками, языками народовъ, жившихъ къ западу отъ Египта и ближе къ Сициліи и Пиринейскому полуострову. Если доказательствъ родства басскаго съ кабильскимъ и туарегскимъ недостаточно, то, принимая во вниманіе всю совокупность доказательствъ въ пользу тѣснѣйшей связи древнихъ африканскихъ населеній южнаго берега Средиземнаго моря съ населеніями полуострововъ Апеннинскаго и Пиринейскаго, можно быть увѣреннымъ, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области приведутъ къ удовлетворительному результату.

Очертивъ культуру конца неолитическаго вѣка и опредѣливъ населеніе, которое ему досталось отъ предшествовавшаго времени, мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ вторженіемъ арійскаго племени въ Сѣверную Италію и съ началомъ бронзоваго вѣка, что составитъ содержаніе слѣдующей главы нашего сочиненія.

В. Модестовъ.

---

[1]) Lib. cit., p. 11.

[2]) Supplementi II all' Archivio glottologico italiano, 1895, 2-a dispense, p. 15 sq.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 гг. [1]).

VII.

Пушкинъ и иностранная литература.

Вопросу о литературныхъ воздѣйствіяхъ на Пушкина „великихъ поэтовъ новаго времени" посвятилъ большую работу проф. Дашкевичъ [2]). Громадная эрудиція помогла почтенному автору подвести итоги тому, что сдѣлано было уже по этому вопросу до него въ нашей литературѣ, а кромѣ того, прибавить рядъ любопытныхъ самостоятельныхъ изысканій. Въ введеніи къ своему изслѣдованью авторъ даетъ общую характеристику Пушкина, отмѣчаетъ отношеніе Пушкина къ русскому обществу и общества къ поэту, указываетъ на великое народное и общественное значеніе Пушкина, затѣмъ переходитъ къ вопросу объ отношеніи русской критики къ Пушкину и заключаетъ свое введеніе обрисовкой личности Пушкина. Не можемъ мы признать съ почтеннымъ авторомъ, что Пушкинъ, на склонѣ дней, пришелъ къ „примиренію съ дѣйствительностью" [3]) и что у него не

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за іюль 1901 года.

[2]) Проф. *Н. П. Дашкевичъ*, „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени" (Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, составленный проф. Имп. У-та св. Владиміра).

[3]) Тамъ же, 112.

было „непослѣдовательности“ и „противорѣчій“ [1]). Впрочемъ выше мы уже неразъ высказывались по этому поводу.

Въ первой главѣ этой работы встрѣчаемъ широкую картину настроеній эпохи („Основные вопросы мысли и творчества XIX вѣка“), отмѣченной и пессимизмомъ, и борьбой вѣры съ невѣріемъ, классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма, космополитизма и народности... Указавъ затѣмъ, что Россія XVIII в.—горячо откликнулась на всѣ эти тревоги европейской мысли [2]), авторъ нѣсколько неожиданно и едва-ли правильно свелъ вліяніе русской жизни и литературы на Пушкина на ничто—они, оказывается, „мало могли помочь Пушкину въ принципіальномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, и онъ, прежде всего, въ западныхъ литературахъ, а не въ родной,—искалъ и находилъ наиболѣе удовлетворявшіе его отвѣты на томившіе его основные вопросы“ [3]). Едва-ли его томили какіе-нибудь вопросы, когда онъ въ отрочествѣ зачитывался Вольтеромъ, или сочинялъ въ лицеѣ стишки à la Парни, а, съ другой стороны, новѣйшія изысканія показываютъ, что вліяніе Державина, Карамзина и Богдановича рано сказались на его творчествѣ. Литературная борьба „Арзамаса“ съ „Бесѣдой“—была первой его литературной школой. О вліяніи же Батюшкова и Жуковскаго на него говорено было въ нашей литературѣ достаточно. Проф. Халанскій къ этому списку прибавилъ еще имя Василія Пушкина [4]).

Мы не хотимъ этимъ уменьшать значеніе западноевропейской литературы въ творчествѣ Пушкина, но нельзя не признать, что весь первый періодъ его творчества тѣсно примыкаетъ къ *русской* литературѣ начала вѣка; лишь къ концу 20-хъ годовъ начинается идейное воспитаніе Пушкина на лучшихъ образцахъ западноевропейской поэзіи.

Вторую главу проф. Дашкевичъ посвящаетъ вопросу объ отношеніи поэзіи Пушкина къ западноевропейской. Намъ не совсѣмъ ясна та система, по которой расположилъ свое изслѣдованіе авторъ,—почему-то мы сперва встрѣчаемъ имя Мольера и анализъ пушкинскаго

---

[1]) Тамъ же, 113.

[2]) Тамъ же, 124—8.

[3]) Тамъ же, 128.

[4]) *М. Е. Халанскій*, „О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина“ (Харьковскій Сборникъ). См. его-же: „Къ вопросу о вліяніи В. Л. Пушкина на поэтич. творчество А. С. П—на“, (Х. 1900).

„Донъ-Жуана“ [1]), намеки на Тартюфа у Пушкина [2]). Затѣмъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько словъ о Корнелѣ, Расинѣ, Лафонтенѣ и Буало [3]); послѣ нихъ проф. Дашкевичъ останавливается на Вольтерѣ [4]) и, особенно, на Руссо [5]) и его послѣдователяхъ: Гете (Вертеръ), Шатобріанѣ (Рене), Бенжаменѣ Констанѣ (Адольфъ), Байронѣ. Авторъ характеризуетъ „вертеризмъ“ на русской почвѣ [6]), между прочимъ, въ лирикѣ Пушкина [7]), затѣмъ переходитъ къ Байрону по поводу элегіи „Погасло дневное свѣтило“ [8]), потомъ возвращается къ Вертеру и Рене по поводу „Кавказскаго Плѣнника“ [9]). Затѣмъ авторъ опять обращается къ Руссо [10]), преувеличивая его значеніе въ жизни и творчествѣ Пушкина, указываетъ на вліяніе его въ „Цыганахъ“ [11]), въ образѣ Татьяны [12]), затѣмъ отходитъ въ сторону, увлеченный характеристикой Онѣгина [13]), сравнивая его съ Рене и Адольфомъ [14]). Заговоривъ о „деревнѣ“ и о деревенскихъ стремленіяхъ Пушкина, авторъ опять возвращается къ Руссо, а также и къ Уордсуорту [15]). Заговоривъ о „романахъ“, авторъ переходитъ къ Ричардсону [16]), Вальтеръ-Скотту и другимъ болѣе мелкимъ романистамъ [17]). Не безъ скачка обращается онъ послѣ этого къ А. Шенье [18]) и его вліянію на Пушкина, затѣмъ отходитъ въ сторону подъ вліяніемъ вопроса о взглядѣ Пушкина на поэзію [19]) (поэтъ—жрецъ), —тутъ мелькаютъ имена Шеллинга, Кольриджа, Мицкевича, Жанъ-Поля-Рих-

---

[1]) Проф. *Н. П. Дашкевичъ*, op. cit. 132—141 („О любви и любовныхъ стихотвореніяхъ Пушкина“, стр. 136—140).

[2]) Тамъ же, 141.

[3]) Тамъ же, 141—145.

[4]) Тамъ же, 145—9.

[5]) Тамъ же, 149.

[6]) Тамъ же, 155—157.

[7]) Тамъ же, 157—163.

[8]) Тамъ же, 163.

[9]) Тамъ же, 165—168.

[10]) Тамъ же, 171.

[11]) Тамъ же, 173—6.

[12]) Тамъ же, 177.

[13]) Тамъ же, 183.

[14]) Тамъ же, 187—200.

[15]) Тамъ же, 200—203.

[16]) Тамъ же, 205.

[17]) Тамъ же, 208—9.

[18]) Тамъ же, 209.

[19]) Тамъ же, 217—223.

тера, А. де-Виньи [1]). Послѣ этого отклоненія авторъ обращается къ Сталь и, опять, къ Шатобріану [2]). Отъ нихъ онъ переходитъ къ Байрону [3]), подробно отмѣчая его отраженія на поэмахъ, романахъ и лирикѣ Пушкина.

Таково содержаніе цѣнной работы проф. Дашкевича. Какъ видно изъ этого краткаго перечня, передъ нами обзоръ далеко не полный—отсутствуютъ имена Шекспира и французскихъ романтиковъ, мало затронутъ Гете, подробно не обслѣдовано вліяніе Вальтеръ-Скотта. Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ увидимъ продолженіе работы проф. Дашкевича.

Очень цѣннымъ вкладомъ въ литературу о Пушкинѣ слѣдуетъ признать также работу проф. Алексѣя Н. Веселовскаго [4]). Почтенный ученый начинаетъ свою работу съ вѣрнаго указанія на неизбѣжность чуждыхъ вліяній въ ростѣ нашего генія и на неправильность той узко-націоналистической критики, которая всегда упорно отстаивала самобытность нашего поэта. „Начиная съ безсистемной начитанности подростка-лицеиста и кончая широкимъ энциклопедическимъ знакомствомъ опытнаго писателя съ міровой литературой, отличительной чертой развитія Пушкина всегда былъ космополитизмъ вкусовъ и художественныхъ интересовъ, достойныхъ гражданина «республики словесности», которому ничто не чуждо“ [5]). „Не только выдающіяся имена, но даже нерѣдко второстепенные ея дѣятели были ему извѣстны“ [6]). „Сонетъ“, „Городокъ“, отрывки изъ „Онѣгина“, разныя критическія замѣтки, отрывки, письма поэта—нерѣдко представляютъ изъ себя „перекличку“ „европейскихъ и русскихъ поэтовъ“ [7]). „Европеизмъ“ поэта распадается, по справедливому указанію автора, на нѣсколько періодовъ: сперва идетъ періодъ „французскаго, потомъ англійскаго вліянія (и въ предѣлахъ послѣдняго—байронизма, шекспироманіи и поклоненія Вальтеръ-Скотту)“ — и, къ концу жизни поэта, начинается „почти одинаково-интенсивное изученіе всѣхъ но-

---

[1]) Тамъ же, 218—20.

[2]) Тамъ же, 224—237.

[3]) Тамъ же, 237—257.

[4]) Проф. *А. Н. Веселовскій*, „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“ (Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборникъ, изд. редакціи журнала *Жизнь*). Спб. 1899.

[5]) Тамъ же, 109.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же.

вѣйшихъ литературъ Запада, которое совпало съ наибольшею самобытностью и народностью его творчества" [1]).

Придерживаясь такого порядка, проф. Веселовскій даетъ очень вѣрную характеристику чуждыхъ вліяній на творчествѣ Пушкина. Парни, Грессе, Вольтеръ, Руссо и Дидро, Сталь, Беранже, Шенье, Шатобріанъ, Расинъ, Лафонтенъ, Мольеръ, — вотъ, имена, которыя отнесены авторомъ къ періоду „галломаніи". Впрочемъ, „вліяніе" нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей не доказано, а приведены только отзывы Пушкина о нихъ; особенно останавливается авторъ на вліяніи Шенье и Шатобріана, своимъ авторитетнымъ голосомъ подтверждая наше мнѣніе о вліяніи второго. Далѣе идетъ оцѣнка вліянія Байрона, вліянія, на нашъ взглядъ, сильно преувеличеннаго. Если поэтъ и „сходилъ съ ума" отъ Байрона, то о „вліяніи" сильномъ можно говорить только тогда, когда это „сумашествіе" отразилось бы на творчествѣ поэта; разъ этого не было, разъ это „вліяніе" прошло по поверхности, не захвативъ „святая святыхъ" поэта,—нельзя преувеличивать его размѣровъ. Байронъ оказалъ воздѣйствіе на Пушкина, какъ *на человѣка*, нѣкоторыми сторонами своей дѣятельности, идеями, настроеніями, быть можетъ даже мелочами своей частной жизни, но Пушкина—*поэта* онъ коснулся мало. Мы согласимся, впрочемъ, съ авторомъ, что „пора страстныхъ байроническихъ порывовъ была для Пушкина, выражаясь старымъ метафизическимъ языкомъ, благодатной грозой. Она возбудила въ немъ небывалую энергію творчества, жажду дѣятельности на пользу людямъ, готовность посвятить силы идеямъ освобожденія, безразлично, русскихъ ли рабовъ, или страдающихъ гдѣ-либо народовъ, расширила его кругозоръ, потрясла и воспламенила его натуру, дала, наконецъ, возможность произвести ту литературную революцію, для которой онъ не находилъ иного подходящаго термина кромѣ романтизма" [2]). Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, что эта „благодатная гроза" *совпала* съ увлеченіемъ Байрона, но не была результатомъ исключительно этого увлеченія. Умѣло связываетъ авторъ дѣятельность Пушкина въ періодъ его англоманіи съ именами Томаса Мура, Шекспира, Вальтеръ-Скотта. Отмѣтивъ вліяніе Гете, проф. Веселовскій перешелъ къ характеристикѣ той эпохи, когда, подъ вліяніемъ разобщенія поэта съ русскою современностью, „мысль его уносится вглубь прошлаго или въ жизнь и литературу

---

[1]) Тамъ же, 110.
[2]) Тамъ же, 120.

чужеземныя; привычный космополитизмъ словесника нашелъ теперь полное оправданіе" [1]). Имена Мильтона, Беньяна, Стерна, Соути, Кольриджа, Вордсворта, Мура, Брайана, Воллера, Проктера (Барри Корнуалля), Вильсона, Бульвера, Данта, Аріоста, Альфьери, Пиндемонте, Джанни, Мюссе, Ламартина, Гюго, Делорма, Мериме и др.— рисуютъ то широкое знакомство поэта съ западной литературой, которое особенно характеризуетъ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Проф. Пономаревъ [2]) въ своей сжатой и энергичной рѣчи обрисовалъ въ широкихъ чертахъ общій ходъ развитія европейской литературы, начиная съ эпохи итальянскаго возрожденія, остановился на великихъ именахъ Данте, Шекспира и Гете, какъ геніальныхъ воплощеніяхъ культуры народовъ Западной Европы. Обращаясь къ Россіи, пробѣжавъ исторію ея литературы и остановившись на эпохѣ нашего «ученичества»—XVIII вѣкѣ,—проф. Пономаревъ указалъ на историческое значеніе Пушкина, въ лицѣ котораго наша литература перешагнула большое разстояніе «отъ ученичества до полной зрѣлости самостоятельно-народнаго развитія и творчества. Онъ сразу явилъ себя истиннымъ носителемъ и выразителемъ европейскаго возрожденія, „быстро прошелъ всѣ стадіи его развитія и занялъ мѣсто въ одномъ ряду съ великими поэтами-художниками культурныхъ народовъ, какъ истинно-національный поэтъ и міровой геній" [3]).

Затѣмъ авторъ указалъ „поразительное и несомнѣнное сходство въ литературной жизни" Пушкина и Данте, Шекспира, Гете, —всѣ они пережили тѣ же настроенія, всѣ они одинаково начали и одинаково кончили. Блестящая характеристика содержанія и особенностей пушкинскаго творчества заключаетъ прекрасную рѣчь проф. Пономарева.

Въ двухъ своихъ работахъ [4]) мы выяснили воздѣйствіе на Пушкина Байрона, Шатобріана, Сталь и Руссо. Перечитывая обширную юбилейную литературу, имѣли мы удовольствіе убѣдиться, что наше

---

[1]) Тамъ же, 125.

[2]) Проф. *А. И. Пономаревъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ отношеніяхъ къ западно-европейскимъ поэтамъ-классикамъ (Данте, Шекспиру, Гете) и, сравнительно съ ними, какъ народный русскій поэтъ-геній". (Рѣчь, произнесенная 24-го мая въ актовомъ залѣ С.-Петербургской Духовной Академіи). Спб. 1899.

[3]) Тамъ же, 10.

[4]) *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ" и „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій" (*Русская Старина*, 1899 г., № 5—6; есть отд. оттиски).

мнѣніе о бо́льшемъ вліяніи на Пушкина Шатобріана, чѣмъ Байрона, принято многими критиками.

Г. Тихоміровъ [1]) далъ очень цѣнную работу, въ которой характеристика Байрона сдѣлана по Брандесу, Спасовичу и нѣкоторымъ другимъ трудамъ; обзоръ статей, трактующихъ о байронизмѣ Пушкина—главнымъ образомъ,—по нашей работѣ. Отношенія Пушкина къ Байрону изслѣдованы авторомъ очень внимательно; въ основномъ заключеніи онъ сошелся съ нами: въ литературной дѣятельности нашего великаго поэта воздѣйствіе Байрона сказалось почти исключительно въ видѣ ряда „заимствованій", т. е. носило внѣшній характеръ.

Г. Красновъ [2]) далъ бѣглую характеристику Парни, указавъ на нѣкоторыя воздѣйствія Парни на Пушкина, на что впрочемъ, уже указано было Л. Н. Майковымъ въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому сочиненій Пушкина.

Г. Налимовъ [3]) перечислилъ имена великихъ итальянскихъ писателей — Данте, Петрарки, Аріоста, Тассо, Альфьери, имена, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Пушкина, и въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтилъ кое-какія сближенія между нѣкоторыми изъ нихъ и Пушкинымъ.

Въ „Вѣстникѣ Иностранной Литературы" помѣщена анонимная статья, въ которой бѣгло говорится о литературной жизни Пушкина и его западноевропейскихъ учителяхъ [4]). Парни и его сверстники, Мольеръ, Байронъ и Шенье, Шекспиръ,—вотъ имена, на которыхъ особенно останавливается авторъ.

Въ „Новомъ журналѣ иностранной литературы, искусства и науки" встрѣчаемъ мы еще другую статью того же содержанія [5]); къ именамъ вышеназваннымъ прибавлено еще имя Шатобріана, при чемъ авторъ,

---

[1]) *Н. Тихоміровъ*, „Пушкинъ въ его отношеніи къ Байрону" (Оттискъ изъ *„Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"* №№ 93, 95, 97, 100, 105, 107, 112, 114, 117, 118, 119, 120). Витебскъ, 1899.

[2]) *Пл. Красновъ*, „Одинъ изъ образцовъ Пушкина", („Книжки *Недѣли*", 1899, № 9).

[3]) *А. Налимовъ*, „Отзвуки итальянской поэзіи у Пушкина" (Историко-литературная замѣтка), *Образованіе*, 1899, № 5—6.

[4]) „Родоначальникъ русскаго вліянія на Западѣ", (Къ юбилею А. С. Пушкина). *Вѣстникъ Иностранной Литературы*, 1899, № 5.

[5]) „А. С. Пушкинъ о литературѣ иностранной" (*Новый журналъ иностранной литературы, искусства и науки*, 1899, т. II).

выясняя связь съ нимъ Пушкина, воспользовался нашею работою по этому вопросу.

Г. Степовичъ въ своей небольшой рѣчи [1]) указалъ на великое значеніе поэта, какъ одного изъ первыхъ русскихъ людей, постигшаго духъ поэтическаго творчества славянъ и сумѣвшаго заинтересоваться будущей судьбой славянства. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ 20-хъ годахъ славяне слишкомъ мало занимали собою общее вниманіе. Оттого, по словамъ автора, „вниманіе, проявленное Пушкинымъ къ славянамъ, ихъ литературѣ, даже ихъ политическому положенію, представляется явленіемъ прямо-таки удивительнымъ" [2]). Съ его легкой руки и русскіе литераторы заинтересовались славянской поэзіей [3]). Далѣе г. Степовичъ бѣгло отмѣтилъ интересъ къ Пушкину со стороны славянъ и остановился на отношеніи поэта къ славянскому вопросу; въ разрѣшеніи его, по словамъ автора, Пушкинъ проявилъ „столько благородства, человѣчности и величія", что нѣсколько разбросанныхъ словъ въ произведеніяхъ: „Клеветникамъ Россіи" и въ „Бородинской годовщинѣ" не туманятъ его яснаго образа, что и сказалось въ томъ общеславянскомъ характерѣ, который имѣлъ юбилей 1899 года.

Проф. Флоринскій [4]) посвятилъ свою небольшую, но очень теплую рѣчь характеристикѣ Челяковскаго, чешскаго поэта и ученаго, современника и большого поклонника Пушкина. Для почтеннаго автора личность Челяковскаго интересна, какъ одно изъ яркихъ доказательствъ громаднаго значенія дѣятельности Пушкина въ славянскомъ мірѣ.

Проф. Кулаковскій [5]) отмѣтилъ въ своей работѣ то возрожденіе славянства, съ которымъ совпадаетъ по времени дѣятельность Пушкина, отмѣтилъ отношенія нашего великаго поэта къ славянамъ въ жизни и литературной дѣятельности и охарактеризовалъ тѣ произведенія, въ которыхъ Пушкинъ явился толкователемъ „славянскихъ мотивовъ". По пути авторъ высказываетъ рядъ мелкихъ соображеній,

---

[1]) *А. I. Степовичъ*, „Пушкинъ и славянство" („Памяти Пушкина", Сборн. Императорскаго Университета св. Владиміра).

[2]) Тамъ же, 277.

[3]) Тамъ же, 279.

[4]) Проф. *Т. Д. Флоринскій*, „Пушкинъ и Челяковскій", („Памяти Пушкина", Сборникъ Императорскаго Университета св. Владиміра).

[5]) Проф. *Пл. Кулаковскій*, „Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина". Варшава, 1899 (оттискъ изъ „*Р. Ф. Вѣстн.*").

дающихъ ясное понятіе, насколько свѣтлая личность поэта сказалась на его переводахъ.

Проф. Лавровъ [1]) коснулся въ своей работѣ тѣхъ же вопросовъ: точно такъ-же отмѣтилъ онъ интересы Пушкина къ славянству, разобралъ его переводы и передѣлки народнаго славянскаго эпоса. Оказалось, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ самое большее вниманіе удѣлилъ славянамъ Пушкинъ. Любопытны очень отзывы о Пушкинѣ его славянскихъ современниковъ, отзывы, свидѣтельствующіе о тогдашней живости литературныхъ симпатій славянства къ русской литературѣ.

Г. Любомудровъ [2]) далъ очень цѣнный очеркъ развитія у Пушкина его классическихъ симпатій съ юности до зрѣлаго возраста: отъ французскаго классицизма Парни и его современниковъ онъ доросъ до чистыхъ высотъ строго античнаго міровоззрѣнія и въ лирикѣ, и въ начатомъ романѣ. Для своихъ литературныхъ наслѣдниковъ былъ онъ первымъ толкователемъ классицизма.

Очень интересенъ этюдъ г. Черняева [3]), подводящій полный итогъ всѣмъ слѣдамъ классицизма у Пушкина. Итогъ оказался внушительнымъ, такъ какъ подсчетъ произведенъ г. Черняевымъ, несомнѣнно, очень старательно. Распадается работа его на слѣдующія главы: 1) Любовь—главный мотивъ пушкинской поэзіи и поэзіи античной, 2) Вліяніе школы и эпохи на развитіе въ Пушкинѣ любви къ античному міру, 3) Слѣды увлеченія Пушкина миѳологіей и исторіей классическихъ народовъ [a) греческая жизнь, b) римская жизнь], 4) Слѣды знакомства Пушкина съ античной литературой [a) Анакреонъ, b) Гедилъ, Іонъ, Ксенофанъ, Мосхъ, c) Гомеръ, d) Овидій, e) Горацій, f) Катуллъ, g) Тибуллъ, h) Вергилій, i) Ювеналъ, Персій, Апулей, Сенека, Плиній, Тацитъ]. Уже изъ одного плана видна обстоятельность и стройность очерка, а потому работу г. Черняева надо привѣтствовать, какъ уясняющую въ значительной степени классическія симпатіи и образы Пушкина. Жаль только, что онъ почему-то слишкомъ выдвигаетъ проф. Кошанскаго, учителя Пушкина, — едва-ли этотъ „лучшій изъ наставниковъ поэта“ былъ замѣтной величиной въ исторіи его поэтическаго развитія!

---

[1]) Проф *П. А. Лавровъ*, „Пушкинъ и Славяне“, („Пушкинскіе дни въ Одессѣ“, Сборникъ Новороссійскаго Университета—отд. оттискъ).

[2]) *С. Любомудровъ*, „Античный міръ въ поэзіи Пушкина“, (М. 1899).

[3]) *Пав. Черняевъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ“. Казань, 1899.

VIII.

Пушкинъ и русская литература.

Проф. Истринъ [1]) въ своей рѣчи охарактеризовалъ Пушкина, какъ связующее звено литературы XVIII и XIX вѣковъ. „Переживъ на себѣ то, что пережила и переживала русская литература, глубже, чѣмъ кто-либо другой, перечувствовавъ чужое наслѣдіе, Пушкинъ силою своего генія вывелъ русскую литературу на путь самостоятельнаго творчества и указалъ ей средство изъ положенія ученическаго перейти въ положеніе сотоварищества съ западно-европейскими литературами" [2]). Бѣгло очертивъ слѣды классицизма у Пушкина, авторъ особенно останавливается на томъ переломѣ, который привелъ Пушкина отъ „романтизма" къ реализму. Подъ романтизмомъ въ данномъ случаѣ авторъ понимаетъ байронизмъ, что, конечно, не то же самое. Вообще понятіе „романтизмъ" выяснено авторомъ недостаточно ясно: указавъ у романтиковъ на свободу формы, демократизмъ сюжета, интересъ къ простому народу, авторъ продолжаетъ: „вмѣстѣ съ тѣмъ,—съ подъемомъ національнаго духа проявляется любовь къ своей старинѣ, и вотъ начинается изученіе среднихъ вѣковъ. Развивается мистицизмъ, и начинаетъ нравиться все неясное, туманное, что приводитъ къ знакомству съ восточными литературами" [3]). Въ этой картинѣ романтизма смѣшаны самыя различныя литературныя теченія XVIII и XIX вѣковъ, проявившіяся въ разныхъ странахъ Европы, но отнюдь не составляющія въ полномъ составѣ типичныхъ особенностей „романтизма". Гораздо справедливѣе посмотрѣлъ Пушкинъ на классицизмъ и романтизмъ, отрицая существованіе у насъ и того и другого [4]). Прекрасно характеризуетъ проф. Истринъ Пушкина, какъ реалиста, какъ реформатора въ области языка, какъ публициста и критика.

Очень любопытна работа г. Лободы [5]),—передъ нами бѣглая характеристика предшественниковъ Пушкина: Ломоносова, Третьяков-

---

[1]) Проф. *В. М. Истринъ*, „Пушкинъ и русская литература" („Пушкинскіе дни въ Одессѣ", Сбор. Имп. Новоросс. университета). Одесса, 1900.

[2]) Тамъ же, 40.

[3]) Тамъ же, 41.

[4]) Тамъ же, 42—3.

[5]) *А. М. Лобода*, „У колыбели Пушкина" („Сборникъ Пушкину", изд. Кіевск. Пед. О—ва. Кіевъ, 1899).

скаго, Сумарокова, Карамзина, Новикова, Фонвизина, Крылова и Кантемира; обрисовано довольно вѣрно умственное настроеніе екатерининскаго общества, интереснаго борьбой и сліяніемъ чужихъ вліяній съ родными русскими, народившимися на почвѣ народнаго самосознанія. Особенно самостоятеленъ авторъ именно тамъ, гдѣ говоритъ объ интересѣ русскаго общества и литературы XVIII вѣка къ родной поэзіи, преданіямъ и сокровищамъ народной поэзіи.

Г. Якубовичъ [1]) обрисовалъ, со словъ Бѣлинскаго и Достоевскаго, литературное значеніе Пушкина, какъ всеобъемлющаго генія русской литературы, учителя всѣхъ послѣдующихъ писателей. Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой, Фетъ, Майковъ и Полонскій, — вотъ, на комъ останавливается далѣе г. Якубовичъ въ своихъ поискахъ пушкинскихъ учениковъ.

Г. Рыбинскій [2]) бѣгло обрисовалъ ближайшихъ современниковъ Пушкина—Дельвига, Баратынскаго и Языкова. Задача автора—очень почтенна; къ сожалѣнію, характеристика трехъ поэтовъ, сдѣланная имъ, не только не блещетъ живостью и яркостью красокъ, но не отличается и обстоятельностью.

Очень цѣнна замѣтка проф. Сумцова о вліяніи Пушкина на Лермонтова [3]). Свое основное положеніе: „въ основѣ почти всѣхъ лучшихъ стихотвореній Лермонтова лежатъ заимствованія у Пушкина, съ прекрасными дополненіями Лермонтова или въ прекрасной и въ высшей степени своеобразной обработкѣ“ [4]),—авторъ удачно доказываетъ сличеніемъ нѣкоторыхъ произведеній обоихъ писателей.

Тотъ же авторъ отмѣчаетъ вліяніе Пушкина на Ф. С. Морачевскаго, маленькаго провинціальнаго поэта, современника Пушкина [5]).

О литературныхъ сношеніяхъ Пушкина съ А. Г. Родзянкой находимъ нѣкоторыя данныя въ статьѣ того же автора [6]).

Больше мѣста отвелъ г. Сумцовъ характеристикѣ Ѳ. И. Тютчева, одного изъ пѣвцовъ пушкинской плеяды [7]). Впрочемъ, сравненіе

---

[1]) *К. Ѳ. Якубовичъ*, „Пушкинъ, какъ всеобъемлющій геній русской поэзіи и учитель нашихъ великихъ поэтовъ“ („Памяти Пушкина“, Сб. Кіевск. окр.).

[2]) *В. С. Рыбинскій*, „Пушкинская плеяда“. („Сборникъ Пушкину“, изд. Кіевск. Пед. Общ.).

[3]) *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина“.—„О вліяніи Пушкина на Лермонтова“—(Харьк. Унив. Сб. въ память А. С. Пушкина).

[4]) Тамъ же, 318.

[5]) Тамъ же, 324: „А. С. Пушкинъ и Ф. С. Морачевскій“.

[6]) Тамъ же, 327: „А. С. Пушкинъ и А. Г. Родзянко“.

[7]) Тамъ же, 330: „А. С. Пушкинъ и Ѳ. И. Тютчевъ“.

обоихъ писателей приводитъ автора къ заключенію, что между ними различія больше, чѣмъ сходства. Заключаетъ свою статью авторъ указаніемъ нѣкоторыхъ произведеній Тютчева, на которыхъ, по его мнѣнію, сказалось нѣкоторое вліяніе великаго поэта.

Проф. Халанскій [1]) задался неблагодарной задачей доказать, что семья великаго поэта имѣла на него благопріятное вліяніе въ смыслѣ нравственнаго и литературнаго воздѣйствія. Безалаберные, безтолковые и недобрые родители поэта, конечно, только коверкали натуру поэта,— всѣ дальнѣйшія отношенія къ поэту его отцу и матери это доказываютъ. Что же касается до вліянія В. Л. Пушкина на великаго поэта, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть такихъ размѣровъ, о которыхъ говоритъ г. Халанскій. Достаточно будетъ, если мы признаемъ, что В. Л. Пушкинъ, при всей бѣдности своего духа и таланта, сумѣлъ откликнуться на нѣкоторыя идеи тогдашней интеллигенціи, что, стало быть, юноша-поэтъ въ дѣятельности В. Л. Пушкина могъ видѣть отраженіе нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ XVIII вѣка, а въ личности добродушнаго, простого балагура-дяди—человѣка довольно образованнаго, любящаго литературу, симпатичнаго, хотя и достаточно потѣшнаго. Указаніе на слѣды вліянія В. Л. Пушкина въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ великаго поэта, на нашъ взглядъ, не особенно убѣдительны. Во всякомъ случаѣ, личность самого В. Л. Пушкина, какъ поэта, несомнѣнно, освѣщена проф. Халанскимъ съ новой стороны, а примѣчанія его, посвященныя выясненію исторіи Арзамаса и взглядовъ Пушкина на поэзію, несомнѣнно, очень цѣнны [2]).

Г. Красновъ [3]) началъ свой этюдъ съ вѣрнаго замѣчанія, что у всякаго великаго великаго человѣка есть предшественники: „великій человѣкъ не создаетъ самъ всего, что имъ творится: онъ только объединяетъ работы своихъ предшественниковъ и говоритъ заключительное слово“ [4]), Далѣе авторъ указываетъ на Карамзина, Дер-

[1]) Проф. *М. Халанскій*, „О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина“. Тамъ же, 351.

[2]) Касательно вопроса о вліяніи В. Л. Пушкина на А. С. Пушкина проф. Халанскій въ Зап. Имп. Харьк. университета (1900, вып. 4-й—есть отд. отт.) напечаталъ еще замѣтку „Къ вопросу о вліяніи В. Л. Пушкина на поэт. творчество А. С. Пушкина“. (X. 1900), въ которой, полемизируя съ г. W., отстаиваетъ свое мнѣніе о большомъ вліяніи дяди на племянника, между прочимъ, рядомъ ссылокъ на мнѣнія другихъ критиковъ и современниковъ Пушкина.

[3]) *Пл. Н. Красновъ*, „Предшественники Пушкина“ (Книжки *Недѣли* 1899, № 6).

[4]) Тамъ же, 185.

жавина, Дмитріева и „особенно“ на Радищева, Батюшкова и Жуковскаго. Останавливается авторъ на трехъ послѣднихъ, посвящая нѣсколько строчекъ Радищеву, но не выясняя впрочемъ его „особеннаго“ значенія для Пушкина; „болѣе очевиднымъ“ оказывается для него вліяніе Батюшкова, но и оно сводится, въ концѣ концовъ только къ формѣ, Жуковскій же „только отчасти предшественникъ“ Пушкина; на немъ долго останавливается авторъ, — тѣмъ не менѣе, отстраняя рядъ произведеній (торжественныя, патріотическія), онъ и въ другихъ находитъ часто „противоположность“ Пушкину. Получается, въ результатѣ полное несоотвѣтствіе содержанія статьи и ея заглавія.

Проф. Сперанскій [1]) началъ свою рѣчь съ выясненія личныхъ отношеній къ поэту Гоголя, Жуковскаго, Лермонтова, Мицкевича; за этими „друзьями“ поэта идутъ имена „враговъ“: Каченовскаго, Ѳ. Булгарина, С. С. Уварова. Затѣмъ почтенный авторъ широкими штрихами обрисовалъ современное поэту русское общество и ту борьбу, что въ послѣдующей критикѣ привела уже въ наши дни къ побѣдѣ великаго поэта. Надеждинъ, Бѣлинскій, Мартыновъ, Аскоченскій, Чернышевскій, Писаревъ, Ап. Григорьевъ,—вотъ, главные дѣятели этой борьбы.

Проф. Владиміровъ [2]) далъ очень цѣнный обзоръ дѣятельности писателей, предшествовавшихъ Пушкину, параллельно съ этимъ внимательно отмѣчая воздѣйствія ихъ на великаго поэта и отзывы о нихъ поэта. Разработка XVIII вѣка въ русской литературѣ такъ незначительна, что надо искренне благодарить проф. Владимірова за попытку опредѣлить въ ней тѣ теченія, что слились подъ конецъ въ широкую и многоводную рѣку, создавъ Пушкина. Въ слѣдующей главѣ нашей работы мы будемъ имѣть случай вернуться къ отдѣльнымъ мнѣніямъ и сопоставленіямъ почтеннаго автора. Отмѣтивъ связь Пушкина съ XVIII вѣкомъ, проф. Владиміровъ перешелъ къ характеристикѣ его литературной дѣятельности: сперва его эпоса (поэмы и романы), затѣмъ лирики. Эта характеристика не даетъ намъ ничего особаго новаго; нѣкоторая случайность въ выборѣ разбираемыхъ произведеній—главный ея недостатокъ. Цѣнно въ ней явное желаніе исходить при объясненіи произведеній только изъ русской жизни, русской литературы, или изъ самого Пушкина.

---

[1]) Проф. *М. Н. Сперанскій*, „Друзья и враги Пушкина въ литературѣ“, (26-го мая 1899 года. Рѣчи, произн. въ день праздн. 100-лѣтія рожд. А. С. Пушкина въ торж. собр. Истор. филол. института кн. Безбородко) Нѣжинъ, 1899.

[2]) Проф. *П. В. Владиміровъ*, „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ“ („Памяти Пушкина, научно-литер. сборн., сост. проф. и препод. Имп. университета св. Владиміра“). Кіевъ, 1899.

Г. Лобода [1]) далъ бѣглую, но очень живую и, въ общемъ, вѣрную оцѣнку вліянія лирики и эпоса пушкинскаго на русскую литературу XIX вѣка. Передъ нами не детальное изслѣдованіе, но широкими штрихами набросанная картина, въ которой намѣчены лишь общія положенія. Изъ современниковъ Пушкина, отразившихъ на себѣ его вліяніе, авторъ называетъ Дельвига, Языкова, Рылѣева и кн. Вяземскаго. Лермонтовъ, тѣсно связанный съ Пушкинымъ, „остался на высотѣ поэзіи своего предшественника, на произведеніяхъ котораго онъ въ буквальномъ смыслѣ вырабатывалъ свою собственную поэзію“ [2]). Дольше авторъ останавливается на оцѣнкѣ А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго и А. А. Фета. Изъ нихъ шире всего захватилъ Пушкина и ближе всего подошелъ къ нему, по мнѣнію автора, Я. П. Полонскій [3]), поэтъ „ежедневной, почти будничной жизни“, умѣющій въ ней находить искры красоты. Особенно полнымъ оказывается сближеніе съ Пушкинымъ графа А. Толстого. Вѣрна характеристика пѣвцовъ „чистаго искусства“. „Муза Пушкина и Лермонтова была не только музой красоты и природы,—она была музой человѣческихъ страстей, борьбы, страданія, всего безграничнаго и бурнаго океана жизни. Муза Майкова, Фета и Полонскаго значительно сузила поэтическую программу Пушкина и Лермонтова. Она боится бурь историческихъ и душевныхъ, слишкомъ рѣзкаго современнаго отрицанія, слишкомъ горькихъ и болѣзненныхъ сомнѣній, слишкомъ разрушительныхъ страстей и порывовъ“ [4]). Оттого „вдохновенные въ 70 лѣтъ, они моложе молодыхъ поэтовъ болѣе нервнаго и мятежнаго поколѣнія“. Они отсѣкли отъ поэзіи „вѣчныя страданія человѣческаго духа, мятежный, неугасающій огонь Прометея, возставшаго на боговъ“ [5]). Далѣе г. Лобода указываетъ на другую группу учениковъ великаго поэта, Некрасова и Плещеева. „Обѣ партіи, говоритъ онъ, въ сущности, лишь подѣлили между собою наслѣдіе Пушкина, гармонически сливавшіяся у Пушкина и взаимно умѣрявшіяся требованія искусства и жизни, обособившись, обозначились сильнѣе и стали во враждебныя другъ другу отношенія, но и здѣсь—конечная цѣль

---

[1]) *А. М. Лобода*, „Отзвуки пушкинской поэзіи въ послѣдующей русской литературѣ“ („Памяти Пушкина“, Сборн. университета св. Владиміра). Кіевъ, 1899.

[2]) Тамъ же, 259.

[3]) Тамъ же, 261.

[4]) Тамъ же, 263.

[5]) Тамъ же, 264.

служенія музамъ у той и другой партіи осталась одинаковой (?); разница была только (?) въ средствахъ, и при извѣстномъ дарованіи она становилась почти незамѣтной, такъ что подчасъ поэтъ чистаго искусства создаетъ произведенія, подъ которыми охотно подписался бы поэтъ-гражданинъ, и наоборотъ" [1]. Страннымъ и сбивчивымъ показалось намъ разсужденіе автора о пробужденіи „добрыхъ чувствъ" лирою поэтовъ „чистаго искусства" [2]. Вліяніе Пушкина на русскій романъ очерчено бѣгло, о чемъ, конечно, приходится пожалѣть.

Г. Залдкинъ [3] далъ очень обстоятельный подборъ всѣмъ отзывамъ Пушкина о современныхъ ему и старыхъ русскихъ писателяхъ, равно какъ и объ иностранныхъ писателяхъ, такъ или иначе коснувшихся его творчества. По тщательности и добросовѣстности изученія Пушкина работа г. Залдкина представляетъ несомнѣнный интересъ.— Значеніе Пушкина, какъ предшественника Бѣлинскаго—главный выводъ г. Залдкина, выводъ, который доказанъ имъ очень обстоятельно.

Г. Козминъ [4] очень обстоятельно обрисовалъ Пушкина въ роли судьи европейской драмы, старой и современной ему. Судя по обилію цитатъ, можно думать, что авторъ собралъ все интересное изъ пушкинскихъ матеріаловъ для выясненія поставленнаго имъ вопроса. Попутно г. Козминъ дѣлаетъ цѣнные экскурсы въ область теоріи драмы, глубоко проникая въ сутолоку борьбы классиковъ съ романтиками. Корнель, Расинъ и Мольеръ и русскіе классики—Фонвизинъ, Катенинъ, Сумароковъ, Княжнинъ и Озеровъ; Вольтеръ и Дидро; Байронъ, Гете и Шиллеръ, Шекспиръ, Альфіери, Вильсонъ, Кориволь,—вотъ драматурги, которые имѣютъ отношеніе къ Пушкину. Живая характеристика ихъ, сдѣланная авторомъ, на основаніи хорошаго изученія ихъ историко-литературнаго значенія и освѣщенная иногда обстоятельными, иногда бѣглыми, но всегда остроумными сужденіями Пушкина—представляетъ большой интересъ. Изъ теоретиковъ драмы г. Козминъ разбираетъ Буало, Вильмена, Сталь, Авг. Шлегеля и нѣкоторыхъ другихъ. Нельзя не упрекнуть автора въ нѣкоторой мозаичности его работы.

---

[1] Тамъ же, 265.

[2] Тамъ же, 264—5.

[3] *А. Залдкинъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ литературный критикъ" („Русская Старина", 1899, № 5, № 6; отд. оттискъ. Тифлисъ, 1899).

[4] *Н. К. Козминъ*, „О взглядѣ Пушкина на драму" („Памяти А. С. Пушкина". Сборн. С.-Пб. унив.) С.-Пб. 1900.

Г. Бѣляевъ [1]) очень внимательно подобралъ отзывы Пушкина о театрѣ, артистахъ, драматургахъ.

Г. Ука—въ [2]) изъ писемъ поэта, матеріаловъ Анненкова и записокъ Смирновой подобралъ все характерное для отношеній Пушкина къ пьесамъ Гоголя.

Г. Николаевъ [3]), бѣгло обрисовавъ исторію русскаго театра въ началѣ XIX вѣка, остановился на изученіи Пушкинымъ Шекспира и созданіи „Бориса Годунова".

Г. Гиппіусъ [4]) въ своей обширной работѣ собралъ много, даже слишкомъ много, матеріала, цѣннаго для характеристики литературныхъ нравовъ эпохи. Къ сожалѣнію этотъ матеріалъ, извлеченный въ видѣ краткихъ выдержекъ, остался сырымъ, не обработаннымъ. Самый пріемъ располагать его хронологически, по лѣтописному, не группируя его по смыслу, по степени интереса,—не представляется намъ удачнымъ. Характеристика дѣятелей журнальной полемики временъ Пушкина (Надеждинъ, Булгаринъ, Полевой) не всегда выдержаны, порою даже противорѣчивы, иногда не совсѣмъ понятны. Напримѣръ, „Пушкинъ, писатель свободнаго и простодушнаго характера, высшихъ способностей" [5])—образъ совсѣмъ неясный. Булгаринъ „по возвращеніи въ Петербургъ, сталъ скучать гарнизонной службой и вести себя слишкомъ вольно, за что подвергался частымъ взысканіямъ [6]). Онъ былъ въ то время не тѣмъ, чѣмъ сталъ послѣ; онъ былъ уменъ; любезенъ, гостепріименъ; онъ искалъ дружбы, людей благородныхъ; однако и тогда не пренебрегалъ онъ людьми другого рода и не того движенія, къ которому примкнулъ. До 1823 года Булгаринъ велъ процессъ, очень продолжительный и путанный, который и развратилъ окончательно его душу. Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ: онъ былъ добръ и сострадателенъ; онъ былъ уменъ. Но добрыя свойства его съ каждымъ годомъ все уходили, а дурныя развивались" [7]). На стра-

---

[1]) *Юрій Бѣляевъ*, „Пушкинскій Театръ", (*Театръ и Искусство*), 1899, № 17—18.

[2]) *Нилъ Ука—въ*, „Отношенія А. С. Пушкина къ „Ревизору" и „Горю отъ ума". (*Театръ и Искусство*, 1899, № 21).

[3]) *Н. Николаевъ*, „О значеніи А. С. Пушкина въ русскомъ театрѣ". (*Театръ и Искусство*, 1899, № 23).

[4]) *В. В. Гиппіусъ*, „Пушкинъ и журнальная полемика его времени". (*Пушк. Сб.*, С.-Пб. У—та, стр. 227).

[5]) Тамъ же, 227.

[6]) Тамъ же, 251.

[7]) Тамъ же, 252.

ницѣ 266 тотъ же Булгаринъ охарактеризованъ такъ: „переметный, корыстный и низкій полякъ, изолгавшійся, измѣнившій своему отечеству“ [1]). Изъ этихъ выдержекъ видно, что г. Гиппіусъ часто находится во власти матеріала, подчиняется ему, оттого впадаетъ въ досадныя противорѣчія. Стиль его работы мѣстами очень неровенъ и невразумителенъ.

Цѣнной является работа профессора Владимірова, посвященная вопросу объ отношеніи къ поэту русской критики съ 1820 по 1899 г. [2]). Первая половина работы, обзоръ критики до Бѣлинскаго, особаго интереса не представляетъ: онъ составленъ, повидимому по книгѣ г. Зелинскаго, „Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, (4 ч., 1887—1888). Далѣе идетъ довольно обстоятельный, но нѣсколько сбивчивый обзоръ критики Бѣлинскаго, за которымъ слѣдуетъ цѣнная часть работы — перечень наиболѣе интересныхъ работъ, посвященныхъ Пушкину отъ Бѣлинскаго до нашихъ дней. Списокъ этотъ далеко не полный и составленъ довольно случайно, но въ виду того, что онъ единствененъ—онъ очень любопытенъ.

Жаль, впрочемъ, что авторъ не ограничился болѣе обстоятельнымъ обзоромъ пушкинской литературы за періодъ между Межовымъ и 1899 годомъ,—онъ могъ бы тогда оставить въ сторонѣ критику старую и новѣйшую (1899 г.).

Г. Некрасовъ [3]) далъ недурную, хотя и не вполнѣ самостоятельную характеристику Д. Веневитинова, кружка московскихъ юношей-философовъ, обрисовалъ ихъ органъ и отношенія къ молодымъ москвичамъ А. С. Пушкина. Г. Некрасовъ изъ того, что Пушкинъ еще до знакомства [съ московской философіей] написалъ свое стихотвореніе: „Чернь“ заключаетъ: „къ такому взгляду на искусство и поэзію поэтъ пришелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, независимо отъ чужихъ критическихъ указаній... Тутъ было простое совпаденіе теоретическихъ убѣжденій, къ которымъ каждая сторона пришла

[1]) Тамъ же, 266.

[2]) Проф. *П. В. Владиміровъ*, „Отношеніе къ Пушкину русской критики съ 1820 года до столѣтняго юбилея 1899 года“. („Памяти Пушкина“, Сборн. Университета св. Владиміра). Кіевъ, 1899.

[3]) *Ѳ. Некрасовъ*, „Д. В. Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ, „Московскій Вѣстникъ“, журналъ русскихъ шеллингіанцевъ Веневитиновскаго кружка и А. С. Пушкинъ: ихъ взаимныя „историко-литературныя отношенія“. („Пушкинскій Сборникъ“ Московскаго университета). М. 1900.

независимо отъ другой" [1]). Литературнаго вліянія Веневитинова на Пушкина авторъ не признаетъ, близкія отношенія между ними отвергаетъ. Характеристика „Сцены изъ Фауста", и выясненіе вліянія Гете на Пушкина заключаютъ статью.

Г. Розановъ [2]) далъ очень цѣнный обзоръ жизни и литературной дѣятельности Грибоѣдова; остроумна та параллель, которую провелъ авторъ между Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ,—оказывается, и многіе факты ихъ жизни, ихъ настроенія, и внѣшнія литературныя вліянія на нихъ порою замѣчательно совпадаютъ. Въ противоположность Жуковскому и Лермонтову, „ихъ жалобы, чаянья и надежды сравнительно рѣдко выходили за предѣлы земного существованія, и тѣ тайны и загадки, которыми отовсюду окружена человѣческая жизнь, не возбуждали въ нихъ особеннаго интереса" [3]). Оба были яркими представителями художественнаго реализма и открыли собою новую эпоху въ русской литературѣ. Различіе основное между обоими—то, что Пушкинъ говорилъ о положительной сторонѣ дѣйствительности, а Грибоѣдовъ—объ отрицательной. Кромѣ того, Пушкинъ „никогда не доходилъ до той степени безысходнаго отчаянія, которая была знакома Грибоѣдову" [4]). Вліяніе французской литературы, поэтовъ разочарованія и, наконецъ, Шекспира, — вотъ, школа, равно пройденная обоими писателями,—только Грибоѣдовъ вынесъ изъ нея идеаломъ—героизмъ, а Пушкинъ — „душевную гармонію и непосредственность" [5]). Повторяемъ, лучшею и главною частью работы г. Розанова надо признать характеристику Грибоѣдова; попутно высказываетъ онъ цѣнныя замѣчанія о Пушкинѣ, дѣлаетъ любопытное сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Горя отъ ума" съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ". Неясно у автора пониманіе „романтизма": отмѣтивъ и у Грибоѣдова, и у Пушкина реализмъ творчества, г. Розановъ словно не хочетъ разстаться съ романтизмомъ и нѣсколько разъ привязываетъ къ этому неясному, непонятному фантому имена Пушкина и Грибоѣдова.

Г. Жураковскій [6]) далъ недурную біографію Е. А. Баратынскаго, и затѣмъ обстоятельно охарактеризовалъ этого безутѣшнаго скорб-

---

[1]) Тамъ же, 77.

[2]) *И. Розановъ*, „Грибоѣдовъ и Пушкинъ". (Тамъ же, 100).

[3]) Тамъ же, 100.

[4]) Тамъ же, 105.

[5]) Тамъ же, 109.

[6]) *Евгеній Жураковскій*, „Поэтъ-пессимистъ и ближайшій спутникъ поэзіи Пушкина". („Пушкинскій Сборникъ", Имп. Моск. универ.). М. 1900 г.

ника, параллельно сопоставляя съ его взглядами, взгляды и чувства Пушкина, грусть котораго легка и свѣтла и никогда не переходитъ въ безотрадный пессимизмъ. Удачно выяснилъ авторъ и нѣкоторыя вліянія Пушкина на творчество Баратынскаго,—непонятно только, почему онъ настойчиво говоритъ о вліяніи на Баратынскаго „*пушкинскаго* байронизма", — по силѣ, мрачности и глубинѣ скорби муза Баратынскаго пошла дальше не только Пушкина, но и Байрона, могучій духъ котораго, зараженный скорбью, еще полонъ борьбы съ жизнью, полонъ первыхъ, не затихнувшихъ страданій, не разрѣшившихся еще въ безотрадный покой рефлексіи, — а послѣднимъ отличается именно муза Баратынскаго. Авторъ могъ бы поискать на западѣ для Баратынскаго образцовъ болѣе подходящихъ, чѣмъ Байронъ.

Петербургскаго же періода касается прекрасный этюдъ г. Миллера объ отношеніяхъ Пушкина къ Катенину [1]). Обрисовавъ въ первой главѣ личность нашего „неоклассика" Катенина, поскольку она оказалась доступной по матеріаламъ и подготовительнымъ работамъ, авторъ во второй главѣ говоритъ объ его критическихъ вѣрованьяхъ, а, слѣдовательно, и о томъ мѣстѣ, которое занялъ онъ въ литературномъ спорѣ классиковъ и романтиковъ. Третью главу своей работы авторъ посвящаетъ выясненію вліянія Катенина на Пушкина. Нельзя сказать, чтобы это вліяніе было опредѣлено убѣдительно, — интересъ къ французскому классицизму и драматическому искусству былъ у Пушкина и до знакомства съ Катенинымъ, къ литературной религіи Катенина нашъ поэтъ не примкнулъ; что же касается до нравственнаго воздѣйствія Катенина на Пушкина, то едва ли первый могъ *смягчающимъ* образомъ дѣйствовать на неровность души Пушкина, такъ какъ самъ не отличался такой ровностью. Интересна 4-я глава, въ которой доканчивается біографія Катенина. Въ работѣ г. Миллера видна и талантливость, и умѣніе работать, — къ сожалѣнію, пока еще у него малый запасъ свѣдѣній: если „классицизмъ" Катенина неуловимъ изъ его только работъ, — надо сравнить его взгляды съ теоретиками античнаго и французскаго классицизма, тогда, пожалуй, можно будетъ выбраться изъ нѣкоторыхъ недоумѣній.

Г. Столбцовъ собралъ изъ записокъ Никитенка все, что относилось къ Пушкину [2]) и его произведеніямъ; получился довольно лю-

[1]) *В. Миллеръ*, „Катенинъ и Пушкинъ" („Пушкинскій Сборникъ", статьи студ. Имп. Моск. универ.). М. 1900 г.

[2]) *С. А. Столбцовъ*, „А. С. Пушкинъ въ отзывахъ А. В. Никитенка". (Харьк. универ. сбор.).

бопытный портретъ, нарисованный нѣсколько односторонне, человѣкомъ, имѣвшимъ по своей обязанности непріятныя дѣловыя отношенія съ Пушкинымъ, но, въ общемъ, благожелательный,—добродушный авторъ записокъ сумѣлъ скрасить его тѣми прочувствованными отзывами, которые, конечно, нашлись у просвѣщеннаго человѣка, высоко цѣнившаго геній Пушкина.

Отзывы Аксакова и Тургенева напечаталъ г. Шараповъ [1]).

Въ *Кіевской Старинѣ* перепечатанъ отзывъ Максимовича о „Полтавѣ" [2]), что, конечно, нѣкоторый интересъ имѣетъ, но, признаемся, не особенно большой.

Г. Петровъ, бѣгло очертивъ отношенія Пушкина къ Украйнѣ во время жизни его на югѣ и отраженіе ея на его поэтическомъ творчествѣ [3]), — перечислилъ нѣкоторыхъ переводчиковъ Пушкина на малороссійскій языкъ и выяснилъ вліяніе Пушкина на „украинскую литературу". Авторъ къ Пушкину относится благосклонно, признаетъ, что его „нельзя миновать при изученіи отечественной литературы" [4]) и что „даже (!) самъ Шевченко многимъ и очень многимъ обязанъ былъ А. С. Пушкину" [5]).

IX.

Пушкинъ—народный, національный поэтъ.

Эта тема разработана въ многочисленныхъ статьяхъ и рѣчахъ 1899—1900 годовъ.

Особое мѣсто среди этой литературы занимаетъ рѣчь академика Александра Веселовскаго [6]). Распадается эта, въ высокой степени содержательная и художественная, рѣчь на двѣ половины: сначала почтенный авторъ говоритъ о внѣшнихъ признакахъ народности великаго поэта, затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ внутреннихъ особенностей его музы опредѣляя Пушкина, какъ слугу русскаго

---

[1]) *Шараповъ*, „Аксаковъ и Тургеневъ о Пушкинѣ". (*Пушк. Сборн.* Петерб. литер.).

[2]) *Кіевская Старина*, 1899, № 5.

[3]) *Н. И. Петровъ*, „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи". (Сб. Кіевск. Пед. общ.).

[4]) Тамъ же, 167.

[5]) Тамъ же, 163.

[6]) *А. И. Веселовскій*, „Пушкинъ—національный поэтъ" („Чествов. Пушкина Имп. Ак. Н."; есть отд. оттискъ).

народа на поприщѣ общественномъ. Эти „внѣшніе признаки“ сводятся къ той связи, что впервые только съ нимъ образовалась у русской литературы съ народной жизнью, народной поэзіей и исторіей: „онъ связывалъ свое настоящее съ прошедшимъ, безсознательный починъ съ умственной задачей зрѣлаго художника“... [1]), „онъ не подражалъ, какъ наши сентименталисты и романтики, а творилъ на новыхъ стезяхъ... Какъ Мольеръ, онъ у другихъ бралъ свое: формы, отвѣчавшія его поэтическому чутью, будившія въ немъ его собственные „звуки новые“, типы, которые онъ находилъ и кругомъ себя, стремленія, которыя дѣлилъ съ лучшими людьми своего времени и самъ переживалъ страстно и тревожно... Оттого онъ не сентименталистъ, не романтикъ; байронистъ только по совпаденію западныхъ литературныхъ и русскихъ общественныхъ моментовъ“ [2]). „Прошлое“ и „современное“ русской жизни предстало передъ нимъ безъ сентиментальнаго и романтическаго тумана—„все это очутилось въ русской обстановкѣ, реальной и поэтической, выросло изъ нея, одно съ нею; вездѣ ощущается народная подпочва, впервые „тихая и безпорывная“ (Гоголь о Пушкинѣ), прелесть русскаго пейзажа, интимное пониманіе крестьянскаго быта; то и другое надо было не только передумать, но и прочувствовать“ [3]). Такимъ же „народникомъ“ оказался Пушкинъ и въ смыслѣ языка: „прочно онъ овладѣлъ народно-поэтическимъ стилемъ... Оттуда обогащеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опрощеніе нашего художественнаго языка“ [4]). Таковы внѣшніе элементы народности, выразившіе въ поэзіи Пушкина тотъ духовный подъемъ, который характеризуетъ русское общество отъ начала вѣка до половины 20-хъ годовъ [5]). Затѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ „внутреннихъ“ элементовъ народности въ поэзіи Пушкина: „Отечественная война, наша освободительная, рѣшающая роль въ европейскихъ событіяхъ,—все это воспитало не только нашу національную гордость, но и наше самосознаніе, сознаніе силъ и недочетовъ и средствъ къ ихъ устраненію. Правительство снова вступаетъ на путь реформъ; просвѣтительныя идеи, переносившіяся къ намъ съ запада и уже давшія свои плоды въ идеалистическихъ теченіяхъ конца прошлаго вѣка, завоевываютъ себѣ болѣе широкіе круги и въ

[1]) Тамъ же, 4.
[2]) Тамъ же, 4—5.
[3]) Тамъ же, 6.
[4]) Тамъ же, 8.
[5]) Тамъ же, 8.

нихъ осѣдаютъ; на смѣну эстетическо-моральныхъ теорій самосовершенствованія является призывъ къ дѣятельности; военно-державный патріотизмъ оды уступаетъ мѣсто народно-общественному" [1])... Далѣе акад. Веселовскій живыми широкими штрихами набрасываетъ картину, какъ прояснялось въ великомъ поэтѣ сознаніе „народно-общественнаго" служенія. Это видѣніе „свободы просвѣщенной", программу времени, онъ уноситъ съ собою въ изгнаніе; онъ страстно ею охваченъ и въ то же время онъ чувствуетъ это лишь „безплодный жаръ" — одинъ изъ источниковъ его душевныхъ тревогъ и недовольства собою, его русскаго байронизма... „Программа обязывала своею серьезностью, не подъ стать тѣмъ обрывкамъ знанія и идей, которые Пушкинъ вынесъ изъ лицея и изъ внѣ-лицейскихъ образованныхъ кружковъ. Онъ лихорадочно читаетъ, бесѣдуетъ, затѣвая споры, чтобъ научиться изъ отвѣтовъ... Такъ зрѣли въ душевной глубинѣ думы и требовали выхода, осуществленія" [2])... Прекрасно обрисованы идеалы Пушкина послѣ 1826 года, когда онъ, попавъ въ разрѣженное послѣ катастрофы русское общество, хотѣлъ пѣснями служить своему высокому идеалу, уже просвѣтленному сознаніемъ и опытомъ,—идеалу поэта, писателя - гражданина... Онъ „жаждалъ *дѣятельной* борьбы—но русская дѣйствительность дала ему лишь борьбу *страдательную*" [3]). „На такой-то почвѣ зрѣлъ художественный паѳосъ его мысли, личной и общественной, паѳосъ любви и печали, но и энергіи желаній. Все это складывалось не въ строгую, общественно-философскую, послѣдовательную въ жизни систему: синтезомъ Пушкина, прирожденной формой его мышленія, была поэзія" [4]). Онъ умѣлъ „отвлечь отъ дѣйствительности ея жизненное содержаніе и явить его въ формахъ красоты" [5]). Его поэтическія симпатіи шире, чѣмъ у Байрона,—недаромъ называли его „Протеемъ": „у него на все родится откликъ и отвѣтъ" („Эхо", 1830). „Касалось ли дѣло жизни сердца или мимолетнаго увлеченія,—всюду онъ находилъ общечеловѣческіе моменты и переживалъ и заставляетъ насъ переживать („Чудное мгновеніе", 1825). И въ оцѣнкѣ общественныхъ и историческихъ явленій ему случалось увлекаться мечтами поэта, идеализуя то, что осудитъ

---

[1]) Тамъ же, 8—9.
[2]) Тамъ же, 10.
[3]) Тамъ же, 14.
[4]) Тамъ же, 16.
[5]) Тамъ же, 16.

проклятый „правды свѣтъ“ [1]) оттого—„возвышающій обманъ идеала—не безразличіе оппортунизма, а исканіе человѣчности—въ царствѣ силы; не капризъ поэта, а иллюзія человѣка, честно и серьезно работавшаго надъ вопросами личнаго и общественнаго блага“ [2]). Характеризуя далѣе поэзію Пушкина, акад. Веселовскій указываетъ, между прочимъ, на такую особенность ея, „онъ открывалъ новыя краски въ образахъ, старыхъ, какъ греческіе боги“ [3]). „Пушкинъ, по его словамъ, поэтъ по манію небесъ; въ этомъ смыслѣ его поэзія — памятникъ нерукотворный; но есть въ ней и другая, такъ сказать, рукотворная сторона: не только работа взыскательнаго художника надъ формой, но и неустанная работа мысли, увлекавшейся общественными интересами и возвышающимъ насъ обманомъ... Это не поэзія для поэзіи, а поэзія, какъ проповѣдь „добрыхъ чувствъ“ [4])... Останавливаетъ на себѣ вниманіе также прекрасная, по содержанію и по формѣ, характеристика литературы XVIII в. и особенно той предразсвѣтной поры, когда чувствовалось въ воздухѣ скорое появленіе новаго генія: „изъ утреннихъ тумановъ, въ которыхъ вьются тѣни классиковъ и романтиковъ, старыхъ западниковъ и народниковъ, Арзамаса и Бесѣды, выдѣляется образъ юноши-Пушкина“ [5]).

Проф. Архангельскій [6]) задался очень интересной задачей выяснить, „насколько образъ мыслей и чувствованій, обычаи, понятія и повѣрія, принадлежащія нашимъ *низшимъ народнымъ слоямъ*, находятъ для себя отзвукъ въ поэзіи Пушкина,—въ какой степени Пушкинъ является „народнымъ“ писателемъ для нашего *простонародья*, писателемъ низшей „народной массы“ [7]). Авторъ приходитъ къ выводу, что многое у Пушкина вполнѣ доступно простому народу (картины русской природы и жизни) своеобразный міръ его вѣрованій тоже нашелъ въ Пушкинѣ вѣрнаго художника; не оскорбитъ поэзія Пушкина и религіозныхъ чувствъ нашего народа, приподниметъ его патріотическія настроенія; даже своеобразный элегическій тонъ лучшихъ произведеній Пушкина не останется не замѣченнымъ сердцемъ русскаго про-

---

[1]) Тамъ же, 16.

[2]) Тамъ же, 17.

[3]) Тамъ же, 17.

[4]) Тамъ же, 18.

[5]) Тамъ же, 3.

[6]) Проф. *А. С. Архангельскій*, „А. С. Пушкинъ, какъ писатель народный“. Казань, 1899.

[7]) Тамъ же, 4—5.

столюдина, такъ какъ той же элегіей звучитъ его задушевная пѣсня... Особенно, конечно, близки къ пониманію народа будутъ произведенія Пушкина, отразившія на своемъ сюжетѣ образы народной поэзіи. Въ заключеніе, почтенный авторъ характеризуетъ теперешнюю библіотеку нашего народа, въ которой главное мѣсто занимаетъ „лубочная литература", и выражаетъ пожеланіе, чтобы поэзія Пушкина поскорѣе вытѣснила этотъ интересъ къ дряннымъ романамъ и другимъ подобнымъ произведеніямъ невѣжественныхъ авторовъ.

Прекрасна рѣчь г. Петрова [1]), посвященная оцѣнкѣ „народности" нашего великаго поэта. Начинаетъ г. Петровъ ее съ критики славянофильскихъ тенденціозныхъ толкованій „народности" русской, вообще и пушкинской въ частности (А. Григорьевъ, Страховъ, Достоевскій), затѣмъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія: „мы, говоритъ онъ, минуемъ всѣ эти полумистическія мечты о русской народности и ставимъ себѣ задачу несравненно болѣе скромную. Мы просто хотимъ посильно показать, что, такъ какъ геніальный поэтъ или художникъ вообще есть всегда центральное отраженіе кипящей вокругъ его жизни,—ея *фокусъ*, то и Пушкинъ не могъ не быть таковымъ въ отношеніи русскаго міра, и не только жизни образованнаго слоя, а и *чисто народной*, по скольку она вторгалась и переплеталась въ тѣ времена съ бытомъ помѣщичьяго класса" [2]). „Пушкинъ въ своей поэзіи выказывалъ глубочайшую духовную связь съ землею и народною массою, сливаясь съ нею порою въ полномъ единствѣ вкусовъ и поэтическихъ созерцаній, глядя на міръ ея исконными взглядами, улавливая красоту и благо во всемъ томъ, что она цѣнила, въ чемъ ихъ искала и находила" [3]). Къ этому выводу авторъ пришелъ оригинальнымъ путемъ: при помощи подробной характеристики Татьяны и сближенія ея жизни, ея вкусовъ, стремленій и разочарованій съ судьбой самого Пушкина. Получилось, дѣйствительно, нѣкоторое совпаденіе, легко доказуемое лирикой великаго поэта. Это очень остроумно, и, хотя образъ Татьяны отъ этого не проясняется,—для исторіи творчества великаго поэта совпаденіе это очень знаменательно. Воспитаніе Татьяны на народной поэзіи, няня, любовь къ русской природѣ и сельской жизни, народный мистицизмъ; томленіе среди пошлостей столичной жизни и стремленіе въ деревню,—все это, дѣйствительно, нѣсколько сближаетъ

[1]) *Н. А. Петровъ*, „Народныя черты и симпатіи въ поэзіи А. С. Пушкина" (Памяти Пушкина, Сб. Кіевск. окр., II, 75).

[2]) Тамъ же, 76.

[3]) Тамъ же, 93.

два образа. Туманнымъ показалось намъ сближеніе на почвѣ аналогичности „философскихъ" вѣрованій Татьяны и Пушкина: „Татьяна вездѣ и всегда готова подчиниться установившемуся міропорядку, этой высшей законности... Тѣ же смыкающіяся волны всемірной законности, вѣчнаго міроустройства охватываютъ и Пушкина, и поднимаютъ его *надъ мірскою суетою,* обвѣвая его душу тихимъ, божественнымъ покоемъ" [1]. Послѣ параллели между поэтомъ и его героиней, г. Петровъ указываетъ очень обстоятельно элементы народной поэзіи въ его творчествѣ.

Г. Яковлевъ [2]) посвятилъ длинную рѣчь выясненію національныхъ особенностей русскаго народа и отраженія ихъ въ поэзіи Пушкина, при чемъ „исконныя" черты русскаго характера изложены авторомъ на основаніи трудовъ Н. Я. Данилевскаго, П. Е. Астафьева и проч.

Г. Затворницкій [3]) оцѣнилъ „народность" великаго поэта, какъ способность его жить одною жизнію съ русской современностью и стариной: быть „живымъ и правдивымъ эхомъ русской жизни". Г. Затворницкій нѣсколько словъ сказалъ о „тревожныхъ", „страстныхъ" типахъ запада и о „добродушномъ, смиренномъ" типѣ „національномъ", отмѣтилъ отношеніе къ нимъ Пушкина и остановился подробнѣе на элементахъ народной поэзіи и русской старины въ творчествѣ Пушкина.

Г. Малинка [4]) указалъ на великое значеніе поэта, бѣгло начерталъ его біографію, подчеркивая его права на названіе „поэта народнаго". „Терпѣніе, покорность выпавшему жребію, незлобіе, правдивость, набожность, преданность своему Богомъ поставленному Государю, готовность на самопожертвованіе при исполненіи долга"— вотъ качества русской и пушкинской души.

Г. Сокологорскій [5]) начинаетъ съ указанія великаго значенія поэзіи вообще, переходитъ къ характеристикѣ до-пушкинской поэзіи и переходитъ къ исторіи пушкинскаго творчества, отмѣчая въ немъ по-

---

[1]) Тамъ же, 85.

[2]) *Б. Я. Яковлевъ,* „Національныя особенности и отраженія ихъ въ произведеніяхъ Пушкина". (Тамъ же, 132).

[3]) *Г. М. Затворницкій,* „Художественно-національное значеніе поэзіи А. С. Пушкина". (Тамъ же, 254).

[4]) *А. Н. Малинка,* „Памяти А. С. Пушкина". (Тамъ же, 361).

[5]) *И. Д. Сокологорскій,* „Пушкинъ, какъ поэтъ народный". (Тамъ же, 420).

бѣду національныхъ началъ. „Пушкинъ широко изобразилъ русскую жизнь съ ея эстетической, свѣтлой стороны. Его всеобъемлющій геній охватилъ всѣ важнѣйшія эпохи русской исторіи, всѣ сферы русской жизни и природы и выставилъ выпукло и ярко на всенародныя очи все возвышенное и прекрасное, найденное имъ въ душѣ русскаго человѣка“ [1]),—таково основное положеніе автора; доказываетъ онъ его безъ преувеличеній и крайностей. Затѣмъ авторъ выясняетъ значеніе Пушкина (освобожденіе русской литературы отъ подражательности, національзація ея, реализмъ, выработка языка, сообщеніе русской литературѣ европейскаго значенія); отмѣчаетъ авторъ и воспитательное значеніе поэзіи Пушкина (гуманность, миролюбіе, молодая, свѣтлая любовь къ людямъ).

Г. Азбукинъ [2]) отмѣчаетъ, какъ „народность“ (въ смыслѣ пониманія русской жизни, природы) постепенно завоевывала сознаніе Пушкина. Бѣглая характеристика Татьяны и Онѣгина помогаетъ автору доказать, что Пушкинъ уловилъ такіе русскіе типы, которыхъ преемственность сказалась въ послѣдующей литературѣ. Отмѣчая въ Пушкинѣ моментъ развитія самосознанія русскаго общества, авторъ указываетъ, что внесено было имъ новаго въ исторію русской литературы, что оставилъ онъ въ наслѣдство послѣдующимъ поколѣніямъ. Заканчиваетъ авторъ общей характеристикой поэзіи Пушкина.

Г. Балдовскій [3]) отмѣтилъ въ началѣ своей рѣчи особенность праздника 1899 года сравнительно съ праздникомъ 1880 года — демократизмъ, преобладаніе толпы, что оцѣнивается авторомъ, какъ симптомъ важный; затѣмъ авторъ дѣлаетъ общую характеристику поэта Пушкина и переходитъ къ выясненію „народности“ Пушкина, понимая подъ этимъ доступность пониманія великаго поэта простымъ народомъ.

Г. Овсѣенко [4]) говоритъ, что „поэзія Пушкина и по своему содержанію и по настроенію глубоко національна, то-есть близка къ народному духу, къ народному чувству и смыслу“ [5]). Этотъ „народный духъ“ авторъ намѣчаетъ изъ народной поэзіи и жизни. Бѣглая

---

[1]) Тамъ же, 424.

[2]) *М. Азбукинъ*, „Національно-художественное значеніе поэтической дѣятельности А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 515).

[3]) *А. Г. Балдовскій*, „Пушкинъ, какъ національный поэтъ - художникъ“. (Тамъ же, 52).

[4]) *М. Я. Овсѣенко*, „Пушкинъ, какъ народный поэтъ - художникъ“. (Тамъ же, 64).

[5]) Тамъ же, 66.

характеристика поэзіи Пушкина и біографическій очеркъ заключаютъ эту работу.

Г. Зленко [1]) отмѣтилъ „народность" Пушкина въ языкѣ его и въ его картинахъ изъ русской современной жизни, русской исторіи.

Г. Татарскій [2]) отмѣтилъ самобытность Пушкина, какъ перваго русскаго поэта, вышедшаго побѣдоносно изъ борьбы съ вліяніемъ титановъ западно-европейской литературы — Шенье, Байрона, Гете и Шекспира.

Г. Рождествинъ [3]) охарактеризовалъ довольно обстоятельно русскихъ писателей до Пушкина съ цѣлью доказать, что до него „русской, родной поэзіи у насъ не было. Русская земля ждала *своего* поэта" [4]). Пушкинъ и былъ этимъ писателемъ, въ которомъ всѣ услышали „что-то родное". Совершенно вѣрно указано значеніе Карамзина въ этомъ поворотѣ Пушкина къ родному [5]). Затѣмъ авторъ разбираетъ бѣгло произведенія великаго поэта, подчеркивая тѣ изъ нихъ, въ которыхъ слышится „родное" въ прошломъ, въ настоящемъ, въ описаніяхъ природы. Совершенно справедливо указано также, насколько въ изображеніи русской жизни Пушкинъ былъ выше своихъ предшественниковъ. „Съ точки зрѣнія Фонвизина, Недоросль, не знавшій, что за наука географія и чѣмъ отличается имя существительное отъ прилагательнаго, есть только дуракъ. Пушкинъ, проникшій въ самые сокровенные тайники человѣческаго сердца, открылъ намъ, что можно упражняться въ географіи посредствомъ обращенія географической карты въ змѣя и всетаки быть умнымъ, добрымъ честнымъ, благороднымъ П. А. Гриневымъ" [6]). Наставленія отца Гринева сыну, прощаніе Маши Мироновой съ Гриневымъ и Гринева съ Пугачевымъ, рядъ образовъ живыхъ и правдивыхъ,—вотъ примѣры, на которыхъ авторъ удачно доказываетъ „народность" Пушкина. Заключаетъ авторъ свою работу характеристикой Татьяны.

Г. Козловскій [7]) довольно туманно выяснилъ борьбу Пушкина съ

---

[1]) *А. Х. Зленко*, „Пушкинъ, какъ народный поэтъ". (Тамъ же, 76).

[2]) *І. Татарскій*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, какъ русскій національный поэтъ" (*Богословскій Вѣстникъ*, 1899, № 6).

[3]) *А. Рождествинъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, первый русскій народный поэтъ". Казань, 1899.

[4]) Тамъ же, 7.

[5]) Тамъ же, 12.

[6]) Тамъ же, 23.

[7]) *П. С. Козловскій*, „О національномъ значеніи литературной дѣятельности А. С. Пушкина" (*Филолог. Записки*, 1899, т. IV).

чуждыми вліяніями, побѣду родныхъ впечатлѣній и бѣгло отмѣтилъ народныя черты у Пушкина въ его отношеніяхъ къ природѣ и людямъ старой и новой Россіи.

Г. Пузицкій [1]), слѣдуя Достоевскому, охарактеризовалъ Пушкина, какъ выразителя, „существенныхъ свойствъ русскаго народа". Отмѣтивъ борьбу съ байронизмомъ, туманившимъ народное въ Пушкинѣ, онъ внимательно отмѣтилъ, какъ просыпалось и развивалось „чисто-русское" въ душѣ поэта: патріотизмъ, незлобіе, вѣра въ лучшее будущее, примиреніе съ жизнью, простота, смиреніе, самоотверженіе чувствъ... Пушкина авторъ считаетъ „главнымъ зиждителемъ русскаго національнаго самосознанія" [2]). Затѣмъ онъ внимательно слѣдитъ за всѣми проблесками и постепеннымъ развитіемъ у Пушкина религіознаго чувства.

Г. Владиславлевъ [3]) началъ съ характеристики Пушкина, какъ выразителя въ поэзіи русской души, ея чувствъ, чаяній, надеждъ. Останавливается г. Владиславлевъ особенно на патріотизмѣ поэта, говоритъ намъ о любви его къ родинѣ, русской природѣ, русскому человѣку, русской народной поэзіи, русской исторіи. Преданность царямъ Александру I и Николаю I,—доказывается авторомъ особенно старательно; менѣе усердія выказалъ авторъ, доказывая религіозность Пушкина, и заканчиваетъ указаніемъ той терпимости къ чужому, даже врагу, которая свойственна русскому человѣку и въ высокой степени присуща была Пушкину.

Г. Сперанскій [4]) произнесъ рѣчь о значеніи Пушкина. Для характеристики его пріемовъ приведемъ заключеніе рѣчи: „счастливъ русскій Царь, счастлива Россія, что имѣютъ такихъ сыновъ, а такіе сыны ихъ воистину велики и огромно значеніе ихъ въ исторіи народнаго самосознанія, а Пушкинъ—онъ кумиръ своего народа!"

---

[1]) *В. А. Пузицкій*, „Національное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина". („Пушкинскіе дни въ губ. г. Владимірѣ", стр. 79), Владиміръ, 1899.

[2]) Тамъ же, 47.

[3]) *А. Владиславлевъ*, „Патріотическое настроеніе въ произведеніяхъ Пушкина", рѣчь преподавателя, сказанная на актѣ въ Тверскомъ реальномъ училищѣ, 26-го мая 1899 г. Тверь, 1899.

[4]) „О значеніи А. С. Пушкина, какъ русскаго человѣка и писателя". („На память о празднованіи столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ реальномъ училищѣ"). С.-Пб. 1899.

Г. Эйзенбетъ [1]) указалъ рядъ отраженій народной поэзіи на произведеніяхъ двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ, хотѣлъ доказать, что къ этимъ вліяніямъ Пушкинъ и Мицкевичъ отнеслись различно,—но доказательства автора вышли недостаточно ясны. Мысль его, кажется, была та, что Пушкинъ, постигнувъ духъ своего народа поэзіей, явился творцомъ произведеній въ народномъ духѣ, тогда какъ Мицкевичъ— только переводилъ на литературный языкъ сокровища народной поэзіи. Къ сожалѣнію, авторъ, повидимому, за это хочетъ ставить выше Мицкевича. Впрочемъ, и это не выражено авторомъ опредѣленно.

Г. Дурново [2]) отмѣчаетъ любопытный фактъ перехода нѣкоторыхъ произведеній Пушкина въ пользованіе народа,—передъ нимъ рядъ варіантовъ пушкинскаго „Узника", обратившагося въ пѣсню; интересны тѣ искаженія, которыя произошли съ этимъ стихотвореніемъ въ устахъ народнаго пѣвца.

X.

Воспитательное значеніе Пушкина.

Въ юбилейной литературѣ выдается по объему отдѣлъ сочиненій, посвященныхъ „воспитательному значенію Пушкина"; къ сожалѣнію, ни одинъ изъ многочисленныхъ авторовъ подобныхъ этюдовъ не задалъ себѣ вопроса, не нуждается ли такое утвержденіе въ ограниченіяхъ,—для всѣхъ, повидимому, принципіально разрѣшенъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Счастливымъ исключеніемъ изъ этой „педагогической" литературы о Пушкинѣ является рѣчь г. Куницкаго [3]). Передъ нами не только характеристика поэзіи Пушкина, выясненіе ея содержанія, но и намеки на ту руководящую роль учителя, безъ котораго для большинства великія слова останутся „словами". Только въ этой рѣчи встрѣчаемъ мы нѣсколько разъ слово „учитель" и даже намеки чисто методическаго характера [4]). „Жизнь", повидимому, для автора и есть та почва, стоя на которой, онъ толкуетъ Пушкина. Изъ частностей этой работы отмѣтимъ прекрасное толкованіе пушкинскихъ сказокъ,

---

[1]) *Н. Эйзенбетъ*, „Вліяніе народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича". (Пушк. Сборн. Моск. университета).

[2]) *Н. Дурново*, „Узникъ" Пушкина въ народной передѣлкѣ". (Тамъ же).

[3]) *В. Н. Куницкій*, „Нравственно-воспитательное значеніе поэзіи Пушкина, (*Вѣстникъ Благотворительности* 1899, №№ 5 и 6; есть отд. оттискъ).

[4]) Тамъ же, 4, 5 и др.

ихъ качествъ, отличныхъ отъ сказокъ другихъ писателей („трезвенность“—отсутствіе фантастики, мрачности, гуманность основной идеи). Въ другихъ произведеніяхъ Пушкина авторъ отмѣчаетъ „любовь къ человѣчеству, къ жизни, какова бы она ни была, прощеніе и снисхожденіе къ падшему брату, гуманность, смиреніе передъ высшимъ судомъ и судомъ собственной совѣсти, любовь къ родинѣ и ея природѣ, къ родному народу, къ родному прошлому“ [1]). Намекъ на то, какъ должно толковать поэта, встрѣчаемъ мы въ слѣдующихъ словахъ: „его стихотворенія: „Опять на родинѣ“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Стансы“ (1826 г.), „Туча“ — даютъ прекрасный матеріалъ для бесѣды съ учащимися о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ невзгодамъ жизни, и какъ можно и должно умѣть стать выше ихъ, не падая въ борьбѣ, не теряя вѣры въ жизнь и людей, не впадая въ уныніе только потому, что нашимъ личнымъ надеждамъ и стремленіямъ, такъ или иначе, не суждено сбыться“ и т. д. [2]). Справедливо судитъ авторъ и о „смиренныхъ“ типахъ у Пушкина, ставя ихъ съ художественной и нравственной точекъ зрѣнія выше соотвѣтствующихъ героевъ Гоголя и Достоевскаго [3]). Повторяемъ, работа г. Куницкаго—счастливое исключеніе въ ряду тѣхъ шаблонныхъ работъ по этому же вопросу, къ которымъ мы теперь приступаемъ.

Г. Кубинцевъ [4]) началъ свою рѣчь съ характеристики современнаго общества, яко-бы подавленнаго безпросвѣтнымъ пессимизмомъ. „Мы остановимся, говоритъ авторъ, на свѣтлой, оптимистически настроенной личности поэта, на его бодромъ, свѣтломъ и жизнерадостномъ взглядѣ на бѣлый свѣтъ и человѣка. Избравъ темой эту стихійную черту въ личномъ характерѣ давно покойнаго юбиляра, которая ярко и выпукло отразилась въ его великихъ произведеніяхъ, мы поставили себѣ задачу указать: 1) что и какъ мы усвоили изъ завѣтовъ великаго нашего учителя и 2) откуда, изъ какихъ источниковъ почерпать нравственныя силы и средства для борьбы съ ослабляющимъ, удручающимъ и убивающимъ насъ и дѣтей нашихъ недугомъ, который мы обозначили однимъ словомъ: „пессимизмъ“ [5]).

---

[1]) Тамъ же, 4.

[2]) Тамъ же, 5.

[3]) Тамъ же, 12.

[4]) *А. В. Кубинцевъ*, „Воспитательное и образовательное значеніе произведеній А. С. Пушкина“, („Памяти А. С. Пушкина) Благовѣщенскъ, 1899.

[5]) Тамъ же, 53.

Бѣглая характеристика Пушкина, какъ писателя, сдѣлана, въ общемъ, довольно вѣрно,—отмѣтимъ только слѣдующую неточность: „пущенная имъ острая эпиграмма на своего одесскаго начальника, графа Воронцова, не прошла ему даромъ: поэта выпроводили въ родное село Михайловское“ [1]). Такъ же невѣрно представлено настроеніе Пушкина. Почему-то авторъ выдвинулъ элегическіе мотивы пушкинской лирики на первый планъ, придалъ имъ какой-то исключительно преобладающій характеръ и обрисовалъ „грусть“ поэта такъ: „грусть его выражалась не разочарованіемъ къ жизни, которую онъ любилъ глубоко, до обожанія и которую такъ прекрасно идеализировалъ (?) въ своихъ произведеніяхъ, а сожалѣніемъ бросить ее, разстаться съ ея благами и красотою, а можетъ быть, еще и тѣмъ, что эта жизнь уже не могла дать столько наслажденій, сколько давала ему въ юности“ [2]). „Поэзія, по его мнѣнію, настолько должна возвышать человѣка надъ низменною дѣйствительностью, чтобы онъ могъ презирать ее со всѣми ея уклоненіями“ [3]). Далѣе авторъ бѣгло обрисовываетъ героевъ Пушкина, отмѣчая тотъ колоритъ симпатіи и любви, который лежитъ на нихъ; это — „жизнерадостный привлекательный міръ явленій“ [4]). Затѣмъ авторъ характеризуетъ взглядъ Пушкина на поэзію его стихотвореніемъ: „Пророкъ“; отсюда авторъ дѣлаетъ переходъ къ „ученикамъ“ Пушкина и упрекаетъ ихъ за то, что они стали рисовать людей „угнетенныхъ, подавленныхъ, нравственно-ничтожныхъ и безличныхъ“. „Произведенія ихъ не возвышаютъ насъ надъ жизнью, а, наоборотъ, съ головою погружаютъ въ низменные интересы этой жизни“ [5]). Не даетъ эта новѣйшая литература, по мнѣнію автора, эстетическаго воспитанія. Пушкинъ, въ этомъ отношеніи, выше ихъ. „Изящнѣе его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ. Ему, какъ художнику красоты, нѣтъ соперника въ мірѣ“ [6]). Его умѣніе найти вездѣ красоту, освѣтить ложь заставляютъ г. Кубинцева признать, что „въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія Пушкинъ безконечно великъ, и никѣмъ изъ нашихъ первоклассныхъ писателей замѣненъ быть не можетъ“ [7]). Высота идеи, благородство чувства, чистота, ясность мысли и чувствъ, превосход-

[1]) Тамъ же, 57.
[2]) Тамъ же, 59.
[3]) Тамъ же, 64.
[4]) Тамъ же, 62.
[5]) Тамъ же, 67.
[6]) Тамъ же, 69.
[7]) Тамъ же, 72.

ный языкъ—вотъ, достоинства Пушкина. Мнѣніе Бѣлинскаго о воспитательномъ значеніи великаго поэта подтверждаетъ выводы автора. Далѣе отмѣчаетъ онъ патріотизмъ поэта, его приверженность трону, религіозность... Невѣрна эта вторая половина характеристики поэта. „Семь лѣтъ сряду стоялъ Пушкинъ посреди заговора, омываемый, такъ сказать, волнами его со всѣхъ сторонъ, и не нашлось ни одной волны, которая унесла бы его съ собою въ пропасть: онъ былъ искреннимъ сторонникомъ власти" [1])...

Г. Дорофеевъ въ своей рѣчи выяснилъ образовательное и воспитательное значеніе поэзіи Пушкина [2]). Авторъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что великій поэтъ уже изученъ, что о немъ „теперь можно говорить совершенно спокойно, ни съ кѣмъ не полемизируя" [3]). Исходныя точки для очерка г. Дорофеева — слова Островскаго: „первая заслуга Пушкина заключается въ томъ, что черезъ него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть", и слова Бѣлинскаго: „поэзія Пушкина обладаетъ особенною способностью развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности" [4]). Въ зависимости отъ этого значеніе поэта разсматривается съ 3-хъ точекъ зрѣнія—какъ вліяніе умственное, эстетическое и нравственное. Поэзія Пушкина—эта „поэтическая лѣтопись прошлаго", рисуетъ „эстетическую сторону дѣйствительности", будитъ нашу мысль; его языкъ, свойства его мышленія, гармоничность формы и содержанія, способность схватывать „внутреннюю красоту человѣка", его оптимизмъ, религіозность, патріотизмъ, проповѣдь смиренія (Достоевскій)—вотъ, тѣ мотивы, которые обусловливаютъ великое значеніе поэзіи Пушкина.

Г. Бѣляевъ далъ въ своей рѣчи бѣглый очеркъ чествованія Пушкина въ 1899 году, характеристику его поэзіи, выясненіе ея воспитательнаго значенія и біографію поэта [5]). Надо сознаться, что въ общемъ получилось нѣчто не совсѣмъ стройное и не отвѣчающее темѣ. Новаго изъ рѣчи, конечно, мы ничего не узнаемъ: правдивость, искренность, задушевность поэзіи, сила, вдохновенность чувства поэта,

---

[1]) Тамъ же, 80—1.

[2]) *Г. Дорофеевъ*, „Образовательное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина". („Памяти Пушкина", Спб. Кавк. Уч. Окр.). Есть отд. оттиски, Тифлисъ 1899.

[3]) Тамъ же, 38.

[4]) Тамъ же, 40.

[5]) *И. Бѣляевъ*, „Литературное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ связи съ біографическими свѣдѣніями о немъ". Варшава 1899.

гармонія между мысленнымъ образомъ и словеснымъ выраженіемъ, умѣніе найти въ жизни красоту, многообразіе и многосторонность творчества, гуманность настроеній, народность, набожность и патріотизмъ — вотъ, отличительныя достоинства поэзіи Пушкина; значеніе ея: пробужденіе сознанія въ обществѣ, развитіе языка дѣлаютъ Пушкина на взглядъ автора „учителемъ жизни" по преимуществу.

Г. Варыпаевъ для своей работы широко воспользовался работою г. Никольскаго („Идеалы Пушкина") [1]). Пушкинъ, какъ человѣкъ религіозный, какъ гражданинъ, какъ семьянинъ,—оказался, благодаря этому, образцомъ для всѣхъ. Насколько правильно понялъ авторъ Пушкина, свидѣтельствуютъ, хотя бы, слѣдующія выдержки: „Онъ съ умиленіемъ преклонялся предъ Всевышнимъ. Вездѣ, гдѣ онъ касался религіи, онъ былъ глубоко набожнымъ человѣкомъ" [2]). „Воздавая Божіе Богу, Пушкинъ въ то же время Кесарю воздавалъ Кесарево"... „Онъ беззавѣтно былъ преданъ царю и отечеству"... „былъ ярымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ" [3]). И все это безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ! Забыты всѣ столкновенія великаго поэта съ правительствомъ, всѣ, по выраженію самого поэта, „подсвистыванья" Императору Александру. Авторъ не хочетъ ничего этого знать:—„русскій царь, по воззрѣнію Пушкина,—говоритъ авторъ есть олицетворенная правда и милость. Такъ же смотритъ на царя и любой изъ его подданныхъ" [4]).

Г. Бороздинъ въ своей рѣчи [5]) охарактеризовалъ поэзію Пушкина, отмѣтивъ ея разносторонность, отзывчивость, способность перевоплощенія, богатство языка, правдивость и вѣрность дѣйствительности, человѣчность, мягкость души, религіозность. Воспитательное значеніе Пушкина, по мнѣнію автора,—въ разносторонности его поэзіи: „онъ даетъ намъ какъ бы энциклопедію міровой поэзіи" [6]),—а также въ человѣчности и высокой правдивости его: „это пророкъ, возвѣщающій намъ Божью волю и ведущій насъ къ высокому совершенству" [7]).

---

[1]) *П. Н. Варыпаевъ*, „О воспитательномъ значеніи произведеній Пушкина". Спб. 1899.

[2]) Тамъ же, 5.

[3]) Тамъ же, 9.

[4]) Тамъ же, 11.

[5]) *А. К. Бороздинъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина". Спб. 1899.

[6]) Тамъ же, 7.

[7]) Тамъ же, 15.

Собственно новаго во всемъ этомъ нѣтъ ничего, г. Бороздинъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе понятія „поэтъ“: „поэтъ одновременно служитъ истинѣ, добру и красотѣ, стремясь, при точномъ (!) воспроизведеніи дѣйствительности, къ торжеству нравственнаго начала и къ осуществленію его въ прекрасныхъ образахъ“ [1]). Въ этой формулировкѣ поэта все случайно, а утвержденіе, что поэтъ „точно“ передаетъ дѣйствительность, даже невѣрно.

Рѣчь г. Иванова [2]) представляетъ изъ себя недурную, хотя и нѣсколько безсистемную характеристику поэта, съ экскурсами въ его біографію и литературную дѣятельность. Рѣчь эта охватываетъ столько вопросовъ, что съ полнымъ правомъ могла бы имѣть любое названіе. Начинаетъ авторъ съ выясненія воздѣйствія искусствъ на человѣческую культуру въ смыслѣ сообщенія ей поступательнаго движенія. Наше пониманіе происхожденія искусства въ данномъ случаѣ расходится съ пониманіемъ автора: общество создаетъ искусство, отражаясь всѣми типичными своими чертами въ сознаніи художника, какъ въ фокусѣ; въ созданіи искусства толпа лишь узнаетъ себя, узнаетъ въ яркомъ, ясномъ воплощеніи то туманное и неясное, что витало надъ ней, и идетъ за прояснившимся образомъ, наивно видя въ немъ „откровеніе“... Базаровымъ могли увлечься только тѣ, въ комъ жизнь заложила уже базаровскія черты; съ другой стороны, человѣку другого умственнаго и нравственнаго склада „модный“ герой Тургенева всегда былъ и будетъ чуждъ. Г. Ивановъ правъ, отводя въ своей статьѣ много мѣста обрисовкѣ „образа поэта“, признавая за нимъ „воспитывающее значеніе“,—тутъ передъ нами дѣйствительная жизнь! Во второй половинѣ своей работы авторъ говоритъ довольно много о религіозности и патріотизмѣ Пушкина, о его значеніи для литературы, русской и славянской.

О воспитательномъ значеніи поэзіи А. С. Пушкина говоритъ и г. Ляскоронскій [3]). Впрочемъ, въ этой работѣ мы находимъ много не относящагося къ дѣлу: начинаетъ онъ, напримѣръ, со слащаваго опи-

---

[1]) Тамъ же, 3.

[2]) *Н. Ивановъ*, „О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“, Юрьевъ, 1899 г. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, по случаю столѣтней годовщины рожденія поэта.

[3]) *В. П. Ляскоронскій*, „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“, („Памяти Пушкина“, Сб. Кіевск. Окр. 398).

санія, какъ „улыбалось съ голубого неба солнце, повышая въ сердцахъ людей сладостное чувство бытія“ [1]) въ тотъ день, когда явился на свѣтъ Пушкинъ; затѣмъ довольно много говорится о красотахъ русской природы, послѣ этого г. Ляскоронскій переходитъ къ характеристикѣ пушкинскихъ пейзажей, указываетъ на его умѣніе рисовать русскихъ людей; останавливается онъ, наконецъ, на положительныхъ типахъ у Пушкина и въ заключеніе, страничкахъ на двухъ, говоритъ о гуманности и художественности Пушкина, какъ поэта. Выводъ: „въ своихъ произведеніяхъ онъ учитъ насъ понимать и любить нашу природу, объясняетъ наши духовныя особенности, какъ національной единицы, является проповѣдникомъ гуманности и снисходительнаго отношенія къ ошибкамъ ближняго, и ставитъ передъ нашими очами образцы жизни, озаренной возвышенными, прекрасными стремленіями“ [2]). Отмѣтимъ, въ заключеніе, одно преувеличеніе автора, который увѣрялъ, что „по изяществу своихъ произведеній, какъ общепризнано критикой (?), Пушкинъ стоитъ выше всѣхъ поэтовъ въ мірѣ“ [3]).

Г. Читадзе на нѣсколько страницахъ [4]) далъ удачную характеристику поэзіи Пушкина: „полнота жизни, свободный расцвѣтъ ума и сердца человѣка, самостоятельность его личности, служеніе общественному благу“ [5])—вотъ идеалы Пушкина, вотъ чему онъ учитъ насъ; „незлобіе, всепрощеніе, отсутствіе эгоизма, подчиненіе долгу“—характерныя черты великаго поэта, на воспитательное значеніе которыхъ указываетъ авторъ.

Г. Тростниковъ [6]) выясняетъ воспитательное значеніе Пушкина какъ гуманнаго писателя на характеристикѣ главныхъ его героевъ. Заключенія автора порою звучатъ нѣсколько наивно: „указаніемъ на хорошія черты даже у преступниковъ Пушкинъ даетъ возможность надѣяться, что съ устраненіемъ неблагопріятныхъ условій не будетъ дурныхъ людей“.

Г. Балашъ доказываетъ воспитательное значеніе Пушкина при

---

[1]) Тамъ же, 398.

[2]) Тамъ же, 407.

[3]) Тамъ же, 407.

[4]) *Ш. Читадзе*, „Пушкинъ, какъ учитель жизни“ („Памяти Пушкина“, Тамъ же, 488).

[5]) Тамъ же, 490.

[6]) *М. А. Тростниковъ*, „За что особенно дорогъ Пушкинъ“ (Тамъ же, Ш, 10).

помощи анализа Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Капитанской дочки и Скупого рыцаря [1]). Новаго ни въ характеристикахъ, ни въ заключеніи автора мы не нашли ничего.

Г. Андрониковъ въ своей работѣ на ту же тему [2]) говоритъ намъ сначала о картинахъ природы у Пушкина, о его любви къ народной поэзіи, о русскомъ прошломъ въ его творчествѣ, затѣмъ характеризуетъ „русскихъ людей" по произведеніямъ великаго поэта (Капитанская дочка, Евгеній Онѣгинъ), указываетъ на поэта способность „перевоплощаться", на отраженіе его творчества въ музыкѣ. Собственно на тему изъ 18 стр. — только послѣднія 4 (миролюбіе, гуманность, сознаніе человѣческаго достоинства). Впрочемъ, въ заключеніе, авторъ старается отыскать воспитательное значеніе Пушкина и въ его языкѣ, и въ его изображеніяхъ русской природы и жизни... „Стремленіе поэта ко всему высокому, благородному и прекрасному", „вѣра въ людей", „вѣра въ будущее родины", „любовь къ жизни" и оптимизмъ, — по мнѣнію автора, главныя воспитательныя силы поэта.

Г. Острогорскій [3]), обрисовавъ поэта, когда онъ былъ еще лицеистомъ, и указавъ на неровности его характера, отмѣтилъ постепенный ростъ его духа, остановился на одномъ изъ пушкинскихъ завѣтовъ, полезныхъ для педагога: „предоставить молодости быть молодостью, въ бережномъ обращеніи съ тѣмъ, что составляетъ ея красу, съ тѣми качествами молодости, которыя, будучи утрачены, ничѣмъ уже не могутъ быть возмѣщены" [4]).

Г. Петровъ въ своей рѣчи [5]) является комментаторомъ тѣхъ лучшихъ произведеній Пушкина, которыя были прочитаны учениками автора на пушкинскомъ торжествѣ. Чтеніе происходило такъ: „полукругомъ около меня, разсказываетъ г. Петровъ, расположились они въ числѣ 25, и я, тотчасъ же по произнесеніи ими стихотворенія, продолжалъ рѣчь, такъ что никакихъ остановокъ не было" [6]). Новаго въ его толкованіяхъ не встрѣтили мы ничего: религіоз-

---

[1]) *Т. Е. Балашъ*, „Нравственно-воспитательное значеніе сочиненій Пушкина" (Тамъ же, Ш, 93).

[2]) *В. А. Андрониковъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина" Москва, 1900 г.

[3]) *А. Острогорскій*, „Памяти Пушкина" (*Педагогическій Сборникъ*, 1899 г. № 5).

[4]) Тамъ же, 436.

[5]) *К. Ѳ. Петровъ*, „Пушкинъ, какъ учитель молодого поколѣнія". Спб. 1899.

[6]) Тамъ же, 1.

ность Пушкина, знаніе прошлаго русской земли, гуманность и умѣніе во всемъ найти хорошее, миролюбіе, патріотизмъ, любовь къ русской природѣ и русскому народу, приверженность къ престолу, любовь къ лицею и товарищамъ, — вотъ перечисленіе тѣхъ качествъ, въ которыхъ видитъ авторъ воспитательное значеніе Пушкина. Напрасно впрочемъ авторъ пускается въ историко-литературныя предисловія, — литература до-пушкинская ему, по-видимому, мало знакома [1]). Какъ образчикъ обобщеній, съ которыми мы часто имѣли уже дѣло при обзорѣ юбилейной литературы, укажемъ, хотя, бы на такой курьезъ: получивъ посланіе Филарета, поэтъ, какъ извѣстно, вдохновился соотвѣтствующимъ настроеніемъ и сочинилъ отвѣтное посланіе митрополиту. Г. Петровъ, прочтя отвѣтъ Пушкина, заключаетъ: „изъ этого стихотворенія видно, что лира поэта находилась въ послѣднее время (?!) подъ вліяніемъ арфы Серафима“ [2]).

Въ рѣчи г. В. Смирнова [3]) лучшими являются тѣ страницы, что взяты или пересказаны изъ Бѣлинскаго и Достоевскаго и другихъ литераторовъ, спайка же этихъ выдержекъ, принадлежащая уже г. Смирнову, вызываетъ только рядъ недоумѣній. Восторгаясь на стр. 5 *„почвенными*, простодушными, смиренными русскими людьми, чуждыми всего неестественнаго, героическаго, наноснаго изчужи“ (??),— на стр. 9-й и 8-й авторъ восхищается „бѣисконнымъ (???) величіемъ духа нашихъ предковъ“ и приводитъ „длинный рядъ сильныхъ духомъ“ русскихъ людей, изображенныхъ Пушкинымъ. Впрочемъ, въ ряду этихъ русскихъ „героевъ“ мы встрѣчаемъ „самоотверженнаго русскаго гражданина Кочубея, во имя долга передъ отечествомъ“ (!!), донесшаго на Мазепу, и кудесника, и Мазепу, и Миронова. Въ образцы „нравственной неиспорченности и цѣльности“, „болѣе простой среды русскаго привилегированнаго (??) общества“ попадаетъ рядомъ съ няней Татьяны, и кузнецъ Архипъ (изъ „Дубровскаго“), на нашъ взглядъ, образчикъ *безсмысленной* жестокости, сжигающій людей и спасающій котенка — типъ, дѣйствительно, выхваченный изъ жизни и, однако, поразившій Пушкина именно своей *безсмысленностью*...

---

[1]) Тамъ же, 3.

[2]) Тамъ же, 8.

[3]) *В. Смирновъ*, „Воспитательно-образовательное значеніе поэзіи Пушкина для русскаго общества“, Пермь, 1899 г.

Г. Мучкапскій [1]) исходитъ въ своей статьѣ изъ положеній совершенно невѣрныхъ: онъ утверждаетъ, что „вѣчное и общечеловѣческое значеніе поэтъ пріобрѣтаетъ только послѣ того, какъ самъ возвышается до сознанія нравственныхъ идей и, при свѣтѣ нравственнаго сознанія, расцѣниваетъ свой личный міръ и внѣшній. Итакъ, главное въ поэтическихъ произведеніяхъ не художественная красота, а нравственный смыслъ ихъ" [2]). Руководствуясь В. Соловьевымъ („Судьба Пушкина"), авторъ приступаетъ затѣмъ къ суду надъ Пушкинымъ, упрекая его за противорѣчія между жизнью и поэзіей, — и признаетъ воспитательное значеніе за поэзіей Пушкина только постольку, поскольку она есть „возвышающій обманъ". Странное заключеніе! Не лучше дѣло обстоитъ и съ драматическими произведеніями. Авторъ успокаиваетъ читателей тѣмъ, что „вопросъ о противорѣчіи между идеальными воззрѣніями поэта и его дѣйствительною жизнью не можетъ имѣть здѣсь мѣста, потому что личность поэта совершенно отсутствуетъ въ этихъ произведеніяхъ" [3]). Едва ли это вѣрно! Кому понятенъ Пушкинъ, какъ человѣкъ, тотъ найдетъ черты его и въ Борисѣ Годуновѣ, и въ Моцартѣ, и въ Донъ-Жуанѣ. Мы не признаемъ иного творчества, кромѣ субъективнаго, *болѣе или менѣе*. Въ Шекспирѣ были черты и Гамлета, и Фальстафа, біографія Гоголя помогаетъ отыскать его черты и въ Чичиковѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ его герояхъ. Остальныя главы работы г. Мучкапскаго посвящены разбору „Бориса Годунова", „Скупого рыцаря" и „Моцарта и Сальери". Разборъ перваго произведенія сдѣланъ, по указанію автора, „по книгѣ П. Житецкаго „Теорія поэзіи" (Кіевъ, 1898, 182—97). Разборъ двухъ другихъ пушкинскихъ пьесъ не представляетъ ничего оригинальнаго. Въ заключеніе авторъ, указавъ на высоты пушкинскаго творчества, бросаетъ неожиданный упрекъ „современному русскому человѣку", у котораго сравнительно „съ древнимъ жившимъ въ до-петровское время" замѣчается „идейное оскудѣніе" [4]). При чемъ же тогда всѣ толки автора о нравственномъ значеніи литературы, если эта литература создана народомъ, „идейно оскудѣвшимъ", сравнительно съ воспитанниками „Псалтыря" и „Часослова"?

---

[1]) *Д. Мучкапскій*, „Нравственное значеніе драматическихъ произведеній А. С. Пушкина", (П. Кумскій, Памяти Пушкина", Тифлисъ, 1899 г.).

[2]) Тамъ же, 120.

[3]) Тамъ же, 124.

[4]) Тамъ же, 151.

Г. Яновичъ [1]), указавъ на великое обаяніе имени Пушкина среди русскаго общества и отмѣтивъ отношеніе его къ предшествовавшей ему литературѣ, перешелъ къ характеристикѣ поэзіи Пушкина (его языкъ, художественная мѣра, разнообразіе жанровъ, простота). Жаль, что авторъ рѣшительно причисляетъ Пушкина къ школѣ „чистаго искусства" [2]). Отмѣчаетъ авторъ и воспитательное значеніе поэзіи Пушкина (чистая и глубокая поэзія, идеи добра, правды и красоты—„любовь" и „дружба", патріотизмъ, религіозность, гуманность, правдивый и свѣтлый взглядъ на жизнь). Значеніе Пушкина для русскихъ, по мнѣнію автора, равняется значенію Гомера для грековъ.

Г. Алферовъ [3]) навелъ любопытную справку, съ которыхъ поръ сочиненія Пушкина вошли въ программы учебныхъ заведеній,—оказалось, до 70-хъ годовъ они были почти „опальными". Хрестоматія Галахова и учебный планъ русскаго языка для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — вотъ, начало его популярности въ средней школѣ. Настоящимъ положеніемъ изученія Пушкина въ школѣ авторъ недоволенъ. Особенно останавливается онъ на неудачномъ толкованіи стихотворенія „Чернь", на отсутствіи любви учениковъ къ Пушкину, на неудачныхъ пріемахъ нашихъ общепринятыхъ учебниковъ. Совѣтуетъ авторъ издать для учениковъ сборникъ лучшихъ статей о Пушкинѣ, ввести въ преподаваніе изученіе „пушкинской школы литературы".

Г. В. Острогорскій [4]), бѣгло очертивъ поэта указалъ, какъ нужно поставить дѣло изученія его въ средней школѣ, перечислилъ, какія, по его мнѣнію, надо купить „пособія", картины и портреты, какъ пользоваться музыкой и живописью, что и какъ учить изъ Пушкина въ разныхъ классахъ.

Г. Н. Васильковъ [5]) посвятилъ свою статью выясненію вопроса, какъ Пушкинъ относился къ воспитанію; авторъ привелъ всѣ важнѣйшія указанія Пушкина по этому вопросу, перечисляя бѣгло гувернеровъ

---

[1]) *Яновичъ*, „Значеніе произведеній А. С. Пушкина въ литературномъ и воспитательномъ отношеніяхъ", (П. Кумскій „Памяти Пушкина", 191).

[2]) Тамъ же, 195.

[3]) *А. Алферовъ*, „Поэзія Пушкина въ средней школѣ" (*Вѣстникъ Воспитанія*, 1899, № 5).

[4]) *В. Острогорскій*, „Пушкинъ-наставникъ русскаго юношества" (*Вѣстникъ Воспитанія*, 1899, № 4).

[5]) *Н. Васильковъ*, „А. С. Пушкинъ о воспитаніи", (*Русская Школа*, 1899, № 5).

и воспитателей, которые были у разныхъ героевъ Пушкина, и кончилъ пересказомъ его записки о воспитаніи. Намъ думается, авторъ могъ смѣло ограничиться указаніемъ на то, что поэтъ признавалъ одно только воспитаніе, „которое дается человѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія—говорилъ онъ—нѣтъ для существа, одареннаго душой". Записка о воспитаніи писана „по предложенію" графа Бенкендорфа и едва ли можетъ идти въ разсчетъ.

Г. Быстровъ [1]) отстаиваетъ высокое воспитательное значеніе поэзіи, главнымъ образомъ, за то, что она „возноситъ насъ въ область высшихъ, свѣтлыхъ идеаловъ" [2]). Невольно припоминается при этомъ разговоръ поэта съ „чернью", — „чернь" требуетъ отъ поэта, чтобы онъ ее уносилъ въ область идеаловъ и обѣщаетъ „послушать" — его уроковъ, а поэтъ, какъ извѣстно, отвергаетъ ее, т. к. сознаетъ что всѣ эти полеты „полетами" и останутся. Напрасно г. Быстровъ легко отнесся къ Локку, отрицающему воспитательное значеніе поэзіи, и высказалъ убѣжденіе, что „теперь уже, навѣрно, не найдется ни одного педагога, раздѣляющаго этотъ взглядъ Локка" [3]). Далѣе г. Быстровъ характеризуетъ поэзію Пушкина, ея простоту, близость къ жизни, народность, нравственность, любовь къ родинѣ.

Въ *Русскомъ Начальномъ Учителѣ* [4]) напечатанъ очеркъ, въ которомъ бѣгло обрисовано историческое и воспитательное значеніе Пушкина. Пушкинъ—первый поэтъ-художникъ, самобытный, глубоко-русскій — это его историческія заслуги; краткій очеркъ его литературной дѣятельности иллюстрируетъ положенія автора. Воспитательное значеніе поэта заключается въ гуманности, любви ко всему міру, природѣ, и людямъ, въ его враждѣ къ невѣжеству и вѣрѣ въ просвѣщеніе.

Въ томъ же журналѣ есть еще статья, посвященная вопросу [5]) о значеніи праздника. Авторъ указываетъ, что „значеніе Пушкина" выростаетъ въ наши дни потому, что самъ „Царь велѣлъ праздновать

---

[1]) *М. Быстровъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина" (***Русская Школа***, 1899, № 5).

[2]) Тамъ же, 94—5.

[3]) Тамъ же, 93.

[4]) „Еще о значеніи А, С. Пушкина. Ко дню 100-лѣтняго юбилея" (***Русскій Начальный Учитель***, 1899, № 5).

[5]) „Объ особомъ значеніи юбилея Пушкина" (Тамъ же, № 6).

память писателя“ [1]), что праздникъ устроенъ „по приказанію Царя“, „Самъ Царь велѣлъ уважать“ Пушкина—„значитъ, онъ дѣло пишетъ“ [2]).

Слово свящ. Д. Смирнова [3]), небольшое по объему, тепло по чувствамъ и, въ общихъ чертахъ, вѣрно рисуетъ Пушкина и его воспитательное значеніе.

Г. Дроздовъ [4]), недурно охарактеризовалъ праздникъ 1899 года, затѣмъ выяснилъ значеніе Пушкина, какъ поэта міроваго, „гражданина всего міра“, какъ пѣвца добрыхъ чувствъ, вѣры въ лучшее будущее, любви къ людямъ. Пушкинъ — другъ народа, Пушкинъ какъ носитель религіозныхъ идеаловъ, какъ слуга Царя, преданный родинѣ, ея прошлой современной жизни, ея природѣ, пѣвецъ любви, умѣвшій находить у всѣхъ душевныя красоты, сострадать и прощать всѣмъ, художникъ, нарисовавшій рядъ чудныхъ образовъ русскихъ,—вотъ, что обусловливаетъ, по мнѣнію автора, воспитательное значеніе Пушкина.

Г. Смѣльницкій [5]) обрисовалъ нѣсколько сгущенными красками то общество, изъ среды котораго вышелъ Пушкинъ и въ которое вошелъ съ проповѣдью тѣхъ идеаловъ, что самъ воспиталъ въ своей душѣ. Авторъ отмѣчаетъ уже въ раннихъ произведеніяхъ поэта проблески того высокаго ученія, которому посвящена была его дѣятельность до смерти; отмѣчаетъ авторъ и ту разобщенность поэта съ обществомъ, которая была замѣчена самимъ поэтомъ по мѣрѣ его быстраго духовнаго роста. „Задача художественной литературы, по словамъ автора, — это развитіе высшихъ началъ альтруизма, дружества любви ко всему живому,—ослабленіе эгоизма и животныхъ растительныхъ сторонъ человѣческой природы“ [6])—съ этой, нѣсколько узкой, точки зрѣнія, судитъ авторъ Пушкина, характеризуетъ его какъ представителя „взаимодѣйствія ума и дѣятельности сердца“ какъ художника, какъ преобразователя литературной рѣчи, какъ судью современнаго ему общества (отрицательные и положительные типы),

---

[1]) Тамъ же, 333.

[2]) Тамъ же, 335.

[3]) *Д. Смирновъ*, „Слово на панихидѣ 26-го мая въ Лугѣ“, (*Русскій Начальный Учитель*, 1899, № 6).

[4]) *М. А. Дроздовъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“, (*Филологич. Записки*, 1899, V–VI).

[5]) *И. Н. Смѣльницкій*, „А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества“, (Тамъ же, VI).

[6]) Тамъ же, 15.

отмѣчаетъ его умѣніе вездѣ найти хорошее, подчеркиваетъ его любовь къ Лицею, товарищамъ и друзьямъ, его жизнерадостный оптимизмъ,—во всемъ этомъ видитъ авторъ—воспитательное значеніе поэта.

Г. Воейковъ [1]), разобравъ бѣгло „Евгенія Онѣгина", „Капитанскую дочку" и „Бориса Годунова", отмѣтивъ положительные типы у Пушкина, какъ имѣющіе воспитательное значеніе, остановился на патріотизмѣ Пушкина, на его добрыхъ чувствахъ, вѣрѣ въ человѣческое достоинство, его доброжелательности.

Г. Петровъ [2]), выбралъ содержаніемъ своей рѣчи тоже воспитательное значеніе поэта. Особенное вниманіе остановилъ онъ на идеѣ христіанской любви, носителемъ которой былъ Пушкинъ, кромѣ того, отмѣтилъ онъ и другія черты поэзіи пушкинской (пророческій характеръ его служенія, художественность, высокая нравственность, любовь къ родинѣ, любовь къ языку родному).

Г. Иванецъ [3]), указавъ на воспитательное значеніе поэзіи Пушкина", бѣгло охарактеризовавъ предшественниковъ Пушкина, выяснилъ художественную связь Пушкина съ русской жизнью (современность, прошлое, языкъ).

Г. Бунаковъ [4]) въ общихъ чертахъ обрисовалъ воспитательное значеніе поэзіи Пушкина, указалъ ея народность и гуманность, бѣгло очертилъ образы Евгенія Онѣгина и Петра Великаго, какъ вызывающіе особенныя мысли о служеніи русскому народу.

Кромѣ перечисленныхъ сочиненій этой же темѣ посвящены работы гг.: *К. Петрова*, „Опытъ объясненія учащимся воспитательнаго значенія Пушкина", *Гер. Гр. Иносова*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина" (Рѣчь въ Бобруйской прогимназіи), *А. Радонежскаго*, „Воспитательное значеніе Пушкина", *Н. И. Петрова*, „Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій".

В. Сиповскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) *Н. Воейковъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина", (Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина, 27-го мая 1899 г.). Харьковъ, 1900.

[2]) *С. Петровъ*, „Рѣчь" (Тамъ же, стр. 50).

[3]) *Г. А. Иванецъ*, „О значеніи Пушкина, какъ народнаго русскаго поэта" (*Пушк. Сбор.* Кіевск. окр., III, 47).

[4]) *Н. Бунаковъ*, „Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина (*Филологическія Записки*, 1899, I—II).

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь,

г. редакторъ.

Въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ критико-библіографическомъ обзорѣ Пушкинской юбилейной литературы (Критика и библіографія, стр. 474—475) г. В. В. Сиповскій моей брошюрѣ „Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина" посвятилъ 19 строкъ.

Судя по изложенію моей брошюры, ее трудно назвать иначе, какъ безтолковою. И, по долгу самозащиты, позволяю себѣ убѣдительно просить васъ, г. редакторъ, не отказать, ради возстановленія истины, дать мѣсто въ *Журналѣ* и нижеслѣдующимъ строкамъ.

Моя брошюра состоитъ изъ четырехъ главъ: I. Общее настроеніе Пушкина; II. Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ; III. Духовенство у Пушкина; IV. Заслуги и значеніе Пушкина. Названіе брошюры, выше выписанное, показываетъ, что главы I, III и IV имѣютъ служебное отношеніе ко II главѣ, которая и составляетъ, такъ сказать центръ тяжести брошюры. Въ главѣ „Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ" приведены только *религіозные мотивы*: загробная жизнь, „безвѣріе", молитва и т. п. „Священники", „семинаристы", „патріархъ изъ Бориса Годунова", и „попъ нахмуренный", и „попъ убогій", получили безспорно принадлежащее имъ мѣсто въ главѣ III: Духовенство у Пушкина, а не „попадаютъ въ религіозные мотивы", какъ совершенно невѣрно утверждаетъ г. Сиповскій. Что же касается выраженій: „Христосъ съ вами", „дай Богъ" и т. п., то опять-таки г. Сиповскій совершенно несправедливо утверждаетъ, будто „все это годится автору для указанія религіозныхъ мотивовъ въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина": эти выраженія помѣщены въ главѣ I—Общее настроеніе Пушкина, и притомъ со слѣдующимъ объясненіемъ: „въ письмахъ къ женѣ Пушкинъ почти не опускаетъ случая послать семьѣ горячее „благословеніе", пишетъ: „цѣлую и крещу", „Христосъ васъ храни", „Богъ съ тобою и съ дѣтьми", „Господь васъ благослови", „Христосъ съ тобой", или „Христосъ съ вами",—и даже такія выраженія, которыя въ обычной рѣчи утратили свое первоначальное значеніе, какъ: „дай Богъ", или „Богъ вѣсть", или „одна надежда на Бога", имѣютъ въ письмахъ Пушкина прямой, серьез-

ный и благоговѣйный смыслъ" (стр. 9 брошюры). Г. Сиповскій приписываетъ мнѣ „убѣжденіе, ни на чемъ не основанное", о воспитаніи Пушкина въ правилахъ религіи. У меня въ брошюрѣ буквально сказано слѣдующее: „*судя по нѣкоторымъ біографическимъ даннымъ*, Пушкинъ былъ воспитанъ въ правилахъ религіи". Во-первыхъ, это предположеніе, а не утвержденіе, и, во-вторыхъ, основанія для предположенія указаны: „*отецъ* Пушкина *укорялъ* его, что онъ преподавалъ безбожіе своему младшему брату и сестрѣ". Наконецъ, заключительный вопросъ г. Сиповскаго, что́ я понимаю подъ „религіозностью вообще", я не могу объяснить себѣ иначе, какъ только предположивъ, что г. Сиповскій не понялъ предмета, о которомъ я писалъ, и смѣшалъ „религіозные мотивы въ сочиненіяхъ" съ „религіознымъ элементомъ" въ нихъ, или даже съ „религіозностью" самого поэта.

Такимъ образомъ та окрошка изъ „всякой всячины", которую г. Сиповскій выдалъ за изложенія содержанія моей брошюры „Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина", принадлежитъ его искусному перу, а мнѣ не принадлежитъ нисколько. И когда изъ 19-ти строкъ изложенія брошюры приходится возражать противъ 19-ти же строкъ, то авторъ, имѣющій обыкновеніе давать себѣ ясный отчетъ въ написанномъ, полагаю, въ правѣ высказать сожалѣніе по поводу возможности подобнаго обращеніе съ чужимъ литературнымъ трудомъ, какое позволилъ себѣ допустить г. Сиповскій.

С. Рункевичъ.

---

1) Опис словенских рукописа софиjске библиотеке, саставио, † *Свет. Вуловић*. Споменик 33 Београд 1900.

2) Описъ на ръкописитѣ въ библиотеката при св. Синодъ на българската църква въ София. Описа и нареди *Е. Спространовъ*. София 1900.

3) Ръкописната сбирка въ Рилския манастиръ. Отъ *Б. Цоневъ*. Български Прегледъ. год. VI, кн. X. Юни. София 1900.

Въ прошломъ году явилось нѣсколько работъ, посвященныхъ описанію рукописныхъ собраній на славянскомъ югѣ. Таковы труды покойнаго профессора Великой школы въ Бѣлградѣ Св. Вуловића, составившаго описаніе рукописей Софійской народной библіотеки и г. Е. Спространова, напечатавшаго описаніе рукописей библіотеки синода болгарской церкви въ Софіи. Къ этимъ трудамъ присоеди-

няется статья проф. Цонева въ журналѣ Български Преглед, дающая краткія свѣдѣнія о рукописяхъ библіотеки Рыльскаго монастыря.

Наибольшее значеніе между этими собраніями имѣетъ, разумѣется, собраніе народной библіотеки въ Софіи. Какъ въ большей части другихъ библіотекъ, такъ и здѣсь преобладаютъ рукописи священнаго писанія и богослужебныя; гораздо менѣе въ ней сборниковъ и рукописей иного содержанія. Въ числѣ этихъ рукописей 18 писаны на пергаментѣ, 5 на бомбицинѣ. Дату имѣютъ №№ 45 (82) 1361 г.; 52 (27) 1420 г.; 159 (136) 1435 г.; 9 (99) 1479 г.; 149 (157) 1509 г.; 74 (188) 1547 г.; 75 (187) 1547 г.; 40 (183) 1587 г., 68 (2) 1592 г.; 34 (125) 1593 г.; 72 (220) 1605 г.; 7 (208) 1606 г. въ пасхаліи; 127 (271) 1608 г.; 128 (242) 1608 г.; 171 (210) 1641 г., 4 (197) 1645 г.; 43 (287) 1658 г.; 139 (245) 1663 г.; на одномъ изъ листовъ 16 (233) 1668 г.; 77 (165) 1691 г., 192 (72) 1707 года. Позднѣйшія приписки, касающіяся или дарственной записи, или переплета и пр. находятся въ слѣдующихъ экземплярахъ: 25 (50) 1613 г., 117 (160) 1615 г.; 8 (204) 1635 г.; 38 (101) 1643 г.; 214 (249) 1674 г.; 157 (104) 1675 г.; 105 (5) 1687 г.; 46 (198) 1705 г.; 63 (299) 1730 г.; 33 (114) 1735 г.

Помимо этихъ рукописей заслуживаютъ вниманія съ палеографической стороны №№ 45 (82) и 113 (135), писанные на пергаментѣ и бумагѣ. Въ № 45 первая только тетрадь писана на одномъ пергаментѣ, остальныя же такъ: первый и восьмой листъ всякой тетради на пергаментѣ, 6 внутреннихъ листовъ на бумагѣ. Въ № 113 большая часть листовъ писаны въ перемѣшку два листа на пергаментѣ и два листа на бумагѣ.

Отмѣтимъ рукописи, въ которыхъ указано мѣсто написанія: № 43 (287) евангеліе писано въ богохранимомъ селѣ Ѥтрополѥ. № 45 (82) евангеліе писано въ Рыльскомъ монастырѣ. № 75 (187) Златоустъ писанъ въ монастырѣ Продрѡ. Въ № 80 (62) есть двѣ записи: житіе св. Амвросія было писано оу Враца, житіе св. Іоанна Златоуста оу Самоковъ. № 82 (28) писанъ попомъ Ѳеодоромъ ѿ Враца. № 103 (10) писанъ Николой ѿ новачане софійскаго округа. № 128 (242) писанъ въ храмѣ св. Троицы близъ Врацы. № 135 (9) писанъ въ себѣ Столникь софійскаго округа, новосельскаго уѣзда. № 139 (245) писанъ дьякомъ Драгуломъ ѿ село Камѣно полѥ. № 149 писанъ ꙋ монастырꙋ Жѣзникꙋ. № 171 (200) писанъ ꙋ село Славовицꙋ на рѣцѣ Искъръ. № 174 писанъ попомъ Вуче ѿ Хрѣво.

Интересны часто бываютъ и указанія на тѣ мѣста, въ которыхъ

найдена та или другая рукопись. Такъ, напримѣръ, евангеліе № 24 (273) болгарскаго правописанія найдено въ Велесѣ. Рукопись интересна употребленіемъ юсового знака одинаковой формы (и для ѫ и для ѧ); не сказано къ сожалѣнію какого же. Есть случаи, когда вмѣсто того и другого юса пишется лишь ѧ и, наоборотъ, въ другихъ рукописяхъ ж. Таковы отрывки въ Собраніи профессора Григоровича № 1693 II, употребляющіе лишь ѧ и ѩ и извѣстное Аѳонское Драгіино евангеліе въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, знающее лишь ж. № 29 (21) принадлежалъ церкви села Горни около Самоковской околіи, сербскаго правописанія XV вѣка. № 36 (139) XV вѣка сербскаго правописанія принадлежалъ монастырю св. Николы Прилѣпскаго. № 38 (101) сербскаго правописанія найденъ въ селѣ Соватитѣ Бургазскаго округа, а купленъ былъ въ 1643 г. ѿ село, Ӥнина и данъ былъ въ храмъ св. великомученика Георгія. № 45 (82) XIV вѣка сербскаго правописанія найденъ въ Прилепѣ. Апостолъ сербскаго правописанія № 60 (52) принадлежалъ монастырю Маркову. № 67 (93) Бесѣды Ефрема Сирина XIV вѣка сербскаго правописанія найденъ въ Новомъ Селѣ Штипъ. № 76 (182) сборникъ сербской рецензіи XVI вѣка полученъ изъ Македоніи. № 91 (156) цвѣтная тріодь принесена изъ Хиландаря. № 95 (158) сербской рецензіи XVI вѣка составлялъ прьви кома̃ (тріоди) монастира Гергетега. № 107 (74) октоихъ сербской рецензіи XVI вѣка на пергаментѣ найденъ въ Дебрско. № 105 (5) болгарско-сербскаго правописанія принадлежалъ храму св. Николая у село Биримирци близь Желявы. № 137 (112) подаренъ изъ Айтоса, принадлежалъ Забелъскому монастырю. № 157 (104) минея болгарскаго правописанія съ сербскимъ вліяніемъ ѿ село Погорелце переплетена въ городѣ Бдинѣ. Изъ этихъ указаній видно, что большая часть рукописей, найденныхъ въ Македоніи, сербскаго правописанія. Тѣмъ интереснѣе № 24 (273) болгарскаго правописанія, найденный въ Велесѣ.

Приведемъ въ алфавитномъ порядкѣ имена писцовъ, сохранившіяся въ записяхъ. Грѣшный попъ Богданъ № 171 (200). Велко № 105 (32). Послѣдній въ иноцѣхъ, убогій въ человѣцѣхъ, богатый въ грѣсѣхъ Виссаріонъ іеромонахъ № 75 (187). Грѣшный попъ Вуче № 175 (31). Герасимъ іеромонахъ № 221 (194). Діакъ Драгулъ № 72 (220). Убогій и грѣшный и меньшій въ бѣлцѣхъ діакъ Драгуль № 139 (245). Грѣшный и меньшии въ священницѣхъ Іоаннъ іерей № 43 (287). Іосифъ непотребный № 80 (62). Грѣшный Исидоръ № 192 (72). Еромонахъ Калиникъ № 4 (197). Грѣшный рабъ въ еромонасѣхъ

Неофитъ. № 36 (139). Никодимъ многогрѣшный и послѣдній въ иноцѣхъ № 37 (181). Никола № 103 (10). Іероманахъ Пименъ окаянный № 108 (13). Іерей Радулъ ѿ Букуреще № 16 (233). Самуилъ Бакачичь Русинь (переводчикъ) № 77 (165). Многогрѣшный и смѣренный мнихъ Симеонъ № 45. Попъ Θеодоръ № 82 (22). Грѣшный попъ Θеофанъ № 68. Тайнописью писано имя Давидъ грѣшни № 149 (157). Не вполнѣ разобранная проф. Вуловичемъ тайнопись есть еще въ № 214 (249), гдѣ прочитано: граматикъ. Сравни также какъ бы неоконченную запись при № 8 (204) рькою (s.) мнѡгогрѣшнаго граматика (имени нѣтъ). Въ № 225 тайнописью: многогрѣшным инокь Григорие.

Вообще нельзя не считать недостаткомъ описаній на славянскомъ югѣ того, что въ нихъ не прилагается указателя именъ какъ лицъ, такъ и мѣстъ, который облегчаетъ справку и увеличиваетъ цѣнность труда. Въ приведенныхъ проф. Вуловичемъ записяхъ есть не мало именъ, такъ или иначе интересныхъ и важныхъ для занимающихся юго-славянской письменностію. Напримѣръ, на стр. 3 въ № 10 (6) упоминается имя патріарха Ипечскаго Гавріла, всеосвященнаго архиерея Самоковской епархіи кѵръ Симеона стр. 20 № 84 (4), митрополита Бѣлградскаго Викентія Стефановича № 218 (63) стр. 43, архіерея и митрополита бывшаго Щипскаго Діонисія 1803 г. стр. 46 № 233 (70).

Многія изъ рукописей Софійской народной библіотеки были изслѣдуемы посѣщавшими Болгарію учеными, многіе памятники и статьи изъ сборниковъ были издаваемы иногда даже не разъ. Указаній на это нельзя найти въ описаніи проф. Вуловича, которое, впрочемъ, печатается по смерти составителя. Большая часть этихъ изданій относится къ послѣднимъ годамъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ интересныхъ списковъ евангелія № 199 (Вулов. 14) болгарскаго правописанія разсмотрѣнъ проф. А. И. Соболевскимъ, который считаетъ его спискомъ съ русскаго оригинала; а замѣтки объ этой рукописи сдѣланы также и нами въ статьѣ объ отрывкахъ апостола Грշковића. Синодикъ царя Бориса былъ изданъ Попруженкомъ въ Извѣстіяхъ Константинопольскаго Археологическаго Института. Одесса 1899 г. Нѣсколько апокрифическаго содержанія статей, евангеліе Θомы и др. изъ сборника № 68 изданы нами въ апокрифическихъ текстахъ С.-Пб. 1899 и проф. Архангельскимъ въ I кн. Извѣстій II Отд. за 1899 г. Здѣсь имъ написанъ подробно по статьямъ весь этотъ сборникъ и нѣкоторыя мелкія статьи напечатаны. Отрывки изъ физіолога напеча-

таны нами въ названной книгѣ вполнѣ, а нѣсколько №№ проф. П. А. Кулаковскимъ въ Отчетѣ о заграничной командировкѣ въ 1899 г. № 80 описанъ подробно проф. Архангельскимъ тамъ же, а отдѣльныя статьи изъ него напечатаны у него въ Извѣстіяхъ, а также въ отчетѣ проф. М. Н. Сперанскаго слово о Соломонѣ, сказаніе о трепетникѣ проф. Архангельскимъ и проф. Сперанскимъ въ изслѣдованіи [1]) о трепетникахъ, коледарникъ и громовникъ проф. Архангельскимъ. О посланіяхъ и словахъ наказательныхъ воеводы валашскаго Негоя было сдѣлано нами сообщеніе въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, въ протоколахъ котораго за 1896 годъ помѣщены извлеченія изъ рукописи и представленъ краткій отчетъ о содержаніи сохранившихся въ славянскомъ текстѣ произведеній этого воеводы съ комментаріемъ нѣсколькихъ интересныхъ по содержанію мѣстъ. О рукописи этой приходится сказать еще кое-что. Наибольшая ея часть, значащаяся въ каталогѣ за № 123, не оказалась на мѣстѣ въ 1899 г., когда видѣть ее хотѣлъ П. А. Сырку. Поиски ея были напрасны и можно было опасаться, что она пропала изъ библіотеки. Профессоръ Милетичъ, вмѣстѣ съ которымъ мы имѣли намѣреніе издать славянскій текстъ поученій Нѣгоя [2]) заявилъ объ исчезновеніи рукописи покойному министру народнаго просвѣщенія Славейкову. Назначена была особая комиссія для ревизіи библіотеки и, къ счастію, результатъ ея оказался вполнѣ благопріятнымъ: рукопись найдена вложенной въ другую. Можно порадоваться такому исходу дѣла: иначе могли бы явиться подозрѣнія, что кто-либо изъ посѣтителей библіотеки злоупотребилъ ея довѣріемъ. Это было бы потому непріятно, что администрація библіотеки относится къ занимающимся и въ особенности къ пріѣзжимъ съ рѣдкою любезностію и предупредительностію. Не стѣсняемый срокомъ путешественникъ можетъ сверхъ утреннихъ часовъ заниматься еще послѣ двухъ до поздняго вечера.

---

[1]) Текстъ, представляющій отрывки изъ трепетника № 68, также напечатанъ проф. Сперанскимъ въ этой книгѣ.

[2]) Вся рукопись нами списана, недостаетъ только около двадцати листковъ, которые были на первый разъ нами опущены какъ не представлявшіе бытового или историческаго интереса, а заключавшіе выписки изъ книгъ священнаго писанія. Но въ интересахъ полноты и для сличенія славянскаго текста съ румынскимъ и греческимъ необходимо пополнить недостающее, что мы и имѣемъ въ виду сдѣлать, чрезъ посредство проф. Милетича выписавъ рукопись въ Петербургъ. Дополнивъ недостающее, поспѣшимъ издать этотъ весьма интересный по содержанію памятникъ, насколько онъ сохранился въ славянскомъ переводѣ.

Но и сверхъ этого уже изслѣдованнаго матеріала остается еще много любопытнаго. По содержанію, напримѣръ, заслуживаетъ вниманія похвала Успенію Божіей Матери Климента Словѣнскаго въ Минеѣ сербской рецензіи, важная ради юго-славянскаго списка. Отмѣтимъ также два списка житія Василія Новаго № 227 (268) болгарской рецензіи и № 192 (72) сербской рецензіи. Интересенъ Поменикъ, въ которомъ отмѣченъ цѣлый рядъ мѣстъ, каковы Тетово, села Седларево, Глумово, Шишево, Крушопеци, Церово, Колич, град Скопле, села Матка, Копаница и др. Въ немъ упомянуты имена митрополитовъ Германа, Матвѣя, Іоанна, Аѳанасія. Особо поминаются имена властеломъ Скопіꙗ града. Судя по всему, этотъ памятникъ принадлежалъ какому-либо монастырю или храму сѣверной Македоніи. Правописаніе сербское. На л. 44 есть хронологическая таблица, которую написалъ іеромонахъ Евстратій въ 1572 г. Въ № 191 (152) житія, повѣсти и бесѣды, между прочимъ мученіе и страданіе Ипатіево. Въ № 190 (117) на л. 1—106 Вуловиѣемъ отмѣчены Страсти гдни; быть можетъ статья эта есть варіантъ Страстей Христовыхъ, приготовленныхъ къ изданію Тупиковымъ, CXL Пам. Древн. Письм. Интересны также сборники, писанные ново-болгарскимъ языкомъ. Изъ старыхъ рукописей, писанныхъ на пергаментѣ, кромѣ тѣхъ, которыя были упомянуты, важна рукопись Паренесиса Ефрема Сирина, изъ которой нами сдѣланы въ 1894 г. значительныя выписки, остающіяся ненапечатанными. Вообще говоря, софійская народная библіотека долго еще будетъ привлекать интересъ ученыхъ благодаря богатству своего собранія.

Гораздо меньшій интересъ представляютъ рукописи изъ библіотеки Софійскаго Болгарскаго Синода. Въ ней также преобладаютъ книги священнаго писанія и богослужебныя. По содержанію здѣсь значится 8 псалтырей, изъ нихъ три печатныхъ, одна толковая псалтырь, 27 евангелій, въ томъ числѣ два печатныхъ, 4 апостола, одна книга евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, двѣ печатныя библіи острожскаго изданія, служба Кирику и Улитѣ, служба и житіе св. Іоанна Рыльскаго и Іоакима Осоговскаго, 5 служебниковъ, всѣ печатные, 6 требниковъ, изъ которыхъ два печатныхъ, 10 октоиховъ или осмогласниковъ, изъ нихъ 4 печатныхъ, 8 тріодей, изъ нихъ 1 печатная, 37 миней, между ними 3 печатныхъ, 1 пендикостарь, два ирмологія, одинъ типикъ, одинъ часословъ, 4 молитвослова, 5 дамаскиновъ, писанныхъ новоболгарскимъ языкомъ, печатный экземпляръ Киріакодроміона Софронія Врачанскаго 1808 г., 1 списокъ исторіи Сла-

вяно-болгарской Паисія, 4 сборника, между которыми подробно описанъ № 128, названный Пчелой.

Изъ числа этихъ рукописей отмѣтимъ прежде всего имѣющія дату написанія. Таковы №№ 34 (139) 1563 г.; 27 (105) 1565 г.; 11 (11) 1577 г.; 28 (106) 1578 г.; 54 (35) 1600 г.; 92 (7) 1600 г.; 93 (15) 1603 г.; 96 (16) 1637 г.; 107 (10) 1639 г.; 97 (5) 1642 г.; 99 (2) 1643 г.; 122 (54) 1768 г.; 137 (55) 1771 г.

На другихъ рукописяхъ есть приписки о времени, когда рукопись или переплетена, или куплена и подарена въ какую-нибудь церковь. Таковы слѣдующіе №№ 58 (125) 1490 г.; 15 (28) 1519 г.; 128 (50) 1598 г.; 103 (17) 1604 г.; 18 (31) 1623 г.; 109 (18) 1623 г.; 76 (58) 1661 г.; 47 (99) 1671 г.; 20 (71) 1674 г.; 13 (20) 1678 г.; 80 (45) 1682 г.; 19 (56) 1686 г.; 12 (23) 1688 г.; 63 (49) 1690 г.; 78 (104) 1693 г.; 29 (107) 1694 г.; 37 (32) 1696 г.; 21 (77) 1711 г.; 30 (110) 1712 г.; 55 1717 г.; 79 (42) 1722 г.; 38 (91) 1742 г.

Мѣсто написанія рукописи отмѣчено при № 27 (105): въ место ѡбласті радомирские више села батеновци ꙋ манастирь ꙋспеніе прѣстеи бци; въ № 28 (106) въ области сардакіиские въ село пролеша; въ № 34 (139) въ мѣстѣ Кратово; въ № 46 (81) въ градѣ Софіи; № 54 (35) писана іеромонахомъ Василіемъ родомъ изъ Загорія ѿ гра Оугреша; № 96 (16) въ монастырѣ св. Троицы вы село єтропо; № 99 близь села Етрополе въ кадилукѣ Ловечскомь.

Отмѣтимъ имена писцовъ: Смѣрени и грешни алеѯіи иереї велковичъ поповичъ № 137; № 11 рукою многогрѣшнаго та граматика баїча прѣзьимено. ꙗкꙋага; № 54 (35) грѣшныи мнѡ окаанѣиши и мьнши въ іермонасѣ іермона василіа; № 12 Влъко; № 27 (105) многогрѣшни ер'мона гаврилъ; № 99 (2) многогрѣшныи данїи іеромона; № 34 (139) послѣніи и мьнши въ сщнницѣ та пѡ іѡань; № 46 (81) многогрѣшныи попь младѣнь малїи; № 28 (106) многогрѣшныи и послѣдніи въ свѣщеницѣ петрь; № 92 (7) іермона рафаи; № 122 многогрѣшніи стойко іереи; № 115 (30) недостоиныи и многогрѣшныи ѳеодѡръ даскалъ; также и въ № 82.

Только одна рукопись писана на пергаментѣ. Какъ видно было изъ перечня, въ числѣ рукописей мало интересныхъ со стороны содержанія. Можно отмѣтить впрочемъ въ № 117 сербской рецензіи слѣдующія статьи: сказаніе о 12 пятницахъ — извѣстный апокрифъ, мудрость Соломона сына Давидова — списокъ гадальной псалтири, текстъ которой изданъ проф. М. Н. Сперанскимъ въ приложеніи къ

его изслѣдованію о гадальныхъ псалтиряхъ; наконецъ вопросы и отвѣты. № 128 заслуживаетъ вниманія какъ особый списокъ Пчелы.

Изъ новоболгарскихъ рукописей наибольшій интересъ представляютъ сборники, извѣстные подъ именемъ Дамаскиновъ. Изъ другихъ сборниковъ поздняго времени интересенъ № 136, въ которомъ есть переводъ на турецкій языкъ нѣсколькихъ церковныхъ пѣснопѣній и 118 турецкихъ пословицъ.

Нужно замѣтить, что иногда рукописи, сами по себѣ не особенно важныя, представляютъ интересъ по имѣющимся въ нихъ записямъ. Такія записи часто съ хронологической помѣтой даютъ матеріалъ для новѣйшей исторіи съ одной стороны и для знакомства съ народнымъ языкомъ съ другой. Мы уже не говоримъ, что онѣ интересны по указанію мѣстности, гдѣ была и куда переходила извѣстная рукопись, лицъ, которыя ее переплетали или дарили въ тотъ или другой монастырь на поминъ души, которыя покупали ее за ту или другую сумму. Важно, разумѣется, также знать, гдѣ найдена какая рукопись. Нельзя не поблагодарить составителя за то, что онъ внимательно заносилъ въ свое описаніе всѣ эти данныя, но въ то же время нельзя не пожалѣть, что не приложено списка личныхъ именъ и именъ мѣстъ, который не лишнимъ бываетъ при всякой книгѣ, а при описаніи рукописей прямо необходимъ. Иначе масса названій пропадаетъ по трудности ихъ подыскиванія; приходится самому читателю составлять для себя такой реестръ.

Отмѣчая интересъ приписокъ для языка, мы однако должны сказать, что составитель описанія, по всей вѣроятности, не особенно привыкшій читать рукописи, исполнилъ эту работу не вполнѣ удовлетворительно. Нерѣдко замѣтны ошибки, возникаетъ сомнѣніе въ правильности чтеній.

Изъ множества лицъ, упоминаемыхъ въ записяхъ, отмѣтимъ имена епископовъ и митрополитовъ. Въ № 84 (13) провозглашается: многая лѣта господину Костантїѹ преѡсщ҃еннѣишемѹ и бг҃оизбранномѹ митрополитѹ ст҃еишыѧ митрополии кеѡстендилскїѧ и щипскїѧ, пречт҃ныи еѯархъ всеѧ мисии. На стр. 137 упоминается епскопъ ловечскій Симеонъ въ 1600 г.; тамъ же въ 1794 г. владыка ловечки антимь. На стр. 145: митрополитъ Трьновѹ кѵ҃ макаріе на прѣсла҃ епк҃пь кѵрь калиникъ. а на чрьве҃ епк҃пь кѵ҃ гаври҃. и на лове҃ епк҃пь кѵ҃ кѵрїй.

Гораздо важнѣе собраніе рукописей въ Рыльскомъ монастырѣ. Въ числѣ 119 №№ находится здѣсь прежде всего прекрасно сохранив-

шійся хрисовулъ царя Іоанна Шишмана. Пергаменныхъ рукописей всего только 3. По языку 27 №№ болгарской рецензіи, среднеболгарскихъ и новоболгарскихъ, 60 сербской рецензіи, 5 болгарско-сербской и 27 русской. По содержанію почти всѣ принадлежатъ церковной литературѣ. Но при этомъ нельзя не отмѣтить разнообразія ихъ состава. Кромѣ евангелій и апостоловъ, а также книгъ богослужебныхъ есть толковый апокалипсисъ, прологъ, три маргарита, два панегерика, патерикъ, лествица, два Златоуста, бесѣды на ветхій завѣтъ, слова Петра Дамаскина, два экземпляра вопросовъ и отвѣтовъ, шестодневъ Василія великаго, Нила Синаитскаго слово постническое, Андрианти, 3 списка Ефрема Сирина, два списка Исаака Сирина, отвѣты постникомъ блаженнаго Николы. Изъ этихъ рукописей подробное оглавленіе панегириковъ напечаталъ въ Отчетѣ проф. П. А. Кулаковскій.

Слѣдующія рукописи Рыльскаго монастыря имѣютъ дату: 66 (44)—1399 г.; 63—1479 г.; 61—1483 г.; 13 (36)—1542 г.; 1—1582 г.; 47 (8)—1656 г.; 78—1756 г.; 97 (70)—1783 г.; 61 (60)—1790 г. № 86 имѣетъ вкладную запись отъ 1489 г.

№ 66 писанъ при Іоаннѣ Александрѣ и царицѣ Θеодорѣ новопросвѣщенной въ мѣстѣ Усты при Трьновѣ градѣ. № 21 типикъ сербской рецензіи писанъ въ храмѣ св. Николая въ Дебрѣ. № 23 въ скитѣ св. Анны на Аѳонѣ. № 13 въ Рыльскомъ монастырѣ.

Хранятся рукописи Рыльскаго монастыря въ образцовомъ порядкѣ.

П. Лавровъ.

Л. А. Погодинъ. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1901 г.

Книга г. Погодина, какъ видно изъ предисловія къ ней, представляетъ переработку лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется нѣкоторая неравномѣрность ея главъ. Двѣ изъ нихъ IX „Родина славянскаго племени“ и X „Распространеніе славянъ на западъ“ отличаются сравнительно съ другими большею детальностію разработки, носятъ характеръ спеціальнаго изслѣдованія, между тѣмъ остальныя нерѣдко являются болѣе или менѣе компилятивными, каковы особенно глава VI „Тюрки“, что признаетъ и самъ авторъ (стр. II Предисловія) и глава XI „Заселеніе польскими славянами Польши и способъ ея колонизаціи“. Это и понятно. Автору судя по всему не удалось подверг-

нуть переработкѣ весь курсъ, наиболѣе онъ успѣлъ это сдѣлать въ тѣхъ главахъ, которыя имъ посвящены вопросу о разселеніи славянскаго племени на западѣ Европы.

Но и въ переработанномъ видѣ книга г. Погодина, входящая въ серію лекцій преподавателей археологическаго института, должна была остаться до извѣстной степени общедоступной. Этимъ авторъ объясняетъ, что онъ не могъ позволить себѣ подробныхъ чисто филологическихъ изслѣдованій нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для науки славянскихъ древностей, иногда долженъ былъ приводить только нѣсколько фактовъ изъ обширнаго матеріала, порою сообщать такія элементарныя вещи, которыя не могутъ быть интересны для спеціалистовъ ученыхъ (I стр. предисловія).

И дѣйствительно въ книгѣ можно указать цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, которыя имѣютъ въ виду слушателей курса, а не читателей спеціальнаго изслѣдованія. Такъ, напр., на стр. 98 авторъ объясняетъ „форму tort (символическая форма, указывающая на передачу сочетанія or между двумя согласными; такое же символическое значеніе имѣютъ tolt, tert)", на стр. 17 обращаетъ вниманіе на важный трудъ Катанчича (Itri adcolarum Geografia Vetus), на стр. 51 находитъ нужнымъ сказать о мѣстоположеніи Сирмія; на стр. 105 вспоминаетъ Екатерину и Дидро. Ср. также стр. 16 и 24: „слѣдующій географъ, на которомъ я долженъ остановить ваше вниманіе" и т. д.; „дальнѣйшая судьба таврическихъ и тьмутараканскихъ готовъ послужитъ предметомъ для нашихъ занятій въ концѣ года". Наконецъ вся первая глава о задачахъ науки славянскихъ древностей относится къ курсу лекцій и является лишней для избранной авторомъ темы: Изъ исторіи славянскихъ передвиженій.

Все это указываетъ на то, что поспѣшность переработки отозвалась на книгѣ г. Погодина и всего болѣе эта торопливость виной, что авторъ не вездѣ входилъ въ чисто филологическое подробное изслѣдованіе вопросовъ, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для славянскихъ древностей. Вѣдь безъ всякаго ущерба для сути дѣла онъ позволилъ себѣ отступить отъ задачи писать общедоступно въ главахъ IX и X и безъ всякаго сомнѣнія его слушатели не посѣтовали бы на такія отступленія. Но для такого изложенія, разумѣется, нужно было потратить не мало труда и времени.

Отмѣтимъ кстати здѣсь еще нѣкоторые пріемы автора. Пользуясь литературой предмета, онъ нерѣдко позволяетъ себѣ слишкомъ большую зависимость отъ трудовъ своихъ предшественниковъ. Такъ, напр.,

на стр. 75 при переводѣ извѣстнаго мѣста изъ Константина Багрянороднаго онъ дѣлаетъ сноску. „Пользуюсь переводомъ этого мѣста, сдѣланнымъ М. П. Погодинымъ“. На стр. 82 при упоминаніи о трудѣ Захаріи Лингенталя и статьѣ В. Г. Васильевскаго читаемъ: „Оба труды изложены въ книгѣ М. Соколова „Изъ древней исторіи Болгаръ“; его изложеніемъ пользуюсь и я здѣсь“.

Уже независимо отъ указанной причины приходится отмѣтить нѣкоторыя странности въ планѣ книги, одинаково вызывающія возраженіе, смотрѣть ли на нее какъ на курсъ древностей, или же какъ на монографическое изслѣдованіе. Авторъ посвящаетъ двѣ главы гуннамъ и тюркамъ и не отводитъ мѣста болгарамъ. А между тѣмъ въ главѣ о гуннахъ его выводъ таковъ: „мы не рѣшаемся находить у нихъ какой-нибудь слѣдъ знакомства съ славянами“ (стр. 43) и тѣмъ не менѣе гунны не обойдены; напротивъ болгары, съ которыми славяне балканскаго полуострова рано начинаютъ входить въ соприкосновеніе и которые вмѣстѣ съ ними образуютъ могущественное славянское государство, совершенно игнорированы въ книгѣ г. Погодина. Въ другой части книги авторъ особую главу посвящаетъ заселенію Польши польскими славянами и способу ея колонизаціи, при чемъ собственно вопросу о заселеніи отведена лишь страница, все остальное касается колонизаціи и выходитъ далеко за рамки, поставленныя темой: Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Вѣдь если авторъ говоритъ о колонизаціи Польши, то къ нему можно обратиться съ вопросомъ, почему же онъ не касается колонизаціи другихъ славянскихъ земель. Эта глава невольно производитъ впечатлѣніе излишняго привѣска, не говоря уже о томъ, что въ ней нѣтъ самостоятельнаго изслѣдованія, какъ мы и упомянули выше.

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ разбору отдѣльныхъ главъ. Оставивъ въ сторонѣ первыя четыре главы, остановимся на главѣ о гуннахъ. Съ точки зрѣнія славянскихъ древностей здѣсь приходится коснуться вопроса о славянствѣ гунновъ. Какъ извѣстно, въ нашей литературѣ главнымъ и теперь единственнымъ представителемъ ученія, которое считаетъ гунновъ славянами, является Д. И. Иловайскій. Неудивительно поэтому, что противъ этого ученаго направлены и замѣчанія г. Погодина. Но, разумѣется, послѣ того, что мы найдемъ по этому вопросу въ славянскихъ древностяхъ Шафарика, а въ дополненіе къ собранному имъ матеріалу въ статьѣ проф. В. Г. Васильевскаго, трудно сказать что-либо новое. Прибавимъ еще, что всякому, знакомому съ трудами этихъ ученыхъ, произвольность метода

Иловайскаго далеко не подастъ опаснаго примѣра и преувеличивать опасность теоріи этого ученаго, какъ это дѣлаетъ г. Погодинъ, совершенно напрасно.

Пользуясь при критикѣ теоріи Иловайскаго возраженіями предшественниковъ, г. Погодинъ опустилъ однако одинъ весьма важный фактъ. Какъ во многихъ другихъ вопросахъ, такъ и въ гунскомъ важную роль играетъ языкъ. И въ этомъ случаѣ рядомъ съ собственными именами большой интересъ получаетъ указаніе Іордана на то, что гунны называли Днѣпръ на своемъ языкѣ словомъ var. Этого слова мы не находимъ въ книгѣ Погодина, а между тѣмъ оно было отмѣчено еще Шафарикомъ въ славянскихъ древностяхъ. Пользуясь старымъ изданіемъ Іордана, въ которомъ это мѣсто читалось Hunnivar и было понимаемо какъ одно слово для обозначенія страны, проницательный авторъ славянскихъ древностей угадалъ истинный смыслъ этого мѣста и читалъ его раздѣльно, при чемъ сопоставлялъ съ словомъ var формы uar, uor, or, hor, означающія также рѣку въ нарѣчіи лезго-аварскомъ.

Проф. В. Г. Васильевскій въ рецензіи на новое изданіе Іордана, сдѣланное Момзеномъ, встрѣтивъ въ немъ именно такое раздѣленіе текста, ошибочно приписывалъ заслугу этого знаменитому нѣмецкому ученому, но за то сдѣлалъ чрезвычайно интересное дополненіе къ Шафарику, указавъ на связь сохраненнаго Іорданомъ гунскаго слова съ названіемъ Днѣпра именемъ Βαρούχος у Константина Багрянароднаго. Г. Погодинъ не сдѣлалъ бы этого опущенія, если бы изложилъ вопросъ о славянствѣ гунновъ, положивъ въ основаніе факты, собранные Шафарикомъ, и не просмотрѣлъ статьи В. Г. Васильевскаго.

Не ограничиваясь отрицаніемъ славянства гунновъ, г. Погодинъ идетъ далѣе, отвергая какіе-либо слѣды знакомства гунновъ съ славянами, съ чѣмъ едвали можно согласиться: трудно представить, чтобы гунны въ своемъ движеніи хотя отчасти не захватили и славянъ.

Южнымъ славянамъ г. Погодинъ посвятилъ въ своей книгѣ двѣ главы: VII „Славяне на балканскомъ полуостровѣ“ и VIII „Славянскій вопросъ въ Греціи“. Отрицательно относясь ко взгляду проф. Дринова, отстаивающаго древность славянъ на Дунаѣ, въ IV главѣ г. Погодинъ въ седьмой главѣ главнымъ образомъ останавливается на обозрѣніи тѣхъ извѣстій о славянахъ, которыя находятся у историковъ VI вѣка. Мы ожидали бы найти въ этой главѣ пересмотръ вопроса объ отношеніи славянскаго населенія къ ѳракійско-иллирій-

скому, которое славяне застали на балканскомъ полуостровѣ тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время накопилось въ этой области достаточно интереснаго матеріала. Стоитъ указать напримѣръ статьи хотя бы въ одномъ болгарскомъ сборникѣ министерства народнаго просвѣщенія. Но г. Погодинъ совершенно не касается этого вопроса. А между тѣмъ слѣдовало бы остановиться на этомъ уже и потому, что въ нашей литературѣ высказываются мнѣнія, которыя не могутъ быть приняты. Такъ, напримѣръ, проф. Смирновъ въ Очеркѣ культурной исторіи славянъ сопоставляетъ Бессапару, столицу Бессовъ съ мнимымъ названіемъ жителей этого разрушеннаго города Бешьяфара. Но проф. Иречекъ въ Cesty po Bulharsku объясняетъ это преданіе вліяніемъ литературы. Вычитанное изъ книгъ имя Бессапара дало поводъ жителямъ села Бѣлева говорить о народѣ бешафаровъ, который будто бы обиталъ въ этой мѣстности, что и ввело въ заблужденіе Захаріева, а за нимъ и всѣхъ, кто пользовался его книжкой о Татаръ—Пазарджикскомъ округѣ [1]). Тотъ же проф. Смирновъ сопоставляетъ этнографическое имя Шоповъ съ именемъ ѳракійскаго народа Σαπαῖοι. Но проф. Иречекъ въ названной книгѣ говоритъ: Происхожденіе имени Шоповъ не объяснено, равно какъ мы не знаемъ, насколько оно старо [2]). И далѣе въ примѣчаніи: „Ѳракійское племя Σάπαι, Σαπαῖοι, на которыхъ указывалъ Шафарикъ, жили только у Егейскаго моря у устья Месты противъ острова Ѳазоса, внутри на материкѣ они неизвѣстны. Славейковъ въ статьѣ о Шопахъ (Періодическое Списаніе IX, 121) приводитъ для объясненія болгарское слово шопка. Его объясненіе, будто бы это имя есть только прозвище данное городскимъ населеніемъ деревенскому въ значеніи людей дикихъ, простыхъ, не совсѣмъ справедливо". Названіе мрваковъ проф. Смирновъ объясняетъ также рискованнымъ сопоставленіемъ: „мы позволяемъ себѣ сдѣлать догадку, что мрваки представляютъ собою остатки того же племени, имя котораго сдѣлалось у сербовъ нарицательнымъ для обозначенія раба, подчиненнаго (меропхъ)".

О поселеніи на полуостровѣ сербовъ и хорватовъ, вызвавшемъ обширную литературу, г. Погодинъ говоритъ очень мало, далеко не исчерпывая даже важнѣйшіе труды, напримѣръ, у него нѣтъ даже и ссылки на статью академика Рачкаго: Biela Hrvatska i biela Srbija, рецензію на нее проф. Флоринскаго въ *Журналѣ Министерства*

---

[1]) Cesty str. 288.

[2]) ib. str. 63.

Народнаго Просвѣщенія и др. Раздѣляя скептическій взглядъ на извѣстія Константина Багрянароднаго о поселеніи сербовъ и хорватовъ на полуостровѣ, авторъ исторіи славянскихъ передвиженій не останавливается на этомъ вопросѣ съ желательной подробностію, хотя вопросъ прямо касается поставленной имъ темы и крайне отрицательный взглядъ на извѣстія Константина Багрянароднаго встрѣчаетъ справедливыя возраженія.

Мы еще остановимся на этомъ нѣсколько ниже въ разборѣ слѣдующей главы „Славянскій вопросъ (лучше было бы выразиться: элементъ) въ Греціи". Въ ней г. Погодинъ главнымъ образомъ на основаніи прекрасной статьи г. А. Васильева говоритъ о колонизаціи славянами греческой земли, насколько даютъ матеріалъ историческія извѣстія, а за тѣмъ обращается къ даннымъ географической номенклатуры, которыя почерпаетъ у Гильфердинга и Шишманова. Можно было надѣяться, что эти данныя подвергнуты будутъ болѣе или менѣе тщательному разбору; авторъ самъ на стр. II предисловія замѣчаетъ: „мнѣ хотѣлось еще разъ разобраться въ вопросѣ о славянскомъ элементѣ въ Греціи, внеся въ свой трудъ тотъ матеріалъ, который г. Васильевымъ, какъ историкомъ, не былъ утилизированъ". Но, къ удивленію, сдѣлавъ далеко не полный выборъ изъ упомянутыхъ изслѣдованій, г. Погодинъ ограничивается такимъ замѣчаніемъ: „Вообще же стоило бы труда разсмотрѣть эти названія съ точки зрѣнія фонетическихъ законовъ, слѣды которыхъ въ нихъ сохранились, можетъ быть, отъ глубокой древности (такова указанная форма Тригардіе) и для ознакомленія съ словарнымъ матеріаломъ, который изъ нихъ можно извлечь (въ этомъ отношеніи интересно, напримѣръ, имя Γολέμ). Въ нашу задачу эта работа не входитъ" (стр. 80).

Такое отношеніе автора къ разсматриваемому вопросу тѣмъ менѣе можно оправдать, чѣмъ болѣе представляетъ интереса находящійся у Гильфердинга матеріалъ. Г. Погодинъ справедливо отмѣтилъ такіе интересные факты, какъ Тригардіе, Руфіасъ съ одной стороны и сохраненіе носовыхъ съ другой. Но при этомъ ему слѣдовало бы указать на нѣсколько примѣровъ въ Шестодневѣ Іоанна екзарха болгарскаго, каковы: *балтина* вм. *блатина*, *малдичиѥ* вм. *младичиѥ*, и др. ср. *золѣто* въ Синайской псалтыри, которые были отмѣчены нами въ докладѣ о изслѣдованіи Вондрака O mluvě Iana Exarcha Bulharského (о чемъ смотри въ протоколахъ II т. Трудовъ славянской комиссіи Москов. археолог. общ.) и повторены В. Н. Щепкинымъ въ изслѣдованіи о языкѣ Саввиной книги. Отсюда видно, что въ IX вѣкѣ еще отра-

жалась эта архаическая черта въ живомъ языкѣ. Въ современныхъ говорахъ почти совсѣмъ она не сохранилась, ср. впрочемъ нашъ докладъ. Что же касается носовыхъ, то въ южныхъ македонскихъ говорахъ ихъ рефлексы уцѣлѣли и до сихъ поръ. Эти обѣ особенности принадлежатъ болгарской группѣ. Слѣдовало бы сверхъ того отмѣтить примѣры съ *a* на мѣстѣ ѫ: Καπινόβα—Кѫпиново; Γαρδικἄκι, которое въ славянской транскрипціи Гильфердингъ возстановляетъ въ формѣ: Гардикѫѣи [1]).

Иное значеніе имѣютъ такіе примѣры, каковы: Μουτζέντζκα Мученицка, Κρυοκούκκι — Кривокуѣи, Κούκκjαρη — Куѣари; Λουκοβέρδι—Лукобрѫдо; Χουντοκούκκι—Худокуѣи; Μηλικούκκια—Миликуѣи; Глубочаре; Κούκjα—Куѣа въ Элладѣ. Здѣсь вездѣ ѫ=у, какъ опять-таки въ отдѣльныхъ словахъ и до сихъ поръ наблюдается такое произношеніе по всей территоріи Македоніи.

Въ большомъ числѣ примѣровъ *ѣ=е*, что опять-таки преобладаетъ въ македонскихъ говорахъ. Изъ нихъ только присолунскіе и примыкающіе къ болгарскимъ съ восточной границы удерживаютъ выговоръ *ѣ* какъ *я, еа*, на всей остальной территоріи исключительно *е*. Если принять во вниманіе, что и другія черты, напримѣръ, мягкое *к* и *г*, которыя во всякомъ случаѣ ближе къ ѣ и ђ, чѣмъ къ болгарскимъ *шт* и *жд*, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователи находятъ вмѣсто нихъ именно сербскіе звуки, (Новаковиѣ, Облакъ), приближаютъ македонскіе говоры къ сербско-хорватской группѣ, то не будетъ ошибкой признать въ языкѣ македонскихъ славянъ средній промежуточный типъ между восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ и сербскимъ. Неудивительно, что и въ формахъ являются подобныя черты. Поэтому, когда напримѣръ, Облакъ называетъ сербизмами дѣепричастныя формы на *ки*, то мы можемъ признать ихъ лишь въ смыслѣ близости македонскихъ говоровъ къ сербскому языку, а никоимъ образомъ не въ смыслѣ литературнаго вліянія сербскаго языка, которое, ограничиваясь монастырской письменностью, не могло оставить какихъ-либо слѣдовъ въ живомъ языкѣ.

Тоже приходится сказать и о словарномъ запасѣ, который, никто не будетъ этого оспаривать, опять-таки значительно сближаетъ македонскіе говоры съ сербскимъ языкомъ.

Мы высказываемъ здѣсь эти замѣчанія лишь мимоходомъ; съ

---

[1]) Если такое возстановленіе вѣрно, то названіе представляло бы большой интересъ. Теперь по всей Македоніи безразлично существуетъ только: кукя.

большей подробностью намѣрены остановиться на этомъ пунктѣ въ изслѣдованіи, посвященномъ обзору македонскихъ говоровъ.

Равнымъ образомъ мы не намѣрены исчерпать матеріалъ, занесенный Гильфердингомъ, который заслуживаетъ особой монографіи и нуждается въ повѣркѣ особенно на мѣстѣ. Теперь мы однако отмѣтимъ совершенно опущенныя г. Погодинымъ названія, указывающія на принадлежность славянскаго населенія, колонизовавшаго Грецію, извѣстному славянскому племени, что въ данномъ случаѣ съ точки зрѣнія славянскихъ древностей представляетъ наибольшій интересъ. Таковы Сербяни (Σερέβιανι) въ Бератскомъ округѣ; Сербяна (Ζέρβιανά) въ Янинской области, также въ грамотѣ 1321 г.; Хорваты (Χαρβάτι) въ Аттикѣ; Σερβιάνικα въ Мореѣ, въ Коринѳскомъ округѣ; Сърбяни (Συρμπάνι) въ Калаврійскомъ округѣ; Серба (Σέρβου) въ Аркадіи; Харβάτι въ Арголидѣ; Σερβοτά въ Мессиніи, Ζερπίσια тамъ же; Сръбица (Ζαρμπίτσα) въ округѣ Лакедемонскомъ; Σερβέϊκα тамъ же.

Изъ другихъ именъ заслуживаютъ вниманія такія, каковы Косово, Косовище, Тополя (изъ Тополи былъ родомъ Карагеоргій), Кучи сравни съ этимъ названіе племени въ Черногоріи; Поличани, сравни Полицу, отъ имени которой Полицкій статутъ; Жупаны, сопоставьте съ этимъ преобладающее употребленіе слова жупан у сербо-хорватовъ; Белград Берат въ Албаніи и сербскій Бѣлградъ, а также Бѣлградъ у хорватовъ и др.

Въ дополненіе къ этому слѣдуетъ замѣтить, что Шафарикъ въ Славянскихъ Древностяхъ для объясненія нѣкоторыхъ названій мѣстъ въ Македоніи могъ привести только сербскія, напримѣръ для имени Могленъ.

Весьма интересенъ еще одинъ фактъ. Одно македонское племя носило названіе Драговичи (ср. сербскую фамилію Драговић). Шафарикъ и Дриновъ сопоставляли съ этимъ племеннымъ названіемъ Драговичей Ѳракійскихъ, ссылаясь на титулъ Филиппопольскихъ митрополитовъ, которые писали: ἔξαρχος πάσης Εὐρώπης καὶ Δραγοβιντίας. Но оказывается, что эта формула въ титулѣ поздняго происхожденія и восходитъ лишь ко времени турецкаго владычества; собственно говоря по актамъ патріаршескимъ XIV вѣка титулъ екзарха Ѳракіи принадлежалъ даже не Филиппопольскому, а Адріанопольскому митрополиту. Не смотря на это, дѣлались попытки объяснить эту прибавку. Одинъ греческій священникъ Константинъ въ описаніи Филиппопольской епархіи высказалъ догадку, что названіе Δρογοβιτίας, быть можетъ, явилось отъ имени рѣчки Δρογοβίτης у монастыря Кричимскаго.

Эта догадка стала распространяться въ томъ краю. Инженеръ Пельцъ въ 1877 г. приводитъ потокъ Dragovica около Кричима, городище Dragovet, въ восточныхъ Родопахъ гору Dragovina. Но Славейковъ въ 1882 знаетъ только потокъ Dragodan, протекающій черезъ западную часть села Кричимъ, другой возлѣ Устины; имя крѣпости Dragovec Славейковъ считаетъ вымышленнымъ. Въ Перуштицѣ ему разсказывали о потокѣ Dragovec, иначе Сина Вода, но знали также и о прибавкѣ въ титулѣ митрополита. Судя по всему, заключаетъ проф. Иречекъ, имя Драговичей попало въ митрополичій титулъ черезъ перенесеніе его отъ епархіи македонскихъ Драговичей. Примѣры такого перенесенія географическихъ именъ въ церковныхъ титулахъ не рѣдки. Въ средніе вѣка имя Македоніи было перенесено, какъ извѣстно, на Ѳракію и самый Пловдивъ назывался городомъ македонскимъ. Въ новѣйшее время мѣстные писатели искали опоры этому титулу въ мѣстной номенклатурѣ около Пловдива и нашли ее въ имени отъ корня драг, столь обычнаго въ личныхъ и мѣстныхъ названіяхъ по всей Болгаріи [1]).

Мы потому остановились на этомъ имени, что оно представляетъ не маловажный интересъ по указанію на племенной составъ населенія Македоніи. Въ болгарскомъ языкѣ, какъ извѣстно, нѣтъ окончаній на *ичи*. Уже одно это обстоятельство указываетъ на существованіе въ Македоніи племенъ, отличавшихся отъ славянъ, вошедшихъ въ составъ Болгарскаго государства; у сербовъ, наоборотъ, это окончаніе обычное [2]). Изъ описаній рукописей можно видѣть, что въ мѣстностяхъ македонскихъ и западноболгарскихъ не рѣдки окончанія фамилій на * икъ*; извѣстный герой народныхъ пѣсенъ Марко кралевичъ также носитъ не болгарскую форму кралевикь. Опять-таки сомнительно видѣть въ этомъ литературное вліяніе.

Все это вмѣстѣ, т. е. сербскія черты въ славянской номенклатурѣ Греціи, фонетическія особенности говорятъ за близость этого населенія къ сербскому племени, но понятное дѣло, что это населеніе составляло неразрывное цѣлое съ населеніемъ Македоніи. Только послѣднее, войдя частями и по временамъ въ составъ Болгарскаго царства, утрачивало свои племенныя черты, принимая болгарское имя. Но зато весьма характерно то, что самое имя болгаринъ населеніе

---

[1]) *Иречекъ*, Cesty str. 287—288.

[2]) Значеніе этого обстоятельства увеличивается, если мы примемъ во вниманіе возстановляемыя Шафарикомъ формы Войничи, Велегостичи, Езерци, послѣдовательность требуетъ Езеричи, которыя также носятъ сербскій характеръ.

Македоніи повсюду носитъ въ сербской формѣ бугарин. И тѣмъ не менѣе Константинъ Багрянородный сохранилъ намъ драгоцѣнное указаніе на имя Σέρβλια, нынѣшнее Србица; въ славянскомъ переводѣ Зонары XIV в.: Сръбчище; въ послѣдней формѣ это имя сходится съ именемъ жупы и города у славянъ полабскихъ, нынѣшнее Zerbst. Невольно является убѣжденіе, что Константинъ Багрянородный пользовался надежнымъ источникомъ, разсказывая о приходѣ на Балканскій полуостровъ сербовъ и хорватовъ. Мы и разсказъ его о первоначальномъ поселеніи сербовъ около Солуня въ виду всего вышесказаннаго считаемъ заслуживающимъ вниманія.

Что же касается имени болгаръ, то данныя номенклатуры съ названіемъ Σκλάβι въ Греціи и названія славянскихъ областей Македоніи славиніями опять-таки указываютъ на позднее проникновеніе имени болгаръ и на первоначальный характеръ населенія Македоніи.

Очень вѣроятно, что и упоминаніе именъ хорватовъ и сербовъ въ народной поэзіи славянъ македонскихъ остается воспоминаніемъ о составѣ населенія. Такъ, напримѣръ, въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Кайлярско, находимъ стихи: „Болен лежи сѫрбин юнак, сѫрбинка девоіка, сѫрбинче юначе"... Сборникъ болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія т. XVI—XVII стр. 68.

Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ въ Демиръ-Хисарскомъ округѣ, находимъ триста хорватовъ, во главѣ которыхъ стоитъ проклети Хѫрватин; въ другой упоминается хѫрватска земьа, хѫрватки халаітки, хѫрватин воівода въ VI томѣ того же изданія. Есть пѣсня: Крали Марко и Арватка девойка, арватска земя, Арват град. Уже по одному тому, что имя народное принимается за имя личное, что имя народности является, какъ имя города, можно судить, что мы имѣемъ дѣло съ давними темными воспоминаніями.

Въ послѣдней главѣ (VIII) г. Погодинъ опустилъ изъ виду извѣстную книгу Новаковића: „Први основи словенске књижевности међу балканским словенима" (У Београду 1893), который касается того же самаго вопроса и высказываетъ особый взглядъ.

IX и X главы представляютъ въ книгѣ г. Погодина наиболѣе самостоятельную часть. Матеріалъ, собранный здѣсь, взятъ авторомъ отчасти изъ спеціальныхъ монографій, отчасти изъ мелкихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, наконецъ изъ географическихъ словарей и картъ. Справедливо придавая значеніе изученію названій рѣкъ и жалуясь на то, что эти названія не приведены въ систему и не каталогизированы, авторъ нѣсколько преувеличиваетъ, когда говоритъ,

что съ этой точки зрѣнія историко-географическій матеріалъ не былъ изученъ ни разу. Но вѣдь самъ же г. Погодинъ пользуется книгой проф. Филевича и статьей проф. Кочубинскаго, которые принимають во вниманіе этотъ матеріалъ, его извѣстнымъ образомъ подбирали и группировали и пытались объяснить; ссылки на эти объясненія мы встрѣчаемъ и въ книгѣ нашего автора, который, прибавляя новый матеріалъ и нерѣдко предлагая свои объясненія, является въ этомъ случаѣ продолжателемъ названныхъ ученыхъ. Авторъ разграничиваетъ элементы литовскій, славянскій и кельтскій Вислы, славянскій, кельтскій и нѣмецкій Одера и его притоковъ. Мы не будемъ входить въ подробности этихъ частей книги г. Погодина, которыя будутъ, безъ сомнѣнія, оцѣнены учеными, занимающимися въ этой области. Разумѣется, и здѣсь возможны ошибки или неточности въ освѣщеніи матеріала и могутъ быть сдѣланы поправки и даны лучшія объясненія. Но это уже зависитъ отъ самаго предмета древностей, отъ большей или меньшей надежности и полноты матеріала, которымъ пользуется изслѣдователь. Возможны и различныя объясненія. Г. Погодинъ объясняетъ, напримѣръ, славянскія имена рѣкъ Моравы, Моравицы изъ кельтскаго языка, встрѣчая ихъ въ предполагаемомъ имъ раіонѣ распространенія кельтовъ (стр. 100); проф. И. В. Ягичъ, касаясь этимологіи тѣхъ же названій въ изслѣдованіи Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache,—производитъ ихъ отъ корня, находящагося въ языкѣ литовскомъ. Еще труднѣе дѣлать точныя заключенія, когда отъ того или другого народа сохранилось одно лишь его имя. Такъ, напримѣръ, о Неврахъ и Будинахъ, о которыхъ лишь вскользь говоритъ г. Погодинъ на стр. 89, и до сихъ поръ высказываются различныя мнѣнія. Такъ, напримѣръ, проф. Нидерле, какъ и Шафарикъ, считаетъ ихъ славянами, проф. А. И. Соболевскій не находитъ возможнымъ признать славянское происхожденіе первыхъ, проф. Браунъ вторыхъ. Однако, въ подобныхъ случаяхъ не такъ легко рѣшить, на чьей сторонѣ правда. Здѣсь нельзя не считаться съ свидѣтельствами писателей историческаго характера и не достаточно лишь такого возраженія, что слова того или другого корня, по которымъ тотъ или другой народъ пріурочиваютъ къ извѣстной территоріи, можно указать и въ другомъ мѣстѣ.

Въ главѣ X большая часть отведена г. Погодинымъ славянамъ лужицкимъ, полабскимъ и приморскимъ и разбору онѣмеченныхъ славянскихъ мѣстныхъ названій на территоріи Бранденбурга и Мекленбурга.

Вопросу о заселеніи славянами Чехіи и Моравіи г. Погодинъ посвящаетъ лишь немногія замѣчанія. Справедливо замѣчая, что отсутствіе прямыхъ источниковъ заставляетъ прибѣгать къ комбинаціямъ, г. Погодинъ указываетъ ихъ слабыя стороны. Не видя необходимости связывать поселеніе славянъ съ уходомъ извѣстнаго германскаго племени и допуская, что за однимъ германскимъ племенемъ могло занять покинутую имъ территорію другое, г. Погодинъ думаетъ, что маркоманны еще долго оставались въ Чехіи и что и послѣ паденія царства Аттилы Венгрія, Моравія и Чехія кишѣли германскими племенами и что славяне едва ли ранѣе половины VI в. заняли страны, въ которыхъ еще въ началѣ этого столѣтія встрѣчаются то лангобарды, то герулы и др.

Къ сожалѣнію въ изслѣдованіи о славянскихъ передвиженіяхъ здѣсь мы находимъ пробѣлъ. Автору остались неизвѣстны статьи проф. Л. Нидерле: O počátcích dějin zemí českých въ журналѣ Český Časopis historický за 1900 г. Подвергая въ нихъ вопросъ о заселеніи Чехіи и Моравіи пересмотру, проф. Нидерле приходитъ къ выводамъ, не согласнымъ съ заключеніями г. Погодина. Мы находимъ поэтому не лишнимъ болѣе или менѣе подробно передать содержаніе статьи проф. Нидерле, касающейся прихода славянъ III. Příchod slovanů тѣмъ болѣе, что изложеніе этого вопроса у г. Погодина во всякомъ случаѣ очень кратко.

Проф. Нидерле совершенно вѣрно считаетъ вопросъ о приходѣ славянъ въ Чехію и Моравію и уходѣ отсюда Маркоманновъ и Квадовъ самымъ труднымъ вопросомъ начальной чешской исторіи. Обыкновенно оба эти событія ставятъ въ тѣсную связь одно съ другимъ Палацкій, Шафарикъ, Томекъ, Воцель, Ризлеръ, Лозертъ, Бахманъ, Бретгольцъ, Дворжакъ. „По моему мнѣнію, возражаетъ проф. Нидерле, такой взглядъ нельзя признать правильнымъ. Гдѣ доказательства того, что дѣйствительно дѣло было такъ, что такъ должно было быть? Ихъ нѣтъ... Только рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ сидѣли и куда ушли Маркоманны и Квады и когда и куда пришли славяне, можетъ намъ дать прочную основу для отвѣта, дѣйствительно ли приходъ славянъ находился въ зависимости отъ ухода поименованныхъ выше народовъ. Но ставить этотъ принципъ напередъ и изъ него выводить заключеніе—не правильно. Въ исторіи гораздо чаще видимъ не такое передвиженіе одного народа на мѣсто другого, а иное явленіе: наслоеніе, проникновеніе и тѣсное сосѣдство стараго населенія и приходящаго новаго, словомъ одновременное сожительство обоихъ рядомъ или съ

перевѣсомъ одного надъ другимъ, при чемъ спустя болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ результатомъ является или вытѣсненіе или подавленіе, поглощеніе слабѣйшаго. Когда германскія племена Вандалы, Готы, Бургунды, Лангобарды и др. заняли часть западной и южной Европы, новый болѣе или менѣе сильный слой покрылъ старшій слой населенія и по мѣрѣ своей силы сохранилъ свою народность или утратилъ ее. Такъ было по крайней мѣрѣ въ наибольшей части случаевъ переселенія гальскихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ народовъ. Поэтому, когда нѣтъ прямого извѣстія о томъ, что народъ жившій въ извѣстной странѣ ранѣе другого, уступилъ свои жилища другому, не слѣдуетъ предполагать такую смѣну. Такая точка зрѣнія примѣнима къ вопросу относительно поселенія Готовъ на востокъ отъ Вислы, Бастарновъ въ Закарпатьѣ, относительно движенія Кимвровъ и Тевтоновъ, примѣнима и къ отношеніямъ Славянъ и Свевовъ въ нашихъ земляхъ. Приходъ славянъ былъ возможенъ не въ одномъ лишь томъ случаѣ, когда оба нѣмецкихъ племени (т. е. Квады и Маркоманы) удалились изъ страны совершенно.

Пересмотрѣвъ извѣстія источниковъ о судьбѣ этихъ германскихъ племенъ, проф. Нидерле приходитъ къ такому заключенію. Нѣтъ ни одного извѣстія, на основаніи котораго можно было бы навѣрное заключать, что Маркоманны и Квады въ эпоху отъ II по VI в. жили въ нынѣшней Чехіи и Моравіи. Противъ этого говоритъ цѣлый рядъ извѣстій, изъ которыхъ видно, что оба народа въ эту эпоху концентрировались на Дунаѣ. Взвѣсимъ же и тѣ и другія данныя, приводимыя въ доказательство ихъ пребыванія въ Чехіи и Моравіи и указывающія на ихъ центръ и могущество на Дунаѣ! Я убѣжденъ, что, если бы дѣло шло объ исторіи племенъ болѣе индиферентныхъ, болѣе далекихъ, нѣмецкіе историки безъ колебаній заключили бы, что ихъ жилища не были въ Чехіи и Моравіи, а подвинулись къ Дунаю. И дѣйствительно по меньшей мѣрѣ можно сказать, что о Маркоманахъ и Квадахъ нѣтъ болѣе помину въ нашихъ земляхъ, но за то очевидны и обильны извѣстія о ихъ придунайскихъ жилищахъ. Поэтому я считаю весьма вѣроятнымъ, что ихъ уже и не было въ Чехіи и Моравіи. Если бы ядро обоихъ племенъ должно было быть въ Подунавьѣ отъ Инна къ Иполю и отчасти и на другой сторонѣ рѣки въ Панноніи и если бы въ то же время Маркоманны должны были занимать всю чешскую землю, располагая такой силой, какую признаютъ за ними историки, отвергающіе возможность прихода сюда славянъ, пока они находились въ странѣ, то Маркоманны должны бы были

быть такимъ многочисленнымъ и сильнымъ народомъ, какимъ по современнымъ свидѣтельствамъ послѣ столькихъ битвъ и по уходѣ значительныхъ ихъ частей въ Паннонію, Галлію и Италію, послѣ постоянной ихъ службы въ римскомъ войскѣ они не были и какимъ по всей вѣроятности и быть не могли. Если стало-быть во II—V в. жилища Маркоманновъ занимали Чехію, то можетъ быть рѣчь самое большее о южныхъ предѣлахъ страны. То же можно сказать и о Квадахъ въ Моравіи.

Такимъ толкованіемъ вполнѣ естественно разъясняется еще одинъ фактъ. Отъ галловъ въ историческую эпоху сохранилось все-таки довольно именъ повидимому гальскихъ, отъ эпохи германской еще менѣе, почти ничего, если только не считать нѣмецкаго происхожденія Влетаву и Огру. Уже это доказываетъ, что германцы не срослись ближе съ чешской почвой. Липпертъ для объясненія этого факта допускаетъ пробѣлъ между эпохой, когда германцы начали оставлять страну (451 г.) и приходомъ славянъ (562 г.). Съ нашей точки зрѣнія это явленіе вполнѣ понятно: мы думаемъ, что они у насъ долго и не оставались... Съ нашей точки зрѣнія Чехія, по крайней мѣрѣ сѣверная и средняя, какъ и Моравія, оставляя въ сторонѣ остатки первоначальнаго населенія, были открыты для славянъ начиная со II вѣка по Р. Х. за отсутствіемъ въ странѣ какой-либо господствующей сплошной массы, которая бы могла противодѣйствовать ихъ поселенію. Такимъ образомъ, ходячій взглядъ на эпоху прихода славянъ существенно измѣняется. Славянамъ не было необходимости ждать до половины V вѣка или даже далѣе, когда по обычному мнѣнію Маркоманны и Квады вышли изъ предѣловъ Чехіи и Моравіи".

Отвергая взглядъ на старобытность славянъ въ средней Европѣ и не находя возможнымъ признавать славянами ни боевъ, ни маркоманновъ, ни квадовъ, проф. Нидерле останавливается на разборѣ тѣхъ мнѣній, которыя высказывались учеными, каковы Шафарикъ, Палацкій, Воцель, Первольфъ, Пичъ, въ доказательство того, что исторія сохранила намъ слѣды того, что славяне пришли въ Чехію и Моравію ранѣе 451 года по Р. Х.; проф. Пичъ опредѣлилъ даже и дату, относя приходъ славянъ къ 58 г. по Р. Х. Въ доказательство этого взгляда ссылаются на имена Корконтовъ, Ракатовъ и Виндобоны у Птолемея. Эти имена ставятъ въ связь съ славянскими названіями Krkonoše, Rakousy и Videň и отсюда заключаютъ, что славяне уже во II вѣкѣ обитатели у горъ Крконошскихъ и по Дунаю проникли до нынѣшней Вѣны. Проф. Нидерле возражаетъ противъ этихъ мнѣ-

ній. „Прежде всего очевидно, что прямое отношеніе къ вопросу о приходѣ славянъ въ Чехію и Моравію имѣетъ лишь имя Κορκοντοί; что же касается именъ Rakousy и Vídeň, то нужно имѣть въ виду, что славяне могли проникнуть въ Австрію изъ своей закарпатской родины чрезъ сѣверную Венгрію совершенно независимо отъ Чехіи и Моравіи. А потому оба названія могутъ быть принимаемы въ разсчетъ только въ вопросѣ о движеніи славянъ отъ карпатскихъ горъ къ Дунаю, а не въ вопросѣ о поселеніи ихъ въ чешскихъ земляхъ. Въ этомъ вопросѣ ихъ значеніе лишь второстепенное". Замѣтимъ при этомъ что г. Погодинъ совершенно правильно касается объясненія именъ Rakousy и Vídeň въ главѣ IV своей книги на стр. 28—29, ему только слѣдовало бы упомянуть о томъ значеніи, какое придавали этимъ именамъ въ вопросѣ о приходѣ славянъ въ Чехію и Моравію, что, разумѣется, ему и пришлось бы сдѣлать, если бы вопросъ о заселеніи славянами этихъ земель былъ разсмотрѣнъ имъ подробнѣе.

Возвращаемся къ проф. Нидерле. Устранивъ Rakousy, Vídeň, онъ останавливается на объясненіи Κορκοντοί. „Еще вопросъ дѣйствительно ли Κορκοντοί и Krkonoše одно и то же слово. Не хочу отрицать возможность этого сопоставленія—въ концѣ концовъ и самъ думаю, что славяне проникли уже сюда въ эту эпоху—но не могу это видимое сходство принимать какъ очевидное историческое доказательство, какъ это обыкновенно принимается. Имя Krkonoše настолько загадочнаго происхожденія, что невольно вызываетъ мысль о томъ, что оно создано народной этимологіей изъ какого-либо чуждаго названія на основаніи подобозвучія и такимъ образомъ одѣто въ чешскую иначе трудно узнаваемую одежду.

Возможность такого объясненія необходимо допустить, а разъ ее допустимъ, параллель Κορκοντοί—Krkonoše перестаетъ быть очевиднымъ доказательствомъ въ выше приведенномъ смыслѣ, не говоримъ уже о томъ, что Κορκοντοί принадлежали быть можетъ только Силезіи, а не землѣ Чешской. Славяне могли слышать и заимствовать чужое слово въ данномъ случаѣ имя Κορκοντοί, и въ наивной этимологіи обратить его въ Krkonoše. Отсюда однако не слѣдуетъ, что это должно было произойти въ сѣверной Чехіи во II вѣкѣ по Р. Х. или что Κορκοντοί были славяне. Такъ же осторожно слѣдуетъ заключить и объ именахъ Ῥακατοί и Vindobona". Такимъ образомъ проф. Нидерле приходитъ къ заключенію, что это единственное историческое свидѣтельство изъ древней эпохи не можетъ имѣть рѣшающаго значенія.

Два другихъ извѣстія относятся къ позднѣйшему времени концу V и началу VI вѣка и также подозрительны. Таково упоминаніе о встрѣчѣ лангобардовъ съ беовинидами въ 490 году, имя которыхъ объясняется единственно лишь какъ виниды, живущіе въ Бойогемѣ. Но имени беовинидовъ нѣтъ ни въ Origo gentis Langobardorum, ни у Павла Діакона, оно находится только въ анонимной хроникѣ Готской и можетъ быть по мнѣнію проф. Нидерле вставкой автора, писавшаго въ 807—810 гг., который зная о беовинидахъ своего времени въ Чехіи, о ихъ битвахъ съ франками перенесъ ихъ имя и въ событія на 300 л. ранѣе.

Другое свидѣтельство видятъ въ извѣстія Прокопія о движеніи геруловъ, встрѣчу которыхъ съ славянами пріурочиваютъ къ Чехіи, но проф. Нидерле находитъ это пріуроченіе не вполнѣ надежнымъ, предпочитая въ самомъ лучшемъ случаѣ относить ее къ Моравіи, а не Чехіи.

„Такимъ образомъ, по его словамъ, опредѣленная историческая дата о славянахъ въ Чехіи отодвигается ко времени еще болѣе позднему. Но эти позднія даты тѣмъ самымъ не опредѣляютъ времени перваго прихода славянъ въ Чехію. И многіе нѣмецкіе историки признаютъ, что славяне начали сюда проникать въ концѣ V вѣка, но не идутъ далѣе похода Аттиллы. Ранѣе его по ихъ мнѣнію славяне не могли придти въ Чехію“.

Оспаривая такое заключеніе проф. Нидерле ставитъ слѣдующій выводъ: „Какъ отношусь я къ такому взгляду, я указалъ выше. 1) Неправильно исходить изъ апріорнаго основанія, что славяне вообще не могли придти въ Чехію ранѣе, чѣмъ маркоманны и квады ее оставили. 2) Неправильно считать доказаннымъ, что оба эти племени оставались у насъ до 451 года или еще далѣе. Но при этомъ слѣдуетъ признать, что историческихъ свидѣтельствъ о славянахъ въ Чехіи и Моравіи до VI вѣка неизвѣстно. И тѣмъ не менѣе кто броситъ взоръ за границы нашихъ земель на сѣверъ и востокъ, кто, не ограничиваясь тѣсными ихъ предѣлами, охватитъ мыслью начальную исторію славянскаго племени, тотъ, я увѣренъ, со мной согласится, что не смотря на этотъ отрицательный выводъ и съ точки зрѣнія исторической правдоподобно, что славяне могли къ намъ придти и пришли на самомъ дѣлѣ гораздо ранѣе, нежели это обычно думаютъ. Въ этомъ отношеніи всегда сохранятъ значеніе слова Шафарика, человѣка, который дѣйствительно съ широкой точки зрѣнія обозрѣлъ и обработалъ начатки европейской исторіи: „мысль о томъ, что вѣтви

великаго славянскаго племени проникли въ Чехію до вторженія боевъ... всегда найдетъ мѣсто въ глазахъ безпристрастнаго историка". Я повторяю это не на основаніи лишь одного авторитета Шафарика. Соглашаюсь съ нимъ по зрѣломъ размышленіи, будучи убѣжденъ, что и съ точки зрѣнія исторической мы должны допустить гораздо болѣе раннее распространеніе славянъ, чѣмъ думалъ Мюлленгофъ и другіе нѣмецкіе изслѣдователи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поступательное ихъ движеніе къ границамъ Чехіи".

Изъ всего вышесказаннаго видно, что проф. Нидерле совершенно иначе смотритъ на заселеніе Чехіи и Моравіи славянами, чѣмъ г. Погодинъ, которому во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять во вниманіе выводы лучшаго въ настоящее время знатока славянскихъ древностей.

Позволимъ указать еще одинъ пунктъ относительно движенія славянъ въ Чехію и Моравію, на который обращаетъ вниманіе проф. Нидерле въ указанной статьѣ. „Многіе историки—говоритъ онъ—продолжаютъ утверждать, что славяне овладѣли Чехіей и Моравіей вмѣстѣ съ аварами, что они колонизовали наши земли, какъ подданные Аваровъ... Чешскіе и моравскіе славяне въ VI и VII вѣкѣ дѣйствительно подчинились игу аваровъ, которые въ эту эпоху овладѣли всѣмъ Подунавьемъ. Но нѣтъ накакого основанія приходъ славянъ въ Чехію и Моравію соединять съ приходомъ этихъ аваровъ въ 562 году. Славянская колонизація Чехіи и Моравіи пришла къ намъ съ сѣвера изъ Лужицъ и Силезіи точно также, какъ съ сѣвера пришли въ свои жилища венгерскіе словаки. На это ясно указываетъ принадлежность чеховъ къ сѣверо-западной группѣ славянской по языку и вся система распространенія и развитія этой вѣтви отъ Вислы на западъ и югъ. Чехія и Моравія не были заселены притокомъ славянъ со стороны нижняго и средняго теченія Дуная, какъ думаетъ Бретгольцъ, а съ сѣвера, при чемъ однако я не хочу исключать мысли о томъ, что меньшая часть чешскаго населенія, напримѣръ моравскіе славяне, не могли проникнуть съ сѣвера черезъ Венгрію или чтобы авары не могли увлечь за собой въ своихъ походахъ отдѣльныя незначительныя группы славянъ. Но главное массовое заселеніе, о которомъ думаютъ историки, не было вызвано аварами. Чехи не жили въ Венгріи до прихода на свою родину".

Послѣдняя глава изслѣдованія г. Погодина разсматриваетъ первую попытку славянскаго объединенія въ державѣ Само. Скудость матеріала, который относится къ дѣятельности Само, не даетъ воз-

можности сказать здѣсь что-либо новое и авторъ ограничивается лишь разборомъ Фредегара, главнаго источника, касающагося этого славянскаго государя. Г. Погодинъ находитъ наиболѣе вѣроятнымъ, что pagus Senonagus, откуда былъ родомъ Само, есть pagus Senonicus: его можно было назвать франкомъ, хотя онъ былъ славяниномъ. Что касается объема его монархіи, то по мнѣнію г. Погодина въ нее входила и Каринтія, хотя точное опредѣленіе ея границъ затруднительно.

Считая главы IX и X наиболѣе заслуживающими вниманія въ книгѣ г. Погодина, мы должны однако замѣтить, что и въ остальныхъ авторъ дѣлаетъ мѣстами не лишенныя интереса замѣчанія, но разумѣется если бы онъ предложилъ монографическое изслѣдованіе изъ области славянскихъ древностей, то ему удалось бы достигнуть болѣе цѣнныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ видѣ сочиненіе г. Погодина, который принялъ во вниманіе обширную литературу, касающуюся древностей, заслуживаетъ признанія. Она свидѣтельствуетъ объ оживленіи у насъ интереса къ изученію славянскихъ древностей.

П. Лавровъ.

Schlumberger, L'EPOPÉE BYZANTINE À LA FIN DU DIXIÈME SIÈCLE. Seconde partie. Hachette et C-ie 1900.

Второй томъ Византійской эпопеи академика Густава Шлумбергера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и третій томъ его исторіи династіи македонскихъ императоровъ. Этотъ трудъ представляетъ собой результатъ давно уже задуманнаго ученаго предпріятія, потребовавшаго для своего осуществленія обширныхъ подготовительныхъ работъ и большихъ затратъ. Въ настоящее время планъ г. Шлумбергера вполнѣ выяснился, авторъ подходитъ къ концу своего ученаго предпріятія, преодолѣвъ уже самыя серіозныя трудности. Будучи далеко не заурядным явленіемъ въ исторической литературѣ вообще, названное сочиненіе можетъ быть въ особенности рекомендуемо русской образованной публикѣ, потому что въ немъ многія главы посвящены спеціально русскимъ или славянскимъ событіямъ.

Кому придется имѣть въ рукахъ книгу г. Шлумбергера, тотъ легко замѣтитъ, что въ ней прежде всего нужно различать два отдѣла — литературный и художественный. Отдѣльно слѣдуетъ оцѣнивать историческій разсказъ, т. е. литературный отдѣлъ книги, и

отдѣльно громадный художественный аппаратъ въ видѣ таблицъ и фотографическихъ снимковъ, иллюстрирующихъ текстъ. Если историческій отдѣлъ представляетъ нѣсколько совершенно заново написанныхъ главъ, то по отношенію къ археологическому и художественному матеріалу можно сказать даже больше, ибо здѣсь авторъ не могъ воспользоваться никакими систематическими работами предшественниковъ, а долженъ былъ съ крайними затрудненіями какъ собирать сырой матеріалъ, такъ и опредѣлять приличествующее ему въ книгѣ мѣсто. Сначала скажемъ о содержаніи книги, потомъ о таблицахъ и гравюрахъ.

Огромный томъ большого формата въ 636 страницъ посвященъ изложенію событій царствованія Василія II, начиная съ 989 и кончая 1025 годомъ. Нужно вспомнить, что источники для этой эпохи весьма скудны и что свѣдѣнія наши о царствованіи Василія очень бѣдны, чтобы быть въ состояніи понять, какую массу новаго и свѣжаго матеріала удалось автору найти и внести въ изложеніе событій; слѣдуетъ при томъ принять въ соображеніе, что ему нужно было подбирать, можно сказать, по крохамъ этотъ матеріалъ изъ рѣдкихъ и мало доступныхъ изданій. Главная заслуга академика Шлумбергера заключается въ тщательномъ изученіи и подробномъ изложеніи сирійскихъ и болгарскихъ войнъ Василія II. Будучи до крайности стѣсненъ двумя весьма существенными неудобствами—скудостью источниковъ и проистекающею отсюда блѣдностью характеровъ описываемыхъ лицъ, авторъ тѣмъ не менѣе возвышается иногда до паѳоса, глубоко проникаясь излагаемымъ сюжетомъ и придавая лицамъ и событіямъ художественную пластичность и яркость.

Онъ слѣдуетъ анналистической манерѣ изложенія событій, повидимому руководясь образцами германскихъ Jahrbücher. Кромѣ того, тонъ изложенія очень напоминаетъ извѣстнаго историка Вильгельма Гизебрехта со всѣми его какъ заслуживающими подражанія, такъ и достойными порицанія сторонами. Эти образцы оказались для г. Шлумбергера весьма неудобны въ двухъ отношеніяхъ. При скудости извѣстій и при недостаткѣ красокъ для характеристики лицъ и положеній, весьма трудно расчленить матеріалъ по годамъ, въ особенности если имѣется цѣль дать живой и занимательный разсказъ. Лучше, конечно, говоря о внѣшнихъ событіяхъ, излагать ихъ по болѣе значительнымъ періодамъ. При такомъ способѣ изложенія можно выяснить смыслъ событія, показавъ его причины и послѣдствія, а не касаться событій лишь поверхностно и какъ бы мимоходомъ, постоянно

переходя отъ одного къ другому, руководясь лишь тѣмъ соображеніемъ, что разсматриваемыя событія происходили въ одно и то же время. Въ популярномъ разсказѣ нельзя слѣдовать анналистическому методу, иначе разсказъ теряетъ въ своей цѣльности и занимательности. Что касается метода изложенія, насколько у г. Шлумбергера замѣтно подражаніе В. Гизебрехту, противъ него слѣдуетъ сказать слѣдующее. Изложеніе Гизебрехта, правда, иногда подкупаетъ своей задушевностью и теплотой, приближая читателя къ событіямъ, случившимся за 1000 и болѣе лѣтъ. Но подражать въ этомъ отношеніи Гизебрехту не безопасно: при малѣйшей неосторожности можно допустить приторность и слащавость, которая вредитъ серіозному тону. Извѣстно, что германскій историкъ говоритъ о нѣмецкихъ дѣлахъ въ южной Италіи и о подвигахъ Оттоновъ I, II и III съ такимъ же паѳосомъ, съ какимъ германская газета 1871 года говорила о событіяхъ франко-прусской войны. Мы думаемъ, что и г. Шлумбергеръ иногда переходитъ границы въ попыткахъ придать образность фактамъ и отношеніямъ, имѣвшимъ мѣсто за 1000 лѣтъ, нерѣдко злоупотребляя картинностью и наглядностью.

Переходя затѣмъ къ содержанію Византійской эпопеи, мы должны прежде всего замѣтить, что считаемъ книгу г. Шлумбергера весьма важнымъ вкладомъ въ темный періодъ византинизма. Нѣтъ сомнѣнія, онъ въ первый разъ далъ надлежащее историческое освѣщеніе эпохѣ Василія II; онъ заставилъ дѣйствовать передъ нами современниковъ Василія какъ живыхъ людей съ ихъ достоинствами и недостатками, съ любовью и ненавистью. Ему удалось во многихъ случаяхъ раскрыть причину и зависимость между такими событіями, которыя представлялись совершенно чуждыми одно другому. Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за г. Шлумбергеромъ въ его изложеніи событій византійской исторіи по годамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не въ томъ затрудненіе для историка, чтобы помѣстить въ изложеніи событій одного и того же года „войну съ Вардой Фокой, войну съ Вардой Склиромъ, войну съ русскими, которые захватили Херсонесъ, войну съ болгарами, завоевавшими Веррію, войну съ грузинами, бунтъ антіохійцевъ, и, какъ бы этого было мало, еще небесныя бѣдствія“... (р. 35), а въ томъ, чтобы отыскать причинную и хронологическую связь между событіями.

Томъ начинается изложеніемъ событій, прямо входящихъ въ русскую исторію: бракъ Владиміра съ царевной Анной, обращеніе Владиміра въ христіанство. Эти факты изложены съ полнымъ знаніемъ

дѣла; нечего и говорить, что автору извѣстна русская литература предмета, которою онъ пользуется съ полнымъ вниманіемъ. Но само собой разумѣется, русскія отношенія не занимаютъ главнаго мѣста въ картинѣ; въ 989 году главное вниманіе привлекаетъ къ себѣ сирійская война или бунтъ Варды Склира и событія этой войны переплетаются съ европейскими событіями, т. е. съ болгарской войной. Конечно, требовалось много такта и литературнаго опыта, чтобы всѣмъ событіямъ и лицамъ дать надлежащее освѣщеніе и чтобы не пожертвовать однѣми сторонами современной исторіи въ пользу другихъ. Г. Шлумбергеръ пытается держать въ равновѣсіи разсказъ объ европейскихъ и азіатскихъ событіяхъ, но можетъ быть безъ особенной въ томъ необходимости часто дѣлаетъ переходы отъ однихъ фактовъ къ другимъ.

Изложеніе болгарской войны авторъ начинаетъ такъ. „Эта знаменитая война, продолжавшаяся почти четверть столѣтія, кровопролитнѣйшая между всѣми войнами восточнаго средневѣковья и стоившая безчисленныхъ жертвъ людьми, погубившая болѣе половины болгарскаго народа, эта война, составляющая, конечно, одну изъ наиболѣе блестящихъ и наиболѣе героическихъ страницъ византійской исторіи, къ сожалѣнію, едва намъ извѣстна по своимъ подробностямъ. Свѣдѣнія, находимыя у историка Скилицы, у Кедрина, который переписалъ перваго, у Зонары,—единственныхъ почти историковъ, которые сообщаютъ объ этомъ нѣсколько словъ, такъ незначительны, скудны и малочисленны, часто такъ неточны и спутаны, что даже самая хронологія событій до сихъ поръ не можетъ быть съ точностью установлена“ (p. 43).

Какъ по значенію этой войны въ исторіи Василія II, такъ и по мѣсту, удѣленному ей въ книгѣ г. Шлумбергера, мы надѣемся достигнуть нашей цѣли—познакомить съ новымъ произведеніемъ г. Шлумбергера, если остановимъ главное вниманіе на тѣхъ страницахъ книги, которыя посвящены этой войнѣ. Зависимость этой войны отъ положенія дѣлъ на Востокѣ такъ была очевидна, что она отмѣчена современными писателями: „Пользуясь возмущеніемъ Варды Фоки, когда царь принималъ мѣры къ усмиренію его, болгаре воспользовались благопріятными обстоятельствами, чтобы напасть и захватить западныя провинціи имперіи и внести опустошенія и пожары до Солуни“ (p. 44). Установивъ дату похода Василія II на основаніи косвенныхъ указаній, именно, принявъ въ соображеніе свиданіе царя съ Вардой Склиромъ въ Димотикѣ и послѣдовавшую *нѣсколько дней спустя* смерть Склира,

которая случилась 2 апрѣля 991 года, авторъ выражаетъ глубокую скорбь—и при томъ уже не въ первый разъ, и весьма нерѣдко снова возвращаясь къ этому же—по случаю недостатка источниковъ. Эта вторая война, можетъ быть наиболѣе блестящая изъ всѣхъ войнъ Василія, остается совершенно однако неизвѣстна по своимъ подробностямъ; лишь благодаря арабскому историку Яхъѣ знаемъ, что она продолжалась четыре года. За отсутствіемъ извѣстій у писателей остается нѣсколько фактовъ, добавимъ отъ себя, сдѣлавшихся достояніемъ науки въ самое послѣднее время и напечатанныхъ въ III и IV томѣ Извѣстій русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Эти данныя остались автору неизвѣстны, поэтому будетъ умѣстно здѣсь кратко указать на нихъ. Что касается политической границы Болгаріи и Византіи въ южной Македоніи, она была установлена при Симеонѣ и проходила не больше, какъ въ 20 километрахъ отъ Солуни, какъ это видно изъ опубликованной въ III томѣ Извѣстій русскаго археологическаго института въ Константинополѣ надписи, найденной на пограничномъ столбѣ, обозначавшемъ границу владѣній того и другого государства. Что же касается вопроса о центрѣ Самуиловой державы въ концѣ X вѣка, т. е. при началѣ войнъ между Василіемъ II и Самуиломъ, то здѣсь также слѣдуетъ принять въ соображеніе археологическія данныя, выясненныя экспедиціей института въ западную Македонію.

На озерѣ Преспѣ въ селеніи Германъ найдена плита съ надписью Самуила. Эта надпись есть любопытнѣйшій памятникъ славянскаго языка и письма, ибо это есть первый датированный (993 года) и первый по времени памятникъ, писанный кириллицей; кромѣ того, она важна въ частности для исторіи византійско-болгарскихъ войнъ. Повидимому, царь Самуилъ имѣлъ въ селеніи Германъ свою фамильную усыпальницу уже въ 993 году; весьма вѣроятно, что уже въ это время болгарская столица находилась на озерѣ Преспѣ и что тамъ же была каѳедра болгарскаго архіепископа. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что на Преспѣ нужно искать пополненія тѣхъ скудныхъ свѣдѣній о Самуиловой монархіи, которыя находятся у историковъ, что вообще лишь при помощи археологическихъ экскурсій въ западную Македонію и посредствомъ археологическихъ раскопокъ на островахъ Преспы: Градъ, Ахилъ и Малый Градъ—можно составить нѣсколько болѣе опредѣленное представленіе о силахъ и средствахъ защиты царя Самуила (см. Извѣстія IV, стр. 46 и слѣд.; тамъ же издана и надпись Самуила).

Затѣмъ вся II глава занимается изложеніемъ сирійскихъ войнъ. Къ болгарской войнѣ авторъ возвращается лишь въ III главѣ (р. 131), хотя болгарская война не прекращалась, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Яхъя: „пока царь Василій былъ въ Антіохіи, Самуилъ, этотъ воинственный и незнавшій покоя мужъ, сталъ возвращать подъ свою власть города, отнятые у него византійцами". Мы хотимъ сказать, что авторъ имѣлъ полное основаніе не обрывать болгарскія дѣла, а продолжать, такъ какъ сирійская война могла бы ждать своей очереди. Это тѣмъ больше представлялось бы необходимымъ, что именно въ 996 году болгарско-византійская война достигла своего крайняго напряженія. Во главѣ византійскаго войска былъ поставленъ магистръ Никифоръ Уранъ. Его цѣлью, повидимому, было пріостановить движеніе болгаръ на Грецію, гдѣ они уже опустошили Өессалію и Віотію и угрожали Пелопоннису. Византійскій полководецъ отвлекъ вниманіе Самуила отъ Греціи и побудилъ его своимъ движеніемъ чрезъ Лариссу на Өессалію поспѣшить ему на встрѣчу. На берегахъ Сперхея произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ болгаре потерпѣли пораженіе. Это пораженіе дѣйствительно нужно считать поворотнымъ пунктомъ въ болгаро-византійской войнѣ. Но продолженіе изложенія событій мы находимъ уже въ 4 главѣ (р. 212).

Въ 1001 году царь Василій вновь находился въ Болгаріи. Въ высшей степени однако странно, что столько занимаясь славянскими дѣлами, авторъ все-же остался чуждъ пониманія времени и людей той эпохи. „Съ середины 1001 года война съ Самуиломъ приняла болѣе ожесточенный, чѣмъ когда-либо, характеръ, но я долженъ повторить, что никогда это борьба исполиновъ не переставала быть для царя главнымъ предметомъ заботъ. Этотъ дальновидный государь ясно понималъ, что его обширная имперія никогда не будетъ пользоваться безопасностью, пока не будетъ сокрушена дикая разрушительная сила (la puissance sauvage quasi revolutionnaire) сына комитопула" (р. 213). Дикая и разрушительная сила Самуила основывалась на извѣстныхъ устояхъ, которые, повидимому, совершенно чужды сознанію автора. Грубой силой Самуилъ не могъ бы сдержать свою обширную монархію. У болгарскаго царя несомнѣнно были основы, которыми держалась его власть; она держалась на этнографическомъ принципѣ, на административномъ и церковномъ устройствѣ. Разсказъ о походахъ Василія и одержанныхъ побѣдахъ поражаетъ своимъ трагизмомъ. Но среди чрезвычайно живаго повѣствованія о побѣдахъ надъ болгарами при Сконіи въ 1005 году читатель вдругъ нападаетъ (р. 232) на та-

кую фразу: „теперь время возвратиться къ тому, что происходило въ византійскихъ темахъ Италіи въ то время, какъ царь и его храбрыя войска бросались такимъ образомъ ежегодно на монархію Самуила. Намъ нужно возвратиться больше, чѣмъ на 20 лѣтъ назадъ". Затѣмъ больше сотни страницъ отводится южно-итальянскимъ событіямъ, которыя Гизебрехтъ усвоилъ для германской, а нашъ авторъ для византійской исторіи и которыя здѣсь весьма легко могутъ быть выпущены. Нѣсколько страницъ посвящено описанію ужаснаго разгрома болгаръ при Кимвалонго и связанному съ этимъ пораженіемъ ослѣпленію 15.000 болгарскихъ плѣнниковъ. Это изумительное злодѣяніе засвидѣтельствовано, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій, миніатюрой въ хроникѣ Манассіи, относящейся къ 14 вѣку. (р. 340).

Извѣстно, что послѣдній ударъ болгарамъ нанесенъ былъ походомъ Василія II въ Охриду и Преспу. Но нельзя не отмѣтить (р. 360 и слѣд.) рядъ недоразумѣній по поводу мѣстности, занимаемой средневѣковой и нынѣшней Охридой. По мнѣнію автора, настоящую Охриду нужно искать близъ монастыря св. Наума, тамъ будто бы была столица болгарская, а не на мѣстѣ нынѣшней Охриды, „города совершенно новаго". И въ этомъ уже большая ошибка, что авторъ новымъ городомъ считаетъ такой городъ, въ которомъ находятся весьма древнія церкви и очень почтенные другіе археологическіе памятники; но онъ идетъ еще далѣе, утверждая, что въ его Охридѣ, близъ монастыря св. Наума, была столица Бориса, Симеона и Самуила. Несомнѣнно, вся эта страница представляетъ недоразумѣніе, которое нужно будетъ исправить въ новомъ изданіи книги. Борисъ и Симеонъ не имѣли въ Охридѣ столицы; что касается Самуила, его столицей нужно считать Преспу, гдѣ была при немъ и архіепископская каѳедра, и конечно къ Преспанскому озеру, а не къ Охридскому можно относить слѣдующія слова (р. 364): sa mystérieuse capitale elle même, auprès de son lac perdu, était tombée en leur pouvoir.

Слѣдуетъ еще прибавить, что несмотря на всестороннее изученіе предмета и на знакомство съ источниками, авторъ все же далеко не вошелъ въ духъ эпохи и характеръ описываемыхъ людей. Вотъ, напримѣръ, небольшой образчикъ: (р. 395). „Въ Касторіи представили царю двухъ дочерей Самуила. Какъ скоро эти женщины увидѣли около Василія царицу Марію, вдову убійцы ихъ брата, какъ настоящія варварскія принцессы, онѣ бросились на нее, какъ звѣри, чтобы ее растерзать. Съ большимъ трудомъ удалось освободить ее живую изъ ихъ рукъ". Кого можетъ подкупить этотъ тонъ изложенія? И чѣмъ же

эти бѣдныя женщины поступили хуже всякой другой женщины въ подобномъ же положеніи? Сдѣланныя замѣчанія нисколько не ослабляютъ ту мысль, что въ книгѣ г. Шлумбергера въ первый разъ находимъ новое и по возможности ясное изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ Болгарія подпала власти византійскаго императора.

Такъ же подробно и полно изложены сирійскіе походы Василія II. Тѣмъ отдѣламъ книги, гдѣ излагаются сирійскія дѣла, нельзя не приписывать даже больше значенія, чѣмъ разсмотрѣннымъ отдѣламъ о болгарской войнѣ. Сирійскія дѣла вообще менѣе извѣстны, хуже изучены, топографія и географія Сиріи представляетъ множество затрудненій при изученіи средневѣковыхъ событій. Не боясь преувеличенія, можно сказать, что авторъ здѣсь нерѣдко долженъ былъ дѣлать самостоятельныя изслѣдованія, чтобы пролить свѣтъ на скудныя извѣстія источниковъ.

Сирійскія дѣла открываются бунтомъ Варды Склира въ 989 году. Для установленія хронологіи очень запутанныхъ событій авторъ хорошо воспользовался русской литературой, касающейся года крещенія Руси, въ которую много свѣжаго внесли извѣстія Яхъи (изд. барона Розена). Смуты въ Сиріи начались собственно со времени бунта Варды Фоки въ 986 году и несмотря на побѣду правительственной партіи, не прекращались окончательно; ясно, что движеніе поддерживалось столько же честолюбивыми генералами, сколько болѣе общими условіями положенія Сиріи, находившейся на границѣ владѣній калифата. Грекамъ принадлежала лишь сѣверная Сирія съ Антіохіей, гдѣ правилъ византійскій дука; Алеппо и Дамаскъ находились въ арабской власти, такъ что въ Сиріи не только постоянно была борьба греческаго и арабскаго вліянія, но даже часто случалось, что недовольные византійскимъ правительствомъ находили для себя поддержку у арабовъ, и наоборотъ, недовольные калифатомъ искали защиты у царя. Такое положеніе несомнѣнно должно было создать въ Сиріи особенно свободолюбивый духъ и протестъ противъ всякаго центральнаго правительства, безразлично, христіанское ли то было или мусульманское. Такимъ образомъ, по замиреніи въ Сиріи возмущенія Варды Склира, начинается возмущеніе дамасскаго губернатора Бакгура противъ египетскаго калифа, въ которомъ греческія войска подъ предводительствомъ антіохійскаго дуки стоятъ на сторонѣ калифа и идутъ на защиту арабскаго города Алеппо. При помощи греческаго отряда эмиръ Алеппо одержалъ верхъ надъ войскомъ Бакгура и взялъ въ плѣнъ этого смѣлаго и умнаго искателя приключеній, который повторилъ по-

пытку генераловъ Варды и Склира (р. 65), но въ свою очередь и самъ онъ началъ возмущеніе противъ калифа, нанеся незаслуженное оскорбленіе его послу. Слѣдуетъ прочесть прекрасныя страницы разбираемой нами книги, чтобы понять, что уже въ концѣ X вѣка мусульманскій востокъ выработалъ рыцарскіе характеры, соперничавшіе въ XII вѣкѣ съ французскими Боэмундами и Балдуинами (р. 68).

Хотя Алеппо имѣетъ важное значеніе въ исторіи византійскаго господства въ Сиріи, но нельзя не считать слишкомъ подробными свѣдѣнія о дѣлахъ египетскаго калифата. Во всякомъ случаѣ авторъ иногда забываетъ, что его предметъ есть исторія Византіи при Василіи II, а не калифатъ. Опасность, угрожавшая эмиру Алеппо со стороны египетскаго калифа, заставила Василія дать приказаніе дукѣ антіохійскому поддержать всѣми силами Алеппо; эти событія, также изложенныя можетъ быть подробнѣе, чѣмъ нужно (почти вся II глава!), заканчиваются пораженіемъ греко-мусульманскихъ войскъ египетскими войсками. Въ Константинополѣ понимали, что если Алеппо попадетъ въ руки египетскаго калифа, то положеніе Антіохіи окажется отчаяннымъ, а разъ взята Антіохія, не остается никакого препятствія арабамъ дойти до самаго Константинополя (р. 85—86). Походъ Василія на Востокъ въ зиму 1004—5 года съ 40.000 корпусомъ, для скорости движенія посаженнымъ на муловъ, представлялъ дѣйствительно величайшее дѣло, которое вполнѣ заслуживаетъ того вниманія, какое ему удѣлено авторомъ. Хотя съ царемъ прибыло подъ Антіохію только 17.000 войска, но и этого было достаточно, чтобы заставить египетское войско снять осаду съ Алеппо и освободить эмира отъ угрожавшей ему опасности.

Въ 999 году Василій II предпринялъ второй походъ въ Сирію. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы возстановить утраченный нѣсколько лѣтъ тому назадъ престижъ вслѣдствіе пораженія, понесеннаго византійскимъ отрядомъ подъ Апамеей. Малѣйшая уступка здѣсь вела къ перевѣсу мусульманскаго господства; нужно было доказать сирійскому христіанскому населенію, что ромэйскій царь не допуститъ въ Сиріи окончательнаго утвержденія калифата. Греческія войска пришли отъ верхней Сиріи до Ливана, стараясь вытѣснить изъ страны мусульманскихъ владѣтелей. Въ Гомсѣ жители заперлись въ старую церковь, обращенную въ мечеть, при чемъ русскій отрядъ, находившійся на службѣ имперіи со времени Владиміра, отличался страшной жестокостью (р. 153) и между прочимъ разграбилъ церковныя сокровища. Можно думать, что Василій былъ на этотъ разъ у цѣли византійской

политики въ Сиріи: окончательно вытѣснить изъ Сиріи власть египетскаго калифата, нанеся арабамъ рѣшительное пораженіе въ Дамаскѣ. Но въ это время (1000 г., p. 159) императора отвлекли отъ Сиріи армяно-грузинскія дѣла, вызванныя смертью Куропалата Давида. Онъ былъ могущественнымъ государемъ своего времени; благодаря его вліянію, Грузія играла такую важную роль въ событіяхъ X вѣка. Смерть Давида произошла при исключительныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ архіепископъ Илларіонъ отравилъ причастіе, которое далъ царю Давиду и тѣмъ причинилъ ему мучительную смерть. Между тѣмъ существовало тайное соглашеніе между царемъ Василіемъ и Давидомъ, что по смерти послѣдняго царство его переходитъ подъ защиту византійскаго императора. Вотъ почему слухъ о смерти Давида заставилъ императора немедленно направиться въ Великую Арменію, чтобы регулировать вопросъ о наслѣдствѣ и принять Арменію подъ власть Византіи. Слѣдуетъ весьма длинное отступленіе въ исторію Багратидовъ и только на стр. 190 находимъ поворотъ: Revenons au récit de l'expédition de Basile. Здѣсь въ лагерѣ подъ Havatchitch, гдѣ расположился царь Василій и армянскіе и грузинскіе князья съ ихъ свитой и военными отрядами, явившіеся на поклонъ къ императору, произошло столкновеніе между воинами изъ русскаго корпуса и грузинами. Царь Василій совершилъ на этотъ разъ трудный и отдаленный походъ почти до границъ Грузіи, черезъ Манцикертъ къ Ани и принялъ во владѣніе наслѣдство Давида.

Продолженіе сирійскихъ событій встрѣчаемъ уже въ VIII главѣ. Правда, въ первые годы XI вѣка въ Сиріи и Месопотаміи былъ сравнительный покой, потому что въ 1001 году былъ заключенъ между калифомъ и царемъ 10-лѣтній миръ (p. 434), но въ этой области, пограничной съ пустыней съ кочевымъ бедуинскимъ населеніемъ, всегда были элементы готовые промышлять разбоемъ и грабежомъ. Дукѣ антіохійскому, такимъ образомъ, и въ это время относительнаго покоя было достаточно хлопотъ. Въ эту эпоху, совершенно кстати замѣчаетъ авторъ (p. 440), Византія постоянно была пріютомъ для всѣхъ недовольныхъ мусульманъ, всѣхъ претендентовъ на власть и всѣхъ князей, лишенныхъ своихъ владѣній, совершенно также, какъ калифы и подчиненные имъ мусульманскіе владѣтели оказывали гостепріимство греческимъ бунтовщикамъ (Варда Склиръ). Но жестокія мѣры калифа Гакема противъ христіанъ, разрушеніе храма Воскресенія въ Іерусалимѣ и, наконецъ, притѣсненія собственныхъ подданныхъ въ Каирѣ— заставили византійское правительство принять участіе въ сирійскихъ

дѣлахъ. Вслѣдствіе постоянныхъ смутъ на границѣ выросла въ это время весьма импозантная личность въ начальникѣ бедуинскаго племени Гассанѣ, который сталъ независимымъ владѣтелемъ въ южной Сиріи и поднялъ громадное движеніе между арабами Сиріи и Палестины. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же самый Гассанъ принимаетъ мѣры къ возстановленію храма Воскресенія въ Іерусалимѣ и ставитъ новаго патріарха въ лицѣ Ѳеофила (448—9). Изложеніе сирійскихъ событій продолжается до 459 стр., но они, характеризуя положеніе дѣлъ на границѣ, не входятъ собственно въ исторію Византіи.

Между тѣмъ на армянскомъ востокѣ подготовлялись новыя движенія, требовавшія личнаго похода на Востокъ. Здѣсь отложился отъ зависимости византійскаго царя вассалъ его, царь Грузіи, управлявшій Абхазіей и Карталингіей, Георгій I, происходящій отъ пріемнаго сына Давида Великаго. Походъ направлялся въ самое сердце Грузіи, къ Тифлису, и сопровождался всѣми ужасами опустошенія. Мы не находимъ нужнымъ воспроизводить исторію этого похода, во всякомъ случаѣ весьма утомительную. Авторъ не хочетъ понять, что не слѣдуетъ говорить всего, что онъ нашелъ у лѣтописцевъ, не слѣдуетъ повторять наивныхъ вещей и явныхъ нелѣпостей, по пословицѣ, не всякое лыко — въ строку! (499—3). Успѣшный походъ въ Грузію и Арменію неожиданно былъ прерванъ весьма грозными извѣстіями, пришедшими изъ Константинополя. Два генерала подняли возстаніе въ Азіи. Это были патрикій Никифоръ Ксифія, стратигъ темы Анатолика, и Никифоръ Фока, сынъ знаменитаго Варды Фоки. О причинахъ возстанія даетъ нѣкоторую идею Матвѣй Эдесскій. Между тѣмъ, говоритъ онъ, многіе изъ важныхъ лицъ, лишенныхъ по разнымъ причинамъ прежнихъ достоинствъ, едва сдерживали свое недовольство Василіемъ. Они составили заговоръ съ цѣлью лишить Василія власти; во главѣ заговорщиковъ стояли два Никифора (р. 514). Принимая въ соображеніе извѣстіе Яхъи, движеніе опиралось главнымъ образомъ на населеніе Каппадокіи, гдѣ Фока имѣлъ большое вліяніе и значительное число родственниковъ между крупными землевладѣльцами этой области. Время выбрано было весьма умѣло, такъ какъ заговорщики надѣялись, что когда начнется движеніе въ Малой Азіи, имъ подадутъ руку обиженные Василіемъ князья Грузіи и Арменіи. Это движеніе, угрожавшее царю большими непріятностями и заставившее его прекратить военныя предпріятія въ Грузіи, не сопровождалось однако важными послѣдствіями, вслѣдствіе того, что Ксифія убилъ своего товарища Фоку, подозрѣвая въ немъ опаснаго соперника.

Вся X глава посвящена итальянскимъ дѣламъ.

Послѣднія событія царствованія Василія разсказаны въ XI главѣ. Это именно были сирійскія событія. Весьма любопытно, что три начальника бедуинскихъ племенъ начинаютъ играть главную роль въ дѣлахъ Сиріи. Гассанъ-Ибнъ-Аллъ-Джаррахъ заключаетъ договоръ съ зятемъ своимъ Синаномъ-Ибнъ-Иланомъ и Салехомъ-Ибнъ-Мирдасомъ (р. 607) для изгнанія изъ Сиріи фатимидовъ. При этомъ союзники разбили нѣсколько разъ египетскія войска и захватили города Сиріи. Алеппо былъ взятъ бедуинскими вождями 30-го іюня 1025 года.

Таковы въ общихъ чертахъ важнѣйшія части книги г. Шлумбергера. Въ обширной и важной работѣ, гдѣ нужно было часто прокладывать новый путь, совершенно понятны нѣкоторые недосмотры со стороны техники и расположенія частей. Что же касается излишней мѣстами реторики и повышеннаго тона, то это такой недостатокъ, который скорѣе касается внѣшности и формы, и потому не можетъ умалять собственно достоинствъ книги. А достоинства сочиненія громадныя. Въ первый разъ, конечно, читатель введенъ здѣсь въ интимную сторону исторіи Сиріи, которая такъ мало извѣстна и знакомство съ которою между тѣмъ такъ важно для исторіи Византіи. Въ первый разъ мы оцѣниваемъ здѣсь широкій размахъ политики Василія II Болгаробойцы. Этотъ даровитѣйшій представитель династіи македонскихъ императоровъ въ высшей степени ясно понималъ опасность со стороны распространенія арабскаго вліянія на Востокъ и напрягалъ всѣ силы имперіи, чтобы пріостановить напоръ арабовъ на сѣверную Сирію. Несомнѣнно, что сирійскіе его походы имѣютъ такое же капитальное значеніе, что и борьба съ Самуиломъ, и также безспорно и то, что въ настоящее время въ первый разъ византійскіе генералы, поднимавшіе бунтъ противъ императора, и начальники бедуинскихъ племенъ, отлагавшіеся отъ повиновенія калифу, встаютъ передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи, благодаря книгѣ г. Шлумбергера. За нимъ должна остаться безспорная заслуга, что онъ не побоялся громадныхъ трудностей, взявшись за обработку чрезвычайно деликатнаго сюжета и упорно продолжая вести борьбу съ затрудненіями, вызываемыми то недостаткомъ, то скудостію сохранившагося матеріала.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ археологическомъ и художественномъ отдѣлѣ книги. Къ сожалѣнію, здѣсь мы не можемъ сочувствовать автору въ системѣ расположенія имъ матеріала. Художественный матеріалъ,—т. е. фотографіи и гравюры съ предметовъ искусства, съ монументальныхъ памятниковъ и проч.,—долженъ, конечно, слу-

жить той же цѣли, что и текстъ, которому онъ сопутствуетъ какъ иллюстрація. Въ разбираемомъ сочиненія находится больше 260 гравюръ— это безспорно весьма большое количество вспомогательныхъ средствъ для приданія книгѣ интереса и наглядности. Нужно признать, что соединеніе такого обширнаго художественнаго и археологическаго матеріала потребовало отъ автора не малыхъ трудовъ: частію онъ предпринималъ личныя путешествія въ описываемыя мѣстности, частію собиралъ свѣдѣнія о памятникахъ посредствомъ переписки, множество фотографическихъ снимковъ получено имъ съ предметовъ мало доступныхъ, хранящихся въ частныхъ собраніяхъ. Все это нельзя не отнести къ положительнымъ сторонамъ труда г. Шлумбергера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнимъ сожалѣніемъ мы должны сказать, что прекрасный археологическій и художественный матеріалъ оставленъ авторомъ безъ надлежащаго изученія и сортировки и не приведенъ въ связь съ текстомъ.

Гравюры, фотографіи, планы мѣстностей и зданій и, наконецъ, всякаго рода рисунки, безъ сомнѣнія, должны быть помѣщаемы тамъ, гдѣ имъ быть умѣстнѣе по характеру изложенія и по тексту. Кромѣ того,— и это нужно признать условіемъ первостепенной важности—воспроизводимыя гравюрами произведенія искусства должны относиться къ описываемой эпохѣ. Если эти условія не соблюдены или не проведены послѣдовательно, то иллюстраціи утрачиваютъ свой серьезный характеръ и становятся лишь украшеніемъ книги. Весьма часто иллюстраціи въ разсматриваемомъ сочиненіи не имѣютъ никакого отношенія къ содержанію страницы, на которой онѣ появляются, и по поводу большинства гравюръ можно задаваться вопросомъ, почему онѣ помѣщены именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ книги. Чтобы не быть голословными, остановимся на подробностяхъ.

Монеты Владиміра Св. и миніатюра изъ Ватиканской рукописи, представляющая крещеніе младенца, весьма умѣстны въ разсказѣ о крещеніи Руси, хотя бы рукопись и была по происхожденію позднѣйшаго времени. Но въ большинствѣ случаевъ гравюры нисколько не иллюстрируютъ содержаніе книги и часто представляютъ произведеніе искусства позднѣйшихъ эпохъ. Кстати здѣсь сказать, что тѣ миніатюры, которыя помѣщены на стр. 388 и 389, гораздо болѣе относились бы къ первымъ страницамъ книги, такъ какъ именно иллюстрируютъ обращеніе Руси къ христіанству. Да и вообще большинство гравюръ изъ Мадридской рукописи Скилицы (pp. 257, 301, 333, 369, 388—389) могли бы быть помѣщены съ большимъ удобствомъ

въ другомъ мѣстѣ. Расположеніе самого по себѣ прекраснаго археологическаго и художественнаго матеріала производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ былъ собираемъ авторомъ постепенно, когда книга уже печаталась, вслѣдствіе чего не представлялось возможности дать ему правильнаго и систематическаго распорядка. Пожелаемъ, чтобы въ второмъ изданіи книги этотъ недостатокъ былъ устраненъ.

Ѳ. Успенскій.

Замѣтка на возраженіе г. Платонова.

Въ свою очередь обращаюсь въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ покорнѣйшею просьбою дать мѣсто нижеслѣдующей моей замѣткѣ, по поводу помѣщенныхъ въ іюньской книгѣ журнала г. Платоновымъ „Нѣсколькихъ словъ" по моему адресу.

Не буду пока останавливаться на томъ, что г. Платоновъ говоритъ о моемъ отзывѣ въ № 10—11 *Кремля* на извѣстныя рецензіи учебниковъ. Обращу только вниманіе на его попытку отвергнуть мое указаніе (сдѣланное въ майской книгѣ журнала) на то, что покойный В. Г. Васильевскій, „послѣдовательно ведшій полемику, въ концѣ концовъ нашелся вынужденнымъ отказаться отъ норманской теоріи происхожденія Руси и признать ея туземство въ южной части Восточной Европы". Мой настоящій оппонентъ, не входя ни въ какія подробности и не дѣлая никакихъ справокъ, голословно восклицаетъ: „Это не надо и опровергать"! Къ сему голословію онъ прибавляетъ только замѣчаніе о какой то моей „способности понимать вещи посвоему".

Итакъ, по его мнѣнію я въ данномъ случаѣ неправъ. Что бы рѣшить вопросъ, кто изъ насъ сказалъ неправду, беру послѣднее по времени изданіи В. Г. Васильевскаго, касающееся означенной полемики. А именно: „Русско-Византійскія изслѣдованія. Вып. 2-й житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго". Спб. 1893 г. Тамъ, послѣ разсужденій, вызванныхъ мнѣніемъ А. С. Будиловича о русскихъ письменахъ въ Корсуни, на стр. CCXCIX — CCC читаемъ слѣдующіе выводы: „Не мы первые скажемъ, что подъ русскими письменами, найденными въ Корсунѣ св. Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть готскія письмена, Евангеліе и Псалтырь въ переводѣ Ульфилы". И ниже: „однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что всѣ из-

вѣстія о Руси и русскихъ до половины IX вѣка относятся къ тавроскиѳамъ и объясняются отожествленіемъ Руси съ тавроскиѳами и этихъ послѣднихъ съ готами, валанготами, готаланами. Мы не хотимъ здѣсь проповѣдывать новой теоріи происхожденія русскаго государства, или, лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готскою (намеки на нее давно уже встрѣчаются), но не можемъ обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской".

Въ приведенной цитатѣ заключается конечно отреченіе отъ норманской теоріи, хотя оно и высказано въ формѣ нѣсколько условной и нерѣшительной. Но если примемъ во вниманіе все содержаніе данныхъ изслѣдованій, то отреченіе это получитъ характеръ болѣе рѣшительный. Покойный византинистъ, доказавъ достовѣрность и раннюю редакцію означенныхъ житій, вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ несомнѣнное присутствіе *Русскаго племени* и *Русскаго имени* въ странахъ Припонтійскихъ уже въ первой половинѣ IX вѣка. Послѣ того не могъ онъ поддерживать легенду о пришествіи варяго-руссовъ *изъ Скандинавіи во второй половинѣ IX вѣка*. И дѣйствительно, онъ самъ же ее достаточно разбиваетъ, хотя и съ нѣкоторымъ оговорками. См. девятую главу изслѣдованія о житіи Георгія Амостридскаго: „О русскомъ имени и русскомъ нашествіи". Къ этой главѣ въ особенности и къ цѣлой книгѣ вообще отсылаю интересующихся выводами В. Г. Васильевскаго, которые я предполагалъ извѣстными моему оппоненту, а потому и коснулся ихъ мимоходомъ въ своемъ *Отвѣтѣ* рецензентамъ учебниковъ.

Полагаю, цитованныя строки говорятъ сами за себя и наглядно рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.

Д. Иловайскій.

Къ замѣткѣ г. Иловайскаго.

Можно только порадоваться тому, что г. Иловайскій не уклонился указать основаніе своего вывода о „вынужденномъ" отказѣ покойнаго В. Гр. Васильевскаго отъ „норманской теоріи". Онъ приводитъ единственное мѣсто изъ трудовъ покойнаго ученаго, дающее поводъ къ нѣкоторому, быть можетъ, невольному злоупотребленію его смысломъ. Но разъ г. Иловайскій рѣшился представить читате-

лямъ выписанныя имъ фразы, онъ долженъ былъ бы поставить для общаго свѣдѣнія рядомъ съ ними и другія мѣста той же статьи, именно страницы CLVI — CLVII: тамъ находится свидѣтельство истиннаго отношенія В. Гр. Васильевскаго къ мнѣніямъ г. Иловайскаго.

Для незнакомыхъ съ частностями дѣла можно пояснить, что въ самомъ началѣ монографіи своей о „житіи св. Стефана Сурожскаго", при обзорѣ литературы предмета, В. Гр. Васильевскій упомянулъ о г. Иловайскомъ, какъ о „совершенномъ антиподѣ почтенному академику" (А. А. Кунику), въ отношеніе его (г. Иловайскаго) „совсѣмъ особенныхъ методовъ изслѣдованія". Затѣмъ В. Гр. Васильевскій уже вовсе не поминаетъ о г. Иловайскомъ и ведетъ свое изслѣдованіе, не полемизируя съ нимъ. Когда же онъ сводитъ результаты своихъ изысканій, онъ противоставляетъ ихъ старымъ взглядамъ той школы, изъ которой вышелъ самъ, именно норманнской. Приведенныя г. Иловайскимъ мѣста статьи В. Гр. Васильевскаго имѣютъ въ виду А. А. Куника съ его теоріей, а не г. Иловайскаго. Отдавая „во многихъ отношеніяхъ" (не во всѣхъ) преимущество „готской" теоріи предъ нормано-скандинавской теоріей (А. А. Куника), В. Гр. Васильевскій здѣсь отнюдь не признавалъ „туземства Руси" въ смыслѣ г. Иловайскаго. Онъ теперь и не думалъ объ г. Иловайскомъ, ибо уже осудилъ его туземство Руси (то-есть, Роксоланъ=Славянъ) на стр. CLVI-й.

И послѣ этого приходится о В. Гр. Васильевскомъ читать у г. Иловайскаго: „единственный изъ моихъ (!) антагонистовъ, послѣдовательно (?) ведшій полемику (съ г. Иловайскимъ?!) въ концѣ концовъ нашелся вынужденнымъ (кѣмъ? г. Иловайскимъ?), отказаться отъ норманской теоріи происхожденія Руси и признать ея туземство (то-есть, славянство?!) въ южной части восточной Европы". Въ этой фразѣ роль г. Иловайскаго преувеличена: замѣчательныя изслѣдованія покойнаго византиниста ничѣмъ не обязаны г. Иловайскому, а „отказъ" его отъ норманнской теоріи есть не уступка г. Иловайскому, а дальнѣйшая разработка того самого взгляда на начало Руси, съ которымъ столько времени тщетно борется г. Иловайскій ad majorem gloriam его „антагонистовъ".

С. Платоновъ.

Книжныя новости.

Александръ Великій. Иллюстрированная историческая монографія проф. *Веніамина Уилера.* (Съ англійскаго). Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы". С.-Пб. 1900. Цѣна 1 р. 50 коп. II+175 стр.

Монографія американскаго профессора Уилера представляетъ недурное популярное изложеніе исторіи Александра Великаго. Она написана легкимъ, живымъ языкомъ, расчитана на самый широкій кругъ читателей, украшена видами историческихъ мѣстностей, планами сраженій, снимками съ памятниковъ искусства и иллюстраціями, воспроизводящими описываемыя событія. Авторъ старается быть на высотѣ современнаго уровня науки и обнаруживаетъ знакомство съ литературой предмета. Не всегда, конечно, онъ относится съ достаточной степенью критичности къ передаваемымъ подробностямъ событій (напримѣръ, относительно изреченій, приписываемыхъ Александру), иногда, напротивъ, доходитъ до иперкритики (напримѣръ, излагая отношенія Александра къ евреямъ), кое-гдѣ, особенно въ вопросахъ, имѣющихъ стороннее отношеніе къ предмету, допускаетъ погрѣшности (напримѣръ, онъ все еще думаетъ, что фараонъ Нехао довелъ до конца каналъ между Ниломъ и Чермнымъ моремъ—стр. 107, обоготвореніе Александра онъ склоненъ скорѣе выводить изъ греческихъ, а не египетскихъ представленій и не знаетъ важной работы Масперо, посвященной этому вопросу—стр. 111). Но въ общемъ автору удалось дать цѣльное, хорошо и въ общемъ научно-написанное повѣствованіе объ Александрѣ и его эпохѣ, проникнутое притомъ любовью къ предмету и уваженіемъ къ герою. Не хорошо только, что Уилеръ склоненъ передавать древніе термины на современный ладъ. У него въ книгѣ есть и персидскіе „дворяне" (стр. 49), и линкестійскіе „принцы" (стр. 71) и персидскій „шахъ" (вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о персидскомъ царѣ, что совершенно невѣрно), и „профессоръ" Аристархъ (стр. 112), и „джентельменъ" старой школы (о Даріи III—стр. 124), и „неджентельменскіе" поступки (стр. 151); счетъ ведется вездѣ на доллары, а у Александра даже оказывается надѣтой „тога" (стр. 124). Все это удержано и въ русскомъ переводѣ. Кромѣ того, переводчикъ оказывается безсиленъ тамъ, гдѣ его задача требуетъ отъ него знакомства съ предметомъ. Такъ, Ксенофонту принадлежитъ сочиненіе „о воспитаніи и обученіи Кира", Демосѳенъ писалъ по латыни, ибо ему приписывается рѣчь „De Corona" (стр. 174). Но еще хуже передача собственныхъ именъ. Они даются въ латинской формѣ, а нѣкоторыя даже въ англійской, напримѣръ, Ценусъ (стр. 157), Пейцестъ (стр. 156), Сцилаксъ (стр. 140), Бахусъ (стр. 134); Хермолай (стр. 136); особенно ужасны „Библюсъ" (стр. 97) и Фоцій (!) стр. 140). Непріятное впечатлѣніе производятъ такія фразы, какъ: „теперь мы можемъ пить ничтоже сумняшеся" (стр. 156); или „если бы дѣло шло только объ этомъ городѣ (т. е. Тирѣ), то игра не стоила бы свѣчъ" (стр. 98) и др. Пристрастіе переводчика къ совершенно ненужнымъ иностраннымъ словамъ также портитъ книгу. Нѣтъ никакой нужды говорить „метрополія" вмѣсто столица (стр. 32), „окцидентелизмъ" (стр. 137), „конфигурація" поверхности (стр. 138); „эксцессы" (стр. 172), „суперарбитръ"

(стр. 170), „гортикультура“ (стр. 178) и т. д. Наконецъ нельзя не указать на присутствіе опечатокъ, которыя не оговорены и иногда довольно досадны; напримѣръ, Сомосъ (вм. Самосъ—стр. 64), Троллы (вм. Траллы—стр. 66), Александрія Этата (вм. А. Эсхата—стр. 132); „голова его, увѣнчанная розами Аммона“ (вм. „рогами А.“—стр. 170); Филиппа Архидея (вм. Арридея; впрочемъ это уже не опечатка, такъ какъ повторяется нѣсколько разъ); на стр. 136 вм. „пока Александръ не нашелъ возможнымъ устранить его“ надо читать „пока Кассандръ“ и т. д.

А. Г. Суровцевъ. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ. С.-Пб. 1901. Стр. 123+II. Цѣна 80 коп.

Очеркъ г. Суровцева, посвященный памяти профессора А. И. Незеленова и основанный частью на его трудахъ, составляетъ, вѣроятно, обработку одной изъ темъ, вышедшихъ изъ аудиторіи покойнаго профессора. Первоначально этотъ очеркъ былъ напечатанъ въ журналѣ *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* (1900 г. №№ 3 – 6) и носитъ на себѣ типическія черты популярной журнальной статьи. Авторъ знакомъ съ литературой предмета и съ сочиненіями своего героя, но онъ не углубился въ свой сюжетъ и въ изученіе эпохи настолько, чтобы обратить свою работу въ настоящее ученое изысканіе. Онъ часто лишь затрагиваетъ вопросъ, не изслѣдуя его, часто скользитъ по темѣ, не охватывая ея сущности. Такъ, на стр. 13-й онъ сопоставляетъ два противоположныя сужденія гг. Ключевскаго и Пыпина, дѣлаетъ между ними выборъ, но не оправдываетъ его и не объясняетъ, какъ въ данномъ случаѣ могло возникнуть самое разнорѣчіе. На стр. 25-й и 96-й онъ приводитъ мнѣніе г. Сиповскаго объ „оппозиціонномъ характерѣ дѣятельности московскихъ просвѣтителей-масоновъ“, но оставляетъ его безъ всякой оцѣнки, хотя это мнѣніе и заслуживало бы внимательной провѣрки. Особо новаго и оригинальнаго въ работѣ г. Суровцева искать нечего: но то, что́ есть, изложено отнюдь не дурно. Читатель получаетъ понятіе о личности, служебной и литературной дѣятельности и объ общественныхъ связяхъ Ив. Вл. Лопухина, бывшаго однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей своего направленія, а также о масонскихъ организаціяхъ и о „типографической компаніи“ конца XVIII столѣтія. Чтеніе книжки г. Суровцева, безъ сомнѣнія, будетъ полезно для всѣхъ тѣхъ, кто можетъ заинтересоваться мистико-моральнымъ движеніемъ „просвѣтительнаго“ вѣка.

По великой русской рѣкѣ. Очерки и картины Поволжья. *А. П. Валуевой* (Мунтъ). Рисунки скомпанованы *Никитинымъ.* Изданіе *М. М. Ледерле и К°.* С.-Пб. Стр. 230. Годъ и цѣна не обозначены.

Озаглавленная книга содержитъ описаніе Волги, начиная отъ Твери до Астрахани. Личныя впечатлѣнія, бесѣды со спутниками въ книжкѣ занимаютъ немного мѣста, бо́льшая же часть содержанія извлечена изъ другихъ историко-географическаго и литературнаго характера сочиненій, поименованныхъ въ концѣ книги. Историческими справками книжка переполнена,

и онѣ пріурочиваются къ каждому городу, храму, святынѣ, къ развалинамъ, и иногда въ такомъ характерѣ, что путешествіе напоминаетъ элементарный учебникъ; какъ, напримѣръ, описаніе сѣверной части пути изъ варягъ въ греки, о жителяхъ русской равнины до основанія Русскаго государства и т. п.

Послѣ историческаго матеріала большое мѣсто занимаетъ этнографія, такъ что этому предмету посвящаются цѣлыя главы, содержаніе которыхъ извлечено изъ географической хрестоматіи Овсянникова съ нѣкоторыми дополненіями изъ Печерскаго, Аксакова, Гончарова; очеркъ о калмыкахъ иллюстрируется эпизодомъ посѣщенія русскими калмыцкаго князя Тюменя, получившаго европейское образованіе, но вновь окалмычившагося.

Промышленность не позабывается составительницею, но она представляется въ общихъ чертахъ, почти всюду безъ подкрѣпленія статистическими данными, и лишь изрѣдка освѣщается конкретными подробностями, какъ, напримѣръ, при описаніи Тверской губерніи о сыроварняхъ Верещагина, или о чеботарномъ дѣлѣ кимряковъ, или о рыбныхъ промыслахъ въ Астраханской губерніи. Обстоятельно описана по хрестоматіи Овсянникова нижегородская ярмарка.

Изъ достопримѣчательностей городовъ путешественница обращаетъ главное вниманіе на соборные храмы, святыни, монастыри и историческіе памятники. Въ Саратовѣ, сверхъ того, описывается Радищевскій музей, въ Астрахани—персидская мечеть; эти описанія, впрочемъ, неравномѣрны. Въ общемъ же, до Нижняго-Новгорода, за исключеніемъ Углича и Костромы, они довольно кратки; Тверь же почти опущена, если не имѣть въ виду примѣчанія. Къ одной изъ главъ составительницею пріурочены всѣ извѣстные писатели, какъ уроженцы Поволжья, такъ и жившіе на ней, какъ-то: Гончаровъ, Аксаковъ, Щедринъ, Некрасовъ, Державинъ, Карамзинъ, Языковъ и Крыловъ. Самая Волга, какъ рѣка, описана блѣдно, хотя всѣ физическія ея достопримѣчательности: Соколиная гора, Жегули, Царевъ-курганъ, нашли въ ней мѣсто.

Въ общемъ же, матеріалъ, хотя мѣстами и скучный, но сгруппированъ толково, освѣщенъ правильно, безъ предвзятыхъ мнѣній. При этнографическихъ очеркахъ инородцевъ составительница останавливается на болѣе симпатичныхъ ихъ сторонахъ. Эта особенность похвальна; но нельзя скрыть, что она неизбѣжно порождаетъ въ читателѣ сожалѣніе о томъ, что такія положительныя качества не всегда присущи господствующему населенію Поволжья; но это, конечно, уже не вина автора.

Еще можно отмѣтить слѣдующее: составительница съ большою заботливостью вносила разныя легенды, пріуроченныя къ городамъ. Такимъ образомъ, по поводу Нижняго она разсказываетъ легенду о разбойникѣ Скворцѣ, но даже не упоминаетъ имени знаменитаго механика-самоучки,—Кулибина; или, по поводу Чебоксаръ говоритъ о бывшей тамъ нѣкогда падающей колокольнѣ, затѣмъ разрушенной; между тѣмъ о существующихъ теперь достопримѣчательностяхъ такого же рода въ гор. Ярославлѣ ничего не упоминаетъ. При описаніи Саратова говорится, что Волга отступила отъ города на 2 версты, но въ дѣйствительности этого нѣтъ.

Книга снабжена 15-ю страницами рисунковъ; каждая страница пред-

ставляетъ группу разныхъ видовъ, относящихся или къ городу, или къ губерніи. Въ техническомъ отношеніи рисунки выполнены сносно; но нельзя не отмѣтить, что рисунки малыхъ размѣровъ не во всѣхъ случаяхъ даютъ надлежащее представленіе объ изображаемомъ предметѣ.

Въ концѣ книги приложена карта рѣки Волги, хотя затемненная ненужными подробностями, но для справокъ пригодная.

Г. Я. Кипріановичъ. Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе, значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899. Стр. XV+288. Цѣна 1 рубль.

Г. Кипріановичъ извѣстенъ какъ авторъ обширной и серьезной монографіи о возсоединеніи западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью и о дѣятельности митрополита Іосифа Сѣмашки. За эту монографію „Жизнь Іосифа Сѣмашки", въ которой авторъ явилъ себя знатокомъ церковно-общественной жизни нашего Западнаго края, онъ получилъ Макарьевскую премію отъ Святѣйшаго Сѵнода и почетный отзывъ отъ Академіи Наукъ. Взявшись затѣмъ за популярное изложеніе общей исторіи церковно-общественной жизни Западнаго края въ разбираемомъ трудѣ, г. Кипріановичъ и здѣсь обнаружилъ свою прекрасную подготовку и безспорныя литературныя способности. Его „очеркъ" написанъ научно и въ то же время общедоступно; онъ даетъ правильное и яркое представленіе о судьбахъ православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ и о тяжелой борьбѣ, которую пришлось здѣсь вынести нашему православію съ наступавшимъ на него католицизмомъ за все время отъ появленія католичества въ краѣ и до настоящей минуты. Авторъ первоначально слѣдитъ за распространеніемъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ православія (съ X вѣка) и католичества (съ XIII вѣка); этому посвящены двѣ первыя главы. Затѣмъ, въ главѣ третьей, онъ переходитъ къ уніи; слѣдитъ за ея утвержденіемъ и распространеніемъ до эпохи Замойскаго собора 1720 года съ его послѣдствіями и за постепеннымъ упадкомъ православія въ краѣ до половины XVIII столѣтія. Параллельно съ этимъ, въ главахъ четвертой и пятой, авторъ даетъ исторію римско-католической церкви въ Литвѣ и Бѣлоруссіи съ XVII вѣка и до послѣднихъ лѣтъ. Въ главахъ шестой и седьмой онъ переходитъ къ описанію уничтоженія уніи и торжества православія со времени перехода края подъ русскую власть, въ исходѣ XVIII вѣка, и до настоящаго времени. Въ „приложеніи" къ книгѣ авторъ даетъ сводъ „разностей", отличающихъ западную церковь отъ восточной, и нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, освѣщающихъ взаимное численное отношеніе исповѣданій въ Западномъ краѣ.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга третья. Владиміръ. 1901 г.

Первый отдѣлъ разсматриваемой книги, за исключеніемъ статейки г. И. Л. Щеглова — „Слѣды доисторическаго человѣка въ Меленковскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи",—всецѣло посвященъ исторіи народнаго образованія во Владимірской губерніи. Въ немъ мы находимъ слѣдующія статьи:

г. Малицкаго — „Графъ М. М. Сперанскій во Владимірской духовной семинаріи", г. Страхова—„Исторія открытія Владимірскаго дворянскаго пансіона", г. Касаткина—„Историческій очеркъ народнаго образованія въ гор. Владимірѣ и его области", г. Малиновскаго—„Открытіе Владимірскаго духовнаго училища и первые годы его существованія", и г. А. Смирнова—„Литературные опыты воспитанниковъ Владимірской духовной семинаріи въ началѣ XIX столѣтія".

Въ первой изъ нихъ собрано все относящееся до пребыванія М. М. Сперанскаго во Владимірской семинаріи и до состоянія матеріальнаго и учебно-воспитательнаго послѣдней какъ въ 1780—1790 гг., когда находился тамъ Сперанскій, такъ и задолго до 1780 г. Оказывается, что время пребыванія Сперанскаго въ семинаріи совпало съ лучшимъ періодомъ ея жизни въ XVIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о Сперанскомъ по сохранившимся источникамъ весьма скудны. Г. Страховъ, по даннымъ архивовъ Владимірской гимназіи и Владимірскаго депутатскаго дворянскаго собранія, сообщаетъ много любопытнаго о Владимірскомъ дворянскомъ пансіонѣ и объ отношеніяхъ къ нему дворянъ. Послѣднія были таковы, что дворянскій пансіонъ прочно основался только 30 лѣтъ спустя послѣ своего возникновенія и то благодаря вмѣшательству высшей учебной власти. Далѣе г. Малиновскій, также на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ, дополняетъ исторію Владимірскаго духовнаго училища, начиная ее не съ 1814 г., какъ дѣлали до него, а съ 1790 г., И наконецъ г. Смирновъ, остановившись предварительно на условіяхъ, породившихъ литературные опыты воспитанниковъ Владимірской духовной семинаріи, и ихъ характеристикѣ, сообщаетъ довольно обширное собраніе этихъ опытовъ, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, прибавляя, что многое изъ написаннаго учениками на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ языкахъ не напечатано имъ по „нѣкоторымъ причинамъ, независѣвшимъ отъ него".

Въ слѣдующемъ второмъ отдѣлѣ помѣщены: составленная г. Добронравовымъ опись дѣлъ Владимірскаго губернскаго правленія за время съ конца XVIII и до начала XIX вѣковъ.—Въ этихъ дѣлахъ преобладаютъ дѣла о фальшивыхъ монетахъ и о сектантахъ; архивныя мелочи (нѣсколько некрологовъ и замѣтка о мѣстонахожденіи древняго города Мурома), и „Матеріалы для исторіи Владимірской губерніи", сообщенные Г. К. Рѣпинскимъ и заключающіеся въ указаніи №№ указовъ и другихъ документовъ, извлеченныхъ изъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ.

Въ остальныхъ отдѣлахъ: „Хроникѣ и Приложеніяхъ" находимъ протоколы засѣданій Владимірской ученой архивной комиссіи и ея отчеты за 1900 г. Составитель годового отчета свидѣтельствуетъ о живомъ сочувствіи „со стороны людей просвѣщенныхъ и вообще лицъ изъ мѣстнаго общества" къ дѣятельности комиссіи, что въ значительной мѣрѣ подтверждается хорошими денежными средствами комиссіи сравнительно съ другими, значительная часть которыхъ идетъ на изданіе „Трудовъ", далеко опережающихъ другія подобныя имъ изданія комиссій и по внѣшности и по богатству содержанія.

Выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIV, № 1. Январь 1901. Томъ XIV, № 2. Февраль 1901. Томъ XIV, № 3. Мартъ 1901. Цѣна по 1 р.=à 2 Mk. 50 Pf.

Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique).

Т. XI, № 4. *A. Bélopolsky.* Bearbeitung der in Pulkovo erhaltenen Spectrogramme von dem Spectral-Doppelstern α Geminorum. Mit 3 Holzschnitten. Цѣна 2 р.=5 Mk.

Т. XI, № 5. *А. А. Кулябко.* Къ ученію о контрактурѣ. Съ 2 таблицами міограммъ. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique).

Т. V, № 1. Отчетъ о сорокъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Цѣна 2 р.=5 Mk.

Т. V, № 2. *Friedrich Westberg.* Die Fragmente des Toparcha Goticus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. Mit 10 Tafeln. Цѣна 1 р. 50 коп.=3 Mk. 75 Pf.

Т. V, № 3. *Г. К. Шмидъ.* Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578 году. Цѣна 20 коп.=50 Pf.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1900. Т. V, книжка 4-я. Цѣна 1 руб. 50 коп

К. К. Герцъ. Собраніе сочиненій. Выпускъ 7-й: Археологическая и художественная хроника. Ч. I (1857—1865). Цѣна 2 р.=5 Mk.

Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ (Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg). 1900. Т. V, № 4. (Съ 5 таблицами). Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

Сборникъ Трудовъ Орхонской экспедиціи. V. *Н. Ядринцевъ.* Отчетъ и дневникъ о путешествіи по Орхону и въ южный Хангай въ 1891 г. Цѣна 60 коп.=2 Mk. 50 Pf.

Dr. *Friedrich Knauer.* Das Mānava-Çrauta-Sūtra. Buch II. Цѣна 80 коп.= 2 Mk.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ производится продажа только академическихъ изданій за наличныя деньги, съ уступкою 25%. *Наложеннымъ платежомъ книги не высылаются.* Иногородніе покупатели уступкою не пользуются, но пересылку книгъ Академія беретъ на свой счетъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Синтаксисъ русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ съ приложеніемъ задачника. Составилъ *К. Козьминъ*, преподаватель Московскаго учительскаго института. Изданіе пятое. Москва. 1900. Изданіе книжнаго магазина М. Д. Наумова. Цѣна 50 коп., въ переплетѣ 65 коп. II + 160 стр.

Въ предисловіи составитель этой книги говоритъ, что его „синтаксисъ можетъ служить руководствомъ главнымъ образомъ для старшаго класса городскихъ училищъ, въ которомъ усвоенные законы и правила языка обобщаются и приводятся въ научную систему".

Настоящій докладъ имѣетъ въ виду оцѣнку книги лишь съ точки зрѣнія требованій, поставляемыхъ программами среднихъ учебныхъ заведеній.

Отъ учебника мы ожидаемъ обыкновенно ясности и точности, если говорить о его чисто педагогическихъ достоинствахъ.

Особенно желательна точность, ибо точное опредѣленіе, въ случаѣ его недостаточной ясности, можетъ быть разъяснено учителемъ въ классѣ, неточность же дѣлаетъ опредѣленіе вообще негоднымъ для заучиванія.

Учебникъ г. Козьмина не даетъ намъ достаточно точныхъ опредѣленій; напримѣръ, на 1-й стр. читаемъ:

„Подлежащее есть *имя* того *предмета, о которомъ говорится* въ предложеніи". Здѣсь нѣсколько неточностей.

На стр. 3: Обстоятельство образа дѣйствія, отвѣчающее на вопросы: *какъ? какимъ образомъ? сколько?* (Въ послѣднемъ случаѣ должно стоять не *сколько*, а *сколько разъ*).

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

На стр. 5, при перечисленіи различныхъ способовъ выраженія подлежащаго, находимъ пунктъ г): „Нарѣчія, предлоги, союзы, междометія“. Слѣдовало бы для точности прибавить „и вообще всякое *слово*, если оно является въ данномъ случаѣ предметомъ сужденія“.

На стр. 11. Обращеніе, или звательное слово, есть названіе того предмета, къ которому относятся съ рѣчью.

На стр. 31 авторъ классифицируетъ предлоги по тому признаку, что одни изъ нихъ означаютъ съ именами *цѣль* дѣйствія, другіе *образъ* дѣйствія и т. д. Это — дѣленіе совершенно искусственное. Предлогъ *по* долженъ бы былъ попасть и въ группу *цѣли*, гдѣ у автора стоятъ только *для*, *на*, *за*. Предлогъ *до* зачастую находимъ съ именемъ въ группѣ образности. Какъ разберетъ, напримѣръ, авторъ фразы:

Спустя лѣто, въ лѣсъ *по малину* не ходятъ.

Наѣвшись желудей... *до отвалу* и т. п.

На стр. 47 находимъ синтаксически неправильное выраженіе „Предложенія обстоятельственныя *времени*“; на предыдущей страницѣ тоже *мѣста*.

На стр. 55 неточно выраженіе „Иногда *дѣепричастіе* замѣняется причастіемъ страдательнаго залога“.

Въ книгѣ г. Козьмина есть термины и дѣленія, необычные въ учебномъ обиходѣ и безъ которыхъ, кажется, можно бы было обойтись.

Напримѣръ, на стр. 14 находимъ дѣленіе предложеній *по развитію*.

На стр. 17 и стр. 65 дѣленіе предложеній на *утвердительныя*, *отрицательныя* и *вопросительныя*.

Достоинствами книги г. Козьмина слѣдуетъ признать ея *практичность*, т. е. несомнѣнную педагогическую опытность составителя, которая видна и въ ясномъ языкѣ и въ выборѣ посильныхъ для учениковъ примѣровъ. Матеріалъ для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ занимаетъ половину книги и составленъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики (,) теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Составилъ *К. Козьминъ*. Изданіе четвертое. Цѣна 1 руб., въ переплетѣ 1 руб. 15 коп. Москва. 1900. XVI + 216.

Книга г. Козьмина, какъ онъ говоритъ въ своемъ предисловіи (стр. XII), „должна служить пособіемъ для учителя при практиче-

скомъ преподаваніи теоріи словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и при веденіи объяснительнаго чтенія въ старшихъ классахъ городскихъ училищъ". Она распадается на 7 отдѣловъ: I. Разборъ образнаго слога; II. Разборъ и составленіе періодовъ; III. Разборъ описаній; IV. Разборъ повѣствованій; V. Краткія свѣдѣнія изъ логики; VI. Разборъ разсужденій; VII. Разборъ лирическихъ произведеній.

Логико-стилистическіе разборы, рекомендуемые г-мъ Козьминымъ учителямъ, представляютъ образцы довольно грубаго обращенія съ различными, часто весьма художественными произведеніями русскаго слова. Благодаря схематизаціи поэтическихъ созданій ученики, подъ руководствомъ г. Козьмина, должны доходить до того убѣжденія, что стихотвореніе „Споръ" написано для того, чтобы провести главную мысль, что „Россія не только покоритъ Кавказъ, но и водворитъ тамъ просвѣщеніе, промышленность и торговлю" (стр. 163), равнымъ образомъ изъ разбора „Кубка" ученикъ долженъ убѣдиться, что идея этого стихотворенія формулируется такъ: „Человѣкъ стремящійся преступить начертанный для его ума предѣлъ, нарушаетъ Божественное право, испытываетъ (?) Божество и навлекаетъ на себя Его гнѣвъ и наказаніе". Тамъ же (стр. 151) онъ узнаетъ, что „характеристическая черта средневѣковаго рыцарства:—*стремленіе къ подвигу изъ-за самаго подвига, изъ отваги (sic) и жажды славы*". Вообще логико-стилистическіе разборы должны доказывать путемъ чисто внѣшняго и грубаго расчлененія сложныхъ поэтическихъ цѣлыхъ, которыя на самомъ дѣлѣ складывались на основаніи совершенно иныхъ психологическихъ законовъ,—что поэты употребляютъ рядъ метафоръ, сравненій и иныхъ прикрасъ, чтобы иллюстрировать какую-нибудь банальную истину, или еще хуже произвольное утвержденіе схематизатора, ничего не имѣющее общаго съ поэтической концепціей автора. Если нѣкоторыя стихотворенія не поддаются расчлененію въ книгѣ г. Козьмина, напримѣръ, Лермонтовская „Молитва", то выводы, которые по поводу нихъ предлагаются, тѣмъ не менѣе поражаютъ насъ своей странностью. „Молитва" Лермонтова представляетъ, по мнѣнію г. Козьмина, образецъ *непосредственной* (?!) лирики.

Выраженія: *мысль* стихотворенія и *идея* стихотворенія употребляются авторомъ безъ точнаго разграниченія. Но неужто онъ въ самомъ дѣлѣ видитъ или *идею* или *мысль* Пушкинскаго „Памятника" въ слѣдующемъ *общемъ мѣстѣ*: „Заслуги поэта созидаютъ ему безсмертную славу, которая прочнѣе всѣхъ сооруженныхъ людьми па-

мятниковъ"? Чѣмъ же отличается тогда „Памятникъ" Пушкина отъ Державинскаго? Или *идея* въ нихъ одна и та же?

Видя въ поэтическихъ произведеніяхъ родной словесности высокое и важное средство для развитія вкуса и пониманія красоты словеснаго творчества, мы никакъ не можемъ согласиться съ полезностью работъ, которыя излагаются въ книгѣ г. Козьмина.

Законовѣдѣніе. Выпускъ I. Записки по Государственному Праву. Одесса 1899 г., II+II+II+80 стр. Выпускъ II. Записки по гражданскому праву. Изданіе 3-е. Одесса 1901 г., V+64 стр. (Цѣна не обозначена). Составилъ профессоръ Новороссійскаго Университета и преподаватель Одесскаго Коммерческаго Императора Николая I училища *Н. Е. Чижовъ*.

Авторъ названныхъ книжекъ, лѣтъ 15 преподающій законовѣдѣніе въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ, составилъ ихъ „съ цѣлью дать доступное для учениковъ Коммерческихъ училищъ „пособіе" для изученія законовѣдѣнія (Предисловіе I). Цѣль изданія пособія повліяла на его содержаніе. „Записки" г. Чижова ничто иное, какъ конспективное изложеніе главныхъ основныхъ началъ русскаго государственнаго и гражданскаго права. Обзору институтовъ русскаго государственнаго права предпослано понятіе о законовѣдѣніи, раздѣленіе законовъ на государственные и гражданскіе, понятіе о государствѣ и его элементахъ, наконецъ, ученіе о происхожденіи и формахъ государственнаго устройства. Въ общемъ „Записки по Государственному Праву" даютъ въ простомъ и довольно послѣдовательномъ изложеніи самыя краткія свѣдѣнія объ элементахъ русскаго государства и кое-что изъ общаго ученія о государствѣ. Таковы положительныя стороны „Записокъ".

Но вмѣстѣ съ этимъ приходится отмѣтить въ нихъ и цѣлый рядъ разнообразныхъ погрѣшностей, заключающихся въ ошибочныхъ научныхъ взглядахъ, противорѣчіяхъ, анахронизмахъ, неточностяхъ языка и пр. Такъ на страницѣ 10, въ общей характеристикѣ монархіи, говорится, что права верховной власти „не перенесены на монарха волею народа", а на 11 стр., указавъ на различіе двухъ видовъ монархіи—монархіи наслѣдственной и избирательной, г. Чижовъ замѣчаетъ, что „въ послѣднемъ случаѣ монархъ своею властью обязанъ господству избирательнаго собранія". На стр. 17 *сложнымъ* формамъ государственнаго устройства противополагаются *чистыя* (вмѣсто „простыя"). Наконецъ, явную путаницу находимъ и на стр. 18. Здѣсь, желая провести различіе между союзомъ государствъ и союзнымъ

государствомъ, составитель „Записокъ“ сперва справедливо утверждаетъ, что „въ первомъ каждое отдѣльное государство остается самостоятельнымъ, не имѣя надъ собою никакой внѣшней высшей власти“, но затѣмъ черезъ 2 фразы говорится, что „суверенная власть въ союзѣ государствъ принадлежитъ союзному центральному органу“.

Не чуждо различныхъ ошибокъ и изложеніе началъ русскаго государственнаго права. „На время несовершеннолѣтія (монарха), говорится на 22 стр., учреждается опека и попечительство“ (вмѣсто „правительство“) и затѣмъ еще нѣсколько разъ правитель называется попечителемъ. Затѣмъ на стр. 27 указываются слѣдующіе „существенные признаки“ закона... „2) Законъ долженъ удовлетворять потребностямъ и вызываться нуждами того государства, отношенія членовъ котораго онъ опредѣляетъ. 3) Законъ долженъ соотвѣтствовать основной идеѣ государственнаго устройства“ и т. д. Эти признаки, понятные съ точки зрѣнія lex ferenda, совершенно не имѣютъ значенія съ точки зрѣнія lex lata: и законъ, переставшій удовлетворять потребностямъ государства и не соотвѣтствующій основной идеѣ государственнаго устройства, тѣмъ не менѣе, доколѣ не отмѣненъ, сохраняетъ значеніе и силу закона. На 28 страницѣ сначала г. Чижовъ говоритъ, что инипіативы новаго закона принадлежатъ единственно „Государю Императору“, но далѣе на той же страницѣ оказывается, что и учрежденіямъ, упомянутымъ въ 49 ст. Осн. Законовъ (Сенатъ, Синодъ и Министерства) тоже „дано право иниціативы закона“. На страницѣ 33, по словамъ г. Чижова „не подчиняются дѣйствію законовъ страны: 1) въ монархіяхъ представитель верховной власти— монархъ“. Въ отношеніи конституціонныхъ государствъ это не вѣрно. Тамъ конституція также обязательна для монарха и не можетъ быть имъ измѣнена, какъ она обязательна и для парламента. На 35 стр. авторъ, ссылаясь на примѣчаніе къ 172 ст. Угол. Улож., напрасно говоритъ, будто, по особому договору съ Китаемъ, китайцы, совершавшіе преступленіе на русской сторонѣ границы, отсылаются для суда къ своему начальству. Это постановленіе отмѣнено еще въ 1882 году. На стр. 39 коллегіальныя учрежденія не удачно опредѣляются какъ такія, „въ которыхъ рѣшеніе дѣлъ сосредоточивается въ нѣсколькихъ лицахъ, образующихъ коллегію“. На 40 стр. бросается въ глаза неправильность языка. Тутъ мы читаемъ: „другимъ (учрежденіямъ предоставляется) власть совѣщательная, которыя (!) могутъ высказать“ и пр. „Третьимъ учрежденіямъ принадлежитъ власть исполнительная, которыя (!) обязаны“ и пр. На той же страницѣ о

членахъ Государственнаго Совѣта говорится, что они „не чиновники, находящіеся въ служебной зависимости другъ отъ друга, а лица, облеченныя особымъ довѣріемъ Государя". На 41 стр. государственный секретарь совершенно ошибочно названъ предсѣдателемъ государственной канцеляріи. На 42 стр. находимъ, что помимо департаментовъ (въ общее собраніе Госуд. Совѣта) „поступаютъ слѣдующія *дѣла:* 1) общія внутреннія *мѣры*"...—вмѣсто того, чтобы сказать „дѣла о принятіи общихъ внутреннихъ мѣръ" и т. д. На 50 стр. дѣятельность разныхъ элементовъ министерствъ характеризуется слѣдующимъ курьезнымъ образомъ: „Въ Министерствахъ Департаменты работаютъ, Совѣтъ подаетъ мнѣніе, Министръ постановляетъ рѣшеніе". Точно подача мнѣнія или постановка рѣшенія не работа!

Гораздо выше по своимъ достоинствамъ второй выпускъ—„*Записки по гражданскому праву*". Въ этой части своего труда г. Чижовъ даетъ понятіе о гражданскомъ правѣ и, отмѣтивъ его части, представляетъ въ систематичномъ, сжатомъ, точномъ и ясномъ изложеніи основныя начала русскихъ законовъ по вопросамъ семейственнаго, наслѣдственнаго, имущественнаго и обязательственнаго права.

Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи *Екатерины Янжулъ*. Спб. 1901. Стр. XI+350. Цѣна 2 р.

Заглавіе этой интересной книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію; во всякомъ случаѣ второе заглавіе отнюдь не излишне, оно точнѣе опредѣляетъ характеръ и содержаніе книги г-жи Янжулъ.

Книга эта возникла изъ ряда статей, напечатанныхъ частью въ „Вѣстникѣ воспитанія", частью въ журналѣ „Образованіе". Этимъ и объясняются нѣкоторыя длиноты, а также и то, что авторъ не даетъ систематическаго свода всего строя американской школы, а лишь то, что болѣе всего поразило автора. Г-жа Янжулъ пишетъ на основаніи собственныхъ наблюденій; читая интересныя замѣчанія г-жи Янжулъ, невольно задаешься вопросомъ о бюджетѣ, и на этотъ вопросъ къ сожалѣнію, отвѣта въ книгѣ нѣтъ.

Книга г-жи Янжулъ состоитъ изъ 8 главъ и трехъ приложеній. Авторъ сначала говоритъ о внѣшнихъ условіяхъ школьной жизни въ Америкѣ, о доступности школы, о дисциплинѣ и т. д. Вторая глава посвящена способамъ классификаціи учениковъ и системѣ перевода изъ класса въ классъ. Въ остальныхъ шести главахъ разсмотрѣны методы приготовленія отдѣльныхъ предметовъ, а именно: способы обученія чтенію, письму и правописанію, обученіе ариѳметикѣ и

геометріи, обученіе рисованію, и наконецъ, занятія ручнымъ трудомъ. Три приложенія непосредственной связи съ книгою не имѣютъ: въ первомъ авторъ характеризуетъ дѣятельность извѣстнаго педагога Горація Маина, во второмъ—преподаваніе этики Феликса Адлера, а третье приложеніе разсказываетъ намъ о клубѣ юныхъ натуралистовъ при Корнельскомъ университетѣ города Итака, штата Нью-Іоркъ.

Книга г-жи Янжулъ чрезвычайно любопытна; ее слѣдуетъ привѣтствовать какъ весьма полезный вкладъ въ нашу педагогическую литературу, несмотря на то, что у насъ по этому же предмету, т. е. по описанію американской школы, имѣется прекрасное сочиненіе Евграфа Ковалевскаго.

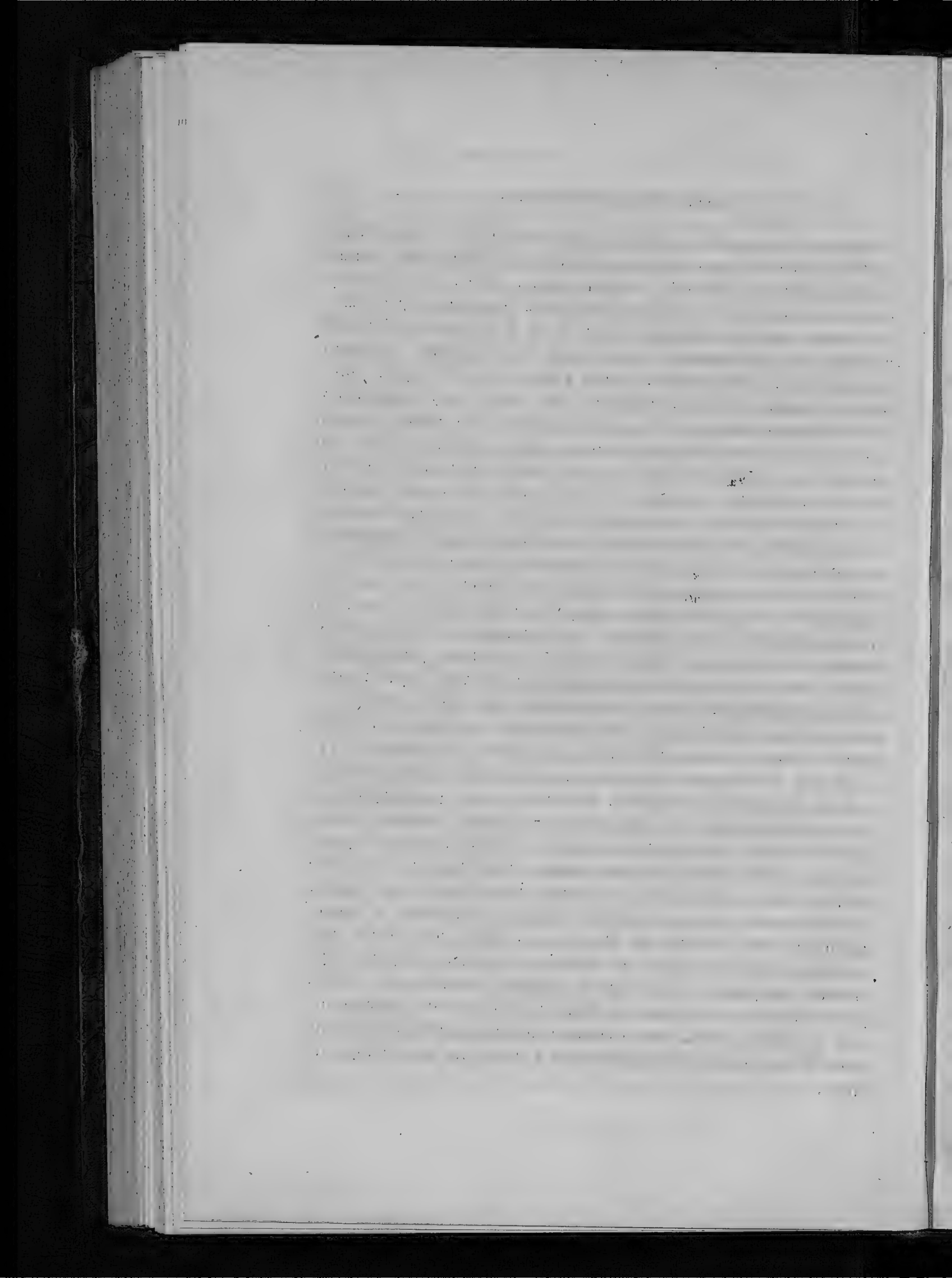
Порядки американской школы настолько своеобразны, отличаются такой практичностью, что въ нихъ нельзя не видѣть выраженія особенностей національнаго духа. „Американцы никогда цѣликомъ не принимаютъ чужой программы: они руководятся лишь идеей той системы, которая имъ симпатична, и затѣмъ, воспользовавшись этой идеей, создаютъ свои собственныя программы въ американскомъ духѣ, соотвѣтственно условіямъ американской школы и требованіямъ американской жизни“ (стр. 276). Свободное развитіе индивидуальности повліяло на строй школы, поэтому порядки американской школы не могутъ во многомъ не поразить европейца. Жизненность, практичность, эластичность ихъ школы невольно вызываютъ удивленіе; въ Европѣ пока только ведутся разговоры о возможности большой индивидуализаціи обученія въ школѣ, а американцы уже нашли способъ достичь этого тѣмъ, что курсъ школы можетъ быть пройденъ въ различные сроки, смотря по способностямъ, т. е. или въ 7, или въ 6 или въ 5 лѣтъ; учениковъ изъ класса въ классъ переводятъ не разъ въ годъ, а три или четыре. Самое преподаваніе предметовъ идетъ совершенно иначе, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ. Обученіе грамоты начинается не съ азбуки и слоговъ, а съ цѣлыхъ предложеній и отъ предложеній уже переходитъ къ слогамъ. То же самое дѣлается и по отношенію правописанія и рисованія. Математическія науки проходятъ по возможности на конкретныхъ примѣрахъ и особыхъ приборахъ, которые дѣлаютъ отвлеченное понятіе о величинѣ—конкретнымъ представленіемъ, доступнымъ провѣркѣ глазомъ. Рисованіе и ручной трудъ не играютъ въ американской школѣ роли побочныхъ предметовъ, а служатъ той же общеобразовательной цѣли, при чемъ рисованіе должно научить выражать на новомъ языкѣ, языкѣ линій и красокъ, мысль человѣка, а ручной трудъ долженъ служить интеллектуальному развитію человѣка пу-

темъ развитія его мускулатуры, нервной системы и органовъ чувствъ. Такая широкая постановка дѣла должна создавать дѣльныхъ людей, подготовленныхъ къ жизни, имѣющихъ вѣру въ собственныя силы.

Г-жа Янжулъ говоритъ лишь о народныхъ школахъ, но можно себѣ представить, что и другія образовательныя учрежденія поставлены на столь же широкую и разумную почву.

Нельзя не сочувствовать принципамъ американской школы, но именно въ томъ обстоятельствѣ, что онѣ служатъ отличнымъ выраженіемъ національнаго духа, заключается, по моему мнѣнію, опасность перенесенія этихъ принциповъ въ школы Стараго Свѣта. Я не стану здѣсь ставить вопроса о томъ, что дала Америка, несмотря на свои прекрасныя школы и богатые университеты, для культуры человѣчества. Великъ ли теоретическій научный вкладъ, внесенный Америкою; можетъ быть этого вопроса пока еще и не слѣдуетъ подымать. Боюсь, однако, что идеалы, которыми жила Америка въ прежнія времена, теперь значительно измѣнились. Если Франклинъ считался прежде національнымъ героемъ и идеаломъ, то теперь онъ остался таковымъ лишь по имени, дѣйствительнымъ же идеаломъ стали люди практики, „self-made man“, нажившіе себѣ громадные капиталы въ родѣ Вандербильда, Гуда и другихъ. Въ извѣстной мѣрѣ и американская школа служитъ къ укрѣпленію такого идеала. Напр., на стр. 110 книги г-жи Янжулъ мы читаемъ: „Въ нью-іоркскомъ журналѣ The teachers Institute, въ статьѣ подъ названіемъ Ариѳметика въ жизненномъ изображеніи подробно описано, какимъ образомъ дѣти въ классѣ могутъ представить все то, что продѣлывается на хлѣбной биржѣ и это, по словамъ статьи, гораздо лучше знакомить ихъ съ характеромъ и правилами коммерческой ариѳметики, чѣмъ рѣшеніе сухой задачи изъ учебника. Дѣти раздѣляются на продавцовъ хлѣба, покупателей его, хлѣбныхъ инспекторовъ, на бухгалтеровъ, банкировъ и кассировъ и продѣлываютъ все то, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, начиная съ запродажи товара съ сопровождающими ее формальностями и кончая разными формами расплатъ—наличными ли деньгами, векселемъ или чекомъ“. Знакомство съ биржею для американца, конечно, необходимо, но въ Старомъ Свѣтѣ биржа не поглотила еще остальныхъ интересовъ и врядъ ли найдется въ Европѣ много защитниковъ мысли, что дѣтей, воспитывающихся въ народной школѣ, необходимо знакомить со всѣми продѣлками ловкихъ биржевиковъ. Г-жа Янжулъ, говоря о постановкѣ ручного труда какъ образовательнаго предмета въ американской школѣ, очень подробно старается доказать мысль, что

ручной трудъ въ школѣ не имѣетъ утилитарныхъ цѣлей. „Единственно въ чемъ можно бы было усмотрѣть утилитарное направленіе школы ручного труда въ Америкѣ, говоритъ авторъ на стр. 272, это—изготовленіе нѣкоторыхъ простыхъ аппаратовъ, служащихъ для иллюстрированія законовъ физики и механики, но и тутъ исходной точкой являются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, лишь учебные интересы школьниковъ". „Утилитарная сторона уроковъ ручного труда, которая въ Европѣ все еще пробивается даже сквозь такъ называемый общеобразовательный ручной трудъ, въ Америкѣ, мало сказать, отошла на заднiй планъ, она цѣликомъ разъ на всегда оставлена. Тутъ мы не только не встрѣчаемъ нашего, напр., обычая пополнять бюджетъ школы и доставлять матеріалъ для работы черезъ исполненіе заказовъ но и вообще продажа, хотя бы изготовленныхъ по программѣ предметовъ, отвергается безусловно вездѣ, за исключеніемъ одного единственнаго американскаго учрежденія въ Ворчестерѣ, штата Массачузетсъ... Какое грустное недоразумѣніе, говорятъ американцы,—когда при обученіи ручному труду въ школѣ забывается существенное отличiе ея отъ мастерской"... Мнѣ кажется, что почтенный авторъ разсматриваемой книги нѣсколько узко смотритъ на понятіе утилитаризма. Школу обвиняютъ въ утилитаризмѣ вовсе не въ томъ случаѣ, когда она изготовляетъ предметы для продажи, или лучше сказать, не всегда въ томъ случаѣ, когда она изготовляетъ эти предметы. Школа можетъ служить самымъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ и существовать на средства, доставляемыя продажей предметовъ, изготовленныхъ учениками, и наоборотъ. Есть иного сорта утилитаризмъ,—духовный, отъ упрека въ коемъ врядъ ли удастся защитить американскую школу, даже въ томъ случаѣ, если за это дѣло берется столь искусный адвокатъ, какимъ явилась г-жа Янжулъ. Я не увѣренъ, что была необходимость въ защитѣ противъ подобнаго упрека, ибо если школа дѣлаетъ человѣка ловкимъ, искуснымъ и здравомыслящимъ, то въ чемъ же бѣда—худо только, если школа заботится исключительно только объ этомъ, не заботясь о другихъ идеальныхъ интересахъ; этого упрека сдѣлать американской школѣ, прочтя талантливые очерки г-жи Янжулъ, я не рѣшаюсь, именно потому, что авторъ даетъ лишь очерки, а не систематическое изслѣдованіе. Но мы должны быть благодарны и за то, что далъ авторъ читателю.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ РУССКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВНАГО ПѢНІЯ.

(Рефератъ, читанный въ Парижѣ на конгрессѣ исторіи музыки 14-го (27-го) іюля 1900 года).

Князь Владиміръ, послѣ крещенія, по всѣмъ вѣроятіямъ въ Корсунѣ или Херсонесѣ, греческомъ городѣ на юго-западномъ берегу Крыма [1]), возвратившись въ Кіевъ, привелъ съ собою перваго митрополита Михаила и иныхъ епископовъ, іереевъ и пѣвцовъ [2]). Эти пѣвцы, присланные св. Владиміру константинопольскимъ царемъ и патріархомъ, были славяне [3]). Изъ Кіева церковное пѣніе распространилось вмѣстѣ съ христіанствомъ по всей русской землѣ и нашло тамъ крайне благопріятную для своего развитія почву.

Духовное пѣніе дѣлилось на собственно-церковное, называвшееся ангело-подобнымъ, и демественное [4]). Церковное, ангело-подобное

---

[1]) *Н. Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Спб. 1896 г. Т. I, стр. 5.

[2]) Густинс. лѣт. Т. II, стр. 256.

[3]) *Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 59.

[4]) Тамъ же, стр. 96—97. Ср. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3-е изд. Москва. 1900 г., стр. 106—107.

„Полагаю,—пишетъ Ст. В. Смоленскій,—что филологическое объясненіе происхожденія демества, какъ пѣнія домашняго, недостаточно удовлетворительно и что то же пѣніе, производимое отъ названія „доместики"—пѣвческаго чина, уцѣлѣвшаго донынѣ у грековъ, всего лучше объясняетъ демественное пѣніе, какъ

пѣніе основывалось на восьми гласахъ, т. е. музыкальныхъ лѣствицахъ, въ которыхъ „взаимное расположеніе цѣлыхъ и половинныхъ интерваловъ опредѣлено съ строгою точностію“ [1]). Демественное пѣніе не соблюдало гласовыхъ границъ [2]). Въ сравненіи съ гласовою мелодіею, демественная гораздо менѣе обращаетъ вниманія на требованіе текста, подчиняя его себѣ [3]). Отсутствіе этихъ стѣсненій сообщало особенную красоту демественному пѣнію, оттого называвшемуся „самымъ прекраснымъ“ [4]). Въ исходѣ XVI вѣка демественное пѣніе проникло въ церковь. Тогда въ домашнее употребленіе вошли псальмы, т. е. „разные стихи духовнаго содержанія“, сборники которыхъ къ половинѣ XVII вѣка становятся довольно обширными [5]).

Въ духовной музыкѣ православной русской церкви преобладающій распѣвъ знаменный. Онъ допускалъ разныя видоизмѣненія, мелодіи которыхъ различались между собою не характеромъ, а большею или меньшею широтою. Эти мелодіи имѣли надъ собой соотвѣтствующія надписи: малое знамя, ино знамя, инъ распѣвъ, инъ переводъ, большое знамя, большой распѣвъ, путь или путевой распѣвъ (см. Дим. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 164—166). Съ XVII вѣка проникли въ православную русскую церковь пѣснопѣнія греческаго, сербскаго, болгарскаго распѣва и др. Впослѣдствіи, а именно, въ первой четверти XIX вѣка, возникъ придворный напѣвъ, благодаря пѣвческой капеллѣ, въ которой пѣвцы изъ разныхъ концовъ Россіи приносили знаніе родныхъ, мѣстныхъ церковныхъ напѣвовъ. „Разнообразіе распѣвовъ, стекавшихся отовсюду въ капеллу, было не малозначительно. Капелла представляла собою обширное вмѣстилище, гдѣ всѣ разнообразные распѣвы русской церкви, подобно разнымъ металламъ въ одномъ горнѣ, должны были, такъ сказать, распла-

---

свободно сочиненное (а не вышепоказаннымъ въ знаменномъ распѣвѣ способомъ), болѣе виртуозное, не церковное собственно, а лишь духовное, допускаемое лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ (престольные праздники, архіерейскія служенія, свадьбы, парадные обѣды и т. п.). *Ст. Смоленскій*, О собраніи русскихъ древне-пѣвческихъ рукописей въ Московск. синод. учил. церк. пѣнія, стр. 23.

[1]) *Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 97.

[2]) Тамъ же, стр. 182—183.

[3]) Тамъ же, стр. 183.

[4]) Тамъ же, стр. 182.

[5]) *Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва, 1867 г., стр. 185—186. О демественномъ пѣніи см. *Вл. Стасовъ*, Замѣтки о демественномъ и троестрочномъ пѣніи. (Собраніе сочиненій В. В. Стасова. Спб. 1894 г. Т. III, столбцы 107—128).

виться, слиться. Распѣвы разныхъ русскихъ мѣстностей дѣйствительно сложились въ капеллѣ въ одно цѣлое и образовали собою то, что нынѣ всѣмъ извѣстно подъ именемъ придворнаго напѣва" [1]).

Изъ всѣхъ распѣвовъ знаменный считается древнѣйшимъ [2]). Въ отличіе отъ пѣнія, не записаннаго, обучаемаго по наслышкѣ [3]), знаменный распѣвъ получилъ свое названіе отъ своего нотописанія знаменами, крюками или столпами, отчего также называется столповымъ. Система крюковыхъ знаковъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ греческой, но отнюдь не тожественна съ нею [4]). Знаменный распѣвъ образо-

---

[1]) *Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 246—247.

О придворномъ напѣвѣ высказалъ слѣдующее мнѣніе высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ московскій, въ запискѣ, представленной Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константину Николаевичу. „Придворное пѣніе имѣетъ свое признанное достоинство и свою славу. Однако, любящій и знающій древнее церковное пѣніе можетъ сказать, что нѣкоторыя части придворнаго пѣнія сохранили близость къ духу и характеру древняго церковнаго пѣнія, а нѣкоторыя отъ прелагателей потерпѣли измѣненіе не къ лучшему". (*Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 249).

„Слово распѣвъ означаетъ всю совокупность мелодій извѣстнаго происхожденія и характера, имѣющихъ одинаковыя музыкальныя основанія и взаимную мелодическую связь, слово же напѣвъ означаетъ ту или другую группу частныхъ мелодій какого-либо гласа извѣстнаго распѣва, напр., подобна IV гласа знаменнаго распѣва" (см. *И. Вознесенскій*, О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви. Большой и малый знаменный распѣвъ. Выпускъ I. Изд. 2. Рига. 1890 г., стр. 86).

Потуловъ такъ объясняетъ различіе между терминами: распѣвъ и напѣвъ. „Сочинить пѣніе на текстъ какой-либо молитвы, псалма и т. п. называлось въ старину распѣть молитву, распѣть псаломъ; а потому распѣвъ означаетъ положеніе текста на пѣніе, на ноту; напѣвъ же означаетъ самую мелодію гласа. Такимъ образомъ стихира знаменнаго распѣва значитъ, что стихира распѣва въ характерѣ знаменнаго пѣнія; напѣвъ VI гласа значитъ, что мелодія пѣнія принадлежитъ только VI гласу и никакому другому; напѣвъ II гласа болгарскаго распѣва значитъ, что пѣснопѣніе распѣто въ характерѣ болгарскаго пѣнія на мелодію, свойственную II гласу" (см. *Потуловъ*, Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія православной россійской церкви, стр. 70).

[2]) *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 56.

[3]) Въ русской православной церкви употребляются напѣвы не знаменные, т. е. не записанные, которые передаются устно, безъ помощи нотной письменности. Къ нимъ принадлежатъ такъ называемые обычные церковные напѣвы, относящіеся къ болѣе позднему времени. О нихъ см. *И. Вознесенскій*, О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви. Б. и М. знаменный распѣвъ. Выпускъ I, изд. 2. Рига. 1890 г., стр. 95.

[4]) *И. Вознесенскій*, О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви.

вался изъ древне-греческаго церковнаго пѣнія и развился въ Россіи. Ст. В. Смоленскій пишетъ, что „сличеніе знаменнаго распѣва, напримѣръ, съ болгарскимъ, съ сербскимъ распѣвами также убѣждаетъ только въ ихъ различіи, какъ въ знаменахъ, такъ особенно въ голосоведеніи. Если теоретическое построеніе этого древне-русскаго знаменнаго пѣнія, какъ, напримѣръ, раздѣленіе на гласы, аналогичные съ греческими гласами, употребленіе „подобновъ", раздѣленіе на строки и усвоеніе нѣкоторыхъ названій знаменъ носитъ, конечно, печать греческаго вліянія и науки, то мелодическое развитіе напѣвовъ и развитіе знаменной системы, несомнѣнно, русскаго происхожденія. Послѣднее доказывается совершенною цѣлостью главныхъ частей всѣхъ истинно-русскихъ напѣвовъ и ихъ знаменнаго изложенія, несмотря на прошедшія столѣтія и безпрестанныя измѣненія и усовершенствованія частностей" [1]).

Большой и малый знаменный распѣвъ. 2 изданіе. Рига. 1890 г. Выпускъ I, стр. 87.

„Особенности древнѣйшаго знаменнаго русскаго письма, имѣющаго связь съ неразгаданнымъ еще кондарнымъ или кондакарнымъ, совершенно не имѣющимъ сходства съ греческими знаменами, суть, несомнѣнно, самостоятельное русское изобрѣтеніе, въ которое вошли и уцѣлѣли лишь въ самой незначительной части немногія иноземныя частности" (см. *Ст. Смоленскій*, Азбука знаменнаго пѣнія, старца Александра Мезенца. Казань. 1883 г., стр. 32). Разумовскій пишетъ, что „ни одинъ природный грекъ не рѣшится признать знаменный распѣвъ за пѣніе своей отечественной церкви. Сличеніе греческаго и знаменнаго распѣва также указываетъ только на различіе ихъ" (см. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 155). „*J. Thibaut* думаетъ, что славяне заимствовали у грековъ нотацію не Іоанна Дамаскина, а ту, которая употреблялась въ Константинополѣ" (см. *J. Thibaut*, Etude de Musique Byzantine. La Notation de St. Jean Damascène ou Hagiopolite, p. 6. Тибо находитъ также основу знаменной (крюковой) нотаціи въ экфонетическомъ пѣніи грековъ (см. *J. Thibaut*, Etude de Musique Byzantine. Le chant ekphonétique (*Bysantinische Zeitschrift*, herausgegeben von Karl Krumbacher. Bd. VIII, Hef. I, 145—146).

[1]) *Ст. Смоленскій*, Азбука знаменнаго пѣнія старца Александра Мезенца. Казань, 1888 г., стр. 32—33.

Неизвѣстный авторъ предисловія къ одному стихирарю начала XVII вѣка, принадлежавшему кн. Оболенскому, настаиваетъ на томъ, что знаменный распѣвъ—исключительно русскій: „въ грекахъ убо и въ протчихъ правовѣрныхъ государствахъ своя погласица" (см. у *Ундольскаго* „Замѣчанія", I, стр. 21. Ср. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Изд. 3. Москва. 1900 г., стр. 57).

„Знаменный распѣвъ несомнѣнно есть распѣвъ греко-славянскій, т. е. образовавшійся изъ древне-греческаго церковнаго пѣнія въ земляхъ славянскихъ и получившій тамъ свою особенную семіографію, отличную отъ старой (и новой)

Знаменный распѣвъ, самый древній изъ всѣхъ употреблявшихся въ русской церкви, относится къ началу христіанства въ Россіи. До XVII вѣка этотъ напѣвъ исключительно употреблялся въ русской церкви. Поэтому церковное преданіе чтитъ этотъ напѣвъ наравнѣ съ древними богослужебными книгами, древнею иконописью, священными одеждами, церковною утварью и т. п. Знаменный распѣвъ тѣсно связанъ съ порядкомъ богослужебнаго пѣнія и вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и характеру богослужебныхъ пѣснопѣній, удовлетворяя всѣмъ церковнымъ требованіямъ: пѣніе мелодій знаменнаго распѣва не мѣшаетъ внятному произношенію словъ, слѣдовательно—пониманію молитвеннаго текста, и вполнѣ соотвѣтствуетъ его мысли. При всей своей простотѣ, мелодіи знаменнаго распѣва полны религіознаго настроенія, серьезной, торжественной важности, исключающей всякую далекую отъ религіознаго настроенія страстность [1]). Словомъ, по соотвѣтствію къ характеру богослуженія, по глубокой своей религіозной экспрессіи и по недосягаемому изяществу своего мелодическаго рисунка, знаменный распѣвъ имѣетъ высокую художественную цѣнность, какъ продуктъ русскаго музыкальнаго генія на религіозной почвѣ.

О красотѣ духовнаго пѣнія русской православной церкви съ великою похвалою отзывались иностранцы, посѣщавшіе Россію. Такъ, напримѣръ, Гербиній, бывшій въ Кіевѣ во второй половинѣ XVII в., пишетъ: „Грекороссіяне гораздо святѣе и величественнѣе прославляютъ Бога, чѣмъ римляне. Псалмы и другія священныя пѣснопѣнія отцовъ ежедневно возглашаются въ храмахъ, съ припѣваніемъ народа на языкѣ родномъ, по правиламъ музыкальнаго искусства. Въ самой пріятной и звучной гармоніи слышатся раздѣльно дискантъ, альтъ, теноръ и басъ. У нихъ простой народъ понимаетъ, что клиръ поетъ, или читаетъ, на природномъ славянскомъ языкѣ. Всѣ міряне поэтому поютъ въ соединеніи съ клиромъ, и притомъ такъ гармонично и благоговѣйно, что мнѣ, въ восторгѣ отъ слышаннаго, думалось, будто я въ Іерусалимѣ и вижу тамъ образъ и духъ первоначальной христіанской церкви. Тронутый простотою русскаго богослуженія, я, по примѣру свв. Амвросія и Августина, прослезился и восхвалилъ

церковно-греческой безлинейной семеіографіи". *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва, 1867 г., стр. 155.

[1]) *И. Вознесенскій*, О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви. Большой и малый знаменный распѣвъ. Изд. 2. Рига. 1890 г. Выпускъ I, стр. 200—202.

Сына Божія словами: полны суть небеса и земля величествомъ славы Твоея" [1]).

Изъ этихъ словъ Гербинія видно, что во времена названнаго путешественника духовное пѣніе въ Россіи было многоголосное. Сначала оно было мелодическое (унисонное). Съ XVII в. съ юго-запада стало проникать гармоническое пѣніе, съ которымъ русскіе могли познакомиться въ самой Москвѣ. При Борисѣ Годуновѣ въ Кремлѣ находился костелъ, гдѣ раздавалось гармоническое (аккордовое) пѣніе. Патріархъ Гермогенъ былъ ярый противникъ такого пѣнія. Но оно нашло себѣ защитника въ лицѣ Никона, возведеннаго на патріаршій престолъ послѣ Іосифа (1652 г.) [2]). Впрочемъ, такъ называемое строчное безлинейное пѣніе было извѣстно ранѣе [3]). Василій Роговъ, впослѣдствіи митрополитъ ростовскій (1589 г.), былъ знатокомъ троестрочнаго и демественнаго пѣнія [4]). Строчное пѣніе было двухголосное, трехголосное и четырехголосное [5]). Строчное пѣніе названо такъ потому, что имѣло нѣсколько строкъ безлинейныхъ нотъ надъ одною строкою текста [6]). Рукописи съ двумя строками нотъ назывались двухстрочными, съ тремя строками — трехстрочными, съ четырьмя строками—четырехстрочными демественниками [7]). Основная мелодія, большею частью знаменнаго распѣва, помѣщалась въ четырехстрочныхъ демественникахъ обыкновенно въ срединѣ или внизу, а не вверху [8]). Въ строчномъ пѣніи встрѣчаются грубыя ошибки противъ

---

[1]) Herbinius, Rel. Kyiov. cryptae, Jena. M. DC. LXXV, cap. XIV, VI, p. 153—154. Это мнѣніе о духовномъ пѣніи православной русской церкви сложилось у Гербинія во время его посѣщенія Кіева, какъ объ этомъ упомянуто въ текстѣ. Духовное пѣніе въ сѣверной части Россіи производило на иностранцевъ менѣе благопріятное впечатлѣніе (см. *Л. П. Рущинскій.* Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. Москва 1871 г., стр. 10).

[2]) *В. Металловъ,* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Изд. 3-е. Москва 1900 г., стр. 100—103.

[3]) *А. Преображенскій,* Словарь русскаго церковнаго пѣнія, стр. 161. Ср. *В. Металловъ,* Очеркъ исторіи православнаго пѣнія въ Россіи. 3-е изд. Москва 1900 г., стр. 105.

[4]) *В. Металловъ,* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва 1900 г., стр. 102.

[5]) *Д. Разумовскій,* Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 213.

[6]) Тамъ же, стр. 213.

[7]) Слово демественникъ означало здѣсь вообще нотную партесную книгу (тамъ же, стр. 213. Ср. *В. Металловъ,* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3-е изд. Москва 1900 г., стр. 106).

[8]) *Д. Разумовскій,* Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 214.

правилъ гармоніи: параллельныя квинты, секунды и пр. [1]). Во второй половинѣ XVII в. оно перестаетъ пользоваться сочувствіемъ. Съ теченіемъ времени оно было совершенно забыто и замѣнено партеснымъ пѣніемъ, занесеннымъ въ Великороссію кіевскими южно-русскими пѣвцами, но болѣе польскими регентами и композиторами; лишь впослѣдствіи оно разрабатывается великорусскими пѣвцами.

Въ XVII вѣкѣ черезъ южно-русскую церковь проникла въ великорусскую православную церковь пятилинейная нотная система. На ней ноты обозначались особымъ, такъ называемымъ, кіевскимъ знаменемъ, въ которомъ встрѣчаются ноты разныхъ ритмическихъ длительностей. Можетъ быть, эти знаки русскаго изобрѣтенія [2]).

Партесное пѣніе стало обозначаться пятилинейной нотацiей.

Съ распространеніемъ партеснаго пѣнія мужскіе хоры стали уступать мѣсто смѣшаннымъ. Въ началѣ XVII вѣка въ составъ хоровъ обыкновенно входили: дисканты, альты, тенора и басы. Въ смѣшанныхъ хорахъ альтовая и сопрановая партіи исполняются дѣтьми. Впрочемъ, участіе женщинъ въ церковномъ пѣніи не возбраняется, напримѣръ, въ женскихъ монастыряхъ и школахъ.

Хоровое пѣніе на Руси процвѣтало еще съ отдаленныхъ временъ. Славились хоры: придворный, синодальный и много другихъ частныхъ. Почти у каждой особы царской фамиліи былъ свой хоръ, точно такъ же почти у каждаго русскаго іерарха, постоянно или временно проживавшаго въ Москвѣ. Лѣтописи сообщаютъ о хорахъ пѣвчихъ у царевны Софіи Алексѣевны, у императрицы Екатерины I, у митрополита рязанскаго, новгородскаго, у преосвященнаго сарскаго и подонскаго, жившаго на Крутицахъ. Въ половинѣ XVIII столѣтія учреждаются особые штаты для всѣхъ пѣвческихъ хоровъ. Но учрежденіе штатовъ не препятствовало имѣть пѣвцовъ сверхштатныхъ. Въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 216.

[2]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 80—86. Эти ноты писались въ цефаутномъ ключѣ, который помѣщался на 3-й линіи, т. е. въ альтовомъ положеніи, при чемъ отъ допущенія изложенія мелодіи квартою выше или ниже, можетъ приходиться на одно и то же мѣсто и нота фа, и нота утъ (см. *Ст. Смоленскій*, О собраніи русскихъ древне-пѣвческихъ рукописей въ московскомъ синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія, стр. 28). Ноты писались всегда на пяти линіяхъ (а не на четырехъ, какъ это было принято въ католической церковной музыкѣ) (см. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 83—84. Ср. *Смоленскій*, О собраніи русскихъ древне-пѣвческихъ рукописей въ московскомъ синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія, стр. 27).

каждомъ штатѣ полагался уставщикъ и три станицы пѣвчихъ. Въ каждомъ штатѣ число пѣвчихъ было различно. Оно зависѣло отъ іерархической степени епархіальныхъ епископовъ, монастырей и соборовъ [1]). Штатные хоры были у митрополитовъ, епископовъ и даже архимандритовъ. У лицъ знатныхъ фамилій были хоры въ 10, 12, 20 и болѣе человѣкъ (наприм., у графа Разумовскаго, графа Шереметева [2]), князя Юр. Ив. Трубецкого), а также почти у каждаго полкового командира (напр. кіевскій хоръ генерала Леванидова). Любители церковнаго пѣнія устраивали хоры и пѣли для собственнаго удовольствія. Особенно много такихъ любителей было между молодыми купцами въ Петербургѣ и Москвѣ, которые и устраивали подобные любительскіе хоры. Нѣкоторые изъ пѣвцовъ достигали большого искусства, практическимъ путемъ пріобрѣтали извѣстную степень музыкальнаго образованія, становились регентами домашнихъ капеллъ и писали разныя сочиненія.

Высоко-художественнымъ исполненіемъ отличался хоръ Придворной капеллы. Уже въ половинѣ XVIII столѣтія этотъ хоръ состоялъ изъ ста человѣкъ. Въ этомъ хорѣ особенно славились пѣвцы изъ Малороссіи и Украйны своими пріятными и сильными голосами [3]).

Иностранные музыканты были самаго высокаго мнѣнія о хорѣ Придворной капеллы. Вотъ что пишетъ о ней Берліозъ: „Хоръ Придворной пѣвческой капеллы русскаго государя, состоящій изъ восьмидесяти пѣвчихъ—мужчинъ и дѣтей, исполняющихъ композиціи въ четыре, шесть и восемь голосовъ, то въ довольно быстромъ, усложненномъ трудностями фигурированнаго стиля темпѣ, то въ чрезвычайно медленномъ, при спокойномъ и божественномъ выраженіи и, слѣдовательно, требующемъ увѣренности голосовъ и искусства выдержки, весьма нечасто встрѣчающихся и превосходящихъ по моимъ понятіямъ все существующее въ этомъ родѣ въ Европѣ. Въ этомъ хорѣ попадаются невѣдомые намъ басы, которые нисходятъ до контраля ниже тоновъ, входящихъ въ пятилинейную рамку ключа fa. Сравнить хоровое исполненіе въ Сикстинской капеллѣ въ Римѣ съ этими дивными пѣвцами то же, что сравнивать несчастную малень-

---

[1]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 87—88.

[2]) Хоромъ гр. Шереметева завѣдывалъ одно время талантливый регентъ и композиторъ Александръ Андреевичъ Архангельскій, который своими прекрасными концертами сильно развиваетъ въ петербургской публикѣ любовь къ духовному пѣнію.

[3]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 227—228.

кую труппу пилилъ третьестепеннаго итальянскаго театра съ оркестромъ Парижской консерваторіи.

Дѣйствіе, производимое на нервныхъ людей музыкою, исполняемою этимъ хоромъ, неотразимо. При этихъ невѣроятныхъ акцентахъ чувствуешь, что вами овладѣваетъ нервное, почти причиняющее боль состояніе, которое не знаешь какъ и одолѣть. Я нѣсколько разъ старался въ этомъ случаѣ быть спокойнымъ, напрягая силу воли, но никогда не могъ этого достигнуть. Уставъ греческой церкви воспрещаетъ употребленіе въ ея храмахъ музыкальныхъ инструментовъ, а въ томъ числѣ и органа; русскіе пѣвчіе поютъ, слѣдовательно, безъ инструментальнаго сопровожденія.

Придворные пѣвчіе желали даже избѣгнуть регента, обозначающаго обыкновенно тактъ, и они достигли того, что стали обходиться и безъ него. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна сдѣлала мнѣ честь, пригласивъ послушать пѣвшуюся для меня въ дворцовой церкви обѣдню; тогда-то я и могъ судить объ удивительной увѣренности, съ которою эти пѣвчіе, предоставленные самимъ себѣ, быстро переходятъ отъ одной тональности къ другой, отъ медленнаго движенія къ быстрому и исполняютъ въ ненарушимомъ ансамблѣ немѣрные речитативы и псалмодіи.

Восемьдесятъ пѣвчихъ, украшенныхъ ихъ богатыми нарядами, были расположены по обѣ стороны алтаря въ двухъ равныхъ хорахъ, которые стояли лицомъ другъ къ другу. Въ заднихъ рядахъ находились басы, передъ ними тенора, а передъ послѣдними дѣти—альты и дисканты. Всѣ они ожидали начала своего пѣнія въ полной тишинѣ и по знаку регента, незамѣтному для посторонняго зрителя, и безъ обозначенія тона и скорости исполняемаго сочиненія, они спѣли одинъ изъ обширнѣйшихъ восьмиголосныхъ концертовъ Бортнянскаго. Въ этой гармонической ткани были сочетанія, которыя кажутся невозможными: то слышались вздохи, то неопредѣленный шепотъ, слышимый только въ дремотѣ; отъ времени до времени появлялись акценты, которые по своей силѣ были похожи на крикъ, захватывающій вамъ духъ, сжимающій сердце и давящій грудь, и затѣмъ все исчезало въ неизмѣримомъ, воздушномъ, небесномъ decrescendo; казалось, хоръ ангеловъ покидалъ землю и исчезалъ постепенно въ небесной выси“ [1]).

Когда въ Россіи водворилось партесное пѣніе [2]), и общество стало

---

[1]) *Hector Berlioz*, Les Soirées de l'Orchestre. Paris 1853, p. 268—270.

[2]) Партесное пѣніе распространилось сначала на юго-западѣ Россіи, чтобы

увлекаться „польскимъ мусикійскимъ художествомъ", „партесами", „концертами", то сочиненія писались для 4, 6, 8, 12 и болѣе голосовъ [1]). Не замедлили появиться и русскіе композиторы, подчинившіеся польскому вліянію, напримѣръ: Ѳедоръ Редриковъ, Василій Титовъ, Николай Бовыкинъ, Василій Виноградовъ и мн. др. Они сочиняли не только концерты, но и цѣлыя „службы" или обѣдни [2]). Эти сочиненія, отличаясь большею частью вычурностью музыки, кудреватостью мелодій, шумливостью и широтой голосоведенія, съ одновременнымъ затемнѣніемъ смысла текста, носятъ обыкновенно и довольно вычурныя названія: „слеза", „королевъ плачъ", „веселаго распѣва", „съ выходками", „умилительная", „волынка", „труба", „скокъ", „птица", „стругъ", „съ переговоркою", „съ отмѣною" и т. п.[3]).

Это русско-польское партесное пѣніе было въ употребленіи до 1725 года, до смерти Петра Великаго. Засимъ оно исчезаетъ и водворяется итальянское вліяніе въ многоголосномъ пѣніи русской церкви. Анна Іоанновна въ 1733 г. [4]) пригласила, въ качествѣ при-

---

противодѣйствовать уніи, которая привлекала „сладкими звуками мусикійскихъ органовъ" (см. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 207). Современемъ оно распространилось по всей Россіи, хотя и встрѣтило на первыхъ порахъ сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ членовъ духовенства, напр., патріарховъ Гермогена и Іосифа (тамъ же, стр. 209). Но Никонъ, возведенный на патріаршій престолъ въ 1652 г., былъ на сторонѣ многоголоснаго пѣнія и имѣлъ въ этомъ отношеніи покровителя въ лицѣ Алексѣя Михайловича (см. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3-е изд. Москва 1900 г., стр. 102—103). Въ первую свою эпоху, восходящую къ началу XVIII вѣка, партесное пѣніе имѣло видъ переложеній. Оно состояло въ гармонизаціи церковной, преимущественно знаменной мелодіи, помѣщавшейся въ тенорѣ. Она почти не подвергалась измѣненіямъ, только иногда ставили діезъ на фа. Но въ аккомпанирующихъ голосахъ хроматизмъ допускался. Въ голосоведеніи нерѣдко встрѣчаются параллельныя октавы и квинты. Эти переложенія писались въ свободномъ, несимметричномъ ритмѣ, безъ опредѣленнаго размѣра (см. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва 1867 г., стр. 219—223. Тамъ же, на стр. 221—222 напечатано подобное переложеніе „Всемірной славы").

[1]) *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3-е изд. Москва 1900 г., стр. 109.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

[3]) Рукоп. партитура 1700 года библ. синод. учил. церк. пѣнія № 375. Писана для тамбовскаго епископа Игнатія I Трифономъ Ивановымъ (см. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3-е изд. Москва 1900 г., стр. 113—114).

[4]) Важныя хронологическія поправки, относящіяся къ началу итальянскаго театра при Аннѣ Іоанновнѣ, въ статьѣ *В. В. Сиповскаго*, Итальянскій театръ въ

дворнаго капельмейстера итальянской оперной труппы, композитора Арайія. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ водворилась итальянская опера.

Приглашаемые для нея итальянскіе композиторы имѣли вліяніе на духовное русское пѣніе, съ представителями котораго имъ пришлось войти въ непосредственныя сношенія. Съ 1737 г. при постановкѣ итальянскихъ оперъ въ Петербургѣ чувствовался недостатокъ въ пѣвчихъ, который былъ восполненъ пѣвчими придворной капеллы. Итальянскій текстъ былъ написанъ русскими буквами. Пѣвчіе такъ хорошо исполнили возложенную на нихъ задачу, что привели въ восторгъ самихъ распорядителей [1]).

„Послѣ того,—замѣчаетъ Гейгольдъ,—эти музыкальные пѣвцы приглашались во всѣ оперы, гдѣ встрѣчались хоры, и такъ обучились музыкѣ въ итальянскомъ вкусѣ, что не уступали въ пѣніи арій лучшимъ итальянскимъ пѣвцамъ“ [2]).

Изъ итальянскихъ композиторовъ Галуппи первый сталъ писать духовные концерты на славянскій текстъ въ итальянскомъ стилѣ и другія духовно-музыкальныя сочиненія для придворной капеллы [3]).

Иностранные композиторы не касались древней гласовой мелодіи какого-либо распѣва. Они стали писать музыку (преимущественно, такъ называемые, концерты) на слова священныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіи. Эти духовныя произведенія обнаруживаютъ вліяніе опернаго итальянскаго стиля [4]).

Подъ вліяніемъ итальянской оперной музыки стали сочинять и русскіе композиторы духовнаго пѣнія, учившіеся у иностранныхъ учителей. У Цопписа учился Березовскій (1745—1777 г.), у Сарти—Ведель (1770—1806 г.) и Дехтеревъ (1766—1813 г.), у Галуппи—Бортнянскій (1752—1825 г.) [5]). Хотя названные русскіе композиторы,

---

С.-Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ (1733—1735 гг.). См. „*Русская Старина*“. Май 1900 г., стр. 594.

[1]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 225. Ср. *Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 115.

[2]) *M. Johann Joseph Haigold*, Beilagen zum neuveränderten Russland, Riga und Leipzig. 1770. Zweiter Theil, S. 58.

[3]) *Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 116.

[4]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 226.

[5]) Тамъ же, стр. 228. О Веделѣ интересныя сообщенія въ автобіографіи

подъ вліяніемъ своихъ учителей итальянцевъ, писали свои сочиненія со всѣми музыкальными украшеніями итальянскаго стиля, „но, при составленіи концертовъ, они обращали немалое вниманіе на текстъ священныхъ пѣснопѣній, старались согласить роскошь музыкальныхъ звуковъ съ мыслями текста и удареніемъ самихъ словъ“ [1]). Впрочемъ, Бортнянскаго справедливо укорялъ еще Львовъ за неправильныя ударенія въ словахъ молитвеннаго текста, которыя Бортнянскій иногда допускалъ ради симметричнаго ритма, установленнаго правилами западно-европейской свѣтской музыки. Такъ, напримѣръ, положивъ на пѣніе „Отче нашъ“, Бортнянскій измѣнилъ ударенія въ словахъ: „и́же“ и „небесѣхъ“ на „иже́“ и „не́бесѣхъ“ [2]). Но эти погрѣшности не мѣшали Львову понимать высокую художественность произведеній Бортнянскаго, который никогда не ставилъ техники, композиторской виртуозности—цѣлью, а лишь средствомъ достигать художественныхъ эффектовъ. Музыкальное творчество Бортнянскаго подчинено религіознымъ соображеніямъ: названный композиторъ ставитъ на первый планъ молитву, а на пѣніе смотритъ, какъ на средство выразить то, что заключается въ ея словахъ [3]). Оттого Бортнянскій занимаетъ такое высокое мѣсто въ ряду композиторовъ духовной музыки. „Всѣ его произведенія,—пишетъ Берліозъ,—проникнуты истиннымъ религіознымъ чувствомъ, нерѣдко даже родомъ мистицизма, который заставляетъ впадать слушателя въ глубоко восторженное состояніе; кромѣ того у Бортнянскаго рѣдкая опытность группировки вокальныхъ массъ, громадное пониманіе оттѣнковъ, звучность гармоніи и, что удивительно, невѣроятная свобода расположенія партій, презрѣніе къ правиламъ, уважавшимся какъ его предшественниками, такъ и современниками, въ особенности же итальянцами, которыхъ онъ считается ученикомъ“ [4]).

Бортнянскій, кромѣ своихъ самостоятельныхъ сочиненій на молитвенные тексты, сдѣлалъ весьма важный починъ гармонизовать древнюю церковную мелодію [5]).

Турчанинова, изданной подъ заглавіемъ: „Протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ“. С.-Пб. 1863 г., стр. 3—8, 14.

[1]) *Дим. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 228.

[2]) *А. Львовъ*, О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ. С.-Петербургъ. 1858 г., стр. 8—9.

[3]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 233.

[4]) *Hector Berlioz*, Les Soirées de l'orchestre. Paris. 1853, p. 270.

[5]) „Бортнянскій великъ въ своихъ концертахъ, какъ музыкантъ, но онъ

Говорятъ, названный композиторъ имѣлъ намѣреніе издать древнія мелодіи такъ, какъ онѣ были написаны—крюками, и мечталъ о многоголосной разработкѣ этихъ мелодій, которая должна была бы содѣйствовать самобытному русскому контрапункту [1]).

Самъ Бортнянскій гармонизовалъ православную мелодію по правиламъ западно-европейской музыки. При такой гармонизаціи, Бортнянскій болѣе или менѣе измѣнялъ мелодію, изъ которой иногда удерживалъ лишь главнѣйшія ноты.

Въ дѣятельности композиторовъ, гармонизовавшихъ церковную мелодію, замѣчается два направленія. Одно заключается въ свободномъ отношеніи къ мелодіи, въ которой композиторъ, при своей многоголосной разработкѣ, производилъ большія или меньшія измѣненія. Къ этому направленію принадлежалъ самъ Бортнянскій. Другое направленіе состоитъ въ стремленіи по возможности оставить церковную мелодію въ томъ видѣ, какъ она изложена въ печатныхъ богослужебныхъ нотныхъ книгахъ [2]).

Церковная мелодія исполнялась однимъ голосомъ хора и повторя-

---

дорогъ для отечественной церкви, какъ церковный композиторъ, въ другихъ своихъ произведеніяхъ, не концертныхъ, и болѣе всего въ переложеніяхъ древнѣйшихъ церковныхъ мелодій". (*В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва. 1900 г., стр. 128).

[1]) Проектъ Бортнянскаго о печатномъ крюковыми нотами изданіи древнерусскаго церковнаго пѣнія приложенъ къ протоколу 25-го апрѣля 1878 г. „Общества Любителей Древней Письменности" (С.-Петербургъ, 1878 г.). Ср. *Ст. Смоленскій*, Азбука знаменнаго пѣнія. Казань. 1888 г., стр. 26. *В. В. Стасовъ* въ статьѣ „Сочиненіе, приписываемое Бортнянскому" (*Русская Музыкальная Газета*, 19-го ноября 1900 г. № 47, столбцы 1130—1143), опровергаетъ мнѣніе, приписывающее этотъ проектъ Бортнянскому.

[2]) Печатаніе нотныхъ книгъ богослужебнаго пѣнія русской церкви началось въ 1770 г. и окончилось 21-го іюня 1772 г. (*Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 90). Вотъ перечень этихъ книгъ: Обиходъ церковный нотнаго пѣнія, Ирмологій нотнаго пѣнія, Октоихъ нотнаго пѣнія, Праздники нотнаго пѣнія. Прибавленіемъ къ нимъ служатъ: Азбука нотнаго пѣнія на цефаутномъ ключѣ и Сокращенный обиходъ нотнаго пѣнія (*Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 196).

„Книги изданія 1772 г., т. е. Обиходъ, Октоихъ, Ирмологій и Праздники суть дѣйствительно то, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ европейскихъ народовъ: это дѣйствительно великое, неоцѣненное сокровище во всѣхъ смыслахъ, какъ духовномъ, такъ и художественномъ". (Эти слова Потулова заимствованы изъ письма къ Безсонову, помѣщеннаго въ статьѣ послѣдняго: „Судьба нашихъ пѣвческихъ книгъ". „Православное Обозрѣніе". Іюнь. 1864 г., стр. 114—115).

лась параллельно терціею выше другимъ, отчего она особенно рельефно выдѣлялась.

Представителемъ этого направленія въ многоголосной обработкѣ православной мелодіи былъ Турчаниновъ (1779—1856 г.), переложенія котораго синодъ разрѣшилъ исполнять въ храмѣ [1]).

У Турчанинова переложенія написаны по правиламъ западно-европейской хроматической гармоніи и симметричнаго ритма [2]). Но православная церковная мелодія присоединена къ тексту прозаическому и основана на принципахъ свободнаго несимметричнаго ритма, ревнителемъ котораго явился Алексѣй Θеодоровичъ Львовъ (1799—1870 г.), написавшій изслѣдованіе „О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ" (С.-Петербургъ, 1858 г.) [3]). Въ этомъ сочиненіи А. Θ. Львовъ пишетъ,—что „вся сила, вся важность въ церковномъ пѣніи заключается въ словахъ молитвы. Здѣсь цѣль пѣнія: дать слову молитвы наиболѣе явственное выраженіе.

Ясно, что такое пѣніе не только должно совершенно сообразоваться съ значеніемъ молитвы, которую оно сопровождаетъ, и подчиняться смыслу ея, но и самые нотные знаки должны вполнѣ подчиняться ритму словъ, отнюдь не искажая ихъ" [4]). „Кто разумѣетъ

---

[1]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 234—235.

[2]) Отличительными особенностями переложеній Турчанинова служатъ: 1) Предпочтеніе широкаго голосоведенія, т. е. такого расположенія голосовъ, при которомъ верхніе голоса вращаются въ высшихъ своихъ областяхъ, а нижніе—въ низшихъ; 2) передача церковной мелодіи—второму голосу, альту, а иногда, басу; 3) введеніе симметричнаго ритма въ мелодію пѣснопѣній, написанную въ ритмѣ несимметричномъ; 4) сохраненіе подлинныхъ интерваловъ мелодическаго движенія пѣснопѣній, за немногими исключеніями, когда мелодія измѣняется знаками повышенія или пониженія. См. *А. Преображенскій*, Словарь русскаго церковнаго пѣнія, стр. 172—173.

[3]) Особенность ритмики въ церковныхъ православныхъ мелодіяхъ вовсе не лишаетъ ихъ изящества формы, обнаруживающей своего рода правильность и симметрію, въ чемъ наглядно можно убѣдиться изъ анализа, которому подвергаетъ Ст. В. Смоленскій одну изъ мелодій большого знаменнаго распѣва (См. *Ст. Смоленскій*, О собраніи русскихъ древне-пѣвческихъ рукописей въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія. Отдѣльный оттискъ изъ *„Русской Музыкальной Газеты"* за 1899 г., стр. 18—22).

[4]) *А. Львовъ*, О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ. С.-Петербургъ. 1858 г., стр. 5—6. Мысль Львова о свободномъ ритмѣ не нова. „Еще мастера строчнаго пѣнія XVI вѣка писали гармоническія переложенія пѣснопѣній знаменнаго распѣва въ ритмѣ мелодическомъ, свободномъ, и только вліяніе польско-западное стало налагать руку на древніе напѣвы, ихъ мелодическое движеніе

важность молитвы и внимательно слѣдитъ во время пѣнія за словами ея, тотъ не можетъ не ощущать великаго наслажденія, слыша ее въ сопровожденіи простой и приличной гармоніи, при исполненіи которой всѣ голоса произносятъ рѣчь въ одно время, слѣдовательно, явственно и въ размѣрѣ тактовъ сообразуются съ естественными удареніями словъ. Ни трели, ни рулады, ни другія какія-либо вычуры не должны украшать церковнаго пѣнія, въ простыхъ и чистыхъ звукахъ котораго возносится молитва, вмѣстѣ съ ѳиміамомъ, къ Престолу Всевышняго! Языкъ молитвъ нашихъ имѣетъ особенный характеръ: ему долженъ соотвѣтствовать и характеръ пѣнія. Многіе сочинители хотѣли подчинить нѣкоторые напѣвы правильному размѣру и опредѣленнымъ тактамъ; конечно, вслѣдствіе этого, выходило пѣніе, удовлетворяющее привычнымъ законамъ музыкальнаго ритма, но пѣніе отрѣшилось отъ молитвы, и тѣсная связь между словомъ и пѣніемъ разрушилась. Сочинители для выполненія музыкальныхъ условій принуждены бывали прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ, допускали излишнее повтореніе словъ, неумѣстное протяженіе ихъ, а что хуже всего, не одновременное произношеніе ихъ пѣвчими, отчего рѣчь затемнялась, терялась не только сила, но исчезалъ нерѣдко и самый смыслъ ея, и молящійся лишался возможности выразумѣть, какія слова поются. Такимъ образомъ заблуждались тѣ, которые думали привести древніе напѣвы нашей церкви въ единообразный тактъ, и трудъ ихъ могъ способствовать развѣ къ умаленію красоты и рѣчи, и напѣва“ [1]).

Львовъ не ограничился этими теоретическими соображеніями, но проводилъ ихъ на практикѣ, руководствуясь ими въ своихъ переложеніяхъ и составленіи обихода придворнаго пѣнія.

Сотрудника въ составленіи обихода капеллы и послѣдователя своимъ принципамъ въ области духовнаго пѣнія А. Ѳ. Львовъ нашелъ въ лицѣ П. М. Воротникова, бывшаго учителя капеллы [2]).

и ритмъ, подчиняя ихъ требованіямъ гармоніи, мѣрному такту и ритму“. (*В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва. 1900 г. 3 изд., стр. 169).

[1]) *А. Львовъ*, О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ. С.-Петербургъ. 1858 г., стр. 13.

Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ (1799—1870 г.), сынъ бывшаго директора Придворной капеллы, Ѳеодора Петровича Львова, занималъ названный постъ послѣ своего отца съ 1837 г. (*А. Преображенскій*, Словарь русскаго церковнаго пѣнія, стр. 107).

[2]) *В. Металловъ*. Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 136.

Послѣ А. Ѳ. Львова вступилъ въ 1861 г. въ должность директора придворной капеллы Николай Ивановичъ Бахметевъ, который и въ своихъ сочиненіяхъ оказался послѣдователемъ своего предшественника. Стремясь къ экспрессіи словъ въ молитвахъ, Бахметевъ, однако, увлекался имитаціями въ голосахъ, допускалъ повтореніе и неодновременное произношеніе словъ молитвеннаго текста. Сочиненія Бахметева изобилуютъ диссонирующими аккордами, хроматизмомъ, энгармонизмомъ и внезапными модуляціями, что сообщаетъ духовной музыкѣ названнаго композитора много эффектности, но лишаетъ ее характеристичнаго стиля, свойственнаго настоящему церковному пѣнію [1]).

Ревнителемъ строго-церковнаго стиля въ православномъ духовномъ пѣніи являтся кн. Одоевскій, который въ рефератѣ на 1-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1869 г. высказалъ слѣдующія мысли: „Наши церковные напѣвы въ синодскомъ изданіи нотныхъ книгъ напечатаны всѣ въ одинъ голосъ; но на клиросахъ мы всегда слышимъ гармоническія сочетанія, употребляющіяся по музыкальному гармоническому инстинкту русскаго народа и по преданію. Аккорды наши всегда консонансны. По свойству церковныхъ мелодій нѣтъ и мѣста для диссонансовъ, нѣтъ даже ни чисто мажорного, ни чисто минорнаго рода. Всякій диссонансъ, всякій хроматизмъ въ нашемъ церковномъ пѣніи былъ бы величайшею ошибкою и исказилъ бы вполнѣ всю самобытность нашихъ церковныхъ напѣвовъ и ихъ строгій, всегда величественный и спокойный характеръ. Главная цѣль нашего церковнаго пѣнія—отчетливо выговаривать слова молитвы. Въ немъ не слова подчиняются мелодіи, но мелодія словамъ до такой степени, что гдѣ оканчивается смыслъ словъ, тамъ оканчивается и музыкальная фраза. Допускается нѣсколько нотъ на одинъ слогъ, но никакое повтореніе словъ не допускается. Оттого отцы нашей церкви называютъ церковное пѣніе не музыкой, а словесною мелодіею“. Одоевскій говоритъ далѣе, что „всѣ пѣвцы хора должны одновременно выговаривать слова для того, чтобы міряне могли въ точности слѣдить слухомъ и даже голосомъ за произносимыми словами. Слѣдовательно, возможенъ лишь одинъ контрапунктъ простѣйшій, punctum contra punctum, ein gegen eins, и при томъ безъ всякихъ задержаній и безъ предъемовъ, или антицинацій“. „Иначе, по православнымъ понятіямъ, не можетъ и не должно быть пѣніе, исполняемое въ на-

[1]) Тамъ же, стр. 139.

шей церкви; ибо, повторяю, при всякомъ другомъ способѣ гармонизаціи слова молитвъ не могли бы быть ясно и одновременно выговорены всѣмъ хоромъ, т. е. нарушалось бы главное условіе нашего церковнаго пѣнія, которое долженъ постоянно имѣть въ виду церковный композиторъ". „Цѣль гармонизаціи церковнаго напѣва состоитъ единственно въ томъ, чтобы, образуя правильное сочетаніе голосовъ, отнюдь не отвлечь благоговѣйное вниманіе отъ существеннаго, т. е. отъ словъ молитвы" [1]).

Къ практическому осуществленію этихъ взглядовъ на духовное православное пѣніе стремился М. Ив. Глинка (1804—1857 г.) [2]), который съ 1837 г. по 1839 г. занималъ должность капельмейстера придворной пѣвческой капеллы [3]). Въ своихъ запискахъ Глинка разсказываетъ по поводу своего назначенія на упомянутую должность слѣдующее: „Государь Императоръ, увидя меня на сценѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и слѣдовательно, стóятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами" [4]). Служеніе свое въ придворной пѣвческой капеллѣ М. Ив. Глинка ознаменовалъ тѣмъ, что онъ первый сталъ заботиться о томъ, чтобы пѣвчіе ознакомились съ теоріей музыки, „на изученіе коей до Глинки не обращали никакого вниманія" [5]). По поводу своей педагогической дѣятельности въ придворной пѣвческой капеллѣ М. Ив. Глинка разсказываетъ въ своихъ Запискахъ слѣдующее: „Я взялся учить ихъ (пѣвчихъ) музыкѣ, т. е. чтенію нотъ, и исправить интонацію, по-русски выправить голоса. Мой способъ преподаванія состоялъ въ разборѣ скалы, означеніи полутоновъ, слѣдственно изысканіи причины употребленія знаковъ повышенія и пониженія; впослѣдствіи писалъ я на доскѣ двухголосныя за-

---

[1]) *Кн. В. Ѳ. Одоевскій*, Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церковнаго православнаго пѣнія. См. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г. I. Москва. 1871 г., стр. 477—472.

[2]) *В. Металловъ.* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 145—146.

[3]) *Михаилъ Ивановичъ Глинка* въ придворной капеллѣ. Спб. 1892 г. Ср. Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его съ родными и друзьями. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1887 г., стр. 121.

[4]) *Записки Михаила Ивановича Глинки* и переписка его съ родными и друзьями. Изд. Суворина, Спб. 1887 г., стр. 121.

[5]) *Михаилъ Ивановичъ Глинка* въ придворной капеллѣ. Спб. 1892 г., стр. 12 и 13.

дачи (Sätze), заставлялъ сперва сдѣлать разборъ, потомъ спѣть одну, потомъ разобрать и спѣть другую партію, потомъ всѣ вмѣстѣ, стараясь образовать слухъ учениковъ моихъ и вывѣрить ихъ голоса. Когда въ первый разъ явился я для преподаванія съ мѣломъ въ рукѣ, мало нашлось охотниковъ: большая часть большихъ пѣвчихъ стояла поодаль съ видомъ недовѣрчивымъ и даже нѣкоторые изъ нихъ усмѣхались. Я, не обращая на то вниманія, принялся за дѣло такъ усердно и скажу даже ловко, что послѣ нѣсколькихъ уроковъ всѣ почти большіе пѣвчіе, даже и такіе, у которыхъ были частные и казенные уроки, приходили ко мнѣ на лекціи" [1]).

Во время своего пребыванія въ капеллѣ М. И. Глинка написалъ „Херувимскую". Она оставалась безъ всякаго употребленія и почиталась никуда негодной. Лишь впослѣдствіи она была напечатана П. И. Юргенсономъ. Теперь высокое достоинство этого произведенія признано и оно сдѣлалось украшеніемъ хорового репертуара [2]).

Впрочемъ, самъ авторъ находилъ свою „Херувимскую пѣснь" весьма неудачною (см. Д. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1868 г., стр. 240).

Кромѣ „Херувимской пѣсни", изъ духовной музыки Глинка написалъ „Эктенію", „Литургію" и „Да исправится". Эти произведенія съ большимъ успѣхомъ исполнялись въ Сергіевской пустыни (близъ Петербурга) [3]). Великій композиторъ нашъ имѣлъ въ виду серьезно заняться рѣшеніемъ вопроса: каково должно быть наше церковное пѣніе? Для этого М. И. Глинка сталъ заниматься церковными ладами [4]) и, наконецъ, отправился въ Берлинъ къ своему бывшему учителю Дэну [5]), чтобы подъ руководствомъ этого знаменитаго теоретика изучить полифонную музыку великихъ контрапунктистовъ западно-европейской духовной музыки. О своихъ занятіяхъ съ Дэномъ М. Ив. Глинка писалъ Д. В. Стасову 30-го (18-го) сентября 1856 года: „Дэнъ намѣренъ работать со мною 2 раза въ недѣлю слѣдую-

---

[1]) *Записки Михаила Ивановича Глинки* и переписка его съ родными и друзьями. Изд. Суворина, Спб. 1887 г., стр. 122—123.

[2]) *Михаилъ Ивановичъ Глинка* въ придворной капеллѣ. Спб. 1892 г., стр. 13.

[3]) См. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 241. Ср. Записки М. Ив. Глинки и переписка его съ родными и друзьями. Изд. Суворина. Спб. 1887 г., стр. 255.

[4]) *Записки М. Ив. Глинки* и переписка его съ родными и знакомыми. Изд. Суворина. Спб. 1887 г., стр. 255.

[5]) Тамъ-же, стр. 265, и далѣе.

щимъ образомъ, постепенно довести меня до сочиненія фуги двойной (à deux sujets), которой тема должна быть основана на церковныхъ гаммахъ, о коихъ до сихъ поръ я еще не имѣю яснаго понятія. Вообще я могу сказать, что до сихъ поръ я еще никогда не изучалъ настоящей церковной музыки, а потому и не надѣюсь постигнуть въ короткое время то, что было сооружено нѣсколькими вѣками. Какъ образцы мнѣ Дэнъ предлагаетъ Палестрину и Орландо Лассо“ [1]).

Смерть М. Ив. Глинки помѣшала его великому дѣлу, которое онъ хотѣлъ совершить въ области православнаго духовнаго пѣнія.

Продолжателемъ [2]) этого дѣла, лишь начатаго М. Ив. Глинкой, былъ Потуловъ (1810—1873 г.), основательно изучившій древнія церковныя мелодіи. Въ своихъ переложеніяхъ Потуловъ нигдѣ не измѣнилъ ея и сопровождалъ діатонической гармоніей, состоящей изъ мажорнаго и минорнаго трезвучія и ихъ перваго обращенія. Такимъ образомъ Потуловъ осуществилъ идеи кн. Одоевскаго, который о переложеніяхъ Потулова отзывался такъ: „Трудъ добросовѣстный, священно-художественный—трудъ многотрудный, ибо немалая была рѣшимость, въ работѣ столь огромной, механически-тяжкой, отречься отъ удобствъ, представляемыхъ для гармонизаціи музыкой свѣтскою, отречься отъ желанія увлечь слушателей опернымъ эффектомъ и выдержать по всей работѣ строгій, трезвый характеръ нашего церковнаго пѣснопѣнія, со всѣми его стѣснительными для нынѣшняго композитора условіями“ [3]).

Такого же высокаго мнѣнія о духовныхъ произведеніяхъ Потулова и Д. Разумовскій, едва ли въ свое время не величайшій авторитетъ въ области православной церковной музыки. „Подобное положеніе мелодіи на голоса, въ смыслѣ церковнаго пѣнія, чрезвычайно возвышенно и содержитъ въ себѣ не мало признаковъ своего жизненнаго значенія въ Россіи. Русскій народъ, въ большинствѣ случаевъ, доселѣ знаетъ и употребляетъ въ пѣніи единственно діатоническую гамму: народный русскій гимнъ, написанный съ хроматическими интервалами и аккордами, при исполненіи народа, по слуху, безъ нотъ, совершенно теряетъ сіи интервалы и аккорды. Далѣе церковная ме-

[1]) *Записки Михаила Ивановича Глинки* и переписка его съ родными и друзьями. Изд. Суворина. Спб. 1887 г., стр. 405—407.

[2]) *В. Металловъ.* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 146.

[3]) *Кн. В. Одоевскій.* Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи. Москва, 1864 г., стр. 25.

лодія, столько привычная слуху православнаго народа русскаго, въ переложеніяхъ г. Потулова, остается неизмѣнною и весьма ясною. Она не связана музыкальнымъ ритмомъ и тактомъ, и, слѣдовательно, отрѣшена отъ узъ новѣйшей музыки, вращается въ предѣлахъ свободнаго, словеснаго, ритма и потому въ церковномъ смыслѣ назидательна, поучительна. Наконецъ, строгій характеръ въ ходѣ сопровождающихъ голосовъ, при благоговѣйномъ и точномъ исполненіи опытными пѣвцами, можетъ производить самое сильное впечатлѣніе на душу всякаго, молитвенно предстоящаго въ храмѣ" [1]).

Православное духовное пѣніе, быть можетъ, всего ближе подходитъ къ идеалу христіанской церковной музыки. Оно отринуло инструменты, которые были запрещены отцами церкви. Св. Іеронимъ писалъ, что „христіанская дѣвушка совсѣмъ даже не должна знать, что такое лира и флейта и для чего онѣ служатъ" [2]). Православное духовное пѣніе богато мелодіями, отличающимися высокими музыкальными достоинствами, глубоко-религіозною выразительностію и полнымъ подчиненіемъ молитвенному тексту. О религіозномъ, историческомъ и художественномъ значеніе этихъ пѣснопѣній выше (см. стр. 51) было приведено мнѣніе такого глубокаго знатока, какъ Потуловъ. Когда эти мелодіи облеклись въ гармоническую оправу, то послѣ неуклюжихъ попытокъ строчного безлинейнаго пѣнія, послѣ увлеченія „польскимъ мусикійскимъ художествомъ", а затѣмъ итальянской оперной музыкой, возникло стремленіе къ многоголосной разработкѣ древней православной мелодіи, болѣе соотвѣтственной характеру послѣдней. Эта древняя православная мелодія подвергается искаженію у Бортнянскаго. Въ болѣе неприкосновенномъ видѣ она является у Турчанинова, подводящаго ее, однако, подъ симметричный ритмъ и сопровождающаго ее западно-европейской гармонизаціей, не чуждающейся хроматизма. Львовъ избавляетъ ее отъ несвойственной ей кабалы симметричнаго такта и возвращаетъ ей всю свободу, ширь и возвышенность несимметричнаго ритма. Глинка стремится придать гармонизаціи все богатство церковныхъ ладовъ, а Потуловъ — освободить ее отъ хроматизма, звуки котораго, по мнѣнію св. Климента Александрійскаго, „столь-же гибельны для нравовъ, какъ и разные ядовитые напитки" [3]). Сопровождая церковную ме-

[1]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 257—258.

[2]) *Ambros*, Geschichte der Musik. Leipzig. 1880. 2 Auflage. Bd. I, S. 527.

[3]) *Климентъ Александрійскій*, Педагогъ. Въ русскомъ переводѣ Корсунскаго. 1890 г. Книга II, гл. 5, стр. 157.

лодію строго-діатонической гармоніей, сохраняя ея свободный несимметричный ритмъ и подчиняя музыку тексту такъ, что всѣ голоса хора выговариваютъ слова молитвы вмѣстѣ, Потуловъ [1]) едва-ли не ближе всѣхъ подошелъ къ идеалу духовнаго пѣнія, намѣченному кн. Одоевскимъ.

Идеалъ истинной христіанской духовной музыки занималъ умы людей еще во времена Тридентскаго собора (1543—1563 гг.). Ужъ тогда раздавалась голоса противъ контрапункта, вслѣдствіе котораго хоръ выговариваетъ слова молитвы не единовременно и оттого текстъ заглушается пѣніемъ. По этой причинѣ нѣкоторые ревнители католическаго богослуженія возставали противъ многоголосной музыки и требовали возвращенія къ унисонному пѣнію [2]). Полифонія въ храмѣ была спасена геніемъ Палестрины, который красотами своихъ мессъ, въ особенности мессы папы Маркелла, подкупилъ членовъ комиссіи, долженствовавшей высказаться за или противъ многоголосной духовной музыки [3]). Хотя Палестрина весьма искусно подкладывалъ текстъ [4]) подъ музыку, но всеже голоса его хора далеко не всегда выговариваютъ слова молитвеннаго текста единовременно. Поэтому такъ называемый стиль Палестрины хотя есть зенитъ строгой полифоніи съ художественно-музыкальной точки зрѣнія, но едва-ли вполнѣ рѣшаетъ вопросъ: какова должна быть истинно-христіанская музыка? Извѣстный знатокъ западнаго церковнаго пѣнія Ламбильотъ говоритъ, что музыка Палестрины не можетъ быть названа церковною, такъ какъ она исполняется хорошо только въ одномъ Римѣ, почему она и не можетъ быть названа музыкою католическою въ собственномъ смыслѣ (*Lambillot*, Esthétique, théorie et pratique du chant grégorien. Paris, 1855, p. 299).

Быть можетъ, къ ея идеалу наиболѣе приблизится наше духовное пѣніе, если пойдетъ по пути, проложенному ревнителями древней православной мелодіи.

Суровый стиль въ произведеніяхъ Потулова наноситъ нѣкоторый

---

[1]) Такъ какъ въ этой статьѣ намѣчены лишь главные моменты музыкальнаго развитія Россіи въ области духовнаго пѣнія, то обойдены молчаніемъ многіе композиторы, болѣе или менѣе слѣдовавшіе уже по проложенному пути.

[2]) Къ унисонному пѣнію въ православной церкви склонялись Разумовскій и Воротниковъ (*В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва. 1900 г., стр. 182).

[3]) *Ambros*, Geschichte der Musik. Leipzig. 1878. Bd. IV. S. 15—21.

[4]) Ibid. Bd. IV. S. 28.

ущербъ художественной сторонѣ русской духовной музыки. „При строго и узко понятой аккордовой гармоніи, безъ проходящихъ нотъ, произведенія эти бѣдны въ отношеніи гармоническаго матеріала и не лишены недостатковъ съ художественной стороны, въ отношеніи плавности, свободы и красоты голосоведенія. Такъ какъ въ основаніе этихъ переложеній взяты извѣстныя, опредѣленныя теоретическія соображенія, а не самостоятельная выработка сопровождающихъ основную мелодію голосовъ въ духѣ и характерѣ самой мелодіи, то и ходы голосовъ и ихъ гармоническія соединенія являются какъ бы заранѣе предрѣшенными и связанными этими механическими правилами, а самыя произведенія являются мало выразительными съ художественной стороны" [1]).

Дальнѣйшее развитіе русскаго православнаго духовнаго пѣнія заключается въ стремленіи къ возвышенію художественной красоты въ многоголосной разработкѣ церковной мелодіи, безъ всякаго для нея ущерба, и наоборотъ, съ ясно обнаруживающимся стараніемъ приблизить мелодическіе ходы сопровождающихъ голосовъ къ основной мелодіи и уподобить ей [2]). „Таковы переложенія пѣснопѣній знаменнаго распѣва въ изданіяхъ Братства Пресвятыя Богородицы, принадлежащія главнымъ образомъ Д. Н. Соловьеву, С. А. Смирнову и др. Художественная сторона въ этихъ переложеніяхъ нашла себѣ значительное примѣненіе, сообщивъ имъ особый жизненный смыслъ и эстетическое значеніе. Въ сравненіи съ переложеніями Потулова эти труды стоятъ несравненно ближе къ тому типу церковныхъ пѣснопѣній, который наиболѣе соотвѣтствуетъ высотѣ православнаго богослужебнаго пѣнія" [3]). Основная мелодія въ изданіяхъ Братства Пресвятыя Богородицы помѣщается въ верхнемъ голосѣ [4]).

Неизмѣнною сохранена древняя православная мелодія и въ новыхъ изданіяхъ придворной капеллы (какъ „Всенощное бдѣніе древнихъ напѣвовъ", 1888 г.) [5]). Управленіе капеллою, послѣ Бахметева, было поручено Милію Алексѣевичу Балакиреву при сотрудничествѣ съ Николаемъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ. Благодаря этимъ

[1]) *В. Металловъ.* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи 3 изд. Москва 1900 г. стр. 148.

[2]) Тамъ же, стр. 148.

[3]) *В. Металловъ.* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва 1900 г., стр. 148—149.

[4]) Тамъ же, стр. 149.

[5]) Тамъ же, стр. 150.

высоко талантливымъ композиторамъ, направленіе дѣятельности придворной капеллы стало болѣе народнымъ, и идеалъ многоголосной обработки православной мелодіи въ характерѣ этой послѣдней началъ все болѣе выясняться [1]).

Этотъ-же идеалъ духовной музыки, къ которому стремятся еще многіе талантливые композиторы, не упоминаемые здѣсь по недостатку мѣста, носился въ воображеніи и П. И. Чайковскаго, высказавшаго въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Конинскому слѣдующія интересныя мысли: „Вопросомъ вашимъ о русской церковной музыкѣ вы задѣли мое больное мѣсто, и мнѣ пришлось бы исписать цѣлую десть бумаги, чтобы надлежащимъ образомъ отвѣтить на вашъ вопросъ. Техника Бортнянскаго—дѣтская, рутинная, но тѣмъ не менѣе это единственный изъ духовныхъ композиторовъ, у котораго она была. Всѣ эти Ведели, Дехтеревы и т. п. любили по своему музыку, но они были сущіе невѣжды и своими произведеніями причинили столько зла Россіи, что и ста лѣтъ мало, чтобы уничтожить его. Отъ столицы до деревни раздается... слащавый стиль Бортнянскаго и—увы!—нравится публикѣ. Нуженъ мессія, который однимъ ударомъ уничтожилъ бы все старье и пошелъ бы по новому пути, а новый путь заключается въ возвращеніи къ сѣдой старинѣ и въ сообщеніи древнихъ напѣвовъ въ соотвѣтствующей гармонизаціи“ [2]).

---

[1]) Произведенія Н. А. Римскаго-Корсакова: Херувимская пѣснь (обычнаго распѣва), На рѣкахъ Вавилонскихъ (знаменнаго распѣва), Да молчитъ всякая плоть, Хвалите Господа съ небесъ (обычнаго распѣва), Се женихъ грядетъ, Чертогъ твой,—представляютъ образцы духовнаго пѣнія высокаго художественнаго достоинства, на которыхъ запечатлѣнъ характеръ нашей народной музыки.

Послѣ М. А. Балакирева управленіе придворной капеллой принялъ на себя бывшій профессоръ Московской консерваторіи, извѣстный композиторъ и теоретикъ А. Аренскій, обогатившій наше духовное пѣніе нѣсколькими произведеніями весьма высокаго музыкальнаго достоинства.

[2]) Это письмо помѣщено въ *„Русской Музыкальной Газетѣ“* 1899 г. № 2, стр. 51.

Въ своихъ духовно-музыкальныхъ произведеніяхъ Чайковскій предполагалъ „способствовать къ отрезвленію“ церковнаго пѣнія „отъ чуждыхъ элементовъ, глубоко вкоренившихся въ него, вслѣдствіе дѣятельности разныхъ итальянцевъ прошлаго вѣка и ихъ учениковъ“. Самъ Чайковскій преслѣдовалъ слѣдующія цѣли: „Въ литургіи,—говоритъ онъ,—я совершенно подчинился своему собственному артистическому побужденію. Всенощная же будетъ попыткой возвратить нашей церкви ея собственность, насильно отъ нея отторгнутую. При этомъ я старался избѣгать крайностей, т. е. вовсе не задавался смѣлой мыслью возсоздать древній способъ церковнаго пѣнія и выбиться изъ путъ европеизма, но и не под-

Къ этой „сѣдой старинѣ" ведутъ православную русскую духовную музыку скромные дѣятели въ области науки церковнаго пѣнія: археологи, историки и теоретики. Не имъ-ли суждено расчистить путь для пришествія этого „мессіи" и такимъ образомъ стать его предтечами?

При появленіи партеснаго пѣнія въ XVII вѣкѣ стала разрабатываться и его теорія. Одно изъ древнѣйшихъ сочиненій по этому предмету на „основаніи писемъ древнихъ доброписцевъ" было составлено государевымъ пѣвчимъ дьякономъ Іоанникіемъ Трофимовичемъ Кореневымъ (XVII вѣкѣ). Николай Павловичъ Дилецкій (XVII вѣкѣ) обработалъ это руководство и изложилъ его въ рукописи въ 1681 г. подъ заглавіемъ „Мусикія". Рукопись ея находится въ библіотекѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ [1]). Дилецкій еще ранѣе, а именно въ 1677 году издалъ въ Смоленскѣ „Грамматику пѣнія мусикійскаго". Въ слѣдующемъ году Дилецкій выпустилъ свою Грамматику на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ подъ заглавіемъ „Идеи грамматики мусикійской". Въ 1679 году эта книга появилась въ Москвѣ на „славянскомъ діалектѣ" [2]). Дилецкій, получившій польское образованіе, совсѣмъ игнорируетъ православное духовное пѣніе и всецѣло сосредоточивается на сочиненіи концертовъ въ стилѣ „польскаго художества".

Въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ развитіи партесное пѣніе въ православной церкви подчинялось инымъ вліяніямъ западно-европейской музыки, особенно итальянской, пока не возникла мысль о са-

---

чинялся установившимся со временъ Бортнянскаго традиціямъ итальянизированія нашихъ напѣвовъ. Это будетъ трудъ эклектическій". (См. письмо Чайковскаго въ *„Русскомъ Обозрѣніи"* 1893 г. ноябрь, стр. 453).

Чайковскій своими духовными сочиненіями имѣетъ большое вліяніе на музыкальныхъ дѣятелей въ области церковнаго пѣнія. „Но это музыкальное движеніе, пишетъ В. Металловъ, нельзя признать жизненнымъ, такъ какъ ему недостаетъ главнаго—теоретическаго и историческаго принципа и одушевляющей его жизненной идеи, а также и соотвѣтствія требованіямъ церковности. Указываемый Чайковскимъ мессія долженъ отрѣшиться и отъ *его* вліянія и пріемовъ гармонизаціи и выступить новымъ путемъ, иначе это будетъ то же старье, о которомъ говорилъ онъ самъ". (*В. Металловъ*, Очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи 3 изд. Москва 1900 г., стр. 156).

[1]) *В. Ундольскій*, Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія. Москва. 1846 г., стр. 18.

[2]) Объ этомъ трудѣ Дилецкаго см. *В. Металловъ*, Старинный трактатъ по теоріи музыки 1679 года, составленный кіевляниномъ Николаемъ Дилецкимъ. Спб. 1898.

мостоятельномъ духовномъ пѣніи въ Россіи. Говорятъ, эта мысль впервые была высказана Бортнянскимъ, указавшимъ на необходимость сохранить, напечатать крюковыми нотами и изучить древне-русское церковное пѣніе, которое стало бы прочнымъ основаніемъ контрапункта отечественнаго [1]). Но пока этотъ проектъ оставался втуне, и вопросъ о партесномъ пѣніи въ православной русской церкви—открытымъ.

Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ (1767—1837 гг.) въ своемъ „Историческомъ разсужденіи вообще о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи россійской церкви съ нужными примѣчаніями на оное“ [2]), говоритъ, что то иноземное пѣніе для церкви остается „вещею постороннею и отъ одного произволенія зависящею“. По его мнѣнію, церковь, снисходя къ разнымъ сочиненіямъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, „не все то приличнымъ почитаетъ, что происходитъ отъ вымысла ихъ и искусства“. Были голоса, прямо враждебные партесному пѣнію, склонявшіеся къ унисонному пѣнію, какъ, напримѣръ, Разумовскій, авторъ замѣчательнаго труда: „Церковное пѣніе въ Россіи (Москва, 1867 г). Свои мысли въ защиту унисоннаго пѣнія Разумовскій высказалъ въ рефератѣ: „Церковно-русское пѣніе“ на 1-омъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1869 году. Къ предпочтенію унисоннаго пѣнія склоняется и Воротниковъ въ рефератѣ „Замѣтки по поводу разсужденій о гармонизаціи церковно-русской мелодіи“, читанномъ на томъ же археологическомъ съѣздѣ [3]). Тамъ же прочелъ и

---

[1]) Этотъ проектъ, приписываемый Бортнянскому, напечатанъ въ приложеніи къ протоколу 25-го апрѣля 1878 г. Общества любителей др. письменности (Спб. 1878 г.). Извлеченіе изъ этого проекта у *Ст. Смоленскаго:* Азбука знаменнаго пѣнія. Казань. 1888 г., стр. 26—27.

[2]) Это сочиненіе, составленное въ 1797 г., появилось во второмъ изданіи въ 1804 г. Въ 1897 г. оно было перепечатано со 2-го изданія въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ (стр. 1019—1036).

[3]) *Воротниковъ* пишетъ, что „нельзя не признать полезнымъ, въ дѣлѣ рѣшенія различныхъ вопросовъ по церковному пѣнію, обратить вниманіе на пѣніе *унисономъ*. И дѣйствительно, пѣніе это въ монастыряхъ, въ особенности гдѣ нѣтъ пѣвчихъ, до того величаво и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительно, что его безспорно можно почитать за истинное церковное пѣніе, тогда какъ въ гармонически составленномъ пѣніи часто ощущается недостатокъ въ этихъ качествахъ существенно необходимыхъ для пѣнія въ храмѣ“. (*П. М. Воротниковъ*, Замѣтки по поводу разсужденій о гармонизаціи церковно-русской мелодіи. См. труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г. I. Москва. 1871, стр. 475).

князь Одоевскій свои „Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церковнаго православнаго пѣнія", въ которыхъ высказываетъ свое мнѣніе объ умѣстности въ партесномъ церковно-русскомъ пѣніи лишь одного простѣйшаго контрапункта (такъ называемаго 1-го разряда), т. е. однихъ простѣйшихъ аккордовъ, при пѣніи которыхъ всѣ пѣвцы хора одновременно выговариваютъ слова молитвеннаго текста. Единомышленникъ съ кн. Одоевскимъ въ вопросѣ о православномъ духовномъ пѣніи, М. И. Глинка искалъ рѣшенія этой проблемы въ примѣненіи къ русской православной мелодіи принциповъ, на которыхъ зиждется западно-европейская полифонія строгаго стиля съ ея церковными ладами, и мечталъ найти въ сочиненіяхъ XV и XVI вѣковъ образцы для своихъ попытокъ въ многоголосной обработкѣ упомянутой мелодіи. Но какъ ни почтенна эта попытка нашего геніальнаго композитора, однако современная наука о нашемъ духовномъ пѣніи отрицаетъ пригодность древнихъ западно-европейскихъ церковныхъ ладовъ для церковной обиходной мелодіи русской православной церкви и не допускаетъ гармонизировать ее подобно григоріанской. Одинъ изъ величайшихъ знатоковъ русскаго православнаго пѣнія, его исторіи и теоріи, В. Металловъ такъ заключаетъ свое замѣчательное изслѣдованіе стариннаго трактата по теоріи музыки 1679 года, составленнаго Николаемъ Дилецкимъ: „Церковная обиходная мелодія имѣетъ ей только свойственное построеніе, тайны котораго могутъ быть открыты лишь въ ней же самой, ея внимательнымъ изученіемъ и при помощи такихъ старинныхъ пособій, какъ трактатъ Дилецкаго, съ присоединеніемъ, кромѣ того, тщательнаго акустическаго анализа" [1]).

Въ акустическомъ анализѣ, въ эллинской и византійской теоріи музыки искалъ руководства для гармонизаціи древне-русскаго пѣнія Юрій Карловичъ Арнольдъ, написавшій „Теорію древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія" (Москва, 1880 г.) и „Гармонизацію древне-русскаго церковнаго пѣнія по эллинской и византійской теоріи и акустическому анализу" (Москва, 1886 г.). Отвлеченная, искусственная теорія Арнольда, основанная на сухихъ математическихъ выводахъ и разрозненныхъ отрывкахъ греческихъ музыкально-теоретическихъ сочиненій, нерѣдко отдаленныхъ между собою вѣками,

Защитникомъ красотъ мелодической музыки является и Геваертъ (Fr. Aug. *Gavaert*, Histoire et théorie de la musique de l'antiquité. Gand. 1881. T. II, p. XV).

[1]) *В. Металловъ*, Старинный трактатъ по теоріи музыки 1679 года, составленный кіевляниномъ Николаемъ Дилецкимъ. Спб. 1898 г., стр. 18.

едва ли можетъ дать прочные результаты [1]), которые возможны лишь при практическомъ изученіи древнихъ мелодій, обнаруживающихъ лишь этимъ путемъ своеобразный ихъ характеръ, все изящество ихъ формы, скрытой ихъ съ виду несимметричнымъ складомъ, и всю глубину проникающаго ихъ религіознаго духа. В. Металловъ, такъ много потрудившійся въ области исторіи, теоріи и практики русскаго православнаго пѣнія, такъ характеризуетъ трудъ Арнольда: „Своеобразно понимая осмогласіе знаменнаго распѣва, какъ совокупность восьми греческихъ ладовъ, Арнольдъ примѣняетъ къ церковнымъ мелодіямъ совершенно ту же гармонизацію съ хроматизмомъ, диссонансами, модуляціями, септ-аккордами разныхъ видовъ, какая въ ходу и въ современной западно-европейской музыкѣ, съ тѣмъ различіемъ, что прилагаетъ при этомъ своеобразныя каденціи (каталексисы) въ ладахъ мажорномъ или минорномъ, и притомъ—или на октавѣ и квинтѣ тоники, или же на октавѣ и квинтѣ доминанты, такъ что и сами каденціи эти ничего собственно новаго и особеннаго для современной музыкальной теоріи не представляютъ, какъ и вся система гармонизаціи не можетъ разсчитывать ни на оригинальность, ни на вѣрность почтенной классической и православно-русской древности, ни на практическую приложимость и плодотворность ожидаемыхъ отъ нея результатовъ. Какъ своеобразный опытъ, эта система гармонизаціи можетъ быть лишь предметомъ исторіи и музыкальной археологіи. Что касается до гармонизаціи православныхъ церковныхъ мелодій на основаніи западныхъ церковныхъ ладовъ, то въ этой мысли столько же смѣлости, сколько и непониманія настоящаго музыкальнаго строя и ритмическаго характера этихъ мелодій, особенно въ знаменномъ распѣвѣ. Православная русская церковная мелодія построена на соединенныхъ тетрахордахъ и въ ритмѣ несимметричномъ, западная церковная мелодія (григоріанская)—на тетрахордахъ раздѣленныхъ и въ ритмѣ симметричномъ (cantus planus), почему нерѣдко тѣ гармоническія сочетанія тоновъ, послѣдованія и каденціи, которыя возможны въ западной церковной музыкѣ, невозможны въ православно-русской, и наоборотъ, въ чемъ проявляется рѣшительная своеобразность и несоединимость той и другой, православно-русской и западно-григоріанской (и протестантской), церковной музыки“ [2]). Арнольдъ для своихъ

---

[1]) Ср. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва 1900 г., стр. 175.

[2]) *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва 1900 г., стр. 183—184.

трудовъ пользовался совѣтами и указаніями Д. Разумовскаго, раздѣлявшаго взгляды Арнольда. В. Металловъ, несогласный съ Арнольдомъ, не удовлетворяется и механическимъ пріемомъ Разумовскаго, характеризующаго на основаніи вращенія гласовой мелодіи въ предѣлахъ какого-либо тетрахорда и самый гласъ, къ которому она принадлежитъ [1]).

Солидарнымъ съ Разумовскимъ и Арнольдомъ въ своихъ теоретическихъ взглядахъ является І. Вознесенскій, сдѣлавшій весьма значительный вкладъ въ литературу о церковномъ пѣніи своими изслѣдованіями знаменнаго, греческаго, кіевскаго и болгарскаго разспѣвовъ.

Съ своей стороны, В. Металловъ, признавая серьезныя заслуги І. Вознесенскаго, упрекаетъ послѣдняго за методъ его анализа древнихъ напѣвовъ, болѣе годный къ григоріанскому пѣнію и обычной музыкѣ, чѣмъ къ особенностямъ православной русской мелодіи [2]). Православные древніе церковные напѣвы могутъ быть основательно изучены и ясно поняты не въ ихъ переводѣ на современныя ноты, а въ ихъ крюковой семіографіи, составляющей ихъ физическую оболочку, органически выросшую изъ ихъ духовнаго зерна. Опытъ подобнаго изслѣдованія и разработки распѣва, въ отношеніи его внутренняго мелодическаго строенія по осмогласію, В. Металловъ сдѣлалъ въ сочиненіи: „Осмогласіе знаменнаго распѣва. Опытъ руководства къ изученію осмогласія знаменнаго распѣва по гласовымъ попѣвкамъ“ (Москва, 1899 г.).

Для изученія православныхъ мелодій, записанныхъ крюковой нотаціей, упомянутый авторъ издалъ чрезвычайно полезный трудъ подъ названіемъ: „Азбука крюкового пѣнія. Опытъ систематическаго руководства къ чтенію крюковой семіографіи пѣснопѣній знаменнаго распѣва, періода киноварныхъ помѣтъ“. Москва, 1899 г.

В. Металловъ много потрудился для всесторонняго теоретическаго, практическаго, историческаго изученія строя и характера церковныхъ мелодій. Вникая въ художественныя красоты и своеобразный характеръ древнѣйшихъ пѣснопѣній, упомянутый авторъ оказалъ серьезное содѣйствіе выясненію вопроса о гармонизаціи церковныхъ мелодій своей книгой: „Строгій стиль гармоніи. Опытъ изложенія строгаго и строго-церковнаго стиля гармоніи“. Москва, 1898 г.

Археологическое и историческое изученіе древнихъ православно-

---

[1]) *В. Металловъ,* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва 1900 г., стр. 174.

[2]) Тамъ же, стр. 176.

русскихъ пѣснопѣній, къ которому такъ энергично призываетъ В. Металловъ [1]), началось около середины XIX вѣка. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Ундольскому, издавшему въ 1846 г. „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи". Недостатокъ спеціальныхъ знаній въ пѣніи сказывается въ слишкомъ краткихъ и осторожныхъ сужденіяхъ автора. Впрочемъ, этотъ трудъ сохраняетъ свое значеніе до сихъ поръ [2]). Незнаніе музыки мѣшало и Сахарову, который въ 1849 г. напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* статью подъ названіемъ: „Изслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи". О трудахъ Сахарова въ области исторіи и археологіи древняго церковнаго пѣнія произнесъ справедливую оцѣнку князь Одоевскій, говоря: „Огромную услугу оказалъ покойный Сахаровъ, печатая въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1849 г. отрывки изъ бывшихъ у него драгоцѣнныхъ рукописей; но, къ сожалѣнію, эти отрывки весьма неполны, неточны, избраны безъ опредѣленной цѣли, перемѣшаны съ толкованіями вполнѣ произвольными и даже непонятными по неопредѣленности и выраженій, и мысли. Почтенный Сахаровъ не зналъ музыки" [3]).

Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій—человѣкъ всесторонне-образованный, оказалъ громадныя услуги археологіи, исторіи и теоріи древняго и церковнаго пѣнія, несмотря на отсутствіе законченности, опредѣленности и плана въ его статьяхъ, написанныхъ по случайнымъ поводамъ и разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ [4]).

Вотъ главнѣйшіе труды князя Одоевскаго:

1) Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи. Москва, 1864 г.

2) О пѣніи въ приходскихъ церквахъ (Историческія свѣдѣнія о нашемъ церковномъ пѣснопѣніи *Дом. Бес.*, вып. 26, стр. 622—626 и отд. Москва, 1866 г.).

3) Мнѣніе по вопросамъ, возбужденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія по дѣлу о церковномъ пѣніи. Москва, 1866 г.

---

[1]) *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 184.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 164.

[3]) Кн. *Одоевскій*, Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи. Москва. 1864 г., стр. 14.

[4]) Ср. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 166.

4) Къ дѣлу о церковномъ пѣніи. *Дом. Бес.* 1866 г. Вып. 27 и 28, стр. 642—647, 665—672.

5) Опыты въ предѣлахъ погласицы древне-русскихъ тетракордовъ. Москва, 1869 г.

6) О значеніи пѣнія, какъ образовательно-воспитательнаго предмета. *Калуж. Еп. Вѣд.* 1882 г. № 19.

Кн. Одоевскій имѣлъ весьма благотворное вліяніе на многихъ славныхъ дѣятелей въ области церковнаго пѣнія, какъ, напримѣръ, на Глинку, Ломакина, Потулова, Ундольскаго, протоіерея Разумовскаго и др.[1]).

Протоіерей Дмитрій Васильевичъ Разумовскій (1818 — 1889 г.) значительно подвинулъ впередъ археологію, исторію и теорію церковнаго пѣнія въ особенности своей образцовой книгой: „Церковное пѣніе въ Россіи“ (Москва, 1867 г.), которая резюмируетъ всѣ предыдущія изслѣдованія и становится краеугольнымъ камнемъ для послѣдующей разработки названнаго предмета. Но какъ ни великъ авторитетъ Разумовскаго въ наукѣ о церковномъ пѣніи въ Россіи, все-таки недостатокъ спеціально-музыкальнаго образованія названнаго писателя обнаружился въ нѣкоторыхъ неточностяхъ и недостаточно провѣренныхъ мнѣніяхъ [2]).

Въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ предыдущихъ ученыхъ Степанъ Васильевичъ Смоленскій, сильно подвинувшій науку о православномъ русскомъ духовномъ пѣніи послѣ Д. Разумовскаго.

Еще князь Одоевскій жаловался на то, что древнія музыкальныя рукописи оставались неразобранными, такъ какъ „наши музыканты не археологи, а археологи не музыканты“ [3]).

Ст. В. Смоленскій и археологъ, и музыкантъ. Обладая широкимъ, разностороннимъ образованіемъ [4]), Ст. В. Смоленскій написалъ и издалъ цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ въ области церковнаго рус-

---

[1]) *В. Металловъ,* Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва. 1900 г. 3 изд., стр. 166.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 172.

[3]) См. письмо князя Одоевскаго къ Кашперову. (*Русское Обозрѣніе.* 1894 г. мартъ, стр. 432).

[4]) *Степанъ Васильевичъ Смоленскій* занимался въ Казанскомъ университетѣ юридическими и филологическими науками. Съ 1889 г. по 1901 г. онъ былъ директоромъ Синодальнаго хора и училища церковнаго пѣнія въ Москвѣ и послѣ Д. Разумовскаго занялъ каѳедру по исторіи церковнаго пѣнія въ Московской консерваторіи. Съ 6-го мая 1901 г. Ст. В. Смоленскій назначенъ управляющимъ Придворною Пѣвческою Капеллою.

скаго православнаго пѣнія. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ изданная Ст. В. Смоленскимъ „Азбука знаменнаго пѣнія (извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ) старца Александра Мезенца" (1668 года), съ объясненіями и примѣчаніями (Казань, 1888 г.).

Александръ Мезенецъ (XVII вѣка) былъ призванъ въ числѣ шести мастеровъ, знавшихъ основательно знаменное пѣніе, во вторую комиссію, учрежденную по мысли царя Алексѣя Михайловича, для исправленія церковнаго пѣнія „на рѣчь". Вся исторія церковнаго русскаго православнаго пѣнія дѣлится на три періода: 1) эпоху стараго истиннорѣчія (съ XI вѣка до XIV вѣка); 2) эпоху раздѣльнорѣчія или хомоніи (съ XV вѣка до XVII вѣка), 3) эпоху новаго истиннорѣчія (съ XVII вѣка). Въ первую эпоху (стараго истиннорѣчія) славянскій текстъ изобиловалъ словами съ полугласными буквами ъ и ь. Въ эпоху хомоніи ъ замѣнялся буквой *о*, а ь—буквою *е*.

Названіе хомоніи произошло отъ частаго употребленія окончанія „хомо" вмѣсто „хомъ", напримѣръ, „сѣдохомо" вмѣсто „сѣдохомъ" и т. п. [1]). Къ этимъ измѣненіямъ присоединились неправильныя ударенія въ словахъ и преднамѣренная порча учениковъ мастерами, учившими пѣть по спискамъ нотныхъ книгъ, переполненныхъ ошибками [3]). Третья эпоха, продолжающаяся доселѣ, началась со второй половины XVII столѣтія, когда было приступлено къ исправленію нотныхъ книгъ на рѣчь. Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ первую комиссію сначала изъ 14-ти человѣкъ дидискаловъ, а вторую изъ шести, въ которой участвовалъ и Александръ Мезенецъ [2]).

„Всѣ члены собранія обязаны были свѣрить текстъ нотныхъ рукописей съ текстомъ печатныхъ книгъ ненотныхъ и съ текстомъ хара-

---

[1]) *Ст. Смоленскій*, Азбука знаменнаго пѣнія старца Ал. Мезенца. Казань. 1888 г., стр. 34—35.

„Замѣна полугласныхъ буквъ гласными послѣдовала потому, что предки наши стали затрудняться произношеніемъ полугласныхъ буквъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и исполненіемъ звукового знака, стоявшаго надъ буквою полугласною. Замѣною полугласной буквы на гласную совершенно устранялась трудность въ исполненіи звуковыхъ знаковъ". *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 64. Къ этой замѣнѣ полугласныхъ буквъ гласными „побуждалъ, кромѣ того, вѣками накопившійся избытокъ звукового мелодико-гармоническаго богатства въ пѣніи русскаго народа, искавшій себѣ выхода въ широтѣ и разнообразіи мелодическаго движенія и въ возможно болѣе полной гармоніи мелодіи, звука, съ рѣчью, текстомъ выпѣваемымъ". (См. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 68).

[2]) *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Москва. 1867 г., стр. 77.

[3]) Тамъ же, стр. 79.

тейныхъ нотныхъ рукописей" [1]). „Вторая комиссія для исправленія церковнаго пѣнія съ особеннымъ успѣхомъ исполнила возложенное на нее порученіе, столь важное для всей православной русской церкви" [2]). Трудъ А. Мезенца, кромѣ исправленія раздѣльнорѣчнаго пѣнія на рѣчь, имѣлъ цѣлью упрощеніе крюковой нотаціи и выясненіе ея превосходства надъ пятилинейной, охраненіе древняго знаменнаго пѣнія отъ порчи, искаженія, неумѣлыхъ поправокъ, отъ насильственнаго приспособленія къ чуждой этому пѣнію нотнолинейной нотаціи и отъ нововведенія южно-русскихъ и польскихъ пѣвцовъ. Словомъ, А. Мезенецъ стремился сохранить во всей неприкосновенной чистотѣ „пѣніе истово церковное и древнее", „старославяно-россійское", въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, „за четыреста лѣтъ и вящше", составлявшее обычую и неотъемлемую принадлежность православнаго богослуженія, пѣніе родное, вѣками во многихъ поколѣніяхъ продуманное и прочувствованное" [3]). Вотъ почему изданіе „Азбуки знаменнаго пѣнія Александра Мезенца" представляетъ такое громадное значеніе. Но оно еще увеличивается объясненіями и примѣчаніями Ст. В. Смоленскаго, обогатившаго запасъ знаній, добытый прежними изслѣдователями, результатами своихъ изысканій, направленныхъ преимущественно на старыя крюковыя рукописи Соловецкой библіотеки Казанской духовной академіи [4]). Трудъ Ст. В. Смоленскаго вводитъ читателя въ полный художественныхъ красотъ міръ духовнаго православнаго пѣнія, убѣждая въ его неразрывности съ крюковой семіографіей, которая изъ него выросла органически, обозначая и высоту, и длительность звуковъ, и темпъ, и оттѣнки, и экспрессію.

Кромѣ того, Ст. В. Смоленскій, отступая отъ метода Д. Разумовскаго въ опредѣленіи гласовъ, содѣйствуетъ ихъ болѣе ясному пониманію живой характеристикой этихъ гласовъ на основаніи свойственныхъ имъ особенностей и мелодическихъ оборотовъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 79—80.

[3]) *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва. 1900 г., стр. 159—160.

[4]) *Ст. В. Смоленскій* составилъ интересное описаніе древнихъ пѣвческихъ рукописей въ Соловецкой библіотекѣ, подъ заглавіемъ: „Общій очеркъ историческаго и музыкальнаго значенія пѣвчихъ рукописей Соловецкой библіотеки и «азбуки пѣвчей» Александра Мезенца".—*Правосл. Собес.* 1887 г., кн. II, стр. 235—251.

[5]) Ср. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. 3 изд. Москва. 1900 г., стр. 174.

Кромѣ „Азбуки", Ст. В. Смоленскій издалъ въ 1887 г. „Краткое описаніе древняго (XII—XIII вѣковъ) знаменнаго ирмолога, принадлежащаго Воскресенскому, „Новый Іерусалимъ" именуемому монастырю". Обогативъ библіотеку синодальнаго хора массою рукописныхъ сочиненій, совершенно дотолѣ неизвѣстныхъ, Ст. В. Смоленскій написалъ о нихъ весьма интересную статью: „О собраніи русскихъ древне-пѣвческихъ рукописей въ Московскомъ синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія", напечатанную въ „Русской Музыкальной Газетѣ" (1899 г. №№ 3—5, 11—14).

Будучи педагогомъ по призванію, Ст. В. Смоленскій составилъ „Курсъ хорового церковнаго пѣнія для преподаванія въ Казанской учительской семинаріи". 1-я часть этого труда содержитъ необходимыя теоретическія свѣдѣнія, а 2-я часть есть сборникъ образцовыхъ пѣснопѣній.

Ст. В. Смоленскій положилъ на голоса для мужского хора пѣніе молебное, панихидное пѣніе на литургіи и всенощной сокращенныхъ напѣвовъ: знаменнаго, греческаго и кіевскаго. Объ этихъ переложеніяхъ Ст. В. Смоленскаго В. Металловъ пишетъ: „Подобная гармонизація церковныхъ напѣвовъ, при своей естественности и простотѣ, не лишена многихъ художественныхъ достоинствъ, а въ отношеніи правильности и разумности расположенія текста съ движеніемъ напѣва вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ церковности и неотложнымъ нуждамъ пѣвческаго клироса" [1]. Объ этомъ же трудѣ извѣстный русскій педагогъ С. А. Рачинскій отзывается такъ: „Главныя достоинства этихъ переложеній заключаются въ слѣдующемъ: они съ безусловною точностію воспроизводятъ напѣвы обиходные. За это ручается имя автора—постояннаго справщика Синодальныхъ нотныхъ изданій. Гармонизація ихъ ведена въ стилѣ простомъ и строгомъ, безъ тѣхъ сомнительнаго свойства архаизмовъ, которые спеціалистамъ могутъ казаться интересными, но въ сущности для слуха невыносимы. Она сплошь благозвучна и прозрачна и мѣстами возвышается до рѣдкаго изящества. Наконецъ, переложенія эти доступны самымъ скромнымъ средствамъ. Не требуютъ они ни высокихъ теноровъ, ни феноменальныхъ басовъ. Могутъ они быть исполнены удовлетворительно не только пѣвчими по ремеслу, но и людьми съ самой элементарной подготовкой" [2].

---

[1]) *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Москва. 1900 г., стр. 156—157.

[2]) *Рачинскій*, „Музыкальная замѣтка" („*Русское Обозрѣніе*", 1894 г., мартъ, стр. 172).

Ст. В. Смоленскій, въ качествѣ директора Московскаго Синодальнаго хора [1]) и училища церковнаго пѣнія, довелъ ввѣренныя ему учрежденія до высокой степени совершенства. Воспитанники названнаго учрежденія поютъ съ листа самыя трудныя сольфеджіо съ безукоризненной чистотой и вѣрностію, съ самыхъ раннихъ лѣтъ пишутъ контрапунктическія задачи, учатся играть на скрипкѣ и фортепіано, исполняя на послѣднемъ преимущественно творенія І. С. Баха. Но самое важное заключается въ томъ, что воспитанники этого училища живутъ въ атмосферѣ, проникнутой характеромъ древней церковной православной мелодіи. Оттого, композиторы, выходящіе изъ среды упомянутаго училища, пишутъ сочиненія, основанныя на этихъ мелодіяхъ, раскрывая всю ихъ дивную красоту, нисколько не нарушая ихъ правильности и присоединяя къ нимъ многоголосную обработку, приноровленную къ ихъ особенностямъ. Такимъ образомъ вырабатывается тотъ „отечественный контрапунктъ", о которомъ упоминается въ проектѣ, приписываемомъ Бортнянскому. Композиторы, выходящіе изъ среды учащихся въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія, находятся въ крайне благопріятныхъ условіяхъ, имѣя возможность постоянно пробовать и исправлять свои сочиненія. И какое счастливое взаимодѣйствіе между композиторами и исполнителями! Исполнители своимъ дивнымъ пѣніемъ [2]) увлекаютъ композиторовъ,

---

[1]) Московскій Синодальный хоръ назывался прежде Патріаршимъ. (См. *В. Металловъ*, Синодальные бывшіе патріаршіе пѣвчіе. См. *„Русская Музыкальная Газета"*, 1898 г.). „Синодальный хоръ, прежде патріаршіе пѣвчіе, предназначается для пѣнія въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и Синодальной церкви двунадесяти апостоловъ; онъ же участвуетъ во всѣхъ древле-установленныхъ крестныхъ ходахъ, шествующихъ изъ Успенскаго собора, и въ богослуженіяхъ тѣхъ храмовъ, въ кои оные крестные ходы направляются; хоръ пользуется также высокою честью пѣть въ присутствіи Высочайшихъ Особъ при посѣщеніи ими Москвы". (Уставъ и штатъ Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія и Синодальнаго хора. Москва. 1898 г. (§ 2, стр. 3).

[2]) Высокое художественное достоинство Синодальнаго хора признано и въ Россіи, и за границей. Весною 1899 г. названный хоръ былъ въ Вѣнѣ, гдѣ далъ концертъ. Пресса единогласно признала, что этотъ хоръ не имѣетъ себѣ равнаго по чистотѣ интонаціи, стройности пѣнія, изяществу оттѣнковъ и художественности экспрессіи. (См. „Neuigkeits Weltblatt", 19—IV 1899; „Neue freie Presse", 18—IV 1899; „Fremdenblatt", 18—IV 1899; „Neues Wiener Tagblatt", 18—IV 1899; „Wiener Tagblatt", 18—IV 1899; „Illust. Wiener Extrablatt", 18—IV 1899; „Oesterreichische Volkszeitung" 18—IV 1899; „Neues Wiener Journal", 18—IV 1899; „Reichswehr" (Wien), 18—IV 1899; „Deutsches Volksblatt", 19—IV

а композиторы, знакомые съ дѣломъ не только теоретически, но и практически (вѣдь они сами вышли изъ этого хора, въ которомъ пѣли съ малыхъ лѣтъ)—создаютъ все новые чарующіе эффекты.

Пишущему эти строки выпало счастіе послушать Синодальный хоръ 10-го января 1900 г. Хоръ исполнилъ „Херувимскую" Ст. В. Смоленскаго, нѣсколько произведеній гг. Кастальскаго и Чеснокова, бывшаго ученика Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія.

Высоко-художественное исполненіе упомянутыхъ произведеній подъ управленіемъ первокласснаго регента г. Орлова доставило присутствовавшимъ незабвенныя минуты глубочайшихъ наслажденій, и думалось мнѣ, не отсюда-ли ждать намъ пришествія того „мессіи", о которомъ мечталъ Чайковскій...

Громадный успѣхъ, замѣчаемый въ русскомъ духовномъ православномъ пѣніи, идетъ рука объ руку съ общимъ прогрессомъ, обнаруживающимся во всѣхъ сторонахъ дѣятельности нашего народа. Но какъ бы далеко ни шагнула Россія въ концѣ XIX вѣка, все же ея мощный подъемъ есть лишь утро ея молодой жизни, обѣщающее перспективу, которую представить себѣ во всей ея необъятности едва-ли возможно. Мы глубоко вѣримъ пророчеству С. А. Рачинскаго, нашего патріота-педагога, посвятившаго свою жизнь просвѣщенію русскаго народа, что „цвѣтъ русскаго искусства впереди. Вся громадная художественная работа Россіи XIX вѣка—работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, всѣ эти смѣлости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоеніе народныхъ формъ творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость въ изображеніи дѣйствительности,—все, что восхищаетъ насъ съ дѣтства и начинаетъ изумлять Европу—все это лишь драгоцѣнный матеріалъ, изъ коего будетъ воздвигнуто величавое зданіе русскаго искусства двадцатаго вѣка" [1]).

Л. Саккетти.

1899; „Reichs Post", 19—IV 1899; „Arbeiter-Zeitung", 20—IV 1899; „Deutsche Zeitung", 19—IV 1899; „Bohemia" (Prag), 18—IV 1899.

[1]) *С. А. Рачинскій,* Сельская школа, 3 изд. Спб. 1898 г., стр. 201.

время причисляетъ къ послѣдней и dispositio, хотя и нѣсколько неувѣренно (какъ показываютъ скобки на стр. 409). Отчетливую классификацію самого Горація Веклейнъ, такимъ образомъ, только запутываетъ, не говоря даже о томъ, что σύστασις τῶν πραγμάτων и по существу не совсѣмъ совпадаетъ съ реторической inventio, такъ какъ подъ терминомъ σύστασις Аристотель разумѣетъ собственно не нахожденіе драматической фабулы, а, напротивъ, закругленность ея конструкціи съ надлежащей развязкой. Вмѣсто того, чтобы насильственно подгонять дѣло къ терминамъ поэтики Аристотеля [1]), правильнѣе держаться просто того, что даетъ самъ Горацій. А такъ какъ показанная Гораціемъ классификація тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ реторическому ученію, то и нужно считаться прежде всего съ реторикой.

Помимо чисто реторическаго характера заключающейся въ стихахъ 40 — 41 partitio, Горацій трактуетъ о dispositio и elocutio въ томъ именно *порядкѣ*, который былъ принятъ въ реторикѣ, несмотря на то, что у него самого facundia показана впереди ordo. Но еще болѣе любопытно *содержаніе* того, что онъ говоритъ о *dispositio* (ст. 42 сл.):

ordinis haec virtus erit et venus, aut ego fallor,
ut jam nunc dicat jam nunc debentia dici,
pleraque differat et praesens in tempus omittat.

Вопреки общей тенденціи посланія къ Пизонамъ, направленной преимущественно къ критическому указанію недостатковъ тогдашняго драматическаго творчества, въ приведенныхъ трехъ стихахъ, которыми исчерпывается весь отдѣлъ о dispositio, дано лишь такое отвлеченное и въ сущности шаблонное опредѣленіе этого термина [2]), что этотъ отдѣлъ могъ бы совершенно отсутствовать безъ всякаго ущерба для дѣла. Если же Горацій тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ помѣстить хотя бы только теоретическое замѣчаніе о dispositio, то это доказываетъ, что авторъ составлялъ свою ars poetica по опре-

---

[1]) Кромѣ того, Веклейнъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, что привлеченіе къ этому дѣлу терминовъ поэтики Аристотеля даже и не ново; оно дано еще *Габерфельдомъ* въ выше указанномъ сочиненіи (см. у *Пѣховскаго*, 78).

[2]) Ср. Cic. *de inv.* 1, 7, 9: dispositio est rerum inventarum in ordinem distributio; *ad Her.* 1, 2, 3: ordo est distributio rerum, quae demonstrat, quo quidque loco sit collocandum.

дѣленному плану, который и желалъ выполнить безъ пробѣла, по крайней мѣрѣ въ главныхъ его частяхъ.

Послѣ этихъ немногихъ словъ о dispositio Горацій переходитъ къ *elocutio*, о чемъ и заявляетъ открыто въ первыхъ строкахъ этого обширнаго отдѣла (ст. 46—47):

in *verbis* etiam tenuis cautusque serendis
dixeris egregie, notum si callida *verbum* и т. д.

Изъ соблюденія по отношенію къ dispositio и elocutio обычнаго въ реторикѣ порядка слѣдуетъ, что къ отдѣлу объ *inventio* относится все то, что̀ предшествуетъ показанной въ стихахъ 40 — 41 partitio. На это указываетъ, впрочемъ, и глагольная форма выраженія: cui *lecta erit* res (ст. 40).

Такъ какъ partitio, касающаяся отдѣловъ объ inventio, dispositio и elocutio, цѣликомъ заимствована изъ реторики, то этимъ дана не только возможность, но и обязанность привлекать къ сравненію ученіе объ ораторскомъ искусствѣ также и въ остальныхъ частяхъ гораціевой ars poetica. Поэтому полезно будетъ напомнить схему реторики, представленную, напримѣръ, Квинтиліаномъ въ prooemium къ 1-й книгѣ (§ 21 сл.) его Institutio oratoria:

Liber primus ea, quae sunt ante officium rhetoris, continebit. Secundo prima apud rhetorem elementa et quæ de ipsa rhetorices substantia quaeruntur, tractabimus. Quinque deinceps (III — VII) *inventio*, nam huic et *dispositio* subjungitur, quattuor (VIII—XI) *elocutioni*, in cujus partem memoria et *pronuntiatio* veniunt, dabuntur. Unus (XII) accedet, in quo nobis *orator ipse* informandus est, ubi, qui *mores ejus*..., disseremus.

Въ этой схемѣ за elocutio слѣдуетъ memoria и pronuntiatio [1]). Но такъ какъ *memoria*, касающаяся заучиванія на память составленныхъ ораторомъ рѣчей, не имѣетъ никакого отношенія къ драматическому писателю (заучиваніе ролей — дѣло актеровъ), то для ars poetica возникаетъ вопросъ только о *pronuntiatio* или, какъ она чаще называлась, *actio* [2]). Подобно тому, какъ при ораторской actio или pronuntiatio рѣчь идетъ объ обстановкѣ и внѣшнихъ условіяхъ про-

---

[1]) Ср. также Quint. 3, 3, 1: omnis enim orandi ratio, ut plurimi maximique rhetores tradiderunt, *quinque partibus* constat: inventione, dispositione, elocutione, memoria, pronuntiatione sive actione.

[2]) Quint. 11, 3, 1: pronuntiatio a plerisque *actio* dicitur. Терминъ actio употребляетъ и Цицеронъ.

изнесенія рѣчей, такъ въ примѣненіи къ драмѣ дѣло будетъ касаться условій, вытекающихъ изъ принятыхъ въ сценическомъ искусствѣ порядковъ представленія драматическихъ пьесъ. Принимая во вниманіе, что Горацій вовсе не скрываетъ своей partitio, мы a priori можемъ предполагать, что, по примѣру отдѣла объ elocutio, также и начало отдѣла объ actio и pronuntiatio отмѣчено имъ въ достаточно ясныхъ выраженіяхъ. Такому предположенію и соотвѣтствуетъ стихъ 179, воспроизводящій терминъ actio съ этимологическою даже точностью:

aut *agitur* res *in scaenis* aut *acta* refertur.

И дѣйствительно, съ этого стиха начинается рядъ указаній о трагедіи именно съ точки зрѣнія сценическихъ порядковъ и условій. Сперва упоминается о томъ, что не всякое дѣйствіе принято изображать на сценѣ; далѣе идетъ рѣчь о раздѣленіи драмы на 5 актовъ, о распредѣленіи ролей, о значеніи хора и музыки, о хорѣ сатирической драмы, въ качествѣ послѣсловія трагедіи [1]) и, наконецъ, о метрикѣ съ точки зрѣнія сценической декламаціи. По Квинтиліану, а также и Цицерону, отдѣлъ объ actio находится въ тѣсной связи съ elocutio. Въ этомъ отношеніи первый пунктъ (ст. 179) представляетъ собою весьма удачный переходъ отъ собственной elocutio, которая, впрочемъ, принимается во вниманіе и въ послѣдующихъ пунктахъ, въ особенности тѣхъ, которые посвящены хору и сатирической драмѣ.

Такимъ образомъ *первая часть посланія къ Пизонамъ* (ст. 1—274) заключаетъ въ себѣ *систематическое изложеніе ученія о трагедіи по схемѣ, принятой въ ученіи объ ораторскомъ искусствѣ*, примѣнительно къ четыремъ реторическимъ терминамъ: inventio, dispositio, elocutio, actio.

Къ этому непосредственно примыкаетъ обозрѣніе *исторіи драмы у грековъ и римлянъ* (ст. 275 сл.), которое находится въ подобномъ же положеніи, какъ и отдѣлъ о dispositio: также и это историческое обозрѣніе лишено практическаго значенія, такъ какъ не содержитъ

---

[1]) Такой именно характеръ сатирической драмы ясно указанъ въ словахъ: regali *conspectus* in auro *nuper* (ст. 228). Этимъ мѣстомъ опровергается мнѣніе *Л. Мюллера* (Episteln, 256; Biographie, 90), что Горацій имѣлъ въ виду рекомендовать греческую сатирическую драму, въ видѣ самостоятельнаго рода (nicht als Appendix der Tragoedie, sondern als sebständige Dichtungsart), взамѣнъ комедіи.

въ себѣ никакихъ критическихъ указаній на недостатки современной драматургіи; къ этимъ недостаткамъ Горацій переходитъ только уже потомъ, въ видѣ предисловія къ послѣдующему. Поэтому raison d'être внесенія въ посланіе такого историческаго обозрѣнія необходимо искать въ какой-либо посторонней побудительной причинѣ. Таковою и можно признать опять-таки требованіе принятой Гораціемъ реторической системы. И дѣйствительно, справляясь у того же Квинтиліана, мы находимъ у него точнѣйшую аналогію: также и Квинтиліанъ (въ 10-й книгѣ) даетъ обозрѣніе исторіи греческой и римской литературы примѣнительно къ нуждамъ оратора. Повидимому, такое историко-литературное обозрѣніе составляло обычную главу реторики еще въ вѣкъ Горація. Различіе между Квинтиліаномъ и Гораціемъ заключается только въ томъ, что первый даетъ свой историческій очеркъ сейчасъ послѣ elocutio, передъ pronuntiatio, въ то время какъ Горацій помѣщаетъ его въ самомъ концѣ, послѣ pronuntiatio; но подобныя перемѣщенія частей встрѣчались и въ учебникахъ реторики [1]).

Въ виду всего этого само собою опредѣляется и значеніе второй части посланія къ Пизонамъ, трактующей о *личности поэта*. Аналогія этой части съ 12-й книгой Квинтиліана (l. c.: in quo nobis *orator ipse* informandus est, qui *mores ejus* и пр.) вполнѣ очевидна [2]). Подобнымъ образомъ и Цицеронъ посвящаетъ личности оратора цѣлую первую книгу своего сочиненія de oratore [3]), въ то время какъ вторая трактуетъ объ inventio и collocatio (dispositio), а третья — объ elocutio и actio.

Сравненіемъ съ трудомъ Цицерона „объ ораторѣ" уясняется вполнѣ убѣдительно и замѣтное различіе въ матеріалѣ обѣихъ частей гораціевой ars poetica. Подобно тому, какъ въ сочиненіи Цицерона меньшая половина (1-я книга) трактуетъ о томъ, что̀ нужно для того, чтобы сдѣлаться *хорошимъ ораторомъ*, въ то время какъ другая, бо̀льшая, половина (двѣ послѣднія книги) посвящена разбору того, что̀ нужно для составленія и произнесенія *хорошихъ рѣчей*, такъ и Горацій въ одной, меньшей, части посланія къ Пизонамъ говоритъ о томъ, что̀ требуется для того, чтобы выработать изъ себя

---

[1]) Такъ, напримѣръ, auctor ad Herennium говоритъ о 5 частяхъ реторики въ слѣдующемъ порядкѣ: inventio (первыя 3 книги), dispositio (3, 16 — 19), pronuntiatio и memoria (3, 19 сл.) и только въ концѣ объ elocutio (въ 4-й книгѣ).

[2]) На эту аналогію указывалъ еще *Пѣховскій*, 29.

[3]) Аналогію съ Цицерономъ отмѣчаетъ и *Schütz*, Episteln, 241.

хорошаго драматическаго поэта, въ то время какъ въ другой, большей, части разбираются условія составленія *хорошихъ трагедій* [1]).

Наконецъ, если планъ посланія къ Пизонамъ всецѣло заимствованъ изъ ученія объ ораторскомъ искусствѣ, то этимъ объясняется и даже оправдывается старинное названіе *ars poetica*, употребленное еще Квинтиліаномъ въ обоихъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ ссылается на это стихотвореніе Горація [2]). Принадлежитъ ли такое заглавіе самому Горацію или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, римляне временъ Квинтиліана пользовались этимъ названіемъ, находя его, конечно, вполнѣ подходящимъ къ содержанію. Въ оборотѣ „in arte poetica", употребляемомъ въ письмѣ Квинтиліана къ его издателю-книгопродавцу, слово ars равняется греческому τέχνη въ значеніи „руководство", „учебникъ", такъ что *ars poetica* = *руководство для поэтовъ* (раз. драматическихъ). Въ такомъ именно смыслѣ примѣняется это слово неоднократно у Квинтиліана для обозначенія учебниковъ реторики [3]). Ясно, что Квинтиліанъ, называя посланіе къ Пизонамъ ars poetica, находилъ достаточное сходство между этимъ стихотвореніемъ и учебниками реторики. Если планъ посланія къ Пизонамъ составленъ былъ по схемѣ ученія объ ораторѣ, то сходство съ руководствомъ по реторикѣ должно было быть яснымъ не только для Квинтиліана, въ качествѣ учителя этой науки, но и для всякаго образованнаго римлянина, прошедшаго курсъ реторической школы и, слѣдовательно, знакомаго съ обычной схемой реторики по собственному школьному опыту [4]). Этимъ и объясняется возникновеніе заглавія ars

---

[1]) Указанное различіе между обѣими частями столь очевидно, что даже *Schütz* (стр. 241), несмотря на то, что разбиваетъ все стихотвореніе на три главныя части (наша первая часть раздѣлена у него на двѣ), все-таки отмѣчаетъ особо, путемъ разрядки, противоположность между Dichtkunst и Dichter.

[2]) Quint. 8, 3, 60: in prima parte libri de arte poetica; въ письмѣ къ Трифону § 2: in arte poetica.

[3]) Напримѣръ, въ procemium къ 3 кн. § 11: Antiphon artem composuit; § 14: ars est utriusque = существуютъ учебники по реторикѣ того и другого автора. Даже во множественномъ числѣ artes „учебники", напримѣръ § 1: plerique scriptores artium; § 8: scriptores artium antiquissimi.

[4]) Безконечное разногласіе въ опредѣленіи темы и плана посланія къ Пизонамъ зависитъ именно отъ того, что лежащая въ основаніи этого стихотворенія схема учебника реторики для новѣйшихъ поколѣній далеко менѣе сподручна, чѣмъ для воспитывавшихся на ней римлянъ. Даже филологамъ старой школы (напримѣръ *Пѣховскому*), не имѣвшимъ такой массы ученыхъ пособій, какъ нынѣ, но зато болѣе начитаннымъ въ текстахъ древнихъ авторовъ, аналогія съ реторикой была виднѣе, чѣмъ, напримѣръ, *Веклейну*, *Вейссенфельсу*, *Фальтину* и пр.

poetica—„руководство для поэтовъ" въ ближайшія къ Горацію времена.

Возникновенію заглавія ars poetica могло содѣйствовать и то, что подобныя руководства для поэтовъ, дѣйствительно, существовали въ греческой литературѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, было сочиненіе нѣкоего Неоптолема, которымъ, по свидѣтельству Порфиріона, пользовался и Горацій при составленіи своего посланія къ Пизонамъ: in quem librum congessit praecepta Neoptolemi τοῦ Παριανοῦ *de arte poetica*, non quidem omnia, sed eminentissima [1]). Весьма возможно, что сочиненіе этого Неоптолема такъ и носило заглавіе: „ars poetica". Что же касается заявленія Порфиріона, что оно было обширнѣе стихотворенія Горація, который заимствовалъ у Неоптолема только главнѣйшія его praecepta, то это можетъ быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что сочиненіе Неоптолема трактовало о поэзіи вообще, о всѣхъ ея родахъ, въ то время какъ Горацій бралъ оттуда только то, что касалось драмы и въ частности трагедіи. Подтвержденіемъ предположенія о томъ, что сочиненіе Неоптолема касалось всей поэзіи, могутъ служить частыя ссылки Горація и на другіе роды поэзіи, въ томъ числѣ особенно на эпосъ. Если пособіемъ при составленіи посланія къ Пизонамъ служилъ греческій авторъ, то этимъ можно объяснить также и почти полное отсутствіе ссылокъ на спеціально римскіе разряды драматической поэзіи: о претекстахъ и тогатахъ онъ упоминаетъ только вскользь въ очеркѣ исторіи драмы, а, напримѣръ, ателланы совсѣмъ даже и не названы. Въ такомъ случаѣ самому Горацію принадлежитъ только приноровленіе труда Неоптолема къ тогдашнимъ условіямъ римской драматической литературы. Но для этого онъ воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ своими личными наблюденіями, послужившими такимъ образомъ вторымъ источникомъ при составленіи посланія къ Пизонамъ.

Такъ какъ гораціева ars poetica не представляетъ собою теоретически—ученаго трактата, а является, напротивъ, трудомъ критика, дающаго систематическое обозрѣніе состоянія современнаго драматическаго творчества съ цѣлью устранить недостатки послѣдняго, то

---

[1]) *A. Holder* и *O. Keller*, Scholia antiqua in Q. Horatium I; выдержки, напримѣръ, въ изданіи *Orellius-Mewes*, II, 565 сл.—*E. Norden* (Die antike Kunstprosa, I, 189) считаетъ его сторонникомъ пергамской школы. Эпитетъ Παριανός (изъ города Парія въ Виѳиніи) показываетъ, что было нѣсколько писателей съ именемъ „Неоптолемъ" и что, слѣдовательно, нѣтъ нужды отожествлять гораціева Неоптолема съ авторомъ сочиненія περὶ ἀστεϊσμῶν.

мало правдоподобно, чтобы онъ считалъ нужнымъ прибѣгать къ многочисленнымъ другимъ пособіямъ. Для его цѣлей было совершенно достаточно того матеріала, который онъ могъ найти съ одной стороны въ *поэтикѣ Неоптолема*, а съ другой—въ собственномъ своемъ опытѣ. Тотъ же Неоптолемъ могъ доставить ему и реторическій планъ, хорошо знакомый самому Горацію со школьной скамьи. Во всякомъ случаѣ видно, что Горацій не пользовался ни однимъ изъ тѣхъ произведеній греческой литературы, которыя сохранились до нашихъ временъ. Особенно это касается *поэтики Аристотеля*, которую многіе— одни болѣе рѣшительно, другіе болѣе неувѣренно—причисляютъ также къ источникамъ посланія къ Пизонамъ [1]). Однако, даже только бѣглое сличеніе Горація съ Аристотелемъ обнаруживаетъ значительное различіе общаго характера обѣихъ поэтикъ: цѣль Аристотеля — теорія, цѣль Горація—практическое поученіе. Правда, въ частностяхъ имѣются несомнѣнныя точки соприкосновенія съ Аристотелемъ. Но обозрѣніе соотвѣтственнаго матеріала у Веклейна [2]) убѣдительно показываетъ, что все это восходитъ не прямо къ Аристотелю, а только косвенно, черезъ какое-либо посредствующее звено, какимъ и могла оказываться поэтика Неоптолема.

Но ars poetica Горація — не прозаическій учебникъ, какимъ, повидимому, было сочиненіе Неоптолема. Принятая Гораціемъ форма поэтическаго посланія наложила своеобразную печать на ходъ его изложенія. Литературное посланіе вообще является только разновидностью діалога [3]), насколько оно представляетъ собою типъ связной рѣчи одного изъ собесѣдниковъ. Согласно съ этимъ и изложеніе воспроизводитъ, по возможности, тонъ и характеръ бесѣды, къ условіямъ которой Горацій умѣлъ приспособляться съ такимъ искусствомъ, что его посланіе къ Пизонамъ, несмотря на открыто указываемый имъ самимъ схематизмъ плана, все-таки производитъ впечатлѣніе вольнаго разговора, не стѣсняемаго рамками систематическаго распредѣленія обсуждаемаго авторомъ матеріала [4]). Чтобы приблизиться къ усло-

---

[1]) *A. Michaelis*, De auctoribus, quos Horatius in libro de arte poetica secutus esse videatur, 1857.

[2]) *Wecklein*, l. c. 401—409.

[3]) *H. Peter*, Der Brief in der römischen Litteratur, 15.

[4]) Впрочемъ, это касается и прочихъ посланій Горація. Ср. *G. Kettner*, l. c. 26: Diesem kunstmässigen Charakter der Horazischen Epistel entspricht auch die Komposition. Zwar hat er nur selten die Gliederung schärfer hervortreten lassen, ja oft sie geflissentlich verwischt, um so den Schein einer behaglichen Plau-

віямъ живой рѣчи въ бесѣдѣ, поэтъ избѣгаетъ слишкомъ прозрачнаго разчлененія своего стихотворенія, сливая нерѣдко два послѣдовательно разбираемые имъ пункта такъ, что переходъ отъ одного къ другому совершается какъ бы случайно и незамѣтно, вслѣдствіе чего часто нѣкоторые стихи могутъ быть отнесены столько же къ предыдущему, сколько и къ послѣдующему. Въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, поэтъ, покончивъ съ однимъ пунктомъ, круто ставитъ новый вопросъ безъ всякаго стилистическаго перехода. Одинъ какой-либо вопросъ онъ развиваетъ подробно и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, въ то время какъ по другому вопросу онъ ограничивается лишь краткимъ замѣчаніемъ, сказаннымъ какъ бы только мимоходомъ. То онъ дѣлаетъ какъ бы отступленія отъ основной темы, то опять возвращается снова къ вопросу, о которомъ была уже рѣчь раньше. Всѣ эти особенности изложенія маскируютъ имъ же самимъ показанный планъ стихотворенія въ такой мѣрѣ, что въ результатѣ получается обликъ вольной, на видъ безсистемной, бесѣды, въ которой одна мысль смѣняется другой на основаніи какъ бы случайной ассоціаціи безъ всякаго, напередъ опредѣленнаго, распредѣленія предмета бесѣды [1]). По этой причинѣ диспозиція гораціевой ars poetica, дѣйствительно, представляетъ не малыя затрудненія. Но эти затрудненія вовсе не такія неопреодолимыя, какими они кажутся.

II.

Темою посланія Горація къ Пизонамъ служитъ *трагедія въ римской литературѣ* въ вѣкъ Августа. Изложеніе же этого предмета, съ одной стороны направляющее читателя къ подражанію греческимъ образцамъ, а съ другой — критически освѣщающее тогдашніе недостатки драматическаго творчества, проведено въ систематическомъ порядкѣ по схемѣ ученія объ ораторскомъ искусствѣ, но съ сильнымъ

---

derei zu erwecken. Wie gut ihm seine Absicht gelungen ist, beweisen die jetzt üblichen Analysen des Inhalts, die im wesentlichen eine zwanglose Association der Gedanken annehmen. Dennoch ist der Aufbau des Ganzen durchweg ein planmässiger. Der Grundriss ist überall einfach, übersichtlich und streng einheitlich durchgeführt. Die einzelnen Teile sind nach logisch-rhetorischen Gesichtspunkten angeordnet. — Сочиненіе Кеттнера трактуетъ о всѣхъ посланіяхъ Горація, за исключеніемъ какъ разъ посланія къ Пизонамъ.

[1]) На этой же психологической почвѣ и вращается большая часть всѣхъ анализовъ посланія къ Пизонамъ.

приноровленіемъ къ типу свободной бесѣды, характеристичному для поэтическихъ посланій этой категоріи.

Расчлененіе матеріала, вошедшаго въ составъ посланія къ Пизонамъ, *согласно системѣ ученія объ ораторскомъ искусствѣ*, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

I-ая часть: О (трагической) поэзіи [1—288].

1. *Inventio* [1—40]. По опредѣленію Цицерона [1]), inventio est excogitatio rerum, придумываніе содержанія, изысканіе матеріала. Если бы ars poetica представляла собою полное руководство по теоріи трагическаго творчества, то, согласно проводимой Гораціемъ реторической системѣ, ему предстояло прежде всего трактовать о способахъ нахожденія сюжетовъ для трагедій. Однако, вмѣсто этого, Горацій говоритъ только объ *ошибочной* inventio, въ то время какъ о *способахъ* нахожденія матеріи для трагедій онъ упоминаетъ уже впослѣдствіи, и притомъ лишь мимоходомъ, по поводу одного частнаго вопроса въ отдѣлѣ объ elocutio (ст. 119 сл.). Это одинъ изъ многихъ примѣровъ приноровленія къ вольному порядку обсужденія вопросовъ въ бесѣдѣ. Кромѣ того, Горацій вообще любитъ начинать свои разсужденія въ сатирахъ и посланіяхъ съ какого-либо частнаго момента избранной имъ темы [2]). Примѣняя этотъ же пріемъ и въ посланіи къ Пизонамъ, онъ помѣщаетъ во главѣ эффектную картину одного изъ случаевъ ошибочной inventio, оставляя пока совершенно въ сторонѣ общій вопросъ о способахъ нахожденія трагической матеріи.

Къ тому же, этотъ общій вопросъ далеко не былъ безспоренъ. Ставя вообще образцомъ для римлянъ греческую литературу [3]), Горацій такимъ же образомъ рѣшалъ и вопросъ о нахожденіи трагической матеріи въ пользу заимствованія сюжетовъ изъ греческой миѳологіи [4]). Такимъ образомъ, онъ отклоняетъ претексты, для которыхъ сюжеты брались изъ римской исторіи. Но, независимо отъ того, что противъ греческихъ тенденцій кружка Мецената стояло націоналистическое направленіе, увлекавшееся древними римскими поэтами [5]), а,

---

[1]) Cic. *de inv.* 1, 7, 9.

[2]) *Wecklein*, Die Kompositionsweise des Horaz und die epistula ad Pisones, 383 сл.

[3]) Ср. ст. 268: vos exemplaria graeca nocturna versate manu, versate diurna.

[4]) Fama (ст. 119) = publica materies (ст. 131).

[5]) Противъ этого направленія Горацій полемизируетъ въ ст. 270—274 и полнѣе въ посланіи въ Августу (ст. 23 сл.).

слѣдовательно, и ихъ претекстами, даже и принципіально невозможно было совершенно отрицать допущенія новыхъ сюжетовъ, не только взятыхъ, напримѣръ, изъ римской исторіи, но и придуманныхъ все-цѣло самими авторами. Поэтому Горацій теоретически допускаетъ и послѣдній способъ нахожденія трагической матеріи [1]; но все-таки онъ рекомендуетъ римскимъ авторамъ лучше придерживаться миѳологіи грековъ въ ихъ собственныхъ интересахъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ легче будетъ имъ избѣгнуть ошибокъ [2].

Имѣя въ виду въ своей ars poetica прежде всего практическія цѣли, Горацій, оставивъ теоретическій вопросъ, приступаетъ прямо къ указанію фактическихъ ошибокъ въ дѣлѣ нахожденія матеріала, независимо отъ вопроса, взятъ ли этотъ матеріалъ изъ греческой литературы или нѣтъ. Inventio у римскихъ драматическихъ писателей была неумѣлая: плохо сработанный матеріалъ страдалъ неумѣстной пестротой, нарушавшей ту гармоничную цѣльность, которая необходима для *всякаго* произведенія искусства [3].

а) *Неумѣлая contaminatio* [1—13]. Составленіе одной латинской пьесы изъ двухъ (или болѣе) греческихъ было весьма распространено въ римской литературѣ еще со временъ Плавта и Теренція [4]. Но между тѣмъ какъ у этихъ старинныхъ авторовъ контаминаціонные швы мало и даже совсѣмъ не были замѣтны [5], плохіе поэты между современниками Горація, напротивъ, оказывались очень неискусными въ примѣненіи этого пріема, что̀ Горацій и характеризуетъ при помощи эффектнаго сравненія съ картиной, представляющей изображеніе нескладнаго фантастическаго чудовища. Но, впрочемъ, и Горацій не высказывается противъ контаминаціи вообще (стр. 11), а только бичуетъ плохую контаминацію (ст. 12—13).

---

1) Ст. 119: aut famam sequere aut sibi convenientia *finge*.

2) Ст. 129: rectius Iliacum carmen deducis in actus,
quam si proferres indicta ignotaque primus.

3) Ст. 23: denique sit quidvis simplex dumtaxat et unum.—Къ этому требованію художественнаго единства и цѣльности Горацій возвращается попутно и въ другихъ мѣстахъ (ст. 117: sibi convenientia; ст. 152: primo ne medium, medio ne discrepet imum).

4) Ср. напр. Ter. *Heaut.* 17: multas contaminasse graecas, dum facit paucas latinas.

5) Такъ, напр., прологъ къ Ter. *Heaut.* имѣетъ полный смыслъ только въ омъ случаѣ, если и эта пьеса Теренція составлена путемъ контаминаціи, хотя и не видно никакихъ слѣдовъ этого. См. *Skutsch*, Der Prolog zum Haut. des Terenz. *Philol.* 1900, 1 сл.

b) *Смѣшеніе разныхъ видовъ поэзіи* [14—23]. Другой случай нескладной inventio заключался въ томъ, что драматическіе писатели не стѣснялись включать въ свои пьесы такія мѣста, которыя умѣстны скорѣе въ другихъ разрядахъ поэтическихъ произведеній. Въ видѣ примѣра Горацій указываетъ включеніе въ драму эпическихъ описаній мѣстностей и явленій природы. Неумѣстность такого смѣшенія типовъ поясняется сравненіемъ съ картиной, на которой къ сценѣ благополучнаго спасенія утопающаго некстати приплетено изображеніе похоронной принадлежности, а самое смѣшеніе литературныхъ типовъ охарактеризовано сравненіемъ съ гончарнымъ издѣліемъ, которое должно представлять собою амфору, но въ нѣкоторыхъ частяхъ смахиваетъ своею формою на горшокъ [1]).

c) Вообще, если въ произведеніяхъ римскихъ драматическихъ писателей заключалось что-либо хорошее съ точки зрѣнія ученія о нахожденіи матеріи, то это касалось только частностей, въ то время какъ *все произведеніе, взятое въ цѣломъ, оказывалось нескладнымъ* и неумѣлымъ [24—37]. Это общее положеніе является у Горація какъ бы только обобщеннымъ выводомъ изъ первыхъ двухъ пунктовъ. Тѣмъ не менѣе онъ и тутъ не оригиналенъ, такъ какъ вопросъ о неумѣніи подчинять частности цѣлому ставился и въ реторикѣ и притомъ именно въ отдѣлѣ объ inventio въ связи съ вопросомъ о неумѣньѣ разобраться въ массѣ частностей [2]).

Скорѣе можетъ быть признано оригинальнымъ приводимое Гораціемъ обоснованіе этого явленія [3]): decipimur specie recti (ст. 24)=не умѣемъ опредѣлять, что̀ хорошо и что̀ нѣтъ. Въ поясненіе этой мысли, поставленной во главѣ пункта ex abrupto, безъ стилистическаго перехода отъ предшествующаго, Горацій приводитъ сперва четыре примѣра, не имѣющіе исключительнаго отношенія къ драмѣ, а, напротивъ, могущіе касаться всякаго литературнаго произведенія, даже прозаическаго. Только уже на пятомъ мѣстѣ имѣется примѣненіе къ

---

[1]) Странно, что *Л. Мюллеръ* (Episteln, 260 ad v.), хотя и считаетъ темою посланія къ Пизонамъ вообще только драму, въ этомъ мѣстѣ, однако, почему-то полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ объ эносѣ, въ который вставлены посторонія, но тоже эпическія части, а затѣмъ самъ же удивляется тому, какъ это можно было порицать подобныя эпическія вставки въ эпическихъ же стихотвореніяхъ.

[2]) Quint. 8 prooem. § 27: atqui plerosque videas *haerentes circum singula* et dum *inveniunt* et dum *inventa* ponderant.

[3]) Однако, возможно и въ этомъ предполагать заимствованіе изъ Неоптолема.

цѣльности и единству матеріи драматическаго произведенія, да и то опять-таки лишь въ видѣ сравненія съ живописью (ст. 29 сл.):

qui [1]) variare cupit rem prodigialiter unam, [2])
delphinum silvis adpingit, fluctibus aprum;

т. е., „желающій придать болѣе разнообразія удивительно несложной темѣ способенъ, если онъ живописецъ, нарисовать тюленя въ степи и оленя на морскихъ волнахъ". Приложеніе этой аналогіи къ литературному труду само собою вытекаетъ изъ связи съ предшествующимъ (ст. 19: et fortasse cupressum scis simulare). Далѣе Горацій сравниваетъ неумѣлаго поэта съ скульпторомъ, который—infelix operis summa, quia ponere (т. е. componere) totum nescit, причемъ отношеніе къ драматической поэзіи ясно выражено словами: si quid componere curem (ст. 35); см. ст. 306: nil scribens ipse. Наконецъ дано еще сравненіе съ человѣческимъ лицомъ, въ которомъ красивыя черты стушевываются передъ какой-либо одной безобразной чертой.

Заканчивая отдѣлъ объ inventio, Горацій указываетъ, что неумѣнье соединять найденную матерію въ одно гармоничное цѣлое свидѣтельствуетъ о томъ, что такіе поэты избираютъ тему, не соотвѣтствующую ихъ силамъ [ст. 38—40]. Избраніе посильной темы тѣмъ болѣе важно, что это имѣетъ большое значеніе также и для dispositio и для elocutio [ст. 40—41].

2. *Dispositio* [42—44]. Вмѣсто этого термина въ реторикахъ встрѣчалось и выраженіе ordo, употребленное въ этомъ мѣстѣ Гораціемъ. О значеніи стиховъ 40—44 см. выше.

3. *Elocutio* [45—179]. Начальные два стиха этого отдѣла со временъ Бентлея часто печатаются, съ перестановкой, въ слѣдующемъ порядкѣ:

in verbis etiam tenuis cautusque serendis
hoc amet, hoc spernat promissi [3]) carminis auctor.

---

[1]) Qui = одинъ изъ тѣхъ, qui decipiuntur specie recti.

[2]) Мѣсто это толкуется различно (ср. напр. *Wecklein*, l. c. 392). Однако, такъ какъ res una, согласно съ ст. 23, означаетъ: res simplex, то само собою дано и значеніе нарѣчія prodigialiter, въ качествѣ усиленія слова una (simplex): „чрезвычайно", „необыкновенно", „ужасно", „удивительно" и т. п.

[3]) *L. Müller* (Episteln, 263) безъ всякой нужды заподозриваетъ чтеніе promissi. Въ лексическомъ отношеніи promitto = profiteor (ст. 14; 27). Причастіе же promissus является здѣсь стилистическимъ эквивалентомъ формы futurus (на подобіе того, какъ напр. у Виргилія „*incedo* regina" = *sum* regina).

Въ этомъ случаѣ оба стиха принадлежали бы всецѣло и исключительно къ отдѣлу объ elocutio. Однако, возможно вовсе и не измѣнять рукописнаго порядка въ слѣдующемъ видѣ:

hoc amet, hoc spernat [1]) promissi carminis auctor,
in verbis etiam tenuis cautusque serendis.

При такомъ порядкѣ первый стихъ представляетъ собою переходъ, принадлежащій ἀπὸ κοινοῦ, какъ къ предшествующему (inventio и dispositio), такъ и къ послѣдующему (elocutio) [2]), причемъ частица etiam служитъ выраженіемъ именно этой общности = „будучи tenuis cautusque не только въ inventio и dispositio, но *также и* въ elocutio (in verbis serendis) [3]).

a) *О выборѣ словъ* [45—72]. Также и Квинтиліанъ начинаетъ отдѣлъ объ elocutio именно съ этого вопроса [4]). Глава о словахъ у Горація обращаетъ на себя вниманіе не только сравнительною обширностью, но и такою живостью рѣчи, которая свидѣтельствуетъ о личномъ интересѣ говорящаго. Любопытно, что въ этомъ отношеніи глава о словахъ составляетъ точную параллель къ соотвѣтствующему отдѣлу сочиненія Цицерона orator [5]): оба автора одинаково отстаиваютъ право вводить въ римскую литературу новыя реченія [6]). Очевидно, этотъ вопросъ долго составлялъ литературную злобу дня [7]),

---

[1]) *Л. Мюллеръ* ставитъ здѣсь точку, а затѣмъ изъ заподозрѣннаго имъ чтенія promissi извлекаетъ глаголъ sit ради того, чтобы получить новое сказуемое для оставшагося ни при чемъ (вслѣдствіе точки) подлежащаго auctor.

[2]) Также и въ реторикахъ указывалось соотношеніе между elocutio и inventio. Ср. напримѣръ, Cic. *de inv.* 1, 7, 9: *elocutio est* idoneorum verborum et sententiarum *ad inventionem accomodatio.*

[3]) При указанныхъ знакахъ препинанія (запятая послѣ auctor и точка послѣ serendis), конструкція двустишія вполнѣ прозрачна. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые издатели предпочитаютъ послѣ auctor точку, такъ что второй стихъ, съ запятой послѣ serendis, примыкаетъ къ послѣдующему dixeris. Такъ печатаютъ это мѣсто, напримѣръ, *Orellius-Mewes* (ed. IV maior) и *Schütz* (III, 1883).

[4]) Quint. 8, 1, 1: elocutio spectatur verbis aut singulis aut coniunctis.—Ср. и у Горація выраженіе iunctura (ст. 48), смыслъ котораго виденъ изъ ст. 242: tantum series iuncturaque pollet.

[5]) Cic. *or.* 44, 149, 49—162; ср. также *de or.* 3, 10, 37 сл.

[6]) Въ посланіи къ Флору (ст. 115 сл.) Горацій, кромѣ новыхъ словъ, отстаиваетъ также и возобновленіе хорошихъ старыхъ реченій. Въ ars poetica послѣдній случай затронутъ только мимоходомъ (ст. 70: multa renascentur, quae iam cecidere).

[7]) Напротивъ, въ вѣкъ Квитиліана вопросъ уже считался рѣшеннымъ въ

входя, вѣроятно, въ число тѣхъ вопросовъ, о которыхъ спорили между собою такъ называемые аномалисты и аналогисты [1]).

b) *О выборѣ метра* [73 — 82]. Вслѣдъ за вопросомъ о выборѣ словъ учебники реторики трактовали о numerus, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу и метрики, особенно по отношенію къ окончаніямъ періодовъ [2]). Весьма обстоятельно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ у Цицерона [3]), менѣе пространно, но все-таки довольно подробно и у Квинтиліана [4]). Вопросъ о метрической формѣ рѣчи въ драмѣ далеко менѣе сложенъ, чѣмъ въ ораторской прозѣ. Поэтому Горацій ограничивается простымъ указаніемъ на ямбъ, какъ наиболѣе характеристичный размѣръ драматическаго діалога, причемъ, ради уясненія постановки вопроса, приводятся и другіе стихи, характеристичные для того или другого разряда поэзіи. Въ этомъ же мѣстѣ можно было говорить и о недостаткахъ въ метрикѣ римскихъ драматическихъ писателей. Но такъ какъ основное требованіе элокуціи заключалось въ *соотвѣтствіи* формы (elocutio) избранной матеріи (inventio) [5]), то указаніемъ на ямбъ какъ на *соотвѣтственный* стихъ, Горацій призналъ свою задачу въ этомъ мѣстѣ законченною, а потому и отложилъ до другого случая *критику* ямба у римскихъ поэтовъ.

Указаніе на ямбъ, какъ на типичный для драматическаго діалога стихъ [6]), составляетъ естественное заключеніе этой главы. Тѣмъ не менѣе къ ней же причисляютъ обыкновенно еще и слѣдующіе затѣмъ три стиха [83—85), усматривая въ нихъ спеціальное обозначеніе лирики. Въ пользу такого мнѣнія можно было бы указывать на выраженіе fidibus, примѣняемое преимущественно къ лирикѣ [7]). Однако, у Горація, по крайней мѣрѣ, лира вовсе не является исключительно только символомъ лирики [8]). Онъ даже не считаетъ лиру спеціаль-

пользу употребленія старинныхъ литературныхъ выраженій, даже предпочтительно передъ loquendi consuetudo (1, 7, 43 сл.).

[1]) *Ed. Norden*, l. c. I, 184—189.

[2]) Ср., напримѣръ, *Ed. Norden*, l. c. II, 923 — 950; *H. Peter*, Der Brief in der röm. Litteratur, 25.

[3]) Cic. *or.* гл. 49 сл.; *de or.* 3, 44, 173 сл.

[4]) Quint. 9, 4, 45 сл.

[5]) Cic. *de inv.* 1, 7, 9: elocutio est *idoneorum* verborum ad inventionem *accomodatio*.

[6]) Такъ еще Аристотель *poet.* 4, 19: μάλιστα γὰρ λεκτικὸν τῶν μέτρων τὸ ἰαμβεῖόν ἐστιν.

[7]) Напримѣръ, Hor. *c.* 4, 3, 23: Romanae fidicen lyrae.

[8]) Hor. *a. p.* 407: Musa *lyrae* sollers: здѣсь дѣло касается главнымъ образомъ *драматической* поэзіи, какъ видно изъ факта обращенія къ Пизону.

нымъ аттрибутомъ лирической музы Евтерпы, а, напротивъ, флейту [1]). Итакъ, выраженіе fidibus (=lyra) не можетъ считаться доказательствомъ, что здѣсь идетъ рѣчь только о лирикѣ. Кромѣ того, означенные три стиха отличаются отъ предшествующихъ настолько, что даже и не могутъ быть признаны простымъ продолженіемъ главы о выборѣ метра. Въ то время, какъ въ стихахъ 73—82 пять разъ проведена неизмѣнно одна и та же формула: такому-то содержанію соотвѣтствуетъ (присвоенъ) такой-то стихъ, здѣсь (ст. 83—85), напротивъ, о метрикѣ умалчивается совершенно. Ни единымъ словомъ не намекается на то, что, подобно перечисленнымъ передъ тѣмъ разрядамъ поэзіи, также и лирикѣ присвоенъ какой-либо особенно типичный размѣръ. Напрасно также и смыслъ отдѣльныхъ выраженій пригоняется исключительно къ лирикѣ. Нѣтъ нужды подразумѣвать въ словахъ: divos puerosque deorum (ст. 84) *только* пэаны и гимны, да энкоміи; съ одинаковымъ правомъ можно разумѣть также и эпосъ и трагедію [2]). Подобнымъ образомъ, также въ ст. 85, вмѣсто эротической поэзіи, годится и комедія [3]). Прямой смыслъ этихъ трехъ строчекъ, съ ихъ полисиндетической конструкціей, указываетъ, что дѣло касается не метрики и не какого-либо отдѣльнаго разряда поэзіи, а, напротивъ, *разнообразія содержанія поэзіи* вообще. Наконецъ, и обрывистое (асиндетическое) начало этихъ стиховъ [4]) наводитъ на мысль, что мы тутъ имѣемъ дѣло не съ продолженіемъ предшествующей главы, а, напротивъ, съ новой главой, или, точнѣе, со вступленіемъ къ новой главѣ, близко примыкающимъ къ отдѣлу о выборѣ размѣра, но все-таки заключающимъ въ себѣ уже другую мысль.

c) *О дикціи выводимыхъ въ трагедіи лицъ* [83—118]. Отмѣтивъ великое разнообразіе содержанія поэзіи въ ея многочисленныхъ разрядахъ (ст. 83—85), Горацій переходитъ къ вопросу о томъ, что каждый отдѣльный разрядъ поэзіи имѣетъ свой особый типъ (vices)

---

[1]) Hor. c. 1, 1, 32: si neque *tibias* Euterpe cohibet.

[2]) И, пожалуй, трагедію даже предпочтительно передъ всякими пэанами, если сопоставить ст. 84: divos puerosque deorum co ст. 114: divusne loquatur an heros (heroes=pueri deorum), гдѣ рѣчь идетъ спеціально о трагедіи.

[3]) Ср. *ep.* 2, 1, 171: aspice, *Plautus* quo pacto partes tutetur *amantis ephebi*. Кромѣ того, если въ словахъ juvenum curas видѣть *исключительное* обозначеніе эротической поэзіи, то они являлись бы лишнимъ повтореніемъ того, что было уже разъ сказано (ст. 75).

[4]) Не безъ причины смущавшее такого знатока стиля Горація, какъ *Л. Мюллеръ* (Episteln, 269: doch fällt das Asyndeton auf).

и свой особый стиль (colores)[1]), каковое общее положеніе сейчасъ же прилагается спеціально къ трагедіи. Также въ реторикѣ, въ отдѣлѣ объ elocutio, обращалось вниманіе на обязанность оратора приспособлять свою рѣчь къ частнымъ условіямъ каждаго отдѣльнаго дѣла[2]).

α) *Дикція въ трагедіи должна отличаться отъ дикціи комедіи* [89—98]. Это касается какъ вообще всего содержанія (res) пьесы, такъ и отдѣльныхъ ея частей[3]), хотя въ послѣднемъ отношеніи много зависитъ отъ случайной ситуаціи даннаго лица. Приводимые на это два примѣра, одинъ изъ трагедіи, другой изъ комедіи, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляютъ переходъ къ послѣдующимъ двумъ пунктамъ, такъ какъ примѣръ изъ комедіи соотвѣтствуетъ первому изъ нихъ, а примѣръ изъ трагедіи—второму.

β) *Дикція въ драмѣ должна соотвѣтствовать данному настроенію изображаемаго лица* [99—113]. Въ умѣломъ соблюденіи этого частнаго правила кроется главная тайна умѣнья увлекать зрителя. Это дѣло (терминъ: movere)[4]) также и въ реторикѣ разсматривалось въ отдѣлѣ объ elocutio[5]).

γ) *Дикція въ драмѣ должна соотвѣтствовать и общему положенію лица*, покрайней мѣрѣ, въ данный періодъ его жизни [114—118]. Для правильной elocutio далеко не безразлично, говоритъ ли богъ или полубогъ или, наконецъ, обыкновенный смертный человѣкъ; въ послѣднемъ же случаѣ дикція опять-таки разнообразна въ зависимости отъ возраста, соціальнаго положенія (matrona—nutrix), профессіи и національности.

d) *Опредѣленіе дикціи, соотвѣтственной характеру выводимаго въ драмѣ лица, зависитъ отъ inventio* [119—135], т.-е. отъ способа нахожденія драматической матеріи.

α) Если сюжетъ берется изъ миѳологіи, то дикція и вообще характеристика изображаемыхъ въ такой трагедіи лицъ должна соот-

---

[1]) Вмѣсто descriptas лучше discriptas (*Düntzer*, *Ribbeck* и др.).

[2]) Quint. 6, 4, 11: aptare orationem locis, temporibus, personis...; hic locus mixtus est cum elocutione. — Ср. Cic. *de or.* 2, 10, 37: apte congruenterque dicere.

[3]) Ст. 92: singula quaeque locum teneant sortita decenter=locum, quem sortita sunt (т.-е. трагедія или комедія), teneant ut decet (по роду драмы).

[4]) Таковъ смыслъ и слова dulcia (ст. 99), какъ видно изъ связи не только съ предшествующимъ (cor spectantis tetigisse), но и съ послѣдующимъ (animum auditoris agunto).

[5]) Ср. Cic. *de or.* II § 184—204.

вѣтствовать установленному традиціею представленію о каждомъ лицѣ, напримѣръ, объ Ахиллѣ [120—124].

β) Если же сюжетъ придуманъ самимъ авторомъ, то характеръ каждаго лица (ст. 126: persona) долженъ быть выдержанъ послѣдовательно во всей пьесѣ [125—127].

γ) Но такъ какъ придумываніе самостоятельныхъ сюжетовъ, равняющееся конкретному олицетворенію общихъ типовъ, является дѣломъ нелегкимъ [1]), то Горацій и совѣтуетъ своимъ современникамъ лучше придерживаться греческой миѳологіи, тѣмъ болѣе что и общеизвѣстная матерія (publica materies) представляетъ собой достаточный просторъ для самостоятельной работы въ приспособленіи миѳологическаго разсказа къ условіямъ драмы [2]). Указаніе на эти спеціальныя требованія драматической поэзіи (operis lex) [3]) служитъ въ то же время уже переходомъ къ слѣдующему пункту [128—135].

e) *Начало драмы должно вводить зрителя прямо in medias res* [136—152]. Въ этомъ отношеніи драма сходится съ эпосомъ [4]), изъ котораго и указывается нѣсколько примѣровъ въ виду ихъ особенной наглядности. Въ послѣднихъ двухъ стихахъ (151—152) авторъ отмѣчаетъ связь этого пункта съ одной стороны съ предшествующимъ отдѣломъ объ элокуціи [5]), а съ другой—съ начальной частью своего стихо-

---

[1]) Ст. 128: difficile est *proprie communia* dicere. — Объясненіе этого мѣста считается затруднительнымъ, а *Л. Мюллеръ* ставитъ даже крестикъ при словѣ communia. Многіе (напримѣръ *Шютцъ*) отожествляютъ communia съ publica materies (ст. 131). Но въ такомъ случаѣ слѣдующее вслѣдъ за этимъ выраженіе „tuque" нужно было бы понимать въ смыслѣ: „но *тѣмъ не менѣе* ты"..., что повидимому, не годится. Напротивъ, que въ значеніи „*а потому*" встрѣчается у самого Горація неоднократно (*c.* 2, 12, 9; 3, 30, 6; *a. p.* 183). *Communia* въ значеніи „общіе (отвлеченные) типы" подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ у Квинтиліана (2, 4, 22): *communes loci*: de his loquor, quibus citra personas (citra = sine) in ipsa vitia moris est perorare, ut in *adulterum*, *aleatorem*, *petulantem*. Ср. также 7, 1, 28: *communia* generalia sunt.

[2]) Также и греческіе трагики давали болѣе или менѣе вольныя передѣлки миѳологическихъ сюжетовъ.

[3]) Какъ эта ссылка на operis lex, такъ и упоминаніе объ Iliacum carmen восходитъ къ Аристотелю (ср. *poet.* 18 и 23), но въ нѣсколько уже иномъ видѣ (Горацій не пользовался Аристотелемъ непосредственно, а черпалъ свой матеріалъ изъ Неоптолема).

[4]) Аристотель (*poet.* 5, 12) опредѣляетъ отношеніе трагедіи къ эпосу вообще такъ: *все, что касается эпоса, относится и къ трагедіи*, но не наоборотъ.

[5]) Стихи 151—152 имѣютъ свою параллель въ ст. 126 — 127. Вообще стихи 151—152, не имѣющіе никакой особенной связи съ даннымъ *пунктомъ*, имѣютъ

творенія, посвященной вопросу о художественномъ единствѣ драматическаго произведенія. Но въ то же время правило: in medias res является уже въ значительной степени однороднымъ съ первымъ правиломъ послѣдующаго отдѣла объ actio (ст. 179 сл.).

Пункту о началѣ драмы—въ реторикѣ соотвѣтствуетъ ученіе объ exordium, излагавшееся, наравнѣ съ прочими partes orationis, въ отдѣлѣ объ inventio [1]). Перемѣщеніе въ отдѣлъ объ elocutio у Горація (безъ сомнѣнія, по примѣру Неоптолема) можетъ быть объяснено особыми условіями эпоса и драмы (operis lex), совершенно отличными отъ условій ораторскаго exordium.

f) *Спеціальный экскурсъ о возрастахъ* [157—178]. Эта глава во многихъ отношеніяхъ своеобразна. Уже по своему содержанію она представляется явнымъ дополненіемъ къ одному изъ многихъ пунктовъ, перечисленныхъ въ третьемъ параграфѣ главы о соотвѣтственной дикціи (ст. 114 сл.). Въ то время какъ прочіе пункты этого параграфа такъ и остались безъ детальнаго разбора, одинъ только вопросъ о возрастахъ разработанъ столь подробно и снабженъ такимъ внушительнымъ вступленіемъ (153—155) [2]), что необходимо предполагать во всемъ этомъ какія-либо особыя причины. Въ виду же основной тенденціи посланія къ Пизонамъ нужно полагать, что вопросу о возрастахъ Горацій придавалъ важное *практическое* значеніе, потому ли что тогдашніе драматическіе писатели вообще оказывались неискусными въ этомъ пунктѣ или же потому, что это былъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ самого Пизона [3]). Притомъ дополнительный экскурсъ о возрастахъ не помѣщенъ сейчасъ же послѣ ст. 118, а, напротивъ, находится въ такомъ мѣстѣ, которое по всѣмъ признакамъ является рубежомъ между отдѣлами объ elocutio и actio: если попробовать опустить при чтеніи этотъ экскурсъ и перейти отъ ст. 152 прямо къ ст. 189, то получается вполнѣ опредѣленная связь между предшествующимъ и послѣдующимъ, между вопросомъ о томъ, съ какого момента открывается дѣйствіе драмы, и вопросомъ о томъ, какія дѣйствія въ самой драмѣ должны быть устранены со сцены. Такимъ

скорѣе значеніе заключенія ко всему *отдѣлу* объ elocutio и даже ко всей предшествующей части стихотворенія.

[1]) Ср. Quint. 4, 1.

[2]) Это вступленіе, съ обращеніемъ къ Пизону (tu), вызвало даже мнѣніе, что съ этого-то мѣста и начинается самая главная и самая существенная часть всего стихотворенія. См. *Wecklein*, 401.

[3]) Въ первомъ случаѣ tu—общее лицо, во второмъ — обращеніе къ Пизону.

образомъ экскурсъ о возрастахъ имѣетъ явный характеръ вставки, внесенной Гораціемъ въ готовое уже стихотвореніе дополнительнымъ образомъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ и матеріальная своеобразность главы. Въ другихъ частяхъ своей ars poetica Горацій, пользуясь матеріаломъ Неоптолема, то и дѣло приводитъ примѣры изъ греческой литературы. Напротивъ, глава о возрастахъ выдержана въ формѣ общихъ характеристикъ, безъ всякихъ ссылокъ на опредѣленные литературные типы. Эго обстоятельство, въ связи съ явственными намеками на спеціально римскую жизнь [1]), показываетъ, что глава о возрастахъ составлена Гораціемъ независимо отъ Неоптолема и вообще при другихъ условіяхъ.

4. *Actio*, т. е. отдѣлъ о *сценическихъ условіяхъ*, къ которымъ нужно было приспособляться при составленіи драмы для греко-римской сцены.

a) Ῥῆσις ἀγγελική [179—188]. Не всякое дѣйствіе представлялось совершающимся на сценѣ; многое приходилось писателю передавать въ повѣствовательной формѣ (напримѣръ, черезъ вѣстниковъ). Горацій и приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ миѳологическихъ сюжетовъ [2]).

b) *Акты* [189 — 190]: ихъ полагалось не менѣе, но и не болѣе пяти [3]).

c) *Дѣйствующія лица* [191 — 192]. О нихъ даны два указанія: α) появленіе боговъ на сценѣ допускается только въ развязкѣ; β) одновременно на сценѣ можетъ находиться не болѣе трехъ говорящихъ лицъ [4]).

---

[1]) Ст. 161 сл. (campus Martius); ст. 167 (inservit *honori*, о магистратурѣ)

[2]) Не совсѣмъ понятно, почему *Л. Мюллеръ* (Biographie, 91) усматриваетъ въ этомъ мѣстѣ протестъ Горація противъ тогдашняго стремленія къ обстановочнымъ эффектамъ на сценѣ. Вѣдь дѣло касается только драматической *поэзіи*, но не сценическаго *искусства*.

[3]) Вслѣдствіе скудости свѣдѣній о драмѣ александрійскаго періода время установленія правила о дѣленіи драмъ на 5 актовъ спорно. Но теперь уже не сомнѣваются въ томъ, что самое правило установлено не римлянами, а, напротивъ, еще греками, и притомъ вскорѣ послѣ Аристотеля. См. *Wecklein* I. с. 403 сл.; *L. Müller*, Q. Ennius. Einleitung in das Studium der lat. Poesie, 8; Episteln, 284.—Дѣленіе на 5 актовъ примѣнялъ еще Теренцій.

[4]) Напротивъ, количество компарсовъ могло быть неограниченное. Въ греческихъ театрахъ александрійскаго періода въ этомъ отношеніи встрѣчались случаи роскоши, доходившіе до чудовищныхъ размѣровъ. Ср. *Pauly-Wissowa*, R. E. s. v. Chor.—Примѣру грековъ слѣдовали и римляне; также на римской

d) *Хоръ* [193—201]. О немъ даны также два указанія общаго характера: α) хоръ долженъ играть роль дѣйствующаго лица, наравнѣ съ ролями актеровъ [1]); β) онъ долженъ стоять на сторонѣ добрыхъ и несчастныхъ, умѣряя при этомъ разошедшіяся страсти. Упоминаніе о хорѣ безъ присоединенія какой-либо оговорки [2]) само собою доказываетъ, что въ ars poetica на первомъ планѣ стоитъ трагедія [3]).

e) *Музыка* [202—219]. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Горацій касается музыки только въ связи съ вопросомъ о хорѣ и въ частности съ *вопросомъ объ отношеніи музыкальной части къ содержанію хорового пѣнія*. Разсматриваетъ онъ этотъ вопросъ въ историческомъ освѣщеніи. Инструментальная музыка, сопровождавшая пѣніе хора, имѣла сперва только вспомогательное значеніе [4]). Но съ теченіемъ времени, въ угоду театральной публикѣ, музыка получила первенствующее значеніе, въ ущербъ поэтическаго слова. Хористы стушевались передъ музыкантами, появлявшимися на сценѣ въ нарядѣ виртуозовъ. Слова хора, дойдя до степени либретто музыкальныхъ нумеровъ, приняли форму напыщеннаго и туманнаго краснорѣчія.

f) *Сатирическая драма* [220—250]. Подобно извращенію роли хора, также и сатирическая драма, въ качествѣ дивертисмента послѣ трагедіи [5]), обязана своимъ возникновеніемъ, по мнѣнію Горація, желанію угодить невѣжественной части театральной публики, ищущей

сценѣ изображалось, напр., бѣгство многочисленныхъ отрядовъ, пышные тріумфы со всѣми деталями и т. п. (см. *ep.* 2, 1, 189—193).

[1]) Со времени Еврипида хоръ началъ утрачивать значеніе дѣйствующаго лица, приближаясь къ положенію нынѣшнихъ театральныхъ оркестровъ, заполняющихъ антракты музыкой, не имѣющей никакого отношенія къ даннымъ драматическимъ пьесамъ.

[2]) О существованіи хора въ трагедіи александрійскаго періода см., напр., *O. Jahn*, *Hermes*, 1867, 227 сл., *O. Ribbeck*, Die röm. Tragoedie, 637 сл., *Körte*, Das Fortleben des Chors im griech. Drama. *Neue Jahrb. f. d. klass. Alt.* 1900, 81 сл., *Pauly-Wissowa*, R. E. s. v. Chor. — Въ римской литературѣ хоръ засвидѣтельствованъ, напр., для трагедіи Эннія Iphigenia (Gell. 19, 10, 12). — См. также *Piechowski*, l. c. 96.

[3]) Интересное наблюденіе, что въ ст. 199 (iustitiam legesque et otia) заключается точное соотвѣтствіе съ именами 3 Горъ у Гесіода: δίκη, εὐνομία, εἰρήνη (*Th. Zielinski*, *Philol.* 1901, 1) свидѣтельствуетъ о сильной *степени* зависимости Горація отъ его греческаго источника (Неоптолема), даже и въ частностяхъ.

[4]) Ст. 214: adesse choris.

[5]) Ст. 228: heros, regali *conspectus* in auro *nuper* et ostro; ст. 220: carmine qui tragico certavit, mox *etiam* Satyros nudavit.

прежде всего удовольствія [1]. Но онъ совѣтуетъ не потворствовать вкусамъ низменныхъ слоевъ народа [2] и не превращать сатировъ въ балаганныхъ шутовъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что во всей этой главѣ идетъ рѣчь преимущественно только о сатирахъ (фавнахъ, Силенѣ), въ то время какъ о богахъ и герояхъ упоминается лишь мимоходомъ, съ цѣлью указать на ихъ фальшивое положеніе въ такой шутовской компаніи, какою являлись сатиры въ указанномъ извращеніи. А такъ какъ сатиры составляли *хоръ* въ сатирической драмѣ, то посвященная этой драмѣ глава посланія къ Пизонамъ является въ сущности только *дополнительной статьей отдѣла о хорѣ* [3], наравнѣ со статьей о музыкѣ. Какъ музыки, такъ сатирической драмы Горацій касается лишь настолько, насколько дѣло относится къ хору, причемъ въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду, главнымъ образомъ, характеръ рѣчи хора (elocutio). По мнѣнію Горація, тонъ въ рѣчахъ сатировъ долженъ быть выше комедіи, но не столь высокимъ, какъ въ трагедіи. Лучше всего, если сатиры будутъ говорить въ среднемъ стилѣ, близкомъ къ стилю *обыденной* рѣчи [4]. Однако, какъ разъ такая естественная простота дикціи весьма нелегка, какъ ни кажется она общедоступною (ст. 240 сл.).

Сравнительная обширность этой главы, равно какъ и обращеніе къ Пизону послужили исходными точками для возникновенія самыхъ разнообразныхъ толкованій о причинѣ внесенія въ ars poetica особаго отдѣла о сатирической драмѣ. Высказано было даже мнѣніе, что вообще все посланіе къ Пизонамъ написано именно ради сатирической пьесы [5], такъ какъ одинъ изъ молодыхъ Пизоновъ упражнялся въ составленіи такихъ пьесъ. Мнѣніе о личной причастности Пизона вообще очень распространено [6]. Наряду съ этимъ существуетъ мнѣніе, что Горацій, наоборотъ, еще только желалъ рекомендовать сатири-

---

[1] Въ дѣйствительности дѣло было наоборотъ: сатирическая драма, являясь переживаніемъ старины, была древнѣе трагедіи.

[2] Ст. 249: fricti ciceris et nucis emptor.

[3] Напротивъ, *Th. Fritzsche* (*Philol.* 1885, 89) пытается примѣнить къ этому отдѣлу реторическое ученіе о рекапитуляціи (Quint. 6, 1 сл.).

[4] Таковъ смыслъ выраженія: *de medio* sumptis (ст. 243).

[5] *Orellius* въ первомъ изданіи (см. *Piechowski*, 15). Ср. также *Fritzsche Philol.* 1885, 105. Подобную роль центра играетъ эта драма также въ диспозиціи *Веклейна* (стр. 415).

[6] Это принималъ еще *Wieland*, а по его примѣру, напр., теперь *Schütz* (Episteln, 290).

ческую драму съ цѣлью вытѣснить ею тогдашніе фарсы и балеты [1]. При этомъ обыкновенно полагаютъ, что римскіе драматическіе писатели, вплоть до времени Пизона и Горація, никогда еще не пробовали своихъ силъ въ передѣлкѣ греческихъ сатирическихъ драмъ для римской сцены. Однако, противъ такого взгляда можно поставить прямое свидѣтельство Порфиріона о Помпоніи, какъ объ авторѣ сатирическихъ драмъ, причемъ имя Помпонія приводится только для примѣра (ut), какъ одного изъ многихъ [2]. Также и прочія показанія грамматиковъ вовсе не исключаютъ возможности, что и на римской сценѣ давались передѣлки греческихъ сатирическихъ драмъ [3]. Наконецъ, самое существованіе этого отдѣла въ гораціевой ars poetica показываетъ, что онъ придавалъ этому дѣлу *практическое* значеніе. А чрезвычайно живой тонъ рѣчи Горація въ этомъ мѣстѣ, можетъ быть, объясняется просто тѣмъ, что онъ писалъ свои критическія замѣчанія о превращеніи сатировъ въ балаганныхъ шутовъ подъ *свѣжимъ* впечатлѣніемъ видѣннаго имъ самимъ на сценѣ фактическаго случая такого безобразія [4]. Если допустить эту возможность, то глава о сатирической драмѣ, столь много смущавшая толкователей Горація, не представляетъ по своему содержанію никакой выходящей изъ ряда особенности. Что же касается мѣста, то пріуроченіе этой главы къ отдѣлу объ actio опредѣлилось значеніемъ сатирической драмы, въ качествѣ послѣсловія трагедіи [5]; мѣсто же ея въ этомъ отдѣлѣ, послѣ главы о музыкѣ, зависитъ отъ того, что въ обѣихъ этихъ главахъ рѣчь идетъ собственно о хорѣ примѣнительно къ спеціальнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ главы о музыкѣ и сатирической драмѣ составляютъ только продолженіе главы о хорѣ. Покончивъ съ вопросами о хорѣ, Горацій переходитъ къ діалогу, но останавливается только на метрической сторонѣ этой части драмы.

---

[1]) Таково мнѣніе *Л. Мюллера* (Episteln, 290).—Но, впрочемъ, оно высказывалось уже и раньше, напр., *Мункомъ* (De L. Pomponio, см. *Piechowski*, 108).

[2]) Porph. ad v. 221: satyrica coeperunt scribere, ut Pomponius Atalanten vel Sisyphon vel Ariadnen.—Ср. также заявленіе самого Горація (ст. 285): *nil intentatum* nostri liquere poetae.

[3]) На это указывалъ еще *Пьховскій* (стр. 111 сл.).—О существованіи обычая ставить сатирическія драмы еще въ I вѣкѣ до Р. Хр. ср. статью *О. Керна* въ *Ath. Mitt.* XIX (1894), 93 сл.

[4]) Ср. подобную живость тона въ отдѣлѣ о новыхъ словахъ (ст. 45 сл.).

[5]) Отчасти допускаетъ это даже *Л. Мюллеръ* (Episteln, 290), но только въ видѣ привѣска къ *одной* трагедіи (а не цѣлой трилогіи, какъ у грековъ), что, повидимому, вполнѣ справедливо.

g) *Ямбъ* [251—274]. Неожиданное возвращеніе къ метрикѣ, о которой была уже рѣчь раньше (ст. 73 сл.), смущало многихъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ даже сатирическая драма [1]). Дѣйствительно, отыскать надлежащую точку опоры въ самихъ *словахъ* Горація нелегко. Но ему и не нужно было пускаться въ какія-либо объясненія, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, составлялъ свою ars poetica по всѣмъ извѣстному со школьной скамьи плану ученія объ ораторскомъ искусствѣ. Внимательный читатель не могъ не замѣтить, что до сихъ поръ была рѣчь объ actio, называемой иначе также pronuntiatio, и что затронутый здѣсь вопросъ о ямбѣ имѣетъ, слѣдовательно, какое-либо отношеніе не просто къ стихамъ, а, напротивъ, къ ихъ pronuntiatio въ театрѣ, на что́, впрочемъ, указываетъ самъ Горацій въ словахъ (ст. 260); *in scaenam missos* versus. Кромѣ того, упускаютъ изъ виду, что рѣчь о неряшливомъ ямбѣ въ драмѣ равносильна рѣчи о метрической неряшливости *діалога* и что *послѣ главъ, посвященныхъ хору*, вполнѣ подходящее мѣсто для замѣчаній о діалогѣ. Надлежащее же разъясненіе факта, что критическія замѣчанія о метрической неряшливости діалога пріурочены именно къ отдѣлу объ actio или pronuntiatio, находимъ въ неоднократно повторенномъ свидѣтельствѣ Цицерона о томъ, какъ чутко относилась римская театральная публика къ недостаткамъ стиховъ, обнаруживавшимся *при декламаціи на сценѣ*: in versu quidem, говоритъ онъ, theatra tota fremunt, si fuit una syllaba aut brevior aut longior, nec vero multitudo pedes novit nec ullos numeros tenet, sed tamen omnium longitudinum et brevitatum in sonis iudicium ipsa natura in auribus nostris collocavit [2]). Такимъ образомъ

---

[1]) Нѣкоторые считали такое раздвоеніе метрики однимъ изъ главныхъ доказательствъ отсутствія всякой системы въ посланіи къ Пизонамъ. Другіе, желая освободить Горація отъ обвиненія въ безсистемности, перемѣщали этотъ отдѣлъ къ первому, полагая, что онъ попалъ сюда не по винѣ Горація. Третьи думали что со ст. 251 начинается новое стихотвореніе (*Faltin*) или, по крайней мѣрѣ, новая главная часть. Къ числу послѣднихъ толкователей этого мѣста принадлежитъ и *Л. Мюллеръ*, а также *Wecklein* (стр. 395 сл.), который, кромѣ неожиданности рѣчи о ямбѣ, придаетъ большое значеніе еще и тому, что слѣдующіе за ямбомъ отдѣлы сливаются одинъ съ другимъ безъ всякихъ крутыхъ переходовъ. По его мнѣнію, рѣчь о ямбѣ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ значеніе особенно тонкаго *стилистическаго* пріема.

[2]) Cic. *or.* 51, 173; также *de or.* 3, 50, 196. Напротивъ, въ *par.* 3, 2 примѣнено это же самое не къ просодическимъ ошибкамъ относительно долготы и краткости гласныхъ звуковъ, а, напротивъ, къ такимъ случаямъ, когда въ стихѣ оказывалось однимъ слогомъ меньше или больше, чѣмъ нужно.

даже необразованная толпа (multitudo) подчасъ замѣчала просодическія ошибки въ произносимыхъ актерами стихахъ. Еще болѣе должна была коробить такая метрическая неряшливость діалога тѣхъ equites и celsi Ramnes, о которыхъ упоминаетъ Горацій, когда онъ говоритъ о составѣ театральной публики въ Римѣ [1]).

Но, впрочемъ, Горацій допускаетъ, что, какъ бы ни былъ великъ процентъ образованныхъ людей среди зрителей въ театрѣ, вполнѣ компетентныхъ критиковъ метрической формы драмы между ними отыщется лишь немного [2]). Найдутся и такіе, которые, понимая тонкости метрики, не будутъ придавать особеннаго значенія метрическимъ вольностямъ съ точки зрѣнія сценической декламаціи [3]). Но это будетъ только снисхожденіе. Если же многіе ссылаются на примѣръ древнихъ римскихъ поэтовъ, то не имъ нужно подражать; образцами, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи [4]), должны служить греческіе писатели.

Заключительные стихи (268—274) обобщены на столько, что касаются не одной лишь главы о ямбѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предшествующихъ главъ объ elocutio хора и даже объ elocutio вообще, а черезъ нее и объ inventio. Въ то же время эти стихи являются подготовительнымъ переходомъ ко второй части всего стихотворенія. Но предварительно дано еще обозрѣніе исторіи драмы, ради схематической полноты принятаго плана.

5. *Исторія драмы у грековъ и римлянъ* [275—288]. Это обозрѣніе исторіи драмы примыкаетъ къ сужденію объ образцахъ. Подобнымъ образомъ и у Квинтиліана глава объ образцахъ [5]) примыкаетъ непосредственно къ историко-литературному обозрѣнію важнѣйшихъ именъ греческой и римской литературы.

II-ая часть: о поэтѣ, особенно драматическомъ [289—476].

Переходъ отъ предшествующаго и вступленіе къ послѣдующему [289—308]. Представивъ обозрѣніе исторіи драмы у грековъ и рим-

---

[1]) Цицеронъ (*Sest.* 59, 125) жаловался на то, что театральная публика въ Римѣ является далеко *лучшимъ* представительствомъ всего римскаго народа, чѣмъ тѣ граждане, которые собирались въ комиціяхъ.

[2]) Ст. 263: non quivis videt immodulata poemata iudex.

[3]) Ст. 264 и 267.

[4]) Ст. 270 сл. и 274 сл.

[5]) Quint. 10, 2: de imitatione.

лянъ [1]), Горацій, возвращаясь къ прерванной этимъ обозрѣніемъ темѣ объ образцахъ, заявляетъ, что и римляне могли бы не отстать отъ грековъ, если бы только римскіе поэты относились къ своему дѣлу болѣе серіозно и если бы они не воображали, что для поэта достаточно наитіе вдохновенія, т. е., по выраженію Демокрита, изступленія. Горацій съ своей стороны намѣренъ показать, что для того чтобы сдѣлаться хорошимъ поэтомъ, требуется еще кое-что другое, помимо вдохновенія.

Въ заключеніе представлена подробная partitio второй части посланія къ Пизонамъ, трактующей о поэтѣ (307—308):

. . . . docebo,
unde parentur opes, quid alat formetque *poetam*,
quid deceat, quid non, quo virtus, quo ferat error.

При такихъ условіяхъ не можетъ быть сомнѣнія ни относительно плана, ни относительно темы этой части: дѣло касается образовательной подготовки поэта и тѣхъ качествъ, которыя нужны (или не нужны) для поэта. Указывая *личныя условія, которымъ долженъ удовлетворять поэтъ*, какъ предварительно, такъ и во время самой работы, Горацій въ сущности рисуетъ картину собственнаго своего образованія и своей личной тщательности въ обработкѣ стиховъ. Подобнымъ образомъ и Цицеронъ [2]), разбирая вопросъ о томъ, что нужно для того, чтобы быть хорошимъ ораторомъ, описываетъ собственно самого себя. При этомъ оба они, какъ Горацій, такъ и Цицеронъ, одинаково ведутъ рѣчь въ полемическомъ тонѣ: первый возстаетъ противъ мнѣнія, что для поэта достаточно одно лишь вдохновеніе, а второй—противъ ученія [3]), что для оратора самое главное—знаніе техническихъ пріемовъ ораторскаго искусства, т. е. рутина [4]).

1. *Unde parentur opes poetae* [309—332]: о подготовкѣ. а) Поэтъ долженъ обладать *общимъ, теоретически-философскимъ образованіемъ* [309—316]. Въ реторикахъ такое же требованіе предъявлялось и къ оратору [5]). Для драматическаго поэта въ частности полезенъ особенно

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ отдѣлѣ о римской драмѣ упомянуты только тѣ виды, которые являются результатомъ прямого подражанія грекамъ.

[2]) Въ первой книгѣ сочиненія de oratore.

[3]) Проводимаго въ реторикѣ ad Herennium.

[4]) Ср. *Fr. Marx*, Incerti auctoris ad C. Herennium libri IV (1894), 148; *E. Norden*, Antike Kunstprosa, I 222—225.

[5]) Quint. 12, 2, 5 сл.; *Cic. or.* § 44 сл.; *de or.* 1 § 95 сл.; 3 § 55 сл.

тотъ отдѣлъ философіи, который трактуетъ de officiis, такъ какъ эта часть находитъ себѣ прямое приложеніе въ изображеніи характеровъ въ драмѣ.

b) Независимо отъ философской основы, драматическій поэтъ [1]) долженъ умѣть *наблюдать и практическую жизнь* [317—318] для того, чтобы черпать оттуда образцы живой рѣчи.

c) Основывающаяся на этихъ двухъ источникахъ правильная *характеристика лицъ въ драмѣ* (*fabula bene morata*) важна особенно для римскаго театра, такъ какъ римская публика скорѣе сумѣетъ оцѣнить эти внутреннія качества драматическаго произведенія, чѣмъ внѣшнюю его форму, какъ бы она ни была благозвучна и изящна [319—322]. *Изящество рѣчи* въ греческой поэзіи зависѣло отъ идеальнаго образа мыслей у грековъ (praeter laudem nullius avaris), въ то время какъ духъ римлянъ—практически-меркантильный; въ этомъ духѣ ведется и воспитаніе римскихъ дѣтей, въ подтвержденіе чего и воспроизведена сцена изъ урока ариѳметики [323—332]. Вывода же о томъ, что для истиннаго поэта необходимо *идеальное направленіе*, Горацій прямо не дѣлаетъ, а предоставляетъ это самому читателю [2]).

2. *Quid deceat, quid non* [333—390]: нѣсколько разнородныхъ замѣчаній о томъ, къ чему поэтъ долженъ стремиться и какія качества ему нужны или не нужны.

a) Цѣль поэта—*поучать* людей *или забавлять* [333—346] [3]). Главное достоинство поученій заключается въ ихъ краткости [4]), главное же достоинство забавы, особенно на сценѣ, заключается въ правдоподобности того, что̀ говорятъ. Драматическій поэтъ долженъ соединять пріятное съ полезнымъ, забаву съ поученіемъ.

b) Поэтъ долженъ стремиться къ *усовершенствованію* [347—360], не отказываясь отъ исправленія указываемыхъ ему критикою [5]) оши-

---

[1]) Ст. 318: doctum imitatorem. Здѣсь imitator=драматическій поэтъ, воспроизводящій образцы дѣйствительной жизни, а doctus=получившій научное (т. е главнымъ образомъ философское) образованіе. Ср. *Wecklein*, 398.

[2]) Это мѣсто до нѣкоторой степени напоминаетъ разсужденіе учителей реторики о томъ, что ораторъ долженъ быть человѣкомъ благороднымъ: non posse oratorem esse nisi *virum bonum*. (Quint. 12, 1 въ заглавіи).

[3]) Ср. Quint. 3, 5, 2: tria sunt, quae praestare debeat orator, ut *doceat*, moveat, *delectet*.

[4]) Стихъ 337 со временъ Бентлея заподозрѣнъ, но безъ особенной нужды.

[5]) Ст. 355: quamvis est *monitus*.

бокъ. Правда, абсолютное совершенство не достижимо, но, съ другой стороны, предосудительно упорное повтореніе старыхъ ошибокъ [1]. Отдѣльные недостатки, конечно, извинительны, но въ драмѣ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ такомъ обширномъ стихотвореніи, какъ гомерическій эпосъ [2]).

c) Возможное возраженіе, что стремленіе къ совершенству привело бы къ униформаціи и обезличенію поэтовъ, Горацій круто, безъ всякаго связующаго перехода, предупреждаетъ указаніемъ на *аналогію живописи*, въ которой стремленіе къ совершенству нисколько не уничтожаетъ индивидуальнаго различія картинъ разныхъ художниковъ [361—365].

d) Въ другихъ отрасляхъ занятій (напримѣръ, въ юриспруденціи) могутъ приносить пользу и посредственные дѣятели; но для поэзіи *правило о золотой серединѣ* не годится [366—378].

e) Для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ поэтомъ, необходимо: α) обладать *знаніемъ*, въ то время какъ туго набитый карманъ не можетъ имѣть никакого значенія; β) нужно имѣть *талантъ* (Minerva); γ) нужно умѣть прислушиваться къ серіозной *критикѣ* [3]) и, наконецъ, δ) нужно *стараніе въ работѣ* [379—390].

4. *Quo ferat virtus* [391—407]. Перечисляются примѣры высокаго культурнаго значенія и вліятельнаго положенія старыхъ греческихъ поэтовъ. Изъ этого выводится заключеніе, что занятіе поэзіей далеко не унизительно [4]).

5. *Quid alat formetque poetam* [407—452]. Въ этой части подробнѣе развиваются нѣкоторые пункты, уже раньше упомянутые въ общемъ перечнѣ качествъ, необходимыхъ для поэта.

a) *Талантъ, знаніе и трудъ* [407 — 418]. Талантъ безъ знанія

---

[1]) Ср. Cic. *Phil.* 12, 2, 5: cuiusvis hominis est errare, nullius nisi insipientis in errore perseverare (повидимому, школьное воспоминаніе).

[2]) *Л. Мюллеръ* (Episteln, 306) считаетъ стихъ 360 вставкою, не принадлежащею Горацію. Однако, этотъ стихъ здѣсь вполнѣ умѣстенъ, такъ какъ въ немъ противопоставляется (verum) эпосъ драмѣ, составляющей основу всего посланія.

[3]) Въ отличіе отъ этого требованія, предъявляемаго въ ars poetica, въ посланіи къ Флору (ст. 109—114) Горацій, напротивъ, ставитъ вопросъ на почву *автокритики*.

[4]) Ст. 406: ne forte pudori sit tibi Musa lyrae sollers.—Кстати, этотъ стихъ доказываетъ полную несостоятельность мнѣнія, что цѣль Горація при составленій посланія къ Пизонамъ заключалась будто бы въ томъ, чтобы *отклонить* молодого Пизона отъ стихотворства, по просьбѣ старика-отца.

недостаточенъ, знаніе же пріобрѣтается только путемъ усидчиваго труда[1]).

b) *Льстецы и серіозные критики* [419—452]. Похвалы приглашаемой на декламаціи публики не должны сбивать съ толку писателей. Серіозный критикъ не захлебывается похвалою, а напротивъ, указываетъ замѣченные имъ недостатки, съ цѣлью улучшенія.

6. *Quo ferat error* [453—471): сатирическая характеристика сумасброднаго поэта, отъ котораго всѣ бѣгутъ. Конецъ посланія къ Пизонамъ, по своему характеру, однороденъ съ начальной главой о контаминаціи. Такой сатирическій тонъ начала и конца и соотвѣтствуетъ тенденціи стихотворенія, направленной къ указанію, главнымъ образомъ, *недостатковъ* драматической поэзіи въ вѣкъ Горація.

И. Нетушилъ.

---

[1]) Вопросъ о соотношеніи природныхъ дарованій и пріобрѣтенныхъ знаній разбирался и въ реторикѣ (Quint. 2, 19: natura an doctrina plus conferat). Ср. Cic. *Arch* 7, 5: cum ad *naturam* eximiam accessit ratio quaedam conformatioque *doctrinae*.

ПИСЬМО ВЪ СТИХАХЪ СЪ АКРОСТИХОМЪ.

Въ Парижскомъ cod. gr. 2644, хорошемъ представителѣ симпатичнаго, хотя и не всегда удобочитаемаго письма съ завитками, свойственнаго XIV вѣку (о содержанiи рукописи см. H. Omont, Inventaire sommaire des Mss. grecs de la Bibliothèque Nationale 3 (1888), 17 сл.), имѣется своеобразное прибавленiе, первоначально не находившееся ни въ какой связи съ рукописью. Листы 5 — 6 (по теперешнему счету) представляютъ собою вплетенное переплетчикомъ *частное письмо*.

На оборотѣ документа, т. е. теперь на fol. 5^r и 6^v, можно прочесть бо́льшую часть адреса; только въ срединѣ адреса, вслѣдствiе того, что листъ былъ сложенъ и вплетенъ, образовалась вертикальная полоса, на которой буквы 3—4 стали невидимыми; однако возстановить происшедшiе такимъ образомъ пробѣлы не трудно. Кромѣ адреса на fol. 5^r и 6^v написаны нѣкоторыя „пробы пера“.

Само письмо помѣщено на внутренней сторонѣ двойного листа, въ два столбца, образующiе теперь fol. 5^v и 6^r; только заглавiе письма занимаетъ всю ширину листа, переходя отъ fol. 5^v на fol. 6^r.

Обращено письмо, какъ явствуетъ изъ адреса и изъ акростиха, нѣкiимъ *Гирардомъ*, быть можетъ эллинизированнымъ франкомъ, къ его любезному другу и брату, *досточтимому господину Стаматiю въ Коронѣ*. Какъ объ авторѣ письма, такъ и объ адресатѣ я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Нельзя быть даже увѣреннымъ, должно ли понимать выраженiе „братъ“ дословно или лишь какъ усиленiе выраженiя „другъ“. Эпитетъ σεβαστός не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ византiйскимъ титуломъ, а означаетъ просто „досточтимый“, „почтенный“. Лицо, къ которому адресовано

письмо, было родомъ изъ Крита, какъ показываетъ одно мѣсто письма (ст. 30), но жило оно въ городкѣ южнаго Пелопонниса Коронѣ, игравшемъ, начиная съ XIII столѣтія, столь значительную роль въ византійско-франкской и особенно въ венеціанской исторіи [1]. О времени составленія письма нѣтъ возможности придти къ опредѣленному выводу; судя по начертаніямъ и бумагѣ, я отнесъ бы его къ XVI вѣку. Во всякомъ случаѣ, письмо относится къ средѣ греческо-венеціанской.

Содержаніе письма, къ сожалѣнію, довольно жалкое,—черта, общая огромному большинству византійскихъ писемъ: Гирардъ превозноситъ горячо любимаго имъ Стаматія за дарованныя Стаматію Богомъ духовныя и физическія качества, сравниваетъ его съ утренней звѣздою, направляющейся отъ Ѳемана къ западу, и упоминаетъ о его полезной преподавательской дѣятельности. Затѣмъ Гирардъ сѣтуетъ о томъ, что Стаматій слишкомъ рано удалился. Весна пришла вмѣстѣ съ ласточками; вѣрующіе пусть справятъ празднество св. пасхи. Послѣ этого малопонятнаго отступленія авторъ письма снова обращается къ адресату, заявляя, что „чуетъ" его пятнадцатисложныя слова—повидимому, онъ имѣетъ въ виду политическіе стихи,— и снова пускается въ восхваленія Стаматія, котораго сравниваетъ съ сладкою для питья водой, съ полнымъ влаги ключомъ, съ чудеснымъ розаномъ и даже съ сосудомъ манны—символомъ Дѣвы Маріи. Лишь вслѣдъ за этимъ, кажется, Гирардъ касается нѣкоторыхъ обстоятельствъ, упомянутыхъ въ письмѣ Стаматія, которое, къ сожалѣнію, до насъ не дошло и тоже, вѣроятно, было написано политическими стихами (ср. ст. 29); онъ говоритъ, что видѣлся съ мудрымъ монахомъ, видѣлся и съ женскимъ существомъ, которое письмо получило; онъ-де съ большимъ удовлетвореніемъ (вмѣсто неграмотнаго женскаго существа?) прочелъ содержимое и затѣмъ возвратился домой. Далѣе идетъ состоящій изъ вѣжливыхъ, но нескладныхъ выраженій эпилогъ, причемъ авторъ проситъ адресата передать привѣтъ нѣкоему Николаю, и въ заключеніе, вспоминаетъ, полный надежды, о вѣчной жизни.

Страннымъ является *языкъ* неудачно составленнаго произведенія. Предъ нами очень поучительный примѣръ того, къ чему должно было повести упорное удерживаніе давно отжившихъ формъ и презрительное отношеніе къ живому языку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не

---

[1] Ср. напримѣръ, энциклопедію *Эрша* и *Грубера* II Section 39 Teil (1886), 105 сл.

выручало основательное школьное образованіе. Гирардъ кое-какъ ознакомился съ древне-греческимъ языкомъ; но его познаній далеко не хватаетъ для того, чтобы писать на этомъ языкѣ понятно, правильно, съ извѣстной выдержкой. Его манера выражаться отличается „макаронизмомъ“ въ самомъ плохомъ смыслѣ этого слова; онъ щеголяетъ эпическими формами, которыя, впрочемъ, не умѣетъ даже снабдить удареніемъ (θεοῖο ст. 4), называетъ друга Николая архаистически Νικόλεως (ст. 52), но рядомъ съ этимъ допускаетъ совершенно вульгарныя формы и выраженія, даже частицу ἂς (ст. 55). Сюда же относятся всѣ тѣ промахи, которыми малообразованные люди платятся за попытку писать языкомъ византійскихъ или новыхъ книжниковъ, въ родѣ, напримѣръ, пристрастія къ дательному падежу (7, 13, 25), употребленія дѣйствительнаго залога вмѣсто средняго (19, 51), прибавленія ν невпопадъ въ концѣ словъ πραῦν (5) и βραχύν (18), вульгарныя формы въ архаическихъ словахъ въ родѣ νάπες (27). Другими уродливыми продуктами наивнаго невѣдѣнія и произвола автора являются: форма ἀπέλθει (10), навѣрное долженствующая обозначать настоящее время ¹), изъявит. аор. γράψας (21), если эта форма не должна быть принята за причастіе, съ эллипсисомъ εἶ, и μειδιάσεν (43), сокращеніе съ диссимиляціей ηὐχαρίστειν вм. ηὐχαριστήθην (47), формы въ родѣ βουναί (27); также и ἰσάχαρ вм. σάκχαρ (22) кажется индивидуальною особенностью (вызванною, можетъ быть, формою ἡ σάκχαρις); инфинитивъ χαίροιν (49) можно было бы принять за недосмотръ, если бы авторъ не употребилъ то же правописаніе въ акростихѣ (55). Другою обнаруживаемой акростихомъ ошибкой является ᾿Ωσφραίνομαι и ᾿Ωσφραινομένου (29, 33). Сюда же относятся другія погрѣшности, какъ эллипсисъ глагола (напр. εἶπεν) въ ст. 6, непослѣдовательная конструкція глагола ἄρξομαι (9) и разныя неясности (28, 33, 53 сл.).

Нѣкоторыя чтенія указываютъ на то, что авторъ письма не тожественъ съ писцомъ, т. е. что письмо написано подъ диктовку; только такимъ образомъ я считаю возможнымъ объяснить безсмысленное ἤλικας (18), въ которомъ, какъ надо полагать, кроется ἤλυθας, и форму ῥακονδύτην. Точно также странныя ударенія χρυσοχαρίτας (3), δόκιμότε (50), χαρίτας (53), повидимому, явились вслѣдствіе метрическаго чтенія стиховъ вслухъ.

---

¹) Образована по аналогіи съ византійскими формами настоящаго времени, въ родѣ θίγω, μολῶ. Ср. *Крумбахеръ*, *Sitzungsber. d. bayer. Akad.*, philol. hist. Cl. 1886, 417.

Какъ жалко было литературное образованіе автора, видно также изъ неизящнаго повторенія тѣхъ же словъ, напримѣръ, εὔστοχος (8, 40, 54) и τὸ δέον (37, 41). Совершенно въ духѣ византійскаго языка, въ особенности языка романовъ, пристрастіе къ словамъ сложнымъ, какъ χρυσοχάριτες (3), φιλεύσπλαγχνος (21), τρισπεντασύλλαβος (29), ποτογλυκόβρωτος (31), πανυπερθαύμαστος (32), παμφίλτατος (38).

Для акростиха византійская литература представляла автору разные образцы. Вѣроятно, эта мысль была подсказана ему акростихически построенными церковными пѣснями.

Письмо Гирарда къ Стаматію въ Коронѣ.

Адресъ.

Fol. 5r и 6v. Τῷ περιποθ⟨ήτῳ⟩ καὶ ἐκ μέσης ψυχῆς πεφιλημέν⟨ῳ φίλ⟩ῳ καὶ ἀδελφῷ κυρῷ Σταματίῳ ⟨τῷ σε⟩βαστῷ ἐν τῇ Κορώνῃ.

Fol. 5v и 6r. Ἔκθεσις ἀκροστιχίδος πρὸς τὸν λογιώτατον κυρὸν Σταμάτι⟨ον τὸν⟩ σεβαστόν· ὧδέ πως ἔχει· Γυράρδος τῷ περιποθήτῳ μοι ἀδελφῷ κυρῷ Σταμα⟨τίῳ τῷ⟩ σεβαστῷ χαίροιν.

Fol. 5v. Γυρίζω τοίνυν λογισμῷ, καταμετρῶ τὰς λέξεις
Ὑπὸ τοῦ νόου τῷ νοΐ, ὅπως συμπλέξω στίχους.
Ῥαδίως πάνυ λέξω σοι τὰς σὰς χρυσοχαρίτας,
Ἃς ἐκ θεοῖο εἴληφας, πεφιλημέν' ἑταῖρε·
Ῥῶσιν ψυχῆς καὶ σώματος καὶ τὸ πραΰν τῆς γνώμης·
Δῶρον γὰρ ἔχεις ἐκ θεοῦ ὡς τῷ τετάρτῳ στίχῳ
Ὁμοῦ σοφίαν, σύνεσιν εἰς τὸ διδάσκειν πᾶσι,
Σύνεσιν, γνῶσιν ἀληθῆ καὶ τὸ πηδᾶν εὐστόχως.
Τοῦ λόγου τοίνυν ἄρξομαι καὶ τοῦ σκοποῦ τὴν φράσιν·
Ὡς ἑωσφόρος ἐκ Θαιμὰν [1]) ἕως δυσμῶν ἀπέλθει,

---

[1]) Чтенія рукописи Пар. 2644: θαιμᾶν. См. *Wilh. Gesenius*, Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, 11 Aufl., Leipzig, 1890, 902. Вслѣдствіе чего у нашего автора исходнымъ пунктомъ для утренней звѣзды служитъ Θеманъ, не совсѣмъ ясно. Мои любезные ученики д-ръ Вехоферъ и П. Маасъ, взявшіеся навести по этому поводу нужныя справки, считаютъ, что сочетаніе *звѣзда + Θеманъ* заимствовано изъ литургіи, въ которой они уже поставлены въ взаимную связь Аввак. 3 Числ. 24; быть можетъ, при этомъ играетъ извѣстную роль и Іерем. 29. Ср. *Christ*, Anthol. gr. carm. christ. LXIII и *Виз. Врем.* VII, 46, строка 18, и 54, строка 7.

Περιπολεύει, θάλπεται πᾶν τῶν τερπνῶν τοῦ κόσμου,
Ἔχεις καὶ σὺ [1]) τὰς χάριτας καθὼς ὁ ἑωσφόρος,
Ῥώγην λαμπρὰν καὶ φαεινὴν εἰς τὸ εὐφραίνειν πᾶσι·
Ἵνα καὶ τῶν χαρίτων σου ἀεὶ μὴ ὑστερήσῃς,
Πρὸς τὸ διδάσκειν σύνεσιν [2]) καὶ γνῶσιν καὶ παιδείαν·
Ὅπως ἀεὶ μιμνήσκονται τῶν ἀγαθῶν σου τρόπων,
Θύραν ἀνέῳξας ψυχῆς ἐκ φιλαδέλφου ἀγάπης [3]).
Ἤλυθας [4]) τοίνυν πρὸς ἡμᾶς καὶ πρὸς βραχὺν ἀπῆλθες.
Τάχιον γὰρ ἀπέδρασας, οὐκ ἐθεάσαμέν σε,
Ὥσπερ γὰρ κάλαμον σπινθὴρ, ὥσπερ δορκὰς ἐκ βρόχων.
Μέμνημαι πάλιν τὰς γραφὰς, ἃς φιλευσπλάγχνως γράψας
Οὐ μόνον μέλιτος αὐδῇ, ἀλλὰ καὶ τῆς ἰσάχαρ.
Ἰδοὺ τὸ ἔαρ ἔφθασεν, ἡ χελιδὼν ἐπέστη·
Ἄιδει καὶ ψάλλει καὶ βοᾷ τῷ λαμπροτάτῳ φάσχα·
Δεῦτε, συνέλθατε, πιστοί, ἀσπάσασθε [5]) ἀλλήλοις,
Ἑτοιμασθῆτε τοῖς λαμπροῖς ἐνδύμασιν οἱ πάντες·
Λαοὶ καὶ νάπες καὶ βουναί, χορέσθητε τοῦ φάσχα.
Φείδομαι τῆς ἀγάπης σου, τῆς σῆς κηδεμονίας [6]),
Ὀσφραίνομαι τὰς λέξεις σου, τὰς τρισπεντασυλλάβας.
Fol. 6r. Κορώνης τοίνυν ὁ λαμπρὸς καὶ γέννημα τῆς Κρήτης,
Ὕδωρ ποτογλυκόβρωτον, κρήνη μεστὴ ναμάτων,
Ῥόδον πανυπερθαύμαστον, ἐξαίρετον, ὡραῖον,—
Ὀσφραινομένου πανταχοῦ χορέννονται [7]) τοῦ ὕπνου,—
Στάμνε, τὸ μάννα φέρουσα, ὡς ἄλλη τις ἐκείνη,
Τὰ ῥεῖθρα τῶν δογμάτων σου εἰς ἀτελεῖς αἰῶνας
Ἀθροίζεις [8]) τὰ χρηστότερα ὡς μέλιττα ἐκείνη·
Μέμψις οὐκ ἔστιν ἐντ' αὐτῶν, καθ'ἅ ἐστιν τὸ δέον.
Ἄκουσον, ὦ παμφίλτατε, καὶ περὶ τὰς γραφάς σου.
Τὸν ῥακενδύτην [9]) ἔβλεψα, ἐκεῖνον τὸν πατέρα,
Ἱερομόναχον σοφὸν καὶ εὔστοχον εἰς πάμπαν·
Ὡς καὶ τὸ δέον ἀληθὲς καὶ χάριτας, ἃς ἔχει,

---

[1]) καὶ συ] κάσοὶ.
[2]) σύνεστιν.
[3]) ἐκ φιλοδελφο' ἀγάπης.
[4]) Ἤλικας.
[5]) ἀσπάσασθαι.
[6]) κοιδαιμονίας.
[7]) χοραίνονται.
[8]) ἀθρίζεις.
[9]) ῥακονδύτην.

Τὰς λέξεις καὶ τὰ ῥήματα ἀνὰ χεροῖν [1]) λαμβάνει.
Ὡς οὖν ἀνέπτυξεν αὐτά, μειζόνως μειδιάσεν [2])
Σύννους [3]) καὶ ἥσυχος φανεὶς ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ.
Ἔβλεψα καὶ τὴν ἄνθρωπον καὶ τὴν γραφὴν ἐδέχθη·
Βία με ἐσυνέλαβε ὄφρα τοῦ ἀναπτύξειν·
Ἀνέγνωκα τὰ ῥήματα, μεγάλως ηὐχαρίστην·
Συντόμως ἀνεχώρησα, ἀπῆλθον ἐν τῷ οἴκῳ.
Τὸ χαίρειν [4]) πάλιν νέμω σοι ὡς ἡδυτάτῳ φίλῳ,
Ὡς δοκίμῳ τε [5]) καὶ λαμπρῷ, μεμεστωμένῳ ᾽γάπης·
Χαίρομαι, κατατέρπομαι, ἀσπάζω σε ἐξόχως,
Ἅμα καὶ τὸν ἀμέτερον, Νικόλεων ἐκεῖνον·
Ἴσως ἃς ἐνεδείξατο τὰς πρὸς ἡμᾶς χαρίτας,
Ῥωμαλεώτατον, στερρὸν καὶ εὔστοχον ἐν πᾶσι.
Ὅμως ἃς καταπαύσωμαι τὰ ῥήματα καὶ λέξεις,
Ἵνα καὶ ἐπιτύχοιμεν [6]) ζωῆς τῆς ἀκηράτου
Νῦν καὶ ἀεὶ καὶ ξύμπασιν εἰς ἀτελεῖς αἰῶνας.
Ἀμήν, ἀμὴν καὶ γένοιτο, γένοιτο, γένοιτό μοι!

К. Крумбахеръ.

---

1) χαιροῖν.
2) μηδιασεν.
3) σύνους.
4) χαίροιν.
5) δόκιμότε.
6) ἐπιτύχειμεν.

ѲУКИДИДЪ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА XIX ВѢКА [1]).

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается аналогія между историческимъ развитіемъ древности съ одной стороны, среднихъ и новыхъ вѣковъ—съ другой. Въ значительной мѣрѣ оказывается справедливой мысль, высказанная Нитчемъ (въ предисловіи къ его „Гракхамъ") и болѣе подробно развиваемая новѣйшими учеными—Эд. Мейеромъ, Белохомъ и въ особенности Пёльманомъ—, что древній міръ волновали тѣ же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти нерѣшенные, занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія древность, прежде казавшаяся столь отличною и далекою отъ насъ, сближается съ современностью, и изученіе ея исторіи представляетъ не одинъ только чисто-научный, теоретическій интересъ; эта исторія является глубоко поучительною и во многихъ своихъ стадіяхъ типичною [2]).

Аналогію можно найти въ разныхъ сферахъ—и въ области со-

---

[1]) Отрывокъ изъ печатаемаго „Введенія въ исторію Греціи", съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

[2]) *Pöhlmann*, Die Anfänge d. Sozialismus in Europa (*Histor. Zeitschrift*, N. F., 43 (1897), 435.—Нужно, однако, замѣтить, что современное направленіе въ изученіи исторіи античнаго міра, стремящееся къ своего рода модернизаціи древности, впадаетъ иногда въ крайность и натяжки. Оно упускаетъ изъ виду два важныя обстоятельства: во-первыхъ, при всемъ параллелизмѣ и аналогіи здѣсь не можетъ быть полнаго тожества и повторенія; напримѣръ, въ христіанскомъ западно-европейскомъ средневѣковьѣ наблюдаются новыя черты и элементы, которыхъ нѣтъ въ античной древности, которые послѣдней совершенно чужды; и во-вторыхъ, предшествующій періодъ развитія не могъ пройти безслѣдно: въ наслѣдіе отъ него осталось многое, что пережило вѣка и вліяло на послѣдующее развитіе,—нѣкоторыя идеи, учрежденія, культура. Замѣчаніе это относится главнымъ образомъ къ Э. Мейеру. См. мою статью въ *Русской Мысли*, 1900, февраль.

ціально-экономическаго развитія, и въ сферѣ мысли и литературы. Въ настоящей замѣткѣ мнѣ бы хотѣлось напомнить тѣ черты, которыя сближаютъ Ѳукидида съ современною исторіографіею, и показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, насколько близко подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, пріемамъ и воззрѣніямъ, которые характеризуютъ науку XIX вѣка.

Въ началѣ XIX столѣтія *историко-критическая школа*, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, *Нибура* и затѣмъ *Ранке*, въ противоположность анти-историческимъ построеніямъ XVIII вѣка, провозгласила, что главная цѣль исторіи — отыскать и представить *истину*. Въ предисловіи къ своему первому труду (Geschichte d. roman. und german. Völker, 1824), положившему начало его славѣ, Ранке, напримѣръ, говорилъ, что „исторіи вмѣняли въ обязанность быть судьею прошлаго, поучать современниковъ на пользу будущаго", но онъ, Ранке, желаетъ „просто показать, *какъ оно собственно было*", „wie es eigentlich gewesen"; „ибо,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]),— идеалъ всегда въ томъ, чтобы представить міру историческую правду". И историко-критическая школа стремилась къ точному, по возможности объективному возсозданію прошлаго.

Къ тому же въ сущности стремился и Ѳукидидъ. Онъ ставитъ упрекъ своимъ предшественникамъ, что они мало заботились объ исканіи истины (ἡ ζήτησις τῆς ἀληθείας, I, 20); по собственному заявленію онъ стремится къ точному знанію (καὶ προσέχων τὴν γνώμην, ὅπως ἀκριβές τι εἴσομαι, V, 26). Онъ—врагъ анекдотовъ и вымысловъ, внѣшней занимательности и баснословнаго элемента, и въ этомъ отношеніи противополагаетъ свой трудъ произведеніямъ какъ поэтовъ, съ ихъ преувеличеніями и прикрасами, такъ и „логографовъ" (I, 21). Онъ не беретъ на себя роли судьи надъ историческими дѣятелями съ точки зрѣнія личной нравственности и оцѣниваетъ ихъ по иному критерію,— по уму (νοῦς, διάνοια, преимущественно γνώμη и ξύνεσις), по способности составлять ясное и правильное сужденіе о положеніи дѣлъ и т. п.

Все это чрезвычайно сближаетъ Ѳукидида съ новѣйшими историками, главнымъ образомъ съ историко-критическимъ направленіемъ. Исторія, по самой своей натурѣ, говорилъ, напримѣръ, Ранке въ своей

---

[1]) Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 2-te Aufl. (Sämmtliche Werke, Leipz., **33—34** B. 1874), 150.

рѣчи: „De historiae et politices cognatione atque discrimine“ (1836), должна питать отвращеніе къ вымысламъ и фантазіямъ и допускать только то, что̀ вѣрно; тутъ же онъ напоминаетъ, „какъ трудно отличить истинное отъ ложнаго и среди различныхъ извѣстій избрать достовѣрное“ (Sämmtl. Werke, 24 B., 272—3). Поэтому на изученіе источниковъ, на историческую критику и пріемы изслѣдованія историко-критическая школа обратила особенное вниманіе и въ этомъ отношеніи сдѣлала много. Но нельзя сказать (какъ иногда говорятъ), будто она *впервые создала* критическій методъ историческаго изслѣдованія и впервые ввела надлежащіе пріемы. Эти пріемы въ сущности открыты и впервые примѣнены были Ѳукидидомъ; новѣйшая же наука лишь развила и усовершенствовала ихъ. Вспомнимъ, что̀ говоритъ Ѳукидидъ: онъ излагаетъ не такъ, какъ ему *казалось*, или какъ сообщалъ первый встрѣчный, а на основаніи автопсіи или свѣдѣній, хотя и добытыхъ отъ другихъ, но подвергнутыхъ возможно точной провѣркѣ (I, 22). Уже онъ сознавалъ, какъ трудны подобныя изысканія, въ виду того, что свидѣтели говорятъ объ одномъ и томъ же неодинаково, а подъ вліяніемъ пристрастія или памяти (ibid.).

Источникомъ Ѳукидиду, однако, какъ извѣстно, служили не одна автопсія или свидѣтельства очевидцевъ, но и другія данныя, приблизительно такія же, какими пользуются и современные историки. Въ данномъ случаѣ наше вниманіе обращаютъ на себя, во-первыхъ, *надписи* и *документы* и, во-вторыхъ, такъ называемыя *культурныя переживанія.*

Ѳукидидъ первый надлежащимъ образомъ оцѣнилъ важность документовъ и нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ внесъ въ свою „Исторію“, напримѣръ, текстъ перемирія 423 г., Никіева мира, договора Аѳинъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой, договоровъ Тиссаферна съ пелопоннесцами (IV, 118; V, 18, 47; VIII, 18, 37, 58). Это опять-таки сближаетъ его съ современной исторіографіей, въ особенности съ Ранке и его послѣдователями, хотя у Ѳукидида и нѣтъ такой точности въ передачѣ документальныхъ текстовъ, какая теперь считается необходимымъ условіемъ [1]). Извѣстно, что именно Ранке далъ новое направленіе изученію исторіи, обратившись преимущественно къ подлиннымъ документамъ, къ не тронутому архивному матеріалу, и съ тѣхъ поръ это, такъ сказать, документальное, „архивное“ направленіе надолго заняло преобладающее положеніе.

---

[1]) Ср. Thuc. V, 47 и C. I. A. IV 46 b.

Что касается *культурныхъ переживаній*, то едва ли нужно напоминать, какую роль играютъ они въ настоящее время въ качествѣ матеріала въ рукахъ современныхъ историковъ, соціологовъ, фольклористовъ и т. д. Ѳукидидъ пользуется ими преимущественно въ первыхъ главахъ своего труда. Вообще въ отношеніи пріемовъ эти главы, въ которыхъ онъ пытается дать *реконструкцію* древнѣйшей греческой исторіи, въ ея главныхъ моментахъ, особенно интересны. Здѣсь Ѳукидидъ примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ *методъ обратнаго заключенія*, столь хорошо знакомый современной наукѣ: онъ заключаетъ отъ настоящаго къ прошлому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, причемъ основаніемъ (σημεῖον, μαρτύριον, τεκμήριον, I, 1, 6, 8, 10, 20—21; II, 15) для его выводовъ и комбинацій служатъ свидѣтельства эпоса, которымъ онъ, впрочемъ, вѣритъ далеко не безусловно („ибо поэты вообще склонны къ прикрасамъ и преувеличеніямъ", I, 21), затѣмъ—топографическія данныя, вещественные памятники, названія, обычаи, празднества и обряды, бытъ болѣе отсталыхъ въ культурномъ отношеніи греческихъ племенъ и варваровъ и т. д.

Такъ, изъ отсутствія общаго имени для грековъ у Гомера дѣлается выводъ, что такого имени первоначально и не существовало, а были лишь названія отдѣльныхъ племенъ; изъ отсутствія у Гомера слова „варвары" выводится также заключеніе, что эллины тогда еще не носили одного имени и не противопоставляли себя варварамъ (I, 3). Въ обычаѣ носить оружіе, сохранившемся въ нѣкоторыхъ частяхъ Эллады, напримѣръ у локрянъ, этолянъ, акарнанъ, Ѳукидидъ видитъ *культурное переживаніе*, остатокъ обычая, нѣкогда существовавшаго у всѣхъ эллиновъ, и объясняетъ его происхожденіе отсутствіемъ безопасности въ тѣ времена. Вообще тотъ бытъ, которымъ въ V вѣкѣ до Р. X. жили менѣе культурные греческіе народы, по его мнѣнію, нѣкогда былъ свойственъ всѣмъ эллинамъ (I, 5—6). По наблюденіямъ Ѳукидида, болѣе древніе города строились дальше отъ морского берега, и это онъ ставитъ въ связь съ господствомъ тогда пиратства (I, 7). Гробницы, открытыя при очищеніи о. Делоса и оказавшіяся принадлежавшими наполовину карійцамъ, служатъ для него доказательствомъ широкаго распространенія послѣднихъ по островамъ (I, 8). Видъ и кладка стѣны вокругъ Аѳинъ могутъ, по мнѣнію Ѳукидида, удостовѣрить, съ какою поспѣшностью возводились постройки послѣ нашествія персовъ (I, 93). А то, что въ акрополѣ и у его подножія расположены были древнѣйшіе храмы и источникъ Каллироя, которымъ аѳиняне пользовались въ торжественныхъ слу-

чаяхъ, и то, что еще въ его время акрополь у аѳинянъ назывался просто „πόλις", служитъ въ глазахъ Ѳукидида доказательствомъ, что акрополь и прилегающая къ нему часть составляли древній городъ (II, 15).

Этотъ методъ возсозданія прошлаго по его, такъ сказать, обломкамъ и при помощи аналогій совершенно современенъ, и къ нему прибѣгалъ, напримѣръ, Нибуръ въ своей „Римской исторіи". Ѳукидидъ, правда, впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, напримѣръ, вопреки эпосу, представляетъ себѣ отдаленную старину слишкомъ ничтожною и бѣдною, между тѣмъ какъ новѣйшія раскопки подтверждаютъ скорѣе свидѣтельство эпоса объ ея грандіозности и богатствѣ; но это объясняется не недостаткомъ метода, а недостаточностью фактическихъ данныхъ, съ помощью которыхъ приходилось оперировать древнему историку. Съ точки же зрѣнія метода и пріемовъ начальныя главы Ѳукидида одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій исторической мысли.

Пріемы Ѳукидида напоминаютъ пріемы современнаго изслѣдователя еще и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, какое значеніе пріобрѣлъ въ XIX вѣкѣ *сравнительный методъ*, находящій себѣ примѣненіе въ разныхъ областяхъ научнаго знанія, начиная съ сравнительнаго языковѣдѣнія и кончая науками общественными. Зародыши его, первые опыты пользованія имъ, встрѣчаемъ мы уже у Ѳукидида. Его методъ обратнаго заключенія есть въ то же время и методъ сравнительный. Онъ пользуется аналогіей; онъ сравниваетъ бытъ и явленія міра греческаго, на извѣстной ступени его развитія, и міра варварскаго (I, 3, 6) и подмѣчаетъ между ними сходство: въ образѣ жизни древніе эллины, по его словамъ, походили на современныхъ ему варваровъ. Наиболѣе культурные народы Эллады, по Ѳукидиду, прошли чрезъ ту же стадію, на которой въ его время еще находились менѣе цивилизованныя греческія племена и варвары. Древнѣйшая, баснословная греческая старина у него—одинъ изъ фазисовъ въ развитіи общества. Тутъ у величайшаго историка древности проглядываетъ, хотя лишь смутно, идея, которая является одною изъ господствующихъ въ современной наукѣ,—идея *постепеннаго развитія, эволюціи*.

Другая идея, присущая новѣйшей наукѣ вообще и въ частности исторіи настолько, что безъ нея и самая наука немыслима,—идея *причинности* и *законосообразности* явленій. Ее высказываетъ и Ѳукидидъ, совершенно ясно и опредѣленно, причемъ онъ отличаетъ *общія, основныя причины* отъ поводовъ и случайныхъ обстоятельствъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что, напримѣръ, событія въ Эпидамнѣ и По-

тидеѣ, жалобы Мегаръ и Эгины,—все это лишь поводы и предлоги къ войнѣ; истинная же причина скрывалась въ возвышеніи аѳинскаго могущества, возбуждавшаго страхъ и зависть (I, 23; II, 8).

Отсюда у Ѳукидида и рядъ своего рода *обобщеній*, основанныхъ на убѣжденіи въ томъ, что одинаковыя причины и условія вызываютъ и одинаковыя слѣдствія: по его мнѣнію, пока не измѣнится человѣческая природа, до тѣхъ поръ будутъ происходить явленія, подобныя тѣмъ, которыя онъ описываетъ (I, 22). Въ особенности ясно эта мысль выражена въ III книгѣ, въ 82—83 главахъ, гдѣ онъ, по поводу борьбы партій на о. Керкирѣ, даетъ столь извѣстное, поразительное по глубинѣ анализа, изображеніе, такъ сказать, патологическихъ явленій—извращенія понятій, одичанія и деморализаціи греческаго общества, какъ неизбѣжнаго послѣдствія ожесточенной междоусобной войны. „Вслѣдствіе междоусобицъ,—говоритъ Ѳукидидъ,—множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства, бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же“, но только эти бѣды въ большей или меньшей степени различны по формамъ, сообразно обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Изъ идеи же причинности и законосообразности явленій вытекалъ и присущій Ѳукидиду раціонализмъ, объясненіе хода историческихъ событій безъ введенія сверхестественнаго элемента и непосредственнаго вмѣшательства божества,—опять черта, сближающая древняго историка съ новѣйшими.

На смѣну историко-критической школы, господствовавшей особенно въ Германіи, или наряду съ нею явились другія направленія. Между прочимъ, одно время исторію пытались возвести „въ рангъ естественныхъ наукъ“, причемъ особенно выдвигалось вліяніе природныхъ условій на историческое развитіе; этому фактору придавалось чрезмѣрное значеніе, а указаніе на его вліяніе выставлялось, какъ великое открытіе (въ серединѣ XIX столѣтія, Бокль). Но, на самомъ дѣлѣ, связь между бытомъ и исторіей народа съ одной стороны и окружающей его природой съ другой извѣстна давно: ее отмѣчаетъ не только Монтескье, но еще и древніе—Гиппократъ, Аристотель. Ѳукидидъ тоже придавалъ немалое значеніе природнымъ условіямъ и географическому положенію. По его мнѣнію, напримѣръ, плодородіе почвы способствовало переворотамъ и перемѣнѣ населенія во многихъ областяхъ Эллады, такъ какъ онѣ являлись заманчивой добычей для завоевателей; вслѣдствіе же скудости почвы Аттика была избавлена отъ подобныхъ перемѣнъ, и это повело къ дальнѣйшему ея возвышенію,

такъ какъ сюда стекались богатые и знатные переселенцы изъ остальной Эллады (I, 2). Развитіе морскихъ силъ и богатства Коринѳа—результатъ его положенія на перешейкѣ и его роли, какъ эмпоріума Греціи (I, 13).

Въ современной исторической наукѣ въ послѣднее время особенно ярко обнаруживается стремленіе, во-первыхъ, умалить значеніе отдѣльной личности въ исторіи, роль „великихъ людей", и сосредоточить вниманіе на массѣ, обществѣ, и, во-вторыхъ, выдвинуть экономическія отношенія и причины, какъ важнѣйшій, основной факторъ развитія. Достаточно указать на Лампрехта и вспомнить о той полемикѣ, которую онъ вызвалъ. Въ этомъ отношеніи Ѳукидидъ ближе стоитъ къ прежнему, историко-критическому направленію, къ школѣ Ранке. Предметомъ его „Исторіи", если исключить начальныя главы и отдѣльныя замѣчанія въ дальнѣйшемъ изложеніи, служатъ *событія*, а не *состояніе*, и притомъ событія по преимуществу *военныя*. Брунсомъ [1]) было высказано мнѣніе, что Ѳукидидъ считалъ ничтожнымъ значеніе отдѣльной личности въ историческомъ процессѣ, что въ своемъ изложеніи онъ лишь немногихъ лицъ надѣлялъ индивидуальными чертами, да и въ ихъ характеристикахъ былъ крайне скупъ на краски, ограничиваясь только самымъ необходимымъ, и что такъ онъ поступалъ преднамѣренно, сознательно, ибо это вытекало изъ его воззрѣнія, по которому историческое развитіе обусловливается не дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а *эволюціей массъ*, и самая дѣятельность эта—лишь продуктъ болѣе глубоко лежащихъ общихъ условій и отношеній. Въ отвѣтъ на это совершенно основательно было указано [2]) на отношеніе Ѳукидида къ Ѳемистоклу (I, 135 сл.) и къ Периклу (II, 65): историкъ, который такъ сумѣлъ оцѣнить Ѳемистокла и дать такую характеристику Перикла,—который открыто высказываетъ мысль, что дѣятельность Перикла фактически сдѣлала демократію на время лишь простою формою,—этотъ историкъ, какъ справедливо возражаютъ Брунсу, не могъ считать роль личности въ исторіи ничтожною. По всей вѣроятности, Брунсъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что у Ѳукидида отсутствуютъ подробности, касающіяся частной, личной жизни историческихъ дѣятелей, и анекдотическій элементъ. Но въ этомъ выразилась лишь серьезность и критицизмъ

---

[1]) Das literarische Porträt d. Griechen, Berlin, 1896.

[2]) *Ad. Bauer*, Die Forschungen zur griechischen Geschichte 1888—1898, München, 1899, 186; *C. Wachsmuth*, Ueber Ziele und Methoden d. griech. Geschichtschreibung. Rectoratsrede, Leipz., 1897, 10—11.

Ѳукидида: подобнаго рода черты и подробности онъ, очевидно, считалъ малодостовѣрными, а главное—слишкомъ неважными, мелкими, недостойными труда, который долженъ былъ служить κτῆμα ἐς ἀεί; сообщеніе ихъ онъ, повидимому, просто не считалъ входящимъ въ задачу исторіи.

Что касается экономическихъ причинъ, то Ѳукидидъ придавалъ имъ извѣстное значеніе, хотя, конечно, не впадалъ въ ту крайность и односторонность, которою отличаются воззрѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, представителей „экономическаго матеріализма". Такія явленія, какъ переселенія, завоеванія, ростъ внѣшняго могущества народовъ, Ѳукидидъ ставилъ, напримѣръ, въ тѣсную связь съ бытовыми и хозяйственными условіями (I, 2). Накопленіе богатствъ у него является важнымъ факторомъ историческаго развитія (I, 8), и утверждая, что греческая старина не была такъ величественна, какъ изображали ее поэты, онъ исходилъ изъ убѣжденія въ скудости ея матеріальныхъ средствъ; онъ полагалъ, напримѣръ, что у Агамемнона не могло быть многочисленнаго войска за отсутствіемъ денегъ (I, 11).

Я не имѣлъ въ виду исчерпать вопросъ объ отношеніи Ѳукидида къ новѣйшей исторіографіи и не буду останавливаться на тѣхъ особенностяхъ, которыя существеннымъ образомъ отличаютъ древняго историка отъ представителей современной исторической науки—достаточно вспомнить хотя бы о рѣчахъ у Ѳукидида. Отмѣченныя черты сближенія и сходства все же, какъ кажется, могутъ служить новою иллюстраціею тѣснаго культурнаго родства и преемства между античнымъ міромъ и современностью, въ частности—между античною исторіографіею, особенно въ лицѣ ея величайшаго представителя, и новѣйшею исторической наукою...

В. Бузескулъ.

ГНОСТИЧЕСКІЙ АМУЛЕТЪ НЕИЗВѢСТНАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Въ средневѣковомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа находится гальванопластическій слѣпокъ съ интереснаго гностическаго амулета, происхожденіе котораго, къ сожалѣнію, неизвѣстно [1]). Оригиналъ этого амулета нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предложенъ для покупки въ Эрмитажъ покойному Вл. Г. Боку, но покупка почему-то не состоялась, и амулетъ пропалъ безслѣдно. Въ прошломъ году амулетъ подробно былъ описанъ и изслѣдованъ съ археологической точки зрѣнія Д. В. Айналовымъ въ его сочиненіи „Эллинистическія основы византійскаго искусства“, С.-Пб. 1900, 192 сл. Къ сожалѣнію, данный на стр. 193 рисунокъ неудачно вышелъ, почему я и считаю нелишнимъ еще разъ повторить его на прилагаемой таблицѣ. Кромѣ того, я изслѣдую и надпись, которой Д. В. Айналовъ вовсе не коснулся, предоставивъ разборъ ея мнѣ. Такъ какъ нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, не имѣли случая ознакомиться съ трудомъ Д. В. Айналова, то я вкратцѣ дамъ описаніе представленныхъ на амулетѣ изображеній, отсылая въ общемъ къ изложенію вопроса Д. В. Айналовымъ.

Амулетъ украшенъ рѣзьбою вглубь; на одной сторонѣ его находятся гностическія изображенія, на другой христіанскія: онъ, такимъ

[1]) Считаю своимъ долгомъ выразить глубокую признательность дорогому товарищу Я. И. Смирнову, предоставившему мнѣ для изданія и этотъ амулетъ, и нѣсколько колецъ, хранящихся въ средневѣковомъ отдѣленіи Эрмитажа.

образомъ, является хорошимъ примѣромъ господствовавшаго въ VI вѣкѣ, къ которому относится, по мнѣнію Д. В. Айналова, нашъ амулетъ, синкретизма [1]).

На „гностической" сторонѣ изображенъ обнаженный, безбородый геній, въ коронѣ и нимбѣ, съ четырьмя крыльями, держащій въ каждой рукѣ по два скорпіона; на нимбѣ у него изображены рогъ луны, скорпіонъ и еще неясная для меня черта. Геній стоитъ en face [2]), подъ ногами его находятся два крокодила, расположенные головами въ разныя стороны. Вокругъ генія цѣлый рядъ гностическихъ знаковъ [3]), кромѣ того рогъ луны, гностическая весьмилучевая звѣзда, изображающая, вѣроятно, солнце [4]), скорпіонъ, левъ съ поднятою лапою и птица, похожая на ворона; наконецъ налѣво отъ крокодиловъ, если я не ошибаюсь, христограмма. Далѣе слѣдуетъ длинная надпись, а внизу подъ нею печать Соломона, составленная изъ двухъ треугольниковъ, по обѣ стороны которой стоятъ по одному льву; надъ каждымъ изъ нихъ опять рогъ луны и восьмилучевая звѣзда, какъ и наверху. Д. В. Айналовъ сближаетъ генія съ Горомъ на египетской плитѣ, изданной у NeroutsosBey „L'ancienne Alexandrie" (Paris, 1888), 46; кромѣ того можно его еще сравнить съ изображеніемъ у King, l. l., табл. I, 1 и табл. VII 1: тамъ изображены амулеты такой же овальной формы, на табл. VII 1 геній очень похожій на нашего, попирающій ногами льва, только безъ нимба и безъ скорпіоновъ въ рукахъ, на табл. I, 1 геній со скорпіонами, но съ головою осла (Сеѳъ); тамъ же изображены луна, солнце и звѣзды; для этого, впрочемъ, приводить примѣровъ не надо, такъ какъ эти изображенія на гностическихъ амулетахъ постоянно встрѣчаются.

Надпись на этой сторонѣ слѣдующая:

---

[1]) Сюда же слѣдуетъ отнести массивное золотое кольцо о восьми вогнутыхъ граняхъ, привезенное Вл. Г. Бокомъ изъ послѣдняго своего путешествія въ Египетъ и находящееся теперь въ средневѣковомъ отдѣленіи Эрмитажа подъ № 7410 А 18. На немъ написано: ЄIСZЄYССАРАПIС =εἷς Ζεὺς Σαράπις.

[2]) Изображеній на нимбѣ Д. В. Айналовъ не упоминаетъ. Изъ чего онъ заключилъ, что фигура шагаетъ влѣво, для меня непонятно; столь же сомнительнымъ мнѣ кажется предположеніе его, что геній бородатъ: я, по крайней мѣрѣ, слѣдовъ бороды не вижу.

[3]) О гностическихъ знакахъ ср. *C. W. King*, The gnostics and their remains, London, 1864, табл. XIII.

[4]) Ср. *R. Wünsch*, Sethianische Verfluchungstafeln aus Rom, Leipzig, 1898, 99.

ΚΑΤΑΠΑΤ
ΤΗΝΜΥCΕΡΑΝ
CΦΡΑΓ
ΛΟΜΟΝΟCCΕΚΑΤΗΡΓΗ
ΑΒΡΙΗΛΟΥ
ΡΑΦΑΗ
ΕΡΒΙΜΑΧ

////CICINNOC BICICINNOC	Βι]σιςίν[νο]ς Βισισίννος
ΚΑΤΑΠΑΤΗСΤΗΝΜΥϹΕΡΑΝ	κατ'ἀπάτ[η]ς· τὴν μυσερὰν
ΜΗΚΕΤΙΕΙϹΧΥΙΝϹΦΡΑΓΙΤΟ	μηκέτι εἰσχύιν· σφραγὶ το-
ΥϹΟΛΟΜΟΝΟϹϹΕΚΑΤΗΡΓΗ	ῦ Σολομῦνος σὲ κατήργη-
ϹΕΝΜΗΧΑΗΛΓΑΒΡΙΗΛΟΥ	σεν· Μηχαὴλ, Γαβριήλ, Οὐ-
ΡΗΗΛΡΑΦΑΗΛΔΕϹΜΕΥ	ρηήλ, 'Ραφαὴλ δεσμεύ-
ΟΥϹΙΝϹΕΑΛΙΜΕΡΒΙΜΑΧ	ουσιν σέ· ΑΛΙΜΕΡΒΙΜΑΧ.

Переводъ: „Висисиннъ противъ Апаты (обмана): пусть она, поганая, никогда не будетъ имѣть силы; печать Соломона сдѣлала тебя недѣйствительной. Михаилъ, Гавріилъ, Уріилъ, Рафаилъ тебя связываютъ αλιμερβιμαχ“.

Надпись совершенно понятна; ошибки ореографическія легко объясняются и достаточно будетъ ихъ перечислить: εἰσχύιν вм. ἰσχύειν; σφραγί вм. σφραγίς; Σολομῦνος вм. Σολομῶνος; Μηχαήλ вм. Μιχαήλ; Οὐρηήλ вм. Οὐριήλ. Послѣднее слово окончаніями очень напоминаетъ еврейскія слова, но при полномъ незнаніи еврейскаго языка я не могу сказать, какое могло бы быть ихъ значеніе [1]). Βισισίννος, вѣроятно, имя человѣка, писавшаго заклятіе противъ обмана (κατ' ἀπάτης) [2]); подобное имя встрѣчается на амулетѣ, изданномъ у G. Schlumberger'а [3]). Schlumberger также понимаетъ слова Σισίννιος Σισιννάριος, какъ имя владѣльца амулета, но тамъ можно было бы объяснять ихъ также какъ прозвище Соломона, хотя я не знаю, что могли бы означать эти имена. Соломонъ и его печать [4]) неоднократно упо-

---

[1]) Я обращался за совѣтомъ къ П. К. Коковцеву; онъ мнѣ сообщилъ, что, хотя, при нѣкоторомъ насиліи надъ извѣстными свойствами еврейской рѣчи, и можно было бы объяснить эти загадочныя слова изъ еврейскаго языка и притомъ на разные лады, но такія объясненія все-таки представляются ему ничѣмъ инымъ, какъ самой праздной забавой.

[2]) Окончаніе ης неясно, но на оригиналѣ буквы эти все-таки прочитать можно; вмѣсто ς первоначально, можетъ быть, стояло ε, но верхняя черта потомъ стерта: поверхность на этомъ мѣстѣ попорчена.

[3]) *G. Schlumberger*, Mélandes d'archéologie byzantine, Paris, 1895, 118: φεῦγε μεμισιμένι, Σολομῶν σὲ διώχι Σισίννιος Σισιννάριος. Обр. ст.: σφραγὶς Σολομῦνος ἀπόδιοξον πᾶν κακὸν ἀπὸ τοῦ φοροῦντος.—φθόνος. Это амулетъ противъ malocchio.

[4]) Д. В. Айналовъ, l. c. 194 пишетъ: „σφραγὶς Σολομῶνος, упомянутую въ надписи нашего амулета послѣ именъ архангеловъ и Сисанія“. Что это неточность, не требуетъ доказательства; кромѣ того я не понимаю, почему Д. В. Айналовъ перекрестилъ Βισισίννος въ Сисанія.

минаются на такихъ амулетахъ [1]). Архангелы также играютъ большую роль у гностиковъ; они призываются отчасти своими именами, отчасти ихъ имена замѣняются просто гласными α ε η ι ο υ ω [2]).

Перехожу теперь къ обратной сторонѣ нашего амулета. Тамъ находится цѣлый рядъ христіанскихъ изображеній, которыя я только вкратцѣ перечислю, отсылая читателя къ подробному разбору ихъ Д. В. Айналовымъ „Вверху“, пишетъ Д. В. Айналовъ, „представленъ ореолъ съ погруднымъ бюстомъ Христа: концы перекрестья видны за головой его.... Четыре ангела.... несутъ этотъ медальонъ.... Надъ ореоломъ находятся двѣ звѣзды съ восемью лучами.... Въ слѣдующемъ ряду находятся поклоненіе волховъ и видѣніе пастырями звѣзды [3]).... Въ третьемъ ряду изображены чудеса Христа. Первая сцена слѣва—это слѣпой у купели Силоамъ [4]), далѣе, по Д. В. Айналову, слѣдуютъ бѣсноватый и кровоточивая жена. По другую сторону Христа мы опять видимъ павшую на колѣни женщину; какая именно жена здѣсь представлена, рѣшить трудно; по моему мнѣнію, вѣроятнѣе всего одна изъ представленныхъ женщинъ хананеянка, молящая Христа за свою бѣсноватую дочь, а другая кровоточивая жена. По одеждѣ бѣсноватый болѣе похожъ на лицо мужского пола, не то бы я высказалъ предположеніе, нельзя ли будетъ соединить обѣ сцены по лѣвую сторону Христа и понимать ихъ именно какъ хананеянку и ея бѣсноватую дочь. Въ пользу этого объясненія говоритъ еще другое обстоятельство. За женщиной слѣдуютъ Закхей сидящій на деревѣ, разслабленный несущій свой одръ и, наконецъ, по весьма вѣроятному предположенію Д. В. Айналова, исцѣленный бѣсноватый. Д. В. Айналовъ указываетъ на энколпій изъ Адана въ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, у *Schlumberger*, l. c. n° 1. 2. 13 etc.; *Sorlin-Dorigny*, *Revue des études grecques*, IV (1891), 287; *King*, l. l. 175 и 229 и др. У Сорлена цѣлый рядъ ошибокъ, отчасти исправленныхъ у *Schlumberger*, l. l. 120, пр. 3. У Сорлена призываются также архангелы: Μιχαήλ, Γαβριήλ, Οὐριήλ, Ῥαφαὴλ διαφύλαξον τὸν φοροῦντα.

[2]) Ср. *Wünsch*, l. l. 78.

[3]) Мнѣ кажется, что представлены не овцы, какъ пишетъ Д. В. Айналовъ, а двѣ козы.

[4]) Д. В. Айналовъ пишетъ: слѣпой умывающій глаза *въ источникѣ Виѳезды*! Точно также при описаніи кровоточивой жены, цитируя слова κρασπέδου λαμβανομένη, Д. В. Айналовъ ссылается на Астерія Амассійскаго, а не на евангеліе, откуда Астерій взялъ эти слова. Далѣе Д. В. Айналовъ пишетъ: „источникъ представленъ въ видѣ ручья, текушаго съ холмика“. Мнѣ кажется, вода течетъ изъ урны, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы холмикъ могъ быть изображенъ такъ странно.

Киликіи, хранящійся въ Оттоманскомъ музеѣ, гдѣ исцѣленіе бѣсноватаго изображено вслѣдъ за исцѣленіемъ кровоточивой жены и разслабленнаго; это обстоятельство, по моему, также говоритъ въ пользу моего объясненія, что павшая на колѣни женщина на правой сторонѣ отъ Христа именно есть кровоточивая жена, а не Мареа, или одна изъ женъ мνроносицъ, или грѣшница, или сестра Лазаря, какъ предполагаетъ Д. В. Айналовъ. „Въ нижней части амулета Христосъ обручаетъ жениха и невѣсту, стоя внутри сооруженія, крыша котораго лежитъ на двухъ витыхъ колоннахъ"... „По сторонамъ зданія изображены пять амфоръ—намекъ на бракъ въ Канѣ,—и хлѣбы съ двумя рыбами — сокращенный намекъ на чудо насыщенія народа въ пустынѣ".

Надпись на этой сторонѣ идетъ вокругъ края амулета и стоитъ между фризами; она слѣдующая:

ΚΥΡΙЄΜΗΔΟCΗC/////CΧΥΝΤ	Κύριε, μὴ δό[σ]ης [ἰ]σχὺν τ-
ΟΙC/////ΚΘΡΟΙCΜΟΥΟΤCΚЄΠΙ	οῖς ἐκθροῖς μου, ὅτ(ε) σκέπι
ΜЄΗΔЄΞΗΑCΟΥΠΑΝΤΟΤЄ	μὲ ἡ δεξηὰ σοῦ πάντοτε

+ΚΑΚΑЄΙCΤΑCЄΚΙΝΟΝCΤΡЄΨΟΝΚЄΦΑΛΑCΚΥΡΙЄΟΘЄΟCΗΜωΝΜΗΔΟΗC
ΑΥΤΟΙCΔΥΝΑΜΙΝ

κακὰ εἰς τὰς ἐκίνον στρέψον κεφαλὰς Κύριε, ὁ θεὸς ἡμῶν, μὴ δόης αὐτοῖς δύναμιν.

Переводъ: „Господи, не давай силы моимъ врагамъ, ибо десница Твоя непрестанно служитъ мнѣ покровомъ. Обрати бѣду на ихъ голову, Господи, Боже нашъ, не давай имъ власти".

И эта надпись полна орѳографическихъ ошибокъ, происшедшихъ вслѣдствіе произношенія: ἐκίνον вм. ἐκείνων; δόης вм. δῴης; δόσης вм. δώσεις; εἰσχὺν или ἡσχὺν вм. ἰσχύν; ἐκθροῖς вм. ἐχθροῖς; ὅτ вм. ὅτε, гдѣ ε опущено вслѣдствіе ἁπλογραφία; σκέπι вм. σκέπει, δεξηά вм. δεξιά. Смыслъ надписи вполнѣ ясенъ и не требуетъ разъясненій. Д. В. Айналовъ предполагаетъ, что амулетъ имѣлъ брачное значеніе вслѣдствіе представленнаго въ нижней части сюжета обрученія. Это предположеніе возможно: тогда и написанное на другой сторонѣ κατ' ἀπάτης получаетъ извѣстное значеніе. Д. В. Айналовъ указываетъ на полную аналогію композиціи обрученія на амулетѣ съ изображеніемъ этого сюжета на перстнѣ изъ Тарса [1]) и золотой бляхѣ изъ Бейрута. Въ

[1]) Ср. *Н. П. Кондаковъ*, Русскіе клады, I 190, гдѣ надпись названа неразборчивой; на перстнѣ также стоитъ ΟΝΣΠΥΑ = ὁμόνοια (ὁμόνυα).

Эрмитажѣ въ средневѣковомъ отдѣленіи [1]) находится еще другое кольцо съ такимъ же изображеніемъ и надписью подъ нимъ ΟΜΟΝΥΑ. Вокругъ кольца надпись:

+K̅Є̅ΟϹΟΠΛωΝЄΥΔΟΚΙΑϹЄϹΤЄΦΑΝΟϹΑϹΗΜΑϹ

K(ύρι)ε, ὃς ὅπλων εὐδοκία(ς) ἐστεφάνοσας ἡμᾶς

Господи, увѣнчавшій насъ славою оружія.

Амулетъ нашъ Д. В. Айналовъ, по стилю и по композиціи, относитъ къ VI вѣку; характеръ письма этой датировкѣ не противорѣчитъ.

Е. Придикъ.

---

[1]) № 7343 изъ коллекціи кн. Лобанова-Ростовскаго.

ИСТОРІОГРАФИЧЕСКІЕ ПРІЕМЫ ГЕРОДОТА ВО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Названіе исторіи приложимо къ сочиненію Геродота лишь съ большими оговорками. Недаромъ древніе грамматики назвали это сочиненіе „Музами“ и по числу музъ раздѣляли его на девять книгъ. Музы вдохновляли пѣвцовъ, открывали передъ ними тайны прошлаго и сокровенныя мысли и чувства героевъ разсказа. Когда Геродотъ сообщаетъ въ формѣ прямой рѣчи бесѣду Солона съ Крезомъ, амазонокъ со скиѳами, Артабана съ ночнымъ призракомъ, бесѣды персидскихъ вельможъ о преимуществахъ того или другого государственнаго строя и многія другія, онъ поступаетъ, какъ поступалъ вдохновленный музою поэтъ. Когда онъ въ одномъ планѣ размѣщаетъ и собственныя наблюденія и показанія свидѣтелей, когда о предметахъ далекихъ, имъ не видѣнныхъ, онъ, на основаніи слышаннаго или прочитаннаго, говоритъ какъ очевидецъ, не упоминая объ источникахъ своихъ свѣдѣній, онъ гораздо больше озабоченъ цѣльностью и яркостью рисуемой картины, нежели точностью и достовѣрностью сообщаемыхъ свѣдѣній. Наконецъ, настроеніе читателя занимаетъ его не меньше, если не больше, нежели обогащеніе его положительными знаніями. Но, разумѣется, въ сочиненіи Геродота имѣются на лицо въ большомъ количествѣ и элементы исторіографіи: прежде всего подробное изложеніе многихъ историческихъ фактовъ не только въ хронологической связи, но и въ ихъ причинной послѣдовательности и взаимной зависимости. Что причинная связь выясняется авторомъ недостаточно, что первенствующее мѣсто отводится часто фактамъ второстепеннымъ, внѣшнимъ, это обусловлено не столько слабостью

его историческаго смысла, сколько характеромъ его міросозерцанія и его общими понятіями.

Уже первыя слова сочиненія заставляютъ читателя ожидать безконечнаго разнообразія предметовъ изложенія и тѣмъ самымъ эпизодичности разсказа. При этомъ слово „исторія" (ἱστορίη) имѣетъ у автора значеніе, не отвѣчающее нашимъ требованіямъ отъ исторіи, а задача разсказовъ полагается въ сохраненіи отъ безвѣстности и забвенія всего достопримѣчательнаго, содѣяннаго народами, въ особенности громкихъ важныхъ дѣлъ, совершенныхъ эллинами и персами, съ указаніемъ той вины, изъ-за которой возникла борьба между ними. Подъ именемъ исторіи авторъ разумѣетъ собраніе разнородныхъ свѣдѣній о людяхъ, предметахъ и событіяхъ, свѣдѣній, добытыхъ личнымъ наблюденіемъ, чтеніемъ книгъ, разспросами свидѣтелей, собственными гаданіями.

Таково содержаніе геродотовской „исторіи", и потому самый этотъ терминъ соединенъ у него съ другимъ именемъ, обозначающимъ изложеніе, оглашеніе (ἱστορίης ἀπόδεξις). Что ἔργα μεγάλα ἀποδεχθέντα означаютъ славные военные подвиги, это слѣдуетъ, во-первыхъ, изъ того, что въ приступѣ (προοίμιον) не имѣется другого указанія на греко-персидскія войны, составляющія центръ всего повѣствованія, и, во-вторыхъ, изъ многихъ мѣстъ его сочиненія, гдѣ выраженіе ἀποδεικνύναι ἔργα μεγάλα, а также λαμπρά, λόγου ἄξια, ἀξιαπηγητότατα, или τὶ ἔργον, οὐδὲν ἔργον имѣетъ отношеніе къ военнымъ подвигамъ. Мѣста эти: I, 16, 59, 207. III, 155. VI, 15. VII, 139. VIII, 17, 90, 91. IX, 71, 72. Въ одномъ только мѣстѣ наше толкованіе недопустимо; это II, 10, гдѣ слова ἔργα ἀποδεξάμενοι μεγάλα εἰσὶ относятся къ рѣкамъ, подобно Нилу, образующимъ большіе наносы, которые мало-по-малу обращаются въ материкъ. Но этимъ исключеніемъ подтверждается правило: здѣсь обычное выраженіе о такихъ военныхъ дѣлахъ примѣнено фигурально къ рѣкамъ. Во всемъ сочиненіи авторъ съ наибольшею обстоятельностью говоритъ о войнахъ.

Что съ словомъ αἰτίη въ приступѣ соединяется, кромѣ общаго значенія причины, особый оттѣнокъ вины, преступленія, это подтверждается слѣдующимъ непосредственно разсказомъ о похищеніяхъ женщинъ эллинами и азіатами, о троянской войнѣ, какъ о преступленіяхъ, заслуживавшихъ возмездія. По словамъ персидскихъ историковъ, сообщаетъ Геродотъ, первыми виновниками распри (αἰτίους — τῆς διαφορῆς) между эллинами и персами были финикіяне: похищеніе Іо финикійскими купцами было началомъ взаимныхъ обидъ (τῶν ἀδι-

χρημάτων πρῶτον τοῦτο ἄρξαι, 2 нач.). Новую обиду (αἰτίους τῆς δευτέρης ἀδικίης) учинили эллины, потому что они не удовольствовались похищеніемъ Европы въ возмездіе за Іо и увезли изъ Колхиды Медею. Отвѣтомъ на эту обиду послужило похищеніе Елены Александромъ. Еще больше провинились (μεγάλους αἰτίους) эллины, когда вслѣдъ за этимъ изъ-за одной женщины пошли войною на Азію. По примѣру персидскихъ ученыхъ, Геродотъ не видитъ никакой несообразности въ томъ, что финикіяне, колхидяне и троянцы, обиженные эллинами,—не персы, что упомянутыя исторіи съ женщинами относятся ко времени, задолго предшествующему появленію и господству персовъ въ этихъ земляхъ Малой Азіи. Но персы считали Азію со всѣми живущими въ ней народами своею собственностью, Европу предоставляя эллинамъ (I, 4. IX, 116), и этого достаточно для того, чтобы признавать за собою не только право, но и обязанность карать всякаго обидчика Азіи, въ какое бы отдаленное время обида ни была нанесена и какого бы изъ азіатскихъ народовъ она ни касалась. Во всякомъ столкновеніи между народами или отдѣльными лицами „отецъ исторіи“ усматриваетъ послѣдствіе вины, несправедливости одной изъ сторонъ; преступленіемъ оскорбляется не только оскорбленное лицо, не только современники близкіе ему по крови, но вся земля, которой оскорбленное лицо принадлежитъ, всѣ его потомки, всѣ послѣдующіе обладатели его земли. Преступленіе требуетъ воздаянія равною мѣрою (ἴσα πρὸς ἴσα, 2); воздаяніе можетъ быть оказано добровольно, по взаимному соглашенію, или же оно добывается силою.

Таковъ религіозно-этическій взглядъ Геродота на людскія отношенія, и онъ выраженъ достаточно въ вступительныхъ главахъ сочиненія. Это — то самое начало справедливости, согласно которому поступаютъ и боги. „За тяжкія обиды слѣдуютъ отъ боговъ и тяжкія наказанія“, замѣчаетъ самъ авторъ (II, 120 кон.). Ту же мысль онъ заставляетъ высказывать фокейца Діонисія передъ іонянами и Мильтіада передъ аѳинянами (θεῶν τὰ ἴσα νεμόντων VI, 11. 109). Переступать мѣру возмездія значитъ совершить новое преступленіе, какъ сдѣлали эллины, когда за похищеніе Елены Парисомъ направили въ Азію цѣлое войско (4); жестоко была наказана мать царя Аркесилая Феретима за безпощадность къ жертвамъ мести (IV, 205). Подъ вліяніемъ такого взгляда исторія отношеній между отдѣльными личностями и народами получаетъ у Геродота видъ драматическихъ коллизій; событіями въ такой исторіи управляютъ побужденія и страсти людей, а верховное руководительство принадлежитъ богамъ,

Геродотъ переноситъ въ миѳическую древность, въ сказанія объ Іо и другихъ сказочныхъ женщинахъ тѣ же мотивы поведенія, которыми онъ руководствовался самъ, которые наблюдалъ въ окружающемъ его обществѣ. Этотъ псевдо-историческій пріемъ обращенія съ древне-греческими именами примѣняетъ Геродотъ во всемъ сочиненіи, отыскивая его и у персидскихъ историковъ (Περσέων οἱ λόγιοι). Какъ египетскаго языка и письма, такъ и персидскаго Геродотъ не зналъ и съ памятниками персидской литературы, по увѣренію его противника Ктесія, знакомъ не былъ. У персовъ, во времена Геродота и раньше, существовали архивы и историческія сочиненія, и есть достаточное основаніе утверждать, что писатели ихъ занимались исторіей и народовъ сосѣднихъ, какъ ассиріянъ, грековъ. Весьма вѣроятно также, что персидскіе историки излагали древнія греческія сказанія раціоналистически: принимая имена боговъ и героевъ за дѣйствительныя историческія личности, они извлекали изъ сказаній то, что̀ казалось имъ достовѣрной исторіей, что̀, быть можетъ, находило себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ, и отбрасывали все чудесное, божественное. Раціоналистическое толкованіе миѳовъ и легендъ согласовалось съ собственнымъ настроеніемъ нашего историка, какъ оно выразилось во всемъ его трудѣ (особ. II, 54 — 58. 115 — 120). Точно также были настроены и тѣ его греческіе толмачи, со словъ которыхъ онъ говоритъ о персидскихъ источникахъ. Раціоналистическое отношеніе къ разнымъ миѳамъ и легендамъ легко можно прослѣдить среди грековъ задолго до Геродота.

Правда, въ концѣ 5-й главы авторъ отказывается входить въ разборъ полемики финикіянъ съ персами и отъ миѳической старины обращается къ Крезу, но, во-первыхъ, разногласіе между финикіянами и персами касалось только Іо; во-вторыхъ,—финикіяне представляли себѣ эту греческую женщину не какъ богиню-луну, чѣмъ она была первоначально, но какъ историческую личность. Наконецъ, нашъ авторъ не ограничивается передачею показаній персидскихъ историковъ непрямою рѣчью; онъ вставляетъ въ изложеніе свои замѣчанія, которыя явно свидѣтельствуютъ, что авторъ раздѣляетъ способъ пониманія персидскихъ историковъ. Вставки изложены прямою рѣчью. Такъ, передавши показаніе, что однажды финикійскіе купцы зашли съ египетскими и ассирійскими товарами и въ Аргосъ, Геродотъ отъ себя прибавляетъ, что „Аргосъ въ то время былъ во всѣхъ отношеніяхъ первенствующимъ въ странѣ, называемой нынѣ Элладою“ (τὸ δὲ Ἄργος τοῦτον τὸν χρόνον προεῖχε ἅπασι τῶν ἐν τῇ νῦν Ἑλλάδι κα-

λεομένῃ χώρῃ). Похитителями Европы, которыхъ персидскіе источники не называютъ, были, по догадкѣ Геродота, критяне (εἴησαν δ᾽ἂν οὗτοι Κρῆτες). Авторъ соглашается съ персидскими историками, что грекамъ не слѣдовало поднимать войну изъ-за Елены, какъ и вообще не слѣдуетъ людямъ разсудительнымъ вмѣшиваться въ подобныя исторіи: „ясно“, говоритъ онъ, „что женщинъ не похищали бы, если бы онѣ сами того не желали“ (δῆλα γὰρ δὴ ὅτι, εἰ μὴ αὐταὶ ἐβούλοντο, οὐκ ἂν ἡρπάζοντο). Имѣя передъ собою съ одной стороны миѳы и легенды объ Іо, Европѣ, Медеѣ, Еленѣ, изукрашенные вмѣшательствомъ боговъ, чудесными превращеніями и т. п., а съ другой—раціоналистическое переложеніе ихъ въ правдоподобныя исторіи, Геродотъ отдавалъ предпочтеніе этимъ послѣднимъ.

Въ отечественныхъ боговъ, какъ они изображались въ миѳахъ, въ реальность ихъ онъ не вѣрилъ; не вѣрили въ нихъ, конечно, и персы; объясненіе миѳологическихъ разсказовъ, свободное отъ грубаго антропоморфизма, больше отвѣчало его религіознымъ представленіямъ. Противопоставленіе персовъ и эллиновъ, какъ двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна совершаетъ преступленіе, погрѣшаетъ противъ справедливости, а другая караетъ за вину, это противопоставленіе вины и воздаянія за нее могло быть общимъ этическимъ воззрѣніемъ и персовъ и грековъ; во всякомъ случаѣ оно красной нитью проходитъ черезъ все повѣствованіе Геродота.

Въ концѣ вступленія авторъ переходитъ къ извѣстнымъ ему историческимъ фактамъ и личностямъ, къ половинѣ VI вѣка до Р. Хр., и здѣсь, не ссылаясь болѣе на персидскихъ историковъ, называетъ Креза виновнымъ въ нанесеніи обиды эллинамъ безъ всякаго съ ихъ стороны повода (πρῶτον ὑπάρξαντα ἀδίκων ἔργων ἐς τοὺς Ἕλληνας, 5); персы наслѣдовали владычество Креза въ Азіи; на нихъ должна была перейти и вина Креза передъ эллинами; они должны были и понести за нее кару отъ эллиновъ; послѣднимъ помогало и божество. Достаточное оправданіе этому воззрѣнію представили греко-персидскія войны.

Непостоянство человѣческой судьбы, непрочность благополучія отдѣльныхъ людей и народовъ, независимо отъ ихъ прегрѣшеній, было также однимъ изъ вѣрованій Геродота. Религіозное освѣщеніе этому вѣрованію давало представленіе о завистливости божества. Низводя причины явленій къ началу религіозно-этическому, къ смѣнѣ вины и воздаянія за нее, Геродотъ, а съ нимъ вмѣстѣ и многіе древніе греки, останавливались въ недоумѣніи передъ такими случаями кру-

шенія благополучія, для которыхъ понятіе немезиды было недостаточно. Такого рода случаи обобщались съ помощью понятія о божествѣ завистливомъ къ продолжительному человѣческому благополучію, о божествѣ, любящемъ крушеніе счастливыхъ; ни праведная жизнь, ни благочестіе относительно боговъ не охраняли счастливца отъ несчастія (I, 32. 34. 87. III, 40—43. 125. VII, 46 и др.). Это же понятіе выражено и въ послѣднихъ словахъ вступленія: „такъ какъ я знаю, что человѣческое благополучіе никоимъ образомъ не остается нерушимымъ, то" и пр. (τὴν ἀνθρωπηίην οὖν ἐπιστάμενος εὐδαιμονίην οὐδαμὰ ἐν τωὐτῷ μένουσαν).

Геродота меньше всего можно упрекнуть въ національной исключительности, въ нетерпимости къ инородцамъ, въ замалчиваніи достоинствъ инородцевъ. У персовъ онъ отмѣчаетъ похвальные обычаи домашніе и государственные, потомъ ихъ храбрость, правдивость и отвращеніе къ лѣни (I, 137—138); онъ съ сочувствіемъ говоритъ о представленіи персами своихъ боговъ, болѣе спиритуалистическомъ, нежели у эллиновъ (I, 131); онъ восхищается мудростью египтянъ, ихъ сооруженіями, многими законами; отъ египтянъ эллины заимствовали свои 12 божествъ, процессіи, умилостивленія боговъ, геометрію и многое другое; заимствовали письмена отъ финикіянъ, солнечные часы и дѣленіе дня отъ вавилонянъ и т. д. и т. д.; скиѳскій способъ веденія войны онъ называетъ мудрѣйшимъ; отдѣльныхъ людей изъ инородцевъ онъ нерѣдко превозноситъ похвалами. Наряду съ этимъ онъ не скрываетъ многихъ недостатковъ эллиновъ, ихъ ошибочныхъ понятій, раздоровъ между ними и случаевъ измѣны въ войнѣ съ персами и т. п. Во вступленіи не содержится ни малѣйшихъ признаковъ нетерпимости къ инородцамъ, и имя βάρβαροι, подъ которымъ разумѣются прежде всего персы, употреблено авторомъ безъ всякаго оттѣнка непріязни или пренебреженія. Славные военные подвиги, закрѣпить которые достойнымъ образомъ въ памяти потомства желаетъ авторъ, совершены одинаково эллинами и инородцами. Онъ раздѣляетъ, какъ мы показали выше, точку зрѣнія персидскихъ историковъ на греческіе миѳы, какъ въ другомъ мѣстѣ онъ предпочитаетъ египетскій варіантъ греческому объ Еленѣ, виновницѣ троянской войны (II, 120); онъ согласенъ съ персами, что безсмысленно цѣлому народу мстить за похищеніе женщины. Словомъ, уже въ своемъ вступленіи Геродотъ не даетъ намъ никакого основанія передавать греческій терминъ βάρβαροι нашимъ „варвары". Подъ этимъ именемъ у Геродота разумѣются народы чуждые эллинамъ по языку (VIII,

20. IX, 43); соотвѣтственнымъ этому именемъ называли и египтяне всѣ иноземные народы (II, 158 кон.) Геродотъ безъ малѣйшаго смущенія переноситъ на инородцевъ и многія религіозныя и этическія понятія эллиновъ и часто заставляетъ ихъ высказывать тѣ же правила морали, какія онъ самъ исповѣдывалъ. Терпимость къ инородцамъ не мѣшала, однако, Геродоту признавать за эллинами нѣкоторыя преимущества передъ инородцами въ смыслѣ болѣе бережнаго обращенія съ непріятельскими трупами (IX, 79) и большей сообразительности (I, 58—60): эти качества съ давняго времени выдѣлили эллиновъ изъ множества народовъ (I, 60). Таковы черты геродотовскаго повѣствованія, собранныя во вступленіи и сразу знакомящія читателя съ литературными пріемами автора и съ его общими воззрѣніями.

Въ заключеніе не можемъ не обратить вниманія на то, что Геродотъ, подобно Өукидиду, предполагалъ для Эллады такое время, когда она не носила еще своего имени (ἐν τῇ νῦν Ἑλλάδι καλεομένῃ χώρῃ): это — время древнѣйшихъ сношеній финикіянъ съ Аргосомъ, такъ называемая нынѣ эпоха микенской культуры (I, 1). Смутно и противорѣчиво представлялъ себѣ Геродотъ этотъ до-эллинскій періодъ позднѣйшей Эллады. Его филологическія и этнографическія свѣдѣнія были весьма недостаточны для выясненія отношеній эллиновъ къ ихъ предшественникамъ. Въ одномъ мѣстѣ VIII книги онъ выражается ясно, что страну, „нынѣ называемую Элладою“ (τὴν νῦν Ἑλλάδα καλεομένην), занимали пеласги (44), народъ иноязычный (ἐὸν βάρβαρον I, 58); изъ этого-то болѣе древняго народа и выдѣлились эллины (ἀπεκρίθη ἐκ παλαιτέρου τοῦ βαρβάρου ἔθνεος τὸ Ἑλληνικόν I, 60). Все прочее по этому вопросу передается сбивчиво, хотя, какъ и у Өукидида, въ связи съ переселеніями различныхъ народовъ въ Элладѣ (I, 56—58. 60. II, 51—52. 56 и мн. др. сравни нашъ указатель къ переводу Геродота).

Ө. Мищенко.

AD OV. REM. AM. CODEX ETONENSIS.

Обстоятельный разборъ и подробное описаніе рукописей, на которыхъ основывается текстъ произведеній Овидія, даетъ прежде всего Меркель въ предисловіи къ своему изданію (P. Ovidius Naso ex recognitione Rudolphi Merkelii, I, Lipsiae, 1859). Три главныхъ рукописи списаны были для издателя Генрихомъ Кейлемъ. Для Remedia amoris Меркель пользовался слѣдующими рукописями:

1. Parisinus (R), X вѣка (основа изданія),
2. Monacenses tres Remediorum am., XII вѣка
3. Guelferbytanus, написанный въ 1440 или 1470 г.

Въ 1871 г. Ант. Цингерле въ своихъ Kleine Philologische Abhandlungen опубликовалъ небольшой найденный имъ отрывокъ рукописи конца XIII или начала XIV вѣка, который содержитъ стихи Rem. am. 319—459, 600—740; а въ 1897 г. Friedrich Pfaff (Philologus, 56 (N. F. 10), 727) напечаталъ два найденныхъ имъ рукописныхъ отрывка, содержащихъ ст. 553—572 и 577—596. Кромѣ того Heinsius въ своемъ Commentarius in Ovidii Remedia amoris приводитъ разнообразныя разночтенія, ссылаясь на различныя рукописи, которыя, къ сожалѣнію, до насъ не дошли и провѣрены быть не могутъ.

Зато любопытно упоминаніе Burmann'a, который въ своемъ изданіи Овидія (1727 г.) въ 4-мъ томѣ (Addenda, pag 241 sqq.) часто приводитъ чтенія изъ Electa Etonensia, которыя онъ въ другихъ мѣстахъ называетъ и Electa usui scholae Etonensis (ad Phaed. IV, 8, 4) и Membranae Longobardicae (ad epist. 1, 1) и liber Longobardicus (ad epist. 1, 16).

На упоминаемый Бурманномъ Codex Longobardicus первый обратилъ должное вниманіе въ 1862 г. Л. А. Миллеръ (Rhein. Mus. 17, 523: „Zur Kritik des ersten Theils der Ovidischen Dichtungen"), который говоритъ о немъ слѣдующее:

„Интересно и, быть можетъ, не лишено значенія упоминаніе англійскаго codex Longobardicus, который заключаетъ въ себѣ Remedia и семь Heroides, между прочимъ письмо Пенелопы, котораго нѣтъ въ Puteanus, и изъ котораго какой-то vir eruditissimus, какъ его называетъ Бурманъ ad Phaed. IV, 18, 4, сообщилъ варіанты въ трудѣ Electa usui scholae Etonensis, появившемся въ 1726 или 1727 году. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности узнать что-нибудь болѣе точное объ упомянутыхъ рукописяхъ или книгѣ, такъ что я долженъ ограничиться тѣмъ, что обращаю на нихъ вниманіе ученыхъ".—Л. А. Миллеръ первый же указалъ на то, что въ Electa упоминается собственно еще вторая рукопись:

Ibidem: „Кромѣ того заслуживаетъ вниманія еще слѣдующая замѣтка въ Electa о другой рукописи: «membranae alterae annis abhinc ut videtur fere quadringentis e libro iam tum pervetusto descriptae, quippe cuius erosas versuum clausulas lacunis suis aliquotiens exprimant quas deinceps nostrarum veterum nomine ad partes vocabimus». Эта рукопись содержитъ, кромѣ нѣкотораго числа Heroides, какъ кажется, еще всѣ Amores и Ars и Remedia; неизвѣстно, есть ли въ ней Medicamina и Nux. Правда, мы не имѣемъ убѣдительнаго доказательства, что рукопись эта списана съ экземпляра, отличавшагося древностью уже въ XIV вѣкѣ. Однако, я рекомендую и этотъ кодексъ вниманію тѣхъ счастливцевъ, которые имѣютъ возможность познакомиться съ сокровищами Оксфорда, Кембриджа и Британскаго музея".

Воспользовавшись указаніемъ Л. А. Миллера, Henricus Stephanus Sedlmayer навелъ справки о существованіи вышеупомянутой рукописи и получилъ списокъ ея и даже фотографическій снимокъ съ двухъ страницъ. Такимъ образомъ, у Sedlmayer'а мы находимъ въ его Prolegomena critica ad Heroides Ovidianas (Vindobonae, 1878) первое подробное описаніе упомянутыхъ выше въ статьѣ Л. А. Миллера рукописей, именно въ § 2 De „codice Longobardico et de membranis veteribus" auctoris Electorum usui scholae Etonensis. Заимствуемъ изъ этого описанія слѣдующее: 1. *Codex Etonensis prior* (Longobardicus; Bl. 6, 5) membranaceus quatuor constat fasciculis; numerus foliorum

81, numerus versuum in singulis paginis 29, hic liber non, ut auctor Electorum Etonensium voluit, saec. XI exaratus est...

Содержитъ эта рукопись:

1. Theoduli carmina (fol. 1r—6v).
2. Cornelius Gallus (fol. 6v—18v).
3. Statii Achilleis (fol. 18v—37v).
4. Ovidii Remedia amoris (fol. 37v—52r).
5. Ovidii Heroides (fol. 52r—70v).
6. Aratoris carmina (fol. 70v—81v).

Приписываемыя въ рукописи Корнелію Галлу стихотворенія принадлежатъ, какъ убѣдился Зедлмейеръ, Максиміану.

2. *Codex Etonensis posterior* (Bl. 4, 12) foliis constat 170 membranaceis, quae binas columnas exibent versuum quinquagenorum. hic liber in Britannia ipsa scriptus videtur saec. XIII vel ineunte XIV...

Quae hoc codice continentur, in prima plagula indicata sunt tabula hacce.

Libri Ouidii {
Heroydum siue Ep^larum
Sine titulo [Amores]
De arte amandi
De remedio amoris
De nuce
De Sompnio
[Rosa Ausonii]
De Pulice
De Cuculo
De Fastis
Methamorphoseos
De Tristibus
De Ponto
De mirabilibus Mundi

Ehwald въ своемъ изданіи [1]) 1891 г. въ предисловіи (стр. IV и V) говоритъ: „ad Remedia recensenda, quod Etonensis codicis adiumento uti non potui vehementissime ipse doleo".

Упоминаетъ о нашей рукописи и Palmer въ своемъ оксфорд-

---

[1]) P. Ovidius Naso. Ex Rudolphi Merkelii recognitione edidit R. Ehwald. Tom. I.

скомъ изданіи (1898 г.) P. Ovidii Nasonis Heroides въ Introduction pag. XXXV „The codex Etonensis“, гдѣ мы читаемъ слѣдующее:

„Кодексъ Etonensis (E) одинадцатаго вѣка, написанный готическими буквами, той же эпохи, какъ и первая часть P, но значительно уступаетъ ему. Онъ содержитъ Theoduli carmina, Cornelius Gallus (i. e. Maximianus), Achilleis Стація, Remedia Amoris Овидія, его Heroides до 7, 157 и стихотворный переводъ Aratoris. Онъ былъ привезенъ H. Watton изъ Венеціи и списанъ съ худшаго архетипа, чѣмъ G, полонъ поправокъ, сдѣланныхъ какимъ-то ученымъ аббатомъ XI вѣка и его собственныхъ поправокъ (слѣдуютъ примѣры)“.

Такимъ образомъ рукописью этою не воспользовались ни Меркель, ни Ризе, ни Миллеръ, ни, наконецъ, Эвальдъ для изданія Remedia amoris. Однако покойный Л. А. Миллеръ, очевидно, собирался при новомъ изданіи принять во вниманіе и эту рукопись, о чемъ свидѣтельствуетъ списокъ съ нея, сдѣланный для него Г. Вагнеромъ (не Georgius Warnerus Londinensis, упоминаемый Зедлмейеромъ?) 19-го іюня 1867 г. въ Лондонѣ. Списокъ этотъ сохранился въ экземплярѣ, принадлежавшемъ покойному профессору и любезно предоставленномъ автору этихъ строкъ А. І. Малеинымъ. Цѣль этой замѣтки подѣлиться съ интересующимися Овидіемъ тѣмъ, что даетъ эта рукопись.

Collatio ad ed. L. Muelleri (P. Ovidii Nasonis Carmina Amatoria Berolini 1861).

o
V. 1. nomen titulumque v. 3. Cupido v. 4. toties v. 5. titi v. 6. Inliquidum, ethera v. 7. sepe v. 8. siquid, queris v. 9. posses; posses — Merkel, Mueller, Ehwald; possis — Heinsius, Burmannus, Riese (om. R.) 10. antefuit 11. nunc
e
nostras 12. preteritum 14. navigat 15. malefert indigne regna et puelle 16 [2])
a
nostre 17. Quur aliquis laqueo colum nudatus amotor; nodatus ab arto Heinsius, Burmannus. 18. Atrabe sublimi triste pependit onus; pependit—Merkel, Riese, Ehwald, Burmannus, rependat—L. Mueller. 19 Quur 20 Invidia cedis 25 longis (pro nudis) 26 Set 27 asta 28 cede, eat e rasura 29 Tucole, totos (pro tuto), utimur sub uti aliquid scriptum a manu corr. 32 Egeat—pro Et tegat 33 timi-
i sint c. imine
deque puelle 34 cūalibet. 35 blandotiis 37 post eris rasura; funere (sic); eris sine crimine mortis omnes edit. 38 Nec tua fasx avidos digna est subire rogos in „avidos“ a ecrasura. 39 Hec dixi 40 Ac michi; opus — supra lineam 41 precepta 46 urtice; sepe; rosa est; 48 asta 49 quecumque (que supra lineam);
o
puelle 53 propositum est—sevas 54 suum—sui Heinsius ex altero Regio et om-

[1]) v. 16 in margine scriptus a manu correctoris.

nes edit. 55 phil[?]et; meforet 56 mories; sepius 58 venato 59 contra suos Bljos (?) 60 que 62 potuiset 63 Da michi Passiphen 64. Da fedram et federatur pisa bibis amor 65. Redde Parin nobis helennen[me]ne.. laus habebit 67 Scilla 68 hesisset 69 compescite 70 meduce navis erit; 71 legendus erit; uduitti pro didicistis 73. Puplicus assertor domini supma levabo; in Regio, Puteano, Lincolniensi et Scaligeri excerptis legebatur dominis suppressa (Heinsius) et sic Merkel, Riese, L. Mueller; Jureti excerpta et duo alii: damnis suppressa (Heinsius); dominis oppressa—Heinsius, Barmannus 74 vindicte, faveto, sue; 75 assit 76 medice; Phebe. 78 tutele; tuco est (sic) 79 Dumlicet; pardia 80 sipiget; inprimo 81. subitimala 82 resistet 83 Nammora 84 que 85 que prebet potantibus [1]) 86 posita est; virga—r supra lineam; 87 [re]belli 88 viribus ipsa suis 89. circumsp[i]ce (sic) 90 lesuro 92 cummala 93 inhoras 95 (amor)omis. 96 vindicte; queque 97 magnis de fontibus 99. sicito 100 Nec te geres; mirra 101 primo fuerat sanabile, sic et Burmannus, ceteri fuerat primo. 102 lente pro longae; in „tulisse" *li* litterae in rasura scriptae sunt. 103 Set 104 assidue 105 tacite; inviscera; flamme 106 Et mala, et sic omnes editores; male R; in radices—s supra lineam est scriptum; alcius; 107 sitamen; tepora; 108 incapto; super est; set; egro 110 michi 111 Qua lesus; phean[ci]tins 112 Debuerat celeri psecuisse manu et sic Merg; certa debuerat Puteani et Jureti codex (Heinsius); caetera debuerat R.; certa pr. manu—Burmannus et Ehwald; altera pr. manus—Merkel, Riese, L. Mueller. 113 multos annos sanatus creditur 115. Quimodo nascentes 116 tibi pro quoque (Mr) et ita R, quem secuti sunt Heinsius, Burmannus, Riese, Ehwald; quoque — ex Mr Merkel et L. Mueller. 117 Autnova si possisse dare; 118 *p*vires procubueres 119 Dum furor in cursu — cum editio prima et meliores scripti (Heinsius) 122 inadversas 123 arte — additum a manu correctoris 125 Aggrediar; cumsua 126 Iamsinet 127 infunere 128 loco est; 129 egrum 131 Temporil; medicina malet data tempora prosunt; 132 Etdata 133 vitia supra lineam a manu corr.; irritesque; 134 sinon aggrediare 135 nostre; arte; 137 hec; 138 hec; iocundi 139 periere—e supra lineam 140 Contemp*te*—te supra lineam etsine 141 limo 143 Tamvenus; queris; 145 langor 146 alliaqe; timpora 147 Eripiu*nt*—n supra lineam; vulnera vire; animo sine vulnere vires in quibusdam, sed optimi sine vulnere nervos. 147 affluit 150 quoteneatur 152 urbane; toge; 153 luenilia sed in rasura 154 dulicie 155 triumph 156 jamvi det Cesaris 157 Parthique 158 Etrefer; trophea 159 letholja; acuspide; lesa; 161 queritis, Egistus 162 promtu causa est; 163 aput 164 transtuler *nt* vel *ne*? 165 sine opera uelli; gerebat 166 sine; vac[u]aum 170 Quelibet; cure; v. in margine est scriptus a manu correctoris 171 honeri; subpondere 173 Cerealia 174 commulto fenore 176 honus 177 iocundo 178 *t[a]ondentes* in rasura 180 referunt edis 181 inequali 182 comite; canum 183 aliuc silve; alte 185 compositos—fumis 186 depti 187 formosa est mesibus estas 188 empn (hiemps?) 190 Colligit; suppede 192 pectin[e]a; versat

---

[1]) Illud potantibus admodum blanditur. Burmannus.

193 inortis 194 aque 196 Setque 197 Cumsemel hec cepit 198 pennis; irritus 200 aphebi 202 [o] frondsis 205 puelle 206 dulci menbra 207 aelite 208 p̄mia 209 que 210 erare curua civis 212 erit 215 amice 216 inmedia; sepe; 220 alea 221 quere 222 maneas—a in rasura; nec prout 224 fuga est; 225 p̄cepta 226 set; 227 sepe 228 Eger; michi 230 iuvabis; lavabis R. Merç.; levabis Burmannus, Merkel, Riese, Ehwald, sed iuvabis L. Mueller. 232 p̄tium; hec 233 n̄re 235 prima [i] iuga 237 patriis laribus; pigebat. 238 Set 239 revocavit; amice; 240 Pretendens culpe; tue 243 letus 244 in *sine* una littera erasa 246 seva 277 Quidquod; abfueris 249 eumonie; terre 252 sacra [o] 254 ru [p] pet 255 Nonseges exaliis; inagros 256 Necsubito; Phebi 257 equoreos; inundas 258 veetur 259 recantas 261. Qua te Phasiace; Pasiphae R et dus alii. tres Phasideae, unus Phasiadae, alius Perseidos lege Phosiados terrae (Heinsius); Phasiacae--Burmannus et Ehwald; Phasidiae—Merkel; Phasideae—Riese; 263 herbe 264 Cum tibi Naricias 265 ospes 266 certe; fuge 267 nec 268 in invito; at invito Burmannus et Heinsius; ceteri omnes ex R Merç. et invito; 272 Dulichilium; detenuisse 274 coniux; ese 275 uc̄iux pro coniunx 276 solis 275 et 276 unâ lineâ et pars in margine; 277 spacium 278 miuns 279 nota 280 post modo 281 Quid; fuge; in hic c supra lineam 282 rursus et ita R; Riese, Ehwald, contra Rhesus—Heinsius, Burmannus, L. Mueller, Merkel. 283 hic amor hic pax; 284 tuo est 286 nothi 287 assuetos—s supra lineam; Circa; arces 288 illic attenuatus 291 domine 292 Accipe cosilium quid sit inurbe optimum 293 ledentia 295 Setcui; animi est 297 michi; erge 298 euelles [t] et in margine et 299 sepe; scelerate; puelle 301 rapina et sic Burmannus; 302 sub titulos; sub titulo—R Merç; sub titulum—Heinsius, quem secuti sunt omnes 303 michi 306 michi 307 Hec; inacesscant 308 Hec difer; quere 309 posses et ita R Me; possis Mrç; Burmannus, Merkel, Riese, L. Mueller, Ehwald. 311 heserat; cure puelle 313 eger Polidarius erbis 314 iupiter eger eram 315 assidue; amice; 316 michi; sepe; 317 sunt nostre 319 nostre, puelle 320 Nec tamen, ut verum; nec R. et Zingerle Klein. Phil. Abh.; et tamenvere Heinsius cum Puteano et Argentinensi, quem secuti sunt Merkel, Mueller, Riese, Ehwald. 321 et erat; et erat—Zingerle Klein. Phil Abh. et omnes fere codices praeter Mç, quos secuti sunt editores. v 321 iterum in margine scriptus extat a manu corr., nulla tamen varietate lectionis 322 hec 324 sepe 325 Quam; puelle 326 limine te fa*l*le—l supra lineam 327 plena est; lusca est 329 que 330 proba est; 332 p̄care 333 uti cantet et sic Scaligeri excerpta et Jureti cum uno Puteano (Heinsius); uti pobavit L. Mueller in Zur Kritik et cet.; Riese, Ehwald; quod—Merkel 334 manus 335 sermone est; 336 cordas; liram 337 fac ambulet et ita Zingerele Kl. Phil. Abh.; papille; 338 uitium et R quem secutus est Ehwald, Riese; vicia Zingerle Kl. Phil. Abh.; tumidae Mç, quos secuti sunt Merkel-, Mueller. 339 deuta est 340 ille refert 342 mat̄ 344 minima est 345 Sepe ubi sit, quod amat, inter eam tam multa requirit; amas Zingerle ibidem 346 oculos egit 347 dep̄ndes—deprendens Zingerle ibidem 349 p̄cepto 351 copositis—cumlinet; com positis cum linit R.; cum positis sua collinet Merkel, Mueller; compositis cum conlinit—Riese, Ehwald tuna—compositis cum liniet Zingerle

ibid. 352 domine; n̄ pro nec 353 Pixidas 354 tepidos; esopa 355 redoleat (n supra lineam) 356 in stomacho—meo est; meo est R., Zingerle ibid. 357 que veneris medio p̄stemus inusu; veneris medio—Zingerle ibid. 358 omni 359 michi 360 ingenio o supra lineam; concipere re supra lineam 361 quidam nostros 362 mea est 364 Quid volet—inpugnet; quod volet—impugnet. Zingerle ibid.; dolet—Merkel ex conjec. 366 Zoille 367 sacrilege; lingue 368 quodnec; dos 369 libor 371 lincentia, ledit 372 Sisapis; n̄uos; queque; queque Zingerle ibid. 373 Fortia Meonio 375 sonent tragici. tragicos—coturnos 376 Versibus in mediis; v. corruptus Riese. 378 tra.it (h supra lineam) 379 helegia 382 Cidippe; horis; omere. 383 Andromachē 384 Thaida siqs et in margine addit corr. t agat 385 mea est; nostra est; 386 nu.. (nupta a supra lineam) est; nupta—Zingerle ibidem 387 materie; iocose 388 rea est 390 cepit 391 Sic 392 animi (tanni supra lineam) 393 fame; michi; crescit; crescit—Zingerle ibidem 394 ūr pro noster; anelat 396 Virgilio—opus; cessit opus—Zingerle ibidem; opus def. Heinsius et Burmannus. 397 Actenus invidie 398 Fortiter; giro 399 iuvenile—Zingerle ibidem. 400 promisse; er 401 domine; pectore—et sic Merkel; corpore—Riese, Ehwald. 402 an 403 Quamlibetet (sic!) 406 iuvat 407 Nec—veneris; veneris—Zingerle ibid. 408 putas et R Meç, et Zingerle ibid.; putes Merkel, Mueller. 409 efficere est; varo tibi—Zingerle ibid. 410 nichil 412 menbra 415 et malis 416 Tacturusque dium non videare tibi; dui n. v. tibi Zingerle 417 mendum est 419 vocavit; hec. 420 que 422 sepe; 423 p̄cepta 425 Sed sunt totidem mores, totidemque figure; totidem mores—Zingerle ibid.; et sic R; quod pobat L. Mueller in „Zur Kritik..." mores totidem Merkel ex Mrç 426 iudiciis di supra lineam 430 hesit 431 surrente 437 quidā 438 quod—uiure 440 experienda 434 Afflarant; tepide; ūra 435 Atrahet; forcius 436 orpem—Vulgatum versuum ordinem habet liber Etonensis. 442 plures—supra lineam a corr. add. 446 Magna 449 parravit 451 domine 453 Pasiphes 454 Idea 455 Amphiloci; flegida; 456 Callirohe 457 summo 458 lesa 459 Odrisio; tiranno. 460 clause; 462 ōnis 464 michi 467 Vidi 468 Grecia 469 Criseida 470 stulte ab initio bis scriptum erat, sed postea alterum erasum. 472 nata, ledis 473 Chalchas 474 patriest 475 E. 476 sinat littera 477 michi; concedet 478 iperium sentiet; 479 v̄rum; accusat et R. 481 illa (ulla supra lineam) 484 Et prior est possita cura repulsa uoua 485 assume; Agam̄mnone 486 deteneatur 487 Queris; artes tu perlege (sic!) 489 p̄cepta; Apollo una littera erasa 491 ethna 492 d̄ne (proglacie); dominae Riese; glacie Heinsius ex uno Puteano et Leidensi, Merkel, Mueller, Ehwald. 493 sanu 495; 496 no 497 est; positos; est Rm'; Ehwald; non es Heinsius, Merkel, Riese, L. Mueller. 499 sepe. 501 simularet 503 usus 504 Quo 506 et si 507 Ne 509 querelis 511 faestus 512 arte ras 2 litt. 513 tamen dum 514 Proprsitis; sepe 515 quodsi; fiat (e supra lineam) 516 Que; nimi; aparent (p supra lineam) 517 Nec sibi iam—nec te contempnere; nec sibi tam—nec te R., et sic Ehwald; ne tibi tam placeat, quae conj. Merkel, et ita Mueller, Riese. 518 sumo animos 519 ianue.—Versus hoc ordine scripti: 507. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 508. 509. 510. 511. 512, sed postea scriba additis A et B litteris verum ordinem ipse indicavit, v. 503 in margine additus a manu corr.—520 dubitae 521 Posse pati facile est;

t/ubi non
ubi, ni patientia desit; ubi om. Merç, ni om R. nisi si Heinsius; tibi ni Burmannus; ubi ni corr. Merkel, quem secutisunt. Mueller, Riese, Ehwald. 522 hec qs pcepta post 523 etiam e supra lineam. 525 q 527 quedam, accuto 529 nec 530 sevus 531 carba 532 vocat 533 explenda est 535 quod et pcordia possunt 536 sūpto 537 Ifruere 538 Tedia, quere, malis s eras. 542 iurat 544 queris 545 subtrahat 546 Machonia 550 Imposuit; Erix 551 Lethus; sanat. 552 lampades 554 siqua, est 555 hic michi; hic.—Pfaff. Phil. N. F. 10. 556 sōnus 558 pceptis 561 Quia, celesque, calendas 562 eris 565 com 566 facto, adesse.; facto R Mç; adesse—scripti plerique et ita Scaliger, Riese, adesse defendi potest L. Mueller: Zur Kritik... 567 bone, generose, uve, 568 uva sit usta 569 navem; mere 570 litōra feda; faeda R et rell.; plena Mr. foeda codices omnes meliores; feta—Heinsius cor., Merkel, Mueller; foeda—Riese, Ehwald; seva—Pfaff ibid. 573 possis ita et Burmannus; posses ex Mer Merkel, L. Mueller, Riese, Ehwald. 574 sustinuisse 577 navem 581 furoris 582 tibi est 583 domineque relicte 585 iccirco; Phebi 586 Queqslevet turbos; quaeque levet R. et ita Pfaff. ibidem. 587 collcquium 588 de tenebris; adde 589 Philaden 590 amicitie 591 secrete nocuerunt silve 592 causa est; incomitaita 593 Edonio et ita R. 595 Quam; equor 596 arenesa 597 Demophon; adad-supra lineam. 598 dolentis; loquentis R. (dolentis) 599 subnubibus 600 Qua et ita R, Riese, Ehwald; „quo meliores cum primis editionibus" Heinsius, Merkel, L. Mueller. 601 misere 602 Inspectat 605 certe—r supra lineam 606 fleret, Phillida; fleret Zingerle Kl. Phil. Abh. 607 Philidis 608 Lese; lesec; 601 et 602 inverso ordine, sed vero litteris a et b additis indicato 609 quicquid me 610 suę; pene 611 Decidit et cupidos; decidit Zingerle ibid; „accidit duo. Regius—Reccidit pro Recidit" Heinsius 612 que; resumtsit; t supra lineam 614 Hecque—que pro etiam 615 lesos 619 Manet—recedis 620 oms 621 lesit 622 Occursus domine 624 habuere mel 625 Proximus et testis 626 abstinuisse i ex u factum. 627 que; solq; spaciantem 629 uiuit 630 posseg—erat 632 Que multam 633 facile est, visa taurum 634 vise; eque; 636 baleant 637 quisquis—s supra lineam; domine, tue; 639 puus pro servus 640 domine non est dicat aue 641 rogatrix 642 vetente 644 dolendo refers 645 te ulciscere 647 desisse queraris 651 solq; altior et ita R; altius Zingerle ibid.; acrior.—Riese, Ehwald; acrius M, Merkell, Mueller; „acrius bene quinque scripti" Heinsius 652 si—h; perhhenius (sic.) 655 Si—puelam 656 cuenit 657 sat ÷ odio. 658 egre; desinat 659 modo iuncti 661 sepe 662 amonitus—oberrat; oberrat Zingerle ibidem 664 seuis 667 tabelle 669 discedem; pacem 670 pete rece 671 que 673 conducit 674 que 675 pro hic—occ? 676 vincenda ÷ Pentesilea 677 Nunc omis. vivales—amice; ita Zingerle ibid. 678 irrita 681 placeats; aliene puelle 682 fac e 683 quid; precipue; obstat; quid et R. Riese, Ehwald; quod Mr., Merkel, L. Mueller; obstat—R, ita Zingerle ibid., Ehwald. 687 quis 688 eternos 690 erudire 691 opugnantur

692 equoreis 693 mauis 694 quod; tamen om. 695 ipsa—cavebis et ita Zingerle ibid. 696 causa om. 697 Quid; puelle 699 Dulichium furiali 700 rapta; tinguem. 703 parete—e supra lineam; monenti 704 faves-ceptis-salubris eris 705 Phebus; lire; pharetre. 706 Phebus 707 Amicleis-; uellus ſ nis ſ hic spatium, supra lineam scripta sunt oll; ae 708 Tirio 710 Incipiq; domine sue 711 formosa (t se) 712 collatam 714 non obestq; 715 Exiguum est 717 blande puelle 718 Constantes 719 feros pones invitus 722 flammis 724 periit t supra lineam Laodomia 725 loca sepe et ita Zingerle ibid., muta ex conj. Merkel, L. Mueller, Riese Ehwald. 727 thalalamo dormivit in illo; dormimus in illo R m' Ehwald. 728 michi; lasciuia 729 recalescit uultusque (n) 730 culpa pusilla enocet 731 sulphure; pene 733 quicquid 734 redardesq; 734 in margine scriptus 735 cupiens 737 naviga 738 que 739 Hic; Sirtes 740 Hic vomit hic potat dira caripdis aquas 741 que 742 sepe; leuare 743 poti 744 Hec; taus 745 Cōsida 746 aliter 747 nemo est; Hecaten; nulla est; que; hyron 749 paupertat 750 tanti est sit noli indulgere 753—754 Enueranz animos cithare cantusq lireque Et vox atq humeris brachia nota suis 755 assidue ficti cantantur amores 756 auctor qua iuuat arte nocet; autor—R. 759 Amoris 760 Choe 761 Sapho; amice 763 Tubulli (l) (sic) 764 tu; Cinthia 765 durus lecto 766 carmina lena (e) sonant 767 Quis 768 Emulus; Ordo versuum 767, 765, 766, 768; 770 suo solam in ras. 771 horestes 772 ceperat 773 Melae; Cretem 774 letus 775 tunc 777 abrepta 778 Plistheo—uiro; „oiro R, quod primum in viro, deinde in toro correxit m¹“ (Ehwald) 779 michi 782 insidie 783 Nam (a) se quod tactam numquam 785 domine possis—relicte 789 (Lo) tofagos; Sirenes (a) 790 remissadice (sic.) 791 quo omis. dolebat 795 ibos; medic; 797 Libicis; misus 798 Ad veniat—an veniat ex Me, Merkel 801 acuentes—v. in margine scriptus ab ipso librario. 802 deest 803 p̄cipiam; munera (e); queris 804 experiere 805 ni plurima sua (maP) (sic.) 806 Ut stupeant—more 807 Ignem u (en) tus alit vento restinguitur ignis—sic liber praebet. 810 siqua est; noset 811 fessa, deinde ae ras. et e supra scriptum; cari (n) a—sic cum ras 812 portum; michi 813 poete.

v 1—32 fol. 38ᵃ; 32—62 fol. 38ᵇ; 62—92 fol. 39ᵃ...

Г. Зоргенфрей.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(іюль и августъ 1901 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Краткій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за время управленія покойнаго министра Н. П. Боголѣпова (12 февраля 1894—14 февраля 1901 гг.).

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату и Государственному Совѣту.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Радловъ**.

(Вышла 1-го августа).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

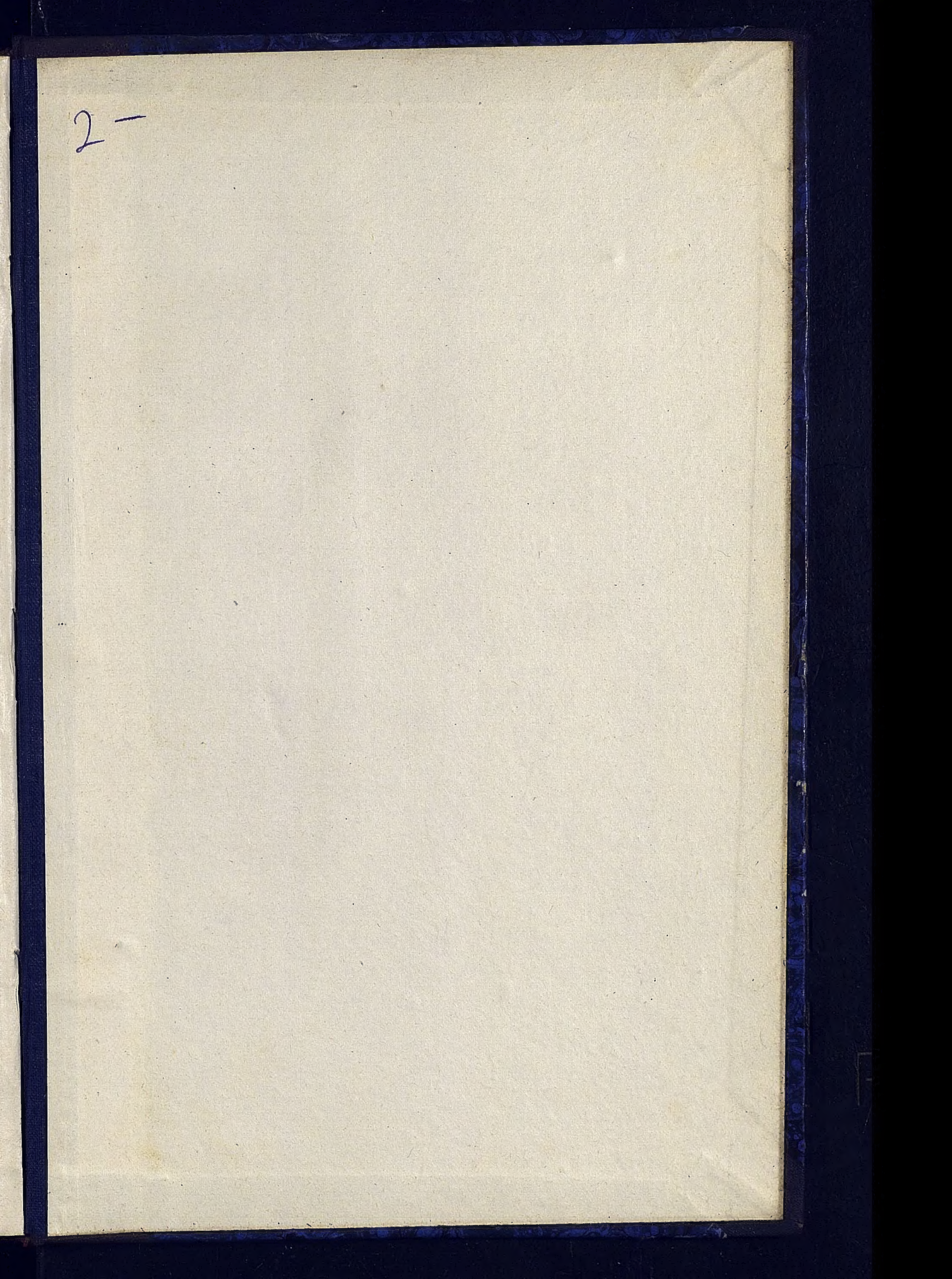
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

2 —

